РУССКОЕ СЛОВО.

VI.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.



ІЮНЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.



Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 24 іюня 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ТРИ ДОЛИ (*).

I.

Родилась я въ слободѣ, Пятигорьѣ. Можетъ, слышали, если случалось проѣзжать слободскія стороны, и навѣрное слышали, что тамъ, недалеко отъ насъ, набожная старушка вырыла пещеры въ мѣловой горѣ. Тридцать, или сорокъ лѣтъ трудилась она — неисходимыя пещеры ископала! Слухъ идетъ межъ людей, что была она женщина немощная, слабая, но духомъ сильная. Святая память осталась по ней.

Какъ выйти изъ этихъ пещеръ, да стать по солнцу, — забѣлѣютъ передъ вами все горы, да горы мѣловыя, высокія, крутыя! А межъ тѣми горами журчитъ узкая, глубокая и прозрачная рѣчка. Быстро бѣжитъ она, словно сердится, до самого поемнаго луга; а тамъ тихо и широко разливается по лугу; далѣе, какъ серебряная лента вьется подъ лѣсами; а еще дальше гдѣ-то пропадаетъ въ густыхъ, высокихъ камышахъ.

(*) Повѣсть эта была напечатана на малороссійскомъ нарѣчіи въ журналѣ «Основа». Желая обобщить ее между большинствомъ читателей и сдѣлать доступной тѣмъ, кто не знаетъ малороссійскаго языка, мы представляемъ здѣсь переводъ ея, полученный отъ автора.

Отъ Ред.

Слобода наша стоитъ надъ самымъ разливомъ, на пяти горахъ мѣловыхъ. Въ былыя, смутныя времена селились повыше, чтобъ укрыться отъ нечаяннаго набѣга врага – Татарина; сверху издалека завидишь—и уйти и схорониться успѣешь. Горы тѣ мѣстами заросли густыми садиками. Межъ бѣлыхъ хатокъ, въ зелени, смотришь, вишня въ цвѣту, какъ въ молокѣ, стоитъ, или стройный тополь шелеститъ пахучими листьями; а тамъ, надъ воротами густая, непроглядная груша раскинулась наметомъ; по берегу кусты калины, какъ руками, сплелися и потянулись вдоль; нагнулись вербы; тѣснится и лѣзетъ изъ земли густая лоза. На скатахъ, къ водѣ пышные огороды разрослись. Тамъ-то зелени всякой, тамъ-то цвѣтовъ! А тропинокъ! — и къ рѣчкѣ по воду, и къ сосѣдкѣ, и къ другой. И все это исходили, истоптали легкія ножки дѣвичьи.

Наша хата стояла на самой маковкѣ горы. Просторно и далеко вокругъ видно..... Часто вспадаютъ мнѣ на умъ молодые года: когда что̀ было и какъ было..... Выду бывало, сяду на завалинкѣ, и долго прислушиваюсь..... Вечеръ тихій; солнышко уходитъ за гору; вода, словно пламя, заблеститъ и потухнетъ понемногу. У каждой хаты шумъ и говоръ слышенъ; а тамъ тучка пыли подвигается къ селу, стадо идетъ съ поля; а тамъ, вдали, пѣсни поютъ; а за рѣчкою кузнецъ куетъ..... Вотъ уже и небо меркнетъ; темнѣетъ и затихаетъ земля; умолкаетъ все..... тихо засверкали золотыя звѣздочки; взошелъ ясный мѣсяцъ; а въ водѣ трепещутъ другія звѣзды, другой всходитъ мѣсяцъ; защебеталъ соловей..... откликнулся другой.....

Отца, матери я не запомню; еще въ пеленкахъ осталась сиротой. Принялъ меня къ себѣ и пріютилъ мой родственникъ Павелъ Булахъ. Зажиточный онъ былъ хозяинъ. Шесть паръ воловъ да два плуга пахали у него; довольно было и сѣнокосовъ своихъ и у людей бралъ. Временами хаживалъ на Донъ; не каждый годъ, а такъ, когда ему вздумается, какъ будто кто погонитъ его туда. Навезетъ, бывало, разной рыбы соленой для продажи, а то, и даромъ раздаетъ; лишь бы себѣ въ запасъ осталось. Выгода ему не велика была, а пожалуй и убытокъ; только онъ сильно любилъ хо-

дить въ дорогу. Еще отецъ его *чумаковалъ* и бывало бралъ его съ собой; онъ тогда и пристрастился къ чумачеству, и теперь отъ дому до Дону, какъ по саду у себя прогуливался. Вотъ, какъ воротится домой, да еще и веселый: «жинка! а вѣдь криница-то (*) въ степи, что подлѣ Робленыхъ могилъ, совсѣмъ засыпалась».

Жена хоть и не знаетъ, не вѣдаетъ, какая тамъ криница, а пожалѣетъ: «Жаль, скажетъ, кринички!»

— «А когда мы съ покойнымъ отцомъ хаживали, какая вода тамъ была — чистая, — какъ слеза!» Да и начнетъ разсказывать, какъ то бывало встарь и какъ теперь.

Жена у него — душа, не человѣкъ была, такая тихая, привѣтливая. Я отъ роду не слыхала отъ нея слова горькаго, да и лицо у ней такое было, что вотъ точно она изъ божьяго дома только воротилась. Ужъ сѣдинки пробивались въ головѣ, а женщина еще красивая была, величавая, какъ лебедь бѣлая. Хозяинъ хоть и добрый человѣкъ былъ, да нрава жесткаго. Онъ очень любилъ жену и дочь, но не любилъ, чтобъ ему перечели, и не говори ему и не спрашивай и не совѣтуй, когда что сказалъ. Въ хозяйствѣ-ли, въ дѣлѣ какомъ, онъ самъ себѣ судья, самъ размыслитъ и порѣшитъ, а женѣ только скажетъ, если надо. Она жъ всегда съ нимъ согласится, и не подумаетъ, чтобъ могло быть иначе; все свято, что онъ сказалъ. Бывало, какъ сведетъ онъ вмѣстѣ черныя брови, какъ сожметъ тонкія губы, да сверкнетъ глазомъ, что̀ свѣчкой, — мы съ матерью чуть дышемъ.... А Катря не боится ничего; она не въ мать уродилась — пылкая, вострая дѣвушка; трудно ей покоряться было и отцу. Какъ начнетъ бывало спрашивать, да распрашивать, да спорить съ нимъ, то не уймется, пока онъ не вскрикнетъ: «го̀ди!» (**) — такимъ голосомъ, что самый отважный человѣкъ на свѣтѣ пріумолкнетъ. Послѣ того еще долго у Катри горитъ личико, и слезы дрожатъ на глазахъ.

Катря была красавица. Какъ нарядится бывало — одна дочь у отца, ничего не жалѣли — исподница цѣльная,

---

(*) Родникъ.
(**) «Полно!»

плахта шелковая, какъ писаная; платокъ повяжетъ лёгонькой съ золотыми цвѣтами, съ золотой каймой и цвѣточекъ приберетъ къ лицу, особенный; корсетъ зеленый, какъ весенняя трава, изъ хорошаго сукна. Коса у нея была такая, что *косниковъ* не надо — только голубую ленту, или красную вплететъ, — чуть не до земли; ожерелье дорогое и на немъ дукачъ (*) съ каменьями. Башмачки на высокихъ каблучкахъ; сорочка тоненькая, мелко вышитая во всю руку.... Войдетъ, бывало, гдѣ гостей полна хата — всѣ умолкнутъ, на нее заглядятся; а она, словно маковъ цвѣтъ, улыбнется всѣмъ, какъ ягодкой подаритъ.... А какая веселая и живая была!

Родни у насъ довольно: тотъ женится, та замужъ идетъ, — межъ своими навеселишься. Одѣвается она бывало на свадьбу, или на вечерницы — такъ все въ рукахъ ея и кипитъ;— вмигъ готова. Перетянется поясомъ — тоненькая, тоненькая! И куда бъ она ни пошла; никто ее не перепляшетъ,— никто не перепоетъ ея соловьинаго голоса.

Настанетъ весенняя пора, — съ кровель закапаетъ вода, побѣгутъ ручейки съ горъ, стаетъ снѣгъ въ садикахъ, взломаетъ ледъ на рѣкѣ, солнышко грѣетъ изъ-за теплыхъ тучекъ, вѣтерокъ теплый пахнѐтъ,—дышешь, не надышешься,— Катря первая запѣла веснянку, идетъ по селу, поётъ, нашъ соловушекъ, и выкликаетъ подругъ на улицу; и всѣ ея слушаются; да кто бы и не послушался Катри? всякій готовъ ея волю выполнить; Богъ вѣсть, есть что-то такое въ этихъ людяхъ. Съ подругами она, бывало, сколько разъ на день и расхохочется и разсердится на нихъ, и снова обнимется.

Ахъ жизнь, жизнь молодая! плывешь ты по вешней водѣ!

Но вотъ и весна идетъ, — веселая, какъ праздникъ. Небо голубое, чистое; вездѣ вода блеститъ; распускаются рощи; сады убираются цвѣтами; — сколько свѣжести и запаха! Вечеромъ соловей затаится въ густомъ клёнѣ и льётъ оттуда свои звонкія пѣсни; кукушка то вторитъ свое «куку!» и «куку!», то хохочетъ беззаботно, взлетая на высокую березу; гудятъ пчелы въ воздухѣ; мелькаютъ бѣлые

(*) Большая, золотая монета.

мотыльки надъ молодой травкой, жуки снуютъ и суетятся въ воздухѣ.... Какой-то шумъ, какой-то гулъ изъ-подъ земли, съ неба и отъ воды!

Дожидаемся вечера, а вечеромъ идемъ на высокій курганъ— что̀ могилой у насъ называется. Чуть свѣтятъ острые рога̀ молодаго мѣсяца; вездѣ тихо; только мы поемъ, да гдѣ-то мельница шумитъ, да вода плещетъ въ берега тихонько...

А въ праздникъ, бывало, проснемся ранёхонько, идемъ въ церковь, словно тучка разноцвѣтная плыветъ по степи; тамъ стоимъ смирнехонько, какъ свѣчки. Воротились, обѣдали, не обѣдали, — опять всѣ вмѣстѣ снова; Катрю слышно больше всѣхъ: «Куда жъ, голубушки, на могилу пойдемъ?» — «Нѣтъ, въ лѣсъ по цвѣты!» — «А лучше въ степь, сестрицы, на козацкое раздолье!» И тамъ хорошо! Тамъ еще лучше, а тамъ еще веселѣе! Тамъ и тамъ — вездѣ весело, вездѣ хорошо! И какъ рой, дѣвушки высыпали за село; пѣсня и хохотъ несутся далеко....

Эхъ молодость—золотое времячко! Что̀ ни задумалъ, все тебѣ по силамъ, все отрадно; не то—старый человѣкъ, онъ какъ будто въ тучу вошелъ....

II.

Была у насъ сосѣдка, вдова Филипиха, — хозяйка на все село извѣстная. На хату ея посмотришь — какъ кукла; огороды полны всего; садъ длинный; сколько полей, степи сѣнокосной! тамъ и баштанъ и пасека; телята такіе красивые пасутся; — чего тамъ у нея не было! А сама, хозяюшка, дородная, высокая женщина, и какъ будто солнышкомъ прижжена, волосы какъ уголь; одѣвалась она въ красный очипокъ (*) и въ зеленую кофту. Сапоги сафьянные, красные, или желтые; широкіе, бѣлые рукава размахиваются, и расхаживаетъ она, точно богатая теща у бѣднаго-зятя.

(*) Головной уборъ.

Филипиха была давняя пріятельница нашей матери; жили онѣ межъ собой хорошо, какъ слѣдуетъ въ сосѣдствѣ и любили другъ друга.

Не долюбливалъ только нашъ отецъ вдовы за то, что она такая несговорчивая, все, какъ и онъ, по-своему любила. Не очень жаловала и вдова его: рыбакъ рыбака видѣлъ издалека.

Что бывало отецъ ни устроитъ въ хозяйствѣ, что ни придумаетъ, мать похвалится вдовѣ — вдова все осудитъ. Хоть иной разъ въ глаза прямо не скажетъ, такъ вздохнетъ тяжело и головой покачаетъ.... Совсѣмъ не по ней было, что мать такъ угождаетъ старому мужу, такъ его слушается. Придетъ, бывало, къ намъ Филипиха, — а старика дома нѣтъ, — сейчасъ начнетъ словцо, другое закидывать, — воду, какъ говорится, мутить: «мужъ» дескать, «хозяинъ въ полѣ, а жена госпожа въ домѣ; не милое житье съ тѣми мужьями, что весь домъ пляши по его дудкѣ. Это какъ хрѣнъ коренастый: гдѣ ужъ разрастется, ничего тамъ добраго не посѣешь. Не мёдъ пьется съ такими! лихое житье!»

— А какъ же не лихое, отвѣчаетъ мать вдовѣ. Сохранилъ насъ Богъ, пусть и нашихъ дѣтокъ соблюдетъ!

— «Еще бы твой-то не нравный, голубушка! Еще бы твое-то житье просторное! Куда какъ легонько живется!»

— Вотъ тебѣ разъ! За что меня дарите такимъ горемъ, что у меня отъ роду его не бывало? Да меня мужъ никогда и словомъ не обидѣлъ.

— Чтожъ, все молчитъ? Говорятъ, и палачъ неговорливъ, а голову ему ни почемъ отсѣчь. Молчитъ! — Это молчаніе камнемъ на душѣ лежитъ. Онъ у васъ ни совѣту, ни привѣту не ищетъ, обходится съ вами, какъ панъ съ крестьянами.

— Что это вы, сосѣдушка, что вы! Можетъ онъ и крутъ немножко и своенравенъ уродился, да зато онъ разумный у насъ; намъ хорошо за нимъ; спасибо ему...

— Да, ты бы бѣдняжка, кажись, и врагу своему спасибо сказала! Ужъ видно ты одна такая у Господа Бога! — Меня бы онъ такъ не обошолъ; я бы ему свое доказала. Увидѣлъ бы онъ!

— Ну полно же, полно, мое серденко, ублажаетъ ее мать,—не годится мнѣ такія рѣчи слушать...

— А я для чего говорю? Для чего, думаешь, какъ не по дружбѣ? Мнѣ-то какая тутъ бѣда! Говорю любя тебя, жалѣючи... Ты, какъ ребенокъ, своей бѣды не понимаешь; не видишь ее, и на-здоровье тебѣ!

И такъ, видите, любя и жалѣючи ее, бѣду ей же указываетъ, отъ сердца, по всей правдѣ своей. Вдовѣ казалось, что отъ горя нельзя не отбиваться руками; что хоть и не отобьешся, такъ боемъ въ волю натѣшишься. — Не то чтобъ вдова ужъ очень не любила старика нашего: какъ придетъ бывало, да его дома нѣтъ, то какъ будто ей досадно, даже очень досадно станетъ: тогда у насъ и на огородѣ не порядокъ и въ полѣ что-то плохо и зимы она ждетъ холодной, лютой... А какъ нашъ отецъ тутъ, она глядитъ бодро, все тогда ей по сердцу.

Какъ сошлись, такъ и начнутъ бывало словами одинъ другаго обходить.

— Э, говоритъ нашъ батько, э, пани сосѣдка! я бы васъ полковникомъ поставилъ. То другимъ молодицамъ сѣять макъ, да садить морковь, а вамъ, вамъ, право-слово, атамановать!

А самъ, говоря, какъ-то съ боку, лукаво на нее глядитъ, такъ что гордая вдова покраснѣетъ и гнѣвныя очи потупитъ въ землю,—собираясь съ мыслями, для отвѣта.

— Это все шутки и прибаутки, панъ-сосѣдъ; а вы мнѣ скажите какое нибудь разумное слово.

— Извините за разумное — не наша статья. Намѣсто его примите правдивое, почтенная сосѣдушка!

И снова Филипиха покраснѣетъ.

А какъ вспомнитъ бывало своего мужа покойника,—она же часто любила вспоминать его,—«вотъ былъ человѣкъ!» и вздохнетъ тяжело и очи свои быстрыя уставитъ въ одно мѣсто... «Теперь его душенька въ раю!»

— Благодаря вамъ, сосѣдушка, отзовется отецъ.

Она такъ и вспыхнетъ и кручину о покойникѣ позабудетъ.

— Мнѣ благодаря? схватится за это слово.

А отецъ мой спокойно и лукаво: «Да, говорю, что вы

ему вымолили мѣстечко въ раю.» И всегда, какъ ни сойдутся вмѣстѣ, такъ и пошли одинъ другаго колоть, кажется и, ласковыми словами. Иногда случалось, шпилька близко къ сердцу придетъ, такъ что Филипиха и не вытерпитъ, разгнѣвается и уйдетъ, поднявъ высоко гордую голову. Но это не надолго: не замедлитъ опять насъ провѣдать, и вновь также точно и споры и вспышки. Настоящей ссоры никогда не было.

У вдовы была дочка Маруся, наша подруга и ровесница намъ: добрая, тихая такая, и красотка, подъ стать Катрѣ; мы ее называли: «Зорька». Личико кругленькое, глаза свѣтлые, брови какъ черкнулъ кто нибудь тонкой линіей, ротикъ малиновой; такая статная и высокая, голосъ нѣжный:—бывало заговоритъ, такъ, кажется, и ласкаетъ тебя. И ужъ такъ тиха была, словно печалится о чемъ-то. Никогда она сильно не разгорится румянцемъ, какъ Катря наша, не вскрикнетъ, не бросится къ тебѣ, не заплачетъ громко, не станетъ танцовать до упаду, не разсердится до ссоры. Неистомленная веселостью, неизмученная горемъ— ясна она была какъ зорька.

Мы съ Катрей очень любили Марусю; какъ только свободная минута — мы прямо къ ней: здравствуй! что подѣлываешь, сестрица?—Хоть вдовы то мы и боялись немножко. Катря не робкаго десятка, да и та смутится бывало передъ темнымъ взглядомъ Филипихи.

Заходили мы къ Марусѣ и въ рабочую пору — соскучишься, чтобъ словечко наскоро перекинуть, — а тутъ и встрѣтитъ тебя сама Филипиха и станетъ передъ тобою, точно ледяная стѣна:

— А что, голубушка, должно быть у васъ конецъ работѣ?

— Нѣтъ, я только къ Марусѣ прибѣжала на минуточку, провѣдать...

— Спасибо, милая, спасибо; насъ еще пока милуетъ Господь. И такъ, будто ласково приметъ, а смотришь—выгонитъ изъ хаты, только тѣмъ, что станетъ передъ тобою и въ глаза тебѣ посмотритъ.

Филипиха была мать упрямая, непреклонная. Какъ осу-

ждала она мужей гордыхъ, своенравныхъ, такъ еще хуже, говаривала, видѣть дурную хозяйку въ семьѣ. Семью свою хозяйкѣ надо держать, какъ макъ въ горсти, а не удержишь, все разсыпется и по вѣтру пойдетъ. Она такъ и дѣлала, какъ говорила. Пошлетъ ли куда свою дочку, бывало, гулять ли пуститъ, дочка у нея не опоздаетъ, не замѣшкается. А когда наша Катря гдѣ нибудь загостится, да мать удивляется: что это дочки нѣтъ? вдова покачаетъ головой и глаза прищуритъ такъ лукаво...

Намъ съ Катрей житье было вольное: отцу некогда было за нами глядѣть — работаемъ ли мы, или гуляемъ; а мать... у матери бывало отпросимся, когда захотимъ. Опоздаемъ, то она за насъ и работы наши подѣлаетъ; только спроситъ насъ: а что весело ли погуляли? — Бывало въ досужный часъ хотѣлось бы намъ и Марусю съ собой увести, да Марусю не пускаютъ.

Мутила Филипиха у насъ въ хатѣ, а наша Катря точно также у нея...

— Житье твое, Маруся, житье! заговаривала Катря, разсердясь.

А Маруся: что жъ мое житье?

— Да что! ты не живешь, а горюешь! Тебѣ ни выйдти, ни погулять, ни пожелать ничего нельзя... Ты живешь хуже наймички!

— Да это тебѣ такъ кажется, Катря, а мнѣ, дочери...

— Разсказывай! я тебѣ повѣрю, что ты все по своей волѣ, да по охотѣ дѣлаешь ей угодное: сказки! Знаемъ мы эту охоту, да волю...

— Иногда и погрущу, а все жъ мнѣ лучше угодить ей.

— Такая угода свела бы въ гробъ меня: еще отдадутъ тебя замужъ за какого нибудь увальня стараго — вотъ увидишь! Попомни мое слово, коли не отдадутъ! Охъ Марусенька моя милая! моя любая! бѣдная твоя головушка! тихо прибавляла Катря.

— Вотъ! смѣясь, говоритъ Маруся, ты, Катря, заживо меня оплакиваешь.

А Катря и сама улыбается: такъ, такъ, говоритъ она, знай же меня, настоящую твою друженьку!

— Катря! спросила я ее, а если тебя отецъ отдастъ за того стараго увальня, какъ ты пророчишь?...

— Такъ ты думаешь, я пойду? Я никогда не пошла бы!

— А если отецъ приневолитъ?

— Меня? меня приневолитъ? вскрикнула и покраснѣла до самыхъ волосъ — я и сама батькина дочка — въ него какъ разъ!

— Ну, ну, берегись! говоримъ.

— Вы часто меня бѣдою стращаете, какъ волкомъ! Можетъ она и есть гдѣ въ бору, а можетъ и нѣтъ ея... Теперь у меня то горе, что нельзя мнѣ слова по правдѣ промолвить при отцѣ; только соберусь, хочу — всѣ мигаютъ на меня, всѣ головами трясутъ — поневолѣ языкъ прикусишь. Да когда нибудь таки я съ отцомъ потолкую, переговорю!— А мы очень боялись ея смѣлаго разговора. Ужъ какъ бывало мать свою Катрю уговариваетъ, какъ ее упрашиваетъ!

— Душа моя! не будь ты опромѣтчива, почитай отца! не оскорби ты его словомъ, или взглядомъ неосторожнымъ! Слушай его смирнехонько.

Катря и обѣщаетъ и забожится матери; а только отецъ что нибудь не по ней сдѣлаетъ: или не велитъ покупать на ярмаркѣ нарядовъ лишнихъ, или не дастъ воза поѣхать куда нибудь, Катря позабудетъ и обѣщанiе: «Я скажу отцу, мама! Я еще отца спрошу, мама!» И бѣгаетъ по хатѣ... раскраснѣвшись и со слезами на глазахъ... Мать бывало ее за руку, да поскорѣй изъ хаты уведетъ.

А она очень мать любила: для матери все стерпитъ, во всемъ послушается.

III.

Одинъ изъ нашихъ родственниковъ отдавалъ дочь замужъ. Человѣкъ богатый, свадьбу пышную справлялъ. И мы готовились на ту свадьбу втроемъ съ Марусей. — Еще задолго до свадьбы, начали забѣгать къ намъ дѣвушки, то

одна, то другая; — узнали мы все на-чистую, что много было созвано гостей, чуть не со всего свѣта; — и откуда сватовья, и съ кѣмъ понаѣдутъ.

Молодую выдавали въ другое село, отъ нашего недалеко, въ Любчики. Оттуда, разсказывали, всѣ мiромъ, нагрянутъ; тамъ будутъ и дѣвушки, и козаки и вся молодежь! — Село большое. Хотя бъ кто и не дожилъ до свадьбы, то съ кладбища придетъ, увѣряли насъ. Только и разговору было, что про ту свадьбу, что такая, и такая она будетъ, и не вѣсть какая!

А главное, слухъ прошелъ, что будетъ какой то родичъ молодаго — козакъ Чайченко; да такой, что никто и не видалъ такого молодца: ни разсказать, ни описать нельзя!

— А кто изъ васъ его видѣлъ, дѣвушки? спрашиваетъ Катря. — Алена Чугуевна видѣла, какъ изъ церкви шла; и теперь, что вспомнитъ, то вздохнетъ...

— Да и Маруся, кажется, его видѣла?

— Маруся! вскрикнула Катря; ты видѣла козака Чайченка? ну, что? каковъ? Молчишь, небось! Когда же это ты его видѣла?

— Какъ была съ матерью на свадьбѣ у кумы, въ Любчикахъ, тогда и видѣла, отвѣтила Маруся; а сама шьетъ да шьетъ...

— Ну что — и вправду хорошъ? А какiе у него глаза?

— Онъ черноволосый, смуглый.

— Разговаривалъ съ тобою? что онъ говорилъ? Привѣтливъ? вѣрно, гордый? Къ кому тамъ онъ въ Любчикахъ побольше льнетъ?

— Да Богъ съ нимъ! — перестаньте ужъ, говоритъ Маруся.

— Разскажи же, разскажи, почему не разсказать?

Окружили ее, уцѣпились и не пускаютъ.

— Что жъ мнѣ разсказывать?

— Какой тамъ Чайченко? Право, хочется знать: разговорчивъ ли, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ, не очень разговорчивъ.

— Ну, ужъ вѣрно гордый?

— Не знаю.

Распросамъ не было конца: каждой отвѣть, на всѣ стороны по словечку—и то устанешь.

Маруся, кажется, оттого и поспѣшила уйдти домой.

Ну, что будешь дѣлать съ этимъ Чайченкомъ: онъ у всѣхъ дѣвушекъ на мысли и на языкѣ. Одна провѣдала, что у него есть старушка мать, другая навѣрное узнала, что онъ хочетъ поселиться въ Любчикахъ. Даже разузнали, какую хату они тамъ себѣ съ матушкой покупаютъ; а Пинчуковна вылетѣла на улицу, какъ воробей изъ подъ крыши: «Чайченка Яковомъ зовутъ!» Да что ужъ тутъ! Провѣдано, какой и перстень на его рукѣ... Ни одна безъ вѣрныхъ вѣстей не осталась.

— Ну, ужъ смотрите, не перехвалите черезъ край, смѣется Катря подругамъ: славны бубны за горами!

— Да вотъ ужъ и свадьба недалеко; увидимъ сокола залетнаго.

— Дай вамъ Богъ! А то ужъ, право, досадно слушать: только и разговору, что про него; хоть бы уже скорѣй повидали, да затихли.

Вотъ ужъ зовутъ на дѣвичникъ, просятъ на свадьбу... Мы нарядныя, въ цвѣтахъ, бѣжимъ, смѣемся. Маруся одна что-то задумчива.

Мы же съ Катрей шутимъ, все таки объ этомъ Чайченкѣ толкуемъ, что можетъ онъ такой, что однимъ взглядомъ дѣвушекъ побиваетъ.

— Отчего жъ Маруся наша такъ задумалась? Маруся! да каковъ же Чайченко? Скажи, чтобъ намъ узнать его сразу, говоритъ Катря. Ты точно для себя одной его бережешь.

— Да что жъ сказать мнѣ?

— Да каковъ тотъ славный Чайченко?

— Молодой, черноволосый.

— Только и всего? смѣется ей Катря; ну мало ли на бѣломъ свѣтѣ молодыхъ, черноволосыхъ! Какъ же его межъ ними признать? Какъ на бѣду всѣ любчевскіе молодые люди черноволосые. Да можетъ у него во лбу мѣсяцъ, а на затылкѣ звѣзда?

Подходимъ; людей, людей! и на улицѣ и вокругъ хаты—не гдѣ иголки воткнуть. Кое-какъ мы пробрались, во-

шли въ избу. Тутъ все наши дѣвушки;—здороваемся, другъ дружку распрашиваемъ... Съ молодой словечко перемолвили, пожелали ей всего, всего на свѣтѣ. Стариковъ хозяевъ попривѣтствовали. А тутъ заиграла музыка; дѣвушекъ, словно цвѣтовъ, былъ полонъ дворъ. Вокругъ паробки стояли какъ стѣна. И сколько ихъ тамъ было,—однихъ стороннихъ, чужихъ! куда, не обернешься, все на тебя незнакомые глаза блестятъ!

Гдѣ же тотъ Чайченко? думаю. Гдѣ тотъ невиданный, неслыханный? Да и гляжу изподтишка кругомъ, не узнаю ли я его межъ другими?

Боже мой! прошептала точно испуганная Катря, подлѣ меня. Оглядываюсь—она стоитъ; вотъ словно какъ бы шелъ человѣкъ, не думавъ, не гадавъ ничего, да вдругъ надъ пропастью очутился. Такъ она стояла, такъ глядѣла и, кажется, бѣдненькая, не видѣла вокругъ свѣта божьяго! Я себѣ посмотрѣла въ ту сторону. Между молодыми людьми, какъ кленъ межъ осинникомъ, стоялъ высокій, статный, чернобровый козакъ, въ темной свиткѣ, краснымъ поясомъ перетянутый. Заглядѣлась и я на него! Опомнившись немножко, спрашиваю: Не знаешь ли, Катря, кто это такой?

— Богъ его знаетъ!

— Не Чайченко ли?

— Нѣтъ.... а можетъ.... не знаю....

Я къ Марусѣ. Она задумалась, смотритъ въ землю.

— Маруся! кто это вонъ тамъ стоитъ? Чайченко?

— Да, онъ, говоритъ.

Ну, вправду орелъ, вотъ молодецъ! Маруся только взглянула въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ.

— Или тебѣ не нравится? спрашиваю я.

— Хорошъ, промолвила она Марусѣ тихо.

— А Катря, кажись, совсѣмъ заколдована: хоть въ могилу зарывай.

Маруся взглянула на меня строго, и рѣзко, точно старая ворожея, вымолвила: «ты любовью не шути!»

— Да посмотри же, шепчу ей, какая она стала, будто сама не своя. Взяла ее за руку и наклонила къ Катрѣ.

Катря! зову ее, а она какъ сожметъ меня за руку:

«идетъ, идетъ! прямо къ намъ!» шепчетъ мнѣ, а сама какъ рыбка въ сѣти, не знаетъ куда дѣться. Чайченко остановился противъ Катри и пригласилъ ее танцовать. И она — эта смѣлая, огонь-дѣвушка, какъ въ испугѣ, поблѣднѣла, не выступаетъ своей ловкой поступью, а какъ осужденная идетъ за нимъ.

— Маруся! замѣчаешь? говорю я, а Маруся только въ слѣдъ имъ смотритъ своимъ тихимъ и задумчивымъ взглядомъ.

Едва оставилъ Чайченко Катрю, всѣ дѣвушки такъ и прильнули къ ней: а что! шепчутъ онѣ, знаешь ли съ кѣмъ ты танцовала? Это Чайченко! Яковъ Чайченко! Что жъ молчишь? Не по нраву что ли? Или сильно понравился?

— Да я порядкомъ и не разглядѣла, отвѣчаетъ Катря, оглядываясь кругомъ, точно въ дикой пущѣ очутилась. Иныя простушки и повѣрили ей: «Да смотри же хорошенько, такого красавца еще и на свѣтѣ нѣтъ!» А другія изъ-подъ бровей на Катрю посматривали.

А свадьба, какъ рѣчка весной, разгулялась: танцы, припѣвы, музыка, бубны, поздравленія, говоръ людской — столбомъ въ небо идутъ! Чайченко со всѣми танцовалъ. Бралъ и меня и Марусю: какая попадется ему на глаза, ту онъ и беретъ.

— Онъ насъ ни во что ставитъ, обижались иныя дѣвушки—беретъ танцовать и въ очи не взглянетъ!

— Да онъ еще не оглядѣлся! за что нападать на него! заступились другія.

Межъ танцами зашла рѣчь у молодежи: хорошо ли на богатой жениться? «Хорошо, если взять любую да милую.» отозвался Чайченко. —«Отчего тебѣ и не взять!» отвѣтилъ ему Грицько Лепехъ, о которомъ шла молва, что онъ тайно любилъ теперешнюю молодую,—«тебя обидой не опозорятъ,— ты самъ богатъ.»

— «Богатъ на заплаты, на частыя слезы!» промолвилъ пѣснею Чайченко, улыбаясь.

Заиграла музыка, снова танцы, разгулъ; Чайченко танцуетъ больше всѣхъ. Правду ли онъ сказалъ, или только пошутилъ—кто его пойметъ?

Мы всѣ переглянулись. Много дѣвушекъ примолкло и призадумалось.

Заря уже загоралась, когда мы возвращались домой. Маруся и Катря ни слова не проронили. Я заговорю: нѣтъ! да!—отвѣтитъ Маруся. Ну, у нея всегда мысли бродятъ гдѣ-то въ тучахъ, а Катря такъ и совсѣмъ не даетъ отвѣта. То вдругъ быстро пойдетъ, опередитъ насъ, то отстанетъ и задумается... Тутъ догнали насъ паробки и Чайченко между ними. Поклонились намъ, доброй ночи пожелали, и Чайченко сказалъ: «доброй ночи!» Какой у него голосъ дивный! и распознаешь его и услышишь всюду, хоть бы при колокольномъ звонѣ. Катря едва слышно отвѣтила имъ. Гдѣ же, бѣдная, твои шутки, твоя рѣзвость?.. Страшно, право, что сталось съ дѣвушкой!

Воротились мы домой. Катря была печальна и взволнована. Тревожится, поглядываетъ на нее мать: «здорова ли ты, дочка моя?»

— Здорова, говоритъ, мáма.

IV.

Черезъ недѣлю послѣ той свадьбы были у насъ молодые, просили насъ къ себѣ въ Любчики, мы и поѣхали всей семьей. Поѣхала и Филипиха съ Марусей. Катря еще съ вечера приготовила свой нарядъ; проснулась до свѣта; да и спала-ли она? не знаю; скорѣй—нѣтъ. А мнѣ все такіе чудные сны снились въ ту ночь! Видѣла я, будто выходимъ мы съ Катрею и Марусею на какую-то большую дорогу, что по степямъ далеко тянется; а на степяхъ и по дорогѣ стоятъ, красуются все Чайченки; какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга; Катря меня будитъ;—я ей разсказываю. Какъ же она встревожилась, выслушавъ меня! «А что это значитъ? Какъ ты думаешь»? приставала она ко мнѣ.

— «Это вѣдь воскресный сонъ: если до обѣда не оправдается, то и ждать нечего».

— «Боже мой! Боже мой! какой страшный сонъ»; повторяетъ она. «Что же будетъ»?

Заря занялась, и день забѣлѣлъ. Сидимъ мы съ ней у окошечка. Она долго расчесывала и ладненько заплетала свои волосы, мягкіе, густые и длинные. То ярко зарумянится ея личико, и глаза какъ огонь заблестятъ, то снова поблѣднѣетъ она, какъ мѣлъ. Развсвѣло. Вошли мать и отецъ въ нашу свѣтлицу; они думали, что мы спимъ еще. Начали сбираться. Рано выѣхали. «Катря», спрашиваю, «увидимъ-ли мы тамъ Чайченка»?

— «Не знаю», отвѣтила она и отвернулась.

— «А хотѣла-бы увидѣть»?

Не слышитъ.

— «Катря»! повторяю, «желала-бы его увидѣть»?

Она какъ будто хотѣла усмѣхнуться, да не усмѣхнулась, а разсердилась. «Опостылѣли мнѣ шутки», проговорила она.

Во всю дорогу, о чемъ ни заведу рѣчь,—не вяжется разговоръ: она то хвалитъ что-нибудь ужъ черезчуръ, то коритъ безъ милости; все у ней выходитъ или слишкомъ хорошо, или совсѣмъ дурно. Вотъ пріѣхали мы и въ Любчики; у молодыхъ съѣхалась еще только одна родня, и пріятели близкіе;—въ хатѣ было просторно. Перваго увидали мы Чайченка. Сидѣлъ онъ противъ самыхъ дверей. Старые люди гуторили; мы трое съ Марусей, поклонившись, сѣли въ сторонѣ. Тихонько пересказала я Марусѣ свой сонъ. «Не чудо-ли»? спрашиваю. «У Бога все чудеса»! отвѣтила она и задумалась.

Между родственниками молодаго сидѣла старушка, въ темномъ платкѣ и въ черной кофтѣ,—беленькая, чистенькая, небольшаго росту; говорила она приличныя, веселыя рѣчи, а взглядъ ея былъ грустный. Она часто посматривала на Чайченка, а потомъ, невзначай будто, на насъ. Сама рѣдко начинала разговоръ, какъ старушки любятъ; а если кто обращался къ ней,—она такъ ласково, съ такимъ участіемъ отвѣчала, точно приголубить хотѣла. Слышимъ—кто-то сказалъ, съ боку,—то Чайченкова мать. Вотъ наступила и обѣденная пора. «Что-то мой сонъ?—такъ себѣ, какъ туманъ расходится»!

Потомъ, люди со всѣхъ сторонъ, словно пчелы въ улей, стали собираться къ этой хатѣ. Слышенъ смѣхъ, говоръ дѣвушекъ, еще на другой улицѣ; а подойдутъ, — и присмирѣютъ.

А что, панове, пора и за музыку! говоритъ хозяинъ, повеселите мой убогій уголокъ. Прошу, добрые молодцы, и вы, красавицы, пріударить! чтобъ было чѣмъ вспоминать молодые года! Уже долго танцовали; а Чайченко все сидѣлъ, да смотрѣлъ на окружающихъ. Но вотъ мать его подошла къ нему и, наклонивъ къ себѣ его кудрявую голову, что-то прошептала ему... Послѣ того онъ всталъ и пошелъ танцовать. Взялъ прежде Катрю, потомъ Марусю, потомъ меня, а потомъ и другихъ дѣвушекъ—всѣхъ въ подрядъ.

Мнѣ случилось какъ-то сидѣть подлѣ него. «Можетъ заговоритъ»? думаю. Погляжу на него: «гдѣ ужъ такому заговорить со мной»!

— «Какъ много здѣсь гостей», начала я сама разговоръ. Онъ оглянулся на меня, потомъ поглядѣлъ по хатѣ; «да», очень много», отвѣтилъ онъ.

— «Хорошее село Любчики! веселое! Вы еще недавно тутъ»?

— Недавно.

Мнѣ хотѣлось уже спросить, останутся-ли они жить здѣсь. «Здѣсь люди все добрые, привѣтливые, говорю я; вы вѣрно съ ними не разстанетесь»?

— «Да, говоритъ онъ, мы сюда на житье переходимъ; поселимся здѣсь, припишемся къ любчевскимъ».

У меня даже въ глазахъ просвѣтлѣло, когда я услышала отвѣтъ его!

— Здѣсь будетъ пріятно вамъ жить!

— Богъ знаетъ: гдѣ ни жить, такъ жить, прибавилъ онъ.

Пріѣхали мы домой. Катря все смутная ходитъ, какъ птичка, съ опущенными крылышками. Мать снова глядитъ на нее пристально.

— Не больна ли ты? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, ма́ма, я здорова.

Прошло мѣсяца два. Мы частенько ходили полемъ въ любчевскую церковь; а послѣ обѣдни заходили къ род-

ственникамъ; они просили насъ хлѣбъ—соль раздѣлить вмѣстѣ. Послѣ обѣда не вдругъ же бѣжать домой, какъ—будто мы только и приходили затѣмъ, чтобъ поѣсть да попить. Сидимъ и разговариваемъ. Чайченко бывало придетъ по своему дѣлу, съ нами поздравствуется. Они купили въ Любчикахъ хату и звали нашу семью и Филипиху съ Марусей на освященіе. Было много и другихъ гостей. Дѣвушки пѣли подъ вечеръ; заставили и нашу Катрю—не отговорилась она—знали вездѣ ея голосокъ! Чайченко у себя дома казался веселѣй, говорилъ со всѣми, потчивалъ безпрестанно.—«У кого въ рукахъ, у того и въ устахъ», отвѣчали ему—и онъ весело выпивалъ чарку. А мать ему: «сынку! а съ того уголка заходилъ? — а вонъ тѣхъ старичковъ не обнесъ?» Насъ старушка долго не пускала: «да вы рѣдкіе гости; да когда еще мы увидимся?» Возвращались мы поздно домой; онъ насъ проводилъ за свою леваду; идетъ близко Катри и говоритъ тихо: «освятили хату, да еслибъ въ хату такую пташечку, чтобъ походила на васъ: чтобъ и пѣла и глядѣла такъ!»—Катрю какъ огнемъ обдало; вспыхнула она и на глазахъ блеснули слезы. Никто этихъ тихихъ словъ не слыхалъ, кромѣ Катри и меня. Я отдалилась отъ нихъ, шепнула Маруси объ этомъ; мы не таились межъ собой ни въ чемъ.

— Ты вѣрно не разслышала, говоритъ Маруся,—али хорошо слышала?

Приходимъ домой. Катря, какъ кошечка, въ три прыжка очутилась въ своей свѣтелкѣ, а я на дворѣ замѣшкалась—гуси были за дворомъ—я вогнала. Подхожу—дверь растворена, она сидитъ, не раздѣвается, въ рукѣ зеркальце, а слезы такъ и блестятъ, падаютъ на сорочку. Услышала меня — спрятала зеркальце, отвернулась.

— Богъ же съ тобой, думаю, когда я не стою правды отъ тебя услышать, какъ всегда слышала. И все она сама съ собой, съ своими мыслями. Иногда ни съ того, ни съ другаго—веселая, поетъ, радуется. А въ другой разъ, глядитъ какъ каменная, не шевельнется, сидитъ, держитъ иглу въ рукахъ, а на глазахъ слезы.

Понравилось ей въ лѣсъ ходить. Каждый день бывало хо-

дитъ. Возлѣ насъ, за рѣчкой лѣсъ густой, темныя пущи: она все туда. Я со скуки къ Марусѣ, а Маруся тоже, Богъ ее знаетъ, стала еще тише, нежели была. Все только шьетъ да вышиваетъ, и тоже все въ какихъ-то мысляхъ... Скучно стало на свѣтѣ жить... То, бывало, насъ три вмѣстѣ неразлучныя, веселыя, не наговоримся; а то разошлись что̀ кукушки въ лѣсѣ...

Въ одно воскресенье было очень скучно мнѣ. Катри нѣтъ дома, я и пошла къ Марусѣ. Прихожу — она въ хатѣ одна. Старой Филипихи не было дома.

— Здравствуй, моя зоречка туманная, говорю ей, отчего ты одна дома?

— Да мать въ гости ушла.

— А ты никуда? все дома. Ужъ не болитъ ли и у тебя головка, какъ у нашей Катри? говорю. У дѣвушекъ когда сердце заболитъ, тотчасъ свернетъ на голову.

— Мнѣ таки нездоровится, промолвила Маруся.

Я приглядѣвшись хорошенько къ ней, вскрикнула даже,— такъ она похудѣла, поблѣднѣла.

— Что это ты, сестрица, говорю ей, измѣнилась, это ни на что не похоже! Отчего у тебя такіе печальные глазки?

— Можетъ оттого, что нездоровится, отвѣчала. А что Катря дѣлаетъ?

— Да Катри давно дома нѣтъ. Должно быть по лѣсу сама мается; взяла же привычку! Ужъ и мать замѣчаетъ, ужъ спрашивала Катрю и меня на исповѣдь брала. А что я скажу? Отецъ поглядываетъ часто на нее, ну, какъ онъ спроситъ!

Разсказываю я долго, передаю свое горе Марусѣ, а она сидитъ со мною рядышкомъ и слушаетъ, а сама словца не проронитъ, какъ будто оно у ней дорого. Господи мой! думаю, что это за бѣда на всѣхъ нашла? Откуда она? Съ чего ей быть? Въ монастырѣ больше бы разговорился, чѣмъ съ своими подругами.

— Нѣтъ, душечка, какъ бы и твоя головка не отъ сердечушка болѣла! Съ тобой, право, тоска беретъ, какъ и съ Катрей.

Только это выговорила, какъ видимъ бѣгомъ бѣжитъ

Катря. Вбѣжала, обняла Марусю и поцѣловала: «здравствуй мое серденько!» обняла и меня и сѣла возлѣ насъ.

— Ты изъ дому, Катря?

— Нѣтъ, я гуляла и прямо сюда зашла.

— Ну, прощай же, Маруся, говорю, доброй ночи тебѣ— пора домой; тамъ матери помочь нужно—убрать хозяйство. А ты не пойдешь, Катря? Ужъ скоро спать будутъ ложиться.

— Химочка, голубушка! Маруся, радость моя! Охъ, я не могу спать! Я люблю, люблю... Чайченка!

— Да развѣ мы не знаемъ! весело ей отвѣчаю. Экая новость намъ!

А Маруся такъ важно ее и спросила:

— Въ самомъ ли дѣлѣ полюбила?

— Зачѣмъ ты меня такъ спрашаваешь, Маруся? Я его люблю!

— Да вѣрно ли? крѣпко ли? Навсегда ли? подумай!

— Боже мой, Боже мой! вскрикнула Катря. Какъ я его увидѣла, такъ полюбила навсегда! Я съ той свадьбы несчастной пропадаю; только ты не замѣчала.

— Нѣтъ, говоритъ Маруся, я замѣчала, да думала это такъ, думала, забудешь...

— Забуду, забуду, когда глаза закрою навѣки!

— Ну, дай тебѣ Богъ это счастье! промолвила Маруся.

— Ты достойна его, говорю я.

Катря бросилась насъ обнимать, а слезы такія горячія упали мнѣ на шею.

— Ахъ, стала раздумывать Катря, любитъ ли онъ меня, хоть сотую часть какъ я его люблю? Можетъ насмѣется? Какъ вы думаете, сестрицы родныя, будетъ ли онъ меня любить?

— Тебѣ лучше, милая, знать. Ты говоришь, не насмѣется ль онъ? спрашиваю я. Значитъ ты слыхала что̀ отъ него, видала гдѣ-то его? Ты будто вновь на свѣтъ народилась. Признайся же и намъ о своемъ счастіи.

— Ахъ, видала! говоритъ она. Я была въ лѣсу, пошла и пошла очень далеко, туда подъ любчиковскія левады. Шла— себѣ, вдругъ слышу: здравствуйте! Глянула—онъ!—не вѣрю

глазамъ... Не моя ли это дума стала передо мною? Онъ что-то говоритъ мнѣ, а я ничего сразу въ толкъ не возьму; только этотъ голосъ такъ пріятно и страшно мнѣ слушать...

— Чтожъ онъ тебѣ говорилъ?

— Кажется спрашивалъ, отчего зашла я такъ далеко... отчего не весела?...

— Чтожъ ты ему сказала? все спрашиваю я, а Маруся смотритъ на нее пристально...

— Гуляю, говорю ему, я весела... Спрашивалъ, скоро ли мы будемъ въ Любчикахъ?... говорилъ еще что-то,—да что въ Красномъ церковь сгорѣла; что онъ былъ на ярмаркѣ, вотъ когда мы въ Любчики ходили въ церковь, а его не было. Говорилъ, что скучно жить на свѣтѣ... и проводилъ меня до самаго нашего забора... шелъ рядышкомъ со мной... Ахъ, спасибо тебѣ, вечеръ темный, и тебѣ, доля моя счастливая!

— Вотъ еще надо готовиться къ новой свадьбѣ въ Любчики. Тамъ немножко пріударимъ, Маруся!

— Еще не знаю, отвѣчаетъ Маруся, какъ матери угодно.

— Да какъ захочешь, такъ отпросишься. Ужъ какъ ей отказать въ этомъ.

— Можетъ-быть отпуститъ, отвѣчаетъ Маруся.

— Ты чего-то не весела, Маруся; пожалуйста будемъ на свадьбѣ—развеселимся, ударимъ лихомъ о землю, говоритъ Катря.

— Право, ты очень скучна, говорю я.

— Голубка моя, говоритъ Маруся мнѣ, я не скучна, а еслибы и была печаль на сердцѣ, такъ люди не разгонятъ!...

— Только тотъ разгонитъ, кого любишь, только тотъ утѣшитъ и развеселитъ, отозвалась Катря.

— Полюби кого-нибудь, Маруся, говорю въ шутку.

Она ничего не отвѣтила, посмотрѣла въ это время въ окно.

— Счастлива будешь, сказала Катря.

— А полюбишь-ли, Маруся?

— Не шути! отвѣтила она тихо.

Услышали мы голосъ Филипихи. Простились и пошли съ Катрею домой. Какая она ласковая въ этотъ вечеръ была! Я такую еще отъ роду ее не видала.

V.

Катря ходила въ Любчики къ роднѣ, будто бы заполочи занять. Воротилась домой — лица на ней нѣтъ; такъ что отецъ, взглянувши на нее, спросилъ, гдѣ она была? и зачѣмъ? Если ты такая швея искусная, такъ старайся, чтобъ не занимать по чужимъ селамъ. Кажись найдется на что заполочи купить. Послѣ этихъ словъ отецъ вышелъ изъ хаты, закуривши трубку.

— Что съ тобою, дочка моя? тревожится, допрашиваетъ мать, что ты вошла въ хату бѣлая, какъ бѣлочекъ... Что съ тобою, дитя мое родное?

— Ничего, мàма, ничего.

— Гдѣ ужъ тамъ ничего! Сокрушаешь ты меня, дочка!

Пришла Филипиха съ Марусею. Мать съ старухою завели разговоръ, а мы дѣвушки поскорѣе въ садъ.

— Что же, Катря? спрашиваю.

— Сегодня вечеромъ онъ будетъ, придетъ ко мнѣ.

— Какъ же тебѣ выйдти къ нему? Отецъ какъ разъ дознается.

— Такъ что жъ? мнѣ не выйдти? Я не выйду къ нему? Пусть слышитъ отецъ, пусть знаетъ мать, я къ нему пойду.

— Ну, если отецъ услышитъ, то впрямь не пуститъ, говорю; что жъ ты сдѣлаешь, надо будетъ остаться.

— Я не останусь! я пойду!... чего ты на меня напала, недобрая?

— Я тебя остерегаю, сестрица; гдѣ же я нападаю на тебя?

— Не надо меня стеречь; не нужны мнѣ совѣтники! Я

вижу, что ты мнѣ не прямая подруга; ты мнѣ помочь не хочешь — я и сама все сдѣлаю!

— Рано ты разгнѣвалась на меня, сестрица, я и въ совѣтѣ, я и въ помощи равно тебѣ подругою стану, что̀ бы со мной ни было, если такъ ужъ тому надо быть.

Тогда она меня давай цѣловать, обнимать, ласкать и пригалубливать.

Начали мы уговариваться, какъ отворить дверь и какъ ей выйдти.

— Правда, Маруся, мы ловко придумали? спрашиваетъ Катря.

— Правда, отозвалась я, сидя тихо, глядя въ землю, какъ на могилкѣ. Катря разсказала тутъ, какъ она въ Любчикахъ была.

— Его мать сама меня кликнула, когда я шла по улицѣ мимо ихъ; такая ласковая, распрашивала — не сватаетъ ли кто меня?... И онъ все поодаль стоитъ, не подходитъ, такъ мнѣ горько стало! Я говорю, что въ эту осень замужъ пойду. Какъ я сказала, она даже вскрикнула: неужто!

— Чему вы дивитесь, матушка? спросилъ онъ, подходя къ намъ.

— Да вотъ она, душка моя, говоритъ, что осенью замужъ идетъ!

Я прощаюсь съ нею — она вздохнула тяжело и говоритъ: «хорошее, да не наше». Я вышла — слезы меня душатъ, готова была вернуться, сказать, что я соврала. Иду, ноги не слушаются, все тише и тише... остановилась—погляжу хоть на ихъ хату! Вижу, онъ выходитъ изъ воротъ... Я скорѣе своею дорогой, а что-то за плечи будто взяло, гнететъ къ землѣ, подкашиваетъ ноги... Слышу близко его шаги, ничего не вижу передъ собою, какъ будто на сердцѣ моемъ кто ступаетъ... Поравнялся: «Такъ поздравлять васъ съ нынѣшнею осенью?» Голубушки мои! если я сама помню, какъ я ему во всемъ призналась, что я его одного люблю на всемъ свѣтѣ... то умри я. Долго говорить нельзя было: все знакомые люди проходили по улицѣ; онъ сказалъ, что ко мнѣ придетъ вечеромъ дослушать меня.

Какъ только наши уснули, я выпустила Катрю изъ хаты, а сама сѣла, чтобъ сонъ не клонилъ, да мнѣ и не хотѣлось спать. Что такое? нѣтъ, да нѣтъ ея.

Какъ она мешкаетъ! думаю: хорошо ей тамъ, такъ она и забыла про меня; а каково мнѣ тутъ ждать? каждую минуту бояться, что дознаются и, пожалуй, сгонятъ меня со двора... Такіе-то люди на свѣтѣ! Пришло на мысль все сиротство мое, что не помню я голоса своей матушки, нѣжнаго взгляда отца, какъ другіе слышатъ и видятъ по всякъ часъ, что живу я въ чужой семьѣ, изъ милости: угождаю я—хорошо, а что не такъ, скажутъ: поди прочь. А свои дѣти и не угождаютъ и не слушаютъ, а ихъ любятъ, какъ душу, нѣжатъ, голубятъ ихъ... и теперь я лила слезы горькія; до чего мнѣ прежде и нужды не было,—теперь захотѣлось того, на что то надо стало...

Утираю слезы, подняла голову — какъ все грустно смотритъ на меня, въ окно ужъ разсвѣтъ синѣетъ.

Осмотрѣлась, да и самой мнѣ чудно стало, чего это я и по чемъ такъ сильно затужила? Развѣ я не знала Катри? Развѣ не знала, что она до свѣту замѣшкаетъ — да и кто бы, любя, спѣшилъ со свиданія! И развѣ я сегодня только осиротѣла? Или вотъ сейчасъ бѣдна стала? Все это было горе старое, бѣда давняя, неисправимая! Усмѣхнулась я сама надъ собой, да и вышла навстрѣчу Катрѣ за ворота. За воротами еще долгонько ждала, пока она прибѣжала веселая, румяная такая, хорошенькая.

— А что, насмотрѣлась? наговорилась?

— Все я ему сказала, все... Какъ же я люблю его, сестрица моя! Господи! какой онъ хорошій!

— А онъ что говорилъ?

— Еще спрашиваетъ, очень ли я люблю его... Онъ придетъ завтра.

Съ того времени стали они каждый вечеръ видѣться.

Бывало иногда и я, провожая Катрю, увижу его въ темнотѣ—стоитъ какъ яворъ! Въ воскресенье или въ праздникъ какой пойдемъ бывало вдвоемъ, будто погулять, въ тихое утро,—а тутъ и онъ навстрѣчу, и какой-то грустный.

— Я и спросила однажды Катрю: вы съ нимъ никогда не ссоритесь?

— А Катря: Богъ съ тобой! перекрестись! Да какъ съ нимъ ссориться?

— Отчего же онъ все будто не веселъ?

— Такой всегда, сказала она, и задумалась... Ты грустенъ? спрашиваю его, отчего, милый, ты грустенъ? А онъ мнѣ: «На свѣтѣ больше печали, чѣмъ радости! Знай, мое сердце!»

— Да когда я знаю, что ты меня любишь, я забыла, что печаль живетъ на свѣтѣ.

— Это, говоритъ, Богъ такъ даетъ только дѣвушкамъ, да пѣвчимъ пташкамъ. Такой онъ, сестрица! И говоритъ и ласкаетъ грустно, а за то мнѣ онъ еще любимѣй, еще милѣй.

Не знаю, какъ мать примѣтила наше дѣло и ну допрашивать Катрю,—она и призналась во всемъ своей доброй мамѣ. А мать покачала головой.

— Пришла и твоя пора, дочка! Смотри жъ, Катря, это на весь вѣкъ! Гляди, кого выбираешь. А разглядишь—пусть тебя Матерь Божiя благословитъ и поможетъ тебѣ.

Отецъ никогда ничего не спрашивалъ. Догадывался ли онъ, нѣтъ-ли, сказала-ли ему мать?—мы того не знали. Раза два утромъ, онъ какъ-то пристально на насъ поглядывалъ. А даромъ онъ бывало не глянетъ лишнiй разъ. Часто Катря разговорится, сидя со мной,—какая у нея свадьба будетъ; какъ я въ гости приду къ ней съ Марусею; а войдетъ въ хату отецъ, мы и всполошимся: одна вскочитъ, другая ищетъ чего-то за печкою. Отецъ сядетъ, опершись локтями на колѣни, нагнетъ голову и глядитъ на полъ, мы и не смотримъ, а знаемъ, что глядитъ еще: «а въ какомъ углу пожаръ въ хатѣ? скажетъ онъ: — дескать вижу вашу суету, не скроетесь отъ меня.

Мы такъ и окаменѣемъ. Начнемъ про хозяйство говорить матери, что вотъ за то или за то надо бы приняться сейчасъ, чтобы не ушло. Мы ужъ тутъ такъ горячо и дружно, за ту работу примемся что Боже нашъ! Чего бы, кажись, бояться? Мы были увѣрены, что онъ приметъ ласково сватовъ Чайченка;—Чайченко богатъ и молодъ, да если еще и дочери

любъ? Чайченко съ людьми хорошо живетъ — нечего тутъ опасаться? А все-таки страшно, какъ глянетъ на насъ какъ-то неласково. Хотя-бъ что сказалъ! Нѣтъ!—А мать-то для дочки втихомолку старается. Вижу, гдѣ встрѣтятся съ Чайчихою, садятся рядышкомъ и разговариваютъ уста съ устами близехонько, душевно. А прощаются, такъ ужъ, такъ обнимаются крѣпко. Придетъ-ли къ намъ Чайчиха во вторникъ, ужъ въ среду мать къ Чайчихѣ идетъ. Чайчиха опять не замедлитъ провѣдать насъ, матушка не останется въ долгу; лишь праздникъ какой, ужъ и здравствуются наши старушки и цѣлуются. Катря призналась намъ съ Марусею, что Яковъ будетъ ее сватать осенью. Мать съ Филипихой совѣтуется; разсказала ей все, что дочка по нраву пришлась Чайченко, что это хорошіе люди, съ ними жить не нажиться! Дай Боже счастья! говоритъ Филипиха.

Охъ голубка моя! я не знаю еще какъ мужъ согласится! Кажись, нечего-бы ему и не соглашаться? Женихъ такой, что хоть кому подъ пару; а все я за старика боюсь—онъ свое знаетъ.

— А ты не мать что-ли своей дочери? Ужъ ты, право, сердце мое, баба настоящая. Начни онъ прихотничать, такъ ты и руки опустишь, пускай, дескать, гинетъ счастье моего дитяти, лишь-бы старый мой успокоился!—Какъ услышала вдова, что мать отца боится за сватанье, она бодро взялась помогать: «что изъ того, что ты головою раскачиваешь? Доброе дѣло, говоришь, доводи же его до конца!» Да и отдохнуть не даетъ, подговариваетъ: «скорѣй! Берись за стараго!» Бывало, странно, даже за рукава трясетъ, чтобъ скорѣй.

Начала мать подходить такъ и сякъ къ старику, начала про Чайчиху рѣчь вести, что хорошую знакомую себѣ нажила; хвалитъ ее, да кстати и молодаго ея сына: «Что это за паробокъ хорошій, работникъ какой, на все удалый! Это матери не то что сынъ, а милость Божія»!

— Я не знаю, каковъ онъ въ работѣ, говоритъ отецъ, а что въ танцахъ такъ искусенъ: вертитъ дѣвушками, какъ мухами.

— А чтожъ, мой серденько, если веселаго нрава, то весело съ нимъ и жить будетъ, кому Господь судитъ. Самъ не будетъ печалиться и женѣ не дастъ.

— Не всякую печаль танцоръ разтанцуетъ — отвѣтилъ отецъ.

— А что? спросила Филипиха, говорила своему упористому?

— Говорила, да не разберешь его, другъ мой, такими обинякaми отвѣтитъ.

— Ужъ ты, право, какъ овца. Я-бъ ему показала, что я жена, а не работница его... Вотъ мать.

Въ другой разъ опять подбирается хвалить Чайченка: и сякой и такой, красивый и умница. Отецъ пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Что это ты расхваливаешь его, точно зятя?

— Когда Божія воля, да твое согласіе, мой другъ, отвѣтила ему мать тихо и убѣдительно, — я бы желала. Мы съ Катрею сидимъ не дохнемъ. Старикъ поглядѣлъ на жену, взглянулъ и на дочь.

— Не ищи дочери пары, старуха, сказалъ онъ, я уже самъ ей нашелъ, повремените до осени.

Мать глядь на дочку, а она точно мертвая. Всплеснула руками.

— За кого же ты отдать ее хочешь?

— Это ужъ мнѣ знать. Да и вышелъ изъ хаты.

— Полно, дочка! полно, дитя мое! уговариваетъ мать Катрю; не печаль своего сердца, пташечка моя милая! полно! Я для тебя на все пойду,—я еще поклонюсь отцу твоему, я буду его за тебя просить.

— Идите же, мать моя родная, просите сейчасъ! Идите же, моя святая, идите!

— Нельзя же такъ, дитя, хуже будетъ—погоди немножко!

— Ахъ мáма! мáма! да чего же ожидать!

Мы стали ее уговаривать. Да когда же кто уговоритъ молодую, нетерпѣливую печаль, разумнымъ, холоднымъ словомъ? Катря слушаетъ, обливаясь слезами, да знай свое: «идите, идите сейчасъ»!

— Катря, душечка, говорю и я, ты видишь, отецъ не спокоенъ; попробуй теперь кто просить его — крикнетъ: «годи!», тогда убирайся навѣрное и въ другой разъ навѣрное не проси!

— Горе мнѣ! горе мнѣ! плачетъ она. Хорошо, подожду. Какъ тяжело! Или это смерть моя приходитъ? Надо еще ждать... Когда жъ это будетъ? скажите, мàма?

— А вотъ тотчасъ послѣ обѣда. Вы съ сестрою выдьте изъ хаты, я тогда ему и скажу... Для своего дитяти и голову на плаху кладутъ. Не убивайся же моя дочка, не губи свое здоровье, серденко...

Надо подождать, говоритъ снова Катря. Охъ не ждетъ пташечка, въ клѣтку пойманная,—бьется грудью, крылышками, пробить свои тяжкіе запоры хочетъ... такъ и твое бѣдное сердечушко...

VI.

За обѣдомъ отецъ точно не замѣчалъ, какъ мать блѣднѣла, какъ у Катри отъ слезъ глаза запухли, сидѣлъ такъ спокойно, какъ и вчера, только взглядъ сумрачнѣй.

Послѣ обѣда мы съ Катрей сейчасъ вышли изъ хаты, стали рядомъ подъ дверьми.

Долго въ хатѣ было тихо.

— Другъ мой! заговорила мать, нашу Катрю хотятъ сватать.

— Такъ что жъ! Пусть сватаютъ, въ этомъ обиды нѣту.

— Молодой Чайченко хочетъ сватать... какая твоя воля будетъ?

— Я за Чайченка не отдамъ.

Въ силу я оторвала Катрю отъ дверей: «Катря! Катря! все пропадетъ»!

Она дрожитъ и слушаетъ меня, какъ дитя, — стоитъ, молчитъ...

— Дитяти очень полюбился, упрашиваетъ мать; пусть она у насъ счастлива будетъ!

— Я не на то дочь выростилъ, сказалъ грозно отецъ, чтобъ отдать ее за перваго бродягу, который приглянется ей!

— Чѣмъ же они не люди? И добрые, и зажиточные; всѣ ихъ въ почетѣ имѣютъ.

— За что въ почетѣ? Развѣ за то, что пришли опи невѣдомо для чего, да и поселились въ чужомъ селѣ?

— Знали бы люди, была бы слава нехорошая; а то всякъ почитаетъ ихъ. Ты самъ прежде къ нимъ заходилъ.

— Я по всѣмъ битымъ дорогамъ толкаюсь—на всякихъ людей набредешь, а какъ присмотришься, то бъ и въ свои ворота никогда его не впустилъ.

— Подумай, мой сердечный, чтобъ дитя наше не сгубило свое здоровье... она у насъ одна.

— Годи съ пустяками!

Катря какъ вскрикнетъ, какъ бросится къ двери. Я ее схватила, не пущаю, прошу.

— Что тамъ? спрашиваетъ отецъ; изъ хаты выбѣжала мать.

— Да это мы идемъ по воду, отвѣчаю я громко.

Скорѣй коромысло на плечи, а Катрю за собою за рукавъ тащу; мать себѣ проситъ уйдти, уйдти скорѣй.

— Обожди, Катинька, немного, можетъ отецъ еще умилостивится, онъ вѣдь тебя любитъ—жалѣетъ.

— Куда ты меня тащишь? Чего ты отъ меня хочешь? Я и сама испугалась.

— Богъ съ тобою, говорю, помысли хорошенько! я тебѣ добра совѣтую. Она залилась слезами.

— Еслибы я хоть увидѣла его, сестра моя! пойдемъ скорѣй въ лѣсъ—онъ сегодня въ лѣсу, рубитъ тамъ деревья.

— Идти, такъ идти, говорю, не плачь только. Она отерла рукавомъ глазки, спрятали ведра и коромысло около рва въ бурьянѣ и побѣжали, взявшись за руки, къ лѣсу.

До лѣсу смотрѣть и близко, да не вдругъ перепрыгнешь: разумному человѣку ходьбы на добрый часъ, а мы перебѣжали не переводя духу.

Слышимъ, топоръ стучитъ и эхо по деревьямъ доноситъ голосъ къ намъ—кто-то пѣсню поетъ.

— Это онъ! узнала Катря.

Ужъ осень наступала, листья красные, желтые, оторвавшись отъ вѣтви, трепетали въ воздухѣ, словно не рѣшались сра-

зу упасть на землю, какъ бы знали, что упадутъ на вѣки. Лѣсъ такой звучный да прозрачный сталъ! Богъ знаетъ, гдѣ слышно каждый окликъ; запахъ въ лѣсу особенный, не тотъ, что лѣтомъ, а свѣжесть такая... пріятно дышать.

Мы его видимъ, а онъ насъ еще не замѣтилъ — поетъ. Катря пріостановилась.

— Что это онъ такое поетъ? спросила она, испугавшись.

— Послушаемъ, говорю ей; подойдемъ ближе.

— Погоди! шепчетъ мнѣ. Стала за кустъ и слушаетъ; я тоже.

Чайченко обрубливалъ вѣтки съ упавшаго дерева; вокругъ него много было такихъ же срубленныхъ деревьевъ; выглядывали только одни свѣжіе пеньки; солнышко свѣтило ярко въ эту прорубь, окруженную деревьями. Онъ небрежно и тяжело ударялъ своимъ свѣтлымъ топоромъ и тихо, печально пѣлъ.

Вотъ какая была его пѣсня: пѣлъ онъ, что любилъ когда-то горячо, искренно и вѣрно, а ему неожиданная измѣна была платой за любовь и что ужъ вѣкъ быть ему несчастнымъ. Любятъ его другія, — да до другихъ ужъ сердце не лежитъ—и ни къ кому не прильнетъ оно.

«Хоть яка ласкова, яка чорнобрива
Та не буде такъ, якъ перша мила».

— Какія это ты пѣсни поешь? вскрикнула Катря, сама себя будто не помня.

Онъ вздрогнулъ, быстро вскочилъ, бросилъ топоръ и взялъ Катрю за руку; опять выпустилъ руку и опять топоръ взялъ.

— Спасибо, говоритъ, спасибо, что ты пришла, а я не надѣялся.

— Боже мой! какую ты печальную пѣсню пѣлъ! Какую это ты милую вспоминалъ? Была ужъ вѣрно *первая*, а я *другая?*

Онъ смѣшался немного. Лучше, говоритъ, ты приласкай меня, *рыбка моя.*

Она облилась яркимъ румянцемъ, услышавши ласки милаго—прочь всѣ сомнѣнія; горе далеко улетѣло отъ нея...

— О, я знаю, что ты меня вѣрно любишь, я только пошутила,—прости мнѣ, милый мой!

Вдругъ опять слезы навернулись на глаза: жаль только, что ты печальную такую пѣсню поешь! Скажи мнѣ, часто ли ты поешь ее?

Тогда я вышла изъ-за куста, говорю: ты ужъ забыла, сестрица, зачѣмъ бѣжала сюда? А намъ некогда, помни.

— Горе мое! несчастье мое!

— Что такое? спрашиваетъ Чайченко, поклонившись мнѣ.

Мы всѣ усѣлись на лежащемъ деревѣ.

— Отецъ не хочетъ меня отдать за тебя.

— Есть другой зять на примѣтѣ? Кто такой? спрашиваетъ онъ.

Дивно мнѣ стало, что онъ спросилъ про это такъ спокойно, точно про меня, или другую, чужую ему дѣвушку.

— Кого-то нашелъ на мое горе, сказала Катря, заплакавши.

— Ужъ зять нареченый есть! говоритъ Чайченко. Вотъ оно какъ! Лучшаго нашли! Значитъ изъ сухой криницы нечего воду черпать.

Вѣрно ему досадно стало, что онъ какъ бы униженъ остался... Сжалъ губы, голову гордо поднялъ и блеснулъ глазами въ стороны... но досаду тотчасъ затаилъ въ себѣ, и, будто спокойный, приподнялся съ мѣста, не спѣша.

— А какъ же ты думаешь, другъ мой сердечный? Ты такъ говоришь, словно мое сердце рѣжешь! отвѣчаетъ Катря.

— Да кто васъ знаетъ! васъ не разберешь! проговорилъ Чайченко горько: полюбите утромъ, забудете вечеромъ!

Заплакала Катря какъ дитя, опустивши головку въ шитый рукавъ.

А я только грожу ему глазами: какъ, молъ, такъ обижать горемычную?

Онъ взялъ ее за руку.

— Не плачь, милое дитя. Твое еще не ушло счастье и радость.

— Какъ? безъ тебя? Такъ и ты иную полюбишь? Будешь съ нею счастливъ?

— Мнѣ не было отъ роду счастья, такъ и не будетъ до вѣку! Всталъ...

— Прощай... будь здорова!

— Да что это вы? говорю, я, сядьте, посовѣтуйтесь, — какъ тутъ быть, чѣмъ помочь? Можетъ и не за что будетъ на таланъ свой плакаться. Право такъ!

Онъ какъ-то быстро поправилъ рукою шапку на головѣ и снова сѣлъ. Глядѣлъ внизъ печально, угрюмо... А она точно въ лѣсу заблудилась, все только смотритъ на него, и такъ пристально, ласково....

— Ненадо наскучать отцу слезами, говорю. Не для чего теперь къ нему и приступать.

Чайченко молчитъ, сложивши руки.

— Я отцу въ ноги упаду, перебиваетъ мою рѣчь Катря. Если не отдастъ онъ меня за тебя — я умру!

— Ты и въ ноги падать погоди, говорю ей, и умирать не спѣши. Можетъ и такъ дѣло уладится, только не трогай отца, ты его знаешь, пусть онъ самъ немного угомонится.

— Да какъ же это? и не знать—нужно ли жить или въ могилу идти? Ждать, да и только! Охъ, горе мое тяжкое!

— А ты какъ думала, сестрица? Житье людское таково и есть: терпи и терпи, да надѣйся!

— А подъ-часъ и надежду брось, да живи такъ, какъ живется, прибавилъ Чайченко.

Умѣлъ, видите, утѣшить.

— Ненадо терять надежды никогда, я ему говорю, всѣ мы живемъ надеждою.

— Пока надежда не измѣнитъ, прибавляетъ онъ.

А Катря приклонила голову къ его плечу и говоритъ:

— Такъ и я тебѣ измѣню, думаешь?

На это милое словечко и онъ усмѣхнулся.

— Однако намъ пора домой, напоминаю, чтобъ не нажить еще бѣды.

— Иди сестра, голубушка! говоритъ Катря. Я вотъ только два словечка ему скажу,—я тебя догоню.—А сама меня выводитъ на дорожку. Я пошла.

Коротки два словечка: я съ добрый часъ ждала ее, вышедши изъ лѣсу! Да ужъ спасибо, что и такъ пришла; я думала, до ночи ждать буду. Пришла, торопитъ меня: «Пойдемъ!»

Прибѣжали къ колодцу, она умыла свои заплаканные глазки, зачерпнули воды, да скорѣй домой. А тутъ отецъ навстрѣчу:

— Что это далеко такъ отошелъ колодецъ?» спрашиваетъ.

— Да мы еще и погуляли немного, отвѣчаю ему.

Онъ поглядѣлъ мнѣ въ глаза и глянулъ на дочь.... а у нея слезы ручьями струятся:

— «Отецъ мой родной!» промолвила она. А онъ какъ будто не видитъ и не слышитъ ничего — поворотился и ушелъ.

VII.

Время идетъ да идетъ смутно, — мы ждемъ лучшаго; я умаливаю Катрю, перемѣнится все: увидишь. Отецъ ни слова про Чайченка.

А Филипиха такую бурю подняла передъ матерью, когда узнала отцово рѣшенье.

— Какъ? говоритъ, какъ? ты не родная развѣ мать своему дѣтищу? Не ты ли страдала, не ты ли взростила ее? Тебѣ невольно отдать дитя свое за того, кто ей милъ? Пусть бы у меня попробовалъ этотъ звѣрь отнять счастіе рожденья моего!

Даже поссорилась съ нашею матерью и долго къ намъ не ходила.

А въ селѣ свадьба за свадьбой; приходятъ и насъ просятъ.

Гдѣ жъ тутъ веселье на умъ пойдетъ! Мы съ нею, какъ говорятъ, въ лѣсъ смотримъ.

Въ эту осень и отецъ какъ то отъ свадебъ не отказывался — на каждой бывалъ.

Замѣтно, — Чайченко сталъ больше къ Катрѣ льнуть.

То, бывало, она его высматриваетъ со всѣхъ сторонъ, а то ужъ онъ ее самъ ищетъ глазами между дѣвушками; а какъ видитъ тутъ отца, то еще пуще ухаживаетъ за нею, точно наперекоръ старому....

Голубь мой! думаю. Этого тебѣ не одолѣть: напрасный трудъ!

Отецъ ничего себѣ, только глядитъ, — не на Чайченка, — а черезъ его голову....

А Чайчиха и наша мать сидятъ, точно тѣ голубки сизыя, когда ихъ гнѣздышко разоряютъ.

На одной свадьбѣ отваженъ былъ: Чайченко ужъ черезчуръ отваженъ былъ: не отходитъ отъ Катри ни шагу. Мать сильно потревожилась, забыла и молодыхъ привѣтствовать.

Отецъ прежде всѣхъ гостей собрался домой и намъ велѣлъ идти. А тутъ самое веселье, танцы.

Пошли мы домой. Идетъ Катря, потихоньку плачетъ.

— Не плачь, серденко! хуже какъ замѣтитъ! уговариваю шопотомъ.

— Пускай замѣтитъ! Я ничего не боюсь! Я счастлива, до смерти счастлива! Онъ меня любитъ и я его люблю и буду любить всю жизнь мою! Пусть знаетъ, что горюю, а все же я счастлива! Пускай хоть тѣшится, хоть гнѣвается, мнѣ все равно....

— Катря, лучше будетъ, если отца не гнѣвить. Лучше, еслибъ онъ бережно съ отцомъ обходился. А то что за счастье, если отецъ не умилостивится? Посмотри, какая мать печальная, мучится за тебя. Не льни ты такъ къ нему — и дѣвушки будутъ надъ тобою смѣяться.

— Вотъ чѣмъ стращаетъ! Да пускай весь свѣтъ смѣется — я его люблю....

— А какъ отецъ больше не пуститъ тебя на свадьбы ходить, гдѣ тогда съ нимъ увидишься? Видишь, утромъ самъ старикъ коровъ выгонитъ, вечеромъ самъ двери замыкаетъ.

— Ничего! души не замкнетъ, счастья не отниметъ!—А слезы одна за другою тонутъ въ сорочкѣ.

Вотъ незадолго опять насъ на свадьбу просятъ. Можетъ отецъ и не пустилъ бы, такъ нельзя — родня. Идемъ туда

всѣ вмѣстѣ, да словно тѣсны намъ улицы стали, идемъ одинъ за однимъ, втихомолку. Приходимъ. Глядь-глядь по хатѣ, по свѣтлицѣ, по всѣмъ уголкамъ — нѣтъ Чайченка.

— Еще рано, еще придетъ, говоритъ Катря.

Ждемъ-пождемъ — нѣтъ! Уже поздно вошла старая Чайчиха. Катря только ее завидѣла, ужъ очутилась подлѣ матери: знаетъ, что Чайчиха ея не минетъ. Но Чайчиха не разглядѣла что-ли и сѣла поодаль одна. Наша мать сама къ ней пробралась, поздоровались, да и сидятъ молча.

Примѣчаю, онѣ обѣ будто хотятъ другъ другу о чемъ-то разсказать, да не рѣшаются, не сберутся съ мыслями.

Смотрю, Катря горитъ вся отъ нетерпѣнія. Наша мать глядитъ на Чайчиху жалостно какъ-то, а Чайчиха вглядывается въ свой рукавъ, не подымаетъ глазъ: Какія теперь сукна, говоритъ, ткутъ, не крѣпкія, не то, что прежде!

— Тетушка! отчего Яковъ не пришелъ на свадьбу?

Не дождалась Катря, что мать о томъ спроситъ; не постыдилась и его матери. У самой изъ глазъ такъ искры и сыплются... Глядитъ смѣло, стоитъ такъ прямо....

— «Катря! говоритъ ей потихоньку мать, испугавшись, въ своемъ ли ты умѣ? Кстати ли тебѣ спрашивать?

Катря не слышитъ.

— Отчего онъ не пришелъ? Отчего его нѣту?

— Не знаю, не знаю, душка моя! Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ, а вотъ и нѣту..... Вѣрно, какая помѣха..... Я его спрошу... Я тебѣ скажу тогда...

Замѣтно, Чайчиха не придумаетъ, чѣмъ ей отговориться.... Тамъ кому-то сказала, что Яковъ ждетъ человѣка, пойдутъ глядѣть воловъ, которыя случайно продаются; потому вѣрно онъ и не пришелъ. Недолго и сидѣла, — поторопилась домой. Не видно и не слышно Чайченка, какъ вода унесла! Мы были еще на двухъ свадьбахъ, не былъ онъ и тамъ. Мать его приходила: то говорила, что онъ нездоровъ, то — дома его нѣту. Сама старушка такая печальная, какъ тѣнь, мается. Сѣла въ уголку съ Катрею, говоритъ ей, чуть не плачетъ: «не печалься, дитя мое, не горюй! Перейдетъ лихой часъ, все недоброе, дастъ Богъ, тучей перенесется. То-то я бы счастлива была, какъ бы ты, солнышко мое, освѣ-

тила мою хату сумрачную. Я вижу, ты любишь его; за то тебя люблю, какъ родную доченьку.

Однажды старикъ вошелъ въ хату веселый.

— Не будетъ ли снѣгу, говоритъ, такія бѣлыя тучи все небо застилаютъ.

Мать, глядя на него, и сама смѣлѣе стала.

— Далеко ли, другъ мой, ходилъ? Что тамъ на селѣ слышно?

— Что слышно? А нашу Катрю сватаютъ.

Всѣ мы вздрогнули, гляжу на мать, на Катрю—лица на нихъ нѣтъ, какъ будто мы услышали о покойникѣ.

— Кого же это? Кого намъ Господь посылаетъ? спрашиваетъ мать чуть слышно. Отецъ взглянулъ на Катрю:

— Шелягъ сватаетъ за своего сына, за Дмитра. Кажись, женихъ хоть бы кому! Не дери-голова какой нибудь, не проидоха! хозяинъ въ дѣда, въ прадѣда; изъ серебрянаго кубка гостей подчуетъ.

— Что съ тѣхъ кубковъ, когда полны слезъ! сказала мать.

— Гмъ! больше ничего и не сказалъ отецъ, только поглядѣлъ на нее пристально. Она отвернулась зачѣмъ-то, слезу потихоньку утерла.

— Я бы себѣ лучшаго зятя самъ не искалъ, отозвался снова отецъ, надвинулъ шапку и вышелъ изъ хаты.

Мать слезы глотаетъ и не глядитъ уже на свою бѣдную дочку.

А Катря встала, будто хотѣла бѣжать куда, блѣдная, глаза дикіе.

— Доченька моя! бросилась къ ней мать, успокойся, потерпи еще, отецъ всежъ-таки не врагъ тебѣ!

Какъ на горе, Чайчихѣ не рука провѣдать насъ. И Филипиха сердится, нѣкому намъ совѣта дать. Не съ кѣмъ горемъ подѣлиться. А тутъ и милый нашъ—какъ солнышко зашло, нѣтъ и нѣтъ его!

Однажды мать начала склонять Катрю: Покорись отцу, дочка! что жъ дѣлать, дитя мое, когда такая твоя доля!

— И вы туда жъ, мама! Нѣтъ, родная, не такая моя доля.

— Мое милое дитя! Кого же бѣда въ свѣтѣ минуетъ.

Живши, отъ лиха не уйдешь, каждый свое отбудетъ... Что же, если отецъ отъ тебя отчуждается?...

— Отецъ отчуждается? Ужъ нечему, кажись, отчуждаться больше. И мое-то сердце не очень близко отъ него.

Да и засмѣялась, точно закашлялась.

Мать ничего ей не отвѣтила, боялась больше трогать ее, только вздохнула тяжело.

— Какъ же ты думаешь, дитя мое?

— А думаю, лучше умереть, чѣмъ продавать себя за хваленые отцомъ кубки.

— Да какъ же такъ и умереть? Грѣхъ на себя смерть накликать!

— И то грѣхъ, мама, не любя клясться, что люблю.

— Давно уже не видали мы Марусю, то за своею бѣдою, то потому, что Филипиха не ходила къ намъ; изъ-за Катри-жъ и вышло это. Да и Маруся точно пряталась, почти изъ хаты не выходила.

— Пойдемъ, говорю Катрѣ, къ Марусѣ. Что намъ за дѣло, что старики не въ ладу; намъ того не надо знать, мы съ нею втроемъ посовѣтуемся.

Пришли. Маруся сидитъ, шьетъ. Вдовы не было дома.

— Здравствуй, Маруся, душка! говоритъ Катря. Мы пришли къ тебѣ посовѣтоваться вмѣстѣ, что мнѣ дѣлать съ моею бѣдою? да знаю, что и ты меня осудишь, какъ послушаешь!

— Садитесь, подруженьки мои. Разсказывайте.

— Отецъ меня за него не отдаетъ.—За нелюба, за богача меня прочитъ. А я, сестрица, отца и матери не пожалѣю, брошу имъ все богатство ихъ. Начто оно мнѣ! Пусть скажетъ: я за нимъ на край свѣта пойду! Пойду и не оглянусь ни разу! Оставайся все! и роскоши, и поля, и плуги ихъ. Ненадо мнѣ до смерти ничего,—лишь бы жить вмѣстѣ съ нимъ.

Маруся отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Боже васъ благослови и помоги вамъ!

— Маруся!—я просто изумилась ей! Вотъ тебѣ и покорная Маруся! Каковъ совѣтъ даетъ! и благословляетъ и разрѣшаетъ!

— Сестрица моя! святая душа! говоритъ обнимая ее Катря. Ты меня не осуждаешь, не будешь чуждаться меня?

— За что? тихо спрашиваетъ Маруся, ты вѣдь его любишь?

— Ахъ, люблю, его сестрица, больше чѣмъ жизнь свою! А на меня всѣ нападаютъ, хотятъ, чтобы я его покинула... Еслибы ты любила, Маруся?

— Я бы не покинула.

Я слышу и не вѣрю сама себѣ.

— Маруся! это не твои слова. Что еслибы, твоя мать услыхала?

— А что жъ? Еслибы я любила, такъ мнѣ бы ничего не было тогда страшнаго и никого бы я не боялась, только того, кого бы любила.

— Ахъ, какою ты меня радостью подарила, добрая моя! —благодаритъ, цѣлуетъ ее Катря; тяжко мнѣ было! Хоть и не послушаюсь чужихъ горькихъ рѣчей, да больно ихъ слушать. Кажись, въ тѣхъ людяхъ души нѣтъ. Спасибо тебѣ, отрада моя!

Я думала, Маруся обидѣлась; нѣтъ она только улыбнулась такъ странно:

— Не за что благодарить, промолвила она, я по правдѣ тебѣ сказала...

Въ первое же воскресенье послѣ того, къ намъ наѣхали сваты шеляговы. Принимаютъ ихъ, подчуютъ. Мать благодаритъ за честь, перемогаючи свою тоску и кручину, а отецъ говоритъ: я себѣ лучшаго зятя и не желаю. А гдѣ Катря?

Кликнули Катрю.

— Катря, говорю ей тихо, обдумай хорошенько!

Она будто и не слышитъ. Идетъ черезъ сѣни, словно мертвецъ ступаетъ — тяжело, ровно.

Вошла въ хату и глядитъ, не мигнетъ на отца.

Отецъ, кажись, поблѣднѣлъ немного, взглянувъ на нее. Пойдешь, спрашиваетъ дочка моя, за Дмитря Шеляга?

— Не пойду! отвѣтила Катря; вотъ какъ будто сказала: рѣжь меня!

Поклонились сватья, и гордо пошли потихоньку изъ хаты.

Мы не шевельнемся, Катря стоитъ...

Отецъ слова не промолвилъ и вышелъ.

VII.

Мать плачетъ, не осушаетъ глазъ. Старикъ молчитъ словно насъ не видитъ передъ собою; кто изъ насъ войдетъ, онъ не взглянетъ; кто заговоритъ,—какъ бы кошка мяукнула — не къ нему, дескать, дѣло.

А Чайченка нѣтъ и нѣтъ! И матери его не видно.

Катрю однажды едва удержала мать — хотѣла бѣжать въ Любчики:

— Если ты меня не послушаешься, дочка, то Богъ съ тобою, дѣлай тогда какъ знаешь, а я ужъ отца не стану просить.

— Хорошо, мàма! бросьте меня, покиньте, забудьте, только пустите меня къ нему!

— Нѣтъ, не пущу, дочка! Я на порогѣ передъ тобою стану, не пущу идти. Не годится!

— Я отъ васъ уйду, или утоплюсь, мàма... Я такъ жить не въ силахъ!

Я побѣжала, пересказала все Марусѣ.

— Какъ же онъ останется? пришла, спрашиваетъ ее Маруся. Ты за своимъ горемъ не видишь горя другаго. Каково ему теперь? ты не подумаешь... Ты ради его перетерпи все, все выдержи, пока отца умолишь!

— Да еслибы я хоть увидала его, хоть глянула на него, хоть одно слово услышала! Пусть меня въ огонь пошлетъ, я пойду... Но онъ нейдетъ до сихъ поръ. Вѣрно онъ покинетъ меня?

— Если нейдетъ, значитъ такъ надо, Катря, а ты жди, продолжаетъ Маруся. А если тебѣ надо что ему сказать сейчасъ, не медля, передай черезъ меня: я схожу къ нимъ.

— Ты сходишь? А мать тебя не пуститъ.

— Пойду, не хлопочи. Говори, что̀ ему передать?

— Скажи ему, что я пропадаю, что умру, если....

— И на что это говорить ему? Лучше пусть услышитъ, что ты его вѣрно любишь, что будешь его ждать, будешь отца упрашивать....

— Пусть онъ услышитъ, какую я муку терплю! Скажи ему, чтобъ онъ все бросилъ, чтобъ пришелъ меня провѣдать.... Отецъ не узнаетъ.... а хоть и узнаетъ.... горче ужъ не будетъ!

— На что такъ говоритъ, Катря? опять Маруся уговариваетъ; развѣ ему и такъ не тяжело?

— Ахъ, скажи-же хоть, что я такъ его люблю, что не могу дышать безъ него ни одной минутки... И начала снова то же самое; извѣстно, какъ дѣвушки любовь свою передаютъ...

Въ тотъ же день, Маруся и говоритъ вдовѣ: Пойду я, мама, въ Любчики. Филиппха очень удивилась: иди же, говоритъ. И тогда уже Маруся выходила изъ дверей, она спросила: зачѣмъ тебѣ въ Любчики?

— Пойду, ма̀ма, такъ, погуляю.

— Иди, дочка. Сама за нею вышла, до воротъ проводила, да только тутъ опомнилась и вслѣдъ Маруси крикнула:

— Не долго мѣшкай, Маруся!

А Катря вышла изъ-за угла и проводила Марусю далеко за слободу, и тутъ же осталась дожидать ее. Подошла и я къ ней туда. Только Катря завидѣла Марусю, бѣжитъ къ ней.

— А что, сестрица? Будетъ онъ? Что сказалъ?

— Надо погодить, Катря, отвѣтила Маруся.

— Нѣтъ силъ моихъ ждать, да такъ и бросилась на землю, а слезы какъ роса блестятъ, катятся по травѣ! Такъ онъ не придетъ?

— Напрасно ты ходила? Чтожъ мѣшаетъ ему придти?

— Онъ такой печальный! говоритъ Маруся.

— Печальный? вскрикнула Катря. Ненаглядный мой! и онъ печалится, какъ я! Я къ нему сама пойду. Пойду, хоть пускай потомъ живьемъ зароютъ въ землю! Я пойду!

— Онъ велѣлъ, чтобъ ты не приходила.

— Не приходила? Ты вѣрно не дослышала! Вѣрно сказалъ, чтобъ приходила. Нельзя сказать: «не приходи», когда любишь; не станетъ духу? Хотя-бы за то смертью грозили!

— Нѣтъ, просилъ тебя не приходить, Катря, онъ мужчина—тверже. А ты, если его любишь, такъ послушайся.

— Я его не послушаюсь.

И долго она послѣ этихъ словъ сидѣла не подвижная, надъ дорогою, словно изъ камня высѣченная. Я примѣчаю, Маруся что-то какъ будто не все сказала: глаза опуститъ, палочкой землю долбитъ, видно у ней мысли такъ и ходятъ по головкѣ.

Пришли мы домой. Я улучила часокъ, тихонько побѣжала къ ней одна.

— Маруся! говорю, что-то мнѣ не вѣрится: Богъ его знаетъ того Чайченка!

— Какъ это, спрашиваетъ она.

— Не любитъ онъ истинно Катрю—не правду-ли я говорю—скажи?

— Да я не знаю, серденько, отвѣчаетъ она, раздумывая.

— А я такъ знаю, что ты не все Катрѣ пересказала. Вѣдь не все?

— Нѣтъ, не все.

— Вотъ видишь. Зачѣмъ-же отъ меня крыть?

— Да я ничего не крою. Я что тамъ слыхала, не утаила ни слова, а то, знаешь, мои мысли....

— Да хоть и твои! Разскажи-же ихъ, свои мысли!

— Видишь, какъ туда пришла, меня встрѣтила мать его, грустная такая, даже сгорбилась, едва ступаетъ. А когда, сказала я, зачѣмъ пришла, — у ней только выкатилась, слеза одна словно послѣдняя. Ничего не отвѣчала она на мои слова. Вошелъ и Чайченко въ хату... Вѣрно онъ въ большихъ думахъ и заботахъ, сестрица. Такъ поблекъ въ лицѣ... И показалось мнѣ, можетъ только показалось, что онъ не обрадовался, когда услышалъ о Катрѣ... Не говоритъ мнѣ ничего, не спрашиваетъ. Тогда я ужъ сама все пересказала, и что Катря хотѣла къ нимъ придти; а онъ быстро перебилъ рѣчь мою: «пускай не приходитъ, скажите, пожалуйста, скажите!»—попрощался со мною и вышелъ.

— А старуха? спрашиваю.

— Я немного постояла, да хочу домой идти, а она мнѣ говоритъ: «ласточка моя! велика печаль у меня на сердцѣ; да можетъ, еще надъ нами судьба сжалится! Скажи ты Катрѣ, чтобы она не сокрушалась такъ, можетъ еще все перемѣнится на добро».

Я съ тѣмъ и ушла домой. Не годилось мнѣ старую женщину распрашивать.

— Что тамъ, у нихъ за тайности такія? Что-то кажись не хорошо. Не сказать-ли о всемъ этомъ Катрѣ?

— Да что жъ ты ей скажешь? Хуже сдѣлаешь; нечего говорить, когда сами порядкомъ не знаемъ.

— Я скажу, что Чайченко не любитъ Катрю; пусть же она сама о томъ вѣдаетъ. Когда нибудь правду узнаетъ, такъ пусть лучше теперь. Скажу ей, да и кончено! Она сразу не повѣритъ мнѣ; да что дѣлать? По мнѣ — горькая правда лучше сладкой неправды.

Думала я и передумывала, долгенько: нѣтъ! таки скажу ей! Я такой часокъ подстерегла, что она наплакалась уже вдоволь и истомленная тихо сидѣла.

— Катря, говорю я, вѣрно-ли ты знаешь, что Яковъ тебя крѣпко любитъ?

Она взглянула на меня, какъ на глупаго ребенка и усмѣхнулась.

— А что (говорю таки ей), если онъ тебя и забыть можетъ? Такому не въ диковинку, я думаю, красавицы.

Она еще веселѣй усмѣхнулась.

— Ты еще ничего не смыслишь, говоритъ.

— Можетъ, лучше тебя смыслю; со стороны все виднѣй.

— Припоминаю ей, мало-ли мы такихъ знаемъ, что любили, да и разлюбили; что покинули, да еще и насмѣялись, что иные ищутъ любви, такъ себѣ, для забавы; а есть и такіе, что вотъ какъ добиваются той любви, а для чего? для того, чтобъ потомъ бросить, чтобъ куда ни шла несчастная — слезами дорогу поливала.... Все житейское ей выставляю, какъ на ладонкѣ, перебираю по ниточкѣ. Куды! и не говори ей! То другіе дескать, такъ дѣлаютъ. А развѣ былъ когда, а развѣ есть гдѣ

такой какъ мой? Разскажу ей про измѣну какую, она отвѣчаетъ: «никогда бы въ жизни не полюбила я такого паробка».

— Жаль, что твой Яковъ не идетъ къ намъ и не хочетъ, чтобы ты приходила. Почему, хоть мать его не навѣдается?

— Это онъ знаетъ... онъ мнѣ скажетъ... Я и замолкла,— вижу, напрасно слова теряю.

Еслибы она хоть разсердилась, а то принимаетъ мои рѣчи такъ, будто я говорю, что Чайченко не человѣкъ, а дерево, и смѣется она надъ моими словами.

— Ничего не смыслишь! говоритъ.

Въ хатѣ нашей, словно въ тюрьмѣ, грустно стало: отецъ ходитъ сумрачный, какъ дозорный; мать плачетъ потихоньку, сама себѣ; Катря не видитъ материной печали за своею.

— Матушка! прошу я, успокойтесь хоть немного. Или вы Катрѣ не потакайте, или ужъ не плачьте!

— Вамъ добро на свѣтѣ, вотъ такимъ, скорымъ! отвѣтитъ она грустно; вы какъ разъ себѣ порѣшили: такъ тому и быть! да такъ напрямикъ и идете; а я, горемычная, я не знаю что мнѣ дѣлать? Не хорошо поблажать Катрѣ, да какъ и удерживать? только вспомню, сердце кровью обольется, какъ она, моя горлинка, убивается. Кто его знаетъ, — что и лучше! Тутъ мое рожденіе, моя единая утѣха погибаетъ, а тутъ онъ гнѣвается, и на глаза почитай не принимаетъ... Какъ противъ мужа пойдешь...

IX.

Кромѣ Шеляга никто еще Катри не сваталъ; а Шелягъ на той же недѣлѣ, какъ онъ съѣлъ отъ Катри горбузъ (эмблема отказа), высваталъ себѣ другую дѣвушку и повѣнчался. Да бывало нарядитъ свою женушку, точно богатую купчиху — monistъ дорогихъ, золотыхъ дукачей навѣшаетъ, какъ въ лавкѣ, а она, коротенькая такая крошка,

пыхтитъ даже, бѣдная, подъ тѣми нарядами. Онъ же все ее мимо нашихъ оконъ водитъ. Самъ въ сивой шапкѣ, какъ рѣшето; алымъ кушакомъ десять разъ, почитай, обмотанъ; да такимъ алымъ, что глаза рѣжетъ; сапоги скрипятъ. Идетъ — посматриваетъ поверхъ нашей кровли: что это, дескать, за курникъ, что я его хорошенько и не вижу? — такимъ бывало глазомъ посматриваетъ. Отцу нужно было идти въ дорогу. Когда выходилъ: «будьте здоровы!» только и сказалъ, и пошелъ себѣ... Мы за нимъ, потихоньку — провожаемъ его; а онъ точно самъ себѣ въ степи идетъ. Когда ужъ проводили за слободу, стала мать горько плакать, онъ немного пріостановился и говоритъ: «вы дѣлайте себѣ, какъ знаете; любитесь, коли охота есть; а я на своемъ словѣ крѣпокъ: я за Чайченка дочери не отдамъ, пока живъ. Я знаю, почему. Будьте здоровы!» Приподнялъ шапку, да и пошелъ мѣрными шагами. А мы вслѣдъ ему глядимъ, стоимъ, какъ морозомъ побитыя. Мое милое дитя! промолвила мать, въ недобрый часъ ты полюбила! Господи! Пошелъ, едва простился — когда это бывало!

Глядѣла вслѣдъ за отцомъ и плакала; а онъ все дальше да дальше, а тамъ за гору зашелъ; только еще слышалось, какъ погонялъ: гееееей.

Мы еще стояли, прислушивались, какъ бы ждали, что вернется, поцѣлуетъ насъ, разжалобится надъ нашимъ горемъ, хотя и знали, что этому не бывать, какъ цвѣту въ полѣ зимою.

— Пойдемъ, дѣти. Видно, горю не пособить—Я хочу Якова видѣть, ма̀ма!

— Охъ, дитя мое! Развѣ не слыхала, что отецъ сказалъ?

— Слыхала.

Она не плакала, шла молча и на все, что ей мать ни говорила, какъ ни упрашивала, какъ ни ласкала, — одно твердила: «я хочу Якова видѣть!»

— Когда такъ, говоритъ мать, лучше сама пойду и обо всемъ развѣдаю.

— На что мнѣ обѣщанія, да ожиданія! Не запрещайте мнѣ, ма̀ма. Я несчастная! Я на все пойду...

Мать видитъ, что ничего не подѣлаешь, собралась, вмѣстѣ съ нами, въ Любчики, не теряя время. Шли мы. Мнѣ и матери было тяжко; а Катрю обняла какая-то безумная радость — все она припоминала, говорила не умолкая. Вспоминала, какъ мы были на свадьбѣ въ любчикахъ, всѣхъ знакомыхъ дѣвушекъ любчевскихъ и паробковъ, всѣ наши шутки и выдумки, точно она была гдѣ-то въ тѣсной темницѣ, да теперь освободилась и опять передъ нею веселое житье и забѣгаетъ она ужъ впередъ его мыслями пріятными. Мы зашли прежде къ своей родственницѣ. Намъ обрадовались, принимаютъ, распрашиваютъ. Все у нихъ въ хатѣ, какъ и прежде было—тихо да мирно. Мужъ ея привѣтливый, она сама веселая. Мы застали его надъ работой. Славно они лѣто провели, хорошей зимы ждали. Здоровенный сѣрый котъ мурлыкалъ, жмуря глаза противъ солнца: видать, и ему хорошо жилось на свѣтѣ. Высокорогіе волы смотрятъ сквозь загороды важно во дворъ; бѣлые гуси спѣшатъ съ горы къ водѣ, а пѣгія уточки, крякая, пробираются черезъ садикъ во дворъ. Во дворѣ куры вездѣ разбрелись, гребутъ ножками, присматриваются къ землѣ; гордые пѣтухи, точно хваты уличные, расхаживаютъ. Куда ни заглянешь, — вездѣ полно всего, все движется, копошится. Садъ ужъ безъ листьевъ, но и тамъ не пусто: вывѣтриваются полотна, разостланныя по землѣ; развѣшаны нитки на деревьяхъ; сушатся на солнцѣ групи, яблоки; въ огородѣ на грядкахъ желтѣютъ огурцы, оставленные на сѣмена; лежатъ, какъ боченки, тыквы...

Мать стала прощаться, видитъ, что Катря давно ужъ стоитъ у дверей; а родня проситъ: «побудьте у насъ; что же такъ, какъ огня пришли выпросить.

— Мнѣ бы хотѣлось еще Чайчиху провѣдать, говоритъ ей мать.

— Да ея дома нѣту.

— Гдѣ жъ она?

— А еще намедни поѣхала въ Хмелинцы къ сыну.

— А сынъ зачѣмъ тамъ?

— Кто его знаетъ: онъ давно ужъ гдѣ-то шатается... наши люди видѣли его въ послѣднiй разъ въ Хмелинцахъ— такъ вотъ и старухѣ, бѣдной надо туда жъ, волочить ноги, — вѣдь они сами родомъ изъ Хмелинцевъ, у нихъ тамъ какая-то и родня есть.

Вотъ что мы услышали.

Послѣ того и хата бѣлая, и хозяева милые намъ стали тяжки. Слушаемъ, какъ они разсказываютъ, хвалятся житьемъ своимъ и людьми, да кто не знаетъ, каково слушать легкiя рѣчи о чужомъ счастiи, въ тяжелой, горькiй часъ? — тоже, что̀ слушать невольнику, что хорошо на волѣ жить.

Пошли мы домой. Катря повернула къ чайченковой хатѣ, — склонилась на плетень и поглядѣла въ пустой тихiй дворъ, а сама какъ бѣлый платокъ.

— Завтра я опять приду, проговорила тихонько. Только мы отошли немного отъ села, перекрестной дорогой идетъ человѣкъ при возахъ. Тотчасъ мы узнали Михайла Иваненка. Какъ его не узнать? Волосы у него какъ ленъ, когда выгорятъ отъ солнца, а самъ обвѣтренный, загорѣлый; а усы, какъ кто развелъ известки, да мазнулъ по губамъ. Высокаго росту, сухощавый, бодрый; глаза все раскрываетъ, словно дивится чему-нибудь. Этотъ Иваненко не въ-мѣру любилъ ярмарки, купилъ — продалъ — вотъ вся его жизнь! Еще только засѣвалъ ниву, и ужъ подумывалъ: соберу, дастъ Богъ,— свезу на ярмарку! Несчастье — волъ издохнетъ — нечего дѣлать. Хоть будетъ чѣмъ поярмарковать! Вчастую бывало и проторгуется— не унываетъ: «что жъ, говоритъ, конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается; а торговля не стоитъ; не то товаръ, что̀ лежитъ, а то, что̀ бѣжитъ».

Жена его бѣдная хорошо эту пословицу знала: съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, ужъ третью хату перепродалъ. Какъ его нѣтъ дома— жена все жалуется людямъ: «какiя были хаточки— жить бы, да Бога хвалить! — нѣтъ, выгодно, говоритъ, даютъ! продалъ. Теперь убираю эту пустку. Да нѣтъ и охоты убирать — продастъ тотчасъ; не пожалѣетъ и лѣтъ моихъ, что я бьюсь, хлопочу неустанно». Если жъ онъ дома, то какъ ей нижелательно съ нимъ поссориться, нельзя никакъ придрать-

ся къ нему. Онъ ей привезетъ и *очипокъ* и платокъ, всегда что нибудь новинькое и покупку свою такъ красно покажетъ, а продажу такъ выставитъ выгодно, такъ словами поддѣлается, такого ей наскажетъ—(а жена была любопытная изъ любопытныхъ!) что она слушаетъ его да и заслушается. Да тогда только туманъ спадетъ съ нея, когда мужъ опять изъ дому вырвется куда нибудь на ярмарку.

— Откуда Богъ несетъ? спрашиваетъ мать Иваненка.

Катря идетъ впередъ, не слушаетъ ничего, только по привычкѣ поклонилась Иваненку.

— А вотъ, говоритъ Иваненко, былъ въ Зайчикахъ, былъ въ Лебедовкѣ, въ Хмелинцахъ былъ...

— Должно быть въ Хмелинцахъ ярмарка славная, перебила мать, — вотъ и Чайчиха туда поѣхала, — не видали ее?

— Какъ не видать! Я всѣхъ видѣлъ. Ходитъ она по ярмаркѣ, словно деньги потеряла.

— Отчего жъ такъ? она вѣдь тамъ съ сыномъ?

А сынъ ходитъ словно разумъ потерялъ; а хорошая вдова веселится, что потерю нашла...

— Какая вдова?

— Хорошая, молодая, свѣжая... Вотъ, еслибы такихъ продавать, либо покупать — были бы торги, скажу вамъ!

— Кто жъ это такая?

— Увидѣвши диво, нельзя не спросить откуда взялось? Она Терничихою прозывается.

— Вѣрно Чайченко ее сватать хочетъ?

— Тамъ ихъ столько сватается, что за день не перевѣшаешь; — сватаютъ, а кому достанется, это ужъ она знаетъ.

— Будьте здоровы!

— Прощайте! помогай вамъ Богъ. Катря далеко впередъ прошла, ничего этого не слыхала. Боже мой, милосердый! говорила мать, въ тоскѣ, идя по дорогѣ, Боже мой милостивый! Думала-думала, какъ Катрѣ сказать о томъ, что слышала, да поровнявшись, прямо ей всю правду и говоритъ, сама плачетъ: «не печалься, дитя мое — не ты первая, не ты послѣдняя горе терпишь. Забудь его — онъ не стоитъ твоей ангельской душеньки!»

— Зачѣмъ, мама, меня обманывать? грустно говоритъ Катря.

— Хоть побожиться, что все это мы слышали отъ Иваненко.

— Ну довольно отвѣчаетъ Катря. Какъ вошла въ хату, прилегла на лавкѣ, склонившись на окошечко, глядитъ въ окно да думаетъ.

Какъ поворотилась, то даже страшно намъ стало — какъ изъ воску слѣплена, только очи свѣтятъ.

— Ты больна, вѣрно, душечка? что съ тобою?

— Ничего! Я подумала: что, если это правда была, что онъ другую полюбилъ... Я только подумала, а повѣрить никогда не повѣрю. Онъ самъ скажетъ мнѣ, если это правда... ему только повѣрю...

На другой день она опять пошла въ Любчики; на третій день тоже. Что мать уговаривала, сердилась даже — не слушаетъ. Не говоритъ ни слова, все думаетъ и мѣняется въ лицѣ, и всякій день—въ Любчики.

Если я, бывало, за нею пойду, она меня и не замѣтитъ. Войдетъ въ село,—а хата чайченкова отъ лѣса съ краю,—придетъ къ той хатѣ, поглядитъ на запертыя двери, на глухой дворъ, постоитъ долго, да и домой идетъ, словно не въ своемъ умѣ.

X.

Однимъ утромъ Катря уже одѣвалась, вѣрно въ Любчики, какъ тутъ сама Чайчиха къ намъ въ хату. Мы всѣ такъ къ ней и бросились.

Сѣла старушка на лавкѣ, спрашиваетъ:—все ли благополучно, все ли хорошо?

Я на нее гляжу—она сильно измѣнилась, пока мы ее не видали; на сторонѣ, сразу, не узнать бы.

— Охъ, не очень-то хорошо, отвѣчаетъ ей мать; не такъ, какъ бы мое сердце желало!

— А что старый вашъ за нашихъ дѣтокъ говоритъ? сжалится ли онъ когда надъ ними?

Катря, что̀ до тѣхъ поръ все сидѣла какъ въ лихорадкѣ— прислушиваясь, какъ кинется при этомъ словѣ, обняла Чайчиху, зарыдала: «гдѣ Яковъ, мой, и ударилась въ слезы.

Старушка ее ласкаетъ, говоритъ, что онъ дѣла свои покончилъ, что скоро будетъ къ ней, что здоровъ... Мать взяла Катрю за руки; я дала ей водицы испить.

— Когда онъ будетъ? спросила Катря Чайчиху.

— Да пришелъ бы завтра рано, еслибы не отецъ твой.

— Отца нѣту.

— Такъ придетъ рано утромъ.

— Завтра утромъ рано!

— Завтра рано! повторила Катря, ухватила руку Чайчихи и поцѣловала ее.

— Что жъ отецъ говоритъ? спрашиваетъ Чайчиха. Какой отвѣтъ послѣдній?

Мать ей все разсказала. Всплеснула Чайчиха руками: Господи мой! за что моему дитяти счастья нѣтъ!

Мать въ тревогѣ поглядывала на свою Катрю:—полно, говоритъ, что это вы!

Повѣкъ будетъ его доля горькая! Такъ ему суждено! Не будетъ ему никогда пары! Не будетъ счастья!

Катря вскочила, и мы испугались:—что это она сказала?

— Какъ суждено? Кто ему судилъ?

— А та вдова, то мое неотвязное горе, говоритъ Чайчиха, утирая сухія очи. Не судилъ намъ Господь породниться, да вы мнѣ все таки какъ самая милая родня—разскажу жъ вамъ мое горе!

Знаете, что мы жили въ Хмелинцахъ; была тамъ у насъ въ селѣ вдова красивая, пышная, надиво. Терничихою звали ее. Пойдетъ ли танцовать, станетъ ли выдумывать, болтать въ кампаніи, чужіе слова на лету хватаетъ, своими засыплетъ... И такъ каждаго обойдетъ, кого захочетъ, какъ нечистая, прости Богъ, сила. Я таки съ перваго разу, какъ ее увидала, подумала, не хороши у этой вдовы глаза! Тогда еще почуяло чердце мое! А глаза у ней большіе, яркіе, какъ ножи рѣжутъ.

Съ той поры, какъ привязался мой Яковъ къ ней, никуда не годенъ сталъ паробокъ, — ни къ работѣ, ни къ хозяйству. И забавы и гулянья молодецкія — все бросилъ. Гдѣ она, тамъ его и глаза, тамъ и всѣ мысли его...

Мать кажется и не слушаетъ, все поглядываетъ на Катрю; а та, бѣдная, поставила локотки на столъ, взялась за голову, какъ будто удерживаетъ, чтобъ не распалася безталанная молодая головушка... Чайчиха все разсказываетъ.

— Ка̀къ ужъ я его просила: покинь, соколъ мой, покинь ее! — не послушался! Такъ она его приворожила къ себѣ, что весь свѣтъ ему опостылъ! безъ нея ходитъ какъ не живой. —

Ужъ не хотѣлось мнѣ брать ее въ невѣстки, да ужъ Богъ съ тобою, говорю, сынъ мой, женись. Послали сватовъ— а она?—насмѣялася, родные мои! не пошла!

А что, сынокъ, говорю, не правда моя? Она всѣмъ одинаково свѣтитъ очами... Брось ее! забудь безстыжую!

А онъ все-таки къ ней... Да и дождался, что богачъ изъ чужаго села ее засваталъ — она за того богача и пошла, а его, какъ середь моря оставила. Ужъ какъ онъ мучился, горемыка, одинъ Богъ знаетъ!

Да что вы думаете? Какая злая, безбожница! ходитъ да и ходитъ бывало мимо нашихъ оконъ и смотритъ, нѣтъ-ли гдѣ его, — увидитъ, добраго дня пожелаетъ, здоровьѣ спрашиваетъ... Такую покинуть бы, да еще Бога благодарить, а онъ все ее любилъ... Зелья, что ли, дала она приворожнаго, или присушила какими чарами! Я, родные мои, я рѣки слезныя пролила, упрашивала, умаливала его: «женись, сынъ мой милый! Аль не выберешь себѣ какую захочешь? Пусть бы она надъ тобою не насмѣхалась.» Долго онъ меня не слушалъ, а потомъ самъ опомнился: была у насъ дѣвушка, что давно его любила, мы къ ней сватовъ и послали, а она и отказала... Видно ужъ прослышала что нибудь, или было такъ поддѣлано: пошла за другаго.

А та безбожница, подъ окномъ нашимъ стоявши, кричала будь бобылемъ весь вѣкъ, Яковъ! да люби только мои очи ясныя!

И пошла, съ хохотомъ, бьетъ въ ладоши. Смотрю, и онъ

вслѣдъ ей пошелъ, какъ виновный въ чемъ, опустивши голову...

Она, обвѣнчавшись съ своимъ богачемъ, уѣхала было съ нимъ, да скоро со всѣми его родными перессорилась, всѣмъ людямъ тамъ опостылѣла — не захотѣла жить тамъ и уговорила мужа купить въ Хмелинцахъ хату; опять въ Хмелинцы вползла змѣя. Тогда мой Яковъ весь умъ потерялъ — хворалъ, исхудалъ, едва живъ, а она тѣшится. Всѣ люди стали на него головами качать... Я надумалась, все продала, да оттуда въ Любчики и перебрались отъ нея. И Богъ мнѣ помогъ... Яковъ поправился, какъ будто сталъ понемногу забывать ее, на вечерницы сталъ ходить. — Когда-то онъ былъ у меня первый между паробками, такъ и сіялъ! Тутъ ему ваша дочка по нраву пришлась... Я ужъ рада была! какъ царства небеснаго счастья ему ждала; надѣялась, что вашъ старикъ таки подастся, какъ вдругъ Яковъ: «Не хочу жениться!» Я плачу и упрашиваю — «не хочу!» и дѣлу конецъ. У *нея* мужъ умеръ: гдѣ ужъ тутъ ужиться съ такою на свѣтѣ! Говорятъ, умеръ сразу, не болѣвши, безъ покаянія, сердечный; а она тотъ часъ Якову знать дала, чтобы къ ней ѣхалъ... Онъ и поѣхалъ, скрытно. Я туда-жъ себѣ! Какъ то просила его! ночи не спала-думала сжалится надъ несчастною старою матерью; онъ же у меня когда-то былъ такой покорный! нѣтъ, — для нея и мать родную и себя самого забылъ.... Гляжу, за нею по ярмаркѣ цѣлая толпа бредетъ и мой Яковъ тамъ... Я уже сбиралась домой, да къ вамъ, чтобы всю бѣду вамъ разсказать, какъ вдругъ Яковъ входитъ, да и упалъ на лавку...—Что такое? сынъ мой милый, ты нездоровъ? — Ничего, здоровъ. Узнаю, — она опять просватана за какого то шинкаря... Стала я тогда Якову говорить: какъ ты себя, сынокъ, ни во что ставишь! Эта змѣя надъ тобой смѣется явно! Есть ли въ ней сердце, чтобъ любить ее! Онъ какъ будто и забылъ объ ней. Я думала вашего старика уломаемъ, да и поживемъ съ нашими дѣтками. Онъ, право, очень у меня доброй, да видно ужъ такъ подделано! Видно ему не будетъ счастья! Маяться ему весь вѣкъ одинокому, горемыкѣ! И затихла Чайчиха.

*

Катря встала и бросилась изъ хаты. Я за нею — куда это она? Катря! Катря! кличу, — не откликается, идетъ быстро по улицѣ...

Я ее догнала, беру за руку, останавливаю:

— Да куда же ты идешь, сестрица?

— Все равно... куда нибудь.... дальше отъ хаты...

— Такъ вотъ онъ отчего такую пѣсню пѣлъ! Вотъ отчего груститъ! Онъ не меня любитъ, а ее!..

— То было, да прошло, не думай объ этомъ, хорошо что опомнился; прости ему прошлое. Можетъ онъ и не виноватъ въ этомъ: противъ воли своей мучился.

— Боже мой! Боже мой! Онъ меня не любилъ! Онъ меня обманывалъ.

— Какая ты, Катря! Или у насъ съ тобою и безъ того мало горя? Ты лучше поговори съ нимъ, пускай онъ тебѣ въ глаза теперь скажетъ—любитъ-ли тебя.

Она оглянулась на меня: Ты мнѣ не поминай о немъ; я его уже не увижу! Не хочу!

Слезы прервали ей рѣчь.... Господи! какъ она плакала! какими горькими упреками его укоряла!

Меня не хотѣла и слушать. Потомъ отерла слезы и быстро повернула къ дому. Въ хатѣ мать съ Чайчихой сидятъ, какъ сестры, рядышкомъ, что-то вымышляютъ и совѣтуются.

— Я не пойду за вашего сына, проговорила Катря, ставши передъ Чайчихою.

— Какъ? что? спрашиваетъ Чайчиха, испугалась, видно, ея голоса, или лица мрачнаго. И мать, какъ громомъ оглушенная, смотритъ на нее.

— Не пойду за вашего сына! крикнула Катря. Не хочу! хоть бы отецъ десять разъ позволилъ,—Богъ съ нимъ!

— Я же говорю, что подѣлано!—это чары, прямыя чары! Не даромъ она вѣдьма крикнула ему: будь бобылемъ цѣлый вѣкъ! Господи помилуй насъ отъ всего злаго! Катря стоитъ неподвижно у стола, только слышно какъ дышитъ.

Чайчиха, видно, вѣрила тѣмъ чарамъ, а какъ услышала, что Катря такъ твердо сказала свои слова, от и не стала уговаривать ее, только сказала: «такая ужъ доля«! Ласково, какъ родная, простилась она съ нами; а когда обняла Катрю, та

вздрогнула. Пошла старушка съ тяжкимъ горемъ своимъ. Катря поглядѣла ей въ слѣдъ.... Сѣла на лавку и смотритъ она по хатѣ, смотритъ на насъ пристальными и быстрыми глазами, точно припоминаетъ—гдѣ жъ дѣлось то, чѣмъ она жила? Зачѣмъ похоронили люди на вѣкъ ея счастіе?

— И слава Богу, дочка, стала говорить матушка, хорошо что ты отцу покорилась... перейдетъ печаль, найдется тотъ, кто тебя полюбитъ отъ сердца....

И хотѣла Катрю приласкать. А она, какъ упала въ подушку ницъ, точно подкошеная травка, такъ всю ночь не двинулась; только слышно вздохнетъ иногда со стономъ, словно уколетъ ее что въ грудь.

Прошло утро, прошелъ день, прошелъ вечеръ, ночь проходитъ, у насъ въ хатѣ только слезы льются, одна тоска горькая, безпомощная, лишь доносится голосъ людской да дневной шумъ; въ ночной тиши то вздохнетъ мать, то застонетъ дочь, и каждый звукъ, каждый вздохъ, точно будитъ горе, точно силы тоскѣ придаетъ, и слышно какъ мучится, какъ мечется бѣдная несчастливица, не зная, гдѣ дѣться ей?...

Пришла къ намъ Маруся. Сидимъ всѣ тихо, никто не хлопочетъ по дому, не работаетъ. И Маруся что-то грустна.

— Да ты, Катря, повидайся лучше съ нимъ; зачѣмъ такъ убиваться? говоритъ Маруся.

Какъ я его увижу? Какъ я взгляну на него? Мнѣ изъза его плеча вдовье личико прекрасное мелькаетъ... Мнѣ ихъ сердечныя рѣчи слышатся! Я ихъ любовь чую, у меня сердце сохнетъ! Она бросила его! Видите, почему тосковалъ! а я, безсмысленная, я его за ту грусть еще больше любила, я его еще нѣжнѣй жалѣла, ласкала, я его еще утѣшала!.. Охъ, тяжко, тяжко мнѣ!.. Да вы знаете-ли, что я его за то больше любила, что онъ по вдовѣ тосковалъ?

— Чѣмъ же онъ виноватъ, что прежде любилъ? промолвила Маруся.

— Никто не виноватъ, что онъ любилъ, никто не виноватъ, что я пропадаю, что я повѣрила его любви, безумная! Онъ обманывалъ себя.... а вдова жгла его душу....

— Если ты его вѣрно любишь... начала что-то Маруся опять.

— Я ли не любила его вѣрно!.. Боже! А теперь что мнѣ!.. Лучше бы я его схоронила въ землю!..

XI.

Время шло, тоска понемногу замирала—не жгла, не рвала такъ души, зато все собою покрыла, все обняла. Пошли тѣ долгія утра, тѣ вечера, что и конца имъ нѣтъ, когда все сидишь да думаешь о горѣ своемъ и какъ оно пришло къ тебѣ и какъ не покинетъ тебя никогда...

Такъ тянулись дни, недѣли, и она, живая, была словно мертвая. Иногда въ веселое, ясное утро вдругъ будто очнется отъ утренней свѣжести, оживетъ... и такими горькими слезами зальется... рыдаетъ, пока изъ силъ выбьется и утихнетъ, и опять будто ни что ей до сердца не доходитъ. Ни ласки матери, которую она такъ любила и слушалась, ни наши пріятельскія слова... — вотъ каменная точно! слушаетъ, смотритъ на насъ и точно не слышитъ ничего.

И Филипиха узнала о наша бѣда, и она, не приложила ума: что дѣлать? какъ горю пособить? Только нападала на мать, сердилась, зачѣмъона такъ слушается мужа, зачѣмъ такъ ему покоряется? чтоотъ этого все лихо идетъ! Но она больше досадовала, чѣмъ уговаривала.

Дождались отца изъ пути. Воротился онъ все тотъ же, какой пошелъ, нахмуренный, неласковый. А еще запыленный, казалось, сумрачнѣй глядитъ чѣмъ прежде. Воротился поздно вечеромъ, мы еще не ложились, а по селу всюду уже тихо было: вдругъ его грозный голосъ послышался. Мы вскочили съ матерью, кличемъ Катрю: «иди отца встрѣчать». Онъ вошелъ во дворъ мимо насъ, сказалъ только «здравствуйте», отпрегъ воловъ, прибралъ все, вошелъ въ хату, сѣлъ на лавкѣ, поодаль отъ всѣхъ. Мать подала ужинать, онъ ужиналъ молча, слова два сказалъ матери что-то о хозяйствѣ,

взглянулъ быстро одинъ разъ на Катрю—и какъ будто загорѣлое лицо его немного побѣлѣло.

А Катря стоитъ у стѣны, и сама какъ стѣна бѣла, гляжу, совсѣмъ обомлѣла. Мать тоже, хочетъ поговорить съ отцемъ, да голосу нѣтъ слова вымолвить.

— Усталъ я, говоритъ отецъ. Доброй ночи вамъ!

Я поклонилась и Катрю за руку вывела за собой, будто вмѣстѣ поклонились ему. Привела въ свѣтлицу. Она сѣла— губы синія и дрожитъ. Смотрѣть на нее—сердце разрывается! Что съ тобою? спрашиваю; неужто ты отца испугалась?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я только вспомнила... Какъ я тогда молила отца, какъ нарекала на него... Тогда у меня было счастье... Теперь не объ чемъ мнѣ просить дома, плакать, нечего ждать со стороны... ничего ужъ у меня нѣтъ!—я одна!...

— Чтобъ насъ отецъ не услышалъ, сестрица. Будемъ спать.

Я заснула. Просыпаюсь, ужъ поздно;

— Какая темная ночь! отзывается ко мнѣ Катря, сидя у окна, какая длинная! Она не ложилась, бѣдная.

Стала заря заниматься, стало весело солнышко всходить: она сидитъ. Кажись, ей и день такъ радостенъ, какъ ночь— какъ бы дождаться до вечера.

Мать знала, что Катри не бывать за Яковомъ и говоритъ она отцу: Катря сама не хочетъ за Чайченка!

Онъ очень смутился отъ этихъ словъ.

— Разскажи все какъ было, не укрывай отъ меня ничего. Какъ было, она ему разсказала.

— Помилосердуй ты надъ бѣдняжкой, другъ мой, вѣдь она послушалась, покорилась, а горе-то какое...

— Она не меня послушалась, отвѣтилъ отецъ.

Самъ задумался, встревоженный...

Мать робко на него смотритъ:—гнѣву не видать, а ужъ думъ-то, думъ на пасмурномъ челѣ.

Всталъ, надѣлъ свою высокую шапку и пошелъ по дорогѣ къ лѣсу, — а въ ту пору не было ужъ никакихъ работъ въ полѣ, никакого дѣла—а онъ пошелъ.

— Какъ онъ принялъ это къ сердцу, Господь вѣдаетъ его!

говорила мать сама съ собой, посматривая, не идетъ-ли онъ домой? Воротился отецъ уже къ вечеру.

Всѣ мы собрались въ хатѣ; вмѣстѣ и провели длинный, безъ конца вечеръ, всякъ за своей работой; но онъ ничего не говорилъ—гдѣ былъ?

И много перешло у насъ такихъ долгихъ вечеровъ, безъ словъ, безъ говору, словно люди сидятъ возлѣ тяжкобольнаго, и не взглянутъ другъ на друга; — а взглянешь— видишь печаль въ другихъ глазахъ—и рѣчи не найдешь— что сказать? Время же и идетъ такъ тихо, медленно; то вдругъ словно пролетитъ нѣсколько часовъ — видишь, масла нѣтъ уже въ свѣтильнѣ;—какъ бы и не жилъ того времени; то опять считаешь каждую минутку; точно камень большой медленно кто катитъ по груди, не дождешься, пока скатитъ...

XII.

Что̀ далѣе, то сердце Катри становилось холоднѣй, взглядъ дѣлался суровѣй; тѣ брови—бархаточки, что̀ такъ ровненько, кругленько росли себѣ, — начали сходиться вмѣстѣ, и между ними прорѣзалась морщинка. Что̀ ей ни говори, все равно слушаетъ: замужъ ли кто идетъ? умеръ ли кто?—ей нѣтъ дѣла, — не порадуется и не заплачетъ. «Все равно», говоритъ, надо же умирать когда нибудь.»

Мать все плачетъ и плачетъ, какъ рѣченька,—ни днемъ, ни ночью нѣтъ ей устану.

Отецъ также молчитъ, да, Богъ его знаетъ, не тотъ уже взглядъ сталъ у него: подъ часъ, тайкомъ, смотритъ такъ изъ подъ густыхъ бровей на Катрю, что кажется это мать смотритъ, а не онъ.

Однажды Катря, глядя въ окно, сказала тихо, будто думая про себя: «Все тучи, все непогода! когда-то будетъ ясно?» А отецъ всталъ и вышелъ изъ хаты; смотрю — ходитъ по двору и глядитъ все кверху. Вошелъ: «Отъ же,

старуха, кажись, дастъ Богъ, разгуляется погода — можно будетъ сѣно перевезть.»

Я видѣла, что это онъ Катрю хотѣлъ утѣшить. Какъ-то разъ, вошелъ и хлопнулъ дверью, такъ что Катря, сидя задумавшись, вздрогнула. Онъ это замѣтилъ; — и съ тѣхъ поръ ужъ какъ бывало отворяетъ бережно; и всегда осматриваетъ, исправна ли дверь, чтобъ подумали, что онъ для того тихо отворяетъ. Однажды, пришла къ намъ Филипиха въ новой кожушанкѣ. Я стала хвалить, что хорошо сшита и покрышка такого хорошаго цвѣта. Вдова повернулась и передъ Катрею: «Да, очень хороша!» сказала Катря. На другой день, рано, отецъ поѣхалъ со двора; черезъ недѣлю вернулся, изъ другаго уѣзда; славится тотъ уѣздъ овчинками изъ ягнятъ; и привезъ всѣмъ намъ готовыя кожушайки; — катрина покрыта такимъ цвѣтомъ, какъ у вдовы и овчиночки подобраны, какъ одинъ—черныя, черныя, точно уголь и волной и кудрями всѣ измуравлены. Какъ она примѣряла, — онъ и не смотритъ, а вижу, — слушаетъ пристально, что она скажетъ? не обрадуется ли подарку?

XIII.

Зашла къ намъ, какъ-то Филипиха. Мы спрашиваемъ, Маруся давно у насъ не была?

— Нездоровится ей. Да, слава Богу, легче. А у самой отчего то по гордому лицу слеза катится.

Ушла вдова, а я, сидя возлѣ Катри, и говорю, что это съ Марусей сталось? надо провѣдать ее. Да она такая, что отъ нея ничего не добьешься—я отъ роду не видала, чтобъ она плакала.

Катря слушаетъ — задумалась. Думала долго, словно припоминала что, и, обернувшись ко мнѣ, говоритъ:

— А знаешь, отчего Маруся такая стала? Отчего она сохнетъ? Она любитъ Чайченка!

— Вотъ еще!! вскрикнула я. Чего не скажешь, ты Катря? Вѣдь же она знаетъ, что онъ ее не любитъ...

— Онъ не любитъ, да она его любитъ! Какъ я этого давно не замѣтила?

— Да почему ты это замѣчаешь? Вспоминала ли она его когда? Она, кажись, отъ меня-бъ не скрыла. И теперь она никуда не ходитъ... А можетъ и любитъ, да другаго кого...

— Его, навѣрное! И давно любитъ.

— Она прежде насъ его знала. Помнишь, какъ всѣ мы тогда, веселыя, глупыя, сбирались на свадьбу, какъ распрашивали ее объ немъ и какъ она убѣгала отъ насъ, не хотѣла разсказывать,—помнишь? А меня то какъ спрашивала—вѣрно ли люблю его? Какъ заступалась за него передо мной: помнишь ли все?

— Я точно, какъ стала припоминать себѣ свадьбу, да слова, такъ и впрямь, это можетъ быть; а мнѣ-то и въ голову никогда эта мысль не приходила.

Гдѣ-жъ мой умъ дѣвался? что я этого непримѣтила?

Выдалась мнѣ свободная минута, я тотчасъ побѣжала къ Марусѣ, постучала въ окно: — Маруся! выйди голубушка ко мнѣ сюда, скоренько. Она вышла, а я къ ней прямо:— Маруся, ты любишь Чайченка? Она пошатнулась отъ меня, смотритъ... а у самой глаза засіяли и, личико залилось румянцемъ: — а если люблю, такъ чтожъ?

— Такъ значитъ это правда? А я Катрѣ не вѣрила, я и не думала... Вѣрно крѣпко его любишь?

— За него можно и умереть, говоритъ она, глядя добрымъ своимъ взглядомъ. Повидавши его, нельзя не любить его до смерти...

— Онъ вѣдь за тобой никогда не ухаживалъ? Онъ за Катрей... за другой...

— Богъ съ нимъ! Пусть будетъ счастливъ съ кѣмъ захочетъ, съ кѣмъ придется.

— А ты-то мучишься!

— Такъ суждено, сестрица.

— И мать твоя замѣтно горюетъ за тебя.

— Я ей ничѣмъ не докучаю

— Да она замѣчаетъ, что ты вянешь, печалишься.

— Когда бъ же все дѣялось по нашей волѣ; когда бъ я могла, я бы не вянула, была румяная.

— Ну, а если будутъ сватать тебя?

— Я не пойду замужъ.

— А мать твоя такая, что станетъ пожалуй принуждать.

— Чтожъ?—тяжко будетъ мнѣ.

— Да какъ не тяжко за нелюбаго идти!

— Нѣтъ, я говорю, — будетъ тяжко, что мать принуждать станетъ, а я не послушаюсь...

— Такъ я не понимаю, чего же ты ждать будешь?

— Ничего.

— Онъ и не знаетъ и не вѣдаетъ, что ты его любишь!

— Пускай и не знаетъ никогда.

— Горе тебѣ, съ этой любовью! Я и не слышала, чтобъ кто такъ любилъ. Какъ же любить, любить... а тотъ и не знаетъ, что его любишь.

— Правда, что горе. Пускай же будетъ милое горе, когда нѣтъ милаго счастья!

— Прощай, моя непонятная Марусенька.

— Будь здорова!

Провела меня немножко, еще разъ попрощалась и пошла домой тихо, склоня голову на руку.

Иду себѣ, да думаю: чего-то на свѣтѣ не бываетъ: сносила бы только наша голова?

И тотъ Чайченко или его маленькимъ въ любисткѣ мать купала? или что другое? отчего дѣвушки такъ по немъ сохнутъ? Ужъ коли на правду пошло, то и мнѣ не одну ночку онъ снился. Я ужъ думала, думала, пока опомнилась... Надумалась, вздохнула: «мнѣ ли сиротѣ этого счастья ждать?» Да какъ сказала: полно!..—и полно... Иногда бываетъ будто что уколетъ подъ ложечкой, когда скажутъ: «Чайченко»; ну да это съ испугу можетъ быть.

— А что? спрашиваетъ Катря меня и хочетъ усмѣхнуться, не угадала я?

— Твоя правда, кто-бъ подумалъ? Вотъ судьба сошлась.

— Горько напрасно любить, промолвила Катря, горько напрасно ждать, а еще горче разлюбить и ничего не ждать!

XIV.

Катря одно только любила — пойти въ поле, въ лѣсъ; будто легче ей было дышать.

Бродили мы такъ однимъ утромъ.

Небо было ясное, да веселое; зашли мы очень далеко, даже до самыхъ пещеръ. Мѣсто тамъ дикое такое, незаселенное, только бѣлые мѣловые шпили горъ блестятъ на солнцѣ, да межъ ними катится рѣчка глубокая: ни дерева ни цвѣтка, ни птицы не увидишь.

— Катря! говорю я,—мы далеко уже зашли.

Пойдемъ въ пещеру — отвѣчаетъ мнѣ, да съ тѣмъ словомъ и пошла; я за ней: «не ходи, Катря», прошу, а она дальше.

Темно было совсѣмъ въ пещерахъ и свѣжо какъ въ погребѣ. Кое-гдѣ сверху въ трещину горы падалъ солнечный лучъ блестящей полосой.

Катря идетъ все дальше да дальше; ужъ тяжело дышать мнѣ: — «вернемся, говорю, Катря!» идетъ дальше..... Дошли къ тому мѣсту, гдѣ въ стѣнѣ сдѣлана точно постель съ изголовьемъ. Пещера низкая, только что головой человѣкъ недостанетъ; на другой стѣнѣ вырѣзаны кресты, а передъ тѣми крестами на полу ямка: стоялъ тутъ кто-то годы цѣлые на молитвѣ,—поклонами ямку выбилъ.

Катря стояла и глядѣла, а сама отчего-то не спокойная, тревожная..... Какъ рванетъ съ себя кораллы дорогіе, они такъ и разсыпались! Я кинулась подбирать: «что съ тобою Катря?» а она упала на колѣни возлѣ той каменной постели, слезами обливается «что ты, что ты, сестрица говорила я, испугавшись, «Богъ съ тобой! А она не откликается и плачетъ.

Насилу я вывела ее изъ той пещеры на свѣтъ божій. Что съ тобою, Катря?»

— Я въ монахини пойду, они говоритъ весело, какъ бы нашла что да обрадовалась. Меня какъ громомъ ошеломило.

— Будетъ мнѣ покой, промолвила.

— Въ монахини? говорю а мать? а отецъ?

— Идемъ домой, идемъ! перебила она меня, пусть отецъ да мать снаряжаютъ!

И почти бѣгомъ домой, а я за ней.

Вошли мы въ хату. Это было въ праздникъ. Отецъ и мать сидѣли у стола, разговаривали. Катря поклонилась имъ въ ноги и проситъ:» Батюшка и вы, матушка, отпустите меня въ монахини, буду вѣкъ Богу молиться, благословите меня».

Мать всплеснула руками. «Дитя мое милое!» Отецъ всталъ.

— Я пойду въ монахини, промолвила снова Катря, Богу молиться.

— Ты у насъ одна, дитятко мое; мы тебя лелеяли, а ты думаешь насъ покинуть на старость,—плачетъ мать.

— Лучше буду за васъ Бога молить, говоритъ Катря.

— Полно, дочка, полно, молвилъ отецъ, чтобъ я такого слова не слыхалъ больше отъ тебя!

— Такъ вы меня не пускаете, вскрикнула Катря. Пустите. Не губите души моей!

— Я сказалъ: полно—ну и полно! Я никогда тебя, молодую дѣвушку, на это не благословлю!

— Приметъ ли тебя Богъ милосердый, если родители не благословятъ, дитя мое? уговариваетъ мать.

— Пустите меня..... не губите души моей. Я пойду, все одно твердитъ.

Прошло съ недѣлю времени. Въ одно утро встаемъ мы, нѣтъ Катри: гдѣ это она? хожу вездѣ, кличу—не отзывается; мать себѣ искать—какъ въ воду канула, никто изъ сосѣдей даже не видалъ, чтобъ шла. Вѣрно вышла погулять рано, говоримъ, а самимъ не вѣрится что-то; такъ сердце и замираетъ.... Уже и полдень, нѣтъ Катри, вечеръ, ночь не приходитъ она. Мать, бѣдная, по десяти разъ въ каждый уголокъ засматриваетъ; какъ сонная стала, все мается—приставляетъ руку къ глазамъ, не видать ли? Отца дома не было. Какъ пріѣхалъ, услыхалъ, блѣднѣетъ, блѣднѣетъ... точно свѣча тухнетъ.

— Когда? спросилъ онъ.

— Вчера раненько, проснулись мы, а ее ужъ нѣтъ! — Отецъ перепрегъ другихъ лошадей и уѣхалъ.

Два дня его не было. На третій вернулся.

— Нашелъ? спрашиваетъ мать, издалека его увидавши, бѣжитъ къ нему.

— Нѣту, отвѣтилъ.

Сколько ни искали, сколько ни спрашивали — нѣтъ и нѣтъ. «Куда-то она пошла, бѣдное дитя мое!» плачется мать день и ночь:—можетъ теперь въ великой бѣдѣ, можетъ....

Отецъ молчитъ; только будто что гнететъ его голову къ землѣ—идетъ или сидитъ, все наклонившись.

Нѣтъ хуже на свѣтѣ неизвѣстности ничего: ни успокоиться, ни погоревать не дастъ хорошенько; такъ и мы жили. Что часъ, Катрю хоронили; что часъ, къ живымъ возвращали; нужду и горе ея не вѣдаючи, оплакивали, то надежду полагали, что Богъ ей во всемъ поможетъ, на доброе выведетъ.

Говоримъ бывало съ матерью да вспоминаемъ, — отецъ слушаетъ, склонивши голову.. Самъ слова не проронитъ. Приходили то и дѣло къ намъ люди навѣстить насъ, въ горѣ; всего чаще забѣгали наши знакомыя молодицы—жалобницы; онѣ тутъ бывало у насъ и наговорятся и наплачутся; каждая, кстати, и свое горе припомнитъ. Осуждала насъ Филипиха, что мы сами виноваты за Катрю, а сама горевала пуще нашего за Марусю, съ такою жъ виною.

Протянули мы осень и зиму; дождались снова весны,— все тоска, тревога.

Прошли слухи, что гдѣ то въ уѣздѣ, видѣли дѣвушку, что никто ее не зналъ, кто она такая; — отецъ ѣдетъ спрашивать, все кругомъ объѣдетъ, — нѣтъ; провѣдаетъ, что мертвую нашли, — ѣдетъ скорѣй на нее посмотрѣть; гдѣ-то утопшую вытащили — отецъ туда: Мы плачемъ, какъ онъ ѣдетъ — плачемъ, какъ и пріѣдетъ — гдѣжъ она, радость наша? Утромъ какъ-то кличутъ отца да мать къ священнику. Мать и перепугалась, и обрадовалась, — что такое? Зачѣмъ это? спрашиваетъ дьячка, что пришелъ за ними, — скажите намъ, голубчикъ?

— Богъ его знаетъ, матушка, не знаю.

И въ правду онъ былъ таковъ, что ничего, кромѣ сво-

его клироса, не зналъ; и голова-то у него была такая крошечная, какъ зернышко.

Приходятъ наши къ священнику, а онъ имъ говоритъ: Радуйтесь, ваша дочь жива и здорова.

Разсказываетъ онъ что Катря уже въ монастырѣ, далеко, подъ Кіевомъ гдѣ-то, что письмо ему пишутъ изъ того монастыря, дескать такая-то дѣвушка изъ вашего села пришла въ нашъ монастырь и осталась, имѣя благое наитіе (какъ то онъ по книжному читалъ) монахинею быть; — а игуменья узнавши, что родители у ней зажиточные, пишетъ:» неблагоугодно ли имъ будетъ пожертвовать что на братію, потому что она поселилась у нихъ въ такой бѣдности, что и сказать нельзя; монахини изъ милости обдарили ее чѣмъ кто могъ; а пусть родители не заграждаютъ ей спасенья, что это тяжкой грѣхъ и пусть шлютъ дочери свое благословеніе. «Мы молимся Богу; пишетъ,» что не забываетъ насъ, посылая новыхъ агнцевъ къ нашему стаду, а васъ просимъ, чтобъ наставить на путь родителей: всякое даяніе благо!»

— Ну пишите, люди добрые, дочери благословеніе, говорилъ священникъ, не отговаривайте ее: все равно ее не вернете, только горести прибавите сами и на грѣхъ пойдете:— Она не вернется уже? — спрашиваетъ мать, никакъ уже нельзя, батюшка?—Какъ же можно! она до смерти Божья раба: пишите благословеніе ваше.

— Пускай же ее Богъ благословитъ дитя мое милое! промолвила мать, рыдаючи.

— А отецъ стоитъ, глубоко задумавшись.

— Вотъ и хорошо, говоритъ священикъ, посматривая на отца, я такъ и напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ! отозвался тогда отецъ, за меня, за отца, не пишите, батюшка, я не благословлю.»

— Какъ же это? Да это грѣхъ большой тебѣ будетъ, грозитъ священникъ.

Отецъ молчитъ. Полно, полно, уговариваетъ его. Напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ не благословляетъ никогда,—это

напишите, коли хотите; такъ напишете правду. Прощайте, батюшка.

Поклонился старикъ да и домой.

Мать, бѣдная, только плачетъ — ей одно — слезы.

— Какъ же это будетъ? говоритъ священникъ матери.— Не бросить же безпомощное дитя свое, какъ сироту?

— Боже мой, какъ же бросить! отвѣчаетъ мать.

Смотрю, мать все вяжетъ узелки, да разматываетъ клубочки, — размотаетъ, а тамъ въ серединѣ цѣлковый новенькій, а въ иномъ червончикъ—скорѣй его въ узелокъ, чтобъ старикъ не замѣтилъ. А отецъ и видитъ, что она копается— да будто не видитъ. Собрала, побѣжала огородами къ священнику.

— «Это хорошо», говоритъ священникъ; когда-нибудь и онъ раздумается — это Божья воля, и благословитъ дочь, а теперь напишу, что мать ее благословила.

А тутъ люди провѣдали — идутъ къ намъ, обрадованые.

— Дочка ваша жива! Слава Богу милосердому! крестятся старушки; что еще, не монахиней? А далеко? Можно навѣстить хоть и далеко, лишь бы жива и здорова была. Можетъ и вернется, послуживши Богу — присмотрѣть вашу старость.

Мать благодаритъ, утираетъ слазы. Отецъ все молчитъ. Кто-то изъ гостей говоритъ ему: «ваша дочка»... — «У меня нѣтъ дочки!» перебилъ ему рѣчь отецъ. «Ваша дочка— монахиня! Нѣтъ у меня дочки, отвѣтилъ онъ снова.

Недѣли черезъ три получилъ опять священникъ письмо, что Катря благодаритъ отца и мать за ихъ родительское попеченіе и за деньги; проситъ и впередъ не забывать о ея нуждахъ.

— Какъ ей тамъ живется, батюшка? хорошо? Здорова-ли она? распрашиваетъ мать.

— Разумѣется, хорошо въ божьемъ домѣ. А дьячекъ отозвался: кто это знать можетъ? Она тамъ — а мы тутъ.

— Ты молчи, Пантелеймонъ, когда тебя не спрашиваютъ старшіе! сказалъ гнѣвно батюшка.

И вотъ — и рады мы, что Катря жива и тяжело намъ, что ея нѣтъ межъ нами и никогда не будетъ; не слы-

шитъ мать того голоска, что съ колыбели откликался ей привѣтно, который всю жизнь звенѣлъ ей такъ радостно....

Отецъ въ эти полгода, не болѣе, посѣдѣлъ сразу — какъ дубъ зимой, на немъ листья держатся, да цвѣтъ не тотъ...

Какъ повстрѣчались мать съ Чайчихой, — плакали обѣ, неутѣшно, и еще больше дружить стали — вѣрно горе скорѣе людей сближаетъ, чѣмъ счастье.

Чайчиха къ намъ чаще ходила, потому что мать стала прихварывать.

Придетъ бывало и Филипиха. У ней свое горе гложетъ сердце, да никогда не пожалуется; слеза ей дорога была. И теперь, будто вижу ее: придетъ бывало, сядетъ какъ-то выше всѣхъ, поглядываетъ, словно судомъ пришла судить и каждое словцо какъ отпечатываетъ.

— И моя Маруся, Богъ ее знаетъ!— вянетъ, точно былина. Что ей? — ума не приложу. Или времена такія настали, что скоро свѣту конецъ. Право, за нашей молодостью этого не слышно было.—Теперь сватаетъ ее Похиленко. «Не хочу, да и только!» Коли ты, говорю, охотою не йдешь, такъ я тебя силой отдамъ. «Отдайте; только вы мнѣ, матушка, свѣтъ загородите—и ему вмѣстѣ. Не будетъ у насъ въ хатѣ ни любви, ни ласки... Я его не знаю хорошо, и не люблю, и не буду любить... Хоть пожалѣйте чужое дитя — за что и ему руки связывать».

— Что жъ, я говорю, и ты хочешь въ монахини? И ты думаешь меня на старость покинуть?

— Нѣтъ, мама. Пока Господь васъ на свѣтѣ держитъ, я васъ никогда не покину.

— Можетъ зазнобушка, есть, да боишься признаться; можетъ какого убогаго сироту полюбила? Ужъ что-нибудь да тебя съ ума сводитъ?

— Никто меня съ ума не сводитъ.

Замолкнетъ Филипиха и задумается; а головы не склонитъ ни за что — все гордо ее держитъ.

Мать съ Чайчихой поведутъ рѣчь про хозяйство: какъ пчелки теперь роятся, что неблагополучно гусенки выводятся, а подъ конецъ все сведутъ рѣчь на дѣтокъ своихъ....

— Побѣгу бывало къ Марусѣ. «Какъ живешь, можешь, сестрица? спрашиваю. Не-ужъ-то до сихъ поръ любишь? — не стоитъ того дѣло!

— Что дѣлать! говоритъ.

— Онъ, кажись, скоро женится — мать-то его все умаливаетъ: «женись, да женись».—Разсказывала намъ, и, говоритъ, «сказалъ ей: «женюсь» —

— Дай Богъ ему счастья.

Вспомянемъ бывало Катрю; споемъ любимую ея пѣсенку: «Ой выйду я за гаечокъ»; поцѣлуемся; посмотрю ей въ тихія очи — жаль ихъ — тухнутъ ни за что, ни прочто, и бѣгу домой.

Чайченко снова появился межъ нашими молодцами. Такой же красавецъ, да едва-ль не лучше сталъ? Если милый поболѣетъ, или горе какое потерпитъ,—крѣпче къ нему глупое сердце льнетъ.... Снова такой же привѣтливый ко всѣмъ, опять со всѣми говоритъ, а не любитъ, кажись, никого, послѣ вдовушки, какъ обвѣнчалась съ шинкаремъ.

Съ Марусей встрѣчаются... Ну хоть бы разъ я замѣтила, чтобъ она прошла мимо его, чтобъ взглянула такъ, какъ дѣвушкамъ не учиться взглядывать — что, дескать, любитъ его. Только стала румянѣй, какъ началъ онъ показываться на свѣтъ.

— Какая ты розовенькая, говорю.

— А мать все говоритъ, что я хвораю, да грущу; пойду, пусть увидитъ меня румяную.

— Но меня не надуешь румянцомъ; правда, что грустишь ты.?

— Правда, не весело, серденко.

— Ты все изъ-за него печалишься; а чего? ему на свѣтѣ не хуже другихъ живется!

— Кто знаетъ, какъ ему! вымолвитъ она, и румянецъ спрячется.

Однажды собрались къ намъ люди и Филипиха пришла, смотримъ и Чайчиха подъѣзжаетъ. Послѣ того и другаго, Чайчиха и говоритъ вдовѣ, сидя съ нею въ уголкѣ:

— Доброй дочкой васъ благословилъ Господь. Я ужъ днаво примѣчаю, такая тихая, какъ ангелъ. Кого-то, поис-

тинѣ, Богъ наградитъ такою парою, и свекрови легко будетъ дышать съ такою невѣсточкой.

А Филипиха говоритъ: «она мнѣ и радость и горе — вижу, что какъ свѣча горитъ. А что ей такое? не вѣдаю.

— Да она гораздо веселѣй стала — будетъ здорова!

— Не говорите—она вянетъ, что̀ осенній листъ.

— Мой Яковъ — добрый сынъ, не матери бы хвалить, перегулялъ уже свои молодецкіе года; часто ему говорю: одружись на вѣки сынокъ; найди себѣ парочку!

— Хорошо, сказалъ вчера, пріищите сами, мать моя, женюсь, — не разгуляется-ли свѣтъ мнѣ съ доброй жинкой? — Начто мнѣ искать ему лучшей пары, какъ ваша дочка? Коли вы не отъ насъ — велите, голубушка, къ себѣ сватовъ слать!

— Моя Маруся какъ не захочетъ — я ее неволить не стану.

— Хоть спросите ее, милая, какъ она?

— Хорошо, я спрошу! Вышла въ садикъ, будто прогуляться, и кличетъ Марусю, черезъ плетень. А я тутъ же стала за кустикъ и слушаю:

— Маруся! говоритъ, смѣясь вдова, вотъ ты и не ожидаешь, объ чемъ я тебя спрошу: пойдешь-ли ты за Чайченка, за Якова?

— Пойду, отвѣтила Маруся, не подумавъ ни минуты. Филипиха даже руки кверху подняла, удивилась — видно никакъ не ожидала такого скораго отвѣта.

— Ты исполняешь мою волю или по своей любви говоришь? спросила, не смѣясь, Филипиха.

— По своей любви, матушка.

— Такъ ты его любишь? и давно?

— Съ той поры, какъ знаю, матушка.

Больше Филипиха ничего не сказала, а только говоритъ: «я тебѣ не запрещаю.»

На другой день пришли отъ Чайченка сваты къ Марусѣ, и она подавала рушники.

Сошлись люди. Чайченко съ Марусей говоритъ ласково такъ, съ другими дѣвушками тоже — со стороны не узналъ бы, которая ему невѣста. Подъ-часъ подойдетъ къ стѣнѣ

и вздохнетъ тяжело.—А Маруся, какъ зорька горитъ—тихая, ясная; а что она думаетъ?—ее не разберешь.

Маруся, говорю ей, вотъ ты замужъ идешь — развѣ не приходитъ тебѣ въ голову, что онъ беретъ тебя не по любви?

— Знаю, что онъ меня не любитъ,—я это давно и хорошо знаю, — да вѣдь и не чуждается. Онъ ко мнѣ приходитъ, говоритъ... я ему буду какъ сестра родная угождать, веселѣй будетъ ему въ хатѣ со мною, нежели теперь одинокому.

— Трудно такъ жить, Маруся, чтобъ не пришлось послѣ раскаяться!

— Отчего трудно? Повѣрь, что каяться не буду. Я никогда не думаю, тяжело ли мнѣ, трудно ли мнѣ будетъ: будетъ какъ будетъ — я перетерплю все.

XVI.

Перевѣнчали ихъ осенью.

А мнѣ все что-то грустно да грустно. Побѣгу хоть къ Марусѣ,—разсѣю мысли.

Говорю, бывало, самой себѣ: глупая, неразумная голова! Что тебѣ такое? И снова иду къ Маруси—лишь какое нибудь дѣло найдется. Да она же добрая такая! и любопытно мнѣ, какъ-то они живутъ? И стала я къ нимъ часто хаживать...

И какъ бывало къ нимъ ни придешь—у нихъ мирно и согласно, да только чинно ужъ что-то—точно гости сидятъ хозяева. Нѣтъ того, вотъ какъ бываетъ, мужъ и жена гостей принимаютъ: «а ну, муженекъ, внеси-ка другъ намъ изъ каморы прошлогодней, знаешь!» а ну, жинушка, пошевеливайся живѣй съ ковшикомъ возлѣ дорогихъ гостей!» Тамъ видишь, живутъ мужъ — жена, что два голубя: горесть и радость, думы, заботы — все пополамъ. Одинъ начнетъ разговоръ, другой перебьетъ, доскажетъ: я, молъ, лучше помню. А наши молодые хоть сидѣли и рядыш-

комъ близко другъ къ другу, а видишь, словно желѣзная стѣна межъ ними стоитъ. Одинъ хочетъ пройти, другой сейчасъ мѣсто дастъ, подальше отступаетъ, точно коснуться боится... Она съ нимъ говоритъ какъ дочь съ отцомъ, а онъ съ нею какъ зять съ тещею.

Филипиха, отдавши дочь, одна себѣ жила.

— Какъ Богъ милуетъ? привѣтствуетъ бывало ее матушка.

— Одна живу! отвѣтитъ; того не скажу, что одной жить тяжело.

Придетъ къ дочери и завидно ей видѣть, что тамъ безъ нея своя семья.

— А что ваши дѣтки?» строситъ кто нибудь.

— Была въ гостяхъ у нихъ, тамъ все благополучно.

— Свекровь Марусю вашу очень любитъ словно родное дитя.

— Маруся угождаетъ свекрови, какъ мнѣ угождала...

Съ зятемъ Филипиха обходилась учтиво, точно съ посторонним человѣкомъ: не чего ей говорить ему, не объ чемъ и спрашивать. «Зять мой» скажетъ бывало въ разговорѣ такимъ голосомъ, какъ, говорятъ, «далекій уѣздъ.»

— У васъ теперь двое дѣтокъ: дочка и сынокъ»; было скажетъ ей кто нибудь, желая поддобриться.

— Дитя родное и только.

Ужъ какъ старуха Чайчиха ей не угождала, какъ за нею не ухаживала, у Филипихи словно глаза и уши завѣшаны. Никому она такъ такъ гордо не кланялась, какъ той бѣдной Чайчихѣ и та бывало ночей не досыпаетъ — думаетъ: за что она въ немилость сватьѣ попала; да снова прислужится ей чѣмъ нибудь. Сама старушка въ этомъ намъ признавалась. Потомъ она уже потеряла надежду уласкать Филипиху и какъ въ хату, Чайчиха тихонько изъ хаты—хоть гдѣ нибудь тамъ подъ заборомъ пробудетъ, пока Филипиха сидитъ у нихъ.

— Дождусь пока простится, тогда я и войду. Не хочу ей докучать собою, не хочу ее гнѣвить—Богъ съ нею, говоритъ бывало Чайчиха. Еслибы она не печалила меня, какъ бы хорошо жилось намъ: у насъ въ хатѣ мирно, любо! Я ужъ и

не знаю, кого я больше люблю, своего ли Якова или Марусю! часто подумаю себѣ, грѣшная, ея ли это дитя? Что оно такое доброе, нѣжное,—эта Маруся. Старушка не долго порадовалась дѣтками; на другой годъ послѣ свадьбы сына умерла. И не болѣла трудно, а какъ свѣчка потухала. Послѣ того Филипиха стала ходить къ дочери каждый день—домой только на ночь придетъ, а иногда тамъ и ночуетъ у дочери. Даже глядѣть веселѣе стала. Радостная, что опять одна съ дочерью, что не кому другому угождать; она не очень-то тревожилась, что Чайченко почитай не живетъ дома, а только навѣдывается, и все грустнѣй становится, нетерпѣливѣй Вотъ и дочку Богъ имъ далъ — отпраздновали крестины, а отецъ куда то все спѣшитъ, торопится; расчесываетъ кудри, такъ что гребень трещитъ.

Примѣчала ли Маруся все это? Да какъ не примѣтить, когда любишь? что укроется отъ любящаго глаза? Но Маруся никому ничего не говорила, не жаловалась. Хотѣла я какъ нибудь свернуть въ эту сторону рѣчь—она замолчитъ, начнетъ о другомъ, словно не дослышала меня, и, смотришь на нее — личико спокойное, ясное — та же зорька, не туманится. Вотъ, думаю, душа то!—и нѣжная и какъ камень.

Чѣмъ больше изъ памяти выходила покойница Чайчиха, тѣмъ сумрачнѣй опять становилась Филипиха: не добрымъ окомъ стала она глядѣть на зятя. Сначала и довольна была, что онъ часто отлучается изъ дому, да потомъ примѣтивши, какъ дожидаетъ его Маруся, какъ выходитъ навстрѣчу ему... что называется, по ниточкѣ до клубочка, Филипиха добралась, какъ оно дѣло то есть; видитъ, зять дома почти не говоритъ, все спѣшная ему работа есть; идетъ, сбирается изъ дому, такъ у него глаза блестятъ...

XVII.

Какъ идти изъ нашей слободы въ Любчики, то при дорогѣ стоитъ корчма; держалъ эту корчму жидъ Гершко.

Давно онъ жилъ здѣсь; я думаю и выросъ тамъ; ужъ старый такой. Извѣстно какіе эти жиды долговѣчные: посѣдѣетъ, побѣлѣетъ, пожелтѣетъ да еще и тогда все-таки живетъ,—бѣда съ ними!

И этотъ Гершко такъ: жилъ, жилъ да вдругъ возьми да и умри. Вотъ тогда снялъ корчму изъ нашихъ людей,—говорятъ, богатый такой, злой такой, да еще и шутникъ, а жена красавица, говорятъ, веселая.

Это приключеніе случилось съ жидомъ въ то время, когда умерла старая Чайчиха.

Видимъ мы, Филипиха недѣли двѣ не выходитъ изъ своей хаты и не больна, ничего, и Маруся къ ней нейдетъ.

А что вы все дома? спрашиваемъ; у ней какъ васъ Богъ милуетъ?

— Спасибо, здорова.

— Давненько вы не были у своихъ дѣтокъ:—какъ они тамъ? И Маруси не видать! Что такъ работой занялась?

— У нея дитя больное.

— Да какъ же она тамъ—сама справляетя?

— Пусть живетъ своимъ умомъ, говоритъ Филипиха. Я у своей дочери не много значу,.. не великъ почетъ мнѣ отъ нея... она промѣняла меня на свекровь свою... она меня промѣняла на мужа... Любили ли они ее когда нибудь такъ, какъ мать родная, что ее на рукахъ выносила, выростила! Онъ ее никогда не любилъ—она захотѣла за него замужъ,—а теперь она возлѣ больнаго дитяти день и ночь не спитъ — а онъ, надѣлъ шапку, да, какъ воръ, къ своей красавицѣ, огородами...

— Полноте, можетъ это неправда!

— Неправда? Я ужъ давно вижу, какъ онъ изъ дому рвется, какъ она его дожидаетъ, — встрѣтитъ его, а онъ мимо пройдетъ и не взглянетъ, — я стала слѣдить и узнала, что ходитъ онъ въ корчму. Я сначала думала: пьетъ потихоньку. Говорю Марусѣ: знаешь ли ты, что твой муженекъ въ корчму ходитъ? Она побѣлѣла, какъ мѣлъ—молчитъ. Не пускай ты его изъ дому, скажи ему.—Какъ же я его не пущу? отвѣтила—можетъ, онъ по какому дѣлу?—Скажи ему, упроси его.

— Она жъ и словечка не сказала, когда онъ вечеромъ ухо-

дилъ.—А ты тутъ при мнѣ же не послушалась моего совѣта, говорю, ты не вѣришь материному разуму — хорошо же!

Я вышла отъ нихъ да за нимъ слѣдомъ, ничего ей не сказавши; не спускаю его съ глазъ, а онъ меня не видитъ; хочу своими глазами увидать и при людяхъ; можетъ хоть тогда дочь повѣритъ мнѣ.

Дохожу до корчмы, изъ сада — слышу разговариваетъ съ кѣмъ-то близенько мой зять—его голосъ. А мѣсяцъ свѣтитъ... Я ближе—гляжу подъ яблонею стоитъ молодица, рукава засучены у ней за бѣлые локти, подпершись рукою въ тонкій станъ и слушаетъ, что мой зять говоритъ, а онъ:» какъ не увижу тебя моя радость, хоть денекъ, такъ съ тоски готовъ свѣтъ кинуть. Я безъ тебя жить не могу, и не хочу жить: пропадай все! хочу только наглядѣться еще на тебя! услышать изъ твоихъ сладкихъ устъ пагубу свою! Я вчера, говоритъ, и намедни напролетъ всю ночку поджидалъ здѣсь: развѣ ты этого не знала?—А она ему въ отвѣтъ: что, говоритъ, твоя жена молодая скажетъ тебѣ, что не сидится тебѣ, — ни днюешь, ни ночуешь дома? И смѣется онъ — «ничего».

— Какъ ничего? насмѣхается она. Развѣ она тебя не любитъ? — Не знаю;—«а зачѣмъ же ты ее не спросишь—а?» засмѣялась она громко. Охъ мужъ услышитъ! бросилась, поцаловала его—словно ужалила и убѣжала.

— Постой, погоди минутку! она рукой махнула. И пошелъ онъ за нею въ корчму, а я къ дочкѣ.

— А что чья правда? говорю я Марусѣ. Она глядитъ на меня. — Судилъ тебя Богъ парою, чтобъ не судилъ онъ и враговъ нашихъ!

— Матушка! что вы Бога гнѣвите! укоряетъ меня дочка моя; тогда я разсказала ей все, что видѣла, что слышала. «Охъ мать моя! начто вамъ было подсматривать?»—А то лучше, когда дурачатъ да и обманываютъ — » Онъ меня не обманываетъ! и отворачиватся, чтобъ я не замѣтила слезы.—Ты еще мнѣ не вѣришь, я тебѣ докажу!—Да я его никогда не спрашивала, любитъ ли онъ меня?—» Не спрашивала любитъ ли онъ тебя? Такъ ты его тоже не любишь стало быть? Люблю.» Что съ нею станешь говорить? Я въ толкъ не

возьму, что у ней въ мысляхъ? — Пришелъ онъ, а она идетъ его встрѣчать, двери ему отворяетъ, какъ отцу родному, какъ милому другу... Если уже тебѣ самой себя не жаль, думаю, такъ спрошу я его, гдѣ былъ голубчикъ до полуночи? за какимъ важнымъ дѣломъ? Спрашиваю: онъ смутился, смѣшался, глядитъ въ сторону,—а дочка моя: полно, матушка! Мы сами поговоримъ о чемъ надо и спросимъ другъ друга—ужъ время отдохнуть и вамъ.

Мнѣ ужъ тутъ больше нечего и говорить; не стала ее и слушать — тотчасъ же домой, ночью пошла. Съ той поры не была у нихъ и не буду.

— А внучка ваша очень больна? спрашиваетъ матушка.

— Не велика болѣзнь тамъ, толька велика марусина тревога!

— Что жъ онъ, о дѣтяхъ своихъ покрайности безпокоится!

— Кто, онъ? Врядъ ли знаетъ, что дитя больное; онъ никогда, я думаю, и не взглянулъ на него.

— Не отрекайтесь отъ крови своей, родная, проситъ матушка, не чуждайтесь своей утѣхи!

— Я также не безъ своего ума въ головѣ! отвѣтила на это Филипиха.

— Пойду хоть я провѣдаю Марусю, говорю я матушкѣ. — «Иди дочька. Прихожу, она одна въ хатѣ сидитъ на лавкѣ, качаетъ больное дитя.

— Здравствуй, мое серденько! бросилась къ ней.

— Здравствуй! Спасибо тебѣ милая сетрица—провѣдала меня.

— А что твоя говорушечка?

Она глянула на ребенка — «Все плачетъ, бѣдная.»

— Была у насъ твоя мать, сестрица.

— Что жъ она? Какъ поживаетъ?

— Что-то на тебя разгнѣвалась: сказала, не пойду больше въ Любчики.

— Какъ жаль, Боже мой! промолвила Маруся, я ужъ больше объ этомъ не стала и говорить.

Зашелъ у насъ разговоръ про старинку, вспомнили прежнее, даже и дѣтскіе наши годá и прежнее дѣвичье безпечальное время.

Вотъ ужъ и вечеръ, а мужъ ея не приходитъ. И ночь наступила ужъ—а онъ не приходитъ. Она ждетъ спокойно, терпѣливо... шолохнетъ гдѣ нибудь,—она наклонится въ ту сторону, какъ что потянетъ ее туда. Опять все утихнетъ—нѣтъ никого. Она даже не вздохнетъ и снова ожидаетъ. Я и ушла, не видавши его, — не воротился, а ужъ ласточки начали перекликаться.

— Скажи моей матушкѣ, что я приду къ ней, какъ только ребенку будетъ полегче, просила меня Маруся, прощаясь.

Чрезъ нѣсколько дней вдругъ заболѣла вдова. Мы къ ней, позвали всѣхъ знахарокъ и лекарокъ—да никто не угадаетъ хворости. «Ничего не болитъ», говоритъ; а сама все слабѣй и слабѣй становилась, пока совсѣмъ изнемогла, тогда уже слегла въ постель. Лежала она суровая, мрачная. Маруся пріѣхала съ дитятею къ ней; дитя еще не совсѣмь оправилось, все еще кашляло. Памятно мнѣ то время—ночью не спимъ всѣ, тихо по селу, только собаки порой залаютъ и начнуть выть. Закричитъ дитя—Маруся наклонясь покачаетъ люльку, а Филипиха блестящими очами всматривается, глядитъ на мать, на дитя. Она не спала всѣ ночи, ни на волосъ.

Глядѣла все мрачнѣй, да суровѣй, пока стала мѣняться въ лицѣ; ужъ какъ Маруся не угождала ей, ни припадала къ ней — мать ни разу не обласкала ее, не глянула нѣжно на дитя свое. Когда бывало Маруся, ласкаяся къ ней, спроситъ: матушка! о чемъ печалитесь? вы не заботитесь о своемъ здоровьѣ? — она всѣ слова принимаетъ холодно. И послѣдняя ея рѣчь была: «Лучше говоритъ, обиженному умереть, нежели съ обидой на свѣтѣ жить—мучиться». И умерла.

XVIII.

Многое вокругъ насъ измѣнилось, перебывало межъ людьми. Сколько въ селѣ поженилось, сколько замужъ повыходило! Сколько радостей и сколько печалей извѣдано. А мы, какъ на острову живемъ, въ сторонѣ людей—видимъ только, какъ

радости проскользнули, какъ печали утихли—какъ одно за другимъ шло новое у людей; мы же все съ своею старою кручиною, какъ нищій съ сумой, не разлучаемся. Отецъ все больше ходилъ то въ Крымъ, то на Донъ — размыкать кручину свою. Воротится бывало, глядитъ точно орелъ степной, сивой, что сто лѣтъ по могиламъ сиживалъ; мать становилась все слабѣе. Отъ Катри вѣсти рѣдкія. Пишутъ монахини, что жива, здорова, молится за свои и родительскіе грѣхи, пришлите ей того, другаго. Мать шлетъ и печенаго и варенаго, о чемъ только попросятъ.

У Маруси не веселѣе въ хатѣ. Чайченко подъ заборомъ подлѣ корчмы часто день и ночь проводитъ. Безъ дѣла въ шинкѣ какъ сидѣть?—шинкарь ревнивъ и возметъ себѣ на умъ. «Ну, давай водки!» и пьетъ съ разными оборванцами, что́ все свое имущество переносили проклятому Гершку.

А у хмѣльнаго, вѣстимо, разумъ не тотъ: посмотрѣлъ можетъ чрезчуръ пристально на шинкарочку, вырвалось слово лишнее въ разговорѣ съ нею,—кто то любопытный и подхвати, да разславь по селу, — вотъ и пошли пересуды. Стали молодицы приставить тогда къ Марусѣ съ распросами да жалостями а старушка съ совѣтами; повѣрь, да повѣрь моей старости и мой таковъ былъ; да помогли добрые люди — отшептали; на то наука! только Маруся на всѣ распросы и совѣты одно, знай, говоритъ:» онъ для меня добръ, можетъ людямъ показалось такъ». И совѣтницы и жалобницы, обидѣвшись, не стали ходить къ Марусѣ: «пусть ее терпитъ. И провѣдать никто не провѣдаетъ. Мы съ матушкой частенько идемъ бывало къ ней— старушка какъ посмотритъ на Марусю, на ея дитя, какъ поплачетъ надъ ними, то будто ей легче станетъ, подумавъ, что и Катря такъ бы страдала. Одинъ разъ иду я къ Марусѣ, тропинкою, чрезъ огородъ — это было въ праздникъ, подхожу къ хатѣ, слышу звонкій хохотъ: что это у ней загости веселые? Вхожу. За столомъ сидитъ Маруся, Чайченко и гости— молодица и человѣкъ. Что за красавица, эта молодица. Я ее тотчасъ же узнала, хоть никогда не видала прежде. Волосы изъ подъ очипка черные, волнистые, лоснятся, румянецъ какъ заря такъ и пышетъ на бѣлыхъ да нѣжныхъ щекахъ, алыя губ-

ки все будто смѣются, а въ глазахъ такъ и потонешь, какъ въ кипящей смолѣ... смѣлая, веселая красота! Только брови эти, высокія ,сросшіяся похожи на вьющуюся черную змѣйку по бѣлому челу, эти брови что-то не доброе пророчили. Рядомъ съ молодицею, въ тѣни отъ окна, сидѣлъ плечистый, приземистый человѣкъ съ щетинистыми черными, усами, смоляные волоса посѣдѣли у него прядями — съ лѣваго виска чорны, а надо лбомъ бѣлые; онъ глядѣлъ изъ подлобья, вкось, словно подсматривалъ что̀ своими злыми глазами.

Маруся встрѣчаетъ меня, — усѣлись мы; я у ней спрашиваю тихонько: кто это у васъ, Маруся?

— Шинкарь съ женою.

— Давно это они ходятъ къ вамъ?

— Сегодня пришли въ первый разъ.

— Что это вздумалось имъ?

— Да шинкарь непремѣнно захотѣлъ побывать у насъ, познакомить свою жену со мною.

— А ты къ нимъ пойдешь?

— Да еще не знаю. Яковъ не говорилъ ничего.... какъ онъ скажетъ...

Спокойна, сердечная, точно она безъ заботъ по цвѣтущему полю гуляетъ, въ тихій, теплый вечеръ.

Чайченко сидѣлъ съ гостями, замѣтно, не веселый, вздыхалъ тайкомъ. Шинкарь невзначай поглядывалъ на него — не ласковъ былъ его взглядъ — словно искра вспыхивала въ его чо̀рныхъ глазахъ. Шинкарка все усмѣхалась, говорила:

— Зачѣмъ вы потчуете такъ часто, сосѣдъ; — ему будетъ лишнее это. —

— Она твоего добра жалѣетъ, Яковъ.

— «Отчего мнѣ не пить? Напьюсь, не бѣда — любая жена меня до дому доведетъ».

— А если не захочу? подхватила она, смѣясь.

— «Не захочешь?» говоритъ, а самъ ее взглядомъ мѣряетъ — да развѣ тебя кто спроситъ: «хочешь-ли?».

Чайченко перевелъ тяжело дыханіе и взглянулъ грустно на шинкарку, а шинкарь глядитъ пристально на него. Маруся бѣдная заговариваетъ ихъ, подчуетъ — шинкарь все не сводитъ глазъ съ Чайченка, такъ что тотъ почуялъ

его взглядъ на себѣ и встряхнулъ головой весело: тогда шинкарь глаза въ землю уставилъ.

— Скоро въ вашемъ приходѣ храмъ, построютъ говоритъ Маруся шинкарю, — будетъ у васъ много гостей.

— Меня спасибо добрые люди не забываютъ, отвѣтилъ шинкарь, не то за мою пріязнь, какъ за то, что жена хороша, вотъ задушевному пріятелю и любо поглядѣть на мою кралечку.

Да и засмѣялся, и такъ засмѣялся, кажись, что и у меня сердце ёкнуло и шинкарка вздрогнула.

— А здоровъ ли вашъ троюродный братъ и его молодая жена? спрашиваетъ опять Маруся.

— Помяните его душу, милая хозяюшка. А вы еще не слыхали? Я бы давно разсказалъ вамъ! Его молодую жену добрые люди отняли у него и завезли куда-то далеко, а онъ пошелъ искать ее на днѣ рѣки.

— Какъ? Боже мой! утопился! Бѣдная она женщина!

— Отчего бѣдная? Она въ роскоши теперь; ей лучше еще стало на свѣтѣ жить... Оно какъ бы на меня, — я бы дѣло не такъ повелъ: Не утопился, не повѣсился бы одинъ, а развѣ ужъ вмѣстѣ съ милымъ дружкомъ.

Склонился къ женѣ — глаза такъ и искрятся.

— Вдвоемъ, говорятъ, и умирать охотнѣе! прибавилъ.

— «Одначе домой пора». Начали прощаться, — пошли.

Шинкарка, идя, оглянулась и махнула, знать Якову, рукой, будто невзначай. Шинкарь схватилъ еа за руку, говоритъ громко: — «Полно махать, пора перестать! Пойдемъ!»

— Вотъ! засмѣялась она, не дастъ хорошенько и съ хозяйкой проститься — или ты боишься меня потерять, какъ иголочку?

— Если потеряю, такъ отъищу, будь спокойна, сизая моя голубушка!»

И пошли домой. Она, идучи съ нимъ, что-то щебетала, и громко смѣялась, брала его за руку, обернулась еще къ намъ и крикнула: «будьте здоровы!»

Шинкарь шелъ не оглядываясь.

Черезъ нѣсколько дней мы услыхали отъ людей, что вышла ссора между шинкаремъ и Чайченкомъ и что шинкарь

выгналъ Чайченка изъ шинка, что завелась ссора за то между ними, что шинкарь сталъ свою жену за что-то бранить, а она все отшучивается, смѣется; шинкарь не унимается и закричалъ на нее. Тутъ Чайченко не перемогъ своего сердца, вступился за нее — должно быть у него шумѣло ужъ въ головѣ. Какъ стали они, одинъ противъ другаго, такъ едва люди упросили ихъ оставить ссору. И сказалъ шинкарь Чайченку: «не приходи больше въ шинокъ».— А Чайченко еще кричитъ: «отчего?» — «Не приходи, говорю, въ шинокъ!»

Съ того дня никто не видалъ Чайченка на селѣ.

Я прихожу къ Марусѣ — все ли у васъ благополучно, сестрица?

— Мужъ болѣнъ, печально отвѣтила она.

— Давно заболѣлъ?

— Да уже три дня. И не ѣстъ и не пьетъ.

(А какъ разъ три дня прошло послѣ ссоры).

— Да гдѣ же онъ?

— Въ свѣтлицѣ лежитъ.

А онъ и кличетъ: «Маруся!»

Она бросилась въ свѣтлицу.

— «Кто это пришелъ къ намъ?» слышу, спрашиваетъ.

— Это Хима пришла меня провѣдать.

Больше ничего не сказалъ и не спрашивалъ. Маруся завернула ко мнѣ. Я ей говорю тогда, тихонько: Маруся, знаешь ли ты, что было намедни?

— Не знаю. А что было?

— Пусть не идетъ Яковъ въ шинокъ!

— Онъ не пойдетъ.

— Тебя послушается?

— Нѣтъ, а вчера утромъ прибѣжала къ намъ шинкарка, едва духъ переводитъ, пусть Яковъ не приходитъ — запрещаю ему! У насъ бѣда. «Слышишь? Не приходи!» крикнула на него. У насъ бѣда. Мой будетъ говорить, что на ярмарку ѣдетъ, что ѣдетъ къ пріятелямъ, — не вѣрь, не приходи!» И побѣжала отъ насъ. Я ничего больше не знаю. Я боюсь, не было-бъ бѣды? Разскажи, что ты слыхала? Я ей разсказала все, что слышала.

И замолчали мы обѣ, сидимъ точно надъ ручьемъ — мысли, какъ вода, бѣгутъ, бѣгутъ.

— Жаль, говорю, жаль, да не вернется!

— «Чего жаль?» спросила Маруся.

— Житья молодого! вѣку затраченнаго даромъ — вотъ чего жаль.

— «Такъ ужъ намъ на роду написано. О чемъ жалѣть?»

— Э, милая, развѣ не видно, въ какой ты радости живешь!

— Радость — нерадость — не помогутъ жалости.

— Опять замолкли — сидимъ. Ужъ поздній вечеръ. Дѣточки спятъ спокойно, дочка и сынокъ маленькій чернавчикъ, что̀ недавно родился; а въ огородѣ вѣтеръ шумитъ вербами, на дворѣ черно — поблескиваетъ молнія.

— Куда теперь ты пойдешь въ такую непогодь, говоритъ мнѣ Маруся. Переночуй у меня, видишь, какой дождь полилъ. И осталась я у нея.

Чайченко, слышно, мечется, тяжело вздыхаетъ. Маруся прислушивается, а къ нему не входитъ — не посмѣетъ видно бѣдняжка. Раза два вечеромъ онъ ее кликалъ — спрашивалъ: кто съ нею въ хатѣ? — словно забывалъ, что я у нихъ. А ночью сталъ ее кликать все чаще да чаще и все говоритъ: «кто-то пришелъ къ намъ!» — «Никого нѣту.» — «Нѣтъ, пришелъ кто-то: я слышалъ какъ стучались, вѣрно ждетъ подъ дверьми — отвори! Она отворяла — нѣтъ никого! Немного погодя опять ее шлетъ: «кто-то стоитъ у воротъ», а потомъ «кто-то въ окно стучитъ»... Она все выходила, смотрѣла, окликала — никого не было — всю эту ночь темную и грозную мы такъ провели.

Мнѣ слышалось, будто Чайченко плакалъ... Маруся молчала, хоть не спала. На разсвѣтѣ слышимъ кто-то тихонько стучится — потомъ сильнѣй. Маруся выбѣжала, я за нею.

— Скорѣй, скорѣй, отвори! кричалъ Чайченко намъ въ слѣдъ.

Отворяемъ ворота, а у воротъ шинкарь.

— Здравствуйте, говоритъ Марусѣ, а гдѣ вашъ мужъ?

— Дома.

— Нельзя-ли вызвать его?

— Онъ лежитъ больной.

— Нельзя и увидѣться съ нимъ?

— Онъ очень нездоровъ. Начто вамъ его? Непремѣнно надо?

— Я привезъ ему хорошій гостинецъ съ ярмарки. Онъ нездоровъ, вы говорите?

— А вотъ можетъ я его встрѣчу на дорогѣ, вашего болящаго. Прощайте!

Пошелъ, замахалъ руками, быстро. Маруся разсказываетъ мужу. — «Ага!» только и сказалъ.

XIX.

Чорныя тучи летѣли все по небу; заря румянила край неба, мы уже встали, одѣваемся, причесываемся. Солнышко показалось, а я и въ дорогу, спѣшу къ матери, чтобъ не думала, гдѣ я дѣвалась? Это было въ воскресенье. Вижу, проходя шинокъ, что столпилось много людей и сильно шумятъ. Подхожу ближе, и женщины тутъ же стоятъ и дѣти бѣгутъ съ разныхъ сторонъ. Вижу, въ шинкѣ дверь выбита. — «Что такое?» спрашиваю. — «Зарѣзалъ шинкарь жену и себя», говорятъ молодицы. «Кто-бъ ожидалъ этого?» Кличутъ меня поглядѣть... Лежатъ на полу оба, облитые кровью. У нея въ груди ножъ воткнутъ; а она какъ сжала его руками за шею, такъ и охладѣли руки. Рубашка на ней разорвана. Монисто въ крови разсыпано — очень должно быть отбивалась она и вѣрно задушила его — синій такой лежитъ, какъ бузина, а она изошла кровью, лицо бѣлое — какъ бумага, — только лоснится чорная бровь и губы запеклись кровью.

Я поскорѣе къ Марусѣ, разсказала: — Боже мой! промолвила она. А Чайченко откликается изъ свѣтлицы.

— «Кто къ намъ пришелъ?»

— «Бѣда случилась», говорю ему громко.

— Какая бѣда?

— Зарѣзался шинкарь съ женою.

Онъ вошелъ въ хату, «Что? что?» спрашиваетъ, а самъ хватаетъ шапку, надѣваетъ свитку.

— Правда-ли это? спрашиваетъ Марусю.

— Правда.

— «Я видѣла своими глазами», говорю я ему.

Онъ присѣлъ на лавку съ свиткою въ рукахъ и въ шапкѣ.

— Можно, я пойду погляжу сама, Яковъ? спрашиваетъ Маруся.

— «Иди, иди, да скорѣй воротись».

Маруся побѣжала. Онъ по хатѣ ходитъ, словно чего ищетъ. Воротилась Маруся и говоритъ ему: правда.

Услыхавъ это отъ Маруси, онъ быстро пошелъ въ свѣтлицу и тамъ, слышимъ, повалился на постель. Зоветъ вскорѣ Марусю, — проситъ пить — голосу совсѣмъ нѣтъ у него.

Общество дало знать исправнику—наѣхалъ судъ на тройкахъ съ бубенчиками, съ колокольчиками. Сейчасъ забрали всѣхъ людей, кто видѣлъ смерть ихъ, на допросъ, многихъ связали. Прислали взять Чайченка, велѣли и его связать— на допросахъ люди показали, что онъ часто ходилъ въ шинокъ.

Чайченко былъ въ жару, почти безъ памяти — не поглядѣли на это, — взяли и стали допрашивать; отвѣты его были безсмысленные, не одинаковые — связали ему руки и бросили въ темную избу. Марусю отъ него гонятъ прочь.

Она принесла къ намъ дѣтокъ и оставила ихъ у насъ, а сама побѣжала къ мужу.

— «Не пустятъ тебя къ нему, говорили ей».

— «Все я буду поближе. Можетъ пустятъ.» Пошла.

Иныхъ людей скоро выпустили и оправдали въ этомъ дѣлѣ, хоть виноватаго и не было, кромѣ мертвыхъ; но многихъ оставили подъ стражею, пока тѣ добраго совѣта не послушались... Тогда имъ и волю дали. А совѣтъ былъ такой, чтобъ дать исправнику благодарность — и этотъ совѣтъ подавалъ всѣмъ исправниковъ слуга или пріятель, кто его знаетъ.—Ходилъ онъ въ чорномъ тулупчикѣ съ краснымъ воротникомъ, шапка зеленая, изъ себя желтый, худой, глаза впалые, маленькіе, а зубы, какъ у бѣлки. Онъ очень, ви-

дно, любилъ благодарныхъ людей и всѣмъ совѣтовалъ быть благодарными за пріѣздъ исправнику. Исправникъ самъ ничего никому не говоритъ, а поджидаетъ. Цѣлый день простоитъ бывало на порогѣ, руки въ карманахъ, на шеѣ красная, вязаная косынка, самъ мордастый, усатый, глаза на выкатѣ, стоитъ да все насвистываетъ какой-то военный маршъ. Развѣ чай пьетъ, такъ перестанетъ, а выпилъ-опять на порогѣ, опять свиститъ...

Поблагодарила Маруся, ее и пустили съ мужемъ повидаться. Она на другой день опять просится, опять благодаритъ — стали ее пускать каждый день. Чайченко сидѣлъ недѣлю, она все къ нему ходила. Денегъ не стало — продала сосѣду телку... «Вотъ добрая жена!» хвалитъ ее исправникъ, съ порога, когда она проходитъ мимо его.

Судъ уже собирался выѣзжать изъ села, уже Чайченка выпустили, какъ вдругъ отыскивается какой-то родственникъ покойника шинкаря, пришелъ объявить, что шинкарь называлъ въ разговорѣ Чайченка своимъ врагомъ, и говорилъ, что имъ двумъ тѣсно на свѣтѣ. Вотъ опять и взяли Чайченка подъ стражу, пошли снова всѣхъ людей сзывать, а люди сказали, была ссора; черезъ двѣ недѣли повезли его въ городъ, посадили въ острогъ...

— «Нельзя», говоритъ исправникъ Марусѣ — что-жъ дѣлать? не будетъ виноватаго, мы будемъ виноваты: у насъ самихъ начальникъ звѣрь сущій».

Маруся пошла за мужемъ.

— «Прощайте!» говоритъ и матушкѣ и мнѣ, продайте все, что есть у меня родительскаго и перешлите мнѣ деньги.

— Маруся! говоритъ ей матушка, ты все продаешь, а у тебя дѣтки...

— Я знаю... я не забыла ихъ... отвѣтила она.

Простилась съ нами, обняла дѣтей; въ другой разъ тогда, я видѣла, у ней слезы пошли.

Въ острогъ ее не впустили.

— Мой мужъ тамъ, говоритъ она всѣмъ.

— Твой мужъ виноватъ — ему тамъ и сидѣть, а тебѣ нельзя.

— И я виновата.

— Въ чемъ виновата?

— Такъ и я виновата, какъ онъ.

— Полно! иди прочь, говорятъ ей.

— Она не идетъ.

«Такъ ты признаешься, что ты виновата?» опять у ней спрашиваютъ.

— Виновата.

Ей привязали веревку къ рукѣ и солдатъ повелъ ее на допросъ. На допросѣ она тоже: «если мужъ виноватъ, то и я виновата.» Ее и посадили между душегубцами, молодую, добрую душу. Два мѣсяца и недѣлю высидѣла она тамъ, гдѣ и мужъ, пока ихъ выпустили. Дѣточки это время все у насъ были. «Все бывало спрашиваютъ: «гдѣ мама?» все кличутъ: «мама!»

Вышла Маруся съ мужемъ на волю. Начто тебѣ воля, бѣдная ты, подумала я! чтобъ больше видѣть свое горе? Не обманешь сердца своего—оно сохнетъ какъ травка безъ дождя, пока засохнетъ навѣки...

Чайченко не поправлялся; онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ знаться, все что нибудь во дворѣ работаетъ: никуда нейдетъ; развѣ поздно вечеромъ украдкою проберется въ чужое село за водкою. Сильно сталъ пить... Я его видѣла два раза... Одинъ разъ онъ сидѣлъ на колодѣ во дворѣ, безъ всякаго дѣла, сложивши руки и все закрывалъ глаза, вѣрно у него голова болѣла... Въ другой разъ видѣла—онъ спалъ... Маруся все также угождала ему, любила его. Кого она уже любила? того ли Чайченка? Боже мой! Боже мой! Полюбишь человѣка въ красѣ, въ силѣ, въ цвѣту, когда знаешь его добраго, хорошаго, а время все это измѣнитъ, да и покажетъ совсѣмъ другое, нежели чему вѣрилось, о чемъ думалось.

Да къ чему же эти мысли? скажешь себѣ, да и полно.

XX.

Сватали меня два жениха и вспоминала я тогда одного человѣка: Паисій назывался: когда умерла у него дочь, одна

только и была, онъ шелъ по улицѣ и встрѣтилъ свадьбу,—посмотрѣлъ да и сказалъ: «а глупый народъ все еще женится!»

Такъ вотъ сватали меня два жениха.

Первый былъ бѣдный паробокъ, добрый, грустный такой-то—я не пошла за него. Не было у меня любви, чтобъ грусть его разогнать; не было денегъ, чтобъ ветхую хату покрыть. Онъ погоревалъ обо мнѣ и женился на иной.

Другой женихъ у меня былъ богатый, веселый, и упрямый такой, непремѣнно хотѣлъ на мнѣ жениться. Его мать не позволяла ему, просила, не хотѣлось ей своему молодцу сыну жены сироты, а онъ мать заставилъ, чтобъ она уговаривала меня сама. Я и за этого не пошла.

Онъ мнѣ не по нраву былъ: ревнивый, задорный, грубый, онъ и любилъ словно дрался.

Когда я уже совсѣмъ отъ него отказалась, то жила какъ подъ стражею: я его боялась встрѣтить одна, такъ онъ на меня глядѣлъ страшно!

Мать бранила, что я замужъ не иду, а батюшкѣ все равно, все ни почемъ стало съ той поры какъ Катря ихъ оставила. Воротился онъ откуда то съ дороги и простудился что ли, заболѣлъ видно къ смерти ужъ! Матушка проситъ священника написать Катрѣ, не прiѣдетъ ли она съ отцомъ проститься. Священникъ и написалъ.

Въ одинъ день было ему очень тяжело; мать сидѣла подлѣ него да и говоритъ ему: другъ мой! дитя наше прiѣдетъ.

Онъ вдругъ самъ приподнялся съ постели и глядитъ на нее. Мать опять ему говоритъ: «Катря наша прiѣдетъ.»

Хотѣлъ что то сказать, шевельнулъ усомъ уже—но только вздохнулъ такъ, какъ будто что оборвалось у него въ груди.

Ждала мать Катрю, а Катря не ѣхала. А тутъ смерть видимо приближалась къ старику. Но мать никакъ не вѣрила, что онъ ее покинетъ. Бывало самъ уже не поворотится, а голову все обращаетъ, чтобъ на дверь по смотрѣть. Глаза совсѣмъ неподвижны стали, а скажемъ, къ чему нибудь: «Катря» онъ такъ скоро взглянетъ по хатѣ. Однимъ вечеромъ призвалъ къ

себѣ мать и говоритъ: «другъ мой вѣрный! завтра я умру»—и умеръ на другой день.

Я ужъ не знаю, какъ у матери силъ достало оплакивать свое горе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти получили изъ монастыря письмо, пишутъ: «буду молиться за отцову душу, если Богъ упокоитъ его; а деньги, что вы прислали мнѣ, я отдала на церковь Божію на поминовеніе, на отпущеніе грѣховъ.

И живемъ мы опять, какъ по песку глубокому идемъ.

XXI.

Была у насъ въ слободѣ бубличница, а у ней наймичка, смуглая, высокая дѣвушка и неуклюжая, но хорошая работница; бывало встрѣтишься съ нею и спросишь: «Что вы дѣлали сегодня?—Я воду носила, бублики пекли, отвѣтитъ она, улыбаясь.

«А завтра что будете дѣлать?» Воды принесемъ, бубликовъ напечемъ, «А послѣ-завтра?» будемъ воду носить, будемъ бублики печь.

Умеръ у бубличницы мужъ. Она не много посуетилась, пока его хоронили.

— А что у васъ? спрашиваю я наймичку.

— У насъ хозяинъ умеръ и схоронили.

— А теперь какъ поживаете?

— Воду носимъ, бублики печемъ» все одно говоритъ дѣвушка преспокойно; сама стоитъ свѣжая; смотришь на нее и дивишься, какъ это она живетъ-спокойно и довольна тѣмъ, что все бублики печетъ?.. Бываютъ на свѣтѣ и такіе люди!

Да не лучше ли всѣмъ людямъ быть бы такими?—ни печали, ни огорченій!

А то все горе, да горе какъ широкое море, туманное— ни перейти, ни переѣхать его.

Выкормили меня, не дали добрая родня, погибнуть ребенку,—сиротѣ, и вотъ—живу я да плачу вмѣстѣ съ ними, да въ землю ихъ хороню.

За отцомъ скоро и мать сошла въ могилку:—какъ будто согласились старики.

А мать все объ дочери, какъ голубка, ворковала, чтобъ увидѣть ее. Я хоть всю жизнь при ней выросла, угождала ей—да не то, что̀ родное! Отъ Катри получили опять такое же письмо; священникъ писалъ, что мать больна»,—буду молиться за материну душу, если Богъ ее приметъ; а деньги что прислали, отдала на поминанье, будутъ поминать, будутъ грѣхи отмаливать...

Дитя мое милое я уже не увижу тебя! промолвила матушка, хоть бы заплакала, ей легче бъ было, а то нѣтъ—выплакала уже свои очи за дитя родное... — Похорони меня, серденко, говоритъ мать моя... похорони хоть ты меня... Тебѣ оставляю хату и усадьбу. Помяни меня, родная моя. Да сядь ко мнѣ поближе, поближе, дочка: одной не хочется умирать....

Передъ смертью говорила: можетъ, когда нибудь ты увидишь Катрю мою, можетъ она будетъ больная, немощная—послужи ты ей тогда, сердце мое, не покинь ее! и умерла.

Похоронивши, священникъ увѣдомилъ Катрю, что мать умерла, что ей наслѣдство осталось—поля, степи и деньги.

Тогда отвѣтили, что Катря сама пріѣдетъ, устроить что ей досталось.

Пріѣзжаетъ скоро.

Какъ теперь вижу крытую бричку—тащится прямо къ нашему двору. Было утро ясное, душистое, ночью шелъ дождь, освѣжилось все и все заблестѣло. Я выбѣжала за ворота на встрѣчу.

— Катря! Это ты сестрица! Не бросается ко мнѣ навстрѣчу, вѣрно я ошиблась? Прежде вылѣзла изъ брички дородная и румяная монахиня и стала меня крестить. За нею слѣзла Катря.... Катря тоже меня перекрестила; она едва на меня взглянула и вошла за монахинею въ хату. Я вошла за ними.

— Неужто забыта вся дружба? думаю. Сердце у меня

такъ было встрепенулось ей на встрѣчу, такъ забилось сначала, а потомъ сжалось больно...

— Ахъ, какъ мы изморились! начала говорить румяная монахиня, скидая съ себя рясы одну за другой; ужъ ѣхали мы, ѣхали, да и терпѣнье потеряли!

Голосъ у нея былъ такой, что только-бы ей съ глухими говорить: какъ военная труба.

Катря стояла около стола, и перебирала четки. Еще была хорошенькая; личико маленькое стало, какъ у ребенка, только глаза впали и худа какъ ниточка. Она точно застыла, скорѣй на покойницу была похожа, чѣмъ на живую дѣвушку. Глазки, что такъ бѣгали у нея—теперь едва поворотитъ, и на что смотритъ будто не видитъ того, да еще одѣтая въ черную, длинную рясу, въ черномъ покрывалѣ!

Хоть-бы она о чемъ нибудь меня спросила; хоть бы слово ко мнѣ промолвила!

Монахиня опять говоритъ: какъ мы изморились, Господи Боже мой! едва дышемъ. И потомъ прибавляетъ:

— Ужъ солнышко высоко, ужъ время завтракать.

Глянула она на Катрю; Катря стоитъ какъ не слышитъ. Она ее тихонько потянула за рукавъ.

— Сестра, говоритъ ей, надо-бы намъ чѣмъ нибудь подкрѣпиться.

— Какъ угодно, сестра Меланія, отвѣтила ей Катря.

— Я едва разслышила, такъ тихо она говоритъ.

— Гдѣ-жъ ея голосъ? Соловей ты нашъ! утѣха наша бывшая!

— Дѣвушка, кличетъ меня сестра Меланія, подойди-ка поближе! Какъ тебя зовутъ?

— Химой зовутъ, отвѣчаю я.

— Хима, не дашь-ли ты чего нибудь позавтракать?

— Сейчасъ сготовлю, говорю ей.

— Хоть-бы холоднаго чего, чтобъ поскорѣй только.

Начала я готовить завтракъ, а монахиня за мною и въ камору, отмѣриваетъ пшено въ горшокъ, муку насыпаетъ въ чашку, сметану несетъ, хлѣбъ рѣжетъ, сливянку разливаетъ, нашла и вынула скатерть, столъ накрываетъ, такая проворная! Такъ и хватаетъ все кругомъ, что подъ рукою. Ка-

тря стояла около стола, сестра Меланія отодвинула ее, когда стала накрывать столъ. Катря тогда сѣла на лавку.

Изготовили, стали завтракать. Сестра Меланія сѣла и сказала Катрѣ сѣсть подлѣ себя. Катря послушалась, сѣли за столъ, а ѣсть ничего не ѣла, кромѣ крошечнаго кусочка хлѣба съ водою. Зато сестра Меланія все уписала. У ней было навѣрное всѣ тридцать два зуба, зубы бѣлые и здоровые, работящіе. О, какіе зубы! Все она ими молола, какъ добрыми жерновами.

Послѣ завтрака сестра Меланія говоритъ Катрѣ: «Сестра! надо все хорошенько теперь въ порядокъ привести, чтобы тутъ намъ не замѣшкаться...»

А глаза у нея начали уже смыкаться. Говоря, она какъ-то невольно положила двѣ большія подушки въ полосатыхъ, черныхъ наволокахъ, которыя я принесла изъ брички.

— Не надо мѣшкать, еще разъ промолвила она, вздыхаючи... о.... о.... о.... вымолвила еще разъ, уже совсѣмъ уронила голову и захрапѣла.

Заснула. Надъ нею жужжали мухи, кусали ее—спала.

Катря сидѣла, опустивши голову, молилась, вѣрно, шептала что-то, а на лицѣ у нея выступалъ румянецъ живой

Я подошла къ ней и говорю: «Катря! или ты меня забыла совсѣмъ, что не узнаешь меня?

Румянецъ сбѣжалъ съ лица ея, она обернула свои глаза и отвѣтила: «помню».

— Отчего жъ ты такая неласковая, что не заговоришь со мною?

— Всѣ слова праздны. Надо молиться.

— Катря! Знаешь ли ты, что Маруся замужъ вышла?

— Вышла, за Чайченка. Боже благослови, она очень несчастна; воля Божія.

— Вспоминала ли ты объ насъ, Катря? Вспоминала-ли здѣшнихъ людей? Меня?

На все мнѣ отвѣчаетъ точно молитву читаетъ по псалтырю:

— Я молюся за всѣхъ людей.

— Спасибо. А ты меня ужъ теперь совсѣмъ не любишь?

— Господь всѣхъ повелѣлъ любить, даже враговъ.

— Такъ ты меня любишь какъ врага, что-ли? Неужели у тебя нѣтъ никого дорогаго сердцу? близкаго души?

— Мнѣ всѣ равны. За всѣхъ молюсь.

— И всѣ враги тебѣ?

Каждый человѣкъ другому человѣку врагъ, врагъ великій, промолвила она будто съ гнѣвомъ, блеснула глазами губы задрожали; вижу: это прежняя Катря, такъ и пахнуло отъ нея огнемъ, по старому!

— Такъ всѣхъ надо бросать?

— Бросать! бросать! бросать! Въ Богѣ спасенье. Боже мой! Боже мой! Помилуй насъ, она почти вскрикнула.

— Аминь, отвѣтила съ лавки сестра Меланія глухо; заспала она свой звучный голосъ.

— Аминь, говоритъ еще разъ; да такъ при этомъ зѣвнула, что у меня рукава распахнуло, а мухи скатились со стола, какъ сѣмечки отъ вѣтра.

Долго она еще потягивалась на лавкѣ, потомъ встала и одѣлась въ рясу.

Пойдемъ къ батюшкѣ, говоритъ Катрѣ. И пошли. Мнѣ также велѣла идти за собою, чтобы показывать дорогу.—Домикъ его около самой церкви стоялъ, съ двумя трубами, съ крылечкомъ подъ навѣсомъ.

Священникъ встрѣтилъ насъ, ввелъ въ комнаты, просилъ садиться. Сестра Меланія засѣла въ тѣсное кресло; Катря стала около нея, а я за Катрею. Священникъ стоялъ передъ сестрою Меланьею.

— Садитесь-же, батюшка, сказала она.

Батюшка сѣлъ возлѣ нея и закашлялся.

— А что это на васъ кашель напалъ, батюшка? спрашиваетъ сестра Меланія. Напейтесь-ка вы липоваго цвѣту въ вечеру, на ночь. Да вы что-то желтые такіе? Не желтуха-ли у васъ? И посѣдѣли вы совсѣмъ; а еще кажется, не очень стары, вѣрно головными болѣзнями страдали?

Батюшка былъ умный человѣкъ, но очень смирный, онъ оторопѣлъ, слушая ея быстрыя рѣчи и вмѣсто отвѣта на все головою кивалъ.

— Вотъ мы пріѣхали къ вамъ съ вашею прежнею прихожанкою, начинаетъ другой разговоръ сестра Меланія; она

мнѣ поручена. Ей наслѣдство отъ родителей осталось, какъ извѣстно вамъ. Она все пожертвовала на монастырь. Теперь мы пріѣхали все оглядѣть, все въ порядокъ привести и матушкѣ игуменьѣ донести. Вы знаете, что̀ ей досталось, покажите мнѣ, прошу васъ. Потрудимся съ вами вмѣстѣ для Господа Бога нашего. И вотъ поѣхали по степямъ, по нивамъ, оглядѣли все; созвали людей, чтобы оцѣнить. Сестра Меланія шарила вездѣ, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, хлопотала, бросалась изъ стороны въ сторону, приглядывалась, прислушивалась.

Катря ходила за ней слѣдомъ, не глядя никуда. Знакомыя, родныя мѣста около нея цвѣтутъ,—она какъ не видитъ. Нигдѣ не пріостановилась, ни разу не оглянулась. Когда мы воротились домой, много людей пришло въ нашу хату, здоровались съ Катрею, распрашивали ее. Она точно отъ роду никого изъ нихъ не видала и не знала, кто онѣ такіе и зачѣмъ сюда пришли.

Открыли сундуки, сосчитали деньги, которыя тамъ нашлись. Священникъ все записывалъ. Сестра Меланія тоже черкала перышкомъ на особой бумажкѣ. Катря стояла въ сторонѣ: ей одной не было дѣла до того.

Люди мало по малу разошлись.

— Вы хорошо знаете, батюшка, что хата оставлена этой дѣвушкѣ? спросила сестра Меланія.

— Хорошо знаю, отвѣчалъ священникъ.

— Да вѣдь она далекая родня, а есть родная дочь...

— Такая была воля покойныхъ. Они воспитали и любили ее, какъ свою дочь.

— И другимъ извѣстно это?

— Какъ же, свидѣтели есть.

— А! сказала.

Больше ужъ объ этомъ не спрашивала.

XXII.

Пришла къ Катрѣ Маруся, грустная, неспокойная.

— Знаетъ? спросила у меня.

— Знаетъ, говорю. Да ей все равно теперь что бы на свѣтѣ ни дѣлалось; иди въ хату.

Катря сначала не узнала Марусю, а на ея привѣтъ отвѣтила: благослови Господи!

— Это Маруся, говорю я ей.

— Тогда ужъ она узнала и опять тоже повторила: Боже благослови!

Маруся стоитъ передъ нею, смотритъ на нее.

— Садись, Маруся, говорю я ей.

Маруся не захотѣла или не слыхала, все стояла и смотрѣла на Катрю. А Катря сидитъ, какъ изъ дерева вырѣзанная.

— Катря! промолвила Маруся. Отчего ты мнѣ слова не скажешь?

— Что же? спрашиваетъ Катря, о чемъ говорить?

— Какъ не о чемъ? говорю я. Посмотри-ка, Маруся совсѣмъ почти сѣдая стала. Слава Богу, пережили не мало всего!

Катря поглядѣла и сказала: «посѣдѣла».

Побыла еще Маруся, постояла молча, прощается. Катря ее перекрестила.

— Катря, сказала Маруся, у меня дѣти есть...

— Боже ихъ благослови! отвѣтила Катря, по своему обычаю.

Маруся и пошла домой.

На третій день по пріѣздѣ, Катря съ сестрою Меланіею оставили насъ.

Маруся такъ простилась, какъ здоровалась, хотя бы у ней лицо опечалилось! хотя бы она разикъ оглянулась!

— Какъ измѣнилась! промолвила Маруся, глядя въ слѣдъ за бричкой.

— А какая была!... говорю.

— Да!...

Постояли еще, поглядѣли вслѣдъ. Маруся пошла домой и я съ нею, проводила ее, посидѣла немножко, на дѣтокъ чернавчиковъ поглядѣла, Яковъ все хворалъ. Давно ужъ онъ ничего не дѣлалъ, не могъ работать. Обо всемъ заботилась сама Маруся.

Много было у Маруси дѣла въ домѣ, много и печали было въ сердцѣ.

Весело, если есть о комъ порадоваться, да благо и то, если есть о комъ поплакать! ей–Богу, и то благо: горькая, но живая вода! А то ни плачь, ни радуйся.... живи!. ..

Выхожу я, Маруся до воротъ меня провожаетъ, а за нею дѣтки бѣгутъ, переваливаются.

— Погляди, говоритъ она, погляди, серденко—всѣ трое въ него, въ Якова.

Я присѣла, цалую ихъ, а они кто съ палочкою, кто съ кусочкомъ хлѣба, кто съ пескомъ въ горсточкѣ, кудрявые, глядятъ какъ орлята....

И вотъ живу я въ своей хатѣ. Сосѣди ко мнѣ приходятъ, а я къ нимъ, перевѣдываемъ одинъ другаго. Совѣтъ ведемъ, какъ придется огороды засѣвать; съ ними же и отдыхъ нашъ въ праздникъ.

Часъ за часомъ идетъ, все къ вечеру ближе...

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ВАРЛААМЪ ЛЕВИНЪ

1722.

Мнѣніе о пришествіи въ міръ антихриста появилось въ восточной Россіи въ первый разъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время исправленія церковныхъ книгъ. Патріархъ Никонъ, какъ виновникъ этого исправленія и строгій преслѣдователь раскольниковъ, былъ признанъ ими антихристомъ. Съ кончиною Никона прекратились толки объ антихристѣ; въ кроткое царствованіе царя Ѳедора Алексѣевича умы успокоились, не было преслѣдованій, не было и борьбы. Но это затишье было непродолжительно. Съ воцареніемъ Петра Перваго уничтоженіе Стрѣльцовъ, измѣненія въ коренныхъ народныхъ обычаяхъ, привязанность Петра къ иноземцамъ, страшныя казни и пытки въ Преображенскомъ, преслѣдованіе раскола, снова подняли ту борьбу, которая была безсильна въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но могучая убѣжденіемъ и внутреннею народною жизнію. При этой борьбѣ опять явились въ другомъ, уже искаженномъ видѣ и прежнія заблужденія о послѣднемъ времени, о пришествіи антихриста. Петръ, за казни стрѣльцовъ, за путешествіе за границу, за бритье бородъ и перемѣны платья русскаго на нѣмецкое, за преслѣдованіе раскола, за Нѣмцевъ, за войну, былъ означенъ народу раскольниками антихристомъ.

Предсказанныя апокалипсисомъ опасности и бѣдствія временъ послѣднихъ дѣйствовали сильно на воображеніе людей, жившихъ исключительно религіозными убѣжденіями. Изъ среды народа появились люди восторженные, занятые одною только мыслію о спасеніи души своей; они стремились скрыться отъ антихриста, уйдти въ пустыню или заключить себя въ монастырь; наконецъ являлись такіе, которые, въ фанатизмѣ своего убѣжденія, для блага и спасенія душъ народа, рѣшались проповѣдывать публично противъ царя—антихриста.

Мнѣніе о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра Великаго распространилось по всей Россіи, не исключая и Сибири. Къ этому въ особенности способствовали раскольники, тетрадки Григорія Талицкаго (*) и разсказы объ его мучительной смерти за проповѣдываніе ученія объ антихристѣ. Талицкій извѣстенъ былъ народу во всѣхъ концахъ Россіи. Это видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ той эпохи. У раскольниковъ того времени Талицкій былъ передовымъ человѣкомъ. Они уважали, чтили его память какъ человѣка, пожертвовавшаго своею жизнію за свое убѣжденіе. Подлинное дѣло о Талицкомъ до сихъ поръ не отыскано, и нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями объ этомъ учителѣ мнѣнія объ антихристѣ мы обязаны любопытству императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1750 г. она приказала взять справку изъ дѣла бывшаго Преображенскаго приказа, что́ такое былъ Гришка Талицкій? И тогда уже полнаго дѣла не отыскали, а нашлись отрывочныя свѣдѣнія, которыя и были представлены императрицѣ черезъ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію.

Гришка Талицкій былъ *книгописецъ*, жилъ въ Москвѣ, и снискивалъ себѣ пропитаніе перепиской различныхъ книгъ и рукописей, продавая переписанное. Возродившееся мнѣніе о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра возбудило въ

---

*) *Примѣч.* Стефанъ Яворскій отыскалъ начальника разглашенія раскольническаго мнѣнія объ антихристѣ Григорья Талицкаго, представилъ государю и обличилъ его передъ нимъ. (Словарь Бантыша-Каменскаго) Стефанъ Яворскій написалъ извѣстную книгу: «Знаменіе пришествія антихристова и кончина вѣка» противъ раскольническаго мнѣнія, что Петръ антихристъ. Книга эта напечатана въ первый разъ въ 1703 г.

немъ желаніе доказать справедливость этого мнѣнія изъ книгъ священнаго писанія, въ которыхъ онъ былъ глубоко начитанъ. Онъ принялся за это дѣло и въ тетрадкахъ: 1) *О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта*, 2) Врата—изложилъ сдѣланныя имъ розысканія, доказывавшія съ исчисленіемъ годовъ, что Петръ Первый какъ *осьмой царь*—антихристъ и что пришло *последнее время*. Запрещалъ народу слушать Петра и платить подати, совѣтовалъ обратиться къ князю Михаилу Алегутовичу Черкасскому, черезъ котораго будетъ народу «нѣчто доброе». Окончивъ свои сочиненія въ 1700 году, онъ дѣятельно началъ читать ихъ своимъ знакомымъ, раздавать копіи, продавать ихъ. Всѣ сочувствовали убѣжденію, изложенному въ тетрадкахъ. Тамбовскій епископъ Игнатій въ проѣздъ свой въ Москву услышалъ о Талицкомъ, призвалъ его къ себѣ, заставилъ его прочитать, плакалъ, слушая Талицкаго, и принимая тетрадки, поцѣловалъ сочинителя и далъ ему пять рублевъ. Кому ни давалъ Талицкій читать свои тетрадки, всѣ принимали его убѣжденія. Успѣхъ сочиненія подалъ ему мысль напечатать и продавать его, а кромѣ того, «бросать въ народъ безденежно» для возмущенія противъ Петра. Талицкій избралъ особый способъ печатанія: купилъ двѣ грушевыя доски, и отправился на площадь отыскивать одного разстриженнаго попа Гришку Иванова, про котораго ему сказали, что «рѣжетъ кресты» — т. е. вырѣзываетъ слова. Талицкій отыскалъ распопа Гришку и представилъ ему свои доски, съ тѣмъ, чтобъ на одной было вырѣзано: «о исчисленіи лѣтъ», на другой «о антихристѣ». Распопъ Гришка объвилъ, что безъ «знаменія» рѣзать невозможно и «чтобъ онъ Гришка ту доску принесъ назнаменненную»—другими словами, чтобъ Талицкій написалъ на нихъ текстъ, который распопъ и брался вырѣзать. Талицкій «назнаменовалъ» доски, принесъ ихъ къ распопу—но печатаніе не удалось. На Талицкаго донесъ въ Преображенскій приказъ придворный пѣвчій дьякъ Θедоръ Казанцевъ и Талицкаго схватили и предали розыску.

Въ пыткахъ, неоднократно повторяемыхъ, сознался Талицкій въ своихъ преступныхъ намѣреніяхъ и разсказалъ

кому читалъ, кому продавалъ свои тетрадки, съ кѣмъ разговаривалъ о Петрѣ-антихристѣ, о послѣднемъ времени. Пошли аресты, допросы, пытки. Много привлечено было къ розыску: тамбовскій архіерей Игнатій, иконникъ Ивашка Савинъ, мѣщанской слободы церкви Адріана и Наталіи пономарь Артемошка Ивановъ, сынъ его Ивашко, Варлаамьевской церкви попъ Лука, бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Хованскій, церкви входа въ Іерусалимъ, въ Китаѣ у Троицы ~~наревкій~~ попъ Андрей и попадья его Степанида, кадашевецъ Ѳеоктистка Константиновъ, племянникъ Талицкаго Мишка Талицкій, садовникъ Ѳедотка Милюковъ, человѣкъ Стрѣшнева Андрюшка Семеновъ, съ Прѣсни церкви Іоанна Богослова распопъ Гришка, хлѣбеннаго дворца подключникъ Пашка Ивановъ, Чудова монастыря черной попъ Матвѣй, Угличскаго-Покровскаго монастыря дьячокъ Мишка Денисовъ, печатнаго дѣла батырщикъ Митька Кириловъ, ученикъ Талицкаго Ивашка Савельевъ, — въ какихъ разнородныхъ слояхъ общества распространялъ Талицкій свои тетрадки — и всѣ эти читатели вмѣстѣ съ сочинителемъ понесли наказаніе (*).

Талицкій и Савинъ, другъ его, приговорены были къ смертной казни *копченіемъ*. Во время казни Талицкій не выдержалъ, покаялся и снятъ былъ съ *копченія*. Савинъ спросилъ караульщиковъ, для чего сняли Талицкаго? тотъ объявилъ, что онъ повинился; тогда и Савинъ просилъ о себѣ и его сняли и по желанію привели къ Талицкому, котораго Савинъ спросилъ: впрямь ли онъ повинился и для чего? Талицкій все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ. Савинъ раскаялся со слезами и пенялъ на Талицкаго, что онъ ввелъ его въ такое заблужденіе, за которое, вмѣняя себѣ въ истину, онъ страдалъ и готовъ былъ умереть (*). Какъ былъ потомъ казненъ Талицкій, изъ допросовъ не видно, но въ большей части слѣдственныхъ дѣлъ того времени рас-

---

(*) *Примѣч.* Подробности допросовъ, пытокъ и рѣшенія участи всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію и самого Талицкаго изложены въ подлинной справкѣ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа, представленной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1750 г. *См. прилож.*

(**) Пол. Соб. Зак. Т. VI ст. 3891.

кольники, вспоминая о Талицкомъ, повторяли разсказъ, что Талицкій былъ сожженъ.

Такъ кончилъ жизнь первый проповѣдникъ ученія о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра Великаго и къ сожалѣнію тетрадки его утратились изъ дѣлъ Преображенскаго приказа еще въ царствованіе Елисаветы Петровны и не дошли до насъ. Весьма однакожъ вѣроятно, что въ народѣ уцѣлѣли нѣкоторые экземпляры и въ спискахъ ходили по рукамъ, между людьми, принадлежавшими къ партіи, враждебной Петру и сохранившими убѣжденіе о наступившемъ послѣднемъ времени. Эти убѣжденія значительно были тогда распространены въ народѣ и мы разскажемъ изъ подлиннаго дѣла объ одномъ восторженномъ, даже до безумія, послѣдователѣ ученія Талицкаго.

Въ 1695 г. въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Левинѣ, проживалъ служилый человѣкъ Андрей Левинъ. У него было два сына. Старшій, Герасимъ, былъ уже на службѣ въ драгунахъ; младшій жилъ при отцѣ, выучился у дьячка читать и писать и, не имѣя никакого дѣла, проводилъ весьма часто время въ бесѣдахъ съ священникомъ своего села, приверженцемъ старины, даже раскольникомъ, потому что крестился по старому, «слагая большой перстъ съ двумя меньшими», чему научилъ и молодаго помѣщика. Въ это время по всей Россіи разнеслись вѣсти о стрѣлецкомъ бунтѣ, о казни стрѣльцовъ со всѣми ея ужасами, поражавшими народъ, о заточеніи царевны Софьи Алексѣевны въ монастырь. Эти вѣсти переходили въ народную молву, искаженныя противъ истины, съ прибавленіемь тѣхъ вымысловъ, которые порождаетъ всегда въ этихъ случаяхъ воображеніе, прилаженное къ современному направленію идей и религіозныхъ убѣжденій. Петръ Первый уѣхалъ за границу; въ народѣ разнеслась молва, что прямой царь пошолъ за море и тамъ удержанъ. Петръ возвратился—нѣтъ, это уже не прямой царь, но преобразился въ антихриста. Народу тяжка всегда война, и вотъ послѣ неудачной Азовской кампаніи народъ толкуетъ: ходилъ онъ войною на Азовъ и гдѣ что ни возьметъ, пушки и города, отдаетъ назадъ, а людямъ чинитъ разоренія, отчего-де стало все государство пусто.

Доходили и въ Левино эти толки. Василія Левина надѣлила природа воображеніемъ пылкимъ, характеромъ впечатлительнымъ, довѣрчивымъ и слабымъ. Въ деревнѣ Левина уже проявлялись нескромные проповѣдники изъ раскольниковъ о томъ, что Петръ антихристъ и крестьяне часто разсказывали своему молодому барину, какъ ихъ сотоварищи крестьяне два брата *Соболяки* были схвачены изъ деревни и за расколъ сожжены въ Москвѣ. Слушая эти разсказы, Левинъ постепенно все сильнѣе и глубже принималъ къ сердцу заблужденія того времени.

Въ 1701 году, по приказанію отца, поневолѣ онъ принужденъ былъ идти на службу. Бояринъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ набиралъ драгунъ. Василій Левинъ по его назначенію опредѣленъ былъ въ полкъ полковника Полуэктьева. Въ 1709 году его перевели въ гренадерскій полкъ Гаврилы Кропотова и по разбору свѣтлѣйшаго князя Меньшикова онъ записанъ въ Поручики. Въ 1711 г. по разбору фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева произведенъ въ томъ же полку капитаномъ. Полкъ ихъ находился въ Малороссіи. Въ это время царевичъ Алексѣй Петровичъ находился въ арміи и Василью Левину удалось его видѣть очень близко. Царевичъ проѣзжалъ изъ Львова въ Кіевъ,— Левинъ назначенъ былъ начальникомъ отряда драгунъ, который сопровождалъ царевича.

Военная служба была не по характеру Левина; мысль объ антихристѣ, и что онъ служитъ ему въ лицѣ царя Петра угнетала его совѣсть, онъ скучалъ, грустилъ и наконецъ впалъ въ меланхолію; къ этому присоединились припадки падучей болѣзни. Въ 1715 г. Левинъ находился въ Нѣжинѣ. Желаніе постричься въ монахи, или уйдти куда нибудь отъ антихриста начало преслѣдовать его. Левинъ обратился съ просьбою къ генералу Рену—позволить ему оставить службу и идти въ монастырь. Ренъ не соглашался отпустить его «безъ указу», а въ особенности потому, что Петръ запретилъ увольнять изъ военной службы въ монастыри, а велѣлъ опредѣлять «къ дѣламъ и въ случаѣ болѣзни для освидѣтельствованія отсылать въ Петербургъ.» Левинъ, убитый отказомъ Рена, отправился въ церковь къ

обѣднѣ; въ это время въ Нѣжинъ пріѣхалъ временно Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, блюститель патріаршаго престола, для освященія церкви въ городѣ. Нѣжинъ былъ дорогъ старику воспоминаніями дѣтства. Здѣсь провелъ онъ подъ родительскою сѣнію первые годы своей юности, когда то бѣдный нѣжинскій житель, теперь митрополитъ, въ алтарѣ новоосвященной имъ наканунѣ церкви молился Богу... Василій Левинъ пришелъ также въ эту церковь—передать Богу свою печаль, свое отчаяніе... Онъ стоялъ у праваго клироса, горячо молился и горько плакалъ... Изъ алтаря Стефанъ замѣтилъ Левина и выслалъ къ нему послѣ обѣдни пѣвчаго спросить, «какого онъ чина человѣкъ?».

—Капитанъ, отвѣчалъ Левинъ и оставленъ съ прочими больными въ Нѣжинѣ. Пѣвчій опять возвратился къ Левину изъ алтаря: велѣлъ тебѣ архіерей побывать у себя на квартирѣ. Левинъ явился черезъ три дня къ Стефану и на его распросы разсказалъ о службѣ своей, о болѣзни, о желаніи постричься, объ отказѣ генерала Рена. «Здѣсь тебя не отпустятъ, сказалъ Стефанъ Левину; васъ больныхъ велѣно для свидѣтельства присылать въ Петербургъ, и когда ты туда пріѣдешь, ты ни къ кому прежде не являйся, а явись ко мнѣ.»

Это доброе слово запало въ душу Левина и, какъ мы увидимъ, онъ не забылъ приглашенія Стефана.

Левинъ продолжалъ хворать, его перевозили съ полковыми больными изъ города въ городъ и въ 1716 мы его находимъ въ предмѣстьѣ Харькова. Она стоялъ на особой квартирѣ; въ одинъ день подъѣхали къ его дому три монаха «всѣ трое образомъ равны, а говорятъ по-русски, только на греческую рѣчь походитъ». Остановились они противъ его квартиры и стали проситься къ нему. Левинъ съ радостью пріютилъ проѣзжихъ. Монахи угостили привѣтливаго хозяина винными ягодами и изюмомъ. Левинъ пригласилъ ихъ обѣдать съ собою; завязался разговоръ.

— Откуда ѣдете и куда? спросилъ Левинъ.

—Изъ Іерусалима отъ гроба Господня въ С. Петербургъ—смотрѣть антихриста.

— Какой тамъ антихристъ? спросилъ Левинъ.

— Котораго вы называете царь Петръ Алексѣевичъ — тотъ и антихристъ. Прибудитъ онъ въ столицу и не долго тамъ будетъ, отъѣдетъ въ Казань, а въ тѣ времена уже покою не будетъ...

Пришолъ разговоръ и о путяхъ къ спасенію отъ антихриста. Левинъ сообщилъ монахамъ о желаніи своемъ постричься.

Монахи похвалили его намѣреніе и уѣзжая благословили его за доброе дѣло крестомъ съ мощами. Мощи предварительно показали ему и завернувъ въ бѣлую бумажку, уложили въ раздвижной ящичекъ, который былъ въ главѣ креста.

Этотъ крестъ не оставлялъ Левина до его смерти.

Убѣжденіе не полное, смутное въ слабомъ, болѣзненномъ умѣ Левина, перешло въ вѣрованіе и это вѣрованіе еще болѣе укрѣплялось, когда судьба приводила его къ такимъ исповѣдникамъ, которые, зараженные раскольничьимъ мнѣніемъ того времени, при исповѣди Левина, что онъ считаетъ Петра антихристомъ, отвѣчали ему: «и мы за такого его признаваемъ». Это повторялось съ нимъ и въ Малороссіи.

Наступилъ 1718 годъ, совершилось страшное дѣло царевича и молва опять разнесла въ народѣ вѣсти, враждебныя для Петра: «царь не прямой царь, а антихристъ; приводилъ царевича въ свое состояніе и онъ его не послушалъ и за то его и убилъ». Не одни раскольники и нисшее духовенство съ ненавистью говорили о Петрѣ. Товарищи Левина, офицеры Кропотова полка, въ дружескихъ бесѣдахъ жалѣли о царевичѣ, даже плакали о немъ. Они разсказывали ему: »Государь царевича запыталъ и въ хомутѣ онъ умеръ за то, что онъ царевичъ богоискательный человѣкъ и не любилъ нѣмецкой политики«.

Въ началѣ 1719 г. припадки меланхоліи и падучей усилились такъ, что генералъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой отослалъ Левина въ Петербургъ въ Военную Коллегію для освидѣтельствованія его болѣзни.

Наконецъ желаніе его сдѣлаться монахомъ могло осуществиться и приглашеніе Стефана Яворскаго, въ 1715 г. въ Нѣжинѣ, обнадеживало въ полномъ успѣхѣ.

Левинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ Трубецкаго къ князю Меньшикову объ освидѣтельствованіи его въ болѣзни. Ему посовѣтовали адресоваться къ князю черезъ духовника Меньшикова, его крестоваго попа, прозваніемъ Лебедка. Крестовый попъ представилъ Левина Меньшикову, а князь приказалъ отправить его въ лазаретъ къ коменданту Бахміотову, въ крѣпость. Теперь судьба его зависѣла отъ рѣшенія доктора. Много въ тѣ времена было охотниковъ отбывать отъ военной службы, и на больныхъ смотрѣли съ подозрѣніемъ. Левинъ, для бо̀льшаго успѣха своего преднамѣренія, выдти изъ военной службы, притворился совершенно безумнымъ, идіотомъ. Но докторъ не тотчасъ повѣрилъ этому и для окончательнаго удостовѣренія началъ жечь ему руку. Левинъ выдержалъ испытаніе и не измѣнилъ себѣ, что чувствуетъ боль. Хитрость удалась, ему выдали паспортъ и отставку по болѣзни. Наконецъ онъ свободенъ располагать собою и отправился къ Яворскому.

Набожный митрополитъ сдержалъ свое слово и далъ Левину письмо къ архимандриту соловецкому о постриженіи Левина въ монахи. Кажется и дѣлу конецъ, но Левинъ не воспользовался содѣйствіемъ Стефана; его сбили народные слухи о дурномъ житьѣ въ соловецкомъ монастырѣ, онъ хотѣлъ постричься въ невскомъ монастырѣ, но и тамъ, разсказывали ему, монахи ѣдятъ мясо и живутъ не порядочно. А между тѣмъ знакомство съ попомъ Лебедкою укрѣпило еще болѣе его убѣжденія объ антихристѣ. Попъ Лебедка обращенъ былъ самъ въ расколъ случайно.

Въ 1707 году, живя въ Новгородѣ, встрѣтился онъ на базарѣ съ прежнимъ своимъ духовнымъ сыномъ, новгородскимъ посадскимъ человѣкомъ, Гаврилою Нечаевымъ. Нечаевъ только-что возвратился изъ брянскихъ лѣсовъ, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ между раскольниками и сдѣлался ихъ ревностнымъ послѣдователемъ. Прежній духовный сынъ Лебедки совратилъ его съ пути православія и Лебедка принялъ горячо ученіе о пришедшемъ на землю антихристѣ въ лицѣ Петра. »У насъ въ книгахъ это написано«, говорилъ ему Нечаевъ, и Лебедка повѣрилъ ему безусловно. Живя у Меньшикова, онъ покровительствовалъ своимъ собратьямъ, но

велъ себя такъ осторожно, что никто и не подозрѣвалъ въ немъ раскольника. Могъ ли думать Меньшиковъ, преданный такъ глубоко Петру, что самое близкое ему лицо въ домѣ, его духовникъ, раскольникъ и заклятый врагъ преобразователя Россіи? Въ Левинѣ Лебедка нашелъ ревностнаго сотоварища и не скрывалъ передъ нимъ своихъ убѣжденій. «Петръ антихристъ, говорилъ Лебедка. Онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ. Знамотко де Государь его убилъ, понеже онъ царевичъ въ городѣ (въ крѣпости) содержался». Лебедка жалѣлъ царевича, потому что онъ когда-то его Никифора берегъ, какъ онъ былъ въ Помераніи.

Левинъ ходилъ часто къ Лебедкѣ, бывалъ у него на исповѣди и на исповѣди сообщалъ Лебедкѣ, что служить нельзя, что Государь жестокой и я «признаю его антихристомъ»; Лебедка твердилъ тоже: «Петръ антихристъ, и когда дѣвочку (дочь свою) выдамъ, то, покинувъ и попадью, пойду въ монастырь».

Еще одна современная болтовня вскружила голову Левину въ его бытность въ Петербургѣ. Когда онъ былъ въ лазаретѣ, отставные солдаты говорили ему: «Привезены изъ за моря клеймы на корабляхъ и кого запечатаютъ, тому и хлѣбъ дадутъ». Объ этихъ таинственныхъ клеймахъ болтали и не одни солдаты. У Левина были родственники въ Петербургѣ два двоюродные брата, преображенскаго полка капралъ Петръ и солдатъ Иванъ Растригины. Левинъ послѣ выпуска изъ лазарета жилъ на Петербургскомъ острову у Казанской церкви. Одинъ разъ Иванъ Растрига пришолъ къ Левину и пригласилъ его къ себѣ въ гости. Отправились. На дорогѣ завязался разговоръ о Петрѣ.

— Я не знаю, что дѣлать? говорилъ Растригинъ; хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь; онъ антихристъ.

— Какъ ты смѣло говоришь, не опасно-ли... замѣтилъ Левинъ.

— Нѣтъ, ничего! у насъ изъ офицеровъ многіе говорятъ для того, что онъ государь въ одно время училъ три роты

на водѣ лѣтомъ, будто по льду подымаетъ, также и воду въ кровь превращаетъ.

— Я давно знаю, отвѣчалъ Левинъ, что онъ не прямой царь, а антихристъ и для того хочу постричься.

— А вѣдаешь ты, спросилъ Растригинъ, что нынѣ привезли на трехъ корабляхъ знаки, чѣмъ людей клеймить и самъ государь по нихъ ѣздилъ и привезены на Котлинъ островъ, токмо никому не кажутъ и за крѣпкимъ карауломъ содержатъ и солдаты стоятъ безсмѣнно?

Пришли въ домъ къ Ивану. Тутъ былъ и другой братъ Петръ Растригинъ и еще три унтеръ-офицера и капралъ. Разговоръ возобновился о Петрѣ и продолжался въ томъ же духѣ. Наконецъ Петръ Растригинъ, непринимавшій участія въ безсмысленной болтовнѣ, закричалъ на брата: полно тебѣ врать!

— А что, отвѣчалъ Иванъ, будто это тайна! многіе говорятъ въ полку, не я одинъ, и признаваютъ также...

Подобное ли дѣло, еслибы онъ прямой царь былъ, что онъ сына своего убилъ и царицу постригъ... а эту царицу держитъ только подъ видомъ, а съ нею не живетъ.

Это было въ маѣ 1721 года.

Вскорѣ послѣ этого Левинъ переѣхалъ съ своей квартиры на Московскую сторону, въ приходъ Семіона Богопріимца въ домъ императорскаго конюха Кузьмы Теремицкаго. Въ этомъ домѣ онъ пробылъ только одинъ день, но и въ этотъ день опять столкнулся съ солдатами, которые наговорили ему, «что привезены изъ за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить антихристовымъ клеймомъ и у тѣхъ клеймъ стоятъ они на караулѣ мѣсяца по два и больше безперемѣнно, для того, чтобъ о тѣхъ клеймахъ никто не вѣдалъ»...

Антихристъ, антихристовы клейма, привезенныя изъ за моря, убійство царевича, соблазны въ монастыряхъ, все закружилось въ головѣ Левина: что дѣлать? гдѣ спасаться? И изъ Соловковъ бѣгутъ въ лѣса и пустыни! Лучше скрыться въ какомъ нибудь отдаленномъ «незнатномъ монастырѣ,» и онъ вспомнилъ, что на родинѣ, въ Пензинскомъ уѣздѣ есть монастыри, есть и знакомая ему съ дѣтства Жадовская пустынь,—нанялъ подводы и пустился на родину.

Отправившись изъ Петербурга, онъ возвращался въ свои края проповѣдывать объ антихристѣ. Живя въ Петербургѣ, «положилъ онъ себѣ это намѣреніе» и записалъ даже о томъ въ святцахъ своихъ.

И такъ, съ твердымъ намѣреніемъ проповѣдывать объ антихристѣ, пустился Левинъ въ Пензу— и по дорогѣ началъ свои разсказы о Петрѣ, о клеймахъ, о послѣднихъ временахъ.

Много перемѣнъ нашелъ у себя дома Василій Левинъ послѣ двадцатилѣтняго отсутствія. Отца и матери уже не было въ живыхъ. Машка хозяйничала въ домѣ, да дядя Петръ Андреевъ лежалъ больной при смерти. Братъ Герасимъ жилъ также— по возвращеніи изъ службы, но въ немъ Василій не нашелъ сочувствія къ своимъ идеямъ противъ Петра: Герасимъ не вѣрилъ вздорнымъ слухамъ.

Разстроенное воображеніе, усиливающіеся припадки падучей болѣзни, которыми онъ началъ страдать еще въ 1712 году въ полку, восторженныя выходки противъ Петра дѣлали Левина нестерпимымъ, тяжелымъ членомъ его семейства... да и ему самому было грустно, невыносимо... Въ своихъ болѣзненныхъ припадкахъ онъ кричалъ: «нынѣ послѣднее время,.. пойду на муку и замучусь»... Разсказы о клеймахъ являлись его воображенію. «Вотъ всѣхъ васъ будутъ пятнать, какъ солдатъ». Проходилъ припадокъ, онъ не помнилъ что говорилъ. «Для чего ты это болтаешь?» спрашивалъ его братъ. «Не помню, что говорилъ» былъ отвѣтъ больнаго умомъ Левина.

Въ концѣ 1721 года, именно въ рожественскій постъ Левинъ говѣлъ; въ деревнѣ ихъ церкви не было, а простая часовня. 6-го декабря онъ отправился причащаться въ сосѣднее село Конопати. Передъ обѣднею онъ зашелъ къ двоюродному своему брату Герасиму Григорьеву, жившему въ Конопати.

— Что подѣлываешь? спросилъ Василій.

— Былъ въ Саранскѣ— тамъ у меня дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ.

— Плюнуть на это дѣло! отвѣчалъ Василій, занятый

своими идеями о преставленіи свѣта: нынѣ послѣднее время и всѣ дѣла надо бросать.

— Тебѣ плюнуть, а мнѣ оно трудно, говорилъ Герасимъ. Много уже за этимъ дѣломъ прожилъ денегъ въ Саранскѣ—да еще теперь велѣно ѣхать къ Москвѣ.

— Что ты торопишься... не доѣдешь къ Москвѣ... воротишься... Монахи мясо ѣдятъ...

Герасимъ увидѣлъ, что Василій завирается... засмѣялся и прервалъ его: врешь ты это! Василій разсердился, плюнулъ и вышелъ вонъ.

Въ раздраженномъ расположеніи духа пришелъ онъ къ обѣднѣ... Мысли его мѣшались: антихристъ... клейма... мясо... монахи... царь Петръ... послѣднія времена...

Въ церкви много было народа и между прочимъ мачиха Левина, Агафья Ивановна, знакомые ему сосѣди, помѣщикъ села Конопати, драгунскаго полка капитанъ Александръ Андреевичъ Саловъ съ женою, коммисаръ саранскій Өедоръ Никитичъ Языковъ съ женою и другіе.

Василій Левинъ сталъ на лѣвомъ клиросѣ, возлѣ Салова.

Кончилась обѣдня, священникъ вышелъ изъ алтаря съ крестомъ, народъ началъ прикладываться...

— Смотри! закричалъ громко Василій Салову, смотри, образъ не такъ написанъ...

— Поди отъ меня прочь, отвѣчалъ Саловъ, не наше дѣло.

Левинъ уже былъ внѣ себя и закричалъ съ клироса народу: »Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ... Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубитъ... Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ народу, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ цальцемъ... въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ пятнать и станутъ они въ него вѣровать...

Священникъ закричалъ на Левина:

— Для чего ты такія слова говоришь? Я велю тебя взять твоимъ же крестьянамъ.

Левинъ отвѣчалъ бранью: «будутъ и вамъ бороды брить

и станете табакъ тянуть и будетъ у васъ по двѣ жены и по три, какъ кто хочетъ жить«... и съ этими словами выбѣжалъ изъ церкви...

Послѣ этой выходки Левинъ не возвратился домой; доносчиковъ не нашлось въ ту же минуту; крестьяне поболтали, воротясь домой, о баринѣ, объ антихристѣ, а сосѣди и родственники, изъ жалости къ бѣдному *сумасброду*, не рѣшились донести.

Черезъ нѣсколько дней Левинъ явился въ Жадовскую пустынь и послѣ вечерни объяснилъ игумену въ кельѣ наединѣ свое положенiе. Отъ службы онъ отставленъ и отпущенъ съ указомъ въ монастырь постричься; дано ему и отъ Рязанскаго архiерея письмо въ Соловецкiй монастырь къ архимандриту, но архiерей сказалъ ему: туда далеко тебѣ ѣхать, поищи здѣсь монастыря; поэтому онъ и прiѣхалъ посмотрѣть пустынь.

Игуменъ и братiя пригласили его погостить у нихъ и осмотрѣться. Левинъ прожилъ у нихъ нѣсколько времени, ходилъ за трапезу монашескую и велъ себя скромно. Но наконецъ не утерпѣлъ и отправился въ келью къ игумену: »Нынче послѣднее время говорилъ Левинъ, антихристово пришествiе... привезены въ С. Петербургъ печати... хотятъ людей печатать... въ Петербургѣ въ Невскомъ монастырѣ монахи мясо ѣдятъ... а все то дѣло не государево, а антихристово... и государь антихристъ.»

Игуменъ не отвѣчалъ ни слова.

Не понравилась почему-то Жадовская пустынь Левину; онъ отправился въ пензинскiй монастырь, но и здѣсь что то не показалось; побывалъ у себя въ деревнѣ, у сосѣдей въ селѣ Конопати и потомъ отправился въ предтеченскiй подъ городомъ Пензою монастырь. Его приняли въ бѣльцы.

Поведенiе Левина въ церкви с. Конопати сильно безпокоило родныхъ его. Они видѣли разстройство ума его, усиливавшiеся припадки падучей, а конечно въ этомъ положенiи всего лучше было бы постриженiе Василiя въ монахи. Когда братъ его Герасимъ узналъ, что Василiй въ предтеченскомъ монастырѣ, онъ послалъ ему сказать, чтобъ скорѣе постригался, потому что его требуютъ къ смотру въ Мо-

скву, а онъ Василій не ѣдетъ и не постригается; будетъ бѣда, если скоро не пострижется, а-то помѣстья у нихъ отнимутъ.

Василій, давно желавшій постричься, послѣдовалъ совѣту брата, и поступилъ въ число монаховъ предтеченскаго монастыря, съ именемъ Варлаама.

При постриженіи, обыкновенно, назначается новопостриженному началый монахъ, для наставленія въ правилахъ монашеской жизни: Левину былъ назначенъ старецъ Іона.

Выборъ этотъ былъ неудаченъ для Левина. Іона также былъ съ убѣжденіемъ о пришествіи антихриста.

Черезъ недѣлю послѣ постриженія Левинъ бесѣдовалъ уже съ Іоною о своихъ задушевныхъ вѣрованіяхъ.

— Послѣднее время пришло.. Нынѣ у насъ не царь, а антихристъ... заставятъ насъ монаховъ мясо ѣсть и съ женами жить.. въ Невскомъ монастырѣ монахи уже ѣдятъ и привезены въ Петербургъ печати... станутъ всѣхъ печатать... а къ намъ въ монастырь пріѣдетъ старецъ и станетъ онъ намъ давать въ напиткахъ и ѣдѣ и вы всѣ къ нему передадитесь... и этотъ же старецъ станетъ съ образовъ оклады обдирать и будутъ писать только три образа, а именно: Спаса, Богородицы и Іоанна Предтечи, а иныхъ никакихъ образовъ писать не будутъ. Мнѣ все это Богъ всенародно велѣлъ сказывать...

Іона со страхомъ слушалъ предсказаніе Левина.

— Ежели образа станутъ обдирать, отвѣчалъ Іона, мы пойдемъ въ лѣса, а если образъ Казанской Богородицы (келейный образъ Іоны) станутъ обдирать и мы прежде тутъ умремъ съ тобою. Станемъ имъ говорить: насъ прежде побейте, а образа не обдирайте.

Левинъ подружился съ Іоною и жилъ съ нимъ душа въ душу. Одни и тѣ же убѣжденія связывали ихъ и Іона вѣрилъ о пришествіи антихриста и Іона хотѣлъ бѣжать въ пустынь.

Игуменъ Ѳеодосій совсѣмъ другое дѣло: сколько разъ ни начиналъ ему говорить Левинъ о Петрѣ, тотчасъ прекращался разговоръ словами игумена: «все врешь ты!»

12 марта 1722 г. во время богослуженія въ церкви съ Левинымъ случилась падучая. Послѣ припадковъ Левинъ

обыкновенно былъ расположенъ къ своимъ разговорамъ о Петрѣ.

Выходя изъ церкви, онъ не утерпѣлъ и подошелъ къ игумену:

— А вѣдаешь ты, отецъ игуменъ, что нынѣ у насъ не царь, а антихристъ?

Игуменъ разсердился и строго отвѣчалъ:

— Не хорошо ты рѣчь эту говоришь. Левинъ отошолъ прочь.

Черезъ недѣлю, именно 19 марта, въ Пензѣ былъ большой базаръ. Левинъ отпросился у игумена въ городъ для подаянія по тюрьмамъ милостыни. Но онъ сказалъ неправду игумену, у него было въ головѣ совсѣмъ другое: онъ отправился проповѣдывать народу послѣднее время, спасать людей отъ антихриста.

Народъ толпился на базарѣ. Левинъ пробрался къ мяснымъ лавкамъ, взлѣзъ на плоскую крышу одной изъ нихъ, снялъ съ себя клобукъ, поднялъ его на клюкѣ вверхъ и закричалъ окружавшей его толпѣ: «Послушайте, христіане, послушайте! Много лѣтъ я служилъ въ арміи у генералъ-маіора Гаврилы Семеновича Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... Жилъ я въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли. А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ... а въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великій постъ и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякой хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не станутъ... Бойтесь этихъ печатей, православные!.. бѣгите, скройтесь куда нибудь... Послѣднее время... антихристъ пришолъ... антихристъ...

Народъ со страхомъ разбѣжался. Левинъ возвратился въ предтеченскій монастырь, но не надолго.

Въ толпѣ базарной нашелся одинъ человѣкъ пензинскій

обыватель, Өедоръ Семеновъ Каменщиковъ, на котораго безумная проповѣдь Левина подѣйствовала совсѣмъ иначе. Онъ побѣжалъ съ базара не со страхомъ, не съ мыслію скрыться куда нибудь отъ антихриста, а прямо въ пензинскую земскую Контору объявить о происшествіи...

За Левинымъ послали въ монастырь, схватили его и привезли въ Пензу. Дѣло было слишкомъ важное... Сковали Левина и доносчика Каменщикова и обоихъ отправили съ донесеніемъ въ сенатъ, въ Москву.

Сержантъ Арцыбашевъ везъ колодниковъ. Арцыбашеву такъ мало дали денегъ на дорогу, что въ Муромѣ у него недостало на прогоны и ему отказали въ подводахъ, несмотря на важность «государственныхъ предступниковъ«, которыхъ онъ везъ. Арцыбашеву пришлось занимать деньги у Левина. Онъ выпросилъ у него 14 р... Но подводъ все-таки не давали. Сержантъ принужденъ былъ купить пару лошадей (въ дѣлѣ даже сохранилось описаніе этихъ знаменитыхъ лошадей; одна гнѣдо-пѣгая, другая каурая), телѣгу и сбрую, какъ это все тогда стоило дешево, не болѣе 14 руб.

Въ Москвѣ, 17 апрѣля, сержантъ сдалъ колодниковъ и лошадей и всѣ дорожныя принадлежности въ распоряженіе тайной канцеляріи. У Варлаама обобрали взятые имъ на дорогу перховикъ, двѣ подушки, одѣяло лошаковое, остальныя деньги 10 алтынъ, печать серебряную, кошелекъ пустой съ замкомъ, и посадили закованнаго въ тюрьму. Въ тотъ же день допросили его и онъ разсказалъ о своей проповѣди народу о Петрѣ, о томъ, какъ онъ получилъ эти убѣжденія съ молодости въ деревнѣ, потомъ въ Малороссіи, въ полку, и наконецъ въ Петербургѣ въ лазаретѣ.

Преступленіе было противу чести монаршей. Первой важностью Левина предстояло пытать и поэтому на другой же день, 18 апрѣля, по требованію тайной канцеляріи, синодъ обнажилъ Левина отъ монашескаго чина. Онъ сдѣлался опять отставной капитанъ Василій Левинъ. Много лицъ замѣшалъ онъ въ своихъ показаніяхъ, за всѣми послали нарочныхъ, и въ Пензу, въ Жадовскую пустынь и въ деревню его и въ Петербургъ и въ Сызрань и Симбирскъ. Предтеченскій монастырь уже былъ арестованъ

весъ еще по распоряженію пензинской губернской канцеляріи, на другой день послѣ разглагольствованія Левина на базарѣ... Послали за монахомъ Іоною и игуменомъ...

Попа *Лебедку* 22 апрѣля отыскали въ Москвѣ, въ домѣ князя Меншикова; его также растригли.

Пошли допросы, пытки. Съ каждымъ допросомъ Левинъ называлъ новыхъ жертвъ тайной канцеляріи. Андрей Ивановичъ Ушаковъ почти ежедневно посылалъ нарочныхъ, съ строгими инструкціями, для отысканія указываемыхъ Левинымъ лицъ....

Ихъ было довольно: 1) попъ крестовый князя Меншикова Никифоръ Тереньтьевъ Лебедка. 2) Попъ села Конопати Глѣбъ Никитинъ. 3) Попъ деревни Левино Чирчимъ Иванъ Григорьевъ. 4) Двоюродные братья Левина Петръ и Иванъ Растригины, служившіе въ преображенскомъ полку. 5) Родственники Левина Петръ Андреевъ Левинъ. 6) Герасимъ Григорьевъ Левинъ. 7) Иванъ Ѳедоровъ Левинъ. 8) Драгунскаго полка, Александръ Матвѣевъ Саловъ. 9) Саранскій коммисаръ Ѳедоръ Никитинъ Языковъ. 10) Строитель симбирской Жадовской пустыни. 11) Пензинскаго монастыря игуменъ. 12) Предтеченскаго въ Пензинскомъ уѣздѣ монастыря игуменъ Ѳеодосій. 13) Изъ того же монастыря монахъ Іона. 14) Монахъ александро-невскаго монастыря князь Прозоровской. 15) Келейникъ Стефана Яворскаго. 16) Дьякъ дому рязанскаго архіерея Кублицкій.

Процедура тайной канцеляріи извѣстна: допросъ — пытка, очная ставка — пытка, запирательство — пытка, сознаніе—пытка; все одно и то же и потому мы не будемъ утомлять читателей изо дня въ день, какъ водили въ застѣнки обвиненныхъ, а передадимъ только любопытные моменты розыска.

28 апрѣля при допросѣ Левинъ разсказалъ о свиданьи въ Петербургѣ съ Стефаномъ Яворскимъ и съ монахомъ Прозоровскимъ въ невскомъ монастырѣ. Вотъ вкратцѣ содержаніе этого разсказа:

Когда онъ явился къ Стефану, архіерей сказалъ ему: «Въ правдѣ ты устоялъ, что ко мнѣ пришолъ. Являлся ли ты

въ сенатъ?» Явился, отвѣчалъ Левинъ. «А въ синодѣ былъ?» Синода я не знаю, отвѣчалъ Левинъ.

— Онъ за сенатомъ; спроси, тамъ скажутъ, и если ты хочешь постричься, подай тамъ челобитную. Гдѣ же ты хочешь постричься?

— Хотъ здѣсь въ невскомъ монастырѣ.

— Поди ты прежде посмотри, понравится ли тебѣ или нѣтъ? А сыщи тамъ старца Прозоровскаго и скажи ему, что отъ меня ты пришолъ.... Онъ тебѣ все скажетъ.

Левинъ отправился въ невскій монастырь къ обѣднѣ, распросилъ о старцѣ Прозоровскомъ — онъ былъ въ церкви — ему указали его. Послѣ обѣдни Прозоровскій пошолъ въ свою келью, — Левинъ догналъ его и объявилъ, что присланъ къ нему отъ рязанскаго архіерея.

— Дай мнѣ разобраться, сказалъ ему старецъ, а ты зайди по переходамъ къ моей кельѣ, я къ тебѣ выду.

Левинъ такъ и сдѣлалъ.

На распросы Прозоровскаго Левинъ разсказалъ ему о себѣ.

— Я уже отставленъ, говорилъ Левинъ, и есть у меня билетъ, я человѣкъ свободный, только требую совѣта твоего: хочу я постричься.

— Хорошее дѣло, отвѣчалъ Прозоровскій; гдѣ же ты хочешь постричься?

— Мое обѣщаніе есть, чтобъ здѣсь въ невскомъ постричься, отвѣчалъ Левинъ.

— Для Бога не сгуби себя, началъ говорить Прозоровскій. Меня сюда государь поневолѣ взялъ, а я не хотѣлъ. Буде же ты хочешь мясо ѣсть, такъ постригись здѣсь; здѣсь монахи мясо ѣдятъ и меня принуждаютъ, только я еще не ѣдалъ; не одного закона здѣсь монахи, но разныхъ законовъ, буде не вѣришь, поди на кухню и посмотри: все мясо готовятъ ѣсть.

Левинъ отправился на кухню и убѣдился въ справедливости словъ Прозоровскаго. Онъ опять пришелъ къ нему въ келью.

— Я и самъ не хочу здѣсь жить, хочу скрыться, говорилъ Прозоровскій, не въ знатный монастырь, а пустынь.

*

— И я хочу постричься въ соловецкомъ монастырѣ, отвѣчалъ Левинъ.

— Да и туда посланы три монаха отсюда, чтобы они тамъ приводили монаховъ мясо ѣсть и учили бы, что-де грѣха дальняго въ томъ нѣтъ. Государь указалъ, а синодъ на себя перенялъ этотъ грѣхъ—тягости въ томъ нѣтъ, что старцамъ мясо ѣсть — если де блудъ дѣлать, то и горче де того. Видѣлъ ли ты здѣсь прядильный дворъ, на которомъ живутъ такіе, что если вдова или дѣвка родитъ ребенка и ихъ на тотъ дворъ ссылаютъ — и въ день онѣ прядутъ, а къ ночи старцы емлютъ ихъ къ себѣ въ монастырь и живутъ съ ними....

Послѣ этой бесѣды Левинъ явился къ Рязанскому.

— Былъ ли ты въ монастырѣ? спросилъ Яворскій.

— Былъ.

— Видѣлъ ли ты монаха?

— Видѣлъ.

— Изъ сената указъ взялъ?

— Взялъ.

— А изъ синода?

— Изъ синода не взялъ.

— Даромъ-де! по этому указу постригутъ, ты вѣдь за болѣзнію отставленъ.

— Мое обѣщаніе въ соловецкомъ монастырѣ постричься, сказалъ Левинъ.

По просьбѣ Левина Стефанъ написалъ письмо въ соловецкій монастырь и далъ ему копію для вѣдома, что въ немъ написано. — Вотъ это письмо сохранившееся въ подлинномъ слѣдовательномъ дѣлѣ о Левинѣ:

«Пречестныя и великія лавры святыя обители Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ пречестнѣйшему отцу архимандриту Варсонофію, мнѣ же о Христѣ брату и сослужителю и благодѣтелю благословленіе отъ Господа Бога, миръ, тишина, здравіе души и тѣлу долгоденствіе, безпечальное и безмятежное пребываніе и многолѣтное, безболѣзненное де будетъ, всеусердно желаю, а паче спасенія вѣчнаго.

За симъ вашему преподобію въ обнадѣяніе дерзнулъ писать: просилъ насъ о предстательствѣ къ вашему преподобію

гренадерскаго коннаго полка, капитанъ Василій Савинъ сынъ Левинъ, который въ прошеніи своемъ объявилъ мнѣ, что онъ, будучи въ службѣ великаго Государя многіе годы, пришелъ къ старости и въ скорбь и положилъ себѣ обѣщаніе, чтобъ ему принять монашескій чинъ и постричься въ обители соловецкихъ чудотворцевъ, которое обѣщаніе оной капитанъ объявилъ прошеніемъ въ правительствующемъ духовномъ синодѣ и по указу царскаго величества онъ Василій за скорбью отъ службы отставленъ и велѣно изъ правительствующаго духовнаго синода въ святой вашей обители постричь его неотмѣнно.

Прошу вашея святыни для нашего прошенія яви къ нему Василью свою милость и прими его въ святую обитель и прикажите по обѣщанію его исполнить и постричь въ монашескій чинъ безъ всякаго отриновенія и содержать его при своей святыни за его царскому величеству службу неотриновенно, за что вашему преподобію воздатель всемогущій Господь Богъ и наше смиреніе долженствуетъ о вашей святыни Бога молить и всякими образы отслуживать. Вашему преподобію мнѣ о Христѣ любимому брату всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ всеусердный желатель, богомолецъ и слуга нижайшій, смиренный Стефанъ, митрополитъ рязанскій и муромскій. Изъ С. Петербурга. 1721. Мая 9.»

— Съ этимъ письмомъ, говорилъ Стефанъ Левину, хотя въ соловецкомъ или въ другомъ монастырѣ тебя постригутъ; а лучше бы постригся ты гдѣ не въ знатномъ монастырѣ; а буде ты хочешь въ соловецкомъ монастырѣ постричься, подожди ты съ недѣлю: будутъ оттуда старцы, а ты ко мнѣ чаще являйся.

Черезъ нѣсколько времени, когда Левинъ пришелъ къ Стефану, онъ сказалъ ему:

— Пріѣхали старцы, поди у нихъ спроси, и послалъ его къ нимъ съ своимъ келейникомъ.

Пришли къ старцамъ.

— Прислалъ архіерей, что сей капитанъ желаетъ у васъ постричься, скажите ему, все ли у васъ хорошо по старинѣ идетъ?

Одинъ изъ старцевъ, по прозванью Аксентьевъ, обратил-

ся къ Левину: «Для Бога! не для чего туда идти! — Монастырь весь разбѣжался по лѣсамъ и по пустынямъ, а остались только монахи моты, для того, что прислано отсюды монаховъ три человѣка и стали приводить, чтобъ мясо ѣли, а попы бы подбривали усы, чтобъ святыя тайны принимать не помѣшательно; а дьяконы бороды и усы въ кружало держали бы; а дьячки бъ бороды и усы брили, а съ иконъ со всѣхъ оклады иприклады собирали и запечатали и отдали подъ сохраненіе.

Послѣ этого, по увѣренію Левина, онъ еще былъ нѣсколько разъ у Стефана, который разсказывалъ ему, что Петръ иконоборецъ, что принуждалъ его Стефана «быть» синодомъ, но что онъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ и просилъ «не быть» синодомъ и пр. и пр.

Показаніе Левина завязывало дѣло важное — обвиненіе на Стефана Яворскаго.

30 апрѣля А. И. Ушаковъ послалъ въ Петербургъ нарочнаго лейбъ-гвабдіи солдата Ѳедосея Протопопова взять въ невскомъ монастырѣ монаха князя Прозоровскаго и заковавъ въ ножныя и ручныя желѣзы, привезти съ поспѣшеніемъ, только при этомъ наказано посланному: чтобъ у монаха образъ и четки были невредительны. Какъ растолковать эту внимательность? — вѣроятно при арестованіи такіе были рѣзкіе пріемы, что на монахѣ и образъ и четки не держались, или можетъ быть это приказаніе было указаніемъ посланному, чтобъ онъ не отнималъ у монаха образа и четокъ—во всякомъ случаѣ эта предусмотрительность довольно хорошо характеризуетъ то время.

Андрею Ивановичу предстояло очень щекотливое дѣло: Левинъ показывалъ на Стефана Яворскаго, личность высоко поставленную собственными достоинствами и общимъ уваженіемъ — хотя уже не въ милости царя.

Петръ Первый 13 мая выѣхалъ изъ Москвы въ Астрахань, Андрей Ивановичъ не рѣшился дѣйствовать отъ себя въ такомъ важномъ дѣлѣ и послалъ въ догонку къ императору курьера съ докладомъ по дѣлу Левина.

Донесеніе Ушакова застало Петра въ Коломнѣ, откуда

онъ и присылалъ черезъ П. А. Толстаго свои повелѣнія. Ушаковъ спрашивалъ разрѣшенія:

1) Старцу Левину по окончаніи розысковъ какую казнь учинить и гдѣ, въ Москвѣ или на Пензѣ?

Собственноручная резолюція Петра: на Пензѣ.

2) Онъ же Левинъ показалъ на родственниковъ своихъ четырехъ человѣкъ, что при нихъ злыя слова въ домѣ говорилъ, да вышеписанныя же слова говорилъ онъ въ церкви всенародно при капитанѣ да при коммисарѣ.

Резолюція Петра: Слѣдовать и смотрѣть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже и временемъ мѣшается и завиряятся.

3) По его же Левина распросу касается нѣчто до рязанскаго архіерея, токмо нынѣ безъ распросу старца Прозоровскаго нельзя того явственно признать и ежели по распросу онаго покажется до него архіерея важность и его допрашивать ли и гдѣ, въ синодѣ ли, или въ тайной канцеляріи и какъ его содержать? Отмѣтка Петра: когда важность касаться будетъ, тогда сенату придти въ синодъ и тамъ допрашивать и слѣдовать чему подлежитъ.

19 мая привезли старца Прозоровскаго. Его нашли въ невскомъ монастырѣ, и согласно инструкціи повезли въ оковахъ. Имущество, состоявшее изъ баула съ письмами, кожанной переметной сумы съ челядинскою рухлядью, нѣсколько священныхъ книгъ было привезено также въ Москву. Деньги 30 руб., найденныя у монаха, были отданы сержанту на прогоны. Страшное время! еще подсудимый лишался почти всего состоянія.

Въ допросахъ Прозоровскій разсказалъ Андрею Ивановичу свою исторію:

«Отецъ де у него бояринъ, князь Андрей Петровичъ Прозоровскій, а емя ему въ мірѣ было Михаилъ, а въ 1716 году посланъ онъ для науки съ прочими въ Италію и въ прошломъ де 1718 году г. случилися въ Италіи быть монахи изъ области султана турскаго, изъ горы аѳонскія; и онъ де Михайло съ тѣми монахами поѣхалъ въ аѳонскую гору и тамъ постригся; имя ему въ иноцѣхъ Сергій и учиненъ тамъ іеромонахомъ. И въ 1719 г. изъ аѳонской горы

пріѣхалъ къ Москвѣ съ тамошнимъ іеромонахомъ Филипомъ Сербиненомъ для прошенія милостыни и по письму де изъ С. Петербурга ближняго стольника князя Ивана Федоровича Ромодановскаго велѣно его Сергія выслать въ С. Петербургъ и явиться у него въ домѣ, а когда его въ С. Петербургѣ не застанетъ, чтобъ онъ явился во дворецъ, а онъ де въ С. Петербургъ прибылъ, а его князя Ивана Федоровича не засталъ и братъ де его Сергіевъ князь Θедоръ Прозоровскій донесъ объ немъ великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея де величество указала ему явиться ея величеству и онъ де явился, а ея величество указала ему явиться невскаго монастыря архимандриту Θеодосію, и явясь жилъ въ домѣ князя Ивана Алексѣевича Голицына до 1720 г. февраля до 28 ч., а въ ономъ 28 числа по указу императорскаго величества и по приказу Θеодосія архимандрита опредѣленъ онъ въ С. Петербургѣ въ александроневскомъ монастырѣ, а у рязанскаго архіерея въ С. Петербургѣ на подворьѣ его въ кельѣ былъ онъ Сергій однажды въ 1719 г., а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того онъ не упомнитъ, ради поклона ему архіерею, и въ то-де время разговоровъ никакихъ съ нимъ архіереемъ онъ Сергій не имѣлъ и кромѣ той бытности ни въ которое время у него архіерея онъ Сергій не бывалъ, токмо де когда онъ архіерей случался служить въ монастырѣ александро-невскомъ и въ то де время онъ Сергій подходилъ къ нему къ благословленію».

О знакомствѣ съ Левинымъ Прозоровскій разсказывалъ совершенно иначе, чѣмъ Левинъ.

Въ 1720 г. въ лѣтнее время, котораго мѣсяца и числа не помнитъ, послѣ обѣдни пришолъ къ нему Левинъ къ кельѣ и вызвавъ изъ кельи въ сѣни, сталъ ему говорить: «былъ я въ монастырѣ у намѣстника Голенковскаго и въ разговорахъ онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь-де въ монастырѣ постриженъ князь Прозоровскій и я де пожелалъ тебя видѣтъ.» Сергій распросилъ Левина о его чинѣ, о фамиліи, для чего отставленъ; какая у него болѣзнь и зачѣмъ пришолъ къ нему?

— Я уже отъ службы отставленъ, отвѣчалъ Левинъ и

есть у меня билетъ, я де человѣкъ свободный, только требую совѣта твоего, хочу постричься.

— Хорошее дѣло, отвѣчалъ Прозоровскій, гдѣ же хочешь постричься?

— Имѣю я позволеніе отъ рязанскаго архіерея о постриженіи и платье черное уже у меня готово, только не знаю, гдѣ постричься; я желаю постричься на Соловкахъ, а здѣсь можно ли мнѣ постричься?—и архіерей рязанскій совѣтуетъ мнѣ о постриженіи.

— Поди къ отцу архимандриту, отвѣчалъ Прозоровскій, я постричь тебя не смѣю безъ воли архимандричей и по письму рязанскаго архіерея здѣсь не постригутъ.

— Каково монашество, спросилъ Левинъ? я боюсь постричься, чтобы снесть.

— Ты искуси себя, отвѣчалъ Прозоровскій, когда хочешь постричься, а когда не хочешь и въ томъ твоя воля.

— Каково жить въ невскомъ монастырѣ? спросилъ Левинъ.

— Какъ и въ прочихъ обителяхъ. Тѣмъ и кончился, по увѣренію Прозоровскаго, ихъ разговоръ. Все же прочее, что утверждалъ Левинъ о мясѣ, о прядильномъ дворѣ, — Прозоровскій утверждалъ, что онъ Сергій Левину не говаривалъ и отъ него не слыхалъ, въ чемъ онъ Сергій сказываетъ самую истину по монашескому обѣщанію.

Прозоровскому съ Левинымъ дали очную ставку. Левинъ утверждалъ свое, а Прозоровскій свое.

Послѣ допроса Прозоровскаго оставалось обнаружить истину показанія Левина на Стефана. Предварительно Андрей Ивановичъ испросилъ разрѣшенія сената распросить келейника (19 іюня). Бывшій при Стефанѣ въ 1721 г. келейникъ Машкаринъ находился въ это время въ Рязани; его привезли оттуда и, чтобъ узнать правду, Ушаковъ употребилъ хитрость. Келейника переодѣли въ преображенскій солдатскій мундиръ и поставили на смотръ Левина между пятью другими солдатами. — Левинъ тотчасъ узналъ Машкарина. Келейника привели къ допросу; вотъ его показаніе.

Въ 1721 г., въ лѣтнее время, пришолъ Левинъ въ крестовую къ архіерею рязанскому съ прочими людьми, кото-

рые его архіерея проводили отъ обѣдни и сталъ просить, что когда его отъ службы отставятъ, чтобъ онъ архіерей приказалъ ему постричься. Стефанъ отвѣчалъ ему: «когда отъ службы будешь отставленъ, тогда и постричь можно. Полно-де ты не отбываешь ли отъ службы? у насъ былъ такой оказецъ, что человѣкъ постригся, а послѣ и изыскивали его». Левинъ клялся передъ архіереемъ, что у него падучая болѣзнь и въ доказательство показалъ ему руку, которую «въ той болѣзни жегъ ему докторъ Севастіанъ (?)». Послѣ этого Левинъ ушелъ и келейникъ Машкаринъ видѣлъ его и въ архіерейской канцеляріи и у архіерея въ крестовой дважды съ другими просителями. Въ послѣдній разъ Машкаринъ видѣлъ Левина, когда онъ подалъ ему челобитную о постриженіи, а наединѣ бывалъ ли Левинъ съ Стефаномъ, онъ Машкаринъ не вѣдаетъ. Соловецкіе старцы, три человѣка, дѣйствительно въ то лѣто пріѣзжали въ Петербургъ, и поднесли Стефану листъ, на которомъ нарисована ихъ обитель и просили объ опредѣленіи къ нимъ архимандрита; къ старцамъ съ Левинымъ не ходилъ никогда, да и гдѣ жили старцы, онъ не зналъ.

Все это Машкаринъ подтвердилъ подъ страхомъ смертной казни.

5-го іюля Левинъ приведенъ былъ на генеральный дворъ передъ сенатъ. Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, князь Григорій Ѳеодоровичъ Долгоруковъ, Яковъ Виламовичъ Брюсъ, Петръ Павловичъ Шафировъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, генералъ прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягушинскій «увѣщевали его многими словами: дабы онъ показалъ самую истину, что на рязанскаго архіерея онъ показалъ и то правда-ли или онъ напрасно тѣ слова на него архіерея показалъ»?

Левинъ отвѣчалъ, что все сказанное имъ о Стефанѣ истина и прибавилъ еще, что Стефанъ ему говаривалъ: «и самъ я желаю въ Польшу отъѣхать».

Долго увѣщевали сенаторы Левина, онъ оставался неизмѣненъ въ своемъ показаніи. Его повели въ застѣнокъ, раздѣли, поставили къ дыбѣ и положили руки въ хомутъ: палачи ожидали приказанія, чтобъ вздернуть на дыбу и пы-

тать... Сенаторы еще разъ спросили его, говорилъ ли онъ правду о Рязанскомъ?

Тяжелая минута! Левинъ испугался мученій и объявилъ, что сказалъ на архіерея рязанскаго напрасно: «хотѣлъ-де получить свободу»... Онъ надѣялся избавиться пытки... Но сенаторы подали знакъ и палачи потянули Левина на дыбу: одинъ изъ нихъ придерживалъ веревкою за ногу и Левинъ повисъ съ вывихнутыми изъ составовъ руками... Страданія ожесточили старика; подъ ударами палача онъ перемѣнилъ рѣчи. «Суще-де на архіерея право тѣ слова онъ показалъ, а сговорилъ съ него, хотя избыть пытки и чтобъ де смертъ принять ему Левину одному... Онъ же архіерей говорилъ, что только будутъ писать три иконы да распятіе, а достальныя-де станутъ на воду пускать и жечь, и говорилъ ему:» ѣдучи до Новгорода, въ дорогѣ помолчи, а отъ Новгорода сказывай, чтобъ иконы убирали.»

Левину дали 11 ударовъ и на вискѣ висѣлъ онъ три четверти часа.

На другой день, 6 іюля, сенатъ хотѣлъ еще убѣдиться въ справедливости показанія Левина черезъ келейника. Машкарина подняли на дыбу и оставили висѣть полчаса. Въ это время его распрашивали: не бывалъ ли когда Левинъ наединѣ съ Стефаномъ, и во время этихъ бесѣдъ для уединенія не высылалъ ли вонъ его келейника или другихъ?

— Архіерей рязанскій, отвѣчалъ Машкаринъ, съ Левинымъ наединѣ никогда не сиживалъ и его Машкарина и при немъ другихъ никого для уединенія съ нимъ Левинымъ не высылывалъ; одинъ только разъ, когда Левинъ подалъ Рязанскому челобитную, Стефанъ послалъ эту челобитную съ нимъ Машкаринымъ къ секретарю Кублицкому, и посторонних въ то время въ крестовой никого не было, и пока ходилъ онъ Машкаринъ къ Кублицкому съ четвертъ часа и меньше, оставался Левинъ наединѣ съ Стефаномъ,— а кромѣ того никогда онъ Левинъ у архіерея наединѣ не бывалъ.

Чего еще болѣе? Какого доказательства надо было сенаторамъ въ подтвержденіе истины? Полчаса висѣлъ на вискѣ келейникъ Машкаринъ,—привезенный изъ Рязани,

нежившій уже болѣе при Стефанѣ! Неужели въ страшныхъ мукахъ онъ не проговорился бы? Отвѣтъ его былъ такъ положителенъ.

Но Стефанъ былъ не любимъ сенаторами и министрами; здѣсь же былъ въ Москвѣ и врагъ его Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сенаторы не удовлетворились показаніями келейника, а пригласили Ѳеофана и присутствовавшихъ въ синодѣ архимандритовъ чудовскаго, новоспаскаго и симоновскаго и отправились всѣ въ домъ Стефана—допрашивать его на дому «ради его болѣзни.»—Они не пощадили старца любимаго всею Россіею, доживавшаго послѣдніе дни свои. (Онъ скончался въ ноябрѣ 1722 г.).

Стефанъ долженъ былъ выслушать всѣ допросы, произведенные Левину 28 апрѣля, іюня 8, 11, 15, 26, іюля 5-го. Онъ узналъ изъ прочитанныхъ ему бумагъ, сколько пытокъ уже вытерпѣлъ тотъ, къ которому онъ изъявилъ такое живое участіе въ Нѣжинѣ и Петербургѣ; онъ выслушалъ все взводимое на него Левинымъ и спокойно отвѣчалъ соединенному собранію сената и синода:

«Оный Левинъ въ Нѣжинѣ у него архіерея былъ ли и такія слова, которыя въ распросѣ его Левина показаны, говорилъ ли, того онъ за много прошедшими годами сказать не упомнитъ, а въ С. Петербургѣ въ прошломъ 1721 году онъ Левинъ къ нему архіерею прихаживалъ не однажды и просилъ прилежно его, чтобъ ему дать грамоту о постриженіи его Левина и онъ архіерей говорилъ ему, чтобъ онъ просилъ въ военной коллегіи объ отставкѣ его отъ службы и когда-де свободный отъ службы указъ за руками генераловъ и за печатью ему дадутъ, тогда-де онъ архіерей и о постриженіи его грамоту дастъ; и потомъ онъ Левинъ ему сказалъ, что оный указъ взялъ и просилъ его архіерея, чтобъ онъ о постриженіи его Левина далъ письмо въ соловецкій монастырь къ архимандриту, и онъ архіерей такое письмо ему далъ. А такихъ-де словъ, что, будучи онъ Левинъ при немъ архіереѣ, назвалъ Государя антихристомъ и будто онъ архіерей молвилъ, что де онъ Государь не антихристъ, а иконоборецъ, и будто онъ же архіерей посылалъ его съ келейникомъ своимъ въ сенатъ смотрѣть обра-

зовъ и къ соловецкимъ старцамъ будто для проповѣдыванія, каково въ оной обители жить, также и въ невскій монастырь къ Прозоровскому, о неподписаніи подъ пунктами (о синодѣ) и о царевичѣ и что будто въ Польшу онъ хотѣлъ отъѣхать и такихъ вышеписанныхъ всѣхъ словъ отъ него Левина онъ архіерей не слыхалъ, а самъ онъ архіерей ему Левину не говаривалъ, и ничего-де того небывало; да и наединѣ съ нимъ архіереемъ онъ Левинъ нетокмо вышеписанныхъ, но и другихъ никакихъ словъ никогда не говаривалъ, а въ спальнѣ у него не бывалъ, а бывалъ только въ передней или въ крестовой палатахъ, и-то при другихъ людяхъ, а не наединѣ; а многажды дожидался его архіерея онъ на крыльцѣ и прашивалъ его дорогою о постриженіи же, а къ попу-де Никифору Лебедкѣ можетъ быть что онъ архіерей его Левина проситъ о вспомоществованіи у свѣтлѣйшаго князя объ отставкѣ его Левина отъ службы и посылалъ, понеже онъ-де попъ Лебедка отецъ духовный ему свѣтлѣйшему князю и всему дому его былъ и могъ бы ему помощь учинить и о всемъ-де вышеписанномъ предъ Богомъ—и предъ его императорскимъ величествомъ приноситъ онъ архіерей самую истину, такъ какъ явиться ему предъ Богомъ, а ежели онъ архіерей въ семъ отвѣтствованіи сказалъ что не истинно или хотя мыслію къ тѣмъ вышепомянутымъ злымъ словамъ онъ архіерей коснулся, то дабы ему во адѣ со Іудою вѣчно мучиться, и во увѣреніе подписуется онъ своею рукою.»

Отвѣтъ Стефана записали; онъ взялся за перо, чтобы подписать и остановился, вспомнивъ еще одно обстоятельство. Онъ зналъ пріемы тайной канцеляріи, что надо было все припомнить при допросахъ, чтобъ избавиться ихъ повторенія или подозрѣнія отъ слѣдователей.

«Припамятовалъ онъ, что помянутый Левинъ въ Нѣжинѣ просилъ его архіерея о заступленіи къ генералу Рену, понеже-де онъ Левинъ въ то время невѣдомо въ какомъ дѣлѣ былъ арестованъ и шпага снята, и по просьбѣ его архіерейской шпага ему Левину отдана попрежнему.—Дополнивъ этимъ свои отвѣты, Стефанъ подписалъ ихъ.

Сравнивая по документамъ подпись Стефана, видно, что

онъ подписывалъ не твердо, больной. Но не все было еще кончено. Его терпѣнію предстояло еще испытаніе. Левина привели и поставили передъ Стефаномъ. Это была очная ставка.

Какъ принято было это Стефаномъ, можно только предполагать, зная его самостоятельный мужественный характеръ. Но о Левинѣ сохранилась въ дѣлѣ отмѣтка:

«А какъ онъ Левинъ передъ архіереемъ приведенъ, то въ словахъ весьма смутился.»

Смутился Левинъ потому, что Стефанъ смотрѣлъ на него кротко, съ грустію... Но чтоже? Левинъ повторилъ своему благодѣтелю въ глаза все объявленное имъ въ пыткахъ.

Неужели онъ говорилъ правду, а не Стефанъ?—нѣтъ! Тайну своего поведенія передъ Стефаномъ онъ объявилъ на другой же день, безъ допросу, безъ призову, явясь самъ собою въ тайную канцелярію.—Убѣжденіе, что Петръ антихристъ, сдѣлалось для Левина вѣрою, за которую онъ хотѣлъ умереть, и, предполагая въ Стефанѣ ту же вѣру, хотѣлъ, чтобъ и Стефанъ пострадалъ.

«Что государь антихристъ, говорилъ онъ въ тайной канцеляріи на другой день, 7-го іюля, показываетъ онъ его такъ попрежнему, также и иконоборцемъ называетъ для того, что прежній царь пошелъ за море и тамъ остался и проч. и проч. уже не разъ имъ повторенное. И чаетъ онъ, что и архіерей рязанскій будетъ нашъ, станетъ де одесную Бога, авось де Богъ положитъ въ сердце его желаніе, если похочетъ онъ пострадать, понеже де онъ архіерей говорилъ ему Левину, что государь де принуждаетъ его, чтобъ онъ былъ сѵнодомъ и онъ де не пожелалъ и за то де стоялъ онъ передъ нимъ на колѣняхъ подъ мечомъ и сіе де сказываетъ онъ Левинъ въ цѣломъ умѣ, а не въ безуміи, а прежде сего повинную онъ предъ нимъ государемъ принесъ отъ простоты своей, да и для того, что де не видѣлъ онъ архіерея рязанскаго и въ томъ де сомнился, что либо де онъ скажетъ самую истинну и когда де увидѣлъ его благую персону и хотя де онъ и заперся, только де плакалъ и онъ де пожелалъ ему царствія небеснаго, а стоитъ онъ Левинъ въ первомъ своемъ мнѣніи.... На брата своего и на родственниковъ Ле-

винъ сознался, что показалъ также для того, что они можетъ быть пожелаютъ съ нимъ мучиться и они де будутъ съ нимъ въ царствіи небесномъ, для того, что и онъ Левинъ не отчаявается спасенія отъ царя небеснаго.... и что долѣе де его будутъ держать и тогда онъ будетъ Бога благодарить и о мукѣ де здѣшней онъ не радитъ и не глядитъ и ставитъ де онъ то за даръ отъ царя небеснаго, а впредь де насъ имъ розыскивать не будутъ, то де онъ уже ни на кого ничего не покажетъ, ни прибавитъ, ни убавитъ для того, чтобъ довольно и того будетъ, что на кого онъ показалъ.

Несмотря на это, 9 іюля его повели въ застѣнокъ и распрашивали при 25 ударахъ. Онъ сдержалъ свое слово — указалъ только на допросъ 7 іюля.—Онъ выдерживалъ уже пятую пытку.

Упорство Левина въ пыткахъ навело слѣдователей на мысль, не подѣйствуетъ ли на него сильнѣе увѣщаніе священника, кроткое, безъ угрозъ и показаній. Изъ всѣхъ отвѣтовъ открылось ясно, что Левинъ былъ раскольникъ — и съ дѣтства. 12 іюля прислали въ тюрьму къ Левину іеромонаха Іосифа Рѣшилова увѣщевать колодника отъ божественнаго писанія. Это былъ тотъ самый Рѣшиловъ, который игралъ важную роль въ 1735 г. во время борьбы Ѳеофана Прокоповича съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ. Рѣшиловъ самъ былъ прежде раскольникомъ, но послѣ присоединился къ церкви и употребляемъ былъ святѣйшимъ сѵнодомъ по разнымъ порученіямъ въ раскольничьихъ дѣлахъ. — Первое увѣщаніе Рѣшилова было безъ успѣха. Левинъ твердилъ: отъ креста слагаемаго въ 3-хъ перстахъ отрицается, а креститься будетъ слагая большой перстъ съ двумя послѣдними; государя антихристомъ называетъ и въ томъ умереть желаетъ и ни на какое увѣщаніе не склонится. Рѣшиловъ предложилъ ему молитвенникъ курской печати. Левинъ его бросилъ: «не хочу по тому молитвеннику молиться, потому что не написано въ немъ Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ». На другой день 13 іюля Рѣшиловъ опять явился къ Левину и принесъ ему книгу Кирилла архіепископа іерусалимскаго старой печати, въ которой писано объ антихристѣ. Левинъ выслушалъ чтеніе и увѣ-

щаніе Рѣшилова и сдѣлалъ слѣдующее условное предложеніе. «Ежели его императорское величество изволитъ въ винѣ его (что онъ Левинъ его государя порицалъ злыми словами, называлъ антихристомъ и иконоборцемъ и хулилъ вѣру христіанскую) проститъ и не укажетъ казнить смертію, то де онъ Левинъ нынѣ приноситъ вину свою и кается предъ Богомъ, что онъ порицалъ его императорское величество тѣми злыми словами отъ простоты своей и отъ болѣзни, не разсудя и не чтя божественныхъ книгъ и мыслилъ о тѣхъ злыхъ словахъ самъ собою въ безуміи и дабы его императорское величество указалъ вмѣсто смерти вмѣнить ему учиненные имъ розыски и за означенныя его согрѣшенія сослать бы его въ дальній монастырь или въ пустыню, въ которой бы онъ могъ спасти душу свою и о грѣхахъ своихъ покаяніе Богу принести и желаетъ онъ вѣру христіанскую честно и невозвратно соблюсти и вѣруетъ онъ нынѣ въ соборную святую апостольскую церковь, такъ какъ и его императорское величество, и святѣйшій правительствующій сvнодъ и всѣ православные христіане вѣруютъ и впредь его императорское величество никакими злыми словами и мыслію порицать уже не будетъ. А что онъ Левинъ показалъ тѣ злыя слова на рязанскаго архіерея и на Растригина и на свойственниковъ своихъ и на прочихъ и то суще онъ ихъ напрасно оклеветалъ, а желалъ того, чтобъ они съ нимъ мучились.

Кажется чего еще больше? Раскаяніе полное и обѣщаніе обратиться изъ раскола. Рѣшиловъ, какъ старый раскольникъ, полагалъ, что убѣдилъ Левина, но это сознаніе было вынуждено только минутнымъ страхомъ смертной казни и Левинъ не скрылъ этого и прибавилъ: «а ежели де его Левина въ винѣ его хотя и простятъ, да будутъ чинить ему смертную казнь, то де онъ Левинъ покаянія требовать не будетъ, а будетъ умирать въ прежнемъ своемъ зломъ мнѣніи и въ порицаніи имени его императорскаго величества, якобы за правду свою онъ Левинъ казненъ и сіе сказалъ онъ Левинъ не въ безуміи, но въ цѣломъ умѣ и самую истину и подписуется при семъ своею рукою».

Разумѣется, условія, предлагаемыя Левинымъ, не были

приняты и іеромонахъ Рѣшиловъ черезъ два дня, 15-го іюля, пришелъ снова уговаривать его. Въ этотъ разъ Левинъ сослался на свою болѣзнь и безуміе и что во время припадковъ говорилъ тѣ злыя слова и просилъ у его императорскаго величества милостиваго прощенія, а отъ правительствующаго сената и святѣйшаго сѵнода милостиваго разсужденія и отдается имъ, какъ соизволятъ о немъ убогомъ и скудоумномъ.

Левинъ показалъ такое искреннее раскаяніе, что даже принялъ отъ Рѣшилова просфору и поцѣловалъ ее въ знакъ отреченія отъ раскола «и взялъ молитвенникъ курской печати». Но не изъ убѣжденія, но изъ страха смертной казни было это раскаяніе и потому, когда Рѣшиловъ ушелъ отъ него, вѣрованія всей жизни не могли такъ быстро исчезнуть изъ этой фанатической души. Левинъ взглянулъ на просфору, на ней былъ крестъ четвероконечный, а не старинный; развернулъ молитвенникъ и встрѣтилъ опять, что въ немъ написано Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, а по старинному слѣдуетъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Рѣшиловъ оставилъ ему копію съ его покаянія; онъ перечелъ его, увидѣлъ, что онъ солгалъ, что сказалъ не то, что дѣйствительно думалъ—и въ бѣшенствѣ бросилъ отъ себя прочь и просфору и молитвенникъ, а покаяніе свое письменное разорвалъ на клочки. Караульный, сержантъ преображенскій Сафоновъ, былъ свидѣтелемъ этого и донесъ немедленно Андрею Ивановичу Ушакову.

Левина привели въ тайную канцелярію.

Онъ сознался, что предлагалъ условное покаяніе для того, что еслибы его отъ смерти освободили и отпустили бы въ монастырь, то онъ имѣлъ намѣреніе такое, «что во всѣхъ градахъ и на путяхъ кричать и порицать его императорское величество злымы словами и новую христіанскую вѣру охуждать, дабы народъ ужасался.

И нынѣ де онъ его императорское величество злыми словами порицаетъ попрежнему и новую вѣру охуждаетъ и тѣло и кровь Христову за истинное тѣло и кровь его Спасителеву не пріемлетъ, а прежде де сего причащался онъ только подъ видомъ для прочаго народа, а иконы де, кото-

рыя на генеральномъ дворѣ, называетъ онъ идолами для того, что де у образа Спасителя не написана рука благословляющая, а у образа Пресвятыя Богородицы младенца не написано, а у образа Іоанна Предтечи благословляющей руки не написано, а прежде сего покланялся онъ тѣмъ образамъ подъ видомъ, и нынѣ де молится онъ не иконамъ, но на соборную и прочія церкви въ Москвѣ, да и иконамъ де старинным, у которыхъ написано, что большой перстъ сложенъ съ двумя послѣдними перстами станетъ онъ молиться. — Притомъ же онъ Левинъ сказалъ, что де у графа Гаврилы Ивановича Головкина у сына его красная щека, да у Ѳедора Иванова сына Чемоданова у сына же его пятно черное на щекѣ и на томъ пятнѣ волосы черные же, а они де Головкина сынъ и Чемоданова сынъ же братья двоюродные, а такіе де люди будутъ во время антихристово. Что же прежде показывалъ на архіерея рязанскаго, на родственниковъ своихъ и на прочихъ людей, то все правда.

Левинъ выходилъ изъ ряду преступниковъ, которые попадали въ застѣнки тайной канцеляріи. Ни жестокія пытки, ни увѣщанія не могли переломить или смирить эту желѣзную натуру. Оставалось еще испытаніе, употреблявшееся въ весьма рѣдкихъ случаяхъ,—и 18 іюля сенаторы, тѣ же самые, которые допрашивали прежде Левина, — велѣли вывести колодника на генеральный дворъ (въ Преображенскомъ) и *поставить на спицы.*

Какъ были устроены эти спицы, желѣзныя или деревянныя, какой былъ процессъ допроса на спицахъ, въ актахъ того времени указаній не сохранилось. Поставленнаго на спицахъ Левина спрашивали, чтобъ онъ показалъ въ злыхъ своихъ словахъ самую истину и принесъ покаяніе. На спицахъ Левинъ отвѣчалъ, что прежде сего онъ говорилъ разныя рѣчи для продолженія времени, чтобъ народъ имъ наслушался, и нынѣ стоитъ онъ въ прежнемъ своемъ мнѣніи и въ томъ умереть желаетъ и пожелалъ онъ волею своею пострадать и умереть.

Страшная твердая воля была у Левина, но страшны были и истязанія. Когда онъ возвратился въ тюрьму, воображеніе ему рисовало повтореніе этихъ мукъ, можетъ быть и еще другія

ему неизвѣстныя тягчайшія — и новое убѣжденіе, убѣжденіе въ безсиліи борьбы противъ его судей, превозмогло надъ фанатизмомъ; физическія страданія убили нравственныя силы. На другой же день 19-го іюля Левинъ просилъ привести его въ тайную канцелярію и объявилъ Андрею Ивановичу Ушакову полное раскаяніе: «Императоръ Петръ Алексѣевичъ истинный Государь, а не антихристъ, — порицалъ его злыми словами отъ простоты своей и приноситъ въ томъ теперь истинное покаяніе и болѣе порицать его не будетъ. Рязанскій архіерей говорилъ ему такія слова: указъ де состоялся, что въ церквахъ никакимъ мелкимъ иконамъ не быть, а станутъ писать только мѣстныя иконы; онъ же архіерей ему говорилъ: Государь меня опредѣлялъ въ сѵнодъ и я де не хотѣлъ и за то стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ. А называлъ ли рязанскій архіерей Петра иконоборцемъ и говорилъ ли онъ Левинъ архіерею, что Петръ антихристъ, онъ не помнитъ, и говорилъ это на архіерея въ безпамятствѣ болѣзни своей. Съ Прозоровскимъ онъ видѣлся, и то ли говорилъ съ нимъ, что показывалъ, также и родственникамъ и попу Ивану и старцу Іонѣ — или другія слова, онъ не упомнитъ, потому что говорилъ въ безпамятствѣ болѣзни своей. «Истинно въ той своей болѣзни я самый безумный человѣкъ и нынѣ предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ вину свою приношу во всякой истиннѣ и вышепоказанное всё сказываю въ цѣломъ умѣ, а не въ безуміи и желаю исповѣдываться и святыхъ таинъ причаститься и тѣ святыя тайны пріемлю за сущее тѣло и кровь Христа Спасителя нашего во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную и образа святые, которые на генеральномъ дворѣ, идолами порицать не буду. — А въ прежнемъ де мнѣніи своемъ, что онъ подъ видомъ тѣ святыя тайны принималъ, приноситъ онъ вину свою и проситъ у Бога въ томъ своемъ тяжкомъ грѣхѣ отпущенія, а ежели де онъ въ семъ распросѣ сказалъ что не истинно или впредь на прежнія свои злыя дѣла будетъ онъ обращаться не токмо словами, но хотя мыслію и нетолько прежде казни, но хотя при самой казни, то дабы ему въ адѣ со Іудою вѣчно мучиться; только бы не возбранили ему говорить молитву Го-

споди Iисусе Христе *Сыне* Божiи помилуй насъ, да и креститься слагая большой палецъ съ двумя послѣдними».

25 iюля участь Левина была рѣшена: сенатъ приговорилъ его къ смертной казни—отрубить голову—и въ этотъ день въ послѣднiй разъ еще допросили Левина. Онъ повторилъ искреннее свое показанiе: «предъ Богомъ, императорскимъ величетвомъ, предъ всѣмъ христiанскимъ народомъ я виновенъ, и кого я оклеветалъ безумiемъ и безпамятствомъ своимъ, желая, чтобъ они со мною страдали, и въ томъ у нихъ, а именно: у архiерея рязанскаго, у Растригина, у родственниковъ своихъ, у старца Прозоровскаго и у всѣхъ, кого я чѣмъ озлобилъ, прошу прощенiя, многогрѣшный Варлаамъ старецъ.

26-го iюля Левинъ казненъ въ Москвѣ на болотѣ и отрубленная голова его отправлена въ Пензу, чтобъ там̀ъ поставить ее на столбѣ, какъ выразился въ одной бумагѣ Ушаковъ, «для вѣчнаго страху и показанiя злыхъ его дѣлъ». Докторъ и архiатеръ Блументростъ помогъ тайной канцелярiи въ этомъ дѣлѣ. 26 iюля въ день казни Андрей Ивановичъ Ушаковъ написалъ ему: по указу его императорскаго величества вашему благородiю предлагаю изволите сочинить спиртъ въ удобномъ сосудѣ, въ которомъ бы можно ту голову довезти до означеннаго города (до Пензы), чтобъ она дорогою за дальностiю пути не избилась и оный бы сосудъ съ спиртомъ чтобъ изготовленъ былъ сего же числа, а кому изволите приказать оное сочинить, чтобъ онъ былъ въ аптекѣ безотлучно». Блументростъ исполнилъ аккуратно приказанiе Андрея Ивановича.

4 августа отправили голову Левина подъ карауломъ—и съ нею закованныхъ попа Глѣба Никитина, попа Ивана Степанова, игумена Михаила и старца Iону. Ихъ велѣно казнить въ Пензѣ, по инструкцiи, данной отправленному офицеру съ головою и преступниками, осужденными на казнь; велѣно было между прочимъ, чтобъ при экзекуцiи солдаты были въ строю съ заряженными ружьями. Послѣ казни приказано было на каменномъ столбѣ въ серединѣ поставить голову Левина и обстановить ее головами прочихъ. Жестяной листъ, посланный изъ Петербурга, съ надписью, объяс-

нялъ жителямъ Пензы о преступленіяхъ казненныхъ. 4-го же августа, замѣшанные въ дѣлѣ Левина, коммисаръ Языковъ, солдатъ Иванъ Растригинъ, Петръ, Герасимъ, Иванъ Левины, старецъ Сергій Прозоровъ, секретарь Степанъ Яворсякъ Кублицкій, келейникъ его Машкаринъ были освобождены на поруки.

Попъ крестовой князя Меньшикова Лебёдка былъ казненъ 7 августа въ Москвѣ, у тіунской избы: онъ сознался, что былъ раскольникомъ и считалъ Петра антихристомъ.

Пензенскому посадскому человѣку Ѳедору Каменьшикову, который поднялъ все это дѣло, еще 30 апрѣля 1722 г. за его правое доношеніе на Варлаама Левина дано награжденье триста рублей—и право торговать его товаромъ безпошлинно по его смерть, и притомъ выдано свидѣтельство о его заслугѣ, съ прибавленіемъ въ немъ приказанія по всѣмъ городамъ Россіи командирамъ, «кто какого званія ни есть», его Каменьщикова отъ всякихъ обидъ охранять.

Поступокъ Каменьщикова былъ побудительною причиною изданія указа: объ оскорбителяхъ чести государя императора и нарушителяхъ общаго спокойствія и о взысканіи съ тѣхъ, которые по доносамъ о сихъ злодѣяхъ не производятъ слѣдствія. П. С. Зак. Т. VI ст. 3984. Черновой указъ хранится въ подлинномъ дѣлѣ о Левинѣ, съ поправками Петра Андреевича Толстаго, члена тайной канцеляріи.

Братъ Василья Левина Герасимъ долго содержался въ тюрьмѣ и только 10 августа 1724 года, почти черезъ два года, рѣшилась судьба его «за то, что онъ слышалъ отъ брата злыя слова про его императорское величество, да и велѣлъ еще конопатьевскому попу Глѣбу Никитину не доносить.» Герасиму учинено наказанье бить кнутомъ и сослать на вѣчное житье въ Гилянь.

Капитанъ Саловъ объявилъ тайной канцеляріи, что онъ глухъ, и этимъ хотѣлъ отдѣлаться отъ наказаній за слышаніе «продерзости» Левина, говоренныя имъ въ церкви села Конопати. Но тайная канцелярія не повѣрила ему и распорядилась собраніемъ справокъ. Сперва послали въ село Конопати распросить у сосѣдей. Распросили 48 человѣкъ: 16 поповъ, 2 дьяконовъ, 3 дьячковъ, 6 помѣщиковъ, и 21

крестьянина. Изъ нихъ 14 человѣкъ сказали, что Салова совсѣмъ не знаютъ, зачѣмъ ихъ включили въ число свидѣтелей? 28 человѣкъ объявили, что знаютъ его, но глухъ ли онъ или нѣтъ, того не вѣдаютъ, потому что и разговоровъ съ нимъ не имѣли; 2 человѣка сказали, что о глухотѣ его не извѣстно, а что отецъ его былъ глухъ; 4 утверждали, что онъ на ухо крѣпокъ. 4 марта 1723 г. Салова освободили на поруки, но послали въ Пермскій полкъ, въ которомъ служилъ Саловъ, запросъ, глухъ ли онъ? 24 февраля 1724 получено донесеніе отъ князя Михаила Голицына съ приложеніемъ свидѣтельства, подписаннаго полковникомъ и оберъ-офицерами полка, что Саловъ въ полку глухъ не былъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1724 г. Саловъ былъ лишенъ чина, битъ кнутомъ и сосланъ въ крѣпость Св. Креста. Послѣ кончины Петра, въ августѣ 1725 ему дозволено было «для поминовенія блаженныя памяти Петра Великаго и для многолѣтняго здравія Екатерины» возвратиться въ свое помѣстье.

Предтеченскій монастырь, въ которомъ было, какъ видно изъ описи, 24 монаха и 4 бѣглеца, былъ арестованъ весь на другой же день, какъ взяли изъ него Левина, по распоряженію Пензинской губернской канцеляріи. Игуменъ монастыря Ѳеодосій вскорѣ послѣ казни Левина умеръ въ Москвѣ. Монастырь былъ окруженъ часовыми; никого не впускали и не выпускали. Монахи бѣдствовали «безъ пастыря» и умирали съ голода. Въ генварѣ 1723 г. тотъ же Каменьщиковъ, который донесъ на Левина, обратилъ письменнымъ доношеніемъ вниманіе сѵнода на несчастное положеніе монастыря. Сѵнодъ (8 февраля 1723) сообщилъ тайной канцеляріи предположеніе свое, если оно не противно Т. К.), чтобъ монаховъ изъ подъ караула освободить и Предтеченскій монастырь разобрать до основанія, а братство перевесть и всякую церковную утварь и ризную, казну и прочее что ни есть отдать въ Спасскій Преображенскій монастырь, находящійся близъ Предтечева. Причина уничтоженія монастыря выражалась такъ: «для того въ прошломъ 1722 г. въ томъ Предтеченскомъ монастырѣ явился помянутый злодѣй монахъ Левинъ, котораго ради и донынѣ того монастыря братія содержатся подъ арестомъ въ зѣльномъ гладѣ, а оный

злодѣй за лютое свое злодѣйство и казнь лютую воспріялъ, чего для въ оказію и въ страхъ зла и мѣсто его, гдѣ онъ гнѣздился, надлежитъ опустошить всеконечно.

5 марта 1723 года отъ тайной канцеляріи послано въ Пензу предписаніе къ господамъ командирамъ, отъ означеннаго Предтечева монастыря караулъ свесть для того, что до нихъ по дѣлу старца Варлаама Левина важности никакой не находилось.

Жена Левина возвратилась изъ-подъ ареста домой въ августѣ 1723 года.

Г. ЕСИПОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ (слушавъ изъ тайной канцеляріи доношенія и выписки), приговорили: старца Варлама, а по обнаженіи монашества Василія Савина, сына Левина (который напредь сего былъ капитаномъ), казнить смертію, сжечь (въ Москвѣ) для того, въ нынѣшнемъ 1722 году марта въ 19 числѣ, пришедъ онъ, Левинъ, въ городъ Пензу и кричалъ всенародно злыя слова, а имянно бунтовныя, касающіяся къ Превысокой персонѣ Его Императорскаго Величества и вредительныя государству, и въ тайной канцеляріи по распросамъ его, Левина, и по розыскомъ явилось, что нетокмо на Пензѣ, но и прежде того отцамъ своимъ духовнымъ на исповѣди, и на Пензѣ въ Предтечевскомъ, да въ Синбирскомъ въ Жадовскомъ монастырехъ игуменомъ и начальному своему отцу старцѣ Іонѣ и въ Саранскомъ уѣздѣ въ церкви всенародно также ѣдучи изъ Санктъ-Петербурга въ Пензенскій уѣздъ дорогою всѣмъ тѣ злыя слова онъ, Левинъ, разглашалъ явно; къ тому-жъ показалъ онъ распросомъ, что и впредь-де ежели ему означенную вину его отпустятъ и отъ смерти свободятъ, то-де имѣлъ онъ намѣреніе, чтобъ во всѣхъ градѣхъ и на путѣхъ кричать и тѣ злыя слова произносить, дабы народъ къ бунту возмутить, и по оному всему вышеозначенное его злое намѣреніе показалось не для инаго чего, но токмо отъ природныя его злобы къ возмущенію простаго норода, чѣмъ бы ему кого въ напрасную злобу и въ горесть привести, которое злое свое намѣреніе и въ дѣйство уже онъ произвелъ, то есть показалъ онъ въ распросѣхъ сво-

ихъ, будто тѣ злыя слова сказывалъ онъ архіерею Рязанскому, да лейбъ-гвардіи солдату Ивану Ростригину и сродникомъ своимъ Левинымъ, также-де и отъ архіерея и Растригина и Невскаго монастыря отъ старца Прозоровскаго и Соловецкаго монастыря отъ старцевъ же будто нѣкоторыя злыя слова онъ, Левинъ, слышалъ; а потомъ въ повинномъ своемъ распросѣ показалъ, что суще-де тѣ всѣ злыя слова на нихъ архіерея Рязанскаго и на протчихъ затѣялъ онъ напрасно, желая, чтобъ они вмѣстѣ съ нимъ страдали и потому злоба его явна показалась, понеже желалъ онъ, дабы невинныя купно съ нимъ виновнымъ напрасное озлобленіе терпѣли, да онъ же, Левинъ, при распросѣхъ своихъ собою показалъ, что-де вѣру православную христіанскую онъ охуждаетъ и тѣло и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тѣло и кровь его не пріемлетъ и святыя иконы называетъ идолами; и ежели-де его допустятъ, то онъ ихъ исколетъ, и тѣмъ онъ, Левинъ, показалъ себя нетокмо злымъ порицателемъ Его Императорскаго Величества Высокія персоны и злодѣемъ къ народу, но и богохульникомъ и иконоборцемъ; а въ уложеньѣ въ первой главѣ въ первой статьѣ напечатано: «буде кто иноверцы какія-нибудь вѣры или русскій человѣкъ возложитъ хулу на Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно-Дѣву Марію, или на честный Крестъ или на святыхъ Его угодниковъ, и про то сыскивати всякими сыски накрѣпко, да будетъ сыщется про то до пряма, и того богохульника обличивъ казнити зжечъ», да во второй же главѣ въ первой статьѣ напечатано: «буде кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то злое его умышленіе, кто извѣститъ и по тому извѣту про то его злое умышленіе, сыщется до пряма, что онъ на Царское Величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и такова по сыску казнить смертію», да въ военномъ артикулѣ въ первой главѣ о страсѣ Божіимъ напечатано: артикулъ третій: «кто имяни Божію хуленіе приноситъ и оное презираетъ и службу Божію поноситъ и ругается слову Божію и святымъ таинствамъ и весма въ томъ онъ обличенъ будетъ, хотя сіе во пьянствѣ или трезвомъ умѣ учинится, тогда ему языкъ раскаленнымъ желѣзомъ прозженъ и потомъ отсѣчена глава да будетъ.» Артикулъ двадесятый: «кто противъ Его Величества особы хулительными словами погрѣшитъ, Его дѣйство и намѣненіе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишенъ быть, и отсѣченіемъ главы казненъ, и по означенной уложенной статьѣ и по военному артикулу вышеобъявленную казнь ему, Левину, учинить и приговорили, а прежде той казни вырѣзать ему языкъ, понеже которымъ удомъ прежде злобу онъ произносилъ, тотъ удъ и казнь прежде воспріиметъ, и для всенароднаго вѣденія при томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ сожженъ, выставить листъ съ надписаніемъ тѣхъ его злыхъ винъ, да таковъ же листъ послать на Пензу къ командирамъ и велѣть выставить въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, Левинъ, тѣ злыя слова въ народѣ произносилъ, а попомъ Иваномъ Степановымъ по снятіи съ него священства розыскивать, потому оной, Левинъ, въ распросѣхъ и съ розысковъ показалъ, что онъ вышеобъявленныя злыя слова отцамъ своимъ духовнымъ, въ томъ числѣ и ему, Ивану, сказывалъ, а оные отцы его духовные, а имянно: попъ Никифоръ прежде розыску въ томъ повинился, а попъ Глѣбъ до розыску запирался, а съ розыску сказалъ имянно, что онъ, Левинъ, на исповѣди тѣ злыя слова ему, попу, сказывалъ и можетъ быть, что онъ, Левинъ, и ему попу Ивану тѣ злыя слова сказывалъ же, а онъ нынѣ запирается хотя избыть вины своей,

того ради имъ и розыскивать; а о протчихъ до кого по тому дѣлу что касается, о томъ выписать особо.

Канцлеръ Графъ Головкинъ.
Графъ Яковъ Брюссъ. Князь Григорій Долгорукой.
Графъ Иванъ Муссинъ-Пушкинъ. Баронъ Петръ Шафировъ.
Графъ Андрей Матвѣевъ. Князь Дмитрій Голицынъ.

Іюля 25 дня
1722 году.

1722 году, Іюля въ 30-й день, по указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушавъ изъ тайной канцеляріи доношенія и выписокъ и старца Левина своеручнаго повиннагоо доношенія приговорили отцевъ его духовныхъ, а имянно: попа Никифора Терентьева, прозваніемъ Лебедку, Саранскаго уѣзда, села Конопати попа Глѣба Никитина, Пензенскаго уѣзда, села Чирчиму попа Ивана Степанова казнить смертію, отсѣчъ головы, а имянно: попу Никифору въ Москвѣ у Тіунской палаты и поставить на колъ, а Глѣбу и Ивану на Пензѣ и головы ихъ поставить на столбъ съ головою Левина, и выставить листы съ надписаніемъ винъ ихъ, потому, что помянутый Левинъ въ распросѣхъ и съ розысковъ, сказалъ, что злыя слова, касающіяся къ высокой персонѣ Его Императорскаго Величества и возмутительные къ бунту онъ, Левинъ, имъ попамъ на исповѣди сказывалъ, а они, попы, въ распросѣхъ и съ розысковъ же сказали, что такія злыя слова отъ него, Левина, на исповѣди они слышали, а попъ Никифоръ и сообщникомъ себя съ нимъ, Левинымъ, въ оной злобѣ показалъ, о чемъ прежде розыску винился, а понеже всѣмъ извѣстно и разсудительно есть, что ежели кто при исповѣди объявитъ духовному отцу своему нѣкоторое, хотя и не сдѣланное, но уже къ дѣлу намѣренное отъ него воровство, наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство или злое умышленіе или поношеніе на честь или здравіе государево, и на фамилію Его Величества, а объявляя толикое намѣряемое зло, покажетъ себя, что не раскаявается, но ставитъ себѣ въ истинну и намѣренія своего не отлагаетъ и неяко грѣхъ исповѣдуетъ, но паче, дабы такой согласіемъ или молчаніемъ духовника своего въ намѣреніи своемъ утвердился, то долженъ духовникъ не токмо его запрямо исповѣданные грѣхи прощенія и разрѣшенія не сподоблять (не есть-бо исповѣдь правильная, аще кто не всѣхъ беззаконій своихъ кается), но и донести вскорѣ о немъ гдѣ надлежитъ безъ сомнѣнія, ибо симъ объявленіемъ духовникъ не объявляетъ совершенно исповѣди и не преступаетъ правилъ, но и еще и исполняетъ ученіе Господне, тако рѣченное: аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единенъ, и аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата твоего и протчая, аще же не послушаетъ, повѣждь церкви; и отъ сего всякому разсудительно есть, что когда уже такъ о братнѣ согрѣшеніи до единой точію обиды или до подобнаго той касающемся повѣждать церкви Господь повелѣваетъ, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя или на государство умышленіи и о хотящемъ отъ того быть вредѣ доносить и объявлять должно есть, къ тому жъ и ставленными грамоты отъ архіереевъ священникомъ даемыми повелѣвается, всякому іерею по древнему отеческому преданію исповѣдывавшихъ своя совѣсти вящшія и неудоборазсудныя вины съ раскаяніемъ уже исповѣданныя до архіерея духовнику

приносить издревле уставлено, то кольми паче о нераскаянномъ намѣреніи и злодѣйственномъ на государя или на государство умышленіи объявлять надлежитъ, и чрезъ оное объявленіе не порокуется исповѣдь, понеже объявленіе беззаконія намѣреннаго, котораго исповѣдающійся отстать не хощетъ и въ грѣхъ себѣ не вмѣняетъ не есть исповѣдь, ниже часть исповѣди, но коварное къ прельщенію совѣсти своей ухищреніе, чего ради такое законопреступное и благочестію вредительное дѣйство, весьма пресѣцать надлежитъ, и духовники о такихъ случаяхъ объявлять нескрытно и неукаснительно должны суть, а вышеобъявленные попы, Никифоръ и протчіе, слышавъ отъ помянутаго Левина означенныя злыя слова не токмо гдѣ о томъ не объявили, но и весьма умолчали, и святыхъ тайнъ его причащали, въ чемъ показали они себя не токмо не пастырями, но хищниками и такому явному злодѣю сообщительми, того ради ихъ смертію и казнить, да и Жадовскаго монастыря игумена Михаила и Предтечева монастыря старца Іону смертію же казнить на Пензѣ, потому, что они также, какъ и вышеозначенные попы тѣ злыя слова отъ онаго Левина слышали, а нигдѣ о томъ не извѣстили, и съ вышеписаннаго приговору о помянутой попамъ и игумену и старцу казни для извѣстія Святѣйшему Синоду сообщить вѣдѣніе, дабы въ Синодѣ духовныхъ особъ могли престерегать, чтобъ тѣ впредь въ такіе жъ злые случаи оные не впадали, а комисара Федора Языкова и лейбъ-гвардіи солдата Ивана Розстригина и родственниковъ его Левина Петра Андрѣева сына, — Герасима Григорьева сына, Ивана Федорова сына Левиныхъ, Александро-Невскаго монастыря старца Сергія Прозоровскаго, рязанскаго архіерея секретаря Афанасія Кулбицкаго, келейника его архіерейскаго Алексѣя Машкарина изъ тайной канцеляріи свободить, для того, что важности и винъ ихъ по оному дѣлу никакихъ не показалось, а при свободѣ сказать имъ Его Императорскаго Величества указъ съ запискою и съ прикладываніемъ рукъ ихъ съ присягою, что о которыхъ словахъ они въ тайной канцеляріи спрашиваны, чтобъ тѣхъ словъ отнюдь никому они не объявляли, не токмо постороннимъ кому, но ни женамъ и дѣтямъ своимъ, а ежели они объявятъ и въ томъ отъ кого будутъ изобличены и за то учинена имъ будетъ смертная казнь, а поономъ подписаніи старца Прозоровскаго отослать въ Невскій монастырь по прежнему, а солдата Ростригина за невинное его терпѣніе, что имъ хотя и не розыскивано, но чрезъ многое время былъ онъ держанъ, къ тому жъ и на вискѣ висѣлъ много, и за то написать его въ сержанты, съ такимъ окладомъ, какой въ гвардіи сержантомъ опредѣленъ и отослать его въ каморъ-коллегію и быть въ той коллегіи при дѣлахъ въ Санктъ Питербурхѣ, а капитана Салова и поручика Левина держать до указу въ тайной канцеляріи, а между тѣмъ временемъ о глухотѣ онаго Салова посланному изъ тайной канцеляріи для экзекуціи означенныхъ поповъ сыскать въ Саранску, около помѣстья его Салова духовными и мирскими всякихъ чиновъ людьми подъ великимъ страхомъ, и какъ оный сыскъ въ тайную канцелярію поданъ будетъ, тогда показать объ нихъ Саловѣ и Левинѣ выпискою.

Александръ Меншиковъ. Канцлеръ Графъ Головкинъ.
Князь Григорій Долгорукой. Графъ Яковъ Брюссъ.
Баронъ Петръ Шафировъ. Графъ Иванъ Муссинъ-Пушкинъ.
Графъ Андрей Матвѣевъ. Князь Дмитрій Голицынъ.

Въ нынѣшнемъ 1722 году іюля въ 26 числѣ, по указу Его Императорскаго Величества и по приговору правительствующаго сена-

та, старецъ Варламъ, а по обнаженіи монашества Василій Савинъ сынъ Левинъ, который напредь сего былъ капитаномъ казненъ, смертію сожженъ, для того марта въ 19 числѣ сегожъ году пришедъ онъ Левинъ въ городъ Пензу на торгъ кричалъ всенародно злыя слова касающіяся къ превысокой персонѣ Его Императорскаго Величества и возмутительныя къ бунту, а въ тайной канцеляріи по распросамъ его Левина и по розыскамъ явилось, что не токмо на Пензѣ, но и прежде того отцамъ своимъ духовымъ на исповѣди и на Пензѣ въ Предтечевскомъ, да въ Синбирску въ Жадовскомъ монастырѣхъ игуменомъ и начальному своему отцу старцу Іонѣ, и въ Саранскомъ уѣздѣ, въ церкви всенародно, также ѣдучи изъ Санктъ Питербурха въ Пензенскій уѣздъ дорогою всѣмъ тѣ бунтовныя слова онъ Левинъ разглашалъ явно, къ тому жъ показалъ онъ распросомъ, что и впредь-де ежели ему означенную вину отпустятъ и отъ смерти его свободятъ, то-де имѣлъ онъ намѣреніе чтобъ во всѣхъ городѣхъ и на путѣхъ народъ къ бунту возмущать; да онъ-же Левинъ при распросѣхъ своихъ показалъ, что-де вѣру христіанскую православную онъ хулитъ, и тѣло и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тѣло и кровь его не пріемлетъ, и святыя иконы называетъ онъ идолами, и ежели-де его допустятъ, то онъ ихъ исколетъ, и тѣмъ онъ Левинъ показалъ себя не токмо злымъ порицателетъ Его Императорскаго Величества высокія персоны и возмутителемъ народа, но и богохульникомъ и иконоборцемъ, да онъ-же нѣкоторыхъ духовныхъ и мірскихъ оклеветалъ и напрасно, а потомъ въ повинной своей написалъ, что онъ оклеветалъ ихъ напрасно, да онъ-же богохульникъ и по объявленіи ему смертныя казни исповѣдаться и святыхъ тайнъ причаститься не хотѣлъ, принося на тѣло и кровь Христа Спасителя нашего хулу, токмо уже предъ самою казнью сущую свою вышеписанную злобу объявилъ явственно, и предъ Богомъ и предъ Его Императорскимъ Величествомъ и предъ всѣмъ народомъ принесъ вину и чистое покаяніе, написавъ о всемъ своеручно, исповѣдался и святыхъ тайнъ причастился, и хотя за вышеписанныя его злыя вины достоинъ онъ былъ по указомъ мучительной казни, однакоже для вышеписаннаго его покаянія учинена ему казнь отсѣчена голова, а туловище сожжено, и велѣно тое голову послать на Пензу, гдѣ онъ то возмущеніе чинилъ, и поставить на столбъ для страха прочимъ злодѣемъ.

Таковъ указъ выставленъ на болотѣ, гдѣ казненъ старецъ Левинъ, вышеписаннаго 26 числа.

Святцы Левина, кіевской печати, была памятная книжка его; онъ отмѣчалъ въ нихъ часто событія своей жизни и свои мысли. Нѣсколько выписокъ могутъ служить очеркомъ его характера и направленія идей.

На первомъ листѣ передъ заглавіемъ:

1719 г. іюня 10 припала меланхолія капитану Левину, у преміеръ-маіора Баранова, при многихъ офицерахъ, сталъ просить у офицеровъ будто въ своей квартирѣ, чтобъ попросить чтобъ выпить офицерамъ и сѣлъ на кресла и перемѣнился въ лицѣ. При томъ были свидѣтели:

господа маіоры Барановъ, Воейковъ, капитаны Назарьевъ, Кропотовъ, Суромиловъ, поручики Ханыковъ, Михайло Платцовъ и подпоручики.

На оборотѣ листка: 1718 г. мая 6 дня явленіе было на небеси въ полдень: солнце было въ кругу великомъ, темномъ, три часа.

Въ святцахъ противъ чиселъ каждаго мѣсяца:

Сентябрь. 4-го и 5 въ забвеніи былъ (меланхоліи). 6-го въ забвеніе пришелъ; въ день чудо велико было, никого ко мнѣ изъ людей не припустили. 7-го въ забвеніе пришолъ въ полдень. 13-го меланхолія. 18-го изъ полка. Въ лицѣ перемѣнился и разулся въ понедѣльникъ въ домѣ.

Октябрь. 1-го числа XXX. Покровъ. Зѣло наказанъ падучей болѣзней; помнить крестъ. (Эту отмѣтку, какъ объяснялъ послѣ въ тайной канцеляріи, онъ сдѣлалъ тремя крестами для того, что прежде крестился онъ слагая большой палецъ къ двумъ послѣднимъ перстамъ, а потомъ тотъ большой пальцъ сталъ складывать съ указательнымъ и среднимъ—и оттого означеннаго 1 октября дня 1721 г. случилась ему падучая болѣзнь тяжче прежняго и онъ-де того ради три креста и назначилъ, чтобъ ему по прежнему креститься).

15 *октября.* Явленіе было на небеси зѣло дивно и несказанно, намѣреніемъ было мясо ѣсть, за то зѣло заказанъ отъ Бога; еще хотѣлъ жениться. (Вотъ его объясненіе этой отмѣтки. Въ 1719 г. октября 15 числа какъ онъ былъ въ С. Петербургѣ для прошенія о свободѣ отъ службы и въ то время было на небеси явленіе такимъ образомъ: показалось облако черное, изъ котораго вышли три столба огненныхъ и изъ нихъ въ срединѣ стоящій выше ихъ и облака сходились. Когда былъ въ полку въ 1712 г., не ѣлъ мяса, а потомъ сталъ было ѣсть и хотѣлъ жениться, а за то падучею болѣзнею жестоко наказанъ).

16 октября падучая болѣзнь. 17 четыре раза.

28 октября. Поясъ (сталъ носить поясъ).

30 октября (въ Петербургѣ 1720 г.). Припало забвеніе; платье въ ночи снялъ и положилъ подъ себя.

Декабрь.

3 числа отъ пива и меду: (чтобъ отъ пива и меду воздержался для болѣзни).

Январь.

10 числа въ сенатъ челобитная подана (о постриженіи).

21 числа. Ногу ошибъ.

Февраль.

10 числа (въ С. Петербургѣ). Докторъ смотрѣлъ. 14-го (въ Пензѣ) въ монастырѣ молился. 27. (1722 г.) смирился (постригся въ монахи).

Мартъ.

5 числа. Рука правая отнялась. 6-го въ лазаретъ отправленъ. 9-го *огнь*... (Это значило: въ лазаретѣ притворился онъ больнымъ, для того и *огнь* назначили). 17-го огнемъ жженъ въ лѣвую руку, въ пятокъ (въ лазаретѣ пробовали его болѣзнь, доктора жгли лѣвую руку).

22-го числа въ лазаретѣ въ полночь учинилось надъ капитаномъ: упалъ на постелю и свѣчу не погася и лежалъ часа два въ болѣзни и какъ образумился при великомъ огнѣ и объявилъ всѣмъ солдатамъ и огонь потушили. 26-го посѣтилъ въ лазаретѣ священникъ Никифоръ Терентьевъ дому свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меньшикова; въ меланхолію пришолъ передъ вечеромъ; былъ разутъ и раздѣтъ и легъ; въ ночь убрался.

Апрѣль.

4-го. Изъ Назарета (изъ лазарета освобожденъ), 12-го упалъ на постелю и лежалъ полчаса. 20-го. Мысль къ добродѣтели (постричься). 24-го. Кромѣ квасу, напитковъ хмѣльныхъ не пить: въ тѣхъ напиткахъ хмѣлевыхъ причина есть велика; съ постели упалъ и лежалъ два часа безъ памяти.

Май.

9-го. *Отъ архіерея указъ взять къ Соловцамъ. постричься* 10-го *Въ путь добрый.* (Намѣреніе положилъ постричься).

Іюнь.

14-го. *Въ Муромскомъ лѣсу* (падучая). 27. Бороды не брить.

Іюль.

5-го. Отъ мяса воздержаться (отмѣтка въ полку). 9-го. Падучая. 19-го. Обѣщаніе церковь строить въ среду: (обѣщался церковь строить въ Кіевѣ). 20-го. Псалтырь не оставлять. 23-го Петръ ††. (Въ Петербургѣ въ 1721 положилъ намѣреніе, чтобъ ясно называть Государя антихристомъ, а прежде того долго только онъ въ мысляхъ своихъ содержалъ и явно не смѣлъ говорить).

ВЫПИСКА ИЗЪ ДѢЛА.

Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ контору отъ описи дѣлъ бывшаго Преображенскаго Приказу велѣно справясь подлинно прислать обстоятельное извѣстіе въ самой скорости по дѣлу о Талицкомъ какое имянно слѣдствіе производено было и какое жъ объ немъ рѣшеніе учинено.

А по справкѣ у описи дѣлъ бывшаго Преображенскаго Приказу по описи показано отысканное дѣло въ разни о книгописцѣ Гришкѣ Талицкомъ съ товарищи, по которому значитъ:

1.

Въ прошломъ 700 году іюня 28 дня въ преображенскомъ приказѣ Великаго Государя пѣвчій дьякъ Ѳедоръ Каранецъ извѣтомъ показалъ:

Того-де числа пришедъ къ нему въ домъ зять его Патріаршей площади подъячей Афанасій Алексѣевъ съ женою своею Ѳеклою и сказали: живутъ они въ Кисловкѣ у книгописца Гришки Талицкаго и слышатъ отъ него про Государя всякія непристойныя слова, чего и слышать не возможно,

да онъ же Гришка рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ.

И потому дѣлу значитъ, что воровскія Гришкины письма сысканы у товарища его Гришкина у Ивашки иконника, а доски взяты въ дому его Гришкинѣ, въ то время, какъ онъ Гришка отъ того его Ѳедорова извѣту съ Москвы бѣжалъ, а послѣ того онъ Гришка сысканъ.

А тѣхъ его писемъ при дѣлѣ не находится.

2.

А по статейнымъ спискамъ показано Гришка Талицкой въ распросѣ и съ розыскоъв винился въ томъ: составилъ онъ воровскія письма будто настало нынѣ послѣднее время и антихристъ въ міръ пришелъ, а антихристомъ въ томъ своемъ письмѣ ругаясь писалъ Великаго Государя, также и иныя многія статьи ему Государю воровствомъ своимъ въ укоризну писалъ, и народамъ отъ него Государя отступить велѣлъ и слушать Его Государя и всякихъ податей Ему платить не велѣлъ.

А велѣлъ взыскать Князя Михаила, черезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе.

И для возмущенія къ бунту съ тѣхъ своихъ воровскихъ писемъ единомышленникомъ своимъ и друзьямъ давалъ письма руки своей на столбцахъ и инымъ и въ тетратехъ, и за то у нихъ ималъ деньги.

Онъ же Гришка о томъ же послѣднемъ времени и о антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ хотѣлъ печатать листы, и для возмущенія жъ къ бунту и на Его-жъ Государево убійство, тѣ листы хотѣлъ отдавать въ народъ безденежно.

3.

Онъ-же Гришка распрашиванъ по воровскому письму, велѣлъ онъ Гришка взыскать Князя Михаила, а чей онъ словетъ про то въ томъ своемъ письмѣ не написалъ, чтобъ онъ про того Князь Михаила сказалъ.

И онъ Гришка сказалъ, то-де Князь Михаилово имя въ томъ своемъ письмѣ писалъ онъ Гришка для того:

Которые-де Стрѣльцы разосланы по городамъ, и какъ Государь пойдетъ съ Москвы на войну, а они стрѣльцы собрався будутъ къ Москвѣ, чтобъ они выбрали въ правительство боярина Князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, для того, что онъ человѣкъ доброй.

И про то-де его имя онъ Гришка въ томъ своемъ письмѣ написалъ отъ себя своимъ мнѣніемъ, а не по согласію ни съ кѣмъ.

А кому имянно онъ Гришка съ тѣхъ своихъ воровскихъ писемъ въ тетратехъ и на столбцахъ письма давалъ и что у кого денегъ взялъ, и то значить ниже сего.

4.

Томбовскій Епископъ Игнатій, на котораго Гришка Талицкой показалъ, позналъ де его съ нимъ иконникъ Ивашко Савинъ, и онъ де Гришка съ тѣмъ Епископомъ о послѣднемъ вѣцѣ, и о исчисленіи лѣтъ и о антихристѣ разговаривалъ.

И Игнатій де Епископъ по тѣмъ разговорамъ велѣлъ ему Гришкѣ то все написать въ книгу и прислалъ къ нему съ тѣмъ иконникомъ Ивашкою Савинымъ денегъ, пять рублевъ, и онъ де Гришка за тѣ деньги, съ тѣхъ писемъ, которыя взяты у Ивашки иконника Игнатію Епископу написалъ тетради въ четверть и отдалъ ему Игнатію Епископу на Казанскомъ подворьѣ передъ поѣздомъ его съ Москвы въ Тамбовъ, въ Великой постъ.

Да передъ тѣмъ-же де его епископскимъ съ Москвы поѣздомъ ему-жъ Епископу отдалъ онъ Гришка на Казанскомъ подворьѣ въ палатѣ, таковыжъ два письма которыя онъ далъ Ивашку Савину иконнику, а тѣ-де письма ему Епископу будутъ угодны-ль или нѣтъ, про то онъ не вѣдаетъ, а какъ-де онъ у него тѣ письма принялъ, и въ то число ему Гришкѣ далъ денегъ два рубли.

А Томбовскій Епископъ Игнатій сперва передъ Святѣйшимъ Патріархомъ разспросомъ показалъ, отъ Гришки де Талицкаго хулы на Государя онъ не слыхалъ.

А послѣ того онъ же Игнатій будучи съ нимъ Гришкою въ очной ставкѣ повинился, те-дѣ поносныя слова онъ Гришка на словахъ при немъ Игнатію говорилъ, и тѣ слова онъ слышалъ, и къ тѣмъ его гришинымъ словамъ онъ Игнатій говорилъ, видимъ-де мы и сами, что худо дѣлается да что мнѣ дѣлать, я-де немощенъ и перечневатѣе тѣхъ тетратей велѣлъ ему написать, почему-бы ему Игнатію въ томъ дѣлѣ истинну познать.

И онъ-де Гришка тетрадь ему принесъ, денегъ ему за нихъ два рубли онъ Игнатій далъ, и увидѣхъ въ тѣхъ тетратехъ написанную хулу на Государя, тѣ тетрати сжегъ и того-де сженія никто у него не видалъ.

А послѣ того онъ же Игнатій въ Патріаршей же Крестовой палатѣ передъ Архіереи по своему обѣщанію и какъ ему Игнатію на страшномъ судѣ явится лицу Божію сказалъ!

Противъ-де воровскихъ писемъ Гришки Талицкаго, въ которыхъ написанъ отъ него Гришки Великій Государь съ великимъ ругамьемъ, и поношеніемъ, у него Игнатія съ нимъ Гришкою совѣту не было; а если съ сего числа впредь по розыскному его Гришкину дѣлу явится отъ кого нибудь, что онъ Игнатій по тѣмъ его Гришкинымъ воровскимъ письмамъ ему Государю въ тѣхъ поносныхъ словахъ былъ съ кѣмъ нибудь собщникъ или кого знаетъ да укрываетъ, и за такую его Игнатьеву ложъ указалъ бы Великій Государь его Игнатія казнить смертію.

И на той своей правдѣ онъ Игнатій передъ ними Архіереи Святое Евангеліе и крестъ цѣловалъ, а послѣ того своего обѣщанія и крестнаго цѣлованія по его жъ Гришкинѣ уликѣ Талицкаго вновь повинился въ томъ.

Какъ-де онъ Гришка тѣ вышеписанныя тетрати о счисленіи лѣтъ и врата къ нему Игнатію принесъ и показавъ тѣ тетрати передъ нимъ чолъ и разсужденія у него Игнатія просилъ въ томъ; видишъ-ли де ты, что въ тѣхъ тетратехъ писано, то нынѣ уже все сбывается.

И за то избраніе его Гришку онъ Игнатій похвалилъ, и говорилъ

Павловы-де твои уста, пожалуй потрудись напиши поперечневатѣе, почему бы мнѣ можно познать, и къ тѣмъ его Игнатьевымъ словамъ, онъ Гришка ему Игнатію говорилъ, возможно-ль де тебѣ о семъ возвѣстить Святѣйшему Патріарху, что-бъ про то и въ народѣ было вѣдомо.

И онъ-де Игнатій ему Гришкѣ сказалъ, я-де одинъ, что мнѣ дѣлать и про книгу-де о паденіи Вавилона въ которой написана на Великаго Государя хула съ поношеніемъ на словахъ онъ Гришка ему Игнатію говорилъ.

И послѣ-де взятья тѣхъ тетратей онъ Игнатій съ Ивашкомъ Савинымъ прислалъ къ нему Гришкѣ за тѣ численныя тетрати денегъ пять рублевъ и передъ поѣздомъ его Игнатьевымъ въ Тамбовъ за день онъ Гришка принесъ къ нему Игнатію на Казанское подворье написанныя тетрати и отдалъ ему Игнатію, а принявъ-де тетрати онъ Игнатій далъ ему Гришкѣ за тѣ тетрати денегъ два рубли.

А прежъ сего передъ Святѣйшимъ Патріархомъ и передъ Архіереи и будучи съ нимъ Гришкою въ очной ставкѣ онъ Игнатій про то про все не сказалъ, да сверхъ того у негожъ Гришки съ нимъ Епискупомъ межъ себя учинился споръ въ томъ.

Гришка сказалъ, какъ-де тѣ тетрати о исчисленіи лѣтъ и врата онъ Гришка къ нему Епискупу принесъ и показалъ тѣ тетрати передъ нимъ чолъ и разсужденія у него Епискупа онъ Гришка просилъ, и онъ-де Епискупъ слушавъ тѣхъ тетратей плакалъ и принявъ у него Гришки тѣ тетрати поцѣловалъ.

А онъ Игнатій сказалъ тѣ-де тетрати онъ слушалъ, а плакалъ ли и принявъ ихъ поцѣловалъ-ли про то сказать не упомнитъ. Онъ же Игнатій говорилъ, тотъ же де Гришка Талицкой о исчисленіи лѣтъ тетрати хотѣлъ пришедъ въ Суздаль дать и Суздальскому Митрополиту, а въ Суздаль-де онъ Гришка ходилъ-ли и тѣ тетрати далъ-ли про то не вѣдаетъ, вѣдаетъ про то онъ Гришка.

А Гришка сказалъ, въ Суздаль-де къ Митрополиту Иларіону для разсужденія такихъ тетратей хотѣлъ идти да не ходилъ, за тѣмъ, что въ дорогѣ ему питаться было нечѣмъ, денегъ не было, а просилъ де онъ денегъ у него Тамбовскаго епискупа, да не далъ и такихъ тетратей ни съ кѣмъ къ нему Митрополиту не посылалъ а знакомъ де ему тотъ митрополитъ, потому что онъ Гришка на передъ сего продалъ ему книгу великое зѣрцало.

И оной Епискупъ Игнатій по лишеніи Архіерейскаго сана и монашескаго чина показалъ о себѣ: въ мірѣ-де звали его Иваномъ Андреевъ сынъ Шалгинъ а потомъ онъ же Шалгинъ у пытки и съ пытки говорилъ прежнія свои рѣчи, которыя-де тетрати онъ у Гришки Талицкаго взялъ и тѣ тетрати онъ на Москвѣ сжегъ подлинно, а какъ тѣ тетрати сжегъ. того у него никто не видалъ и тѣхъ тетратей онъ никому не сказывалъ и списковъ съ нихъ никому не давалъ и въ совѣтъ къ себѣ къ тѣмъ воровскимъ письмамъ никого не призывалъ и совѣтниковъ его Гришкиныхъ и единомышленниковъ, на такое его воровское дѣло никого не знаетъ.

А что онъ Ивашка слыша отъ того Гришки такія его воровскія на Великаго Государя съ поношеніемъ хульныя слова и усмотря въ воровскихъ его тетратехъ ему жъ Государю многія укорительныя слова жъ, ему Государю и Святѣйшему Патріарху не извѣстилъ и его Гришка поймавъ къ судьямъ не привелъ, и то онъ учинилъ для того чтобъ онъ Гришка отъ него Ивашки не заплакалъ, и въ томъ онъ Ивашко передъ Государемъ виноватъ.

5.

Иконникъ Ивашко Савинъ, на котораго Гришка Талицкой въ распросѣ и съ розысковъ говорилъ, тому-де иконнику далъ онъ на столбцахъ воровскія письма, для того, что онъ Ивашко ему Гришкѣ былъ другъ и въ тѣхъ воровскихъ письмахъ онъ Ивашко съ нимъ Гришкою былъ единомышленникъ, и тѣ воровскія письма у него Ивашки и выняты.

А онъ Ивашко сказалъ: Гришка-де далъ ему Ивашкѣ тѣ написанные столбцы о пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта для вѣдомства, для того, что любы Божія всему вѣру емлетъ и онъ-де Гришка въ тѣхъ письмахъ писалъ все правду отъ книгъ Божественнаго писанія и не своимъ вымысломъ, а отъ которыхъ книгъ, и то-де въ тѣхъ письмахъ написано имянно.

Да онъ же Ивашка съ пытки говорилъ къ тому-де Гришкѣ въ домъ онъ хаживалъ и тѣ письма, которыя у него выняны толковалъ ему онъ Гришка,

А съ Тамбовскимъ-де Епископомъ спозналъ его Гришку онъ Ивашка, и съ тѣхъ поръ писемъ, которыя у него Ивашка взяты, книгу написалъ онъ Гришка и Епископъ-де за ту книгу прислалъ къ нему Гришкѣ съ нимъ Ивашкомъ денегъ пять рублевъ.

Онъ же Ивашка въ распросѣ и съ третьей пытки говорилъ: кромѣ-де Гришки Талицкаго и Артемошки Иванова иныхъ единомышленниковъ никого нѣтъ и тѣхъ писемъ, которыя у него взяты никому онъ не показывалъ и на списокъ за деньги и безъ денегъ никому онъ не давалъ и у иныхъ ни у кого въ домѣ такихъ писемъ не видывалъ.

Онъ же Ивашка съ Гришкою Талицкимъ приходили къ Тамбовскому Епископу Игнатію и про такія письма словесно разговаривали о послѣднемъ времени и объ антихристѣ и Великаго Государя всякими поносными (и антихристомъ его) словами противъ тѣхъ писемъ поносили и антихристомъ Его Великаго Государя они Гришка и Артемошка и онъ Ивашка называли и Архіепископъ имъ сказалъ: я-де тѣмъ письмамъ не вѣрю.

6.

Мѣщанской слободы Церькви Андреяна и Наталіи пономарь Артемошка Ивановъ, на котораго Гришка Талицкой въ распросѣ и съ пытокъ говорилъ, что онъ ему далъ тетрать о исчисленіи лѣтъ отъ сотворенія свѣта до пришествія антихристова и о послѣднемъ времени, для того, что тотъ Артемошка съ нимъ Гришкою и съ Ивашкомъ Савинымъ и съ Тамбовскимъ епискупомъ Игнатіемъ во единомысліи.

Артемошка въ распросѣ и съ пытокъ говорилъ: про письма-де которыя взяты у Ивашки Савина онъ Артемошка вѣдалъ, и въ совѣтѣ съ нимъ Гришкою и съ Ивашкомъ Савинымъ былъ, и разговоры у нихъ о томъ бывали у того Гришки въ дому, и письма ему давалъ.

Онъ же Гришка съ нимъ Артемошкою и съ Ивашкомъ иконникомъ бывали у Тамбовскаго Епискупа, и Гришка ему Епискупу книги писалъ, и какъ онъ Гришка ту книгу къ нему Епискупу принесъ, и Епискупъ-де принявъ ту книгу говорилъ: Богъ-де вѣсть, правдаль то письмо.

7.

А сынъ его Артемошкинъ Ивашко сказалъ: Гришку Талицкаго онъ зналъ, потому, что онъ знакомъ былъ отцу его и на дворъ къ нимъ прихаживалъ, а про воровство-де его Гришкино онъ не вѣдалъ.

А Гришка сказалъ: про воровство-де его Гришкино онъ не вѣдалъ, только списывалъ у него съ тетратей главы приличныя о послѣднемъ времени.

А Ивашка сказалъ: у Гришки-де Талицкаго тетрати онъ списывалъ по повелѣнію отца своего, и списавъ тетради отдалъ отцу своему.

А Артемошка съ четвертой пытки говорилъ:

Въ тѣхъ-де воровскихъ письмахъ совѣтниковъ ихъ было трое: Гришка Талицкой, онъ Артемошка и Ивашка иконникъ, и тѣ письма толковали они вмѣстѣ, а пуще-де у нихъ въ томъ дѣлѣ въ толкованіи былъ Гришка Талицкой, и сказывалъ, что пришло послѣднее время, и онъ по тѣмъ его словамъ, въ томъ ему вѣритъ.

Да Гришкажъ Талицкой рѣзалъ доски и хотѣлъ тѣ письма тѣми досками печатать, и для возмущенія въ народъ напечатавъ бросать.

А инымъ никому тѣхъ писемъ списывать онъ не давалъ, и никто у него не читалъ, и во единомысліе никого не призывалъ, и у иныхъ ни у кого такихъ писемъ не видалъ.

А сынъ его Артемошкинъ Ивашка про тѣ письма не вѣдалъ, а съ тѣхъ воровскихъ писемъ тетрати, которыя у него Артемошки взяты, тотъ его сынъ читалъ.

А что-де онъ Артемошка въ тѣхъ воровскихъ письмахъ на того Гришку не извѣстилъ и самъ съ виною не пришелъ, и въ томъ онъ передъ Великимъ Государемъ виноватъ.

8.

Варламьевской церкви попъ Лука на котораго Гришка Талицкой показалъ, что онъ ему отецъ духовный и для исповѣди его Гришки и жены его приходилъ въ домъ и въ то время онъ Гришка тому своему отцу духовному про тѣ численныя лѣта и антихристово въ міръ пришествіе сказывалъ, и въ тетратехъ то воровское письмо ему Лукѣ чолъ, и онъ-де Лука ему Гришкѣ въ томъ не воспретилъ и отъ того дѣла его не умалъ, для того-де тѣ письма онъ Гришка и писалъ.

А попъ Лука въ распросѣ и съ пытокъ говорилъ: про тѣ-де письма онъ Гришка въ дому своемъ ему сказывалъ и чолъ немного и его Луку спрашивалъ какъ ему быть и онъ-де Лука его отъ того унималъ и говорилъ времена-де и лѣта положилъ Богъ Своею властію, а тебѣ-де Гришкѣ про тѣ лѣта почему знать а что-де онъ Лука въ томъ его воровствѣ на него Гришку Государю не извѣстилъ и въ томъ онъ передъ Великимъ Государемъ виноватъ.

9.

Бояринъ Князь Иванъ Княжъ Ивановъ сынъ Хованской, на котораго Гришка Талицкой показалъ на Троицкомъ подворьѣ что въ Кремлѣ говорилъ ему Гришкѣ оной бояринъ Хованской бороды-де брѣютъ, какъ-де у меня бороду выбрѣютъ, что мнѣ дѣлать?, и онъ-де Гришка ему Князь Ивану молвилъ: какъ-де ты знаешь, такъ и дѣлай.

Да послѣ-де того онъ же Гришка былъ у него Князь Ивана въ дому, и онъ-де Князь Иванъ говорилъ ему Гришкѣ: Богъ-де далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ, имали-де меня въ Преображенское и на Генеральномъ дворѣ Микита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали-де мнѣ для отрѣченія столбецъ, и потому-де письму я отрицался, а во отрѣченіи спрашивали вмѣсто вѣруешь-ли, пьешъ-ли, и тѣмъ-де своимъ отрѣченіемъ я себя и пуще бороды погубилъ что не спорилъ, и лучше-де было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели было такое отрѣченіе чинить.

А Князь Иванъ Хованской сперва въ распросѣ говорилъ, тѣ де слова онъ Князь Иванъ ему Гришкѣ говорилъ, для того, что онъ Гришка его Князь Ивана словами своими обольстилъ.

А послѣ того онъ же Князь Иванъ въ распросѣ-жъ и съ нимъ Гришкою въ застенкѣ на очной ставкѣ и съ подъему говорилъ; теми-де словами онъ Гришка его Князь Ивана поклѣпалъ напрасно, за то, говорилъ ему Князь Ивану онъ Гришка о дьяконѣ, который жилъ въ селѣ Горяхъ, что-бъ его поставить въ вотчину его Князь Иванову въ село Ильинское въ попы и онъ-де ему въ томъ отказалъ.

А что-де онъ Князь Иванъ сперва въ распросѣ противъ тѣхъ Гришкиныхъ словъ винился, и то онъ сказалъ, на себя напрасно въ торопяхъ.

А Гришка говорилъ о томъ-де діаконѣ, чтобъ ему быть въ вотчинѣ его въ селѣ Ильинскомъ въ попахъ, говорилъ и онъ-де его не принялъ и вышеписанными словами онъ Гришка на него Князь Ивана за того діакона не поклепалъ и говорилъ на него Князь Ивана, точно отъ него Князь Ивана слышалъ.

И означенный Князь Иванъ будучи подъ карауломъ умре.

10.

Церкви входа въ Іерусалимъ, что въ Китаѣ у Троицы на рву попъ Андрей да попадья его Степанида, которую привели съ Дмитровки, Сергіевскій попъ Амбросимъ, да церкви Дмитрія Селунскаго діаконъ Никита для того:

Какъ-де они по указу Святѣйшаго Патріарха обыскивали въ своемъ сороку вора Гришки Талицкаго и пришли въ домъ попа Андрея и попадья-де его Степанида имъ говорила, не тово-ль-де Гришки ищутъ, который къ мужу ее хаживалъ и говорилъ у нихъ въ дому, какъ-де я скроюсь, и на Москвѣ-де будетъ великое смятеніе и казала тетрати руки его Гришкиной.

А попадья Степанида въ распросѣ сказала, тотъ-де Гришка въ домъ къ мужу ее хаживалъ, и будучи-де у нихъ въ домѣ при мужѣ ее и при ней, тотъ Гришка Великаго Государя антихристомъ называлъ, и какой-де онъ царь мучитъ самъ; я про сына его Государева про Государя царевича говорилъ не отъ добраго-де коренія, и отрасль не добрая, и какъ-де я съ Москвы скроюсь и на Москвѣ-де будетъ великое смятеніе.

А попъ Андрей сперва въ распросѣ въ тѣхъ вышеписанныхъ Гришкиныхъ словахъ запирался, а по уликѣ жены своей въ распросѣ-жъ и съ розыску винился и сказалъ: отъ-того-де Гришки слышавъ такія слова не извѣстилъ простотою своею боясь, про такія слова и говорить да и страха ради, авось онъ Гришка въ тѣхъ вышеписанныхъ словахъ запрется.

11.

Кадашевецъ Ѳеоктистка Констентиновъ, на котораго Гришка Талицкой говорилъ о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ съ нимъ Ѳеоктисткомъ онъ говорилъ: и купилъ-де онъ у него книгу Хрисмологію, а на письмѣ-де тому Ѳеоктистку онъ о томъ не давывалъ и совѣту съ нимъ въ тѣхъ письмахъ не бывало.

А Ѳеоктистко Констентиновъ въ распросѣ и съ нытки говорилъ: у Гришки-де Талицкаго онъ книгу Хрисмологію купилъ на продажу, далъ три рубли и Гришка-де въ разговорѣ говорилъ,—чтобъ онъ Ѳеоктистко продалъ имѣніе свое и пошелъ въ монастырь, для того что пришла кончина свѣта и антихристъ насталъ, я антихристомъ называлъ Великаго Государя и просилъ у него Ѳеоктиста онъ Гришка себѣ денегъ на пропитаніе, пришло-де время послѣднее, а вы-де живете что свиньи а что-де онъ Ѳеоктистко въ тѣхъ словахъ на него Гришку простотою своею не извѣстилъ, въ томъ передъ Великимъ Государемъ виноватъ, а про воровство-де его Гришкино и про воровскія письма не вѣдалъ.

12.

Гришкинъ племянникъ Мишка Талицкой въ распросѣ и съ пытки говорилъ послѣ дяди своего Гришки на другой день пришедъ къ теткѣ своей взялъ изъ черной избы тетрати обманомъ, чтобъ ему про тѣ тетрати извѣстить въ Преображенскомъ приказѣ съ братомъ своимъ Новоспасскаго монастыря съ писцомъ съ Алешкою Коробовскимъ, только того числа извѣстить не успѣли.

А съ другой съ пытки онъ Мишка сказалъ: дядя-де его Гришка хаживалъ въ мѣщанскую слободу къ пономарю Артемошкѣ Иванову да за Курскія ворота къ иконописцу Ивашкѣ Савину печатнаго двора къ каптельщику Родкѣ да и Родка-де къ тому Гришкѣ въ домъ хаживалъже, а для чего не знаетъ, и знакомства-де у нихъ было лѣтъ съ пять и онъ Мишка того каптельщика у дяди своего видалъ.

А съ третьей пытки говорилъ, у дяди-де своего (письма) Гришки письма о послѣднемъ времени и о антихристѣ онъ Мишка писалъ изъ найму, выписывалъ изъ Апокалепсиса, а къ какому намѣренію дяди его тѣ книги писалъ, того не вѣдаетъ.

А совѣтники съ дядею его были, иконникъ Ивашко Савинъ, Андріяновскій пономарь Артамошка.

Да къ дядѣ-жъ его хаживали съ Ордынки Ѳедотко Миляковъ изъ кожевенниковъ, роздьяконъ Гришка Петровъ и для чего и иныя кто къ дядѣ его хаживалъ не вѣдаетъ.

А Гришка Талицкой съ подъему говорилъ: племянникъ его Мишка Талицкой тетрати писалъ до седьмой на десять главы и не дописавъ покинулъ, а сказалъ: я-де не хочу писать для того, что худо, а почему дознался или когда слышалъ въ словахъ про то отъ него Гришки писать покинулъ того не вѣдаетъ.

13.

Садовникъ Ѳедотко Милюковъ, на котораго Гришка Талицкой показалъ, что онъ ему говорилъ: пишу-де книгу о послѣднемъ времени, вотъ бы-де написавъ въ миръ пустилъ, пусть-бы-де люди пользовались, да

скудость-де моя не чѣмъ питатся, и онъ-де Өедотко сказалъ, трудись-де я тебѣ на бумагу дамъ рубли три, четыре, и далъ ему денегъ десять рублевъ.

А Өедотко сказалъ: Гришкѣ-де десять рублевъ денегъ далъ онъ взаймы, а не за то, чтобъ онъ написалъ книгу о послѣднемъ времени и пустилъ въ миръ и тѣ-де деньги онъ Гришка хотѣлъ ему заплатить, да не платилъ.

А Гришка сказалъ: тѣ-де деньги оной Өедотко далъ ему вмѣсто милостыни, а еслибъ взаймы, и я бы де ему далъ на себя заемное письмо.

А сказывалъ-де ему онъ про книгу о счисленіи лѣтъ (и что) и что названа врата а въ тѣхъ-де книгахъ на Государя хулы нѣтъ, только во вратахъ онъ Государь написанъ осмымъ царемъ, да про книгу-де о паденіи Вавилона въ которой написана на Великаго Государя хула, онъ Гришка сказывалъ-же, что у него есть написана книга о паденіи Вавилона, а про то, что въ ней на Великаго Государя написана хула ему не сказалъ, и Өедотка-де у него просилъ той книги посмотрѣть, и онъ-де Гришка ему той книги посмотрѣть не далъ, для того, что онъ Өедотко человѣкъ невоздержный.

А Гришка-де съ подъему сказалъ садовнику-де Өедотку Милякову про-то, что онъ хочетъ писать книгу о послѣднемъ вѣцѣ сказывалъ написавъ-бы-де такую книгу, отдалъ въ Кіевъ напечатать и пустилъ въ миръ, пусть-бы люди пользовались да и скудость моя не чѣмъ питаться.

И Өедотко-де ему сказалъ: трудись-де я тебѣ дамъ денегъ рубли три, четыре и далъ ему Гришкѣ денегъ десять рублевъ за то, а не въ займы, а про то, что было въ той книгѣ про Государя писать ему хульныя слова съ поношеніемъ не сказывалъ.

А Өедотко Миляковъ сказалъ, Гришка-де Талицкой пришелъ къ нему съ портнымъ мастеромъ Сенько зовутъ чей сынъ и словетъ не помнитъ и его Өедотка поили виномъ и въ разговорѣ тотъ Гришка говорилъ ему Өедотку хочетъ-де онъ писать книгу о послѣднемъ вѣцѣ, да нечѣмъ питаться, потому что скуденъ, и онъ де Өедотко ему Гришку говорилъ, какъ онъ такую книгу напишетъ, чтобъ ту книгу далъ ему, и онъ де ему за труды дастъ денегъ и въ пьянствѣ далъ ему денегъ десять рублевъ, и послѣ того онъ Өедотко тому Гришкѣ говорилъ, чтобъ ему далъ ту книгу или деньги, и Гришка ему въ книгѣ отказалъ, нельзя-де мнѣ тебѣ той книги дать, четовѣкъ ты непостоянный и пьяница, а про то, что въ той книгѣ на Государя написана у него Гришки хула съ поношеніемъ не сказывалъ, и про то-де онъ сперва въ распросѣ не сказалъ въ торопяхъ, въ томъ передъ Великимъ Государемъ виноватъ.

14.

Ивановъ человѣкъ Стрѣшнева Андрюшка Семеновъ, на котораго Гришка Талицкой показалъ, далъ онъ Гришка ему Андрюшкѣ списать тетратку о лѣтехъ же и о пришествіи антихриста разговоръ у него съ нимъ былъ, а мудрствовалъ про тѣ лѣта и о антихристѣ онъ Гришка, а тотъ человѣкъ не знаетъ.

И онъ Андрюшка Семеновъ сказалъ, тотъ-де Гришка въ домѣ у себя далъ ему тетратку въ четверть писана полуставомъ о исчисленіи лѣтъ, и онъ-де Андрюшка прочетъ ту тетратку отдалъ тому Гришкѣ назадъ и сказалъ, я де этого познать не могу, и тотъ-де Гришка ему

говорилъ: нынѣ-де пришли послѣдніе времена; настанетъ-де антихристъ, а будетъ-де антихристъ Великій Государь, и отъ него пошелъ домой, а про тѣ-де его Гришкины слова онъ не извѣстилъ, потому, что былъ болѣнъ.

15.

Съ Пресни цѣрькви Іоанна Богослова роспопа Гришка Ивановъ, на котораго

Гришка Талицкой съ подъему говорилъ какъ-де онъ тѣ свои воровскія письма о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ составилъ и написавъ купилъ себѣ двѣ доски грушевыя, чтобъ на нихъ вырѣзать, на одной о исчисленіи лѣтъ, на другой о антихристѣ и вырѣзавъ о исчисленіи лѣтъ, хотѣлъ печатать листы и продавать.

А сказали-де ему Гришкѣ на площади что тотъ распопа рѣжетъ кресты, и онъ-де Гришка пришелъ къ тому распопу съ неназнаменен-нною доскою, и говорилъ ему, чтобъ онъ на той doскѣ о исчисленіи лѣтъ вырѣзалъ слова и тотъ-де попъ ему сказалъ, «безъ знамени де рѣзать невозможно, чтобъ онъ Гришка ту доску принесъ назнаменненную.

И онъ де Гришка ему говорилъ: нынѣ-де время послѣднее и антихристъ пришелъ и сказывалъ ему отъ бытейскихъ и отъ пророческихъ книгъ и приводомъ называлъ Государя антихристомъ въ апокалепсисѣ Іоанна Богослова въ 17 главѣ написано: антихристъ будетъ осмой царь, а по нашему-де счету осмой царь онъ Государь, да и лѣта-де сошлись, у меня-де тому есть выписано и въ тетратехъ.

И роспопъ-де Гришка, ему Гришкѣ жъ говорилъ, чтобъ онъ тѣ тетрати къ нему принесъ почесть, однако-де у меня будетъ человѣкъ тѣхъ тетратей послушать, и послѣ-де того къ тому роспопѣ онъ Гришка пришелъ хлебеннаго дворца съ подключникомъ съ Пашкою Филиповымъ, а съ собою принесъ для рѣзьбы доску назнамененную, да листъ, да тетрати, а тѣ-де тетрати онъ Гришка имъ чолъ, и приводомъ Государя антихристомъ называлъ, то де они слышали подлинно.

А роспопа Гришка въ распросѣ и съ Гришкою на очной ставкѣ говорилъ Гришка де Талицкой къ нему приходилъ и доску грушевую неназнамененную и листъ приносилъ, и онъ-де ему въ то число отказалъ, для того, что та доска безъ знамени, рѣзать невозможно и тотъ-де Гришка ему говорилъ: нынѣ-де время послѣднее, и сталъ ему роспопѣ о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ сказывать отъ Евангелія и отъ пророческихъ и отъ бытейскихъ книгъ и приводомъ называлъ антихристомъ Государя, а именемъ не выговаривалъ.

А онъ-де роспопъ тому Гришкѣ о томъ. чтобъ онъ тѣ тетрати къ нему принесъ почесть, «однако-де будетъ у меня человѣкъ тѣхъ тетратей слушать не говаривалъ, а послѣ-де того тотъ Гришка пришелъ къ нему самъ-другъ и принесъ къ нему доску назнамененную да листъ, а сказалъ, что на томъ листу писано изъ пророчества и изъ бытей; да тотъ же Гришка съ собою принесъ тетрати и тѣ тетрати при немъ чолъ-же и про антихриста говорилъ и приводомъ антихристомъ называлъ Государя, а имянемъ его не выговаривалъ а въ тѣ-де числа у него Гришки посадской человѣкъ въ домѣ кто былъ ли и тѣхъ тетратей слушалъ-ли, того не помнитъ, и тѣ тетрати оставилъ у него Гришки.

А про воровство его Гришкино и про составъ писемъ его, и для чего было ему тѣ доски рѣзать и что на нихъ печать и куды тѣ печатные листы ему было дѣвать, того не вѣдалъ и до тѣхъ мѣстъ у него съ нимъ Гришкою случая никакого не бывало.

А какъ-де того Гришку стали сыскивать и онъ де роспопъ Гришка убоясь страху, что у него тѣ тетрати остались, спряталъ у себя въ избѣ, подъ печью подъ поломъ.

А въ тетратехъ, каковы у того Гришки сысканы, въ первой тетратѣ во 2-й главѣ на 7 листу написано третье сложенiе Римской монархiи царей Грекороссiйскихъ осмый царь Петръ Алексѣевичъ юнѣйшiй братъ Iоанна Алексѣевича, но перве избранъ на царство.

А противъ Гришкиныхъ писемъ Талицкаго на Государя хульныхъ словъ съ поношенiемъ въ тѣхъ его Гришкиныхъ тетратехъ имянно не написано.

А съ двухъ пытокъ тотъ-же распопа Гришка говорилъ: какъ Гришка Талицкой о послѣднемъ вѣцѣ, и про Государя хульныя слова съ поношенiемъ на словахъ прискрытно осмой-де царь антихристъ говорилъ а имянемъ его Государя не выговаривалъ и онъ-де роспопа ему Гришкѣ молвилъ почему ты о послѣднемъ вѣцѣ вѣдаешъ писано-де что ни сынъ ни ангели о послѣднемъ дни не вѣдаютъ, и въ томъ ему запрещалъ, а въ тѣхъ-де тетратехъ Государь осмымъ царемъ написанъ-ли того не вѣдаетъ, потому, что онъ, послѣ его Гришки тѣхъ тетратей не читалъ, а что-де онъ Гришка отъ Гришки Талицкаго такiя воровскiя слова слыша не извѣстилъ и его Гришки не поймалъ и не привелъ, и письма его у себя держалъ съ простоты и въ томъ онъ предъ Государемъ виноватъ.

А Гришка Талицкой передъ бояры говорилъ, тому-де роспопу онъ Гришка про послѣднее время и про Государя хульныя слова съ поношенiемъ на словахъ прикрытно, осмый-де царь будетъ антихристъ олворилъ, а имянно его Государя выговаривалъ ли, про то онъ сказать не упомнитъ,

А постоявъ сказалъ, онъ-де Гришка при томъ попѣ приводомъ называлъ его Государя антихристомъ имянно, противъ того какъ пасано въ очной его ставкѣ съ тѣмъ попомъ.

Роспопа жъ Гришка въ застенкѣ говорилъ, какъ-де Гришка Талицкой Государя антихристомъ и осмымъ царемъ называлъ, то онъ отъ него Гришки слышалъ, только онъ Гришка его Государя имянемъ не называлъ.

И въ тетратехъ, которыя были у него распопы, гдѣ его Государево имя написано, онъ распопа не дочелъ, а что въ тѣхъ его Гришкиныхъ словахъ не извѣстилъ и тѣхъ тетратей пе объявилъ, и въ томъ онъ передъ Государемъ виноватъ.

16.

Хлебейнаго дворца подключникъ Пашка Ивановъ, на котораго Гришка Талицкой въ распросѣ сказалъ, что-де онъ Пашка съ нимъ Гришкою Талицкимъ приходилъ къ Богословскому попу Григорiю какъ тотъ Гришка приносилъ къ тому попу рѣзать доски, и листъ и тетрати и какъ-де ему тетрати челъ и про Государя хульныя слова съ поношенiемъ говорилъ, то онъ Пашка слышалъ.

А Пашка въ томъ сперва въ распросѣ запирался.

А послѣ того онъ же Пашка до пытки и съ пытки винился, отъ Гришки-де Талицкаго про то, «въ послѣднее-де время осмой царь будетъ антихристъ и считалъ Московскихъ царей, и про Государя сказалъ, что онъ Государь осмой царь и антихристомъ его Государя тотъ Гришка называлъ, то онъ слышалъ, а тѣ-де слова онъ Гришка говорилъ съ нимъ одинъ на одинъ, а въ тѣхъ-де словахъ онъ на того

Гришку онъ Пашка не извѣщалъ, чая то, что онъ тѣ слова говорилъ съ ума сошедъ, и боясь розыску, если-де онъ Гришка въ тѣхъ словахъ запрется и меня-де запытаютъ, да и для того не извѣстилъ, что-де я человѣкъ простой.

Гришка Талицкой передъ бояры говорилъ съ тѣмъ-де Пашкой у него Гришки въ томъ его воровствѣ совѣту не бывало и про Государя-де хульныя слова говорилъ онъ Гришка собою жъ.

17.

Чудова монастыря черный попъ Матвѣй, на котораго Гришка Талицкой съ подъему показалъ, тетрать-де о исчисленіи лѣтъ передъ побѣгомъ своимъ далъ оному Чудова монастыря черному попу Матвѣю, а про хульныя и поносныя про Великаго Государя слова онъ Гришка ему не говаривалъ.

А черный попъ Матвѣй въ распросѣ сказалъ: Гришку-де Талицкаго онъ знаетъ, и будучи онъ Матвѣй за образомъ чудотворца Алексѣя въ Соборной церкви входу, и его Гришку спросилъ, чѣмъ онъ нынѣ питается, пишетъ-ли книги по прежнему; — и тотъ-де Гришка сказалъ ему, книги-де писать я нынѣ покинулъ, для того, что пришла скудость а се де нынѣ время не то стало.

И послѣ того тотъ Гришка пришедъ къ нему въ келью, а съ собою принесъ тетратку о исчисленіи лѣтъ, которая у него Матвѣя въ кельѣ взята, и ту тетратку ему прочиталъ, и говорилъ, питаться-де стало не чѣмъ, а вы-де что спите, пришло-де нынѣ послѣднее время въ книгахъ-де пишутъ будетъ осмой царь антихристъ а нынѣ-де по ихъ счету осмой царь Петръ Алексѣевичъ, онъ-то-де антихристъ, а тѣ-де слова онъ съ нимъ говорилъ одинъ на одинъ, и онъ-де Матвѣй того Гришку унималъ и говорилъ, къ чему-де ты такія слова про него говоришъ, и акой-де онъ антихристъ, у него-де Государя есть царица, и царевичъ, и Гришка-де къ тѣмъ его словамъ молвилъ, такъ-де будетъ, что у него царица и царевичъ, и тетрадь-де онъ Гришка оставилъ у него Матвѣя, и онъ-де давъ ему для его скудости на хлѣбъ денегъ гривну изъ кельи пошелъ изъ тѣхъ мѣстъ, къ нему не бывалъ.

А тотъ-де Гришка въ письмахъ своихъ на Великаго Государя хульныя слова съ поношеніемъ писалъ-ли, про то ему Матвѣю не сказывалъ и съ собою въ совѣтъ не призывалъ, и про то, что и инымъ такихъ же въ тетратехъ и на столбцахъ письма въ которыхъ писана на Государя хула съ поношеніемъ прочитать давалъ, того ему Матвѣю не сказывалъ же и онъ Матвѣй ту тетрать никому не сказывалъ и разговору у него ни съ кѣмъ о тѣхъ Гришкиныхъ словахъ не было, а что его Гришку не поймалъ и про то не извѣстилъ, простотою своею, и въ томъ передъ Великимъ Государемъ виноватъ.

А Гришка сказалъ, оной-де черный попъ Матвѣй о вышеписанномъ въ Соборной церкви, что-де книги онъ по прежнему пишетъ-ли, его Гришку спрашивалъ и объономъ, что нынѣ время не то пришло послѣднее говорилъ; и про Государя хульныя слова съ поношеніемъ ему говорилъ же, и тотъ Матвѣй ему на хлѣбъ для его скудости денегъ гривну далъ, и онъ де принявъ тѣ деньги тетратку свою о исчисленіи лѣтъ отдалъ, чтобъ онъ ее почелъ покрѣпче, только-де тотъ попъ Матвѣй съ нимъ въ умыслѣ не былъ.

18.

Съ Углича Покровскаго монастыря діаконъ Мишка Денисовъ по

оговору Гришки Талицкаго въ распросѣ и съ пытки говорилъ: Гришка-де ему чолъ тетрадь о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ и о антихристѣ и въ разговорѣ говорилъ ему Мишкѣ на словахъ, нынѣ-де послѣднее время пришло и антихристъ—народился, по ихъ счету антихристъ осмой царь Петръ Алексѣевичъ, и онъ-де Мишка его Гришку отъ тѣхъ словъ унималъ, что-де ты такое великое дѣло затѣваешъ, и тотъ-де Гришка далъ ему тетратку въ четверть и говорилъ, посмотри-де у него о томъ имянно написано, и онъ-де Мишка взявъ у него ту тетрать поѣхалъ на Угличъ. и пріѣхавъ въ монастырь, чолъ тое тетратку у себя въ кельѣ одинъ, а силы въ немъ не позналъ, и инымъ никому той тетратки не показывалъ, и списывать съ нее не давалъ.

А что-де онъ Мишка слыша отъ того Гришки про Государя такія непристойныя слова по взятьѣ его въ Преображенскій приказъ, той тетратки нигдѣ не объявилъ, и о тѣхъ его словахъ не извѣстилъ и самъ не явился, и то онъ учинилъ простотою своею, и въ томъ онъ предъ Великимъ Государемъ виноватъ, а иныхъ-де ни у кого такихъ тетратокъ онъ Мишка не видалъ и такихъ словъ ни отъ кого не слыхалъ, и того Гришки единомышленниковъ и совѣтниковъ онъ Мишка никого не знаетъ.

А Гришка Талицкой передъ бояры говорилъ, дьячку-де Мишкѣ Денисову тетрати отдалъ онъ, а въ тѣхъ тетратехъ на Государя хулы было имянно не написано, а какъ-де онъ Гришка тому Мишкѣ про Государя хульныя слова на словахъ говорилъ, и тотъ-де дьячокъ его Гришку отъ тѣхъ его словъ унималъ, для чего-де ты такое великое дѣло затѣваешь, и онъ-де Гришка въ томъ не послушалъ, и въ совѣтѣ-де онъ Мишка съ нимъ въ томъ его воровствѣ не былъ и про воровство его Гришкино не вѣдалъ-же.

19.

Печатнаго дѣла батыщикъ или разборщикъ Митька Кириловъ по показанію на него Гришки Талицкаго распросомъ показалъ: къ нему-де Гришкѣ въ домъ хаживалъ онъ Митька одинъ, и Гришка-де въ домѣ у себя читалъ ему Митькѣ книги Библію да толковое Евангеліе и всякія печатныя и письменныя книги о послѣднемъ вѣцѣ, а о пришествіи антихристовѣ разговоровъ у него Митьки съ нимъ Гришкою и совѣту не было.

А Гришка Талицкой передъ бояры говорилъ: тотъ-де Митька приходилъ къ нему Гришкѣ самъ-другъ, и онъ-де Гришка о послѣднемъ вѣцѣ, и о антихристѣ и о исчисленіи лѣтъ тетрати ему читалъ и осмымъ царемъ и антихристомъ его Государя онъ Гришка называлъ при нихъ имянно, безъ его Митькина спросу собою, а въ томъ-де его Гришкинѣ воровствѣ онъ Митька ему Гришкѣ совѣтникомъ не былъ и про воровство его не вѣдалъ.

А Митька сказалъ: въ домъ-де къ нему Гришкѣ онъ Митька приходилъ съ нищимъ Ѳедкою, а чей словѣтъ не упомнитъ, для покупки хоромъ его.

Гришка жъ въ застенкѣ говорилъ: батыщику-де Митькѣ Кирилову о послѣднемъ вѣцѣ и о исчиленіи лѣтъ и антихристомъ его Государя называлъ, то тотъ Мытька слышалъ.

А Митька Кириловъ сказалъ, какъ-де онъ Гришка объ ономъ толковалъ и Государя антихристомъ называлъ, то онъ слышалъ, а что не извѣщалъ, и въ томъ виноватъ.

20.

Ученикъ Гришки Талицкаго Ивашко Савельевъ, на котораго онъ Гришка говорилъ, что тетрати въ четверть писалъ онъ Ивашко въ неволю; а другую половину тетратей писалъ онъ Гришка самъ.

А Ивашка Савельевъ въ распросѣ съ пытки говорилъ, въ томъ-де письмѣ, что писалъ Тамбовскому епископу онъ Ивашко силы не зналъ, а писалъ тѣ тетрати по его Гришкину велѣнью, да Гришка-жъ де ему сказывалъ, что онъ про тѣ тетрати отцу своему духовному сказывалъ, да и Тамбовской де епископъ тѣхъ писемъ не хуливалъ.

А Гришка сказалъ: тому де Ивашку, про то; что онъ Гришка про тѣ письма отцу своему духовному сказывалъ и епископъ-де Тамбовской тѣхъ писемъ не хулитъ говорилъ.

На него-же Ивашка Гришка жъ Талицкой показалъ: приходилъ-де къ нему Гришкѣ на дворъ онъ Ивашко и сказалъ Патріарша-де разряду площаднаго подъячего Ѳедькина жена Дунаева Ѳеколка сказывала тещѣ его Ивашковѣ, пишетъ-де онъ Гришка невѣдомо какія книги про Государя, и она-де сказала брату своему пѣвчему Ѳедору Казанцу, а онъ Ѳедоръ хотѣлъ по него Гришку изъ Преображенскаго приказу придти съ подъячими и онъ Гришка услыша отъ него Ивашки по себя про ту посылку съ двора своего ушелъ.

А Ивашко сказалъ: что-де онъ къ нему Гришкѣ пришедъ на дворъ о извѣтѣ, что хотѣлъ по него Гришку пѣвчей Ѳеодоръ Казанецъ придти съ подъячими не сказывалъ, тѣмъ-де онъ Гришка его поклепалъ.

А Гришка сказалъ, тотъ-де Ивашко къ нему Гришкѣ на дворъ приходилъ подлинно, и вышеписанныя слова ему сказывалъ, и онъ-де Гришка слыша отъ него тѣ слова съ двора своего и пошелъ, а онъ Ивашка и проводилъ его Гришку за Москву рѣку до Кадашева и проводя пошелъ домой, а его Гришки спросилъ, «куды-де ты идешъ», и онъ ему сказалъ, «пойду-де я въ монастырь, куды Богъ благоволитъ«, тѣмъ онъ Гришка его Ивашку не клеплетъ.

Онъ-же Гришка Талицкой передъ бояры съ нимъ Ивашкомъ на очной ставкѣ говорилъ, тотъ-де Ивашка о послѣднемъ вѣцѣ, о исчисленіи лѣтъ тетрати писалъ ему Гришкѣ, по его Гришкину прошенію, потому-что онъ Ивашко и прежъ сего на него Гришку писывалъ книги, а въ тѣхъ-де тетратехъ про Государя хульныхъ словъ съ поношеніемъ было не написано, а о антихристѣ-де тетрати съ поношеніемъ на него Государя Тамбовскому Епископу писалъ онъ Гришка самъ, и про хульныя-де слова на Государя, и про воровство его Гришкино, онъ Ивашко не вѣдалъ.

А Ивашка Савельевъ говорилъ, тѣ-де тетрати о исчисленіи лѣтъ онъ Ивашко писалъ по его Гришкину велѣнью, а въ тѣхъ-де тетратехъ хульныя слова по Государя было не написано, и про то его Гришкино воровство онъ Ивашка не вѣдалъ и въ совѣтѣ съ нимъ въ томъ дѣлѣ не былъ.

А какъ-де его Гришку велѣно сыскать въ Преображенской приказъ, и про-то де онъ Ивашко ему Гришкѣ сказывалъ слыша Патріарша приказу отъ подъячаго Афоньки Дунаева, и сказавъ его Гришку проводилъ онъ до Кадашева,

А что-де онъ Ивашко прежъ сего про ту вѣдомость ему Гришкѣ и про провожанье его до Кадашева въ роспросѣ и на очной ставкѣ не сказалъ, и то онъ учинилъ просто боясь себѣ наказанія, и для того, что воровства его Гришкина не вѣдалъ.

Подъ статейнымъ спискомъ подписано о приговорѣ:

1701 году ноября въ 5 день, по указу Великаго Государя и по боярскому приговору велѣно Гришку Талицкаго и единомышленниковъ его Ивашка Савина и пономаря Артемошку за ихъ воровство и за бунтъ, а бывшихъ поповъ Луку и Андрюшку и Гришку за то, что они про то его Гришкино воровство и бунтъ слышавъ отъ него не извѣстили, казнить смертію, а женъ ихъ Гришкину и Ивашкину и Артемашкину и Лучкину и съ Пресни Гришкину-жъ сослать въ ссылку въ Сибирь въ дальные городы, а животы ихъ взять на Великаго Государя, а Андрюшкину жену свободить, потому что онъ Андрюшка сысканъ, и въ томъ дѣлѣ винился по ея уликѣ, Кадашевца Феклиста Констентинова, разборщика Митьку Кирилова, садовника Ѳедотку Милякова, Хлѣбеннаго дворца подключника Пашку Филипова, распопу Мишку Миронова, съ Углича Покровскаго монастыря дьячка Мишку Денисова, Иванова человѣка Стрѣшнева Андрюшку Семенова, за то, что они отъ того Гришки слыша бунтовыя слова не извѣщали, племяннику его Гришкину Мишкѣ, за то, что онъ у тетки своей выманилъ воровскія письма, не извѣстилъ-же, Гришкину ученику Ивашкѣ Савельеву, что онъ тому Гришкѣ сказалъ про извѣтъ на него, и онъ съ Москвы бѣжалъ, вмѣсто смертныя казни учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и запятнавъ сослать въ Сибирь въ дальные городы.

Да по имянному Великаго Государя указу бывшаго Тамбовскаго епископа Игнатія, что потомъ разстрига Ивашка вмѣсто смертной казни велѣно послать въ Соловецкій монастырь въ Головленкову тюрму, быть ему въ той тюрмѣ за крѣпкимъ карауломъ по его смерть, неисходно, а пищу ему давать противъ такихъ же ссыльныхъ.

А того имяннаго указу и вышепоказаннаго боярскаго подлиннаго приговору при дѣлѣ не имѣется.

Генваря 31-го дня,
1750 года.

* * *

О, надъ тобой ли мнѣ смѣяться,
Тебя ль ревниво не беречь,
Передъ тобой ли притворяться,
Твоимъ ли чувствомъ пренебречь? —
Какъ сирота, которой въ мірѣ
Ужъ не осталось никого,
Которой грудь полнѣй и шире
Ужъ не вздохнетъ ни отъ чего;
Какъ мать, что отъ сырой могилы,
Гдѣ мужъ едва-сейчасъ зарытъ,
Сомкнувъ уста, теряя силы,
Одна въ отчаяньи бѣжитъ —
И лишь дитя свое больное
Рѣвниво жметъ къ родной груди
И, озираясь на былое,
На крестъ, поникшій позади,
Дрожитъ и кутаетъ отъ вьюги
Дитя въ послѣдній свой платокъ
И прячетъ отъ могилъ, въ испугѣ,
Въ объятьяхъ лучшій свой залогъ, —
О, какъ она, и я ревниво
Твою любовь лишь берегу
И съ ней, какъ сирота, пугливо
Отъ свѣта мертваго бѣгу!

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКІЙ.

1861

НЕОЖИДАННОЕ БОГАТСТВО.

(*Окончаніе.*)

VII.

Когда Яковличъ вошелъ въ село, было уже довольно поздно; крестьяне воротились съ работы, и онъ увидѣлъ у одной изъ крайнихъ избъ своего товарища, Демида-нѣмаго, который выдѣлывалъ удивительные жесты, передъ коренастымъ, лысымъ мужикомъ. Послѣдній также махалъ руками и трясъ отрицательно головой; но завидѣвъ подходящаго дьячка, онъ показалъ на него. Демидъ быстро обернулся и прискочилъ отъ радости, при видѣ товарища.

— Добраго здоровья Аѳанасій Митричъ! Все-ли у васъ благополучно?—спрашивалъ старикъ, раскланиваясь съ крестьяниномъ.

— Ничего, Васьянъ Яковличъ, отвѣчалъ Аѳанасій,—да вотъ, безалаберный-то твой присталъ—чтобъ шелъ я къ нему въ сторожку... А мнѣ нельзя,—вчера у насъ лошадь ушла; всю ночь проискали въ лѣсу—не нашли. Сегодня, баютъ, видѣли въ Семеновкѣ, къ табуну пристала... Такъ вотъ туда иду сейчасъ же.

— Этакая бѣда! ну, авось Богъ милостивъ и отыщете...—замѣтилъ Яковличъ.

Между тѣмъ нѣмой подпрыгивалъ около дьячка; трепалъ

его ласково по плечу, потиралъ руки, и скалилъ свои бѣлые зубы. Словомъ, выражалъ искреннюю радость при его возвращеніи.

— Вижу, вижу, что непритворно радъ моему приходу. Ужъ не были-ли безъ меня у тебя въ сторожкѣ покойники въ гостяхъ?—молвилъ смѣясь старый сторожъ, глядя на товарища.

— Какіе тутъ покойники... Слышь, прошлую ночь, какъ я не пришелъ въ сторожку, такъ Демка и убѣжалъ ночевать къ дьячку во дворъ!.. Вотъ и сторожъ...—сказалъ Афанасій.

Войдя въ сторожку, которая была пристроена къ церкви, Яковличъ повѣсилъ на гвоздь свою заслуженную сибирку, ощупалъ тщательно лѣвый карманъ жилетки, и вмѣстѣ съ кожанымъ кошелькомъ—(въ которомъ хранились,—какъ онъ говорилъ,—три четвертака) заперъ ее въ сундукъ, привязалъ ключъ себѣ на крестъ и растянулся на лавкѣ. Напрасно Демидъ, часа два спустя, толкалъ его подъ бокъ, напоминая, что «время обойти церковь»,—Яковличъ храпѣлъ какъ убитый до самаго разсвѣта.

Изъ обращенья Мины Егорыча съ старымъ дьячкомъ можно видѣть, до какой степени Тетеринъ былъ добръ и до какой степени не развитъ. Конечно, въ настоящее время такіе помѣщики переводятся; но ихъ еще можно встрѣтить кой-гдѣ въ захолустьи нашей длинной и широкой Руси. Да и гдѣ было развиться Минѣ Егорычу! До пятнадцати лѣтъ онъ росъ въ деревнѣ, подъ крыломъ родительскимъ; наставниками его были приходскій сельскій дьяконъ и оставшійся послѣ двѣнатцатаго года въ Россіи—унтеръ-офицеръ Наполеоновской арміи. Послѣдній обучалъ Мину Егорыча преимущественно французскому языку и ружейнымъ пріемамъ. (Старикъ Тетеринъ готовилъ сына въ военную службу, хотя самъ никогда и нигдѣ не служилъ). Но увы! французскій языкъ не давался Минѣ Егорычу; онъ обыкновенно пояснялъ его такимъ образомъ «здравствуйте—бонжуръ» или: «спасибо—мерси». Въ ружейныхъ же пріемахъ, маршировкѣ, поворотахъ и проч... молодой Тетеринъ, по не уклюжести своихъ формъ, очень походилъ на пляшу-

щаго медвѣжонка и смѣшилъ учителя. Минуло Минѣ Егорычу пятнатцать лѣтъ; отецъ собрался уже отвезти его въ какой-то полкъ, какъ нѣжная родительница ударилась въ слезы, и наконецъ обявила, что если отъ ея груди оторвутъ ея единственнаго дѣтища, то она не перенесетъ этой разлуки. Дѣлать было нечего—отецъ посердился, но уступилъ. Сынокъ отвезенъ былъ въ городъ и опредѣленъ въ какой-то судъ. Переписываніе бумагъ, или просто сидѣніе въ судѣ безъ всякаго дѣла, узкое платье и прочія неудобства городской жизни страшно не нравились молодому Тетерину. И вотъ, дослужившись кой-какъ до чина коллежскаго регистратора, онъ по случаю отцовой смерти оставилъ служебное поприще и возвратился въ деревню. Сбросивъ ненавистный сюртукъ (который потомъ надѣвалъ только въ торжественныхъ случаяхъ) и надѣвъ халатъ, Мина Егорычъ увидѣлъ себя хозяиномъ ста не заложенныхъ душъ и хорошо устроенной усадьбы. Года два отдыхалъ онъ послѣ служебныхъ трудовъ, занимаясь самыми невинными удовольствіями, какъ то—устраиваніемъ качелей и дѣвичьихъ хороводовъ, горъ и проч., даже раза два ходилъ съ ружьемъ на утокъ, но эта кровожадная забава не была ему по сердцу.

Наконецъ старуха Тетерина напала на сына, чтобъ онъ женился, и Мина Егорычъ исполнилъ желаніе матери, женясь на молодой сосѣдкѣ—сиротѣ Лукерьѣ Ивановнѣ, которая вмѣстѣ съ хорошенькимъ личикомъ и добрымъ сердцемъ принесла пятьдесятъ душъ въ приданое. Лукерья Инановна оказалась женщиной практтически умной; послѣ смерти свекрови принявъ хозяйство, она пріобрѣла всеобщее уваженіе и любовь какъ добрая барыня, а ея супругъ, довольный тѣмъ, что его не тревожатъ, по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, курилъ и внимательно слѣдилъ за полетомъ мухъ. Иногда онъ принимался толковать съ старостою, и наскучивъ, отсылалъ его къ Лукерьѣ Ивановнѣ.

Между тѣмъ у Тетериныхъ родился сынъ Миша, а спустя пять лѣтъ, дочь Фаничка. Лукерья Ивановна настояла на томъ: *десятилѣтняго* Мишу отправить въ кадетскій корпусъ въ Москву, гдѣ у ней жила старшая сестра. Рас-

порядиться съ Фаничкой мать не успѣла, и умерла, оставивъ пятилѣтняго ребенка на рукахъ безпечнаго, лѣниваго отца.

Услышавъ о смерти сестры, Катерина Ивановна немедленно пріѣхала въ Тетерино за маленькой племянницей. Мина Егорычъ плакалъ, но не удерживалъ дочь, и дѣвочку увезли въ Москву.

Тетеринъ остался совершенно одинъ и скучалъ страшно; сосѣди его навѣщали рѣдко; самъ-же онъ никуда не выѣзжалъ. Всего болѣе его тревожили разные хлопоты по хозяйству; къ нему являлись и староста, и ключница, и поваръ, что̀ было для него страшною пыткой.

Въ это время разъ навѣстила его одна старая барыня, изъ сосѣдокъ, извѣстная въ околодкѣ сваха и сплетница; пожалѣла объ его одинокомъ житьѣ-бытьѣ, и предложила отъ скуки единственное лекарство—женидьбу, выхваляя ангельскій характеръ одной знакомой невѣсты, хотя небогатой и пожилой, но чрезвычайно домовитой дѣвушки.

Мина Егорычъ принялъ совѣтъ доброжелательной барыни и вскорѣ женился на Аграфенѣ Титовнѣ.

И правда, новая хозяйка рьяно принялась за хозяйство; вскорѣ заплакала отъ нея дворня, а мужички еще усерднѣе стали молиться за упокой своей матушки—Лукерьи Ивановны. Но Мина Егорычъ не менѣе того былъ радъ, что ему не мѣшали сидѣть на одномъ мѣстѣ, курить, и сейчасъ-же подавали пива, по его требованію. Тетеринъ началъ толстѣть съ двадцать пятаго года своей жизни, но отъ постоянно сидячей жизни, въ послѣдніе годы, тучность его дошла до чудовищныхъ размѣровъ.

За четыре года до начала нашего разсказа, у Аграфены Титовны родилась дочь, чему мать несказанно обрадовалась. Но дитя росло слабое и больное; наконецъ, у дѣвочки образовались напереди и назади горбы. До четырехъ лѣтъ Машинька не стояла на ногахъ, ее все еще качали въ колыбели, и кормили грудью, перемѣняя каждый годъ кормилицъ.

— Послушайка, бабонька!—говорили Тетеринскіе крестьянки кормилицѣ, когда послѣдняя, въ хорошую погоду,

гуляла съ дитею по деревнѣ, оттого у васъ и барышня уродецъ, что не указанный срокъ грудью кормите.... Оттого Богъ и здоровья не даетъ... видано-ли по четвертому году грудь сосать... и-и!—Они покачивали головою.

— Чтожъ, воля господская!—отвѣчала обыкновенно кормилица; Господь знаетъ, отчего дитя хвораетъ, може, за материны хрѣхи.... Ишь хороша больно!...

Но обратимся къ разсказу.

По уходѣ Майскихъ, въ ожиданіи отъѣзда, Мина Егорычъ задыхаясь отъ жару и жиру, объявилъ желаніе спуститься къ ручью, разуться и поставить ноги въ воду, которыя у него, какъ онъ говорилъ, *тосковали*. Напрасно жена и дочь отговаривали его, представляя, что это вредно; на этотъ разъ Тетеринъ поставилъ на своемъ, (что однако съ нимъ случалосъ чрезвычайно рѣдко.) Слуги свели барина къ ручью, и Мина Егорычъ, съ удовольствіемъ ребенка, принялся босыми ногами болтать въ прохладной влагѣ. Возлѣ него сидѣла Фаничка, смотря задумчиво на разноцвѣтные камешки, по которымъ бѣжалъ прозрачный ручей. Наверху слышался голосъ Аграфены Титовны и всхлипыванья маленькой Соньки, которую барская ручка за что-то тузила. Еремка укладывалъ въ экипажъ посуду и подушки, кучеръ запрягалъ лошадей.

Солнце было уже низко; въ воздухѣ сдѣлалось гораздо прохладнѣе, когда усадили Мину Егорыча въ экипажъ и обложили подушками. Соньку помѣстили на козлы съ кучеромъ и привязали къ его кушаку, изъ предосторожности, чтобъ не упала; прочіе всѣ заняли свои обыкновенныя мѣста, и машина двинулась въ Тетерино.

Были уже густыя сумерки, когда наши господа подъѣхали къ дому, и сію-же минуту узнали отъ сторожа, отворявшаго ворота, что сейчасъ пріѣхалъ Михайла Минычъ. При этомъ извѣстіи, Мина Егорычъ испустилъ какое-то радостное рыканіе.

— Вотъ тебѣ разъ!—воскликнула Аграфена Титовна.

— Братецъ!—сказала радостно Фаничка.

— А... молодой баринъ!—проговорилъ Еремка, соскакивая съ запятокъ.

— Ну, пошли!... крикнулъ кучеръ, въѣзжая въ ворота.

Одна только Сонька, начинавшая уже дремать, открыла безсмысленные глаза и не произнесла ни слова. Однако восклицаніе Аграфены Титовны—вотъ тебѣ разъ!—не было восклицаніемъ радости или простаго изумленія; въ немъ скорѣе всего слышалась худо скрытая досада. Когда экипажъ остановился у крыльца, его мгновенно окружила вся дворня. На крыльцѣ показалась ключница со свѣчкою въ рукахъ, за нею толпа дѣвокъ и лакеевъ и между ними молодой офицеръ, въ вицъ-мундирѣ.

— Дружокъ, Миша!—пробасилъ растроганнымъ голосомъ Мина Егорычъ, протягивая руку, какъ бы готовясь выскочить изъ экипажа.

— Папенька, здравствуйте!—вскричалъ сынъ, бросаясь съ крыльца. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и шагу, какъ Фаничка повисла у него на шеѣ.

— Братецъ, Мишенька!... Ну, слава Богу! насилу я тебя дождалась. Да какой ты хорошенькій! говорила дѣвушка.

— Фаничка, ты здѣсь? какимъ образомъ? спрашивалъ въ свою очередь братъ; и его жаркіе поцѣлуи и теплыя радостныя слезы сестры смѣшались.

Но вотъ высадили и Аграфену Титовну; вытащили и Мину Егорыча.

Вступая на крыльцо, растроганный отецъ семейства перекрестилъ сына, обнялъ его и заплакалъ.

— *Шесть лѣтъ... шесть лѣтъ*, Миша, не видались!...— произнесъ онъ дрожащимъ басомъ. Сынъ цѣловалъ руки отца.

— Михайла Минычъ! Мишенька!—воскликнула-было Аграфена Титовна, и растопырила руки, чтобъ заключить пасынка въ свои объятія; но увы! объятія ея такъ и остались въ воздухѣ, пасынокъ только поклонился ей, и равнодушно отвернулся.

— Гордецъ!—прошептала оскорбленная мачиха, и накинулась на подвернувшуюся Ѳеклу.

— Ты зачѣмъ тутъ?

— Я, сударыня, встрѣчала-съ....

— Очень нужно твое встрѣчанье!

— Я свою барышню, Фавету Минишну, встрѣчала-съ.... поправилась горничная, и оскалила зубы.

— И.... мерзавка!... прошептала барыня и пошла наверхъ въ дѣтскую, чтобъ провѣдать свою хворую дочку. Услышавъ отъ кормилицы удовлетворительный отвѣтъ, что все обстоитъ благополучно, Аграфена Титовна перекрестила ребенка въ колыбели и ушла къ себѣ въ спальню, приказавъ сказать, что она ни къ чаю, ни къ ужину не будетъ.

Между тѣмъ весь домъ былъ на ногахъ. Прислуга, по дѣлу и безъ дѣла, сновала по коридору, ключница совалась по кладовымъ, поваръ суетился на кухнѣ. Словомъ, готовился ужинъ самымъ поспѣшнымъ образомъ.

Въ гостиной Фаничка заняла за самоваромъ мѣсто мачихи; отецъ и братъ сидѣли на диванѣ.

Молодой Тетеринъ былъ лѣтъ *двадцати-четырехъ*, высокаго роста, и очень похожiй на отца; но въ чертахъ сына было болѣе разумности и благородства; даже иногда что-то похожее на ироническую улыбку мелькало на его губахъ. Но вообще Михайла Минычъ имѣлъ тѣ же сдержанныя манеры, какъ и его сестра; не шевелилъ безъ нужды плечами, только для того, чтобъ показать, что онъ носитъ эполеты. Не лгалъ и не хвасталъ (хотя это самый обыкновенный конекъ у армейской молодежи), не любилъ ни кому надоѣдать, а равно—и одолжаться. Словомъ, держалъ себя какимъ-то особнякомъ, за что дамы находили его слишкомъ скромнымъ, а товарищи звали его гордецомъ.

— Ну вотъ, Миша, Богъ привелъ и увидѣться.... А вѣдь шесть лѣтъ тебя не видалъ!..—говорилъ Мина Егорычъ, смотря въ лице сыну.—И усы у тебя ужъ порядочные — подпоручикъ? да?

— Всего два мѣсяца какъ произвели, отвѣчалъ самодовольно сынъ, покручивая усы.

— Э, братъ!... а ты и не писалъ, и не извѣстилъ отца.... хорошъ!

— Потому не писалъ, папенька, что взялъ уже отпускъ... Я хотѣлъ вамъ сдѣлать сюрприз моимъ прiѣздомъ.

— Ну, спасибо и на томъ.... Эй, Еремка, трубку!

Лакей явился съ трубкой и бисерной табачницей, работы Фанички, и Мина Егорычъ закурилъ.

— Гдѣ послѣднее время полкъ стоялъ?

— Около Варшавы.

— Отчего же, Миша, ты такъ рѣдко писалъ намъ въ послѣднiе два года? право, я иногда думалъ, что тебя ужъ и въ живыхъ нѣтъ!

— Вы сами, папенька, я думаю, помните, что я сначала, по вступленiи въ полкъ, писалъ вамъ часто, но часто-ли получалъ отъ васъ? Меня только и увѣдомляла объ васъ тетушка Катерина Ивановна, изъ Москвы.

— Мишенька, тетеньки ужъ нѣтъ! — воскликнула Фаничка.

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтъ въ живыхъ!—Дѣвушка заплакала.

Михайла Минычъ съ минуту казался пораженнымъ.

— Боже мой!.. такъ вотъ почему ты здѣсь!... Отчего же никто не написалъ мнѣ о смерти тетушки?

— Изъ Москвы я тебя увѣдомить не могла, потому что первое время не въ состоянiи была пера въ руки взять,—говорила сквозь слезы Фаничка;—потомъ, Ненила Петровна Воронская поспѣшила меня отвезти къ папенькѣ.... Отсюда я послала къ тебѣ два письма....

— Я не получилъ ни строчки, удивительно! А кажется полкъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ.

Въ столовой прислуга накрывала на столъ.

— А здѣсь все также, какъ и было,—замѣтилъ Михайла Минычъ, оглядывая голыя и темныя стѣны гостиной, на которыхъ мѣстами висѣли не менѣе темныя гравюры и нѣсколько портретовъ.

— Но гдѣ жъ портретъ маменьки? — прибавилъ сынъ, смотря на портретъ отца, возлѣ котораго теперь висѣлъ портретъ Аграфены Титовны — въ желтомъ платьѣ и чепцѣ съ розанами.

— Онъ въ моей комнатѣ,—сказала со вздохомъ Фаничка, и подумала про себя:—а я нашла его на чердакѣ, въ пыли...

— Кушанье готово-съ!—доложилъ, появясь въ дверяхъ, только не Еремка, а Ванька, братъ горничной Ѳеклы, мо-

лодой, красивый парень, очень похожій на сестру, которой служилъ, въ случаѣ надобности, комнатнымъ лакеемъ и даже поваренкомъ, хотя въ сущности былъ садовникъ.

— Ну что, дружокъ, какъ служба?—спрашивалъ Мина Егорычъ сына, когда сѣли за ужинъ.

— Ничего-съ, служба наша, какъ и всякая другая, безъ интригъ и любимцевъ не обходится.

— Ну, а общество ваше, я думаю, безъ проказъ ни на часъ—танцуете до упаду... волочитесь... знаю, въ провинціяхъ за вами бѣгаютъ; Польки.... у? бѣдовыя...—продолжалъ Тетеринъ, хохоча во все горло.

— Что вамъ сказать о нашихъ офицерахъ, ничего—подвизаются, и за бутылками, и на зеленомъ сукнѣ, и......

— Те те те!.. смотри, братъ, не надуешь?—воскликнулъ отецъ.—Ты что сказалъ *подвизаются*, то есть всѣ, кромѣ тебя, а мы дескать и водой не замутимъ.... ха, ха, ха!.. Эхъ, Миша! зачѣмъ, братецъ, финтишь; пей, да не напивайся, играй-не проигрывайся, влюбляйся, да въ исторіи не впутывайся!.. Держись этого правила и тѣломъ, и духомъ, и карманомъ: здравъ будеши, говоритъ Иванъ Данилычъ... Не знаю, насколько это правда.... ха, ха, ха!..

— Смѣло могу васъ завѣрить честнымъ словомъ, что я никогда не проигрывалъ, сказалъ сынъ, иронически улыбаясь.

— Будто?

— Ей Богу! и по самой простой причинѣ я никогда не игралъ: не на что было играть...

Фаничка, имѣвшая больше такта, чѣмъ братъ, ущипнула его за руку, отчего послѣдній вдругъ замолчалъ.

— Эхъ!.. на радости бы надобно того-то.... поздравить тебя съ пріѣздомъ, а я голову потерялъ, только языкомъ болтаю... Эй! кто тамъ? пошлите ко мнѣ ключницу!..—вскричалъ Мина Егорычъ.

Явилась ключница, въ коленкоровомъ чепчикѣ и черномъ передникѣ.

— Ну что, Ермолаевна! *шампанъ* у насъ есть?—спросилъ баринъ.

Ермолаевна вытянула впередъ свое сухощавое лице, на

которомъ ничего болѣе не выражалось, кромѣ готовности сію-же минуту исполнить приказаніе.

— Есть, сударь, три бутылочки-съ...

— Хорошо, подай одну сюда!

Ключница исчезла. Но вмѣсто того, чтобъ идти за виномъ, она отправилась къ барынѣ.

— Ты зачѣмъ? — спросила Аграфена Титовна, перемѣняя платье на спальный капотъ.

— Баринъ, сударыня, шампанскаго требуетъ-съ.

— Что это за новость!... Что за праздникъ сегодня? Ишь какой гость пріѣхалъ... Не давать! ни подъ какимъ видомъ не давать....—рѣшила барыня.

— Какъ-же, сударыня, доложить-то-съ... Вѣдь они знаютъ, что вино есть?

— Просто скажи, что нѣтъ!

— Какъ-же-съ?

— Тебѣ сказано... ступай вонъ!—крикнула Аграфена Титовна и дернула за ухо маленькую Соньку, которая застегивала у ея капота пуговки, прибавивъ:—а ты что, мерзавка, копаешься?

Ключница воротилась въ столовую.

— Вина нѣтъ-съ, Мина Егорычъ!—молвила она, вытянувъ впередъ голову.

— Что ты съ ума сошла?.. Вѣдь сказала, что есть?...—крикнулъ баринъ.

Ей-Богу нѣтъ-съ... Я виновата, баринъ, вижу бутылки шампанки, и что же въ нихъ—какъ я посмотрѣла хорошенько-съ—въ нихъ налита березовка-съ!—отвѣчала, не моргнувъ глазомъ, Ермолаевна.

— Эка, чортъ возьми, досадно!.. Ну нѣтъ-ли тамъ хоть чего нибудь, мадеры что-ли... или-какого нибудь чорта?

Ключница опять исчезла, и уже безъ доклада барынѣ принесла бутылку какого-то прокислаго лиссабонскаго.

— Ну, сынокъ! Вино кисло, да свиданіе сладко! Съ пріѣздомъ!...—воскликнулъ Мина Егорычъ, прихлебывая вино изъ стакана и морщась.

— Изъ ума вонъ, въ городѣ самъ былъ, а ничего не купилъ... все оттого, что самъ я этой дряни не пью... Я,

братъ Миша, нынче кромѣ пива ничего, развѣ когда полынной пропустишь для желудка.

Дѣти подняли стаканы и чокнулись. Фаничка съ такимъ же непритворнымъ удовольствіемъ проглотила бурду, похожую на уксусъ. Она была такъ рада пріѣзду брата, такъ рада тому, что ихъ задушевной бесѣды не смущало присутствіе мачихи. Ужинъ былъ конченъ, но семья все еще сидѣла за столомъ.

— Скажи же мнѣ, чѣмъ ты въ полку убивалъ свободное отъ службы время?...—спрашивалъ весело Мина Егорычъ.

— Въ полку жилъ я совершеннымъ дикаремъ, такую ужъ отъ товарищей и кличку получилъ,—отвѣчалъ Михайла Минычъ, самодовольно крутя усы.—Но позвольте, я разскажу, какъ я проводилъ время: приду, напримѣръ, съ ученья, пообѣдаю—трубку въ зубы—книгу въ руки и завалюсь на диванѣ на цѣлый день; деньщику же прикажу никого не пускать... И такъ тихо и мирно идетъ время; не слышишь около себя ни пустаго болтанья, ни сплетней, ни пошлыхъ анекдотовъ, просто—наслаждаешься.

— Миша, такъ запираться, бѣгать отъ людей, въ твои годы,—дурно, мой дружокъ! Вѣдь пожалуй сдѣлаешься такимъ же сиднемъ, какъ и отецъ, — замѣтилъ Мина Егорычъ, покачивая головою, — ну вотъ, напримѣръ, я теперь, ну куда я гожусь? скажи. Въ городъ съѣздить — такъ ужъ хуже этого наказанія, кажется, и не придумаешь для меня...

— Что-жъ? можетъ быть это общая фамильная черта нашего характера,—отвѣчалъ Михайла Минычъ, съ худо—скрытою улыбкою и продолжалъ: — Или напримѣръ возьмешь ружье и пойдешь шататься по лѣсу, вязнуть по болотамъ—одинъ одинешенекъ... Однажды и то дорого поплатился за эту глупость—заблудился на охотѣ, проблродилъ цѣлыя сутки и принужденъ былъ ночевать въ лѣсу на стогѣ сѣна. Была уже глубокая осень, я страшно продрогъ; но сойти боялся, и просидѣлъ до полудня, въ ожиданіи, не пріѣдетъ-ли кто за сѣномъ?.. Между тѣмъ, деньщикъ мой встревожился, обѣгалъ всѣ офицерскія квартиры и не найдя меня, объявилъ ротному. Тотъ сбилъ цѣлую деревню, и наконецъ му-

жики меня нашли... Только послѣ этой скверной штуки я цѣлый мѣсяцъ вылежалъ въ лазаретѣ.

— Эхъ ты шалунъ, шалунъ!—сказалъ отецъ, покачивая головою. Но сожалѣніямъ сестры и конца не было.

Все, что говорилъ Михайла Минычъ, была истинная правда; но причина, удалявшая его отъ товарищей, была не природная дикость, а безденежье. Оставшіяся послѣ матери пятьдесятъ душъ еще не были раздѣлены съ сестрою; опекуномъ былъ отецъ, хотя отчетами по опекѣ завѣдывалъ его пріятель, Иванъ Данилычъ, судья уѣзднаго суда. Мина Егорычъ высылалъ сыну денегъ очень мало и очень рѣдко, такъ что Миша перебивался однимъ жалованьемъ. Не любя входить въ долги и выказывать свою несостоятельность, онъ поневолѣ убѣгалъ забавъ молодежи, накидывалъ на себя нелюдимство и запирался. Товарищи звали его гордецомъ, хотя на самомъ дѣлѣ, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ получилъ бы отъ нихъ названіе добраго малаго, хорошаго товарища и проч...

Наконецъ Тетерины встали изъ за стола. Отецъ съ сыномъ ушли въ кабинетъ, Фаничка вышла въ коридоръ.

— Барышня, ангельчикъ, голубчикъ вы мой! Не прогнѣвайтесь вы на меня!..—сказала ключница, поймавъ ея руки и стараясь поцѣловать.

— Что такое, Ермолаевна?

— Ахъ вы птичка моя райская!. Виновата я, каюсь передъ вами,—вѣдь вино-то цѣло, такъ-таки три бутылки въ пескѣ и лежатъ... Барыня подавать не приказала: что,—говоритъ,—сегодня за праздникъ? что за гость дорогой пріѣхалъ?—такая безсовѣстная! Развѣ у насъ не дорогой гость—Михайла-то Минычъ?

— Богъ съ ними!—произнесла со вздохомъ дѣвушка, махнула рукой, и воротилась къ отцу въ кабинетъ.

VIII.

Комната, которую почему-то называли кабинетомъ Мины Егорыча, была узкая, длинная, съ однимъ окномъ, выходившимъ въ садъ. Кабинетныхъ принадлежностей въ этой комнатѣ была только черная, высокая, старинная конторка, принадлежавшая отцу Мины Егорыча, и на конторкѣ огромная фарфоровая чернилица, обдѣланная въ серебро. Тутъ же лежало нѣсколько счетныхъ и памятныхъ хозяйственныхъ тетрадокъ.—Всю глухую стѣну занималъ мягкій турецкій диванъ, съ подушками; въ углу стояло около девяти трубокъ съ длинными чубуками. Надъ диваномъ висѣлъ портретъ родителя Мины Егорыча. Покойный былъ изображенъ въ зеленомъ охотничьемъ кафтанѣ; но лице портрета обратилось отъ времени въ какое то бурое пятно, на которомъ отыскать глаза и носъ стоило большаго труда.

Чемоданъ, привезенный изъ города, находился тутъ же. На столѣ передъ диваномъ стоялъ массивный старинный подсвѣчникъ, въ видѣ очень легко одѣтой нимфы, поддерживающей надъ головою два шандала, въ которыхъ горѣли свѣчи, и лежалъ четвертый томъ Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, который Мина Егорычъ началъ читать со времени своего вдовства, и не успѣлъ прочесть до сихъ поръ, по своему обыкновенію, закрывая книгу безъ замѣтки и принимаясь за нее черезъ недѣлю, уже не помнилъ, гдѣ остановился, и начиналъ опять сначала. Но бывая въ городѣ, онъ обыкновенно говорилъ Ивану Данилычу:

— Я, братъ, исторію Карамзина читаю... Вотъ, братъ, пишетъ-то великолѣпно!—великолѣпно, братъ, пишетъ!..

Не успѣлъ Мина Егорычъ принять покойнаго положенія на диванѣ и спросить по обыкновенію трубку, какъ Аграфена Титовна появилась въ дверяхъ, выходившихъ изъ кабинета въ спальню.

— Время на покой, сказала она, вы и такъ сегодня устали, теперь ужъ полночь.

— Стало-быть врутъ часы, матушка, мнѣ еще спать не

хочется,—отвѣчалъ супругъ, обыкновенно рано завсегда ложившійся,—заболтался я сегодня съ дѣтьми... Ну что, какъ ты себя чувствуешь? какъ твоя голова, матушка? обратился онъ ласково къ женѣ.

— Стоитъ-ли много хлопотать о моей головѣ! сказала супруга сквозь зубы.

— Ты обо мнѣ заботишься... Ну что наша Машенька?

— Стоитъ-ли вспоминать о больномъ ребенкѣ, когда васъ окружаютъ красивые, здоровые дѣти,—проговорила Аграфена Титовна, съ ненавистью взглянувъ на пасынка.

— Не грѣши, матушка!—воскликнулъ Мина Егорычъ,—развѣ дѣти мнѣ не всѣ равны? Машенька—малютка, безгрѣшная душа, страдаетъ... Развѣ мнѣ не жаль ее?—продолжалъ онъ съ чувствомъ.—Она у насъ, Миша, больная... четыре года Богъ ножекъ не даетъ—не ходитъ...—обратился онъ къ сыну.

Но Миша не обратилъ большаго вниманія на слова отца и разсматривалъ подсвѣчникъ.

— Успокой ты, матушка, себя—почивай съ Богомъ; а коли не въ тягость, такъ побесѣдуй съ нами... мы очень рады... А я вотъ разскажу Мишѣ, зачѣмъ мы въ городъ ѣздили...—проговорилъ Мина Егорычъ.

У Аграфены Титовны вытянулось лице. Ей никакъ не хотѣлось объявлять пасынку причину поѣздки въ городъ и тѣ намѣренія, исполненія которыхъ она такъ горячо желала. Но дѣлать было нечего, не прикажешь мужу молчать! Пріѣзда пасынка она не предвидѣла и предупредить Мину Егорыча въ свою пользу не могла, теперь-же хитрить было не удобно, тѣмъ болѣе, что Тетеринъ все дѣлалъ прямо, на чистоту; притомъ-же, она знала, какъ онъ любилъ дѣтей. И такъ Аграфенѣ Титовнѣ покуда ничего не оставалось дѣлать, какъ остаться и узнать по этому дѣлу мнѣніе Михайлы Иваныча.

— Вотъ какое дѣло вышло, Миша!—началъ Тетеринъ, обращаясь къ сыну,—было у меня въ городѣ, на погребщикѣ Бобылинѣ десять тысячъ (ассигнаціями), проценты онъ мнѣ платилъ, ничего, порядочные... Вдругъ пишетъ мнѣ Иванъ Данилычъ, такъ и такъ,—говоритъ,—Бобылинъ слу-

жилъ бургомистромъ, упущеніе тамъ по службѣ какое то сдѣлалъ—чортъ его знаетъ; съ него,—говоритъ,—большой взыскъ будетъ... Эй, Ванька трубку!

Явился Ванька и раскурилъ барину трубку.

— Ну вотъ, продолжалъ Мина Егорычъ, пуская огромные клубы табачнаго дыма, вотъ эта вѣсть меня за сердце и хватила; чортъ знаетъ,—думаю:—ну какъ Бобылинъ-то покажетъ себя несостоятельнымъ, — денежки мои лопнутъ!.. Вотъ мы и собрались въ городъ; такъ и такъ: говорю я Бобылину,—Ѳома Ѳомичъ, деньги братъ мнѣ нужны... извольте, говоритъ,—Мина Егорычъ, съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ,—отъ насъ задержки не будетъ!.. Смотрю—и везетъ все сполна... мнѣ ужъ и стыдно стало, хотѣлъ деньги опять у него оставить... Да вотъ, Аграфена Титовна на меня напала!...

— Что-жъ? я худа вамъ желаю что-ли!—воскликнула Аграфена Титовна, сидѣвшая словно на иголкахъ.

— И, матушка! Что ты обижаешься... развѣ я говорю это? Я только хочу сказать, что ты мнѣ посовѣтовала:—чѣмъ оставлять деньги въ рукахъ какого нибудь купчишки, гдѣ онѣ могутъ сейчасъ же пропасть,—лучше купить на нихъ имѣньице—благонадежнѣе будетъ... Что ты на это Миша скажешь?

— Я теперь ничего не могу сказать... Вы больше знаете—какъ лучше сдѣлать, отвѣчалъ сынъ.

— Еремка! Ванька! кто тамъ? трубка погасла!

— И дѣло-то подходящее у меня въ виду есть,—говорилъ Мина Егорычъ, покуда лакей раскуривалъ трубку—Хлыщовъ Долинки продаетъ... Ты помнишь Миша деревушку Долинки, тутъ, у насъ въ сосѣдяхъ?

— Забылъ, отвѣчалъ Миша.

— Такъ вотъ я объ этихъ Долинкахъ и подумываю, —продолжалъ Тетеринъ, принимаясь за трубку. Конечно, крестьяне очень бѣдные... да ничего—дѣло поправное; зато земля кладъ... Что ты скажешь Миша?

— Объ этомъ надобно подумать, папенька, сказалъ сынъ, котораго началъ уже одолѣвать сонъ.

— Конечно, конечно, и посмотрѣть, и поговорить надобно,—

я васъ задержалъ дѣти... Аграфена Титовна, утомилась матушка... да вотъ еще деньги нужно убрать на мѣсто...

— Эй, Ванька! подай-ка шкатулку изъ чемодана!

Лакей исполнилъ приказаніе.

— Да вы, шельмы, совсѣмъ не смотрите за чубукомъ— засорился совсѣмъ; прочисть сейчасъ-же!... Иванъ отошелъ къ окну и принялся за операцію.

Между тѣмъ баринъ отперъ шкатулку и сталъ повѣрять деньги, причемъ глаза Аграфены Титовны зорко слѣдили за движеніемъ мужниныхъ рукъ.

— Ну вотъ какъ есть десять тысячъ!.. — воскликнулъ Мина Егорычъ, свернувъ опять пачку и укладывая ее въ шкатулку.—А я думаю, что за Долинки еще придется прибавить... а вотъ это отъ городскихъ расходовъ и покупокъ осталось... И Тетеринъ принялся считать другую небольшую пачку, въ которой оказалось рублей двѣсти сер., изъ которыхъ отдѣливъ рублей тридцать, онъ подалъ ихъ женѣ, прибавивъ:

— А это, матушка, тебѣ, на домашніе расходы.

— Зачѣмъ мнѣ? ненужно... заприте и ихъ..., сказала Аграфена Титовна, отталкивая деньги. Болѣе она ничего не могла выговорить, слезы досады душили ее; она проклинала въ душѣ болѣе всего свою непредусмотрительность.

— Ненужно теперь, — въ другой разъ возьмешь, замѣтилъ простодушно супругъ, запирая деньги въ шкатулку, и приказалъ сыну убрать ее въ одинъ изъ большихъ ящиковъ конторки.

— Ты что смотришъ, братъ? — заговорилъ отецъ, когда Михайла Минычъ подалъ ему ключъ, хотя послѣдцій смотрѣлъ самымъ сонливымъ окомъ. Ты думаешь, что у насъ всего и достоянія что это? Нѣтъ, братъ, Миша, есть еще и въ ломбардѣ, и еще на двухъ пріятеляхъ есть... Мы, братъ, тутъ въ деревнѣ сиднемъ-сидимъ — тратить намъ не куда... а дома держать не люблю... Мнительность имѣю такую... на разные несчастные случаи расчитываю... Кромѣ того и съ вашего материнскаго имѣнія капиталъ... Ну да что толковать! Иванъ Данилычъ хоть завтра тебѣ отчеты представитъ... Я, братецъ, тутъ сижу... а дѣла идутъ—благодареніе

Богу... я думаю, дѣти, на опекуна своего не пожалуетесь.... Голосъ Мины Егорыча дрожалъ.

— Что вы, папенька! воскликнули въ одинъ голосъ сынъ и дочь.

— Ну теперь идите, почивайте съ Богомъ, утро вечера мудренѣе, продолжалъ отецъ, перекрестивъ дѣтей, которые цѣловали у него руки. Фавета Минишна простилась и съ мачихой; но подпоручикъ сухо поклонился — и вскорѣ всѣ разошлись. Комнаты Михайлѣ Минычу были приготовлены во флигелѣ.

— Черти!!!..—произнесла энергично Аграфена Титовна, входя въ спальню и сбрасывая съ себя чепчикъ, — вотъ и останешься на бобахъ... Маша моя ненадежная наслѣдница... имѣніе все родовое... деньги по документамъ... А кто виноватъ? все сама кругомъ виновата... сама о себѣ не заботилась... ничего не успѣла придумать прочнаго для себя Аграфена Титовна–вислоухая баба... больше ничего!... И она плакала, предчувствуя, что Долинки, которыя она желала закрѣпить на себя, уйдутъ отъ нея, потому что Михайло Минычъ проживетъ у нихъ долго... И она предположила употребить всѣ силы, чтобъ отклонить мужа отъ покупки имѣнія.

Комната Фанички находилась въ мезонинѣ, худо–меблированная, съ голыми закоптѣлыми стѣнами и бѣлымъ пологомъ надъ простою деревянною кроватью. Когда на слѣдующее утро молодая дѣвушка проснулась, яркіе лучи солнца сквозили уже сквозь бѣлыя шторы въ окнахъ, и она снова закрыла глаза, какъ будто припоминая, не приснился·ли ей вчерашній вечеръ? не во снѣ-ли видѣла она брата? Но увѣрившись въ дѣйствительности факта, дѣвушка съ благоговѣніемъ обратила глаза на портретъ матери, висѣвшій на противоположной стѣнѣ — и сказала вслухъ:

— Ахъ, маменька, маменька, еслибы вы были живы, какъ бы вы обрадовались пріѣзду Миши!

Лукерья Ивановна ласково смотрѣла на дочь, изъ своей золоченой и полинявшей рамки—и, казалось, улыбалась.

— Однако, я кажется проспала — замѣтила сама себѣ Фаничка, и въ одной кофточкѣ выпрыгнувъ изъ постели,

подошла къ окну и подняла штору. Яркій свѣтъ ослѣпилъ ее, она отскочила.

— Съ добрымъ утромъ-съ, барышня! я все боюсь войти, думаю вы почиваете,—сказала вошедшая Ѳекла; какое платье прикажете вамъ приготовить-съ?

— Вотъ странный вопросъ! Развѣ ты не знаешь, какое платье я ношу теперь? сказала барышня, указавъ на лежавшее на стулѣ черное платье.

— Богъ съ вами, барышня, а ужъ кажется для теперешняго праздника, для братцева пріѣзда,—вамъ можно не только бѣлое кисейное платье надѣть, а даже и розовое.

— Выдумала, нечего сказать... перестань вздоръ болтать,—пора одѣваться — сказала барышня, садясь передъ своимъ скуднымъ туалетомъ и развязывая чепчикъ; причемъ густая, шелковистая коса спустилась на спину. Ты не знаешь, Ѳеклуша, братецъ всталъ?

— Ваня мнѣ сказалъ, что еще почиваютъ-съ.

— А папенька?

— Не могу знать-съ. Барыня такъ давно ужъ встали-съ. Говоря это, Ѳекла какъ-то странно оскалила зубы. Фаничка взглянула на нее.

— Скажи пожалуйста, зачѣмъ ты такъ странно показываешь зубы, будто съѣсть кого хочешь... это не хорошо...

— Виновата-съ, барышня, дурная привычка-съ,—проговорила горничная, вооружась гребнемъ и принимаясь расчесывать косу Фанички.

— Вы, барышня, у насъ здѣсь безъ малаго три мѣсяца живете и все черное платье носите-съ, а цвѣтное-то, какъ я думаю, вамъ было бы къ лицу-съ!—продолжала Ѳекла.

— Нельзя этого, Ѳеклуша, только три мѣсяца, какъ тетенька скончалась... а я такъ ей много обязана... я намѣрена цѣлый годъ носить по ней трауръ.

— Полноте сударыня-съ! Если вы, напримѣръ, надѣнете сегодня бѣлое платье-съ, повѣрьте, ваша покойная тетенька не осердится на это, увѣряю васъ...

— Фаничка засмѣялась. Ахъ какая ты безотвязная! ну,

положимъ, вдругъ пришла бы мнѣ такая фантазія—тогда что? тогда маменька первая-бы осудила меня...

Ѳекла глубоко вздохнула.

— Мало того, она упрекнула бы меня въ неуваженіи къ памяти покойницы—въ холодности къ ней...

Горничная еще глубже и звучнѣе вздохнула.

— Что ты вздыхаешь?

— Да какъ барышня не вздыхать-то, сердце болитъ—ей Богу-съ... какъ подумаешь, кого только вы маменькою-то называете-съ? Вѣдь онѣ вашего мизинчика не стоятъ-съ?... Ѳекла понизила голосъ.

Фаничка нахмурила брови.

— Кто тебѣ далъ `право говорить такъ? сказала она, стараясь придать своему мягкому голосу какъ можно болѣе строгости.

— Виновата я, барышня... Прибейте меня; возьмите да такъ и прибейте... я ваша и воля надо мной ваша—прибейте!.. — говорила хитрая дѣвка, наклоняя къ барынѣ свои румяныя щеки, въ полной увѣренности, что ей ничего не сдѣлаютъ. По щекамъ меня, а все буду говорить, какъ вамъ угодно-съ, барыня вамъ недоброжелательница; вся дворня видитъ, какъ онѣ притѣсняютъ васъ... Вы можетъ еще не изволите знать, за кого онѣ васъ замужъ прочатъ-съ?

У Фанички забѣгали мурашки по кожѣ, физіономія ея смягчилась, она вопросительно взглянула на горничную.

— За Фирса Иваныча Деревяшкина-съ!

— Боже мой... да это звѣрь! — вырвалось невольно у дѣвушки; ты врешь вздоръ, Ѳеклуша?

— Вотъ же отсохни мой языкъ, если я лгу!.. сударыня, я своими ушами слышала, они объ этомъ разговаривали съ Анисьей Ивановной Кутихиной-съ.

Теперь барышня въ свою очередь вздохнула.

— Вы тутъ сударыня почиваете, словно ангелъ Божій,—продолжала Ѳекла,—а барыня встали въ пять часовъ — да десять человѣкъ ужъ плакать заставили, по всему дому кутермы надѣлали... Ахъ ты Господи!—какой крикъ подняли,—въ дѣвичьей Маринка да Мавра вдругъ обѣ заревѣли... Я, признаться, не вытерпѣла, думаю: васъ разбудятъ, и гово-

рю,—перестань Маринка,—барышня почиваетъ... И, батюшки-свѣты!... оставивши ихъ, барыня да сейчасъ же на меня: и грубіянка я, и на скотный дворъ меня, и косу мнѣ обрѣзать грозили. Ну, думаю, — ничего этого барыня не сдѣлаетъ, у меня своя барышня есть, — неужели не защитятъ!... Горничная поцѣловала руку Фанички. Послѣдняя сидѣла потупившись, и слушала грустный разсказъ, который признавала за справедливый и который огорчалъ ее страшно.

— А ужъ какъ пошла барыня на кухню, заговорила снова Ѳекла,—да напали тамъ на повара,—такъ онъ имъ и отвѣтилъ хорошо:—сударыня,—говоритъ,—теперь молодой баринъ пріѣхалъ,—такъ онъ пусть меня и наказываетъ... А я не вашъ,—я ихней маменьки-съ;—такъ и отошла. Потомъ отправились на скотный дворъ, и тамъ тоже безъ перетуры не пройдетъ-съ...

— Какъ все это гадко...—сказала грустно Фаничка, вставая, потому что голова ея была уже убрана.

— Вы знаете, барышня, что я себѣ обновку сшила—кисейное платье; къ Ильину дню—и платочикъ купила... Вѣдь я не воровала, я по праздникамъ трудилась,—всѣ знаютъ... и что-жъ? барыня какъ узнали, и говорятъ,—дворовой дѣвушкѣ не слѣдуетъ такъ франтить, да еще,—будто мнѣ все это Семеновскій управляющій подарилъ... Сами посудите,—съ какой стати онъ мнѣ дарить будетъ-съ?...—Но взглянувъ на барышню, Ѳекла замолчала невольно.

Послѣдняя глядѣла на нее строго, подавляя волненіе отъ негодованія.

— Довольно!..—произнесла она слегка дрожащимъ голосомъ,—я требую, чтобъ ты не смѣла передо мною болтать вздоръ... Но тебѣ никто не можетъ запретить носить твои обновки.

Вскорѣ Фаничка сошла внизъ. Братъ уже ждалъ въ столовой, чтобъ его напоили чаемъ, потому что самоваръ давно кипѣлъ, но никто не являлся.

Братъ и сестра весело поздоровались, и пошли было въ кабинетъ къ отцу; но слуга объявилъ, что Мина Егорычъ провелъ ночь безъ сна, безпрестанно пилъ холодное пиво,—

чувствуя жажду. И на разсвѣтѣ ходилъ въ саду по росѣ, босыми ногами, жалуясь на сильный жаръ.

Фаничка встревожилась, прислушиваясь къ короткому и жаркому дыханію отца. Въ сердце дѣвушки мелькнуло какое-то недоброе предчувствіе.

Пользуясь отсутствіемъ мачихи, съ которою желали какъ можно рѣже встрѣчаться, молодые люди поспѣшили поскорѣй напиться чаю—и сошли въ садъ.

Желтые ноготки и барская спесь ярко пестрѣли на солнцѣ. Въ небольшомъ цвѣтникѣ, разбитомъ по обѣимъ сторонамъ балкона, колокольчики покачивались отъ легкаго вѣтерка. Широкая аллея изъ старыхъ густолиственныхъ липъ съ трехъ сторонъ огибала садъ, средину котораго занимали фруктовыя деревья и линіи ягодниковъ. Словомъ, въ саду Тетериныхъ было соединено, по возможности,—какъ говорятъ,—полезное съ пріятнымъ.

— Не ожидалъ я тебя Фаничка здѣсь встрѣтить... да какъ ты выросла!—говорилъ Михайла Минычъ, идя по аллеѣ подъ руку съ сестрою.

— И не встрѣтилъ-бы, еслибъ тетенька была жива... Ахъ Господи Боже мой! ты представить себѣ не можешь, мой другъ, какъ меня поразила ея смерть... отвѣчала грустно сестра.

— Очень вѣрю... Она такъ любила тебя.

— Мало того... если я не осталась какою нибудь деревяшкою, то, конечно, всѣмъ этимъ ей обязана.

— Куда-жъ послѣ покойницы дѣвалось имѣніе?.. Вѣроятно, отказала тебѣ?

— Какое-же имѣніе, Миша? Развѣ не знаешь, что все ея имѣніе состояло въ пенсіонѣ послѣ мужа....

— Я это знаю. Но по крайней мѣрѣ домашній скарбъ?

— Домашнюю рухлядь всю продали съ аукціона, потому что тетенька имѣла долги.

— Неужели? Я этого никогда не подозрѣвалъ.

— Она никогда никому о томъ не говорила, а между тѣмъ расходы превышали доходъ. Одно мое воспитаніе чего ей стоило! плата за меня въ пансіонъ, потомъ учителю музыки... Ахъ, никогда не забуду я—чѣмъ ей одолжена!—

— Неужели папенька ничего ей не присылалъ для тебя?—

— Тетенька говорила, что сначала присылалъ, а потомъ перестал, когда женился.

— Гмъ!.. и мнѣ сначала хоть не много, а все-таки пришлетъ; а потомъ почти ничего... Я думаю, что подъ старость онъ сдѣлался скупѣе,—вѣдь это со многими стариками бываетъ,—замѣтилъ Михайла Минычъ, закуривая сигару.

— Ахъ нѣтъ, мой другъ, не грѣши!

— Скажи-же пожалуйста, что причиною такой беззаботности о дѣтяхъ? Вѣдь мы довольно богаты.

— Дѣло очень простое... папенькѣ не совѣтовали давать тебѣ много денегъ, подъ предлогомъ, что деньги балуютъ молодаго человѣка. Фаничка наклонилась сорвать какую-то травку.

— Такіе экономически-мудрые совѣты вѣроятно давала Титовна?—Подпоручикъ нахмурилъ брови.

— Миша, можно-ли такъ выражаться!—сказала сестра съ упрекомъ и оглядываясь на всѣ стороны.

— Что-жъ? Я еще покуда ни чѣмъ не оскорбилъ жены моего отца... Но оставимъ это; теперь обращаюсь къ тебѣ: какъ ты поживаешь здѣсь?

— Ничего... Я какъ папеньку воображала, такимъ и нашла,—онъ очень добрый.

— Кажется ужъ слишкомъ... Да что ты тутъ подѣлываешь?—

— Учусь хозяйству, и оказываюсь самой непонятной ученицей.—Фаничка вздохнула.

— Учись, вѣдь помѣщицей будешь... Ну, а на фортепьяно играешь?

— Какое-же фортепьяно, когда мнѣ послѣ тетеньки выдали только мои собственныя платья... Правда, папенька хотѣлъ купить мнѣ въ городѣ подержаный флигель, но маменька не хочетъ, говоритъ, что отъ моей игры никому въ домѣ покоя не будетъ...

— Михайла Минычъ что-то проворчалъ, чего сестра не дослышала, и сталъ кусать губы.

— Ну, а тетенькины канарейки? Кому онѣ достались?— спросилъ онъ вдругъ, подавляя какое-то непріятное чувство, которое имъ мгновенно овладѣло.

— Канарейки купилъ Ксенофонтъ Павлычъ. Ты помнишь Ксенофонта Павлыча?

— И очень хорошо помню эту худощавую фигуру, въ полиняломъ фракѣ. Явившись къ тетенькѣ, онъ обыкновенно съ полчаса любовался канарейками, хвалилъ ихъ пѣніе, цвѣтъ, хохолки, потомъ садился въ уголъ, промалчивалъ часа два— и уходилъ... такъ?

— Да, преоригинальный... Зато акуратно къ намъ являлся каждое воскресенье, и если пропускалъ день, то мы посылали навѣдываться о его здоровьѣ. Кстати, гдѣ-то здѣсь въ сосѣдяхъ живетъ въ деревнѣ князь Ерошкинъ, хорошій знакомый тетеньки. Когда я уѣзжала въ деревню, онъ говорилъ, что онъ сосѣдъ по имѣнію съ моимъ папенькой. Я говорила объ этомъ папенькѣ, и онъ все сбирается сдѣлать князю визитъ; но вѣроятно долго не сберется,— хоть бы ты мой другъ съѣздилъ къ нему.

Михайла Минычъ обѣщалъ.

Когда молодые люди воротились, Мина Егорычъ стоналъ въ кабинетѣ, и кричалъ на лакея,—чтобъ онъ ему побольш льду въ пиво положилъ.

Дочь бросилась къ отцу!—Что вы, папенька?

— Что-то худо, Фаничка, жажда мучитъ,—отвѣчалъ онъ,— да вонъ, Еремка скотъ, еще меня теплымъ пивомъ поитъ.

— Въ васъ жаръ, сильный жаръ!—вскричала въ испугѣ дѣвушка, цѣлуя руку отца и слегка дотрогиваясь до его головы, которая пылала:—какъ можно пиво пить! Вамъ нужно сдѣлать лимонадъ.

— Нужно, папенька, принять заблаговременно мѣры,— говорилъ сынъ.

— Не поставить-ли горчичники?

— Не послать-ли за докторомъ?

— Перестань дурочка съ своимъ лимонадомъ.. ничего не пью, кромѣ пива... Приступили дураки ко мнѣ съ лекарствами; право, посторонній кто нибудь сейчасъ-бы подумалъ, что я болѣнъ... ха,ха, ха... Но смѣхъ Мины Егорыча порвался, въ груди послышался какой-то хрипъ.

— Эй, Еремка, трубку!

Но и трубка была скоро брошена; Мина Егорычъ метался.

Онъ сбросилъ съ себя одѣяло и перевернулъ подушку, жалуясь на духоту.

— Вы больны, папенька!..—говорила Фаничка, уже не могши скрыть сильнаго волненія.

— Эхъ вы глупенькіе, привязались, одно твердятъ... Ну чтожъ, ну болѣнъ немножко, въ роту сохнетъ—жаръ чувствую... Ну такъ что жъ за важное дѣло! экая болѣзнь!..—стоялъ на своемъ Мина Егорычъ.

Но Тетеринъ напрасно храбрился; утренній сонъ его былъ не что иное, какъ горячичное забытье. Михайла Минычъ смотря на отца, замѣтилъ въ немъ странную перемѣну. Лице Мины Егорыча побагровѣло, порою онъ какъ-то дико озирался.

Вошла охрипшая отъ крику Аграфена Титовна, и увидя мужа больнымъ, завопила:

— А что, не говорила-ли я вамъ вчера, что распотѣвши ноги ставить въ холодную воду глупость... Вотъ вамъ и рѣчка, и прохлада ваша, вотъ и болѣзнь схватили, себя не бережете!..

— Ну, матушка, пошла рацеи читать!—сказалъ Мина Егорычъ, и опять запросилъ льду.

Михайла Минычъ сію же минуту распорядился, а Иванъ въ какой-то бричкѣ, тройкою, поскакалъ поспѣшно за врачемъ,—въ ближній уѣздный городъ, отстоящій отъ усадьбы въ пятнадцати верстахъ. Но черезъ часъ Мина Егорычъ уже говорилъ какія-то безсвязныя рѣчи и не узнавалъ никого, называя Фаничку Лушенькою.

Пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ больнаго, и не желая тревожить домъ, отозвалъ Михайлу Миныча въ сторону, и объявилъ ему, что больной опасенъ, что у него сильное воспаленіе, что онъ приметъ всѣ средства, зависящія отъ науки, но за успѣхъ не ручается.

Сынъ повѣсилъ голову; Фаничка горько плакала, хотя докторъ и увѣрялъ ее, что больной внѣ всякой опасности. Аграфена Титовна суетилась; сама обкладывала мужа горчичниками, дѣлала прохладительныя питья и сбила съ ногъ всю прислугу.

IX.

Въ это самое утро старикъ Майскій проснулся поздно, и первая его мысль была о Васильѣ:

— Гдѣ-то мой Васютка теперь?—думалъ онъ,—что-то онъ бѣдный дѣлаетъ? приняли ли его у барыни, и что это за мысль вчера пришла въ голову мнѣ... Вдругъ мнѣ подумалось... барыня молодая... вдова... онъ мальчишка—ничего, чистенькій... Тьфу ты дьявольское навожденіе!... Васьянъ Яковличъ отплевался.—И съ чего я взялъ? Васютка, кажись, парень не балованный! Можетъ, и въ учители приглашали; можетъ и счастье ждетъ; а можетъ, сегодня онъ и ко мнѣ вернется....

Не видя въ сторожкѣ своего нѣмаго товарища, Яковличъ выглянулъ за окно, за дверь, и потомъ, заперевъ дверь на крючекъ, досталъ изъ сундука свою жилетку и принялся распарывать ея лѣвый карманъ. Тамъ была зашита двадцатипятирублевая ассигнація—весь капиталъ, скопленный Яковличемъ на старость, въ продолженіи своей жизни. Много нужды терпѣлъ Майскій, часто голодалъ и дрожалъ отъ холода; не разъ чувствовалъ страшное желаніе выпить водочки, и подавлялъ его, когда не имѣлъ мелкихъ, кромѣ этого завѣтнаго, неразмѣннаго сокровища, которое онъ берегъ на черный день. Иногда плакалъ о бѣдномъ положеніи Василья; но помочь сыну этими двадцатью пятью рублями онъ крѣпился, увѣренный въ томъ, что уже не приведется скопить ихъ снова. Яковличъ постоянно носилъ бумажку при себѣ, отчего ассигнація обветшала, протерлась и замаслилась. Пользуясь отсутствіемъ нѣмаго, онъ иногда ее осматривалъ; такъ было и теперь. Разгладивъ ее тщательно и налюбовавшись до-сыта, старикъ обратилъ къ бумажкѣ рѣчь, какъ будто къ живому существу:

— Голубка ты моя, исхудала, износилась.... Надобно-бы тебя на новенькую обмѣнять, да у насъ на селѣ нельзя этого сдѣлать, какъ разъ прозвонятъ, что у Яковлича деньги есть.... А чуть-было я тебя по боку не шарахнулъ

въ городѣ,—ишь сибирка-то больно приглянулась. А Иванко—то и правду говоритъ, къ чему старику щегольство, лучше денежку беречь на всякій случай, съ собственной копѣечкой вездѣ хорошо... Ну-ка, голубка, до поры, до времени, поди покуда на старое мѣсто...—И Яковличъ снова спряталъ ассигнацію въ карманъ, снова зашилъ и опять убралъ жилетку въ сундукъ. Потомъ, не дождавшись товарища, позавтракалъ хлѣбомъ съ лукомъ и выпилъ бутылку пива за здоровье Мины Егорыча.

Воротился нѣмой, и замѣтивъ на столѣ пустую бутылку, тщательно ее обнюхалъ, и смотря съ упрекомъ на дьячка, покачалъ головою, какъ будто выговаривая, что послѣдній его не угостилъ.

— Нечего дѣлить-то было, Дёма!—отвѣтилъ старикъ. (Читатель, я думаю, помнитъ, что нѣмой не утратилъ слуха).—А вотъ коли доживемъ до будущаго воскресенья, и заберемся съ тобою въ Тетерино... такъ, Мина Егорычъ не только пивомъ, да и водочкой прикажетъ насъ попотчивать!..

Демидъ ухмыльнулся, радостно потеръ руки и поднялъ кверху три пальца, что̀ означало число дней, оставшихся до воскресенья.

Належавшись до-сыта въ сторожкѣ, Васьянъ Яковличъ вышелъ въ поле; пришелъ къ дьячку на полосу, погуторилъ съ толстою дьячихою, которая жала рожь, и похвастался передъ нею тѣмъ, что вчера въ дорогѣ пилъ съ Миной Егорычемъ Тетеринымъ чай,—что добрый помѣщикъ даже изъ своихъ рукъ водочкой его попотчивалъ, а барыня сама чай ему наливала, и проч... Потомъ зашелъ къ старостѣ на дворъ, гдѣ ему дали каравай, кринку сметаны и ведро квасу. Нагруженный этими припасами, старикъ воротился въ сторожку, плотно пообѣдалъ и вышелъ за ворота ограды поджидать Василья.

Между тѣмъ въ отсутствіе стараго сторожа, священника села Захарьина увезли съ требою въ Тетерино.

Долго лежалъ Яковличъ на мягкой муравѣ за оградою въ полудремотномъ состояніи. Много прошло и проѣхало мимо его народу, а сына все не было. Вотъ ужъ и солнце

стало западать за лѣсъ, и совсѣмъ оно запало,—свѣжо стало въ воздухѣ. Крестьяне шли съ поля и мѣнялись поклонами съ старымъ дьячкомъ. Вотъ прошла ватага дѣвушекъ съ серпами въ рукахъ, распѣвая заунывную пѣсню, полную тоски—разлуки. Знакомый намъ лысый Афанасій подошелъ къ Яковличу.

— Добраго здоровья! Ну что твоя лошадка, Афанасій Митричъ?—спросилъ сторожъ.

— Не отыскивается, Васьянъ Яковличъ; съ ногъ сбились—значитъ пустякъ сказали. Говорятъ, въ Горкахъ видѣли, сынъ и въ Горки ѣздилъ,—нѣтъ какъ нѣтъ—слѣдъ простылъ. Тетеринскій кучеръ сказывалъ, будто Быхтѣевскаго мельника повстрѣчалъ; точь-въ-точь, говоритъ,—на твоей лошади... мы и въ Быхтѣевку—посмотрѣли, лошадка значитъ какъ есть моя,—а нѣтъ, не она... У моей правая нога передняя, отъ самаго колѣнка до копыта, бѣлая, а эта вся какъ есть гнѣдая—ни отмѣтинки...—говорилъ жалобнымъ голосомъ мужикъ.

— Жалко, Митричъ, жалко!..

Какъ не жалко, Васьянъ Яковличъ! жеребчикъ-то доморощенный; и вѣдь ужъ истинная *оказея* случилась—куда бы кажется дѣваться-то ей... Пріѣхалъ я, знаешь, съ поля, выпрягъ, да и пустилъ на задворку, пусть молъ погуляетъ, пока ужинаемъ... Хвать послѣ ужина,—не тутъ-то было... ну такъ и думали, лошадь молодая, играетъ,—знать за загородь перескочила... Мы тотъ же часъ въ поле и въ лѣсъ... И вотъ до сихъ поръ ищемъ,—знать попущеніе Божіе на насъ грѣшныхъ!..

Поклонился лысый мужичекъ и ушелъ, а Яковличъ все еще поджидалъ сына. Сумерки окутывали окрестности мракомъ и молчаніемъ, дневная суета стихала; гдѣ-то въ полѣ скрипѣла одинокая телѣга; на селѣ лаяли собаки. Сѣрые, деревянные кресты на погостѣ приняли еще болѣе мрачный, еще болѣе грустный оттѣнокъ; только ярко бѣлѣла между ними небольшая мраморная пирамида, надъ прахомъ Лукерьи Ивановны Тетериной, да церковь рѣзко обрисовывалась на темнѣющемъ фонѣ вечерняго неба.

Въ сторожкѣ Демидъ приготовлялъ ужинъ и робко по-

глядывалъ въ окно на бѣлую пирамиду, которая по вечерамъ ему всегда казалась покойникомъ въ саванѣ. Хотя днемъ онъ очень равнодушно ходилъ по могиламъ, но въ сумерки воображеніе нѣмаго всегда настраивалось на всевозможные ужасы; каждый звукъ, каждый нечаянный шорохъ сводилъ его съ ума. И теперь Демидъ, ежеминутно вздрагивая, роптал въ душѣ на Яковлича, что онъ долго нейдетъ. Вдругъ у дверей зацарапалась кошка, жившая постоянно въ сторожкѣ. Этого довольно было для того, чтобъ ужасъ окаменилъ парня на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что въ ту же минуту дверь при входѣ Яковлича распахнулась; нѣмой, ничего не видя предъ собою, какъ стоялъ, такъ и присѣлъ. Насилу дьячекъ успокоилъ его; и долго еще послѣ этого Демидъ царапалъ ногтями по столу, показывая, что онъ слышалъ; причемъ старикъ догадался показать на кошку и выбранилъ труса.

— Не пришелъ сегодня Васютка... что-то Богъ дастъ!— замѣтилъ самъ себѣ старикъ, послѣ ужина отправляясь на дозоръ, вокругъ церкви, между тѣмъ какъ его товарищъ закутывался на постели, чтобъ не услышать или не увидѣть чего нибудь страшнаго и усердно крестилъ свою подушку.

Яковличъ ударилъ нѣсколько разъ въ сторожевой колоколъ, обошелъ церковь, и въ два часа за полночь храпѣлъ уже въ-запуски съ нѣмымъ.

Часовъ въ шесть утра нѣмой усердно толкалъ подъ бокъ своего стараго товарища.

— Что тамъ, аль опять что причудилось?—сказалъ сердито Яковличъ, проснувшись и протирая глаза.

Демидъ перекрестилъ воздухъ, что у него означало, что онъ говоритъ о попѣ, и показалъ рукою въ ту сторону, гдѣ была усадьба Тетериныхъ. Потомъ сложилъ руки на груди, закрылъ глаза и запрокинулъ голову назадъ.

— Умеръ! но кто же умеръ?—спрашивалъ старикъ, очень хорошо понимавшій пантомины нѣмаго. Демидъ отдулъ щеки, сложилъ руки и отдѣлилъ ихъ отъ живота на довольное разстояніе, показывая толщину тучнаго человѣка, и опять закрылъ глаза.

— Толстый умеръ... Кто-жъ? не понимаю!—сказалъ съ досадою Яковличъ.

Нѣмой отчаянно махалъ руками и показывалъ пальцемъ въ окно на памятникъ Лукерьи Ивановны.

— Не понимаю, ничего не понимаю; пошелъ съ своимъ маханьемъ... А вотъ кто нибудь придетъ и скажетъ, говорилъ дьячекъ.

Нѣмой промычалъ что-то и плюнулъ, очевидно, сердясь на тупость своего товарища.

Спустя немного, вошелъ въ сторожку Иванъ садовникъ, онъ же и лакей Тетериныхъ.

— Здравствуй дѣдушка!—сказалъ онъ, обращаясь къ Яковличу. Баринъ приказалъ тебѣ долго жить... барыня прислала меня за тобою читать по покойникѣ.

— Какой баринъ, Ванюша?.. какая барыня?—спрашивалъ въ недоумѣнiи, хлопая глазами, Яковличъ.

— Какой баринъ? нашъ баринъ Мина Егорычъ Тетеринъ; чай зналъ его... говорю тебѣ — приказалъ долго жить... повторилъ лакей внятно.

— Баринъ! Мина Егорычъ! Мина Егорычъ! воскликнулъ дьячекъ, растопыривъ руки.— Да, я съ Миной Егорычемъ, третьяго дня подъ большимъ мостомъ, на Княгининѣ ручьѣ чай пилъ...

— Что-жъ мудренаго! можетъ быть; третьяго дня они изъ города воротились, а сегодня въ три часа утра упокоились!.. говорилъ Иванъ. Однако ты меня дѣдушка не задерживай, мнѣ пора... Мнѣ приказано: коли ты не пойдешь, такъ въ Семеновку, за Архиповымъ съѣздить... (Отставной солдатъ, занимающiйся тою-же профессiею).

Это извѣстiе страшно поразило стараго дьячка. Онъ покачивалъ сомнительно головою, какъ будто не вѣря, что онъ все это слышитъ наяву.

— Такъ что-жъ, ѣдешь или нѣтъ?

Голосъ лакея привелъ Яковлича къ полному сознанiю Господи Боже мой! воскликнулъ онъ слезливымъ голосомъ, — Мина Егорычъ! что я слышу!.. А шутилъ, шутилъ со мною... и Яковличъ поспѣшно надѣлъ свою полосатую жилетку и желтобурую сибирку, пригладилъ пучокъ, досталъ

съ полки старую растрепавшуюся отъ частаго употребленія псалтирь, завернулъ ее въ ветхое полотенце—и пошелъ за Иваномъ.

Демидъ выбѣжалъ за ними, когда уже Яковличъ съ лакеемъ садились за оградою въ телѣгу. Нѣмой махалъ руками, стараясь выразить вопросъ: пріѣдетъ-ли Яковличъ къ ночи?

— Нѣтъ, не буду, и не жди!.. отвѣчалъ старикъ.

Парень въ ужасѣ развелъ руками; лошадь тронулась.

— Ахъ Мина Егорычъ!..—твердилъ дорогою старикъ. Ну какимъ-же образомъ, Иванушка, случилось у васъ такое несчастіе?

— Случилось, дѣдушка, да и все тутъ... видно, отъ смерти не уйдешь, что дѣлать!.. Третьяго дня къ намъ и баринъ молодой пріѣхалъ, да папеньку у смерти не отнялъ...

— Пріѣхалъ?.. ай, ай, ай!—точно зналъ... А ужъ видно, круто барина свернуло?

— И очень круто. Однако лекарь былъ; да что!—не помогъ ничего... А отецъ Андрей уже барина засталъ безъ языка; только успѣли отходную отчитать—сейчасъ-же и конецъ пришелъ.

— Охо, хо, хо!.. а вѣдь баринъ-то добрый былъ?

— Ничего отъ него худа не видали; только покойникъ больно барынѣ волю далъ... Ну, да я думаю теперь перемѣна большая будетъ при Михайлѣ Миничѣ...

Наконецъ пріѣхали.

Когда Яковличъ вошелъ въ залу, Мина Егорычъ, недавно еще здоровый и веселый, безмолвно лежалъ на столѣ, подъ бѣлою простынею.

Фаничка, уговариваемая Ѳеклушей, истерично рыдала въ креслахъ. Въ углу сидѣлъ Михайла Миничъ, закрывъ лице руками. Изъ гостиной слышался плачъ Аграфены Титовны. По комнатамъ сновала прислуга съ заплаканными лицами; одни плакали изъ жалости, другіе по увлеченію, третьи потому, что не плакать какъ то не ловко, когда всѣ плачутъ.

Старый дьячекъ помолился на образъ, поклонился тѣлу, потомъ господамъ, которые не замѣтили его прихода, и

сталъ смиренно въ уголку. Пришла ключница съ пукомъ восковыхъ свѣчей, и сунувъ ихъ въ руки Яковличу, указала ему на маленькій столикъ въ головахъ покойника. Читальщикъ засвѣтилъ свѣчку передъ образомъ, надѣлъ очки, раскрылъ книгу и уныло монотонное чтеніе раздалось за упокой души раба Божія болярина Мины.

Рыданья Фанички смолкли; она встала на колѣни и начала молиться.

Когда вынесли въ залу тѣло Мины Егорыча, Аграфена Титовна приказала дверь изъ кабинета въ спальню запереть на ключъ и заставить комодомъ, какъ будто боясь, чтобъ тѣнь мужа не пришла къ ней изъ кабинета. Но несмотря и на эту предосторожность, печальная вдова перебралась наверхъ въ дѣтскую. Михайла Минычъ заперъ всѣ ящики конторки и ключи взялъ къ себѣ. На этотъ разъ между пасынкомъ и мачихою не послѣдовало никакихъ столкновеній; семья знала, что кромѣ тѣхъ денегъ, которыя находились въ шкатулкѣ, въ наличности не было и ста рублей. Документы-же всѣ были такого рода, что утайки не могло быть ни съ той, ни съ другой стороны. И такъ, пораженная скоропостижною смертью мужа, Аграфена Титовна только плакала, обнимая свою больную сиротку, предоставивъ Михайлѣ Минычу хлопотать о похоронахъ отца. Какъ поразила смерть отца Фаничку, еще такъ не давно схоронившую любимую тетку, и говорить нечего. Сынъ тоже хотя не рыдалъ громко, но не менѣе женщинъ ходилъ растерянный; неопытный гость въ своемъ домѣ, онъ вдругъ увидѣлъ себя хозяиномъ и распорядителемъ, при такомъ печальномъ случаѣ, и не зналъ, за что приняться. На семейномъ совѣтѣ покуда только и сдѣлали, что назначили похороны на третій день, и разослали приглашенія къ сосѣдямъ; но послать въ городъ, за разными покупками, рѣшительно не знали кого. На толковитость ключницы не надѣялись, другой прислугѣ не довѣряли, и Аграфена Титовна такъ была растеряна, что даже забыла объ Анисьѣ Ивановнѣ Кутихиной, самомъ дорогомъ человѣкѣ въ такихъ важныхъ случаяхъ.

Но Анисья Ивановна, услышавъ о смерти Мины Егоры-

ча, надѣла черное платье, черный чепчикъ и не замедлила вскорѣ явиться собственною особою, съ участіемъ, съ утѣшеніемъ, съ запасомъ слезъ, и что всего дороже, съ практическими совѣтами и готовностію услужить, удружить, исполнить всѣ возложенныя порученія, словомъ, всецѣло отдать себя въ жертву хлопотамъ.

Анисья Ивановна была старая дѣва, низенькая и худенькая, съ небольшимъ лицомъ и очень большимъ носомъ; носила постоянно очки и бисерный ридикюль, въ которомъ лежали табатерка и футляръ съ очковъ. Имѣя за собою пятнадцать душъ, пріобрѣтенныхъ родителемъ, она постоянно проживала у сосѣдей, переѣзжая изъ усадьбы въ усадьбу, по всему околодку, на разстояніи верстъ пятидесяти. Но надобно сказать правду, Анисью Ивановну вездѣ принимали съ радостью, потому что она занималась разными профессіями, и занималась ловко, съ знаніемъ дѣла, съ достоинствомъ. Нужно было кому денегъ достать подъ залогъ, обращались къ Анисьѣ Ивановнѣ и она доставала; нужно было жениха найти,—Анисья Ивановна и жениха находила. Она и родителей съ дѣтьми умѣла примирить, и покупателя на имѣніе сыскать, и дѣвку дворовую кому нибудь закабалить, и въ городъ за покупками съѣздить, во вьюгу, въ распутицу, когда ни конному, ни пѣшему нѣтъ пути,—Анисья Ивановна ужъ сдѣлаетъ, не откажется,—и исполнитъ все съ успѣхомъ, безкорыстно, за одно «покорно благодарю.» Можете судить, какъ же было не любить сосѣдямъ Анисью Ивановну. Притомъ она еще превосходно дѣлала яблочную пастилу, лечила отъ гемороя, и гадала на бобахъ.

Увидѣвъ Кутихину, Аграфена Титовна обрадовалась. Сначала она съ плачемъ бросилась къ ней на шею; причемъ гостья, утѣшая хозяйку, не менѣе ея сама расплакалась. Потомъ разговоръ принялъ болѣе спокойный характеръ, и вдова, разсказавъ всѣ подробности о смерти супруга, принялась жаловаться на свое безсиліе, на потерю соображенія, на неопытность Михайлы Миныча и безтолковость прислуги.

Выслушавъ все это, Анисья Ивановна безъ церемоніи предложила свои услуги — похлопотать по случаю похоронъ.

Разумѣется, предложеніе было принято съ благодарностію. Анисья Ивановна изъявила готовность и въ городъ съѣздить, и парчевый покровъ купить на покойника, и бархату на обивку гроба, (который стругалъ доморощенный столяръ), и припасовъ и винъ, и даже прокурорскаго повара, — если будетъ нужно. За все это Михайла Минычъ благодарилъ гостью не менѣе мачихи; и рѣшили: нынѣшнимъ же вечеромъ отправиться Кутихиной въ городъ.

Когда Михайла Минычъ съ Анисьей Ивановной отобѣдали во флигелѣ, пообѣдала кой-какъ и дворня: кто стоя, кто на ходу; но объ читальщикѣ совершенно забыли. Онъ читалъ и чувствовалъ, что у него очень сосетъ подъ ложечкой; онъ все ждалъ, что вотъ позовутъ его обѣдать; но часы летѣли, и никто не звалъ. Голосъ рвался, въ глазахъ темнѣло; онъ почти не сознавалъ, что̀ читалъ; безпрестанно оглядывался на дверь, но не смѣлъ оставить мѣста, потому что въ залу то–и–знай входилъ молодой баринъ.

Часовъ въ шесть вошли въ гостиную Михайла Минычъ, Аграфена Титовна и Анисья Ивановна и принялись толковать и высчитыватъ цѣну назначеннымъ покупкамъ. Подведя итогъ, молодой хозяинъ вынесъ изъ кабинета, извѣстную читателю пачку въ двѣсти рублей, и вручивъ ее Анисьѣ Ивановнѣ, вернулся снова туда, чтобъ запереть и шкатулку и ящикъ конторки, въ которомъ она находилась; но въ ту же минуту услышавъ, что вбѣжавшій въ гостиную Еремка громко докладывалъ о пріѣздѣ князя Ерошкина, Михайла Минычъ оторопѣлъ, засуетился, оставивъ незадвинутымъ ящикъ; онъ только притворилъ дверь кабинета и поспѣшилъ навстрѣчу гостю. Дамы также поправили платья, приложили къ глазамъ платки и вышли въ залу.

Князь Ерошкинъ, щегольски одѣтый, вылощенный, напомаженный старичекъ, вошелъ, громко расшаркиваясь. Сначала онъ сказалъ что–то въ родѣ рѣчи, въ которой изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что видитъ бездыханнымъ передъ собою почтеннаго сосѣда, съ которымъ желалъ познакомиться, но при жизни не успѣлъ. Потомъ обратился съ утѣшеніемъ къ плачущей хозяйкѣ, молодому хозяину и даже Анисьѣ Ивановнѣ. Затѣмъ распросилъ о болѣзни покойника;

свалилъ все на неискуство врача и отдаленность аптекарскихъ средствъ и изъявилъ желаніе отстоять панифиду. Ему объявили, что священникъ обѣщалъ пріѣхать въ восемь часовъ, и князь согласился ждать. Но какъ до пріѣзда священника оставалось еще слишкомъ часъ, то Михайла Мнычъ и предложилъ гостю пойти въ садъ; расплакавшуюся же Аграфену Титовну Кутихина увела наверхъ.

Въ это время зачѣмъ-то вошла въ залу Ѳекла, горничная. Яковличъ обратился къ ней:

— Голубка моя, принеси ты мнѣ, ради Бога, хоть хлѣбца ломоточикъ; мочи нѣтъ, колѣнки дрожатъ... Съ утра маковой росинки во рту не было...

— Ахъ ты Господи! чего ключница-то смотритъ! До сей поры морили старика... Пойдемъ дѣдушка на кухню; однако, я думаю, тебѣ не ловко отсюда уйти, теперь будутъ чужіе къ панихидѣ наѣзжать, замѣтила Ѳекла; постой, я лучше тебѣ сюда чего нибудь принесу, и она ушла.

Погодя не много она воротилась съ мискою супа.

Куда-жъ я тебя посажу? вотъ ужъ и не знаю: въ передней не ловко, можетъ быть кто нибудь пріѣдетъ... постойка, поди ты, дѣдушка, вонъ въ ту комнату, говорила Ѳеклуша, отворивъ дверь въ гостиную и показывая на дверь кабинета, теперь туда никто не пойдетъ!...

Надобно замѣтить, что она не знала о пріѣздѣ князя и что хозяинъ съ гостемъ находились въ саду.

Я тебѣ еще чего нибудь принесу, дѣдушка, примолвила дѣвушка и опять ушла.

Читальщикъ, по наставленію горничной, на цыпочкахъ перешелъ гостиную и войдя въ кабинетъ, притворилъ за собою дверь, и принялся утолять голодъ; когда уже миска была пуста, онъ, въ ожиданіи обѣщаннаго Ѳеклой кушанья, принялся съ любопытствомъ оглядывать комнату. Полинявшій портретъ предка Тетериныхъ нисколько не заинтересовалъ дьячка; но если что обратило на себя его вниманіе, такъ это открытый ящикъ въ конторкѣ. Яковличъ не утерпѣлъ, ему хотѣлось посмотрѣть, что тамъ такое? и онъ тихонько и безпрестанно оглядываясь на дверь, подошелъ къ ящику... Колѣнки задрожали у бѣдняка и въ глазахъ по-

темнѣло. При взглядѣ на развернутую большую пачку, какъ нарочно новенькихъ, крупныхъ ассигнацій, онъ не помнилъ, спалъ онъ или нѣтъ, жилъ, дышалъ или нѣтъ; но вдругъ открытое и неприпертое окно въ гостиной стукнуло отъ вѣтра, старикъ мгновенно опомнился, быстро отскочилъ, и трепеща всѣмъ тѣломъ, сѣлъ на прежнее мѣсто, безпокойно поглядывая на дверь. Но дверь не отворялась; онъ ободрился и выглянулъ въ гостиную, тамъ попрежнему никого не было... Читальщикъ слышалъ біеніе всѣхъ пульсовъ своего тѣла, въ ушахъ у него звенѣло, въ глазахъ двоилось, троились, десятерились какія-то свѣтлыя радуги... Имъ мгновенно овладѣло то чувство пріобрѣтенія, которое нѣкогда заставило его скопить двадцать пять рублей и сберечь эти рубли, несмотря на всевозможныя лишенія, которое нѣсколько разъ заставляло его отказывать родному сыну въ страшной нуждѣ. Теперь уже не разсуждая и не раздумывая нисколько, Яковличъ, не помня самъ себя, очутился опять возлѣ ящика, схватилъ пачку, кой–какъ упряталъ ее за голенище, задвинулъ поспѣшно ящикъ конторки, взялъ пустую миску, и не чувствуя подъ собою ногъ, перебѣжалъ гостиную и залу и очутился въ передней. Тутъ только перевелъ онъ духъ, но отъ сильнаго волненія едва не обезпамятилъ; всѣ члены его дрожали, все вокругъ него вертѣлось; онъ сѣлъ на ларь и оперся затылкомъ объ стѣну.

Въ продолженіи этого времени Михайла Минычъ съ гостемъ сидѣлъ въ саду. Князь говорилъ, что очень радъ, найдя такого прекраснаго молодаго человѣка, въ племянникѣ почтеннѣйшей Катерины Ивановны, которой память онъ уважаетъ. Потомъ спросилъ о Фаветѣ Минишнѣ, и какъ дамскій любезникъ стараго покроя, пустился въ комплименты красотѣ, уму и скромности молодой дѣвушки. Подпоручику страшно надоѣла вся эта болтовня и онъ тутъ же положилъ въ умѣ отдѣлаться однимъ визитомъ отъ говорливаго сосѣда и прекратить съ нимъ навсегда сношенія.

Но обратимся къ читальщику.

Когда воротилась Ѳеклуша въ переднюю, съ кускомъ пирога, Яковличъ все еще сидѣлъ въ томъ же положеніи, пустая миска стояла возлѣ него.

*

— Что съ тобою, старичокъ? спросила она, взглянувъ на его смертельно блѣдное лице и полураскрытый ротъ.

— А что? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да ты что-то больно помертвѣлъ? Аль не здоровится?

— Да... вдругъ что-то не ладно... отвѣчалъ старикъ прерывающимся голосомъ.

— Это оттого, дѣдушка, что ты отощалъ больно, и притомъ же все читалъ съ самаго утра... На-ка, съѣшь пирожка, да отдохни немного; — Богъ дастъ и пройдетъ.

— Нѣтъ, ужъ нѣтъ... не надо... не хочу...

— Ну, какъ хочешь, примолвила Ѳекла и хотѣла уйти, какъ въ переднюю заглянула Соня.

— Здѣсь Еремей?—спросила она.

— Нѣтъ, а зачѣмъ тебѣ Еремея? отозвалась Ѳекла.

— Барыня приказали въ гостиной окна закрыть, говорятъ вѣтеръ поднимается. Сбиравшіяся съ самаго утра сѣрыя тучки теперь сошлись въ плотную массу, и заволокли небо. Надобно было ожидать въ скоромъ времени сильнаго дождя; въ саду зашумѣли деревья, вѣтеръ разыгрывался, и несмотря на то, что не было еще восьми часовъ, сдѣлалось уже довольно темно.

— Хорошо, скажи имъ, что я закрою,—отвѣчала Ѳекла, и сію же минуту пошла въ гостиную и закрыла окна. Но ей вдругъ пришло на память, что и въ кабинетѣ окно было открыто и она вошла туда. Мракъ и тишина пустой комнаты, и мысль, что вотъ тутъ, на диванѣ, недавно умиралъ человѣкъ, привели дѣвушку въ невольный ужасъ. Она поспѣшила кой-какъ закрыть окно, и боясь оглянуться на диванъ, опрометью бросилась вонъ. Въ эту минуту входили въ гостиную съ балкона молодой баринъ съ гостемъ. Михайла Минычъ замѣтилъ, что Ѳекла бѣжала изъ кабинета въ какомъ то испугѣ, такъ что чуть не сбила ихъ съ ногъ. Онъ назвалъ ее глупою, извинился передъ княземъ и не обратилъ на то большаго вниманія.

Когда пріѣхалъ священникъ и еще какія-то двѣ старыя барыни, Яковличъ уже читалъ опять; но голосъ его дрожалъ болѣе обыкновеннаго.

За панифидой, какъ слѣдуетъ, женщины плакали; но

унылое пѣніе и запахъ ладона ни на кого такъ не дѣйствовалъ, какъ на Фаничку; и несмотря на утѣшенія князя, ее унесли въ истерикѣ наверхъ.

По окончаніи панифиды всѣ разъѣхались. Потомъ Михайла Минычъ проводилъ и Анисью Ивановну въ городъ; и только когда уже хотѣлъ идти спать, вспомнилъ, что оставилъ ящикъ съ деньгами незапертымъ и со свѣчкою поспѣшно вошелъ въ кабинетъ. Хотя молодой человѣкъ трусомъ не былъ и всѣ ужасы считалъ плодомъ растроеннаго воображенія, но унылая пустота комнаты на него такъ же подѣйствовала, какъ и на горничную, и ему гдѣ то близко почудился вздохъ (можетъ быть легкій шумъ вѣтра за окномъ). Михайла Минычъ зналъ, что ни въ гостиной, ни въ спальнѣ никого не было, и вотъ ему пришли разсказы, слышанные въ дѣтствѣ, что душа покойнаго первыя трое сутки живетъ между родными, жалѣя оставить свое земное мѣстопребываніе. Однако подавляя чувство невольнаго ужаса, подпоручикъ, видя, что ящикъ былъ задвинутъ, поспѣшилъ повернуть въ немъ ключъ и положивъ его въ карманъ, скорыми шагами вышелъ изъ кабинета.

Яковличъ видѣлъ, что баринъ пошелъ въ кабинетъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ.

Каждый шагъ возвращающагося хозяина билъ молотомъ въ сердцѣ вора, и лишь вошелъ въ залу Михайла Минычъ, силы оставили читальщика. Онъ облокотился на столъ, понурилъ голову и ждалъ наступленія грозы. Но сверхъ чаянія вдругъ услышалъ добродушный вопросъ:

— Ты дремлешь, старикъ?

Яковличъ поднялъ глаза.

— Лучше поди спи!—повторилъ баринъ; Еремей, сведи его въ людскую, приказалъ онъ лакею, дремавшему въ передней.

— Нѣтъ, сударь... какъ можно... па... пень... ку одного... ночью ос.... та... вить... говорилъ Яковличъ, прерывающимся голосомъ и стараясь оправиться.

— Ему теперь никто не нуженъ, молвилъ сынъ, поклонился тѣлу отца и отправился во флигель.

— Ну, пойдемъ, старикъ, спать сведу, сказалъ Еремей читальщику, по уходѣ барина.

— Не хлопочи, Ерема! Если задремлю, вотъ тутъ въ прихожей и прикорну,—отвѣчалъ старикъ.

— Какъ хочешь; охотнѣе съ тобою... Вѣдь барыня приказала мнѣ тутъ ночевать, а крѣпко бы не хотѣлось!...

— Ну и поди съ Богомъ,—я ничего, одинъ, привыкъ... сказалъ Яковличъ.

Лакей ушелъ и къ одиннадцати часамъ все въ домѣ стихло, только резко чикалъ часовой маятникъ въ столовой да крупный дождь стучалъ въ окна.

X.

Сначала Яковличъ съ полчаса читалъ тихо; но странное дѣло! онъ вдругъ почувствовалъ какой-то невѣдомый ему доселѣ ужасъ, какъ будто совершенная тишина пугала его; и чтобъ услышать живой звукъ, онъ принялся читать нараспѣвъ, не смѣя притомъ отвести глазъ отъ книги. Никогда небоявшійся покойниковъ, проводившій съ ними наединѣ ночи, по званію читальщика, теперь онъ не смѣлъ взглянуть на темное окно, въ которое глядѣла ненастная ночь, и онъ произносилъ безсознательно затверженныя слова, потому что мысли его были далеки отъ того, что онъ исполнялъ. То чудилось ему, что Мина Егорычъ шевелится подъ простыней, то раздавались въ ушахъ шаги молодаго барина, идущаго допрашивать трепещущаго вора. Жутко становилось старому дьячку; его кидало то въ жаръ, то въ ознобъ; наконецъ онъ не вытерпѣлъ, закрылъ книгу, взялъ свѣчку и не смѣя взглянуть на покойника, вышелъ въ переднюю, притворивъ за собою дверь. Здѣсь онъ прикорнулъ на ларь, стараясь задремать; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ, не смотря на то, что утомленное старое тѣло просило успокое-

нія. Лишь только Яковличъ закрывалъ глаза, передъ нимъ стоялъ Мина Егорычъ: хохоталъ, называлъ его Майемъ, и шутя показывалъ ему на сапогъ, за которымъ хранились украденныя деньги, и читальщикъ просыпался, и крестился, отплевываясь.

Съ разсвѣтомъ утра исчезли всѣ ужасы воображаемые Яковличемъ, и онъ пощупавъ деньги за голенищемъ, (понятно, что его мучило желаніе вынуть и пересмотрѣть ихъ, но онъ боялся, чтобъ кто не подсмотрѣлъ), принялся обдумывать какъ бы поскорѣй улизнуть отсюда, опасаясь, чтобъ при открытіи пропажи не стали его осматривать. Но вчерашній день, такъ безпокойно проведенный, сильныя потрясенія и ежеминутныя опасенія начали уже дѣйствовать на старый, разрушающійся организмъ дьячка. Яковличъ чувствовалъ то жаръ, то ознобъ, съ страшнымъ шумомъ въ головѣ; такое состояніе въ немъ пробудило угрызеніе совѣсти. Ему вдругъ представилось, что его вина можетъ лечь на невинныхъ, что эти невинные могутъ пострадать изъ-за него, и что-то острое, жгучее зашевелилось въ сердцѣ старика. На него вдругъ напалъ страхъ смерти.

— Стѣна стѣной былъ Мина Егорычъ, а вотъ свалился-же; а я.... плохъ я, старъ сталъ... Охъ тяжело что-то....— думалъ онъ, а вотъ тутъ пожалуй вдругъ и околѣешь на худомъ дѣлѣ... Не идти-ли къ барину, не повиниться-ли, авось проститъ... аль не подкинуть-ли деньги?....—И Яковличъ ворочался съ боку на бокъ на своей жесткой постели.

— Но для чего-же и дѣлать это было, если такъ? раздумывалъ уже онъ черезъ минуту, для чего? Ты думаешь, тебя за это, Яковличъ, по головкѣ погладятъ, какъ узнаютъ? не опозорятъ тебя на старости лѣтъ?.. А Васютка? а Иванко?—И старику представилась бѣдность его дѣтей. Эхъ! не воротишь, что сдѣлано....

Въ восемь часовъ утра ключница докладывала Аграфенѣ Титовнѣ, что читальщикъ захворалъ.

— Скажи старостѣ, чтобъ старика сейчасъ же отправили въ село на лошади; а то еще, пожалуй, умретъ здѣсь; и чтобъ съѣздили за другимъ читальщикомъ, въ Семеновку, приказала барыня.

И вскорѣ Яковличъ отвезенъ былъ въ Захарьино. Демидъ, ночевавшій у дьячка, и явившійся къ старику утромъ, увидя своего товарища больнымъ, присталъ къ нему съ своими пантоминными вопросами. Но видя, что Яковличъ не отвѣчая легъ на постель, нѣмой вообразилъ, что старикъ сейчасъ умретъ; а потому, не желая оставаться при немъ, въ такую страшную минуту, онъ ушелъ. Несмотря на болѣзнь, жгучее желаніе сосчитать украденныя деньги мучило старика и онъ, полежавъ немного и не видя нѣмаго въ сторожкѣ, всталъ, выпилъ ковшъ воды, прошелся и осторожно поглядѣлъ въ окно, выглянулъ за дверь, и увѣрившись, что никого нѣтъ, заперъ дверь на крюкъ, присѣлъ на полъ, выхватилъ изъ-за сапога пачку и принялся считать... Руки Яковлича дрожали, глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ,—бумажекъ было много, онъ всю жизнь не видалъ столько, сколько видѣлъ теперь... О! какое тревожное наслажденіе онъ чувствовалъ, сбиваясь безпрестанно въ счетѣ и принимаясь снова считать. Онъ узналъ наконецъ, что у него пятьдесятъ двухъ-сотенныхъ бумажекъ; что у него десять тысячъ рублей (на ассигнац.)... Десять тысячъ, десятъ тысячъ! шепталъ старикъ, страстно глядя на деньги. И онъ въ эту минуту готовъ былъ цѣловать ихъ, какъ живое существо. Васютка, дуракъ Васютка, не горюй теперь дуракъ, вотъ тебѣ сейчасъ-бы сотню дамъ, не горюй... шевелилъ губами сторожъ, перебирая снова бумажки. Но восторгъ прошелъ, онъ опомнился, засуетился, сложилъ ихъ опять, опять засунулъ за голенище и оглядѣлся и за окно, и за дверь, не подглядѣлъ-ли кто? не подслушалъ-ли кто? и успокоенный, легъ опять на постель, все обдумывая, кудабы спрятать деньги?... Но лишь только сильныя нравственныя ощущенія улеглись на днѣ утомленной души, какъ припадки физической болѣзни снова возвратились къ старику, такъ что къ вечеру Яковличъ лежалъ, что называется пластъ-пластомъ, и стоналъ на всю сторожку. Мысль о смерти и совѣсть его мучили. Находили минуты, когда онъ хотѣлъ позвать священника, покаяться ему во всемъ, и просить его ходатайства, у наслѣдника Мины Егорыча. Но время шло, а деньги лежали за голенищемъ. Демидъ не за-

глядывалъ къ нему цѣлый день; наконецъ вечеромъ пришелъ Афанасій.

— Что сердечный Васьянъ Яковличъ, захворалъ ты я вижу; а дуракъ Демка прибѣжалъ къ намъ, и со двора нейдетъ, руками машетъ, показываетъ, что къ тебѣ сердечному конецъ приходитъ, и головой, свинья, вертитъ, дескать не пойду въ сторожку, боюсь... говорилъ мужикъ.

— Ну Богъ съ нимъ! отвѣтилъ Яковличъ.

— И я не могу ночевать у тебя; завтра чѣмъ свѣтъ въ городъ собираюсь... Слышь, лошадь ту нашу въ городѣ видѣли, такъ хочу навѣдаться... А ужъ правду сказать, и вѣра-то нейметсяя, что найдется моя лошадка!... продолжалъ печально Афанасій.

— Ахъ ты голубчикъ, Афанасій Митричъ! возьми ты меня, свези въ городъ-то... Пусть по крайней мѣрѣ у сына умру... сказалъ Яковличъ, у котораго вдругъ явилась новая мысль.

— Радъ бы радешенекъ; только я пѣшкомъ иду... теперь пора рабочая, самъ посуди, лошадь дома нужна. А тамъ можетъ какое дѣло заведется, такъ и недѣлю проживешь!...

Дьячекъ задумался. Что ты мнѣ скажешь, Митричъ, заговорилъ онъ, какъ будто что-то обдумывая, какъ по твоему? скоро я умру?

— Что ты Васьянъ Яковличъ... да я развѣ пророкъ какой? Это дѣло одному Богу извѣстно, говорятъ, человѣкъ до того часу и живетъ, до коего на роду написано, замѣтилъ Афанасій.

— Да какъ же по твоему-то, не встану я, а?

— Можетъ встанешь; а можетъ Господь и по душу сошлетъ!

— Боюсь Митричъ, что умру... Ну вотъ и хотѣлось бы мнѣ, кабы ты завтра поутру-то зашелъ ко мнѣ, я бы сыновьямъ благословеніе мое отцовское послалъ... Вѣдь можетъ ихъ и не увижу!.. проговорилъ дьячекъ.

— Отчего же не зайти, зайду, отвѣчалъ мужичокъ.

И на другой день, на зарѣ, онъ зашелъ въ сторожку. Яковличъ лежалъ и охалъ.

— Ну что, Васьянъ Яковличъ, аль плохо?

— Плохо, Митричъ, больно не хорошо... не знаю, оживу-ли!... проговорилъ слабымъ голосомъ старикъ; ну и скажи ты Ивану... да и Васюткѣ... коли онъ тамъ... скажи... мое имъ благословеніе... отецъ молъ умираетъ... да... такъ и скажи... А вотъ это Васюткѣ, моя псалтирь... пусть меня поми... наетъ!... Съ этимъ словомъ Майскій вынулъ изъ-подъ подушки что-то крѣпко зашитое въ полотенцѣ: коль Васи нѣтъ у Ивана, такъ пусть... ему... пе... ре... дадутъ... опослѣ... продолжалъ Яковличъ.

— Хорошо; ишь какъ ушилъ, молвилъ Афанасій, простодушно смотря на свертокъ.

— Нельзя... ишь кни... га старая, ли...сты вы... па... дываютъ... Такъ ужъ Васюткѣ... такъ и с... ка... жи, молъ, отъ бать... ка на память... Дьячекъ упалъ на подушку.

— Ладно, ладно; ужъ такъ и будетъ сказано, какъ велишь.

— Скажи, коли будетъ слу... чай, такъ я пріѣду къ нимъ; а ужъ не знаю, мо... жетъ и умру... Да ты книгу-то... не поте... ряй...

— Что ты, Богъ съ тобой, развѣ я маленькой, говорилъ Афанасій, убирая свертокъ въ мѣшокъ. Ну прощенія просимъ, выздоравливай! прибавилъ онъ, взваливъ мѣшокъ за плечи, помолился и вышелъ.

— Да не забудь же... да скажи же... да не потеряй же, повторялъ ему вслѣдъ больной; потомъ онъ всталъ и посмотрѣлъ въ окно. Афанасій помолился на церковь, и вышелъ за ограду.

— Ну, какъ гора съ плечъ!... подумалъ Яковличъ, проводивъ Афанасья, можетъ и пропадутъ; да ужъ все равно, и здѣсь пропали-бы, если умру... Ну теперь покаюсь батюшкѣ, что молъ укралъ... А кто въ жизни не кралъ?... развѣ есть такой человѣкъ... ну что-жъ, нитку, иголку укралъ, вѣдь все грѣхъ!.. Ну, авось дойдутъ и до Васютки!..

Раздалась пѣсня и прервала размышленія Яковлича; онъ снова взглянулъ въ окно. Каменьщики выкладывали кирпичемъ могилу для Мины Егорыча и одинъ изъ рабочихъ пѣлъ. Звонкій голосъ разносился по утренней зарѣ.

Въ назначенный день, ровно въ десять часовъ утра, по-

тянулась изъ Тетерина въ Захарьино погребальная процессія. Тетеринскіе дворовые, въ сюртукахъ съ плерезами, несли на рукахъ своего барина къ вѣчному покою. Солнышко играло и переливалось на парчевомъ покровѣ. Михайла Минычъ шелъ за гробомъ пѣшкомъ. Толпа дворовыхъ женщинъ, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ платкахъ на головахъ, голосила на разный ладъ, кто какъ умѣлъ. Затѣмъ, какъ слѣдуетъ, ѣхали экипажи всѣхъ возможныхъ видовъ.

Отпѣли болярина Мину, и опустили гробъ въ землю, возлѣ могилы Лукерьи Ивановны. Аграфена Титовна ринулась было въ могилу, но ее конечно удержали. Князь Ерошкинъ держалъ передъ Фаничкою, которая была въ обморокѣ, флакончикъ со спиртомъ. Михайла Минычъ бросилъ горсть земли на могилу отца и закрылъ лице руками; между пальцевъ струились крупныя, теплыя, прощальныя слезы.

Яковличъ лежалъ въ постели, не смѣя подойти къ окну. Но онъ ясно слышалъ, какъ пропѣли: «вѣчную память», и сердце его заныло, не отъ физической боли.

Вскорѣ погостъ опустѣлъ; только новая насыпь прибавилась къ старымъ, поросшимъ травою могиламъ.

Похоронный столъ шелъ, какъ обыкновенно идутъ похоронные столы. Сначала больше молчали, и больше ѣли; потомъ, какъ наполнились желудки, развязались языки. Обѣ хозяйки за обѣдомъ не присутствовали, предоставя распоряжаться Анисьѣ Ивановнѣ. Въ числѣ званыхъ были и незваные гости; напримѣръ: земскій судъ, бывшій гдѣ-то не далеко на слѣдствіи, какъ только узналъ, что хоронятъ Мину Егорыча, весь пріѣхалъ, отдать долгъ покойнику и похоронному обѣду.

Вотъ и обѣдъ кончился, и гости разъѣхались; остались только въ залѣ попы, да стряпчій съ исправникомъ, о чемъ-то шумно спорили. Въ гостиной сидѣла Анисья Ивановна съ какой-то старушкой, да князь Ерошкинъ толковалъ съ ними о Катеринѣ Ивановнѣ.

— Ну-те-ка мой милый молодой человѣкъ, сказала въ полголоса Анисья Ивановна, поймавъ за рукавъ хозяина, теперь, мой батюшка, надобно священникамъ за выносъ и за службу заплатить, да пусть Богъ съ ними разъѣзжаются.

— Сколько-же? спросилъ молодой хозяинъ.

— Да ужъ сколько усердіе ваше есть.... Это ваше дѣло!..—

Михайла Минычъ ушелъ въ кабинетъ, и нѣсколько минутъ не выходилъ. Потомъ, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ показался въ дверяхъ, махнулъ рукою Анисьѣ Ивановнѣ и попятился. Послѣдняя вошла въ кабинетъ.

— Что съ вами, голубчикъ мой? спросила она, взглянувъ на страшно блѣдное лице молодаго человѣка.

— Деньги пропали!.. произнесъ глухо Михайла Минычъ, и опустился на стулъ.

— Какъ?

— Отсюда, изъ конторки! онъ показалъ на открытый ящикъ.

— Съ нами крестная сила, Господь съ вами!... воскликнула недовѣрчиво старушка.

— Да, изъ конторки, изъ шкатулки, изъ-подъ замка!.. твердилъ хозяинъ, ероша волосы, всѣ десять тысячъ...

— Десять тысячъ!... вскричала громко Кутихина, и въ свою очередь упала на стулъ. Но ей вдругъ пришла въ голову мысль: не пьянъ-ли Михайла Минычъ? и она, смотря пристально на него, сказала хладнокровнѣе:

— Десять тысячъ, изъ-подъ замка!.. батюшка, подумайте, сообразно-ли это?... Не положили-ли вы ихъ куда въ другое мѣсто?...

— Ахъ, Боже мой! куда, зачѣмъ ихъ убирать? Это деньги, которыя покойный папенька привезъ изъ города за день до смерти и маменька это знаетъ.

— Такъ какъ же, милый вы мой, какъ же, развѣ кто подборникомъ сходилъ?

— И это не вѣроятно, потому что старинный замокъ, съ механизмомъ.

— Такъ какимъ же образомъ?

— Я самъ не знаю!.. —

— Богъ съ вами.. но подумай-ка мой любезный, не оставляли ли вы ящикъ отпертымъ? —

Михайла Минычъ ударилъ себя въ лобъ.

— Вспомнилъ!... вскричалъ онъ, какъ будто что нашелъ, вспомнилъ! я точно оставилъ его незапертымъ третьяго

дня, помните, какъ князь пріѣхалъ! Заперъ же я его уже поздно;.. да!

— Теперь надобно разузнать, кто былъ въ это время въ комнатахъ? Видите, мой милый, изъ спальни забраться нельзя, двери заперты. Если кто прошелъ, такъ черезъ залу и гостиную.

Хозяинъ вторично ударилъ себя по лбу и еще громче вскричалъ:

— Да! вспомнилъ, вспомнилъ теперь... я видѣлъ, что изъ кабинета выбѣжала дѣвка, словно сумасшедшая; въ это время мы съ княземъ входили въ гостиную съ балкона... да! да! помню.

— Какая же дѣвка?

— Право не знаю, кажется, горничная сестры...

— Прежде подумайте мой милый, не могъ ли кто тутъ другой пролезть... Вы говорите про Ѳеклу? Ѳекла дѣвка порядочная... впрочемъ кто знаетъ?.. —

— Болѣе покуда я никого не могу подозрѣвать; а ее видѣлъ собственными глазами, что подтвердитъ князь.

— Теперь я вотъ бы что совѣтовала, сказала подумавъ Анисья Ивановна, сдѣлать обыскъ безъ шуму, тихонько, домашнимъ образомъ.

— Какъ же это? Боже мой! мнѣ не случалось... я весь растерялся... Посовѣтуйте мнѣ.

— А вотъ какъ мой милый, благо здѣсь на лицо и стряпчій, и исправникъ, и свидѣтели есть, и князь еще не уѣхалъ... выйдите и объявите имъ о пропажѣ, и что вы желаете произвести обыскъ не судебно, а такъ покуда по домашнему, а тамъ ужъ они знаютъ какъ что сдѣлать. Но я думаю нужно объ этомъ увѣдомить Аграфену Титовну... И Анисья Ивановна встала и поспѣшно ушла наверхъ.

Михайла Минычъ вошелъ въ залу.

— Господа! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ стряпчему, у насъ не благополучно.... Изъ наслѣдственной общей кассы пропало десять тысячъ рублей (ассигнац.). Но я объявляю это не какъ судебнымъ лицамъ, а какъ друзьямъ нашего дома, и прошу васъ содѣйствовать мнѣ въ обыскѣ, который я желаю сдѣлать.

Я во всякомъ случаѣ желаю покончить домашнимъ образомъ...

Присутствующіе громко изъявили удивленіе, участіе и готовность. Затѣмъ хозяинъ разсказалъ всѣ подробности и объявилъ, что подозрѣваетъ горничную; причемъ сослался на князя, и тотъ подтвердилъ его слова. Обыскъ начался; въ сундукѣ Ѳеклы нашли пятьдесятъ рублей (ассигнац). Улика была почти явная; только ассигнаціи были все мелкія; изъ предосторожности обыскали сундуки всей дворни; и только у Ивана, Ѳеклина брата, нашли сто рублей (ассигнац.) Ѳнъ тутъ-же признался, что эти деньги копилъ на выкупъ отъ господъ; иногда продавалъ господскіе цвѣты, ягоды, отводки деревьевъ и проч... При допросѣ Ѳеклы: зачѣмъ она была въ кабинетѣ? она отвѣчала, что закрывала окно, по приказанію барыни, и что ей такъ вдругъ что-то ужасно сдѣлалось; что она безъ памяти выскочила вонъ, совершенно не замѣтивъ, былъ ли ключъ въ ящикѣ конторки, или нѣтъ. И Соня, и сама Аграфена Титовна подтвердила, что она точно приказала закрыть окна.

Ѳекла между прочимъ говорила, что въ кабинетѣ обѣдалъ читальщикъ, но доказать того вѣрно не могла, потому что его уже видѣла въ передней. Однако эти слова и внезапная болѣзнь читальщика породили подозрѣніе и на дьячка, рѣшено было и его допросить. Когда спросили у Ѳеклы: гдѣ она взяла деньги, которыя нашли у ней? несчастная долго плакала и молчала, потомъ призналась, что ее дарилъ Семеновскій управляющій, съ которымъ она имѣетъ связь. При этомъ Аграфена Титовна плюнула, и не удержалась, чтобъ не выругать Ѳеклу. Рѣшено было и Семеновскаго управляющаго спросить; значитъ дѣло принимало такой оборотъ, что безъ огласки ничего нельзя было сдѣлать.

— Ну, признайся, и возврати деньги... и вотъ даю честное слово, при всѣхъ благородныхъ свидѣтеляхъ, что мы простимъ тебя, говорилъ молодой баринъ, смотря на плачущую и трепещущую дѣвушку.

— Баринъ!.. воскликнула Ѳеклуша съ громкимъ рыданіемъ, упавъ къ ногамъ Михайлы Миныча и обнимая его колѣна, снимите съ меня сейчасъ голову, баринъ, я не вино-

вата, ничего знать не знаю... Откуда пришла на меня такая бѣда? Воля ваша, дѣлайте со мною что угодно, но я не виновата... Пусть громъ небесный разрушитъ меня на этомъ мѣстѣ, если я хоть только дотронулась; если хоть взглянула на конторку тотъ разъ!...

Ѳеклу покуда оставили подъ карауломъ; и всѣ поспѣшили разъѣхаться.

На другой день похоронъ Мины Егорыча, а равно и описанной нами тревоги, прислуга Тетериныхъ ходила словно въ воду опущенная, не смѣя между собою слова сказать, и какъ–то подозрительно посматривая другъ на друга. Всякій могъ ожидать той же участи, какая постигла несчастную Ѳеклу.

Господа не менѣе казались разстроенными. Аграфена Титовна уже успѣла намылить голову ключницѣ за то, что вчера много всего вышло, обвиняя прислугу въ воровствѣ. А также успѣла и въ дѣвичьей пошумѣть, называя дѣвокъ воровками, лѣнтяйками и другими разными неблаговидными названіями, на которыя такъ щедры деревенскія барыни.

Михайла Минычъ, сердитый и задумчивый, закинувъ руки назадъ, обошелъ весь садъ и явился на балконъ, куда въ десять часовъ утра вышла Фавста Минишна.

Добрая дѣвушка, уже огорченная смертью отца, такъ была поражена новымъ несчастьемъ, что почти захворала. Она никакъ не могла согласиться, чтобъ Ѳекла, такъ добросовѣстно служившая ей, и въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ незамѣченная ни въ чемъ предосудительномъ, могла рѣшиться на такое важное преступленіе. Но фактъ свершился, и оправдывая горничную, нужно было обвинить кого нибудь изъ домашнихъ... Раздумывая объ этомъ непріятномъ происшествіи, Фаничка воображала, какой исходъ могло имѣть это дѣло для обвиняемой? и слезы невольно, одна за другою катились изъ глазъ дѣвушки. Какой–то тайный голосъ говорилъ, что Ѳекла невинна, несмотря на явныя улики.

При встрѣчѣ съ братомъ, первымъ вопросомъ сестры было:

— Ну что, какъ дѣло?

— Скверное дѣло! отвѣчалъ нахмуривъ брови Михайла

Миныч; я уже видѣлъ шельму сегодня, увѣщевалъ, опять обѣщалъ прощеніе отъ лица всего семейства, если только сознается... Упорствуетъ, каналья, не сознается... Подпоручикъ сѣлъ на стулъ, облокотился на перила балкона и сталъ по нимъ выбивать пальцами какой-то маршъ.

— Но представь себѣ, мой другъ, напримѣръ, что Ѳекла невинна, въ чемъ-же она будетъ признаваться? проговорила Фаничка, опускаясь въ кресла.

— Невинна.... но Боже мой, если бы меня обманули мои собственные глаза, такъ князь точно также видѣлъ ее какъ и я... Можетъ быть даже чувствовалъ ее прикосновеніе, потому что она набѣжала на него въ-попыхахъ... Да вѣдь и сама она не запирается, что была въ кабинетѣ... Какихъ еще уликъ вамъ нужно, Фавста Минишна?... Молодой хозяинъ всталъ и въ волненіи сталъ ходить по балкону.

— Но согласенъ ли ты съ тѣмъ, что иногда бываетъ въ жизни человѣка что то такое роковое, отъ чего никакимъ образомъ избѣжать нельзя и противъ невиннаго возстаютъ страшныя, безспорныя улики... а между тѣмъ онъ не менѣе того невиненъ?

— Э! да какой ты славный адвокатъ, сказалъ подпоручикъ, взялъ сестру за руку и поцѣловалъ ее. Я согласенъ съ тобою, мой другъ, бываютъ всякіе случаи... И я вижу, тебѣ ужасно хочется подвести свою Ѳеклу подъ категорію этихъ невинныхъ страдальцевъ. Но скажи, ради Бога, на чемъ ты основываешь свои предположенія, что Ѳекла невинна?

— Это мнѣ говоритъ какой-то внутренній голосъ.

— Нельзя, Фаничка, безусловно вѣрить внутреннему голосу. Мнѣ, напримѣръ, внутренній голосъ говорилъ, что я нынѣшнее лѣто проведу время въ Тетеринѣ весело и пріятно, а случилось напротивъ, похоронилъ папеньку... А тамъ случилась пропажа, ну кто это предвидѣлъ? Вотъ что я тебѣ скажу: ты много романовъ начиталась и смотришь на людей съ какой-то идеальной точки... Да, правда, въ шестнадцать лѣтъ это и простительно...

— Но что жъ ты теперь намѣренъ сдѣлать?

— То, что слѣдуетъ, постараться найти виновнаго.

— Душенька, Миша! я съ своей стороны вотъ бы что сдѣлала: еслибы могла самостоятельно располагать своими поступками, я простила бы Ѳеклу, и выгнала-бы ее изъ дому. Ну пусть, если виновата она, то послужило бы это ей въ наказаніе, а если невинна, то все-же она меньше-бы жаловалась на насъ Богу...

Братъ покачалъ головою.

— А десять тысячъ и пропали бы такъ?

— Что-же... вычти изъ моей части, вѣдь еще у насъ останется...

— Эхъ ты дитя, дитя! Михайла Минычъ закурилъ сигару. А развѣ тебѣ не нужны деньги на шляпки и на разные наряды?

— Доброе дѣло утѣшитъ лучше всякихъ нарядовъ, проговорила дѣвушка, поднявъ глаза къ утреннему ясному небу.

Михайла Минычъ засмѣялся.—Вотъ ужъ и видна воспитанница набожной тетушки Катерины Ивановны. Однако, мой другъ, такія высокія идеи, увы! непримѣнимы къ дѣйствительной жизни, гдѣ на каждомъ шагу нужны деньги... А чтобъ сколько нибудь успокоить тебя, я, какъ благородный человѣкъ, употреблю всѣ силы, чтобъ открыть истину, тѣмъ болѣе, что во мнѣ родилось подозрѣніе на читальщика... Притомъ-же онъ одинъ могъ видѣть, кто изъ прислуги входилъ въ гостиную, потому что весь день находился въ залѣ. Черезъ спальню воръ пройти не могъ, хотя окно и было открыто въ кабинетѣ. Но во все это время, покуда не заперта была конторка, я съ княземъ въ саду сидѣлъ на скамьѣ, съ которой видѣнъ былъ весь домъ; а потомъ, какъ говоритъ сама Ѳекла, она закрыла окна. Я еще вчера доказалъ, что крайне не желалъ-бы, чтобъ дѣло шло судебнымъ порядкомъ... Но теперь вижу, что иначе нельзя, нужно будетъ допрашивать лицъ постороннихъ... Правда, папенька деньги считалъ при Ванькѣ, можетъ и онъ...

Михайла Минычъ закинулъ руки назадъ и опять началъ ходить въ задумчивости по балкону. Фаничка опустила голову на руку; она чувствовала, что при всемъ своемъ до-

брожелательствѣ горничной, не въ состоянiи была ничего сдѣлать....

XI.

— Что-жъ это будетъ, Михайла Минычъ? воскликнула Аграфена Титовна, выходя изъ гостиной на балконъ, — скажите на милость — чего вы ждете? отчего не думаете объявлять о пропажѣ формальнымъ образомъ, — чтобъ судъ нарядилъ слѣдствiе? развѣ вы не понимаете, что отъ медленности вашей многое зависитъ? той порой воры могутъ концы схоронить...

Пасынокъ остановился передъ мачихой и слушалъ; онъ не видалъ еще мачихи въ такомъ волненiи: — губы ея дрожали, голова тряслась.

— Можетъ вы хотите великодушничать, продолжала, обмахиваясь платкомъ, Аграфена Титовна, — какъ вчера, и сегодня утромъ, великодушничали съ этой канальей. Вы, я вижу, хотите на ласковомъ словѣ выѣхать... ужъ прошу извинить, — этимъ вы ничего не сдѣлаете; этотъ народъ — любитъ розгу.... Вотъ закуйте-ка, да отправьте въ острогъ, такъ и не то шельма запоетъ!...

Фавста Минишна вдругъ почувствовала лихорадочный трепетъ во всемъ тѣлѣ.

— Еслибъ это дѣло касалось однихъ вашихъ интересовъ, то вамъ никто и слова не сказалъ бы, могли-бы великодушничать, сколько душѣ угодно, продолжала Аграфена Титовна, — но дѣло въ томъ, что тутъ страдаетъ интересъ моей дочери и собственный мой, — потому я не могу молчать.

— Ваша правда! — сказалъ помолчавъ Михайла Минычъ; успокойтесь, я сейчасъ же ѣду въ городъ.

— Вы сердитесь, Мишенька? — молвила мачиха, перемѣнивъ тонъ.

— Помилуйте... за что-же?... Вѣдь вы вправѣ были все это мнѣ сказать, хотя немножко и поспѣшили... да что-жъ, вѣдь тутъ страдаетъ *вашъ интересъ*!... И подпоручикъ, закуривъ сигару, отошелъ прочь, и сталъ пристально смотрѣть въ садъ.

— Такъ ты ѣдешь сейчасъ, чтобъ подать объявленіе?— проговорила Фаничка дрожащимъ голосомъ.

— Да, ѣду...

— О Боже, Боже мой! а можетъ быть моя бѣдная Ѳекла совсѣмъ невиновата!

— Стыдитесь говорить, сударыня! возразила мачиха, кого вы невинностію-то называете? негодяйку, каналью, воровку почти уличенную... Потому, вишь, она права, что она ваша горничная; что она мнѣ всегда готова была горло перeѣсть, потому она и мила вамъ!...

Еслибъ былъ живъ Мина Егорычъ, то на этотъ разъ сказалъ-бы своей супругѣ, какъ и всегда: Ну, матушка, пошла рацеи читать! Но теперь уже Аграфенѣ Титовнѣ никто ничего не сказалъ. Падчерица вертѣла въ рукахъ конецъ своего траурнаго платка и старалась удержать слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ, а Михайла Миничъ пристально разсматривалъ цвѣты подъ балкономъ.

— Можетъ, оттого Ѳекла и хуже всѣхъ, что она моя горничная... проговорила чуть слышно Фаничка.

— Хороша она, очень хороша! Смотрите-ка, какое прекрасное признаніе вчера публично при всѣхъ учинила, про семеновскаго-то управляющаго!.. Вотъ она честная-то, невинная ваша любимица!... Но при послѣднихъ словахъ мачихи, Фаничка убѣжала.

— Впрочемъ чтожъ это такое?..—сказала какъ будто разсуждая сама съ собою Аграфена Титовна, сестра защищаетъ, братъ мирволитъ, медлитъ... Можетъ и въ самомъ дѣлѣ Ѳеклушка не виновата? вѣрно хорошо знаютъ это, когда защищаютъ!...

Михайла Миничъ быстро обернулся, и подойдя на самое близкое разстояніе къ мачихѣ, спросилъ тихимъ, какимъ-то особенно сдержаннымъ голосомъ:

— Вы говорите, что Ѳеклушка права... кого-же подозрѣ-

*

ваете кромѣ ея? И онъ устремилъ на Аграфену Титовну такой взглядъ, отъ котораго она невольно попятилась къ дверямъ гостиной.

— Я право не знаю... что думать, что предполагать? проговорила она въ замѣшательствѣ.

— Если моя сестра что нибудь сказала въ защиту этой несчастной, такъ по добротѣ своего сердца. Но что касается до меня, то я намѣренъ во всякомъ случаѣ дѣйствовать безпристрастно, продолжалъ пасынокъ. Но Аграфена Титовна была уже за дверями.

— Гмъ!.. вѣроятно меня подозрѣваетъ!.. подумалъ онъ, и, докуривъ сигару, пошелъ въ комнаты, чтобъ приготовиться въ дорогу.

Въ столовой Кутихина варила кофей на самоварѣ.

— Михайла Минычъ, милый мой! хотя вы то со мною накушайтесь кофейку, аль чайку; чего прикажете? говорила Анисья Ивановна.

— Покорно благодарю, вы все-то хлопочете; право я вамъ очень благодаренъ... Еслибъ не вы, то у насъ все тутъ вчера пошло-бы кривымъ колесомъ, отвѣчалъ хозяинъ, садясь возлѣ старушки.

— И, что мой батюшка мои хлопоты! только бы въ удовольствіе всѣмъ было... Вотъ и теперь сижу за самоваромъ, кофей переварился, а никого залучить не могу... Фавста Минишна со слезами къ себѣ убѣжала, а Аграфена Титовна такая разстроенная и сердитая, что не подступайся, ей Богу... Вотъ маслице свѣжее, не угодно-ли? вотъ пышки съ сахарцомъ... Извините, мой любезный, вѣдь я у васъ ужъ словно дома; сама приказываю повару... Не подумываете-ли въ городъ?...

— Сейчасъ ѣду, отвѣчалъ подпоручикъ.

— И давно пора, мой милый Михайла Минычъ. Ну, что жъ дѣлать, оправдай Богъ праваго, покарай виноватаго. Анисья Ивановна вздохнула, и перекрестясь прошептала: Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!

Молодой хозяинъ, позавтракавъ, немедленно уѣхалъ въ городъ. И вскорѣ въ земскій судъ было подано объявленіе о пропажѣ. Началось формальное слѣдствіе; но выпуская всѣ

его подробности, мы скажемъ только, что при допросахъ Ѳекла говорила все то же, что и въ первый разъ, не исключая и связи своей съ семеновскимъ управляющимъ. Зацѣпили управляющаго, сначала онъ отперся, что съ Ѳеклой не имѣетъ никакихъ сношеній. Но послѣ ему жаль стало возлюбленную, и онъ признался, что ее любилъ, и дарилъ ей деньги, которыя она копила на выкупъ отъ господъ. Иванъ говорилъ тоже, что они съ сестрою положили откупиться отъ господъ, и онъ всѣми силами старался сколотить деньгу на этотъ предметъ.

Оставалось дѣло за Яковличемъ, и его допросили формально, по причинѣ его болѣзни, на мѣстѣ, и даже сдѣлали обыскъ въ сторожкѣ. Но ничего не нашли; хотя и осматривали его жилетку, но на этотъ разъ старикъ былъ спокоенъ; двадцатипятирублевой бумажки уже не было въ карманѣ. При допросѣ дьячекъ показалъ: что при немъ, изъ прислуги, кромѣ Ѳеклы, никто не входилъ въ гостиную. Но что онъ самъ обѣдалъ не въ кабинетѣ, куда его дѣвка посылала, а въ передней, найдя неприличнымъ идти одному въ господскія комнаты. И такъ Яковлича оставили въ совершенномъ покоѣ; семеновскаго-же управляющаго такъ же оставили до поры до времени. Но несчастныхъ-брата съ сестрою препроводили въ городъ.

Ѳекла, прощаясь съ дворнею, христомъ-богомъ просила, чтобъ ей позволили проститься съ барышнею. Доложили Фавстѣ Минишнѣ, она вышла на крыльцо, когда арестанты проходили по деревнѣ, Ѳекла остановилась.

— Барышня, вы моя дорогая! простите! Не видать мнѣ васъ! а вотъ вамъ Богъ свидѣтель, ни въ чемъ я не виновата, ни въ чемъ! Пусть умру на этомъ мѣстѣ, коли виновата, не думайте обо мнѣ худо, сударыня! Ѳекла горько плакала.

— Если не виновата, то молись Богу и уповай на него... проговорила Фаничка дрожащимъ отъ слезъ голосомъ.

— Не виновата, а все злые люди съѣли меня!.. (Ѳекла думала объ Аграфенѣ Титовнѣ.) Ну да Богъ съ ними! Прощайте, моя дорогая барышня!.. слышитъ сердце мое, не ви-

дать мнѣ васъ больше... дайте ручку поцѣловать... И несчастная сдѣлала шагъ къ крыльцу. Но барышня махнула рукою, закрыла лице платкомъ и убѣжала, горничная такъ и грянулась о земь. Иванъ плакалъ не менѣе сестры.

И дѣло потянулось. Пошли допросы и передопросы, справки и прочія судебныя штуки. Надъ Фавстой Минишной учредили опеку. Аграфена Титовна сдѣлалась опекуншей своей дочери... и попрежнему распекала и допекала дворню.

Михайла Минычъ бродилъ по саду, бродилъ по лѣсамъ и болотамъ съ ружьемъ, читалъ книги, и разсказывалъ сестрѣ анекдоты изъ своей полковой жизни, или провожалъ Фаничку пѣшкомъ, на могилу отца.

Старикъ Майскій выдержалъ критическую минуту при допросѣ; болѣзнь ему много помогла. На замѣшательство старика, въ здоровомъ состояніи, слѣдователи обратили-бы вниманіе; но теперь все было приписано болѣзни. Спустя недѣлю, когда Афанасій лысый воротился изъ города въ Захарьино и пришелъ навѣстить пріятеля и повѣдать ему свое горе, Яковличъ лежалъ и не могъ пошевелить правою ногою:—ее расшибъ параличъ.

— Васьянъ Яковличъ... я думалъ, тебя совсѣмъ Богъ поднялъ,—говорилъ мужикъ, этакое дѣло какое, хти... хти... поклонъ тебѣ Иванъ твой.

— Спасибо, Афанасій Митричъ, спасибо... Ну что, видѣлъ? а? видѣлъ? отдалъ?..—спрашивалъ тревожно старикъ, приподнявшись до половины.

— Книгу-то твою? Какъ-же! отдалъ, отдалъ.

— Васюткѣ? а?

— Нѣтъ, Василья твоего нѣтъ у нихъ; баба-то твоя баетъ, дескать Васюкъ съ батюшкой ушелъ, да еще не бывалъ.

— А!.. протянулъ Яковличъ, онъ ишь ушелъ въ учители къ господамъ... значитъ приняли... Ну, слава Богу... А книгу-то кому ты отдалъ?

— А я бабѣ и отдалъ, и все долбилъ, молъ, Василью батька прислалъ на благословенье; молъ старецъ хвораетъ... Все, знаешь, какъ ты приказывалъ... Ну, говоритъ, хорошо, придетъ Василій, такъ отдадимъ...

— А у васъ тутъ безъ меня этакія дѣла понадѣлались въ Тетеринѣ-то?

— И не говори, Митричъ!.. старикъ махнулъ рукою.

— Говорятъ, и тебѣ допросъ былъ!

— Не говори!..

— Экая бѣда!.. ну-ка десять тысячъ!... Господи твоя воля... этакой смѣлый народъ какой... говорятъ, дѣвка! ай, ай! Слышь, баринъ-то молодой горячку страшно поретъ... Ну, *не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ*, пословица говоритъ... Баютъ, сундукъ открытымъ оставили?

— Говорятъ такъ... прохрипѣлъ сторожъ и закашлялся.

— Охо-хо! пори теперь горячку-то! а говорятъ, — *что взято, то свято!* конецъ дѣлу. Какъ и моя лошадка канула въ воду, и дѣло рѣшеное! проговорилъ Аѳанасій со вздохомъ; вѣдь и въ городъ-то, родимый Васьянъ Яковличъ, все я понапрасну ноги забивалъ... и лошадь видѣлъ, да не моя, хвостъ подстриженъ, ухо одно разрѣзано, такъ и видно, что недавно разрѣзано... Ну, что ты будешь дѣлать!... а тамъ, говорятъ, у кого извощикъ-то ее купилъ, дескать, доморощеная у насъ была. Ну вотъ и раскуси... прожилъ недѣлю у твоего Ивана, пока тамъ справки и разныя показанія собирали, а потомъ и сказали, что молъ врешь, мужичекъ, обознался, лошадь точно доморощеная, и свидѣтели нашлись... Вздохнулъ лысый дуракъ, да и пошелъ въ деревню, какъ не солоно хлѣбалъ; только *исхарчился* понапрасну; да и время-то теперь дорого, гулять не коли... Такъ-то, Васьянъ Яковличъ; за грѣхи знать меня Богъ наказалъ такой невзгодой, заключилъ Аѳанасій, съ глубокимъ вздохомъ.

Яковличъ тоже вздохнулъ, хоть и ничего не сказалъ.

— А вѣдь кто укралъ, на томъ меньше грѣхъ; у кого украли-то, тотъ больше нагрѣшитъ, на того и на другаго думаетъ... Хоть-бы примѣрно и Тетеринскіе господа, обвиняютъ своихъ людей; а можетъ на того, кто укралъ — и не думаютъ; да и подумать нельзя, такой можетъ человѣкъ, проговорилъ мужикъ.

Сторожъ болѣзненно простоналъ и повернулся на постели. Сказанныя слова укололи нечистую совѣсть.

— Что ты, родимый, Васьянъ Яковличъ?

— Нога ноетъ... отвѣтилъ жалобно больной.

Все хуже и хуже становилось Яковличу. Онъ Богомъ просилъ, чтобъ его отправили къ сыну въ городъ; но пора была *страдная,* никто не хотѣлъ съ нимъ ѣхать нарочно, и дьячекъ поневолѣ долженъ былъ ждать удобнаго случая. Нѣмой, боясь, чтобъ Яковличъ не умеръ, не хотѣлъ идти къ нему въ сторожку, а потому и присудили, покуда перевести хвораго къ старостѣ; а въ сторожкѣ вскорѣ поселился новый сторожъ.

Слѣдя внимательно за происшествіями въ Тетеринѣ и Захарьинѣ, мы какъ будто забыли о Васильѣ. Но обращаясь къ послѣднему. Чтобъ не утомить читателя, мы постараемся коротко разсказать похожденія молодаго человѣка. Разставшись съ отцомъ на дорогѣ, Василій продолжалъ путь и не доходя четверть версты до усадьбы Марьи Карповны, путникъ нашъ зашелъ въ кусты, отеръ пыль съ лица, перемѣнилъ халатъ на сюртукъ, причесался, и чувствуя лихорадочный трепетъ во всемъ своемъ робкомъ существѣ, несмѣло приближался къ господскому дому. Какъ примутъ? что скажутъ? раздумывалъ онъ. Но вотъ путь конченъ; няня Акулина, сидя за воротами съ Колею, первая завидѣла Василья, и ученикъ радостно побѣжалъ навстрѣчу учителю. Затѣмъ старуха поцѣловала молодаго человѣка и повела его въ домъ; и сама Марья Карповна, и ея матушка радушно приняли семинариста. Особенно первая благодарила его за великолѣпную, имъ переписанную тетрадь разныхъ стихоплетеній. Вторая-же радовалась, что у ней будетъ домашній писарь.

Самъ Василій несказанно обрадовался такому пріему. На другой же день Марья Карповна предложила ему покуда заняться съ Колей (настоящаго учителя еще не было).

И Василій зажилъ припѣваючи; только одна мысль: рано-ли, поздно-ли, возвратиться къ брату, тревожила его. Притомъ ему хотѣлось бы дать знать о себѣ и отцу въ Захарьино; и молодой человѣкъ нѣсколько разъ говорилъ барынямъ, что желалъ-бы навѣстить отца. Но барыни обыкновенно отвѣчали, что вотъ, въ будущее воскресенье, онѣ сами поѣдутъ къ обѣднѣ въ Захарьино (которое отъ нихъ отстояло въ 15-ти верстахъ,) и его возьмутъ. Приходило

воскресенье, намѣренiе забывалось, или откладывалось до слѣдующей недѣли. Такимъ образомъ Василiй прожилъ у Бѣлугиныхъ до конца августа; каникулы кончились, и у Василья опять кошки заскребли по сердцу. Къ счастiю, мать Марьи Карповны собралась въ городъ по дѣлу и взяла съ собою бѣдняка. Дорогою молодой человѣкъ, разговорившись съ старухою, самъ того не замѣчая, высказалъ свое бѣдное положенiе, жизнь у брата, и желанiе поступить въ семинарiю на казенный коштъ.

— Давно бы ты сказалъ, и все бы было устроено, говорила старуха, нюхая табакъ; я теперь остановлюсь у сестры. А сестра Любушка всякiй разъ бываетъ въ монастырѣ за службою, и съ отцомъ ректоромъ очень хорошо знакома.... Ей стоитъ только слово за тебя замолвить, и ужъ ей не откажутъ...

Василiй зналъ семидесятилѣтнюю сѣдую Любушку, которую два лакея носили въ креслахъ въ монастырскую церковь, и вѣрилъ, что эта сестра Любушка много могла для него сдѣлать.

Молодой человѣкъ хотѣлъ поцѣловать руку старухи, но не посмѣлъ и только произнесъ съ чувствомъ:

— Ахъ! заставьте вѣчно зе себя Бога молить!..

— Постараюсь, отвѣтила старая барыня благосклонно, ты, надѣюсь, заслужишь мнѣ?.. Ужъ какъ право ты четко пишешь, вѣдь безъ очковъ читаю...

Прiѣхавши въ городъ, старуха оставила Василья при себѣ, въ качествѣ писца, чему онъ былъ чрезвычайно радъ, лишь-бы не ходить къ брату. И не успѣлъ Василiй одуматься, какъ уже старухи все спроворили, все устроили, безъ всякой просьбы со стороны молодаго человѣка. Онъ былъ принятъ какъ бѣдный, но отличный ученикъ.

— Господи ты Боже мой! размышлялъ онъ, не вѣря своему счастiю, *отличный!* всѣ знали, что я бѣдный, но отличать-то не отличали... Хоть, по правдѣ, и не хуже былъ многихъ другихъ, которые выше меня стояли... а теперь въ *отличные* попалъ!... Вотъ что значитъ протекцiя старыхъ барынь! дай Богъ имъ здоровья, и Марьѣ Карповнѣ, и всему ея дому...

Наконецъ онъ явился и къ брату. Теперь ужъ не дрожало сердце у Василья. Ивана не было дома, когда онъ пришелъ. Сергѣевна не въ такомъ видѣ думала встрѣтить деверя, и съ удивленіемъ оглядывала его съ головы до ногъ, и распрашивала: какъ онъ жилъ въ Захарьинѣ? Василій разсказалъ ей чистосердечно, что въ Захарьинѣ онъ и не бывалъ.

— То-то я удивлялась тому, что батюшка прислалъ сюда свою книгу съ мужичкомъ и велѣлъ тебѣ передать, а о себѣ сказать, что онъ крѣпко нездоровъ; и Богъ его знаетъ, живъ иль нѣтъ? ни слуху ни духу съ той стороны, говорила Дарья Сергѣевна.

Василій пожалѣлъ объ отцѣ и весело возвѣстилъ невѣсткѣ, что онъ теперь перешелъ на казну.

Ну что-жъ, дай Богъ, проговорила сквозь зубы Дарья Сергѣевна, видя, что ея работникъ и нянька уходитъ отъ нея совсѣмъ.

Когда деверь, взявъ свой сундучокъ, сталъ съ ней и съ ребятами прощаться, Сергѣевна сказала:

— Постой-же, Вася, вотъ я достану тебѣ книгу-то батюшкину.

— Какая-жъ книга? —

— Псалтирь что-ли. —

— Возьму когда нибудь — не сегодня, отвѣчалъ молодой человѣкъ и ушелъ.

Когда Сергѣевна разсказывала мужу о перемѣнѣ братниной участи, Иванъ только выругалъ и жену и брата.

XII.

Спустя нѣсколько дней, къ Ивану привезли хвораго отца. Сергѣевна не совсѣмъ обрадовалась гостю, но дѣлать было нечего; поздоровавшись съ свекромъ, она приготовила

ему постель—и напоила его чаемъ. Первый вопросъ Яковлича былъ о Висильѣ; услышавъ отъ снохи, что сынъ его уже принятъ на казну и живетъ въ семинаріи, старикъ перекрестился; потомъ онъ заботливо спросилъ: — передали ли Васюткѣ псалтирь, присланную съ Афанасьемъ изъ Захарьина? И узнавъ, что книга еще лежитъ у Сергѣевны въ сундукѣ, велѣлъ невѣсткѣ подать ему книгу. Хотя тайное желаніе мучило дьячка сейчасъ-же пересмотрѣть псалтирь, но онъ только удовольствовался тѣмъ, что тщательно ощупалъ на книгѣ тряпичную обертку, которую повидимому до сихъ поръ никто не думалъ распарывать. Старикъ попросилъ Дарью Сергѣевну послать за Васильемъ, и въ ожиданіи сына приказалъ положить книгу на полку.

Пріѣхалъ Иванъ, и также не совсѣмъ ласково поздоровался съ отцомъ. Однако надобно было покориться необходимости, и онъ, по обыкновенію, побранившись съ женою, и давъ нѣсколько тумаковъ ребятамъ, сѣлъ обѣдать.

Потомъ пустился распрашивать отца о тетеринской пропажѣ, о которой въ городѣ ходили разные слухи.

Яковличъ разсказалъ все, какъ было дѣло, умалчивая впрочемъ о томъ, что его самого обыскивали.

— А сегодня дѣвку-то тетеринскую къ допросу провели, я самъ видѣлъ, продолжалъ Иванъ, такая худая бѣдняга, едва ноги тащитъ... —

Яковличъ оперся затылкомъ о стѣну.

— А вчера, продолжалъ Иванъ, Ваську-то лакея водили... Вѣдь Ваньку-то знаю; сколько разъ съ бариномъ покойникомъ останавливался у насъ... А теперь нѣтъ, парень тотъ, да не тотъ, куда краска дѣвалась!

Любопытная Сергѣевна, желая послушать, подошла поближе. Но вдругъ, взглянувъ на свекра, она вскрикнула съ ужасомъ:

— Иванъ Васьянычъ! Вѣдь батюшка-то умираетъ? —

Иванъ взглянулъ на отца. Старикъ былъ страшенъ; слезящіеся красные глаза его сдѣлались тусклы какъ оловянныя пуговицы, выкатились и не мигали, губы полураскрылись.

— Иванъ Васьянычъ, за попомъ-бы... — прошептала жена.

— Молчи!.. можетъ уже поздно. Иванъ наклонился надъ отцомъ, старикъ дышалъ.

О! охъ!.. — простоналъ Яковличъ черезъ минуту. Глаза его закрылись, лице помертвѣло, и онъ упалъ на подушку.

Сергѣевна накрыла его простыней, выгнала ребятъ на дворъ, и засвѣтивъ свѣчку у образа, и сноха и сынъ ждали въ молчанiи смерти старика.

Но спустя полчаса, онъ отдохнулъ, сдернулъ съ лица простыню, и произнесъ тихо:

— Ва...сют...ка!...

Въ это время пришелъ Василiй, увѣдомленный невѣсткою о прiѣздѣ отца.

Старикъ, увидѣвъ его, протянулъ руку, и долго шевелилъ губами, остановивъ на сынѣ глаза.

— Здравствуйте, батюшка!.. что вы?..—говорилъ молодой человѣкъ растроганнымъ голосомъ.

— Ва...сютка! книгу... — лепеталъ глухо старикъ—к.. ни...гу... ум...ру...

У Василья глаза наполнились слезами.

— А я васъ порадовать пришелъ... Я, слава Богу, теперь на казнѣ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Кни...гу... ум...ру... — твердилъ свое дьячекъ,—возь... ми...:

— Возьму, батюшка, возьму.

— Умру... псалтирь!..—говорилъ старикъ, сжимая руку Василья.

— Слышу, батюшка, буду читать по васъ псалтирь, успокойтесь, успокойтесь!..—твердилъ Василiй.

Но отецъ, какъ будто стараясь еще что-то высказать, шевелилъ губами, и не могъ произнести ни слова.

К.. ни..гу—проговорилъ онъ съ усилiемъ, и поднялъ было руку, чтобъ показать на полку, но рука безсильно опустилась.

Василiй вообразилъ, что отецъ не слышитъ его отвѣта и, наклонившись къ уху больнаго, молвилъ громко:

— Буду, буду читать по васъ!

Но старикъ зажалъ глаза, какъ будто засыпая, и выпустилъ руку сына.

— Идти за попомъ, или нѣтъ? — спрашивалъ самъ себя вслухъ Иванъ.

— Видишь: уснулъ, молвила жена, можетъ и соспитъ... Это съ нимъ припадокъ, въ родѣ младенческаго... только пожалуйста не помѣшайте...

Прошелъ часъ, и другой, старикъ дышалъ ровно, казалось спалъ. Иванъ, посидѣвши, уѣхалъ въ ѣзду. Василій пробылъ до сумерекъ; но и ему нужно было воротиться въ семинарію, и онъ ушелъ.

Насталъ вечеръ. Сергѣевна зажгла огонь, накормила и уложила спать дѣтей и подошла послушать свекра; Яковличъ уже не дышалъ. Невѣстка съ ужасомъ бросилась въ сѣни и столкнулась съ мужемъ. Во всю жизнь свою ни разу не была Сергѣевна такъ рада приходу мужа, какъ теперь. Сынъ и сноха постояли безмолвно надъ тѣломъ; наконецъ перекрестились и рѣшились прибрать покойника.

Черезъ часъ уже старый дьячекъ лежалъ на передней лавкѣ — подъ образами.

Иванъ пошелъ за читальщикомъ; но одного изъ нихъ не было дома, къ другому не достучался; потому что было уже одиннадцать часовъ. Воротясь домой, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Скука такая, покойникъ лежитъ безъ читальщика... Вотъ кабы былъ псалтирь, и самъ я почиталъ-бы, хоть до полуночи... Слава Богу, чай грамотѣ еще не забылъ!... —

— У насъ есть псилтирь, отозвалась изъ-за перегородки жена.

— Что ты врешь? —

— А ей-Богу есть; батюшка еще лѣтомъ прислалъ свою псалтирь Висилью, да тотъ оставилъ; вонъ она тутъ на полкѣ и лежитъ. —

— Ничего нѣтъ, только какой-то свертышъ лежитъ, сказалъ Иванъ, шаря на полкѣ.

— А это она-то и есть, въ тряпкѣ зашита.

Иванъ досталъ книгу, пощупалъ ее, и удостовѣрившись,

распоролъ полотенце и, взявъ книгу въ руки, всталъ передъ образомъ и развернулъ...

Вмѣсто печатной страницы, при свѣтѣ восковой свѣчи, онъ увидилъ ассигнацію... Онъ не повѣрилъ глазамъ, пощупалъ, бумажка отдѣлилась и осталась у него въ рукѣ. Иванъ вздрогнулъ; перевернулъ листъ, тоже такая бумажка; еще листъ, тоже еще и еще; все тоже и тоже... Испуганный извощикъ выпустилъ книгу изъ рукъ на столъ, изъ нея выпало нѣсколько ассигнацій. Но Иванъ, принявъ все это за какое-то мечтаніе, бросился, крестясь, за перегородку. Зубы его щелкали отъ страху.

— Что-жъ... развѣ не будешь читать?—спросила Сергѣевна, уже лежа на кровати. Мужъ не отвѣчалъ, выглядывая робко за дверь. Прошло нѣсколько минутъ, книга и бумажки спокойно лежали на столѣ. Сергѣевна той порой захрапѣла, перекликаясь разными варіяціями со спящими дѣтьми. И Иванъ наконецъ, превозмогая одолѣвавшій его ужасъ, рѣшился внимательно осмотрѣть чудо-чудное, диво-дивное, которое его поразило... Все еще дрожа, словно въ лихорадкѣ, и читая вслухъ молитву, онъ засвѣтилъ свѣчку, и приблизившись къ столу, схватилъ и книгу и деньги, и воротился снова за перегородку. Съ замирающимъ сердцемъ и не вѣря глазамъ своимъ, онъ дрожащими руками принялся перелистывать книгу и нашелъ въ ней пятьдесятъ крупныхъ ассигнацій и одну двадцатипятирублевую. Иванъ думалъ, что во снѣ достается ему такой кладъ и потому щупалъ себѣ носъ и уши, протиралъ глаза и крестился. Но увѣрившись, что все это было наяву, онъ принялся снова считать ассигнаціи...

Легкій шорохъ бумаги разбудилъ чуткій сонъ жены. Она протерла глаза, и протянувъ шею съ кровати, обомлѣла. Она, какъ и мужъ, приняла дѣйствительность за сонъ. Но увѣрившись въ противномъ, быстро вскочила съ постели и очутилась возлѣ мужа, когда тотъ еще и не опомнился.

— Ахъ, Иванъ Васьянычъ, что это у тебя за деньги?.. Уй, какая пропасть!...

Иванъ закрылъ деньги руками и прилегъ на нихъ грудью.

— Не закрывай, не закрывай!.. Вѣдь я не отниму, продолжала жена, только гдѣ ты взялъ?.. Ужъ не убилъ-ли кого?.

— Тьфу ты чортъ!—крикнулъ мужъ.

— Не хорошо такъ ругаться; наше мѣсто свято! у насъ покойникъ!..—воскликнула опять Сергѣевна, все ближе приступая.

— Уйди, или убью!..—молвилъ мужъ, но такимъ голосомъ и съ такимъ взглядомъ, что Сергѣевна, баба совсѣмъ не робкаго десятка, струхнула и улизнула на постель.

На другой день утромъ, когда пришелъ Василій, псалтирь лежалъ на столѣ, возлѣ покойника. Ивана не было, а Сергѣевна кой-что готовила къ похоронамъ.

Младшій сынъ сѣлъ въ ногахъ отца и подперъ руками голову; двѣ-три слезинки выкатились изъ глазъ молодаго человѣка. Наконецъ онъ всталъ, перекрестился и, помня данное обѣщаніе, раскрылъ книгу и чистымъ, звучнымъ тенором зачиталъ протяжно:

«Блаженъ мужъ....»

Иванъ похоронилъ отца хорошо; даже цѣлую недѣлю вся родня Дарьи Сергѣевны толковала о томъ,—что Иванъ Васьянычъ примѣрный сынъ, что родителя схоронилъ и поминки справилъ отлично; чего, дескать, судя по состоянію, и ожидать было нельзя...

И такъ краденыя деньги попали не тому, кому предназначалъ ихъ преступный отецъ.

Василій остался непричастенъ нечистому дѣлу.

Прошло четыре года со смерти старика Майскаго, много воды утекло, много перемѣнъ сдѣлалось въ Тетеринѣ. У Аграфены Титовны, напримѣръ, умерла хворая малютка, и мать, получивъ законную часть наслѣдства, выѣхала изъ усадьбы, къ общей радости тетеринской дворни.

Фавста Минишна, несмотря на то, что князь Ерошкинъ неотступно къ ней сватался, предпочла княжескому титулу какого-то полковаго штабсъ-капитана, вышла за него замужъ и уѣхала съ мужемъ въ Москву.

Михайла Минычъ вышелъ въ отставку и жилъ въ деревнѣ.

Иванъ Майскій изъ Ваньки извощика сдѣлался Иваномъ Васьянычемъ. Перво-наперво онъ поспѣшилъ съѣхать отъ тещи въ свой собственный домикъ; завелъ двѣ тройки для легковой ѣзды и ломовой биржевой работы. Самъ уже Иванъ Васьянычъ не ѣздилъ, а держалъ шестерыхъ работниковъ; потомъ, спустя немного, онъ началъ торговать дровами; затѣмъ завелъ кирпичный заводъ; вышелъ въ купцы, и снялъ городской мостъ на аренду...

Также и Василій кончилъ курсъ благополучно, и вскорѣ получилъ священническое мѣсто, въ одномъ изъ небогатыхъ сельскихъ приходовъ.

Однажды, обработывая свою полосу въ полѣ собственными руками, молодой священникъ задавалъ самъ себѣ слѣдующіе вопросы:

— Господи ты Боже мой!.. Откуда брату такая благодать? и въ купцы вышелъ, и въ казенные подряды вступаетъ? На всѣ такіе захваты вѣдь нуженъ капиталъ!.. откуда-жъ капиталъ взялся?.. года четыре тому назадъ, зачастую съ гривенника на гривенникъ перебивались... зачастую и безъ копѣйки сидѣли... а теперь!!.. Ну что-жъ, всякому свое... нѣтъ, я не завидую... и я получилъ то, чего желалъ... Сказано: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ...* И отецъ Василій стеръ обильный потъ, струившійся съ лица, отъ усталости и полдневнаго зноя.

— Одного только нѣтъ подъ кровлею брата любви и мира, прибавилъ вслухъ священникъ, и поправивъ соху, пошелъ проводить новую борозду.

И въ самомъ дѣлѣ, домашній бытъ Ивана Васьянычa нисколько не измѣнился: тотъ-же шумъ, крикъ, драка происходили каждый день, какъ и прежде. Дарья Сергѣевна жаловалась на то, что, несмотря на улучшеніе состоянія, мужъ й не думалъ нанять работницу, хотя за-частую однихъ рабочихъ мужиковъ набиралось человѣкъ до двадцати. Хозяйка должна была сама для нихъ стряпать и исправлять всякую черную, домашнюю работу.

— Бога ты не боишься, Иванъ Васьянычъ, говорила со слезами Сергѣевна своему мужу, работаю я у тебя словно лошадь рабочая... И изъ чего я только силы и здоровье теряю, добро-бы бѣдность была, а-то капиталу что-ль у насъ нѣтъ, не на что нанять?

— Капиталъ есть — ты говоришь, да гдѣ-жъ онъ? ты съ собою въ приданое много ли принесла, а? — возражалъ мужъ.

— Что-жъ, скажешь денегъ нѣтъ?... я тоже не знаю... не помню... не видѣла....—продолжала жена.

— А!.. ты видѣла!..—кричалъ уже въ бѣшенствѣ Иванъ Васьянычъ, скрыпя зубами; погоди, я тебѣ фонари поставлю, такъ ты еще и не то увидишь!...—И онъ ставилъ фонари подъ глазами Дарьи Сергѣевны.

— Варваръ! тиранъ!— вопила жена, стараясь вырваться изъ супружескихъ рукъ, убей! убей меня! Развѣ тебѣ это стоитъ чего нибудь? Вѣдь ужъ ты убилъ, зарѣзалъ, ограбилъ человѣка!.. разбойникъ!..

За эти слова, разумѣется, Иванъ еще крѣпче колотилъ жену, а она кричала еще громче.

И одинъ изъ работниковъ, котораго Майскій обсчиталъ при расчетѣ; вотъ что однажды сказалъ Ивану Васьянычу:

— Ты, хозяинъ, смотри! не обсчитывай рабочаго человѣка! у меня копѣйка трудовая... Вотъ тебѣ такъ можетъ и дешево твой капиталъ достался!.. да что толковать... какъ еще Богъ дастъ... Вонъ *фартальный*-то не далече живетъ...— И мужикъ показалъ въ конецъ улицы, гдѣ въ самомъ дѣлѣ жилъ квартальный.

— Что ты меня квартальнымъ-то стращаешь! — вскричалъ Иванъ, мошенникъ ты этакой!..

Мошенникъ-то не я, а ты самъ! да можетъ и похуже мошенника...—продолжалъ спокойно мужикъ; ты думаешь, я не слыхалъ, чѣмъ хозяйка-то твоя коритъ тебя?... слышалъ я... Значитъ, знаетъ твои дѣла, такъ и попрекаетъ. Да мнѣ что твои грѣхи судить!—отдай за добрую волю мои пять рублей—и Богъ съ тобой... Не отдашь, вспокаешься:

пойду да и разскажу *фартальному* о томъ, что твоя жена вчера вопила...

Иванъ поблѣднѣлъ. Онъ хорошо помнилъ, что вчера вопила его Сергѣевна, которую онъ таскалъ за косы, и понялъ, что рано или поздно женинъ языкъ можетъ погубить его. Раздѣлавшись миролюбиво съ работникомъ, Иванъ Васьянычъ рѣшился въ тотъ-же день объявить женѣ тайну, которую тщательно хранилъ. Обругавши предварительно Дарью Сергѣевну, мужъ подробно передалъ ей, какимъ образомъ нашелъ онъ деньги, въ отцовской книгѣ, въ день его смерти. Жена ахала отъ удивленія, слушая разсказъ; и хотя на другой день была побита, но уже не называла мужа ни убійцей, ни грабителемъ.

Нѣсколько времени Сергѣевна крѣпилась, и таила тайну, которую услышала отъ мужа. Но потомъ не выдержала и разсказала обо всемъ старухѣ – матери, заставивъ прежде послѣднюю побожиться, что она никому не скажетъ. Старуха тоже не утерпѣла, и слышанное сообщила по секрету сестрѣ, сестра своей невѣсткѣ, а послѣдняя сосѣдкѣ. И горожане, которые точно такъ-же задававшіе себѣ вопросъ, какъ и отецъ Василій: откуда у Ивана Майскаго взялись деньги? вдругъ заговорили, что родитель Ивана Васьяныча, умирая, приказалъ сынку какую–то книжку, въ которой каждый листъ былъ переложенъ ассигнаціей.

Но слухи эти нисколько не повредили Ивану Васьянычу; онъ все болѣе и болѣе шелъ въ гору. До Тетерина эти слухи не достигли; а Ѳекла и Иванъ были уже далеко, далеко... Несчастные братъ и сестра безъ-мала годъ просидѣли въ острогѣ, не сознаваясь въ томъ преступленіи, въ которомъ не участвовали. Но такъ какъ кромѣ тѣхъ уликъ, которыя были при слѣдствіи, другихъ не оказывалось, то судъ и присудилъ: освободивъ отъ тюремнаго заключенія, оставить обвиняемыхъ въ подозрѣніи.

Но Михайла Минычъ, не отыскавъ виновнаго, кромѣ Ѳеклы и ея брата, настоялъ на томъ, чтобъ несчастныхъ сослали на поселенье.

Какъ имѣніе еще не было раздѣлено съ Фавстой Минишной, то послѣдняя сначала протестовала–было противъ рѣшенія брата, но, убѣждаемая имъ, заплакала и махнула рукою, предоставляя все на его волю,—и Ѳекла съ Иваномъ были сосланы.

А. КОБЯКОВА.

Скажите, зеленые глазки.

Скажите, зеленые глазки:
Зачѣмъ столько страсти и ласки
Господь вамъ однимъ удѣлилъ,
Что всё я при васъ позабылъ?

—

Лукавыя ваши рѣсницы
Мнѣ мечутъ такія зорницы,
Какихъ нѣгъ въ самихъ небесахъ, —
И всё зеленѣетъ въ глазахъ.

—

Скажите: какимъ-же вы чудомъ,
Зажглися живымъ изумрудомъ
И въ душу мнѣ ввѣяли сны
Зеленымъ покровомъ весны?

—

Зачѣмъ?..
Да зачѣмъ и вопросы?
Знакомы мнѣ слёзныя росы,
И вешняя зелень и новь,
И всё, кипятящее кровь.

—

Да опытомъ дознаалъ я тоже,
Что стынетъ весеннее ложе,
Что вянетъ, своей чередой,
Зелёная травка зимой.

—

И нѣтъ ужъ въ ней ласки и страсти,
И рвётъ её вѣтеръ на части,
И гнётся она, и летитъ,
Куда её вихорь крутитъ...

—

Зачѣмъ-же, зеленые глазки,
У васъ столько страсти и ласки
Горитъ въ изумрудныхъ лучахъ,
Что всё зеленѣетъ въ глазахъ?

Л. МЕЙ.

10 мая 1861 г.

АПОЛЛОНІЙ ТІАНСКІЙ.

I.

АГОНІЯ ДРЕВНЯГО РИМСКАГО ОБЩЕСТВА, ВЪ ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОМЪ, НРАВСТВЕННОМЪ И РЕЛИГІОЗНОМЪ СОСТОЯНІИ.

Аполлоній Тіанскій, извѣстный намъ по сочиненію Филострата и по немногимъ отрывочнымъ отзывамъ другихъ писателей, былъ практическій философъ пиѳагорейской школы, пытавшійся путемъ обновленія нравственности и религіи оживить умиравшее общество, и сдѣлать людей гражданами и гражданъ людьми. Какъ реформаторъ, онъ приходилъ въ столкновеніе со всѣмъ существующимъ порядкомъ вещей; и нравственная жизнь частныхъ лицъ и проявленія духовной жизни цѣлыхъ обществъ обращали на себя его вниманіе. Чѣмъ шире былъ кругъ его дѣйствій, тѣмъ болѣе нужно для правильной оцѣнки его личности и стремленій составить себѣ хотя приблизительное понятіе о физіономіи тогдашняго общества и человѣка; на этомъ основаніи я считаю необходимымъ остановиться болѣе подробно на тѣхъ сторонахъ римско-греческаго быта, которыя обусловливали собою дѣятельность Аполлонія, и едва коснусь многихъ другихъ, можетъ быть, болѣе важныхъ, но неимѣющихъ тѣсной связи съ моимъ предметомъ.

Направленіе предпринятой Аполлоніемъ реформы было религіоз—

но–нравственное; онъ хотѣлъ дѣйствовать на своихъ современниковъ изнутри наружу; къ вопросамъ практической нравственности онъ относился прямо и рѣшительно; въ этой области онъ чувствовалъ себя хозяиномъ и не стѣснялъ работы мысли и голоса нравственнаго чувства ни мнѣніемъ большинства, ни авторитетомъ преданія. Къ вопросамъ религіозной догматики онъ относился настолько, насколько догматъ обусловливалъ собою жизнь. Отвлеченному догмату, внѣшнему обряду онъ не придавалъ большаго значенія, и въ большей части случаевъ оставлялъ неприкосновенными существующія формы. Рѣшительнѣе и страстнѣе относился онъ къ политическимъ вопросамъ своего времени; но и какъ публицистъ, Аполлоній остается учителемъ практической нравственности. Въ идеалъ древняго человѣка входило такъ много чертъ гражданина, что тѣ формы, въ которыя вылилась общественная жизнь, не могли не обращать на себя вниманіе мыслителя–моралиста. Въ доказательство неизбѣжности такого соприкосновенія между нравственностью и государственными формами, достаточно будетъ назвать сочиненіе Платона: «de republica» и Аристотеля: «Politica. — Столкновенія Аполлонія съ властями были вызваны необходимостью; онъ не хотѣлъ производить революціи, или по крайней мѣрѣ революція не была цѣлью его жизни, потому что цѣль его была и шире, и глубже, и достойнѣе мыслящаго человѣка. Аполлоній не составлялъ никакихъ проэктовъ, для преобразованія государства; его болѣе занимала жизнь отдѣльной личности, и онъ возставалъ противъ тиранніи настолько, насколько она подавляла свободное развитіе духовныхъ силъ и независимое отправленіе гражданскихъ и человѣческихъ добродѣтелей. И такъ важнѣе всего была для Аполлонія мыслящая и дѣйствующая личность человѣка; все остальное болѣе или менѣе является въ его глазахъ обстановкою, оказывающею значительное вліяніе на главный предметъ, но не имѣющею самостоятельнаго интереса.—Слѣдовательно, чтобы познакомиться съ полемъ его дѣятельности, мы должны составить себѣ понятіе о томъ, какъ думалъ, чувствовалъ и поступалъ человѣкъ, жившій въ эпоху паденія язычества. Для этого я очерчу наружную обстановку его жизни, начиная съ самаго внѣшняго, съ правительства, и постепенно переходя къ болѣе внутреннимъ, семейственнымъ отношеніямъ, потомъ постараюсь разсмотрѣть вліяніе этой внѣшней обстановки на внутреннее сознаніе, и наконецъ кончу изображеніемъ этого внутренняго сознанія, какъ высшаго и послѣдняго результата внѣшнихъ условій жизни.

I.

Вступленіе на престолъ Тиверія, разсказанное Тацитомъ въ началѣ его лѣтописи, бросаетъ яркій свѣтъ на отношеніе императорской власти къ народу и на взглядъ народа на императорскую власть въ началѣ перваго вѣка христіанской эры.—Октавіанъ Августъ былъ самодержавнымъ государемъ *de facto*, а не *de jure*; побѣда надъ совмѣстниками, подобными Антонію и Лепиду и надъ противниками по принципу, подобными Бруту и Кассію, доставило счастливому полководцу фактическое господство; искусная политика, умѣнье льстить народу и войску, и держать въ страхѣ аристократію, удерживало за нимъ эту пріобрѣтенную силою власть [1]. Но самодержавіе Августа было все-таки единичнымъ случаемъ, не оправданнымъ никакимъ общимъ правиломъ; убійцы Цезаря не считались государственными преступниками и Августъ не былъ наслѣдникомъ своего дяди. Власть его принадлежала только его личности и не успѣла еще перейдти въ отвлеченное понятіе. Любопытно было знать, что случится послѣ его смерти: распадутся ли соединенныя имъ должности, уничтожится ли имперія, или вторичное соединеніе этихъ должностей въ одномъ лицѣ укрѣпитъ въ народномъ сознаніи возникающее понятіе императорской власти. Тутъ много зависѣло отъ личности преемника Августа; нужно было дѣйствовать рѣшительно и осторожно, такъ чтобы новая идея созрѣвала и крѣпла подъ защитою старыхъ формъ, нарушеніе которыхъ могло встревожить народъ и вызвать изъ рядовъ его новаго Брута. Тиверій понялъ свою роль и потому его поступки носятъ на себѣ печать двойственности, выходившей отчасти изъ его положенія, отчасти изъ самаго характера. За проявленіемъ дерзкаго произвола слѣдуетъ постоянно выраженіе самаго глубокаго благоговѣнія передъ существующимъ порядкомъ вещей. Тотчасъ послѣ смерти Августа онъ самовольно принимаетъ начальство надъ войскомъ и вслѣдъ затѣмъ отказывается отъ предлагаемаго ему императорства; онъ именемъ покойнаго Августа приказываетъ убить Агриппу Постума, и тотчасъ же отрекается отъ своихъ словъ и говоритъ центуріону, исполнившему его волю, что «онъ не приказывалъ, и что, объ этомъ надо отдать отчетъ передъ сенатомъ.» [2] На дѣлѣ онъ ворочаетъ всѣмъ государствомъ; по формѣ онъ дѣластъ все черезъ консуловъ. Въ то же время

---

(1) Tacit. Ann. I, 2. (2) Tacit Ann. I, 6 Sueton. Tiber. 22.

онъ произвольно назначаетъ себѣ тѣлохранителей и пишетъ приказы по арміи. Смѣлость въ поступкахъ и робость въ словахъ характеризуютъ собою всю его политику. Что эта политика обманывала не многихъ или по крайней мѣрѣ далеко не всѣхъ, на это мы имѣемъ доказательства въ томъ же разсказѣ Тацита. Римская чернь была равнодушна къ формамъ управленія; она вся была занята матеріальными заботами о пропитаніи и о грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ; Августъ сдерживалъ ее раздачею хлѣба и уже одно это обстоятельство доказываетъ, что чернь эта была матеріальная сила громадная, но слѣпая, которую надо было постоянно имѣть въ виду, но на которую нельзя было надѣяться, и которой неосновательно было бояться. Владѣть ею могъ всякій умный правитель; на это нуженъ былъ бдительный надзоръ, да еще значительныя денежныя траты, чтобы кормить ее даровымъ хлѣбомъ и забавлять зрѣлищами. Тиверій не надѣялся на ея привязанность къ личности и къ дому Августа; онъ понималъ, что любой демагогъ можетъ въ удобную минуту увлечь ее за собою, и потому распорядился, чтобы погребальная процессія Августа была прикрыта военнымъ отрядомъ.

И дѣйствительно, въ высшихъ слояхъ общества ходили о семействѣ Августа такіе толки (1), которые ясно показывали, что Римляне не потеряли своихъ сатирическихъ способностей, и что при удобномъ случаѣ не будетъ недостатка въ предводителѣ народной партіи.—Итакъ одна часть народа, масса, была равнодушна къ политическимъ переворотамъ, тѣмъ болѣе, что ни одинъ правитель не покушался на ея матеріальное благосостояніе. Образованная же часть общества смотрѣла на личность и дѣйствія Тиверія съ недовѣріемъ и со страхомъ, но понимала, что этихъ чувствъ выказывать нельзя, потому что новый императоръ, по словамъ Тацита, «запоминаетъ каждое слово, каждое выраженіе лица и перетолковываетъ ихъ въ преступленіе». Тиверій и сенатъ хорошо понимали другъ друга и отлично играли свои роли. Тиверій не говорилъ ни слова, а сенатъ угадывалъ, что надо просить его о принятіи власти; на ихъ просьбы Тиверій отвѣчалъ, «что только духъ божественнаго Августа былъ способенъ нести такое бремя; что одному человѣку не по силамъ управлять всѣми, что соединенныя усилія многихъ успѣшнѣе его одного поведутъ госу-

---

(1) Tacit. Ann. I, 10.

дарственныя дѣла» (1). Тутъ, какъ видно, шло дѣло не о томъ, кому быть императоромъ, а о томъ, быть ли вообще императору. Впрочемъ это нисколько не доказываетъ того, чтобы существованіе имперіи въ то время могло быть еще вопросомъ, и чтобы сенатъ былъ въ состояніи рѣшить этотъ вопросъ утвердительно или отрицательно. Тиверій зналъ, что сенатъ скажетъ все, что прикажетъ онъ,—всемогущій начальникъ войска, и что слѣдовательно сенаторамъ важнѣе всего узнать его истинный образъ мыслей. Его притворство сбивало ихъ съ толку и они уже не знали, что дѣлать: оставить ли его въ покоѣ, или продолжать упрашивать. Тиверію было необходимо, чтобы сенаторы не принимали его словъ за чистую монету, и потому, желая показать слушателямъ своимъ, что онъ отказывается только для виду, онъ упомянулъ въ своемъ отвѣтѣ о возстановленіи республики, и далъ такимъ образомъ на выборъ или сдѣлать его императоромъ, или уничтожить императорскую власть. Второе было невозможно: это доказано послѣдующею исторіею, хоть бы напримѣръ, воцареніемъ Клавдія; сознаніе этой невозможности существовало во всѣхъ благоразумныхъ и хладнокровно размышлявшихъ людяхъ того времени. Еще въ началѣ единодержавія Августа «ни одинъ благоразумный человѣкъ, говоритъ Нибуръ, не пожелалъ бы возстановленія респубики, еслибы оно даже и было везможно». (Röm. Gesch. Th. 5, S. 167). Дилемма, поставленная Тиверіемъ, подтверждаетъ мнѣніе знаменитаго критика. Тиверій не далъ на выборъ сенату сдѣлать императоромъ его или кого нибудь другаго, хотя Августъ, къ которому онъ офиціально питалъ религіозное уваженіе, положительно называлъ людьми способными занять его мѣсто М. Лепида и Л. Аруниція (2). Онъ нетолько не назвалъ этихъ именъ, но даже старался всѣми возможными средствами погубить эти личности. Стало быть онъ предлагалъ республику только потому, что убѣжденъ былъ въ ея невозможности и кромѣ того былъ увѣренъ въ томъ, что эту невозможность сознавали и его слушатели. Сенаторы играли комедію по необходимости, по волѣ Тиверія; кто сбивался съ роли, тому приходилось плохо. Л. Гатерій некстати спросилъ у него: «Долго ли ты, цезарь, оставишь государство безъ главы?» и за это, нѣсколько времени спустя, во дворцѣ, на глазахъ у Тиверія былъ самымъ грубымъ образомъ оскорбленъ его тѣлохранителями (3) Ма-

(1) Tacit. Ann. I, 11. (2) Ann. I, 13. (3) Ann. I, 13.

меркъ Скавръ далъ замѣтить, что онъ понимаетъ Тиверія: «Есть надежда, сказалъ онъ, что просьбы Сената не будутъ напрасны, потому что онъ (Тиверій) не противился предложенію консуловъ своею трибунскою властью» ([1]). За это сенаторъ Скавръ попалъ въ немилость; Тиверій никогда не прощалъ, но и никогда не наказывалъ тотчасъ; 18 лѣтъ спустя, въ 32 году по Р. X., Скавръ былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества ([2]) и «Тиверій взялъ его дѣло къ себѣ, говоря, что самъ изслѣдуетъ его въ сенатѣ, и при этомъ зловѣщимъ образомъ отозвался о Скаврѣ; черезъ два года судъ возобновился и Скавръ лишилъ себя жизни, чтобы избѣжать казни ([3]). Замѣчу впрочемъ, для соблюденія исторической вѣрности, что Тиверій и прежде не любилъ Скавра ([4]), который, какъ талантливый трагическій писатель и человѣкъ безукоризненной нравственности, съ одной стороны возбуждалъ его подозрительность, съ другой оскорблялъ его притворную добродѣтель. — Разыгрывая свою государственную комедію, Тиверій самъ направлялъ актеровъ и какъ бы подсказывалъ роли тѣмъ, кто сбивался по простодушію и въ комъ онъ не подозрѣвалъ злаго умысла или блестящихъ способностей.» Въ то время ([5]), когда сенатъ унижался до самыхъ раболѣпныхъ упрашиваній, Тиверій сказалъ случайно: «я не способенъ управлять всѣмъ, но я согласенъ завѣдывать тою частью, которую мнѣ поручатъ.» — «Я спрашиваю тебя, цезарь, сказалъ тогда Азиній Галлъ, какую же часть управленія ты хочешь на себя принять?. — Это была грубая ошибка со стороны Азинія Галла; онъ этими словами показывалъ, что считаетъ возможнымъ раздѣленіе власти и возвратъ къ республикѣ, показывалъ то, чего онъ вѣроятно никогда и не думалъ. Тиверій смутился этимъ неожиданнымъ вопросомъ, но потомъ оправившись отвѣчалъ: «мнѣ, при моей скромности, не пристало выбирать или отклонять что нибудь изъ тѣхъ обязанностей, отъ которыхъ мнѣ всего пріятнѣе было бы вовсе отказаться». Въ этомъ замѣчательно—дипломатическомъ отвѣтѣ, Тиверій ясно намекнулъ Азинію, что нераздѣльность тѣхъ должностей, которыя соединилъ въ своемъ лицѣ Августъ, составляетъ основный догматъ, article de foi, и что нарушителямъ его грозитъ высочайшая немилость. Галлъ понялъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, понялъ это и по словамъ Тиверія, и по выраженію его

---

(1) Ann. I, 13. (2) Ann. VI, 9. (3) Tacit. Ann. VI, 29. (4) Ann. I, 13. (5) Tac. Ann. I, 12.

лица ([1]), и посиѣшилъ, насколько было возможно, поправиться.—«Я не затѣмъ предложилъ этотъ вопросъ, началъ онъ, чтобы раздѣлять то, что не можетъ быть раздѣлено, но чтобы ты самъ подтвердилъ своимъ словомъ, что одно государственное тѣло должно управляться однимъ духомъ.» Этихъ словъ Азинію показалось мало, чтобы загладить неумѣстную выходку; онъ началъ хвалить Августа и распространился о военныхъ подвигахъ Тиверія, но и это не помогло. Тиверій вообще подозрѣвалъ въ немъ либеральныя наклонности и взялъ его на замѣчаніе. Чрезъ 19 лѣтъ, когда обвиненія въ оскорбленіи величества сдѣлались особенно многочисленны и смертельны, Азиній Галлъ былъ обвиненъ, и не надѣясь выпутаться, уморилъ себя голодомъ. Итакъ Тиверій и сенаторы были актерами. Тиверій дирижировалъ ходомъ всей пьесы; сенаторы говорили противъ своего желанія, противъ убѣжденія, сознавая, что и Тиверій притворяется, что онъ видитъ и цѣнитъ по достоинству ихъ притворное усердіе. При этомъ, они еще сами не знали, чѣмъ это все кончится, потому что Тиверій былъ непроницаемъ и за малѣйшую догадку о его истинныхъ намѣреніяхъ могъ серьозно возненавидѣть и современемъ погубить. Сенатъ былъ такимъ образомъ пассивенъ и не смѣлъ даже передъ самимъ собою сознаться въ этой пассивности; онъ долженъ былъ прикрывать своимъ заслуженнымъ семисотлѣтнимъ авторитетомъ проявленія чужаго, единичнаго произвола; онъ долженъ былъ передъ народомъ нести отвѣтственность въ поступкахъ, которые дѣлалъ другой и которыхъ онъ часто не зналъ во всемъ ихъ объемѣ; сенатъ былъ орудіемъ и долженъ былъ постоянно притворяться всемогущею, разумною политическою личностью. Римская аристократія выносила все это, и люди, подобные благородному Тразеѣ Пету, являлись рѣдко и составляли исключительныя явленія, не имѣвшія подъ собою почвы и погибавшія со славою, но безплодно. Въ Римѣ, при императорахъ, человѣкъ богатый и знатный былъ подверженъ самымъ разнообразнымъ опасностямъ. Во-первыхъ, его богатства возбуждали въ доносчикахъ желаніе оклеветать его, чтобы воспользоваться частью его конфискованнаго состоянія. Во-вторыхъ, онъ стоялъ на виду, и власти смотрѣли на него съ негодованіемъ, слѣдуя за каждымъ шагомъ его и перетолковывая въ худую сторону каждое дѣйствіе. ([2]) Если онъ велъ распутную жизнь, императоръ, властью цензора, могъ исключить его

([1]) Ann. I, 12. ([2]) Ann. 13.

изъ сенаторовъ и всадниковъ; если онъ занимался науками, его считали человѣкомъ опаснымъ, потому что направленіе философіи вообще и стоической школы въ особенности было ненавистно правительству и дѣйствительно находилось въ оппозиціи, какъ съ правительствомъ, такъ и съ религіею Если онъ не приносилъ жертвъ, его обвиняли въ безбожіи; если онъ не клялся именемъ Августа, Тиверія, Поппеи, то его обвиняли въ безбожіи и въ мятежѣ; если онъ, будучи сенаторомъ, не посѣщалъ куріи, и это ставилось ему въ вину. Если, присутствуя въ сенатѣ, онъ молчалъ, это могло быть принято за признакъ гордости и неудовольствія. Если онъ говорилъ по убѣжденію, то опала была неминуема, а за опалою слѣдовала обыкновенно придирка къ какой нибудь мелочи, обвиненіе въ оскорбленіи величества, конфискація имущества и казнь; причемъ единственною милостью было иногда позволеніе выбрать себѣ родъ смерти. Приговоры издавались отъ имени сената и даже процессъ обсуживался самими сенаторами; императору даже не нужно было нарушать законнаго порядка; раболѣпство римскаго вельможи, отмѣченное Тацитомъ, было такъ безпредѣльно, что онъ могъ противъ убѣжденія быть нетолько палачомъ, но даже судьею и присяжнымъ. Тразеа Петъ былъ осужденъ при Неронѣ своими товарищами, съ которыми онъ могъ сидѣть рядомъ въ тотъ самый день, когда Капитонъ Коссуціанъ собирался произнести свою обвинительную рѣчь; онъ былъ осужденъ людьми, которые всѣ безъ исключенія его уважали, потому что его уважалъ самъ Неронъ, потому что онъ былъ «сама добродѣтель» ([1]) вѣроятно, многіе изъ этихъ людей его любили, потому что Тразеа былъ человѣкъ кроткій, честный и незаносчивый. Это показываетъ намъ, что аристократія была совершенно ничтожна, какъ матеріальная и нравственная сила. Народу до нея не было дѣла; пролетаріи объѣдали богачей, но богачи отпускали своимъ кліентамъ ихъ *спортулы* и принимали ихъ за свои обѣды ([2]) съ такимъ наглымъ пренебреженіемъ, которое желудокъ кліента могъ переварить, но которое никакъ не могло заронить въ нихъ чувство преданности и вѣрности. *Pietas* кліента къ патрону, считавшаяся въ лучшіе годы республики такою же обязательною добродѣтелью, какъ pietas сына къ отцу, отошла въ область прошедшаго вмѣстѣ съ вызвавшею ее потребностью взаимной помощи

---

(1) Tacit. Ann. XVI 21. (2) «Ювеналъ» Двѣ публ. лекціи пр. Благовѣщенскаго.

и защиты. Народъ любилъ, правда, нѣкоторыхъ честныхъ дѣятелей, но въ минуту опасности онъ ничего не дѣлалъ для ихъ спасенія. Популярность Тразеа Пета доходила дотого, что когда онъ не посѣщалъ курію, то ежедневныя народныя вѣдомости (diurna populi Romani) усердно читались во всѣхъ провинціяхъ и во всѣхъ лагеряхъ, потому что всѣ тревожно старались узнать, какое дѣло рѣшилось помимо согласія Тразеа Пета. И вся эта блестящая популярность только ускорила гибель знаменитаго сенатора; она обратила на него недоброжелательное вниманіе власти и ничѣмъ не поддержала его въ критическую минуту паденія. На что же могла опереться аристократія? У нея были тысячи рабовъ, но рабы, по словамъ лучшихъ мыслителей древности,—живыя орудія и притомъ личные враги своихъ господъ. Рабы могли только угождать всѣмъ прихотямъ своихъ господъ, сносить побои, умирать по произволу господина на крестѣ, или, если дѣло поворачивалось иначе, являться доносчиками на своихъ господъ, или же выдерживать пытку и изъ-подъ пытки, въ бреду страданія, высказывать ихъ тайны и наговаривать на нихъ разныя небылицы. Внутри себя, римскій вельможа тоже не имѣлъ твердой опоры, способной поддержать его въ борьбѣ съ произволомъ и несправедливостью. Эти люди наперерывъ ([1]) старались льстить властелину и нѣкоторые изъ нихъ, напр. Вителлій, доходили въ этомъ отношеніи до невѣроятной изобрѣтательности; «онъ, разсказываетъ Светоній, первый назвалъ К. Кесаря (Калигулу) богомъ, и сталъ поклоняться ему; когда Калигула возвратился изъ Сиріи, Вителлій не иначе осмѣливался приближаться къ нему, какъ закрывъ голову и отворачиваясь, а потомъ падая ницъ. Чтобы понравиться Клавдію, преданному женамъ и вольноотпущеннымъ, онъ просилъ у Мессалины, какъ высшей милости, позволенія снять съ нея башмаки; снявъ правый башмакъ, онъ постоянно сталъ носить его между тогою и туниками и неоднократно прикладывалъ его къ губамъ. Въ числѣ своихъ домашнихъ боговъ онъ обожалъ золотыя изображенія Нарцисса и Палласа, съ которыми Клавдій находился въ связи. Привѣтствуя Клавдія на устроенныхъ имъ вѣковыхъ играхъ (ludi saeculares), онъ сказалъ извѣстное слово: Saepe facias! (устроивай почаще!) Видно тутъ, что лесть вошла Вителлію въ привычку и сдѣлалась насущною потребностью его природы, такъ

(1) Ann. I, 7.

что при государѣ, не любящемъ льстецовъ, ему было бы трудно удержаться отъ униженія своего человѣческаго достоинства. Такихъ или почти такихъ Вителліевъ было много, и поэтому ихъ рабскія ужимки большею частью пропадали даромъ и только портили и безъ того уже заносчивый нравъ императоровъ Юліева дома. Мудрено ли, что слабыя головы Калигулы, Клавдія и Нерона закружились въ этомъ чаду куренія, на этой недосягаемой высотѣ, на которой они стояли одни среди всего человѣчества? Мудрено ли, что Калигула, въ которомъ, по справедливому замѣчанію Шмидта ([1]), воплатилось сумашествіе деспотизма, серьезно вообразилъ себя богомъ и становился на поклоненіе толпы въ пластическую позу между статуями Кастора и Поллукса ([2]). Деспотизмъ развращалъ римскихъ гражданъ, но и граждане въ свою очередь развращали своихъ деспотовъ, давая одному человѣку право презирать все человѣчество. Были свѣтлыя исключенія и между римскими цезарями и между римскими вельможами, но они оставались особнякомъ, и не производили никакого цѣлительнаго вліянія на своихъ современниковъ и на потомство. Возможность существованія и царствованія Домиціана послѣ Тита, и Коммода послѣ Марка Аврелія доказываетъ ясно, что въ римскомъ народѣ не было жизненной силы, никакой иниціативы. Онъ терпѣлъ, какъ огромный животный организмъ; когда боль была слишкомъ сильна, онъ дѣлалъ судорожное, большею частью мѣстное движеніе, и потомъ впадалъ въ ту же летаргическую апатію.

При Тиверіѣ (въ 32 г. по Р. Х.) хлѣбъ сдѣлался слишкомъ дорогъ и народъ сталъ роптать; императоръ былъ осторожный и хитрый политикъ, но онъ не счелъ нужнымъ льстить народу. Были приняты строгія мѣры военнаго деспотизма, и чернь немедленно утихла, а консулы поставили ей даже въ вину ея унылое молчаніе. Впрочемъ съ чернью правители обходились всегда осторожно и самъ Тиверій рѣшился употребить крутыя мѣры, опираясь на то, что при немъ выдача хлѣба производилась гораздо чаще и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ при Августѣ. Но вообще говоря, тупое, безплодное терпѣніе, неоснованное ни на какой надеждѣ въ будущемъ, неосмысленное никакою высшею идеею, терпѣніе, происходя-

(1) Geschichte der Denk und Glaubens freiheit in Rom. (2) Sueton. C. Caligula 22.

щее отъ недостатка самоуваженія и отсутствія нравственной энергіи, терпѣніе инерціи, постоянно соединенное съ малодушіемъ и низостью, составляетъ самую общую черту римскихъ подданныхъ. Это терпѣніе однакожъ не мѣшало имъ выдавать своихъ друзей, родственниковъ и единомышленниковъ. Слѣдствіе по заговору Пизона выставило самымъ яркимъ образомъ всю дряблость римской аристократіи. Милихъ, рабъ Антонія Наталя, донесъ объ этомъ заговорѣ Нерону. Наталь долго отпирался, но какъ только ему погрозили пыткою, онъ указалъ на Пизона и на Сенеку; остальныхъ выдалъ Сцевинъ, думавшій, что уже все открыто. Долѣе всѣхъ крѣпились Луканъ, Квинктіанъ и Сенеціонъ. Но когда имъ обѣщали полное прощеніе, Квинктіанъ и Сенеціонъ назвали ближайшихъ друзей своихъ, а Луканъ выдалъ старуху мать свою, Атиллу. Ободренные капитальными признаніями аристократовъ, слѣдователи думали, что всѣ подробности дѣла разскажетъ имъ вольноотпущенная Эпихарида, соучастница заговора, выданная Волузіемъ Прокуломъ. Ее стали пытать, но усердіе слѣдователей разбилось о твердость женщины; ее жгли на медленномъ огнѣ, били плетьми, но она не назвала никого, и на другой день, когда ее въ носилкахъ несли на вторичное истязаніе, удавилась косынкою. Изъ этого никакъ нельзя заключить, что высшіе классы были хуже низшихъ. Изъ этого можно вывести одно заключеніе, что проявленія твердости и добродѣтели относились въ то время къ случайностямъ, составлявшимъ личную принадлежность отдѣльныхъ людей, и не обусловливались ни степенью образованія, ни положеніемъ въ обществѣ, ни эпохою, ни народностью. Вся политическая физіономія эпохи производитъ самое тяжелое впечатлѣніе; разрозненные примѣры безплодно погибающей добродѣтели усиливаютъ безнадежность; отъ этихъ примѣровъ становится виднѣе безсиліе лучшихъ началъ человѣческой нравственности; добро является обыкновенно единичною вспышкою и ни разу не дѣлается принципомъ; оттого на римскомъ престолѣ являются хорошіе государи, но въ римскомъ народѣ не замѣтно ни одного хорошаго движенія. Благородная душа Тацита глубоко страдала въ то время, когда онъ описывалъ ужасныя злодѣянія и еще болѣе ужасную апатію. Можетъ быть ни гдѣ эти страданія не выразились съ такою трогательною силою, съ такою неподдѣльною искренностью, какъ въ 16 главѣ XVI книги его лѣтописи. Онъ разсказываетъ въ предъидущихъ главахъ о поступкахъ Нерона и Тигел-

лина и вдругъ прерываетъ свое повѣствованіе лирическимъ отступленіемъ: «Еслибы я съ такимъ однообразіемъ подробностей упоминалъ даже о войнахъ съ врагами отечества и о гражданахъ, умирающихъ за общее дѣло, то мною овладѣло бы пресыщеніе и я предположилъ бы скуку въ читателѣ, котораго утомятъ кончины гражданъ, честныя, но печальныя и однообразныя. Но здѣсь рабское терпѣніе, и столько крови, потраченной дома, утомляютъ душу и наводятъ грусть. Отъ тѣхъ, кто узнаетъ эти событія, я потребую только одной милости: дайте мнѣ силы не презирать тѣхъ людей, которые погибали такъ безславно. Гнѣвъ боговъ противъ Рима былъ слишкомъ ужасенъ, чтобы разразиться разомъ въ пораженіи войска или въ потерѣ нѣсколькихъ городовъ». — Я взялъ такимъ образомъ изъ сочиненія Тацита нѣсколько сценъ и картинъ, въ которыхъ выразилось довольно ярко нравственное вліяніе римскихъ императоровъ. Колоритъ этого вліянія измѣнялся съ личностями, вступавшими на императорскій престолъ. Конечно, дворъ Калигулы, Домиціана или Коммода не былъ похожъ на дворъ Тита, Траяна или Марка Аврелія; и то обстоятельство, что отдѣльная личность могла оказывать такое вліяніе на всѣ отрасли духовной жизни образованнаго міра доказываетъ ясно, какъ слабо было біеніе жизненнаго пульса въ огромномъ организмѣ римской имперіи. Императоръ поступалъ самъ, и заставлялъ нетолько поступать, но и говорить и думать другихъ, какъ ему было угодно. Аруленъ Рустикъ пострадалъ за то, что похвалилъ Тразеа Пета при Неронѣ; Гереній Сенеціонъ за то, что отозвался съ уваженіемъ о Гельвидіѣ Прискѣ; сочиненія того и другаго были сожжены на форумѣ. «Этимъ огнемъ, говоритъ Тацитъ, они думали уничтожить голосъ римскаго народа и свободу сената и сознаніе человѣческаго рода; они прогнали учителей мудрости, послали въ ссылку науку и искуство, чтобы не могло быть совершенно ничто честное. Точно, мы представили великое доказательство терпѣнія; какъ время нашихъ предковъ видѣло крайній предѣлъ свободы, такъ мы дошли до крайней границы рабства, потому что шпіонство отняло у насъ возможность и говорить и слушать. Мы бы вмѣстѣ съ голосомъ потеряли и память, еслибъ было настолько же въ нашей власти забывать, насколько молчать. Теперь наконецъ возвращается дыханіе; при самомъ началѣ блаженнѣйшаго вѣка, Нерва Цезарь соединилъ то, что до него считалось несоединимымъ, — монархію и свободу; Нерва Траянъ ежедневно увеличи-

ваетъ счастье имперіи; общественная безопасность перестала быть предметомъ желаній и надеждъ;—она перешла въ увѣренность и окрѣпла; но, по слабости человѣческой природы, лекарства дѣйствуютъ медленнѣе болѣзни; тѣла ростутъ медленно, а угасаютъ быстро; легче подавить дарованіе и науку, чѣмъ снова вызвать ихъ къ жизни. Подъ конецъ самое бездѣйствіе дѣлается пріятнымъ. Покой, ненавистный прежде, обращается въ любимую привычку. Да! въ теченіе пятнадцати лѣтъ (а это много для человѣческаго вѣка) многіе померли случайно, а кто былъ поспособнѣе, погибъ отъ жестокости властелина! Насъ немного, и мы пережили нетолько другихъ, но и самихъ себя; изъ средины нашей жизни вырвано столько лѣтъ, что изъ юношей мы сдѣлались стариками, и состарѣвшись, въ молчаніи дошли до самыхъ предѣловъ кратковременнаго существованія» (1). Вотъ голосъ честнаго и талантливаго человѣка, пережившаго на себѣ нѣсколько разнохарактерныхъ эпохъ, видѣвшаго Тита, Домиціана и Траяна. Замѣтно по его тону, что онъ считаетъ деспотизмъ цезарей главнымъ источникомъ бѣдствій; онъ ищетъ ему объясненія, но, не рѣшаясь заклеймить своихъ соотечественниковъ и отказать всему римскому народу въ жизненной силѣ и въ надеждѣ на обновленіе, онъ часто, въ исторіи и въ лѣтописи своей, останавливается въ нерѣшительности, тревожно ищетъ отвѣта, и наконецъ съ мрачною покорностью говоритъ, что это *воля боговъ* и проявленіе ихъ гнѣва. Онъ любитъ свой народъ, страдаетъ за него; у него не поднимается рука, чтобы бросить въ него, хотя и не первый камень, но порою негодованіе беретъ верхъ надъ всѣми остальными чувствами: историкъ дѣлается лирикомъ, и страстное обличеніе отрывочными фразами вырывается прямо изъ души писателя; иногда оно смѣняется горькою улыбкою, повидимому, холоднаго презрѣнія. Выписанное мною мѣсто не носитъ на себѣ этого характера ожесточенія; историкъ сочувствуетъ угнетенному народу, забывая, что самъ онъ въ другихъ мѣстахъ готовъ былъ презирать людей, погибающихъ такъ хладнокровно. Здѣсь онъ сравниваетъ тяжелую эпоху Домиціановскаго терроризма съ лучшими днями настоящаго; онъ говоритъ, что «возвращается дыханіе»; но между тѣмъ, вглядитесь въ его слова, слышатся ли въ нихъ живые звуки радости за настоящее и твердой надежды на будущее? Обращает-

(1) Agric. 23.

ся ли онъ, говоря о тѣхъ пятнадцати годахъ, которые потеряны для него и для его сверстниковъ, къ молодому поколѣнію, къ будущимъ людямъ и гражданамъ, для которыхъ громко и смѣло звучитъ слово истины? Тацитъ не эгоистъ, онъ думаетъ о потомствѣ, какъ доказываетъ самый историческій трудъ его, какъ доказываютъ его страданія за несовершенство современности. Стало быть, если онъ не глядитъ впередъ, если онъ, говоря о потомствѣ, имѣетъ дѣло съ отвлеченнымъ понятіемъ, а не съ тѣмъ, что формируется на его глазахъ, причины этого заключаются не въ его личности; ихъ надо искать въ окружавшемъ его мірѣ. Ключъ къ рѣшенію этого вопроса даютъ слова самого историка. Домиціану было легче задушить дѣятельность мысли, чѣмъ Нервѣ и Траяну оживить ее. Дѣятельность мысли задушили безъ борьбы, и если Домиціанъ палъ, то палъ случайно, отъ руки убійцы, но не какъ жертва всеобщаго негодованія. Конечно, Карлъ I Англійскій не могъ позволить себѣ того, что позволялъ себѣ Домиціанъ, а между тѣмъ Карла судилъ парламентъ, а Домиціана убилъ какой то Стефанъ, который могъ и не убить его; и въ возвышеніи римскихъ тирановъ и въ ихъ паденіи господствуетъ личный произволъ, случайность, элементъ дворцовой интриги или военнаго бунта; а что же общаго имѣетъ жизнь народа съ временщикомъ Макрономъ, задушившимъ Тиверія, съ дворомъ, наполненнымъ личностями, въ родѣ Вителлія, или съ преторіанскою когортою, располагавшею императорскимъ саномъ? И между тѣмъ эти чисто внѣшнія обстоятельства опредѣляютъ направленіе народной жизни на цѣлыя десятилѣтія. Стало быть, въ народѣ нѣтъ силы, нетолько для оппозиціи, но и для дѣятельнаго, органическаго воспринятія и переработки какого нибудь начала. Итакъ, знаменательно уже то, что Домиціанъ такъ легко задушилъ дѣятельность мысли. Но гораздо важнѣе то, что Нервѣ и Траяну трудно возбудить ее снова. Этотъ фактъ не требуетъ объясненія; любопытно только замѣтить при этомъ, какъ Тацитъ, при всемъ величіи своей личности, отдаетъ дань своему времени. Современное ему болѣзненное явленіе возводится имъ въ общечеловѣческое проявленіе и получаетъ въ его глазахъ силу закона. Тацитъ прямо говоритъ, что легче погасить, нежели зажечь, распространяетъ эту мысль двумя сравненіями и слѣдовательно ясно показываетъ, что не видитъ ничего ненормальнаго въ безуспѣшности прогрессивныхъ попытокъ правительства. Далѣе, говоря объ опасномъ обаяніи бездѣйствія, онъ невольно намекаетъ намъ

на то, что и самъ порою чувствуетъ то утомленіе, ту нравственнную хилость, до которой, въ подобныя эпохи разложенія, доходили, путемъ безплодной борьбы и горькаго разочарованія, люди умные, сильные и честные. Эта проскользнувшая незамѣтно для самаго писателя черта его личнаго ощущенія можетъ служить мѣриломъ болѣзни, разъѣдавшей тѣло и кровь римскаго общества. Если, лицомъ къ лицу съ этою болѣзнью, опускались руки у людей, подобныхъ Тациту, стало быть надежды на исцѣленіе не было и не предвидѣлось.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что во времена имперіи положительно никто не думалъ проводить въ политическую жизнь своихъ теоретическихъ убѣжденій.

У кого были убѣжденія, тотъ берегъ ихъ, какъ драгоцѣнность и старался только, подобно Тразеа Пету, сохранить ихъ въ чистотѣ и не противорѣчить имъ въ дѣйствіяхъ; оппозиція подобныхъ людей была чисто отрицательная, положеніе ихъ оборонительное, и при всемъ томъ въ высшей степени опасное. Германикъ, Сенека, Тразеа, Петъ Агрикола стояли въ такихъ отношеніяхъ къ правительству, и умерли тогда, когда это ему понадобилось. Историки Титъ Лабіенъ и Кремуцій Кордъ отстаивали свободу мысли, и принуждены были уморить себя съ голоду, а произведенія ихъ сожжены на площади. Стоическая школа, къ которой примкнула почти вся умственная аристократія Рима, навлекала гоненія нетолько на себя, но и на философію вообще. Два раза, при Неронѣ и при Домиціанѣ, философовъ выгоняли изъ Рима и изъ Италіи (1). Было опасно таить въ душѣ убѣжденія, хотя бы они и не имѣли прямаго отношенія къ политикѣ. Послушная масса римскаго народа, здѣсь какъ и вездѣ, слѣдовала теченію и старалась забыться въ омутѣ наслажденій; ученіе Эпикура, понятое конечно не такъ, какъ понималъ его Лукрецій, упрощенное и примѣненное къ разумѣнію толпы, находило себѣ множество послѣдователей и не вызывало гоненій со стороны правительства. Донося Нерону о богатомъ Римлянинѣ Плавтѣ, Тигеллинъ прямо ставитъ ему въ вину то, что (2) онъ въ жизни не слѣдуетъ ученію Эпикура. «Плавтъ богатъ, говоритъ онъ, и даже не притворяется человѣкомъ, любящимъ покой, а старается подражать примѣру древнихъ Римлянъ.

---

(1) Sueton. Nero. 39,—Phil. Vita Ap. IV 47. A. Gellius. Noct. Att, XV, 11.
(2) Tacit. Ann. XIV. 57.

Онъ принялъ гордость стоиковъ и ихъ ученіе, которое дѣлаетъ мятежнымъ и возбуждаетъ охоту браться за политическія занятія». Итакъ въ періодъ имперіи политическія убѣжденія не развивались; греко-римскій классическій міръ выработалъ сполна свои принципы; изобрѣтательная способность, какъ замѣчаетъ неоднократно Риттеръ, была истощена (Gesch. der Ph; los. IV) и мыслители, по всѣмъ отдѣламъ науки, только комментировали своихъ предшественниковъ или старались путемъ эклектизма сблизить между собою философскія системы, возникшія въ цвѣтущее время эллинизма. Посмотримъ же теперь, каковы были понятія о государствѣ у лучшихъ представителей греческой мысли.

II.

Въ сочиненіи Аристотеля «о Политикѣ» заключается критика политическихъ идей прежнихъ греческихъ мыслителей, и между прочими, Платона. На этомъ основаніи, мы изъ одной этой книги можемъ вывести какъ различіе между взглядами Аристотеля и Платона, такъ и вообще понятіе древнихъ о государствѣ и его отношеніяхъ къ отдѣльной личности. При первомъ сравненіи Аристотеля съ Платономъ видно, что первый практичнѣе, а второй смѣлѣе въ области отвлеченной мысли. Оба жертвуютъ отдѣльною личностью во имя цѣлаго; оба смотрятъ на человѣка, не какъ на самостоятельный организмъ, а какъ на одинъ изъ разнообразныхъ винтовъ большой государственной машины. Но Платонъ беретъ на себя крайнія слѣдствія своей теоріи и доводитъ уничтоженіе лица въ государствѣ до невозможныхъ предѣловъ, до полнаго отсутствія собственности и семейства. Аристотель вступается за личность, но отстаиваетъ ее не для нея самой, а для государства, и впадаетъ такимъ образомъ въ безъисходное противорѣчіе. Каждый, говоритъ онъ, долженъ имѣть собственность, жену и семейство для одного себя, потому что люди вообще способны вполнѣ заботиться только о томъ, что составляетъ ихъ личную собственность; «о томъ же, чѣмъ онъ владѣетъ съобща съ другими, человѣкъ заботится настолько, насколько на его долю приходится опредѣленная часть» (1). Если это свойство человѣка есть недостатокъ, мыслитель не долженъ съ нимъ мириться; распространенный порокъ никакимъ образомъ не можетъ

---

(1) Arist. Polit. II, 2.

сдѣлаться добродѣтелью, несмотря на обширность своего господства. Если же это законное свойство, то оно рѣшительно не позволяетъ человѣку быть только служебнымъ орудіемъ въ государственномъ организмѣ. Въ первомъ случаѣ, Аристотель долженъ былъ бы не отступать отъ логически послѣдовательныхъ требованій Платона; во второмъ, онъ долженъ былъ эманципировать личность. Но какъ эмпирикъ, требовавшій отъ своихъ выводовъ практической примѣнимости, онъ не могъ увлечься геніальными фантазіями Платона; какъ Грекъ, онъ не могъ отбросить ни одного изъ своихъ національныхъ предразсудковъ, и старался только узаконить ихъ своею діалектикою. Поэтому его разсужденія носятъ на себѣ печать крайней односторонности; въ нихъ нѣтъ той вѣчной свѣжести, которая лежитъ на твореніяхъ генія, ставшаго на общечеловѣческую точку зрѣнія; порою слышатся въ разсужденіяхъ Аристотеля толки современнаго намъ обскуранта (о женщинѣ, о рабахъ, о ремесленникахъ). Но зато въ Аристотелѣ самыя эти уклоненія отъ истины, какъ мы понимаемъ ее теперь, проникнуты такимъ яркимъ историческимъ колоритомъ, что они совершенно переносятъ насъ въ міросозерцаніе древняго человѣка. Цѣль Аристотелева государства есть высшее благосостояніе, но благосостояніемъ этимъ будутъ, какъ онъ самъ признается, наслаждаться не отдѣльныя личности гражданъ, а весь организмъ государства. Причину этого существованія человѣка для общества Аристотель находитъ въ глубочайшихъ основахъ человѣческой природы. «Человѣкъ, говоритъ онъ ([1]), болѣе, чѣмъ пчела, созданъ для государственной общественности... потому что одному человѣку природа дала даръ слова, т. е. способность сообщать другимъ то, что онъ находитъ полезнымъ или вреднымъ, справедливымъ или несправедливымъ. На этомъ основаніи, продолжаетъ онъ, хотя семейство состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, а государство изъ нѣсколькихъ семействъ, можно сказать утвердительно, что государство или общество есть первое и первобытное, а семейство и отдѣльный человѣкъ выработываются только изъ него. Цѣлое необходимо есть основаніе частей и потому должно быть разсматриваемо какъ нѣчто болѣе самостоятельное и первобытное.» Изъ этого основнаго положенія вытекаетъ аристократизмъ всѣхъ политическихъ идей Аристотеля; это положеніе оправдываетъ самый грубый деспотизмъ. Человѣкъ, не желающій принять въ обществѣ ту роль, которую назначаетъ мыслитель, заботясь о стройности цѣлаго, является

---

(1) Polit. I. 2.

въ глазахъ Аристотеля существомъ, нарушающимъ законы природы и слѣдовательно больнымъ или порочнымъ; такого человѣка можно для его же пользы, а главное для блага общества, взять въ опеку; противъ него можно употребить силу. Аристократизмъ идей Аристотеля состоитъ въ слѣдующемъ. Считая свое положеніе о томъ, что общество есть цѣлое и первобытное, а человѣкъ часть и производное, совершенно доказаннымъ, Аристотель выставляетъ впередъ ту мысль, «что, если изъ многихъ частей должно состоять цѣлое, то части должны быть различнаго рода, и исправлять различныя должности. Поэтому необходимо, для блага и сохраненія всѣхъ государствъ, чтобы различныя сословія жителей составляли другъ другу противовѣсъ, стояли отдѣльно другъ отъ друга, и между тѣмъ соглашались между собою въ своихъ конечныхъ цѣляхъ» ([1]). Отъ этой идеи до кастическаго устройства одинъ шагъ, и Аристотель дѣйствительно дѣлаетъ этотъ шагъ, и прямо становится защитникомъ государственныхъ формъ Египта и Крита. ([2]).

Управлять государствомъ могутъ, по его мнѣнію, только воины, политики и судьи, которые должны составлять одно сословіе; кто въ молодости былъ воиномъ, тотъ можетъ подъ старость, когда физическія силы ослабѣютъ, а мудрость и опытность увеличатся,—завѣдывать государственными дѣлами и засѣдать въ судѣ. Только управляющіе государствомъ могутъ быть названы гражданами; остальные — земледѣльцы, пастухи и ремесленники необходимы, какъ чернорабочіе, но на ихъ долю приходится только трудъ и повиновеніе, потому что они не могутъ, по недостатку времени, пріобрѣсти познанія, необходимыя для управленія государствомъ. О томъ, что между этими людьми можетъ современемъ распространиться образованіе, у Аристотеля нѣтъ и рѣчи; онъ этого не предполагаетъ, да и не желаетъ, потому что это конечно нарушило бы существующія отношенія и повредило бы внѣшней стройности его идеальнаго государства. О прогрессѣ въ государствѣ этомъ не можетъ быть рѣчи; прогрессъ основанъ на развитіи отдѣльныхъ личностей, которое приводитъ современемъ къ реформѣ существующаго порядка вещей. Аристотель былъ врагъ прогресса, во-первыхъ, потому что онъ сразу силою творческой мысли хотѣлъ создать совершенство, которое не нуждалось бы ни въ какой реформѣ, во-вторыхъ, потому что онъ

---

(1) Polit. II, 1. (2) Polit. VII. 10.

считалъ человѣческую личность частью и слѣдовательно не могъ желать развитія части, потому что такое развитіе могло нарушить гармонію цѣлаго. Цѣль всей государственной, педагогической, юридической и промышленной дѣятельности клонится у него не къ усовершенствованію, а къ поддержанію существующаго порядка вещей. Какъ рѣшительный поборникъ аристократизма, Аристотель не могъ желать возвышенія умственнаго уровня въ массѣ народа, потому что, развившись, эта масса неминуемо потребовала бы себѣ разныхъ правъ. Какъ творецъ утопіи, Аристотель показываетъ совершенное отсутствіе историческаго взгляда на событія. Онъ думаетъ, что учрежденія должны подчинить себѣ жизнь и характеръ народа; онъ вѣритъ въ совершенство идеальнаго государства, не замѣчая того, что его идеалъ весь составленъ изъ чисто-греческихъ матеріаловъ. Такъ напр. онъ положительно оправдываетъ безправность иностранцевъ передъ закономъ и существованіе рабства. При эмпирическомъ направленіи своихъ политическихъ изслѣдованій, Аристотель не можетъ упустить изъ виду требованія жизни, но эти требованія жизни онъ понимаетъ чисто внѣшнимъ образомъ. Въ 11-й главѣ IV книги онъ говоритъ, что лучшая форма управленія по его мнѣнію та, гдѣ власть находится въ рукахъ средняго сословія, т. е. людей, не слишкомъ богатыхъ, но обезпеченныхъ, потому, говоритъ онъ, что большія богатства располагаютъ къ заносчивости, а бѣдность къ раболѣпству и къ зависти. (1) Самое опредѣленіе лучшей формы управленія показываетъ, до какой степени Аристотель подчиняетъ личность человѣка внѣшнимъ условіямъ. Не внутренній характеръ, не степень и обстоятельства развитія, а степень матеріальнаго благосостоянія служитъ ему ручательствомъ за вѣрность мышленія и за благородство чувствъ. Чтобы личный трудъ доставилъ человѣку независимое положеніе и самостоятельный, почтенный характеръ, этого онъ, особенно для массы, не допускаетъ. Мало того, онъ положительно считаетъ трудъ ремесленника и мелкую торговлю чѣмъ-то неблагороднымъ, препятствующимъ развитію духовныхъ силъ, и потому несовмѣстнымъ съ полноправнымъ гражданствомъ (2). Аристотель сравниваетъ ремесленника съ рабомъ, живущимъ отдѣльно и неимѣющимъ постояннаго господина (3), и потомъ спрашиваетъ очень серьезно, существуетъ ли добродѣтель для раба, для ремесленника, для женщины и

---

(1) Pol. I, 1. (2) VII, 9. (3) I, 8.

для ребенка? Важно уже поставленіе этого вопроса, но еще замѣчательнѣе отвѣтъ. «Если сказать *«да»*, говоритъ Аристотель, то въ чемъ же будетъ состоять различіе между свободно-рожденными и рабами? Если сказать *«нѣтъ»*, то выйдетъ какъ будто нелѣпость, потому что рабы все-таки люди и существа разумныя» (1). «У раба есть разсудокъ, но не настолько, чтобы свободно рѣшаться и дѣйствовать. У женщины есть способность размышлять и рѣшаться, но она не настолько тверда, чтобы управлять собою. У дѣтей тѣ же способности незрѣлы и неразвиты.» Такимъ образомъ рабы, ремесленники, женщины и дѣти стоятъ между собою на одномъ уровнѣ, въ томъ отношеніи, что всѣ они должны быть подчинены внѣшней власти и не позьзуются правами гражданства. Оттѣнки ихъ подчиненія конечно различны, но фактъ зависимости одинаково законенъ и необходимъ. Всѣ они зависятъ отъ гражданъ и потому дѣйствуютъ не по своимъ убѣжденіямъ и повинуются не отвлеченной идеѣ, а единичнымъ личностямъ. Непосредственно съ идеею государства имѣютъ дѣло только граждане, т. е. люди лично свободные, обезпеченные состояніемъ, нетрудящіеся и получившіе извѣстное образованіе. Разсмотримъ отношеніе ихъ личности къ идеѣ государства. »Ни одинъ гражданинъ, говоритъ Аристотель, не долженъ думать, что онъ существуетъ и живетъ самъ для себя; всѣ должны думать, что они живутъ для государства; всякій относится къ государству, какъ членъ къ тѣлу, какъ часть къ цѣлому, а самое удобное и естественное попеченіе о членѣ есть то, которое клонится къ благосостоянію всего тѣла» (2). Этотъ отрывокъ взятъ мною изъ той главы, въ которой Аристотель говоритъ о воспитаніи юношества. Въ этой главѣ онъ рѣшаетъ утвердительно два вопроса: 1) составляетъ ли воспитаніе дѣло законодательства? и 2) слѣдуетъ ли предпочитать общественное воспитаніе домашнему? Замѣчу здѣсь мимоходомъ, до какой степени результаты классической образованности расходятся съ тѣми началами, которыя выработала европейская цивилизація. Эти же два вопроса Вильгельмъ Гумбольдтъ рѣшаетъ отрицательно. Отстаивая самостоятельность и оригинальность личности, онъ положительно въ одномъ изъ своихъ сочиненій по теоріи педагогики (Ueber oeffentliche Staatserzielung. Bd. I. S. 336—342) говоритъ что правительству вовсе не нужно заботиться о воспитаніи, и находитъ, что

---

(1) Pol. I, 8. (2) VIII, 1.

общественное воспитаніе хуже домашняго, именно по той причинѣ, по которой Аристотель считаетъ его лучшимъ, т. е. потому, что оно формируетъ всѣхъ на одинъ покрой и препятствуетъ развитію индивидуальныхъ силъ и стремленій. В. Гумбольдтъ хочетъ, чтобы воспитаніе было равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ способностей души, и чтобы при этомъ не направляли воспитанника ни къ какой предвзятой практической цѣли. Аристотель, напротивъ того, хочетъ воспитывать не человѣка, а гражданина, притомъ гражданина извѣстнаго государства, такъ что демократическое государство должно слѣдовать одной системѣ воспитанія, олигархическое — другой, а его идеальное — самой лучшей, соединяющей въ себѣ хорошія стороны обѣихъ крайностей. Въ семи главахъ о воспитаніи, составляющихъ 8-ю книгу его политики, Аристотель принимаетъ въ соображеніе только гражданъ; о воспитаніи же дѣтей ремесленниковъ, мелочныхъ торговцевъ или рабовъ мы ничего не знаемъ; не можемъ даже сказать, считалъ ли Аристотель для нихъ нужнымъ какое-нибудь воспитаніе; но онъ положительно говоритъ: 1) о томъ, что юноши должны умѣть повиноваться, чтобы современемъ умѣть повелѣвать, и 2) о томъ, что должны быть изъ воспитанія совершенно исключены тѣ занятія, въ которыхъ есть что-нибудь неблагородное, низкое и рабское. Ясно, что Аристотель заботится только о воспитаніи того счастливаго меньшинства, которому онъ даетъ имя и права гражданъ. Впрочемъ, это меньшинство можетъ быть названо счастливымъ только сравнительно съ другими, систематически угнетенными сословіями. Не имѣя права смотрѣть на себя, какъ на самостоятельное цѣлое, свободный гражданинъ по рукамъ и по ногамъ связанъ законодательствомъ. Законъ, составленный не имъ, управляетъ его воспитаніемъ и волею — неволею втискиваетъ его молодой умъ въ ту рамку, которая считается нормальною въ видахъ благосостоянія отвлеченнаго цѣлаго; законъ опредѣляетъ лѣта брака, не дозволяя мужчинѣ жениться раньше 30 лѣтъ, а женщинѣ выходить замужъ раньше 18-ти; законъ позволяетъ заключеніе браковъ только между личностями соразмѣрныхъ лѣтъ; при этомъ принимается, что мужчина послѣ семидесяти лѣтъ не способенъ къ сожитію, а женщина послѣ 50-ти лѣтъ не способна производить дѣтей; на этомъ основаніи считаются соразмѣрными тѣ лѣта, при которыхъ мужчина и женщина находятся въ одинаковомъ разстояніи, первый отъ 70-ти, вторая отъ 50-ти лѣтъ. «Что касается, продолжаетъ онъ до времени года, въ которомъ

всего удобнѣе супружеское сожитіе, то многіе опредѣляютъ для него зиму; и, можетъ быть, не будетъ несправедливымъ слѣдовать этому правилу.» Тутъ Аристотель не говоритъ опредѣлительно, чтобы нужно было этотъ предметъ оговорить обязательною статьею закона; но нѣтъ положительныхъ основаній думать, чтобы онъ совершенно предоставилъ это на волю обычая или личнаго благоусмотрѣнія. Беременныя женщины должны дѣлать ежедневно движеніе, и законодательство должно заботиться объ этомъ, «вмѣняя имъ въ обязанность посѣщать храмы боговъ, покровительствующихъ родамъ» и т. д.

Къ какимъ ужаснымъ результатамъ могло привести законодательство Аристотеля, проведенное съ тою строгостью, которой онъ самъ желаетъ, — каковы были бы тѣ люди, которые бы имъ подчинились, —каково было бы молодое поколѣніе, которое выросло бы подъ ихъ вліяніемъ и не сбросило бы ихъ съ справедливымъ негодованіемъ, какъ тяжелыя, позорныя и безцѣльныя оковы, — это совершенно понятно современно развитому человѣку. Аристотель забылъ, что человѣкъ успѣшно занимается только тѣмъ, къ чему влечетъ его внутренняя потребность, и что онъ способенъ быть полезнымъ членомъ общества только тогда, когда онъ вполнѣ понимаетъ цѣль этого общества и проникнутъ къ ней искреннимъ сочувствіемъ. Словомъ, онъ не возвысился до понятія человѣческой личности и потому ищетъ конечную цѣль человѣческихъ способностей и стремленій внѣ самаго человѣка, въ мірѣ отвлеченныхъ понятій и воображаемыхъ интересовъ. Идеи Аристотеля раздѣляла вся древность; съ нимъ соглашались Цицеронъ и Сенека, убѣжденія которыхъ заключаютъ въ себѣ довольно полно плоды философскаго сознанія Римлянъ. Только Эпикуръ и Киренайская школа идонистовъ (ἡδονή—удовольствіе), подъ предводительствомъ Аристиппа, выгородили человѣка изъ той зависимости, въ которую поставила его вся древняя философія. Видя цѣль жизни въ наслажденіи, эти мыслители не требовали, чтобы человѣкъ жертвовалъ своими радостями и интересами для стройности общественнаго зданія. Они желали, чтобы, развивая свое эстетическое чувство, человѣкъ дѣлался все болѣе и болѣе воспріимчивымъ къ тонкимъ наслажденіямъ, обогащающимъ умъ и смягчающимъ душу; при этомъ конечно не было забыто и тѣло; въ эпоху паденія римской республики, при страшномъ распространеніи роскоши въ высшемъ классѣ и пролетаріата въ низшемъ, римская молодежъ ухватилась за эпикуреизмъ, и, по-своему примѣнивъ его къ жизни, превратила его въ грязное служеніе чувственно-

сти, въ которомъ совершенно заглохло сознаніе изящнаго, необходимое для всякаго истиннаго наслажденія. Попытка Эпикура оказалась такимъ образомъ безплодною и поэтому можно сказать совершенно справедливо, что древнему міру неизвѣстна была гуманность, т. е. уваженіе къ человѣку, независимо отъ его національности и положенія въ обществѣ. Развитію этой гуманности мѣшало существованіе древнихъ національностей, смотрѣвшихъ другъ на друга свысока и враждебно. Генрихъ Риттеръ (1) говоритъ, что въ эпоху паденія древней философіи задачею времени было разбить національности и перемѣшать между собою ихъ элементы. Въ теоріи личность гражданина приносилась въ жертву государству; еслибы это теоретическое положеніе было проведено въ жизнь, тогда самоотверженіе составило бы сущность политической жизни древняго человѣка. Исторія показываетъ намъ совершенно другое. Примѣры самоотверженія гражданъ относятся ко временамъ миѳическимъ, или встрѣчаются очень рѣдко, или только неправильно принимаются за доказательства самоотверженія. Въ гомеровскомъ эпосѣ, въ самыхъ крупныхъ и рельефныхъ личностяхъ не замѣтно гражданскаго самопожертвованія; если оно встрѣчается въ отрывкахъ римскаго историческаго эпоса, то это обстоятельство, быть можетъ, просто обличаетъ искуственность его происхожденія. Во времена историческія имена Деція Муса и Регула стоятъ особнякомъ, да и въ этихъ двухъ личностяхъ элементъ самолюбія (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) и самоуваженія играютъ такую-же важную роль, какъ и любовь къ Риму. Если поставить рядомъ съ этими именами имена Пизистрата, Перикла, Алкивіада, Гармодія и Аристогитона (которыхъ такъ не кстати прославилъ аѳинскій народъ), Сократа, Платона и Аристотеля (какъ индифферентистовъ въ области государственной жизни), то мы увидимъ, что, во 1-хъ, каждый изъ названныхъ дѣятелей имѣетъ рѣзко обозначенную физіономію, которую не поглотило и не сгладило государство; во 2-хъ, всѣ они принадлежатъ къ цвѣтущей эпохѣ греческой національности, а нѣкоторые изъ нихъ сами по себѣ составляютъ эпоху въ развитіи греческаго духа; въ 3-хъ, всѣ они принадлежатъ къ лучшимъ людямъ своего времени и потому заслуживаютъ быть его представителями. Несмотря на всѣ эти условія, всѣ они или дѣйствовали по чисто эгоистическимъ цѣлямъ, или, становясь выше окружающаго ихъ порядка вещей, жили въ мірѣ идей и, подобну Сократу, умирали за идею, неимѣющую ничего общаго съ греческою національностью. Въ Платонѣ разладъ тео-

---

(1) Gesch. der Phil. Th. IV. S. 25—29

ріи съ жизнью прямо бьетъ въ глаза; въ своей республикѣ онъ требуетъ совершеннаго уничтоженія личности въ государствѣ, доходящаго до коммунизма женъ и дѣтей, а на дѣлѣ онъ былъ положительно плохимъ гражданиномъ, въ чемъ упрекаетъ его Нибуръ.

Я не съ тѣмъ заговорилъ объ этой сторонѣ предмета, чтобы упрекнуть древнихъ мыслителей въ невѣрности своимъ идеямъ, подобный упрекъ я считаю безплоднымъ; но мнѣ кажется, что, бросивъ взглядъ на это обстоятельство, можно вѣрнѣе объяснить себѣ источникъ самаго уничтоженія личности передъ идеею государства. Древнимъ писателямъ трудно было отдѣлаться отъ понятій, съ которыми они сжились. Философы Греціи остаются Греками извѣстнаго періода въ самыхъ отвлеченныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ теоріяхъ. Стать въ сторонѣ отъ своей національности и отнестись къ ея особенностямъ просто и критически для нихъ невозможно. Еще невозможнѣе отрѣшиться отъ собственной своей личности, увидать въ себѣ присутствіе извѣстной доли эгоизма, и признать въ другихъ подобныхъ себѣ людяхъ законность и естественность такой же доли эгоизма. Въ философѣ, пишущемъ политическую теорію, эгоизмъ, управляющій поступками его жизни, дѣйствуетъ на ходъ мыслей тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онъ подозрѣваетъ въ себѣ его существованіе. Принимая внушенія національнаго, сословнаго и личнаго эгоизма за выраженіе чистой истины, не подозрѣвая въ себѣ и тѣни своекорыстія, мыслитель возмущается всякою личною самостоятельностью, какъ вреднымъ проявленіемъ эгоизма, и потому давитъ личность во имя отвлеченныхъ результатовъ, добытыхъ имъ, безсознательно для него самого, путемъ чисто личныхъ впечатлѣній и чисто личной мыслительной дѣятельности. Обращусь за примѣромъ къ политикѣ Аристотеля. Аристотель— Грекъ, мужчина, свободный человѣкъ и философъ. Такой именно личности по всѣмъ правамъ отводится первое мѣсто въ томъ идеальномъ государствѣ, которое онъ изображаетъ. Аристотель можетъ съ полнымъ убѣжденіемъ говорить о службѣ отечеству, о недопущеніи къ правамъ гражданства ремесленниковъ и женщинъ, о законности рабства и о достодолжномъ презрѣніи къ варварамъ. Онъ не замѣчаетъ, что каждая черта его законодательства имѣетъ отношеніе къ его личности, или тѣмъ, что оно предоставляетъ подобнымъ ему людямъ положительныя преимущества, или тѣмъ, что, отгоняя отъ этихъ преимуществъ толпу, возвышаетъ на нихъ цѣну. Платонъ прямо говоритъ, что философы должны управлять государствомъ. Всѣ тягости, вся черная работа па-

даетъ конечно не на тотъ классъ, къ которому принадлежатъ авторы утопій. Аристотелю и Платону ниразу не приходитъ въ голову подумать: что еслибы я родился ремесленникомъ, или рабомъ, или женщиною, или варваромъ, и не приходитъ въ голову только потому, что они даже не замѣчаютъ тѣхъ ограниченій, которыя оказываетъ ихъ личность на мыслительную ихъ дѣятельность. Принимая свое личное за абсолютное, они и не предполагаютъ, и не чаютъ, чтобы даже случайно могло быть что нибудь вѣрное за тѣми предѣлами, которые они считаютъ безконечно обширными и которые на самомъ дѣлѣ такъ страшно тѣсны и деспотичны. Поэтому въ политикѣ Аристотеля абсолютное начало тяготѣетъ надъ правами гражданъ и негражданъ; но это не абсолютное, не идея государства вообще,—это личность самого Аристотеля, выраженная въ ряду понятій; она гнететъ все, что не однородно съ нимъ; оттого страдаютъ ремесленники, рабы, женщины и варвары; оттого приносятся въ жертву идеѣ цѣлаго даже полноправные граждане; оттого блаженствуетъ только идея цѣлаго, т. е. творческая мысль Аристотеля. Цѣль его творенія — самоудовлетвореніе. Его политика стоитъ наряду съ любымъ лирическимъ стихотвореніемъ, съ тою только разницею, что лирическое стихотвореніе выражаетъ минутное настроеніе, а политика Аристотеля — зрѣлую, мыслящую личность творца философа. Въ политикѣ Аристотеля ясно выразилась одна черта, очень важная для характеристики древности; эта черта есть эгоизмъ личности и сословія, т. е. эгоизмъ и аристократизмъ.

III.

Въ римскомъ обществѣ первыхъ вѣковъ христіанства, эгоизмъ личности выразился въ военномъ деспотизмѣ, эгоизмъ сословія въ рабствѣ. О рабствѣ говорили почти всѣ писатели древности; никто не возставалъ противъ него прямо, никто не опровергалъ его основнаго принципа. Многіе, подобно Аристотелю, доказывали его необходимость; многіе, напримѣръ Цицеронъ, въ жизни своей являлись болѣе гуманными, чѣмъ въ теоріи (1) Въ первые два вѣка имперіи замѣтно въ нѣкоторыхъ лучшихъ писателяхъ, наприм. въ Сенекѣ, въ Плутархѣ, въ Плиніи младшемъ пробужденіе почти гуманнаго чувства. Главныя школы философофъ, стоики и эпикурейцы схо-

(1) Ad. Att. I, 12.

дились между собою во взглядѣ на рабство. Эпикуреецъ Лукрецій и стоикъ Эпиктетъ не считаютъ его несчастіемъ и говорятъ, что истинно свободенъ только мудрецъ и что рабство, бѣдность, тѣлесныя страданія принадлежатъ къ случайностямъ и не должны тревожить душу. То смягченіе чувства, на которое я указалъ выше, сначала выразилось не въ философской системѣ. Сенека обнаруживаетъ его въ дружескихъ письмахъ и не облекаетъ ихъ въ форму доктрины. Плутархъ и Плиній говорятъ о своемъ обращеніи съ рабами, и ихъ слова носятъ характеръ простодушнаго личнаго изліянія. Между тѣмъ духъ классической философіи незамѣтно смягчается и слабѣетъ. У Аристотеля видно рѣзкое разграниченіе сословій; у Эпиктета говорится уже о совершенномъ ничтожествѣ внѣшнихъ разграниченій между рабствомъ и свободою, между богатствомъ и бѣдностью, между знатностью и незнатностью рода; (1) Аристотель сомнѣвается въ существованіи добродѣтели у рабовъ; Сенека говоритъ, что онъ уважаетъ человѣка не за ремесло, а за нравственныя свойства, и что рабъ можетъ быть свободенъ по своему духу (2). Важность рабства сознавали или чувствовали мыслители древности; ни одинъ изъ нихъ не могъ себѣ представить такого порядка вещей, при которомъ не было бы рабовъ; рабы считаются необходимою частью государства въ обѣихъ утопіяхъ древности, у Платона и у Аристотеля. Рабы были ремесленниками, земледѣльцами, пастухами, художниками, актерами, гладіаторами, письмоводителями, домашними грамматиками, философами и педагогами. Имъ поручались самыя грубыя работы и имъ же предоставлялась такая короткость отношеній съ господами, до которой не могъ дойти никакой наемникъ; при этомъ не дѣлалось ни малѣйшаго различія между педагогомъ и послѣднимъ чернорабочимъ, несмотря на разстояніе, существующее между ихъ должностями; оба они подвергались тому же презрительному, а иногда и жестокому обращенію со стороны своихъ господъ; и тотъ и другой совершенно оставались въ зависимости отъ ихъ произвола и потому важная должность, поручаемая рабу, не облагороживала и не эманципировала его въ нравственномъ отношеніи. Это разнообразіе должностей давало только средства рабамъ дѣйствовать въ одно и то же время и на чернь, и на аристократію. Какъ рабочая сила, обязательный трудъ составлялъ конкурренцію вольному труду; какъ испорченное и униженное сословіе, рабы со-

---

(1) Diss IV, 1. (2) Ep. XLVII.

общали свои пороки аристократамъ, поручаемымъ ихъ надзору въ младенчествѣ и находившимся съ ними въ постоянныхъ домашнихъ отношеніяхъ въ теченіи всей своей жизни. Съ этихъ двухъ сторонъ надо разсмотрѣть вліяніе рабства. Въ первыя времена существованія римскаго государства земледѣліе составляло главный источникъ пропитанія для всѣхъ классовъ. Землею владѣли и патриціи и плебеи; народонаселеніе завоеванныхъ земель не обращалось въ рабство; оно оставлялось на особыхъ правахъ въ своемъ отечествѣ, или переводилось въ Римъ и увеличивало собою сословіе плебеевъ, людей свободныхъ, но не пользовавшихся всѣми правами гражданства ([1]). Количество земли, которымъ владѣли граждане, было большею частью очень ограниченно. ,,Римскому народу, говоритъ Плиній старшій (XVIII, II), было довольно по два югера на человѣка, и Ромулъ не далъ никому большаго количества земли». Въ землѣ Цинцинната было четыре югера ([2]) Впослѣдствіи на человѣка приходилось не болѣе семи югеровъ ([3]). До времени Самнитскихъ войнъ, считалось нужнымъ, чтобы количество земли не превышало силъ самаго хозяина ([4]). Но исключенія изъ этого правила встрѣчались уже довольно часто; частные долги принуждали бѣднаго плебея закладывать или продавать свой участокъ земли; капиталы богачей притягивали къ себѣ деньги и земли, и, увеличиваясь, получали тѣмъ большую силу притяженія. Проценты въ древнемъ Римѣ были такъ тяжелы, что Катонъ старшій, на вопросъ: ,,что такое отдавать деньги въ ростъ? отвѣчалъ другимъ вопросомъ: а что такое убивать человѣка'' ([5]). Ростовщикъ овладѣвалъ часто нетолько имуществомъ, но и особою несостоятельнаго должника, такъ что эксплуатація должника была однимъ изъ внутреннихъ источниковъ рабства, хотя это рабство не было такъ полно и безотвѣтно, какъ рабство, происшедшее отъ покупки или отъ взятія въ плѣнъ ([6]) (*). Такимъ образомъ поземельныя владѣнія богача розростались и уже Спурій Кассій потребовалъ новаго раздѣла общественнаго поля (ager publicus), въ которое поступало постоянно опредѣленное ко-

---

([1]) Wallon. Hist. de l'escl. dans l'antiquité T. II. p. 5, 6. ([2]) Tit. Liv. III. 26. ([3]) Plin. Hist. Nat. XVIII. IV. ([4]) Colum. de re rustica I, III. ([5]) Cic. de officiis II, 25. ([6]) Wallon. II. p. 24.

(*) Въ 325 году до Р. Х. злоупотребленіе власти со стороны кредитора Папирія надъ молодымъ плебеемъ Публиціемъ, подало поводъ къ закону Петилія, по которому кредиторъ долженъ былъ находить себѣ ручательство не въ личности должника, а въ его имуществѣ.

личество завоевываемыхъ земель; послѣ его несчастной попытки, Лициній Столонъ, опираясь на сочувствіе усилившихся плебеевъ, провелъ законъ о томъ, чтобы ни одинъ гражданинъ не имѣлъ въ своемъ владѣніи болѣе 500 югеровъ земли. Этотъ законъ было трудно провести, что доказываетъ ясно, до какой степени во время Лицинія, т. е. за сто лѣтъ до пуническихъ войнъ разрослись поземельныя владѣнія богачей. Съ увеличеніемъ земли должно было увеличиваться число рабовъ; въ былое время приходилось большею частью по одному рабу на семейство, и даже во время первой пунической войны Регулъ отпрашивался въ отпускъ, говоря, что рабъ его умеръ, а нанятой работникъ убѣжалъ съ земледѣльческими орудіями (1). Конечно, положеніе Регула было исключительное: онъ владѣлъ семью югерами, когда многіе граждане не довольствовались пятью стами, но тѣмъ не менѣе присутствіе нанятаго работника на его участкѣ доказываетъ, что вольный трудъ не былъ вытѣсненъ обязательнымъ. Почти повсемѣстно разорившіеся плебеи брали земли на аренду или нанимались въ работники; если Горацій въ одной изъ своихъ сатиръ могъ еще указать на личность вольнаго арендатора Офеллы, то конечно за 200 лѣтъ до Горація подобные примѣры встрѣчались гораздо чаще. Даже въ городѣ ремеслами занимались, по мнѣнію Валлона, городскія трибы плебеевъ. Что касается домашнихъ работъ, онѣ исправлялись рабами и рабынями, подъ управленіемъ и при содѣйствіи матроны. Вторая пуническая война въ отношеніи къ распространенію рабства, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, составляетъ поворотный пунктъ въ исторіи римскаго народа. Войны, веденныя до этого времени, были сопряжены съ нѣкоторою опасностью для самаго Рима; послѣ сраженія при Замѣ, Римъ почувствовалъ себя хозяиномъ образованнаго міра и историки не трудятся даже записывать число людей, проданныхъ въ рабство и приведенныхъ въ Римъ (2). Нѣкоторыя цифры, встрѣчающіяся довольно рѣдко, показываютъ, что цѣлыя народонаселенія обращались въ невольниковъ. Послѣ низложенія Персея въ одномъ Эпирѣ продано въ рабство 150,000 человѣкъ (3). Марій привелъ въ Италію 90,000 плѣнныхъ Тевтоновъ и 60,000 Кимвровъ. Въ царствѣ Митридата Лукуллъ набралъ такъ много добычи, что рабъ продавался по 4 драхмы (около 90 к. с.), а волъ по 1 драхмѣ (около 23 к. с.) (4). Кромѣ войны, важнымъ ис-

(1) Val. Max. IV, 4. (2) Wallon. II, 37. (3) T. Liv. XLV. 34. (4) Appianus. Bell. Mithr. 78.

точникомъ рабства былъ морской разбой ([1]). Пираты дѣлали высадки на берега, захватывали попадавшихся обывателей и путешественниковъ и продавали ихъ на чужую сторону. Иногда губернаторы провинцій именемъ данной имъ власти обращали въ рабство и продавали съ публичнаго торга значительное число ввѣренныхъ имъ жителей ([2]). Виѳинія, Галатія, Каппадокія, Сирія, Греція были обращены въ обширные рынки рабовъ! Этотъ родъ торговли перешелъ въ частныя руки и сдѣлался предметомъ самыхъ обширныхъ спекуляцій; законъ опредѣлялъ отношенія между покупщикомъ и продавцомъ рабовъ съ такою тщательною осмотрительностью, которая прямо показываетъ всю важность этой торговли какъ въ коммерческомъ, такъ и въ житейскомъ отношеніи, т. е. какъ для выгодъ продавца, такъ и для домашняго комфорта покупщика ([3]). Въ этотъ періодъ времени, между второю пуническою войною и началомъ имперіи, владѣнія богачей приняли самые обширные размѣры. Неудавшаяся попытка Гракховъ возстановить забытые полевые законы Лицинія показываетъ ясно, какъ крѣпко владѣли богачи тѣмъ, что они присвоили себѣ изъ общественнаго поля. При этомъ нужно еще замѣтить, что Тиверій Гракхъ не требовалъ исполненія Лициніевыхъ законовъ во всей ихъ строгости. Онъ понималъ требованія времени, и потому предоставлялъ, кромѣ 500 югеровъ, на каждаго неотдѣленнаго сына по 250-ги; остальное количество земли общественнаго поля онъ предлагалъ выкупить у богачей; стало быть, съ его стороны уступка была сдѣлана, но этой уступки показалось мало, и оба Гракха заплатили жизнью за свои усилія дать римскому простолюдину осѣдлость и обезпеченный трудъ. Распространеніе большихъ владѣній измѣнило направленіе сельскаго хозяйства; обширныя земли богачей были превращены въ пастбища, и скотоводство, требующее большаго пространства земли и незначительнаго количества рукъ, было признано большинствомъ римскихъ агрономовъ самымъ выгоднымъ промысломъ. Катонъ старшій, на вопросъ, чѣмъ лучше всего заниматься хозяину, отвѣчалъ: хорошо пасти стада. А второе?— Порядочно пасти стада. А третье?— Дурно пасти стада. А четвертое?—Пахать землю ([4]). Колумелла и Варронъ въ агрономическихъ своихъ сочиненіяхъ жалѣютъ объ упадкѣ земледѣлія, но не считаютъ его промысломъ болѣе выгоднымъ; они жалѣютъ не столько объ

---

(1) Cic. prolege Manil. 12. (2) Val. Max. IX. 6. (3) Wallon. II. p. 51—70. (4) Cic. De offic. II. 25.

упадкѣ этой отрасли сельскаго хозяйства, сколько о паденіи того патріархальнаго быта, съ которымъ была связана эпоха его процвѣтанія. Оба они совѣтуютъ употреблять на сельскія работы рабовъ и замѣнять ихъ наемниками только при очень спѣшной работѣ или при обработываніи полосъ земли, отличающихся тяжелымъ климатомъ. Изъ этого ясно, что обязательный (1) трудъ совершенно вытѣснилъ вольный; у Варрона и особенно у Колумеллы нѣсколько главъ посвящено совѣтамъ касательно выбора домоправителя (villicus) и экономки (villica) изъ рабовъ, касательно обращенія съ рабами, касательно ихъ жилищъ, ихъ пищи и распредѣленія работъ и наказаній. О вольныхъ работникахъ упоминается несравненно рѣже и постоянно мимоходомъ. Отнявши у бѣдняковъ земли, богачи отняли у нихъ и работу; толпа бездомныхъ и поневолѣ праздныхъ гражданъ стекалась въ города и особенно въ Римъ; тамъ со времени Кая Гракха (2) производились безденежныя раздачи хлѣба; тамъ можно было подавать на выборахъ свой голосъ, можно было пользоваться возникавшими волненіями и ловить рыбу въ мутной водѣ; словомъ, столица республики представляла множество средствъ къ существованію; средства эти не могли назваться ремеслами, не нарушали праздности, но доставляли пропитаніе, требовали той шумной суетливости, которую всегда любила чернь южнаго народа, и принуждали кандидатовъ въ публичныя должности заискивать въ нихъ сторонниковъ и забавлять ихъ зрѣлищами, которыя для нихъ были также необходимы, какъ даровой кусокъ хлѣба. При Тиверіѣ, Долабелла постановилъ закономъ, «чтобы гладіаторскія игры праздновались ежегодно кандидатами квестуры (3). Вредное вліяніе этого обычая задобривать народъ зрѣлищами распространилось изъ Рима на провинціи и Неронъ въ свое второе консульство запретилъ прокураторамъ давать игры гладіаторовъ (4), потому что это мотовство, говоритъ Тацитъ, наравнѣ съ лихоимствомъ изнуряло подданныхъ и давало средства заглаживать происками грѣхи распутства». Въ отношеніяхъ народа къ чиновникамъ, какъ въ отношеніяхъ его къ императорамъ, правительство систематически развращало народъ, а развращенный народъ своею продажностью, рабскимъ терпѣніемъ и вспышками буйства, оказывалъ вредное вліяніе на нравственность правителей. Эти печальныя свойства римской черни не могутъ быть поставлены ей въ вину; у

---

(1) Varr. I. XVII. Colnm. I. VII. (2) App. B. civ. I. 21. Cic. prosestio, 25. (3) Tacit. Ann. XI 22. (4) Tacit. Ann. XIII. 31.

нея не было ни имущества, ни обезпеченнаго труда; въ городахъ вся ремесленная и фабричная дѣятельность находилась въ рукахъ рабовъ; богатые аристократы дѣлали все, что было нужно у себя дома; у нихъ были сотни доморощенныхъ или купленныхъ за дорогую цѣну ремесленниковъ, поваровъ, художниковъ, писцовъ и ученыхъ. Надписи въ такъ называемыхъ колумбаріяхъ (columbaria — высокія и обширныя залы, въ которыхъ располагались въ нѣсколько ярусовъ урны (ollae) съ прахомъ рабовъ и вольноотпущенныхъ, служившихъ въ важныхъ домахъ, (¹) показываютъ названія различныхъ должностей, которыя занимали рабы, служившіе господину въ городѣ (familia urbana). Число и разнообразіе этихъ названій можетъ дать понятіе о томъ, до какой степени аристократы могли удовлетворять трудомъ своихъ рабовъ тѣмъ потребностямъ, которыя въ нашемъ обществѣ удовлетворяются фабричною дѣятельностью. Фабрикантамъ, поставлявшимъ свои продукты людямъ менѣе богатымъ, было также всего выгоднѣе покупать за незначительную цѣну молодыхъ рабовъ, обучать ихъ извѣстному ремеслу и потомъ въ теченіи всей ихъ жизни пользоваться ихъ заработками. Мы знаемъ положительно о подобныхъ спекуляціяхъ въ области книжной торговли. Помпоній Аттикъ, другъ Цицерона, завелъ въ Римѣ первое значительное заведеніе для переписыванія и продажи книгъ. Въ его мастерской работали вѣроятно цѣлыя сотни писарей и переплетчиковъ, потому что сочиненія любимыхъ авторовъ издавались нерѣдко въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ и каждый экземпляръ продавался въ переплетѣ. Послѣ Помпонія Аттика въ періодъ имперіи, изданіемъ книгъ занимались въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ братья Созіи, издатели Горація, Атректъ, Валеріанъ Поллій, Трифонъ, издавшій Марціала и Квинтиліана и много другихъ, имена которыхъ дошли до насъ и свидѣтельствуютъ этимъ обстоятельствомъ объ обширности и важности ихъ предпріятій. Что въ этихъ мастерскихъ работали рабы, это почти не требуетъ доказательствъ. Во 1-ыхъ, пользоваться ихъ трудомъ было выгодно для хозяина; во 2-ыхъ, писцу необходимо было извѣстнаго рода образованіе и привычка къ дѣлу; писцы эти писали чрезвычайно скоро; Марціалъ говоритъ, что писецъ въ 1 часъ переписывалъ вторую книгу его эпиграммъ, состоявшую изъ 540 стиховъ (²). Они писали подъ диктовку, потому что всѣ разомъ не могли

(¹) Wallon. II. p. 145. (²) Mart. II, 1 5.

списывать съ небольшаго числа экземпляровъ еще неизданнаго сочиненія. Стало быть, эти писцы должны были писать четко, скоро и правильно, и потому это дѣло никакъ не могло быть довѣряемо вольнымъ поденьщикамъ. Надо было, чтобы будущій писарь пробылъ нѣсколько времени въ ученіи и потому всего удобнѣе было для издателя книгъ обучить этому искуству собственныхъ рабовъ, которые не могли оставить произвольно его мастерскую, и выучившись скорописи, перейдти къ кому нибудь изъ его конкурентовъ ([1]).

И такъ вотъ какое вліяніе оказывало рабство на низшіе классы: оно вытѣснило сначала мелкихъ земледѣльцевъ, потомъ вольныхъ арендаторовъ (coloni), доставивъ богачамъ средства обработывать съ значительною выгодою обширныя пространства земли, составлявшія latifundia. Въ городахъ, и особенно въ Римѣ, рабство, если не совершенно вытѣснило, то по крайней мѣрѣ значительно стѣснило ремесленную дѣятельность свободныхъ людей.

Составляя почти исключительную принадлежность рабовъ, эта дѣятельность навлекла на себя презрѣніе свободныхъ сословій, презрѣніе, отъ котораго не умѣли отдѣлаться самые сильные умы древности, Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и Тацитъ. Трудно было вольному плебею найти себѣ работу, и, когда онъ ее находилъ, она не давала ему ни выгоды, ни почета. Мы уже видѣли выше, какимъ образомъ Варронъ и Колумелла, писавшіе свои теоріи для богачей, потому что только богачи могли возвышаться до теоріи, совѣтуютъ прилагать къ дѣлу вольный трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Для низшаго класса оставались еще нѣкоторыя низшія общественныя должности, которыя, несмотря на существованіе многочисленнаго класса государственныхъ рабовъ (servipublici), исправлялись большею частью свободными гражданами. Плебеи служили ликторами, герольдами, трубачами и общественными писарями. Изъ нихъ же было много консуловъ, преторовъ и т. д. Должность послѣдняго рода занималъ, какъ извѣстно, Горацій; онъ вспоминаетъ о ней въ сатирахъ, слѣдовательно она не считалась унизительной и рабской. Конечно, количество этихъ должностей было такъ ограниченно, что предоставленіе ихъ свободнымъ людямъ не могло произвести чувствительнаго измѣненія въ положеніи римскаго плебейства. Чѣмъ занималась бездомная масса, какъ она жила, трудно себѣ представить. Satiricon Петронія,

---

([1]) Schmit. Geschichte der Denk und Glaubens Freiheit im 1-ten Jahrhundert der Kaiserherrshaft. p. 109—155.

въ которыхъ онъ выводитъ приключенія образованнаго гражданина Энколпія и его друзей, ясно показываетъ, что бродяжничество, воровство и часто насильственный грабежъ были въ порядкѣ вещей, никого не удивляли и не казались страшною крайностью для того, кто на нихъ пускался. Изъ Сатирикона видно, что можно было украсть, ограбить и остаться порядочнымъ человѣкомъ. На другой день послѣ отчаянной продѣлки, къ которой его вынудило безденежье, Энколпій обѣдаетъ у богача Трималхіона и съ одинаковымъ добродушіемъ разсказываетъ читателю о томъ, какъ онъ обокралъ корабль и о томъ, какъ былъ сервированъ богатый столъ его хозяина. Въ каждомъ изъ своихъ кліентовъ, богатый аристократъ видѣлъ самое постыдное яркое раболѣпство, въ каждомъ изъ нихъ онъ могъ предполагать самыя порочныя наклонности, потому что связь между патрономъ и кліентомъ основывалась на корысти съ одной стороны и на тщеславіи съ другой. Послѣ этого, понятно, почему кліенты встрѣчали за обѣдомъ у патрона самыя грубыя оскорбленія, почему имъ подавали дурное кушанье, почему ихъ поднимали на смѣхъ какъ шутовъ, почему за ними наблюдали, какъ за мошенниками. Кліенты сносили это обращеніе и число ихъ постоянно возрастало, стало быть они заслуживали свою судьбу. Передъ абсолютною нравственностью виноваты и патронъ и кліентъ. Передъ судомъ исторіи не виноватъ ни тотъ, ни другой; оба являются жертвами и естественными слѣдствіями своего времени, приготовленнаго цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ столѣтій, и задача историка исполнена, если онъ, объяснивъ связь причинъ и слѣдствій, сдержитъ слишкомъ строгій приговоръ читателя надъ личностью, сословіемъ, народностью или эпохою. Единичное зло ничтожно тамъ, гдѣ общая система не допускаетъ никакого добра...

Въ третій разъ въ этой бѣглой характеристикѣ римской жизни я встрѣчаюсь съ такимъ положеніемъ вещей въ которомъ двѣ стороны взаимно развращаютъ другъ друга (императоръ и народъ, чиновники и управляемые, патроны и кліенты). По моему мнѣнію, это во-первыхъ подтверждаетъ историческую мысль, что общество есть организмъ, въ которомъ каждое отправленіе обусловливается общимъ его положеніемъ, и въ свою очередь обусловливаетъ это общее положеніе. Во-вторыхъ, въ отношеніи къ разсматриваемой эпохѣ это доказываетъ совершенно осязательно, что никакія внѣшнія реформы не могли оживить и обновить разлагавшійся организмъ. Императоръ могъ перестать быть деспотомъ; черезъ это не прекратилась бы возможность деспотизма; эта апріоричная мысль

подтверждается на единичномъ примѣрѣ. Нервѣ и Траяну, какъ мы знаемъ изъ Тацита, трудно было оживить науку, которую задушилъ Домиціанъ. Чиновники могли прекратить лихоимства и угнетенія; отъ этого не воскресло бы въ народѣ давно подавленное и заглохшее чувство нравственности и человѣческаго достоинства. Въ отношеніяхъ между патронами и кліентами нельзя даже допустить того предположенія, которое я допускалъ въ первыхъ двухъ примѣрахъ; тамъ стояли лицомъ къ лицу правительство и народъ, а въ правительствѣ, въ которомъ иниціатива зависитъ отъ воли одного лица, можно себѣ представить возможность довольно внезапнаго измѣненія. Но патроны и кліенты—представители двухъ сословій; они могли перемѣниться только тогда, когда новый духъ проникъ бы собою все общественное сознаніе; чтобы патронъ сталъ уважать кліента, нужно, чтобы кліентъ заслужилъ это уваженіе; чтобы кліентъ возвысился въ нравственномъ отношеніи, нужно, чтобы онъ почувствовалъ свое человѣческое достоинство и увидалъ въ другихъ уваженіе къ своей человѣческой личности. Словомъ, нужно, чтобы въ понятіяхъ обоихъ сословій, въ міросозерцаніи цѣлаго народа произошелъ крутой переворотъ; нужно, чтобы онъ въ обоихъ сословіяхъ произошелъ одновременно, потому что въ противномъ случаѣ они стали бы мѣшать другъ другу, и одно потянуло бы назадъ другое. Никакая lex agraria или lex frumentaria не могла этого сдѣлать; еслибы даже было возможно раздѣлить земли, дать на каждаго пролетарія по семи югеровъ, купить ему земледѣльческія орудія, то его пришлось бы насильно выгонять изъ Рима и насильно заставлять пахать и сѣять; пришлось бы воспитывать насильственными мѣрами цѣлую націю, а въ націи въ періоды самаго жалкаго распаденія есть по крайней мѣрѣ одна страшная сила — сила инерціи. Одному не поднять гору, хотя бы никто не мѣшалъ ему, и въ исторіи конечно нѣтъ ни одного примѣра, чтобы правительство передѣлало жизнь и нравственность своего народа. Не могло также произвести значительной перемѣны воспитаніе высшаго класса или распространеніе между аристократами какой нибудь философской доктрины. Что сдѣлали академія, стоицизмъ, эпикуреизмъ, пиѳагореизмъ? Они породили множество почтенныхъ, чистыхъ личностей, на которыхъ съ любовью отдыхаетъ взоръ историка, но которымъ публицистъ откажетъ въ чувствительномъ вліяніи на эпоху. Они были чужды массѣ и чуждались ея сами. Они отказывались отъ вліянія на практическую жизнь, они ею брезгали, боясь замарать объ нее руки, они проповѣдывали полное

равнодушіе ко всякимъ внѣшнимъ интересамъ, къ сословнымъ различіямъ, къ страданіямъ раба и бѣдняка; къ этому презрѣнію нельзя примѣнить пословицы: «сытый голоднаго не разумѣетъ», потому что Эпиктетъ, громче и яснѣе всѣхъ высказавшій это презрѣніе, былъ самъ почти нищій, вольноотпущенный Епафродита, человѣкъ искалѣченный рабствомъ. Все дѣло въ томъ, что философія эта была умозрительная и не хотѣла, да и не могла выдти изъ міра идей; это была внутренняя сторона готовившейся реформы, сторона, доступная меньшинству и незаботящаяся о массѣ, потому что она вообще не заботилась о пропагандѣ и практическомъ вліяніи. «Долженъ ли философъ, спрашиваетъ Эпиктетъ, приглашать людей слушать его ученіе? Солнце, пища и питіе сами привлекаютъ къ себѣ людей. Долженъ ли философъ какимъ нибудь другимъ образомъ привлекать къ себѣ тѣхъ, кому онъ желаетъ принести пользу? Какой врачъ предлагаетъ больному полѣчить его? А впрочемъ, я слышалъ, что теперь въ Римѣ врачи дѣлаютъ подобныя предложенія.» Философія эта сдѣлала свое дѣло, но не могла сдѣлать всего дѣла. Она не создала ничего, но разрушила все старое и отжившее, всѣ рамки сословныхъ и національныхъ предразсудковъ; она пришла къ печальному заключенію: суета суетствій и всяческая суета. «Паукъ, пишетъ Маркъ Аврелій, гордится тѣмъ, что поймалъ муху; иной человѣкъ — тѣмъ, что поймалъ зайца въ тенета; другой — сардинокъ въ сѣти, третій — кабановъ; четвертый медвѣдей; пятый — Сарматовъ» ([1]). Не отъ древнихъ философовъ надо было ждать обновленія. Движеніе идей подготовляется не замѣтно и въ небольшомъ кружкѣ и тогда его понимаютъ немногіе, а масса къ нему равнодушна или смотритъ на него, если только знаетъ о его существованіи, съ недовѣріемъ, съ боязнью и ненавистью. Движеніе въ области жизни, въ практической нравственности и въ религіи находится въ органической, хотя часто и отдаленной связи съ движеніемъ идеи; оно начинается въ самомъ народѣ, на площадяхъ, въ городахъ и въ селеніяхъ и увлекаетъ за собою цѣлыя поколѣнія, безъ различія сословія, часто даже безъ различія національностей. Чтобы увлечь за собою всѣхъ, это движеніе должно произойти въ той сферѣ, которая составляетъ общее достояніе богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, знатныхъ и незнатныхъ; оно не можетъ совершиться ни въ области чистой мысли,

---

(1) Comm. X, 10.

потому что даже существованіе этой области сознается не многими, ни въ сферѣ житейскихъ интересовъ, потому что здѣсь никакая реформа не можетъ возбудить единодушнаго сочувствія людей, стоящихъ на различныхъ, или даже на крайнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Остается только одно общее поле, практическая нравственность и религія—философія массы. Я по своему предмету имѣю дѣло съ попыткою подобной реформы, и потому эта приготовительная глава должна между прочимъ отвѣчать на одинъ важный вопросъ, обусловливающій собою достоинство реформы и слѣдовательно умственную и нравственную личность реформатора, на вопросъ, насколько предпринятая реформа была нужна эпохѣ, насколько ее требовали тѣ условія, при которыхъ слагалась вседневная жизнь народа?

IV.

Чтобы покончить съ рабствомъ, остается охарактеризовать положеніе раба передъ закономъ и отношенія его къ господину, т. е. нравственное вліяніе, которое рабство оказывало на рабовъ и владѣльцевъ. Рабъ (municipium) былъ вполнѣ вещью въ римскомъ правѣ республики и первыхъ двухъ вѣковъ имперіи; самое его названіе средняго рода показываетъ, что народная логика не заботилась даже о разграниченіи пола въ личности раба. Рабъ nullum caput habet [1] и потому diminutio capitis, бывшее, какъ извѣстно, трехъ родовъ и означающее отнятіе у свободнаго человѣка извѣстной части его правъ и преимуществъ, для раба не имѣетъ мѣста. Рабъ переходитъ отъ одного господина къ другому, и положеніе его отъ этого нисколько не измѣняется. Господинъ можетъ подарить своего раба, отдать его напрокатъ, заложить, промѣнять, продать, уступить для заключенія мировой въ тяжебномъ дѣлѣ; за долги господина онъ можетъ быть взятъ кредиторомъ или проданъ съ аукціона наравнѣ съ прочею движимостью [2]. Рабъ самовольно не можетъ имѣть собственности; все, что онъ пріобрѣтаетъ, по закону принадлежитъ господину; если же господинъ предоставляетъ какое нибудь имущество во владѣніе рабу, то рабъ владѣетъ имъ, пока господину не придетъ въ голову взять его назадъ. Отъ господина зависитъ во всякое

---

(1) Instit. I, XVI, 4. (2) Wallon. II, 181.

время увеличить или уменьшить имущество раба, или вовсе отнять его. Какъ собственность, такъ и личность раба находятся въ полномъ его распоряженіи. Господинъ имѣетъ надъ своими рабами право жизни и смерти; раба, осужденнаго на смерть господиномъ, казнили публично, и въ этомъ не было никакого нарушенія закона, потому что на господина не было апелляціи, и законъ не входилъ въ отношенія его съ рабами. Римскій всадникъ Ведій Полліонъ, современникъ и приближенный Августа, бросалъ провинившихся рабовъ въ садокъ, гдѣ ихъ живьемъ съѣдали мурены; онъ любилъ смотрѣть на подобныя казни и потому придирался къ каждой мелочи, чтобы потѣшать себя этими казнями. Однажды у Полліона обѣдалъ Августъ; рабъ уронилъ хрустальную вазу и хозяинъ объявилъ ему, что онъ будетъ казненъ.. Рабу нечего было терять; онъ бросился въ ноги къ Августу и умолялъ его объ одной милости, чтобы его не бросали на съѣденіе рыбамъ, а казнили какъ нибудь иначе. Августъ ужаснулся и пришелъ въ негодованіе; онъ простилъ раба и приказалъ перебить у Полліона всю хрустальную посуду. Нарушителемъ закона явился императоръ, но произвольный поступокъ Августа не облегчилъ положенія рабовъ на будущее время. Продолжалъ ли Полліонъ *попрежнему* кормить своихъ муренъ, этого мы не знаемъ; знаемъ только, что во времена Ювенала слово господина или госпожи попрежнему вело раба на крестъ или въ арену, гдѣ его разрывали звѣри (¹)но уже при Адріанѣ и при Маркѣ Авреліѣ владѣльцу было запрещено отправлять своихъ рабовъ на борьбу съ звѣрями (²), а Антонинъ за убіеніе раба положилъ съ господина одинаковое взысканіе, какъ за убійство вообще. Смягченіе нравовъ, на которое я указалъ, говоря о мнѣніяхъ философовъ о рабствѣ, проявилось, какъ видно, и въ законодательствѣ, и въ судопроизводствѣ. Но это смягченіе есть уже уклоненіе отъ чистаго принципа древности, уклоненіе непослѣдовательное, въ которомъ мы уважаемъ пробуждающуюся гуманность, но въ которомъ нѣтъ строгой логики, необходимой въ законодательной системѣ, и отличающей собою древнее римское право. Вотъ яркій примѣръ гуманной непослѣдовательности этихъ законовъ. Если женщина забеременѣетъ въ рабствѣ, а ребенокъ родится, когда мать отпущена на волю, то ребенокъ свободенъ. Если *свободная* женщина забеременѣетъ и родитъ ребенка, сдѣлавшись рабою,— ребенокъ остается свободнымъ. Очевидно, что этихъ двухъ статей за-

(¹) Juven. Sat. VI. (²) Wallon. III, p. 61.

кона нельзя подвести подъ общее, отвлеченное юридическое положенiе; зато въ нихъ какъ нельзя лучше видно стремленiе правительства облегчить всѣми возможными средствами положенiе рабовъ. Но въ предѣлахъ той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Аполлонiй Тiанскiй, рабъ былъ вполнѣ вещью; такъ смотрѣлъ на него господинъ, такъ смотрѣло и государство. Если онъ и отличался отъ вещи, то это, конечно, было для него невыгодно. Отличiе состояло въ томъ, что рабъ, сдѣлавшiй преступленiе, безъ вѣдома, согласiя или приказанiя господина, отвѣчалъ за него передъ закономъ. Преступнику рабу было тяжелѣе, нежели преступнику свободнаго званiя. Рабъ не могъ просить защиты народнаго трибуна; судьями его были чиновники, завѣдывавшiе уголовными наказанiями (triumviri capitales) и, слѣдовательно, привыкшiе видѣть страданiе и слышать безплодныя просьбы; послѣ произнесенiя приговора, онъ не могъ просить о вторичномъ пересмотрѣ дѣла въ высшей инстанцiи. Наказанiя для рабовъ бывали обыкновенно на одну степень строже наказанiй, назначаемыхъ свободнымъ людямъ. Свободнаго били палкой, раба — кнутомъ; свободнаго осуждали на работу въ рудники, раба за ту же вину возвращали господину, вмѣняя послѣднему въ обязанность держать его на работѣ въ оковахъ. Смертная казнь была тоже различная: свободному рубили голову мечомъ, рабу — топоромъ; свободнаго сбрасывали со скалы, раба—вѣшали или распинали. Рабу приходилось плохо въ судѣ, даже когда онъ не былъ причастенъ къ преступленiю: его часто казнили по одному подозрѣнiю или въ примѣръ другимъ. Городской префектъ временъ Нерона, Педанiй Секундъ былъ убитъ своимъ рабомъ; по обычаю древнихъ повели на казнь всѣхъ рабовъ, жившихъ съ нимъ подъ одною кровлею, всего 400 человѣкъ; это возмутило народъ и произвело въ городѣ волненiе; въ сенатѣ тоже разсуждали о томъ, не измѣнить ли обычай древнихъ; но противъ этого мнѣнiя возсталъ К. Кассiй, рѣшительный приверженецъ старины; онъ произнесъ рѣчь, въ которой доказалъ необходимость примѣра; его доводы могутъ показаться возмутительными, но если разобрать ихъ хладнокровно, то окажется, что онъ только послѣдовательно проводитъ принципъ рабства. Учрежденiе, которое само по себѣ есть насилiе и несправедливость, можетъ держаться только несправедливыми и насильственными мѣрами. Въ сенатѣ послышались голоса, выражавшiе состраданiе къ полу, къ возрасту, къ числу приговоренныхъ, къ очевидной невинности многихъ изъ нихъ; но мнѣнiе Кассiя

превозмогло. Между тѣмъ на пути, по которому надо было вести приговоренныхъ, собрался народъ, вооруженный камнями и головнями. Неронъ издалъ грозный эдиктъ; осужденныхъ повели съ военнымъ конвоемъ и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе (1). Когда рабу приходилось быть свидѣтелемъ въ судѣ за или противъ обвиненнаго, дѣло никогда не обходилось безъ пытки. Слово раба и его свидѣтельство только при пыткѣ получало значеніе; клятва его не ставилась ни во что. Августъ не любилъ безъ особенной надобности пытать рабовъ, но при разборѣ важныхъ государственныхъ дѣлъ или страшныхъ преступленій онъ считаетъ пытку самымъ дѣйствительнымъ и вѣрнымъ средствомъ добраться до истины. (2). Когда господинъ хотѣлъ оправдаться въ взводимомъ на него обвиненіи, онъ предлагалъ подвергнуть пыткѣ кого нибудь изъ своихъ рабовъ, и слѣдователи обыкновенно принимали это предложеніе. Если рабъ молчалъ, или говорилъ вещи неимѣющія ничего общаго съ обвиненіемъ, подсудимаго оправдывали или по крайней мѣрѣ считали незнаніе раба за одно изъ доказательствъ невинности господина. Если рабъ умиралъ среди истязаній въ дѣлѣ, некасающемся господина, то послѣднему платили за него справочную цѣну. Смерть раба считалась въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, ущербомъ для владѣльца, и потому денежное вознагражденіе исправляло все дѣло. Впрочемъ денежное вознагражденіе было недостаточно, если посторонній частный человѣкъ убивалъ или увѣчилъ чужаго раба. Тутъ кромѣ матеріальнаго ущерба господину наносилось оскорбленіе, и за подобное нарушеніе правъ римскаго гражданина начинался особый процессъ. Законъ Аквилія опредѣляетъ наказаніе за безпричинное умерщвленіе чужаго раба и чужой скотины; отъ этого сравненія домашняго скота съ домашнею челядью выигрывалъ конечно одинъ господинъ убитаго или изуродованнаго раба (3). Самому рабу не могло быть нанесено оскорбленіе; обругать раба или ударить раба кулакомъ, за дѣло или по простому капризу, могъ первый встрѣчный совершенно безнаказанно; это предвидитъ и разрѣшаетъ буква закона (4). Отвергая въ рабѣ присутствіе какой бы тони было личности, римское право не могло допустить для раба и существованіе семейства. Можетъ ли человѣкъ, неимѣющій ни личности, ни собственности, ни права

(1) Tacit. Ann. XIV, 42—45. (2) Wallon. II, 186. (3) Wallon. II, 199. (4) Institut. IV, IV, 3.

пріобрѣтать для себя,—можетъ ли такой человѣкъ заключить какое нибудь обязательство, можетъ ли онъ дать клятву въ супружеской вѣрности, когда для него вообще не существуетъ клятвы? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ, и потому рабъ могъ имѣть только *сожительство* (contubernium), которое заключалось и расторгалось по волѣ господина; если для этого и спрашивали иные гуманные господа согласія соединяемыхъ сторонъ, то это была чисто ихъ добрая воля, и только при позднѣйшихъ императорахъ признаются до нѣкоторой степени семейныя узы между рабами (1). Такъ какъ между рабами не было брака, то не могло быть и нарушенія супружеской вѣрности; если рабъ былъ любовникомъ свободной женщины, тогда конечно его наказывали за дерзость и за безчестіе, оказанное свободной женщинѣ. Вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ съ рабомъ обращались какъ съ вещью, а наказывали его какъ человѣка или по крайней мѣрѣ какъ существо, сознающее свои поступки и слѣдовательно отвѣчающее за нихъ. Отъ раба требовали извѣстныхъ добродѣтелей, за которыя ему никто не оказывалъ уваженія или сочувствія, но за отсутствіе которыхъ его истязали и казнили. «Когда господина убиваютъ, говоритъ законъ, то рабы должны подавать помощь и оружіемъ, и рукою, и крикомъ, и закрывая его собственнымъ тѣломъ. Если они, бывши въ состояніи сдѣлать это, не сдѣлали, то ихъ по справедливости слѣдуетъ казнить». (2). Законъ устами холоднаго мыслителя, юрисконсульта, требуетъ отъ раба положительной добродѣтели, подвиговъ самоотверженія, вмѣняетъ ихъ ему въ обязанность и въ то же время отвергаетъ въ немъ личность. Объяснить эту чудовищную непослѣдовательность можно только безобразнымъ эгоизмомъ древности. Законодатель писалъ законы, не умѣя перенестись ни на секунду въ положеніе того человѣка, которому придется имъ подчиняться. Оттого въ одномъ лицѣ хотѣли для собственнаго комфорта соединить свойства, взаимно исключающія другъ друга. Рабъ долженъ быть мертвымъ орудіемъ; въ немъ должно молчать нравственное чувство, когда господинъ бьетъ его отца, мать, друга, его самого, когда насилуютъ его жену, дочь, малѣйшее возмущеніе въ подобномъ случаѣ ведетъ за собою мучительную смерть или каторжную работу, плети, цѣпи, голодъ и подземельное заключеніе, и въ то же самое время хотятъ, чтобы этотъ идеалъ раба, эта вещь, при опасности, угрожающей господину, нашла

---

(1) Wallon. III, 57, (2) Modestinus de Senatus Consultu Silaniano.

въ себѣ энергію, храбрость и самоотверженіе, свойства, возможныя только при сознаніи и уваженіи собственной личности. Впрочемъ, до того, какимъ образомъ рабъ исполнитъ предписанное волею господина или закономъ, до этого нѣтъ дѣла ни владѣльцу, ни государству. И тотъ и другое говорятъ: «чтобъ было сдѣлано» и наказываютъ ослушниковъ, не разбирая злостныхъ и несчастныхъ. Личный интересъ владѣльца и безопасность государства говорили громко и рѣшительно, подавляя безъ труда естественный голосъ человѣчности. Личный интересъ владѣльца опредѣлялъ частныя условія быта рабовъ. Въ немъ не было удобствъ жизни; было только то, что нужно, чтобы не умереть, и чтобы быть въ состояніи работать. Прикащику (villicus) и пастухамъ давалась мѣсячина, т. е. опредѣленное, очень ограниченное количество хлѣба; другимъ рабамъ готовился общій столъ; Платье давалось на два года; пара толстыхъ башмаковъ должна была служить столько же. Если принять въ соображеніе, что это предписанія агронома и эконома, что это слѣдовательно норма, отъ которой хозяева удалялись охотно въ худшую сторону; если представить себѣ, сколько изъ отпускаемыхъ денегъ шло въ карманъ прикащику (villicus), который имѣлъ обыкновенно свое имущество и вѣроятно пряталъ отъ хозяина свои деньги, какъ это дѣлаютъ и наши прикащики, — то можно вывести заключеніе, что рабы были постоянно впроголодь, и что Scriptores rei rusticae не даромъ ставятъ воздержаніе въ число главныхъ добродѣтелей раба. Помѣщеніе было тѣсное и, вѣроятно, мало отличалось отъ хлѣвовъ, а если и отличалось, то врядъ ли въ лучшую сторону. Колумелла, Варронъ и Катонъ заботятся о жилищахъ рабовъ только въ видахъ болѣе бдительнаго и постояннаго надзора за ними. Для рабовъ, осужденныхъ носить цѣпи, Колумелла отводитъ жилища подъ землею, въ родѣ казематовъ, освѣщенныхъ сверху узкими окнами, до которыхъ нельзя было бы достать рукою. Для рабовъ не было праздниковъ; рабочіе волы, по обычаю древней религіи, отдыхали въ извѣстные дни, но рабамъ Катонъ въ праздники назначаетъ работы, не требовавшія содѣйствія рабочаго скота; они могутъ чистить сады, полоть луга, копать канавы, очищать бассейны и поправлять дороги» (1). Все это была норма; что дѣйствительность была еще гораздо хуже, видно изъ того, что всѣ экономы убѣдительно просятъ владѣльца пріѣзжать на

(1) De rer ustica. § 4.

ревизію и контролировать дѣйствія прикащиковъ, осматривать помѣщеніе и одежду рабовъ, спрашивать ихъ насчетъ количества и тягости работы, отвѣдывать ихъ пищу и питье, спускаться въ подземелья и свидѣтельствовать скованныхъ узниковъ. Всѣ эти хлопоты, на которые, конечно, не рѣшались девять десятыхъ римскихъ аристократовъ, клонились къ тому, чтобы достигнуть идеала, очерченнаго мною выше. Мы знаемъ теперь по опыту, до какой степени не похожа на образцовую ферму какая нибудь степная, забытая помѣщикомъ деревня. Если приложить этотъ масштабъ къ римскому быту и принять за норму экономическое устройство рабскаго житья по Катону, Варрону и Колумеллѣ (на что мы имѣемъ полное право), то конечно, самое смѣлое воображеніе откажется нарисовать картину запущеннаго или даже обыкновеннаго римскаго хозяйства. Въ городѣ было не лучше; конечно приближенные и парадные рабы, страдая, правда, отъ господскихъ вспышекъ и капризовъ, были содержимы хорошо, уже потому, что господину или госпожѣ было бы непріятно смотрѣть на истомленныя лица, на грязныя одежды и на кровавые синяки; но при малѣйшей провинности, раба ссылали, наказывали и приставляли къ чернымъ работамъ. Кухня и булочная были не легче рудниковъ и деревенскихъ мельницъ для тѣхъ рабовъ, на долю которыхъ приходилась не художническая, а машинальная работа. «Что за отверженные люди! говоритъ оселъ Апулея, попавши въ булочную. Кожа изрѣзана кнутомъ и росписана синими рубцами, спина въ струпьяхъ, едва прикрыта лохмотьями куртки; у иныхъ только поясъ на бедрахъ, у всѣхъ видно голое тѣло сквозь платье; лобъ клейменый, голова до половины обрита, на ногахъ желѣзныя колодки, на лицахъ безобразная блѣдность, вѣки изъѣдены дымомъ и густымъ паромъ, и глаза едва смотрятъ на свѣтъ» ([2]). Довольно и этого; видно, что римскій аристократъ, владѣвшій тысячами безотвѣтныхъ рабовъ, зналъ предѣлы, т. е. безпредѣльность своей власти и умѣлъ ею пользоваться; видно также, какою цѣною покупалась роскошь знаменитыхъ римскихъ обѣдовъ и ужиновъ!

V.

Вліяніе рабства на нравственность римской аристократіи опредѣлить не трудно. Младенецъ выросталъ на рукахъ рабыни кормилицы

([1]) Apul. Metam. IX.

и поднявшись на ноги переходилъ подъ надзоръ раба дядьки, котораго онъ не уважалъ, и надъ которымъ онъ рано начиналъ понимать свое господство. Родители не мѣшали развитію барства и грубаго произвола въ ребенкѣ, потому что не могли видѣть въ этихъ свойствахъ ничего дурнаго, и сами подавали первый примѣръ своенравія и жестокости ([1]). Ребенокъ билъ своего учителя и учитель, если былъ человѣкъ умный и изворотливый, старался, чтобы избѣжать ссылки и плети, лавировать между родителями и своимъ воспитанникомъ, баловалъ послѣдняго и прикрывалъ отъ первыхъ тѣ шалости, которыя могли имъ не понравиться. Даже хорошій воспитатель, поставленный въ такое положеніе, не нашелъ бы другаго выхода; чего же можно было требовать отъ дядьки выбиравшагося изъ рабовъ, неспособныхъ ни къ какой другой должности? ([2]) Чтожъ мудренаго, что ребенокъ, едва начиналъ говорить, пристращался къ театру, къ цирку и къ конскимъ скачкамъ, и что наукѣ и искуству не было мѣста въ душѣ занятой подобными мыслями и стремленіями ([3]). Сынъ, выросшій подъ вліяніемъ дурнаго отца, долженъ былъ выдти хуже, потому что въ его молодую душу всецѣло вліяніемъ воспитанія вносилась сумма зла, которую собралъ отецъ въ разныхъ житейскихъ передѣлкахъ, въ теченіи десятковъ лѣтъ. При прогрессѣ общества, поколѣнія несомнѣнно улучшаются и притомъ съ возрастающею скоростью; при паденіи общества повторяется то же явленіе, напоминающее законъ свободнаго паденія тѣлъ, т. е., нетолько скорость увеличивается, но самое увеличеніе скорости въ каждый данный моментъ возрастаетъ. Сынъ хуже отца, внукъ хуже сына, и притомъ въ большее число разъ, нежели сынъ хуже отца. Объясненіе этого явленія лежитъ въ воспитаніи, а для воспитанія важны два момента: сумма педагогическихъ убѣжденій воспитывающаго поколѣнія и тѣ средства, которыми проводятся въ жизнь эти убѣжденія. Сумма педагогическихъ убѣжденій въ массѣ была равна отрицательной величинѣ, т. е., было бы лучше, еслибы ихъ вовсе не было. Какую цѣль воспитанія предполагалъ Римлянинъ временъ имперіи? Воспитывать *гражданина* было не по силамъ изнѣженной эпохѣ, да эти стремленія были бы, кромѣ того, подавлены императорскою полиціею, если не въ періодъ воспитанія, то при первой попыткѣ воспитанника приложить ихъ къ жизни. Воспитывать *человѣка*

([1]) Plautus. Bacchides. III, III, 405. ([2]) Tacit. De orator. dialog. 29. ([3]) ibid.

не могла эпоха, гдѣ каждый, по мѣрѣ возможности, былъ рабомъ и въ то же время деспотомъ, смотря по обстоятельствамъ. Воспитывали юношу для двора и для свѣтской жизни; учили его говорить по-гречески, и хорошо говорить, потому что главнымъ предметомъ преподаванія было краснорѣчіе, хотя примѣненіе его въ судѣ и въ администраціи было сильно стѣснено въ періодъ имперіи. Юношу учили читать и писать; ему давали нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ариѳметики, и потомъ все вниманіе воспитателя обращалось на лингвистическую часть образованія; преподавалась грамматика, діалектика и реторика; учили наизустъ стихи и мѣста изъ писателей; упражнялась память, развивалась діалектическая находчивость и мелкая изобрѣтательность, дававшая средства переспоривать противника и убѣждать слушателя; формальная сторона ума не была забыта; но ни школа, ни отеческій домъ не давали реальныхъ свѣдѣній и прочныхъ нравственныхъ убѣжденій. Дѣтямъ давали педагога, ихъ посылали въ школу, причемъ рабы, назначенные для этой должности, несли за ними книги и письменный приборъ, и все это дѣлалось по привычкѣ, по рутинѣ, потому что такъ было заведено, потому же самому, почему до позднѣйшихъ императоровъ удержались республиканскія формы. Воспитаніе домашнее было предоставлено случайности и колоритъ его зависѣлъ отъ личности педагога, сомнительной и по своему положенію и по связаннымъ съ этимъ положеніемъ нравственнымъ и умственнымъ свойствамъ. Общественное воспитаніе, т. е. преподаваніе въ школахъ грамматиковъ и риторовъ было отрѣшено отъ дѣйствительной жизни. Краснорѣчіе не имѣло подъ собою почвы и потому вдавалось въ фантастическія бредни; чувство, возбуждавшееся прежде живою дѣйствительностью, сознаніемъ своего гражданскаго достоинства, перешло въ напыщенность и декламацію. Послушаемъ, что говоритъ Тацитъ: теперешніе ученые не знаютъ законовъ, не помнятъ сенатскихъ постановленій, смѣются надъ правомъ, пугаются изученія мудрости, боятся совѣтовъ опытности. Краснорѣчіе, изгнанное изъ своего царства, стѣсняется узкими, произвольно придуманными правилами; царица всѣхъ искуствъ — краснорѣчіе, наполнявшее грудь высокимъ вдохновеніемъ, теперь обрѣзано, оборвано, преподается безъ торжественности, безъ почету, можно почти сказать не какъ свободное искуство, а какое нибудь грязное ремесло.» (¹) Далѣе онъ противуполагаетъ современному воспитанію древне-римское,

(¹) De orator. dialog. 32.

основанное на постоянномъ общеніи между жизнью и школою, на ежедневномъ практическомъ примѣненіи слышанныхъ наставленій, словомъ, на совпаденіи нравственнаго воспитанія съ умственнымъ обученіемъ Пробуждающійся умъ мальчика искалъ себѣ пищи, а школа не давала ему ничего, ни прочнаго, ни увлекательнаго. Чѣмъ ничтожнѣе было образовательное вліяніе школы и домашняго наставника, тѣмъ сильнѣе должно было быть вліяніе окружающей среды, вліяніе случайное, изъ котораго мальчикъ или дѣвочка выбирали конечно то, что имъ нравилось, что бросалось въ глаза, льстило чувственности и доставляло пріятныя ощущенія. Окруженные рабами и рабынями, они не могли встрѣчать съ ихъ стороны ни твердаго сопротивленія своимъ прихотямъ и капризамъ, ни разумнаго совѣта и предостереженія. Въ родительскомъ домѣ они видѣли постоянные пиры, гдѣ чванная роскошь патрона сталкивалась съ низкою угодливостью кліента, гдѣ несправедливая запальчивость господина или его холодная жестокость давили безотвѣтнаго раба. Уберечь дѣтей отъ подобныхъ сценъ было бы очень трудно, еслибы даже объ этомъ старались родители; но воспитаніе было положительно въ загонѣ, на рукахъ рабовъ, и потому ребенокъ могъ видѣть все, что происходило въ домѣ и возбуждало его любопытство.—Внѣ дома, ребенокъ бывалъ съ родителями или съ педагогомъ въ театрѣ, смотрѣлъ трагедіи, комедіи и пантомимы, присутствовалъ даже при травляхъ звѣрей на аренѣ и при гладіаторскихъ играхъ, на которыя даже Августъ приводилъ жену и дѣтей. (1). И въ театрѣ и въ циркѣ ребенокъ могъ многому научиться. Въ театрѣ онъ видѣлъ, напримѣръ, какъ приговоренный къ смерти игралъ роль Геркулеса или Прометея, и какъ въ первомъ случаѣ его сжигали въ насмоленной туникѣ, а во второмъ приковывали къ скалѣ и выпускали на него медвѣдя, замѣнявшаго въ этомъ случаѣ того коршуна, который, по миѳу, выклевываетъ у Прометея печень; онъ слышалъ страшные крики умирающаго и радостные возгласы зрителей; онъ выросталъ на подобныхъ представленіяхъ; тутъ формировались эстетическія понятія, тутъ развивалось стремленіе къ наслажденіямъ и опредѣлялся ихъ выборъ; тутъ росло нравственное чувство и рѣшались вопросы о томъ, что хорошо и что дурно. Ясно, что когда онъ дѣлался мужчиною, его огрубѣвшіе нервы требовали бóльшихъ потрясеній; онъ уже не могъ

(1) Suet. Aug. 45.

довольствоваться тѣмъ, что удовлетворяло предыдущее поколѣніе. Только этимъ прогрессомъ жестокости можно объяснить себѣ тотъ фактъ, что народъ и аристократы смотрѣли съ одинаковымъ наслажденіемъ нетолько на бой гладіаторовъ, гдѣ проявлялась, по крайней мѣрѣ, пластическая сила, искуство и отвага, но и на то, какъ среди арены звѣри разрывали людей беззащитныхъ, невооруженныхъ и связанныхъ. Гладіаторы—порожденіе римскаго рабства; невѣроятное развитіе этого учрежденія при императорахъ характеризуетъ время и конечно имѣло значительное вліяніе на складъ народнаго характера.

Нибуръ выводитъ гладіаторскія игры изъ обычая древнихъ Грековъ и Римлянъ первыхъ вѣковъ республики приносить человѣческія жертвы на могилахъ павшихъ героевъ. Кромѣ того, у народовъ южной Италіи былъ обычай заставлять сражаться между собою военноплѣнныхъ. Эти два обычая слились между собою, такъ что въ Римѣ, при торжественныхъ погребеніяхъ стали постоянно появляться поединки между плѣнными инородцами. Эти представленія понравились народу, и эдили ввели ихъ въ народныя празднества. Рабство создало въ Римѣ многочисленный классъ людей, жизнью которыхъ не дорожили ни государство, ни общество. Очень естественно, что при возрастающей жестокости римскаго народа, при тѣхъ средствахъ, которыя давало рабство, при дешевизнѣ людей, гладіаторскія игры получили самое обширное развитіе. Съ общественной сцены онѣ проникли въ частные дома и комнатные гладіаторы, набранные изъ рабовъ и обученные фехтованію, сражались между собою, въ то время, когда господа обѣдали; чиновники, желающіе задобрить народъ, старались превзойти другъ друга въ роскоши предлагаемыхъ зрѣлищъ, и главная роскошь этихъ зрѣлищъ состояла въ числѣ сражающихся гладіаторовъ и въ разнообразіи ихъ вооруженія. Главные виды гладіаторовъ были *Thrax*, вооруженный короткимъ оракійскимъ мечомъ, копьемъ и щитомъ, и Mirmillo, представлявшій Галла съ широкимъ мечомъ; далѣе *retiarius* съ сѣтью и съ трезубцомъ, старавшійся набросить свою сѣть на голову *Secutoris*, вооруженнаго мечомъ и копьемъ и одѣтаго въ панцырь. Всѣ они отдавались на обученіе къ ланисту (lanista), который заботился о ихъ здоровьѣ, хорошо кормилъ ихъ и укрѣплялъ ихъ силы гимнастическими упражненіями. Они съ своей стороны обязывались страшною клятвою позволять дѣлать съ собою все, что будетъ нужно для удовольствія зрителей. Императоры замѣчали не разъ вредное вліяніе гладіаторскихъ игръ, какъ средства

подкупать народъ, и Неронъ противодѣйствовалъ этому своими указами. Вреднаго вліянія этихъ зрѣлищъ на характеръ народа не замѣчало ни правительство, ни писатели. Нѣкоторые философы, особенно Сенека, возмущаются требованіями римской публики, желающей, чтобы гладіаторы умирали въ граціозно пластичныхъ позахъ, но противъ самаго учрежденія въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. не слышно ни откуда энергическаго протеста.

VI.

Перехожу къ семейной жизни древняго греко-римскаго міра. Въ греческой жизни не было мѣста для многоженства; женщину не запирали въ гаремы, ее не караулили евнухи, но о равноправности мужчины и женщины не думалъ ни народъ, ни мыслители. На жену смотрѣли какъ на неизбѣжное зло, необходимое для сохраненія порядка въ домѣ и для произведенія дѣтей. Образованіе дѣвушки ограничивалось тѣмъ, что ее учили необходимымъ домашнимъ работамъ; сверхъ того она должна была пѣть и плясать, чтобы принимать участіе въ нѣкоторыхъ религіозныхъ празднествахъ. Вся добродѣтель ея состояла въ хорошемъ хозяйствѣ и въ безпрекословномъ повиновеніи мужу. Въ Аѳинахъ женщина постоянно считалась несовершеннолѣтнею и даже мать поступала подъ опеку сына, достигшаго законнаго возраста. Отецъ совершенно самовластно распоряжался личностью дочери и выдавалъ ее замужъ за кого ему было угодно; по смерти отца его мѣсто заступалъ старшій братъ. По выходѣ замужъ, женщина жила въ внутреннихъ покояхъ дома, рѣдко видѣла постороннихъ и постоянно была окружена только своими рабынями. Для гражданина супружество считалось нравственною обязанностью по отношенію къ государству, нуждавшемуся въ поддержаніи народонаселенія; по аѳинскимъ законамъ, холостякъ не могъ быть ни ораторомъ, ни полководцемъ, и несмотря на то, число холостяковъ постоянно увеличивалось, потому что мужчинѣ общественное мнѣніе предоставляло полную свободу въ небрачныхъ отношеніяхъ съ женщиною. Цѣлое сословіе образованныхъ и прекрасныхъ гетеръ готово было удовлетворять его желаніямъ, и общественное мнѣніе не могло осуждать этихъ отношеній, когда изображенія знаменитой гетеры Фрины стояли въ храмахъ, какъ

статуи Афродиты, и когда государственные дѣятели, художники, поэты и мыслители сходились въ домѣ Аспазіи и другихъ подобныхъ женщинъ. Бракъ не сковывалъ свободу мужчины; во-первыхъ, жена не имѣла никакихъ средствъ, чтобы обуздать легкомысліе мужа и общественное мнѣніе нисколько не осуждало нарушителя супружеской вѣрности. Во-вторыхъ, мужъ при первомъ желаніи могъ развестись съ женою и тотчасъ вступить въ новое супружество; только приданое бывшей жены должно было воротиться къ ея родственникамъ. На малочисленность браковъ, кромѣ отношеній къ гетерамъ и наложницамъ, имѣлъ еще значительное вліяніе бугроманія извѣстный гнусный порокъ; противъ него ни одинъ греческій писатель до христіанскаго періода не сказалъ серьезнаго слова обвиненія. Поэты, ораторы и философы часто говорятъ о любви и при этомъ вовсе не думаютъ о женщинѣ; были примѣры, что въ судѣ также просто и безцеремонно упоминалось о противоестественной связи мужчинъ, какъ и объ отношеніяхъ любовника къ гетерѣ. Съ теченіемъ времени, когда цивилизація придумала для разврата различныя удобства, были учреждены публичные дома, гдѣ жили мужчины, и государство аоинское стало брать съ нихъ опредѣленную подать. Философы до такой степени любили предаваться этому гнусному пороку, что многіе отцы рѣшительно не позволяли своимъ молодымъ сыновьямъ посѣщать ихъ и входить съ ними въ короткія отношенія. Парменидъ, Эвдоксъ, Ксенократъ, Аристотель, Полемонъ, Кранторъ, Архезилай и даже Зенонъ принадлежали къ числу извѣстныхъ любителей этого порока. Порокъ этотъ и огромное число образованныхъ гетеръ имѣли самое вредное вліяніе на судьбу женщинъ и дѣвушекъ благородныхъ семействъ. Мужъ не видѣлъ въ своей женѣ друга, и даже не любилъ ее чувственною любовью; ему нужно было имѣть дѣтей и онъ смотрѣлъ на бракъ чисто какъ на средство исполнить одну изъ обязанностей гражданина; потребности ума, сердца и даже чувственности могли быть удовлетворяемы внѣ дома и потому женщина не нуждалась, по понятіямъ Грековъ, въ разностороннемъ образованіи, которымъ пользовалась гетера. Два зла взаимно поддерживали другъ друга, т. е. необразованность благородныхъ женщинъ привлекала ихъ мужей къ гетерамъ и кинедамъ, а привязанность мужей къ подобнымъ личностямъ поддерживала невѣжество и неразвитость женъ, потому что онѣ были принуждены довольствоваться хозяйственными заботами и обществомъ своихъ рабынь. Развратъ и всеобщее отвращеніе мужчинъ отъ супружества уменьшало на-

родонаселеніе и Полибій (¹) уже жалуется на недостатокъ рабочихъ рукъ и на произведенное этимъ обстоятельствомъ уменьшеніе плодородія почвы. Кромѣ малочисленности браковъ уменьшенію народонаселенія на греческой почвѣ содѣйствовалъ общепринятый обычай вытравливать зародышъ и выкидывать новорожденныхъ дѣтей, которыхъ родители, по какимъ бы то ни было причинамъ, не хотѣли воспитывать. Этотъ обычай оправдывался законами и даже одобрялся мыслителями, подобными Платону и Аристотелю. Философы, жившіе послѣ Р. Хр., относятся къ этому обычаю, съ негодованіемъ; но зло, внесенное этими привычками въ народную жизнь, въѣлось слишкомъ глубоко, чтобы его могли искоренить поученія благонамѣренныхъ людей въ родѣ Музолія Руфа или Плутарха. Въ Римѣ (²) супружескія отношенія стояли подъ защитою религіи и считались святынею, особенно въ лучшія времена республики.

Римскій бракъ можетъ быть разсматриваемъ съ гражданской и религіозной точки зрѣнія. Какъ контрактъ между соединяющимися сторонами, бракъ въ Римѣ бывалъ двухъ родовъ или *cum manu*, или *sine manu*. Въ первомъ случаѣ женщина совершенно поступала подъ власть мужа; онъ получалъ надъ нею отеческую опеку, могъ наказывать ее и казнить смертью, не отвѣчая за то передъ закономъ; собственность женщины поступала въ распоряженіе мужа и онъ никому не отдавалъ въ ней отчета. Во второмъ случаѣ жена оставалась подъ покровительствомъ родителей и родственниковъ, и сама владѣла своимъ имѣніемъ. Какъ религіозная церемонія, бракъ заключался при извѣстныхъ обрядахъ; женихъ и невѣста приносили жертву и потомъ, сидя вмѣстѣ на бараньей кожѣ, съѣдали жертвенный пирогъ въ присутствіи великаго понтифекса, главнаго фламина и десяти гражданъ свидѣтелей. Другія формы брака (*coëmtio* и *usus*) были менѣе торжественны и вошли въ употребленіе тогда, когда религіозное чувство остыло и отошло въ область прошедшаго. По словамъ Діонисія Галикарнаскаго (³), разводы были неизвѣстны въ Римѣ впродолженіи 520 лѣтъ, т. е. до 234 года до Р. Хр. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего особенно неправдоподобнаго. Когда патріархальность нравовъ доходила до того, что мужъ получалъ надъ женою право жизни и смерти, тогда очень естественно, что мужу не было надобности искать развода, а жена не могла на это отва-

(¹) Döllinger. S. 693. (²) Döllinger. S. 699—704. (³) Dionys. II, 25.

житься. Изъ этого отсутствія разводовъ нельзя вывести заключеніе, чтобы Римляне первыхъ вѣковъ республики были отличными семьянинами, особенно если сопоставить съ этимъ фактомъ извѣстный законъ 12 таблицъ, по которому сынъ, три раза проданный отцомъ въ рабство, эманципировался изъ-подъ отеческой власти. Если законъ оговаривалъ подобный фактъ, стало быть онъ его предвидѣлъ и считалъ возможнымъ. Изъ отсутствія разводовъ можно заключить только, что слабая сторона, женщина, терпѣла безропотно и, въ случаѣ оскорбленія со стороны мужа, не смѣла обратиться къ защитѣ закона. Обширность власти римскаго pater familias такъ извѣстна, что ея не стоитъ оговаривать; по мѣрѣ того, какъ смягчались нравы, она стала ограничиваться контролемъ общественнаго мнѣнія и цензорской власти; разводы стали чаще и наконецъ при императорахъ обратились въ привычку. «Ни одна женщина, пишетъ Сенека, (1) не боится развода; многія знатныя и благородныя дамы считаютъ свои лѣта не по числу консуловъ, а по числу своихъ мужей; онѣ выходятъ замужъ, чтобы развестись, и разводятся, чтобы вступить въ новое супружество». При ослабленіи супружескихъ отношеній стало уменьшаться и самое число супружествъ. Августъ, заботливый блюститель народной нравственности, счелъ нужнымъ обратить вниманіе на этотъ печальный фактъ. Онъ издалъ два закона lex Julia и Poppia Poppaea, которымъ всѣ взрослые Римляне были обязаны вступать въ бракъ и производить дѣтей. Холостяки и бездѣтные люди наказывались довольно значительнымъ денежнымъ штрафомъ, а женатые люди, имѣвшіе троихъ дѣтей, освобождались отъ нѣкоторыхъ повинностей и пользовались извѣстными преимуществами. Какъ и слѣдовало ожидать, законъ этотъ не принесъ никакой пользы. Самъ Августъ предоставлялъ иногда, въ видѣ особой милости, неженатымъ людямъ «право троихъ дѣтей». Преемники его поступали еще произвольнѣе, такъ что законъ часто обходили и нарушали. Сверхъ того, удобства безбрачнаго состоянія были такъ велики по понятіямъ тогдашнихъ Римлянъ, что денежный штрафъ не могъ составить значительнаго противовѣса. Семейная жизнь падала и развратъ усиливался.

Что было въ Греціи, то было въ Римѣ. Тѣ же гетеры, тѣ же кинеды, называвшіеся экзолетами. Первые римскіе императоры до Нерона включительно отличались самыми порочными наклонностями.

---

(1) De benef. III. 16.

Это засвидѣтельствовано Тацитомъ и Светоніемъ. Жена Клавдія, Мессалина, до сихъ поръ употребляется какъ нарицательное имя развратной женщины. Внучка Августа, Юлія, довела себя до такого цинизма, что дѣдъ принужденъ былъ выслать ее изъ Рима. Неронъ, какъ извѣстно, публично женился на Спорѣ. Тиверій доходилъ на Капреѣ до какого—то изступленія разврата. Юлій Цезарь находился въ непозволительныхъ отношеніяхъ съ виѳинскимъ царемъ Никомидомъ, такъ что солдаты при тріумфѣ Цезаря пѣли стихи слѣдующаго содержанія:

Ecce Caesar nunc triumphat
Qui subegit Galliam
Nicomedes non triumphat
Qui subegit Caesarem.

Нужно ли вообще приводить факты въ пользу того мнѣнія, что развратъ императорскаго Рима перешелъ всякія границы? Достаточно сослаться на Satiricon Петронія. Тамъ каждая страница есть краснорѣчивый и неопровержимый фактъ. Отмѣтивъ этотъ развратъ, какъ существующее явленіе, я перейду къ характеристикѣ внутренняго, интеллектуальнаго и нравственнаго состоянія языческаго общества, т. е. къ религіи и философіи.

Д. ПИСАРЕВЪ.

КІАЯ.

(Изъ Барбье).

(Посвящ. Николаю Евстафьевичу Симакову).

Поэтъ и рыбакъ.

ПОЭТЪ.

Ты счастливъ, другъ-рыбакъ, средь вольной нищеты.
Завидую тебѣ! желалъ бы я, какъ ты,
Тянуть морской канатъ вдоль тихаго залива,
И неводъ мокрый свой, развѣсивъ на кусты,
На солнцѣ, жаркимъ днемъ просушивать лѣниво!
Завидую тебѣ! Когда багряный день
Въ туманныхъ сумеркахъ утонетъ за горами,
Слѣдишь ты съ палубы, какъ мягко ночи тѣнь
Безмолвнымъ призракомъ всплываетъ надъ волнами.
А я, — о, добрый другъ, пойми мою печаль:
Мнѣ берегъ родины сталъ берегомъ изгнанья;
Дворцы Неаполя, небесъ родныхъ эмаль,
И солнца яркій блескъ, и рощъ благоуханье
Уже не радуютъ, не веселятъ мой взоръ, —
Все здѣсь мнѣ говоритъ про общій нашъ позоръ,
Напоминаетъ мнѣ, что здѣсь я—чужестранецъ.
Вы—небо теплое, вершины снѣжныхъ горъ,
Садовъ душистыхъ миртъ и пышный померанецъ,
День свѣтомъ залитой и вечера румянецъ,
И воздухъ тающій и волны пышныхъ нивъ,
Везувій пламенный и здѣсь у ногъ, зеркальный,

Подъ нѣжный шопотъ струй стихающій заливъ,
Вы—счастья прежняго послѣдній слѣдъ печальный,
Меня не грѣете, я сталъ и слабъ и хилъ.
Перо не слушаетъ; лишь кисть возьму съ боязнью —
На бѣломъ полотнѣ выходятъ краски грязью,
И я съ проклятіемъ треножникъ свой разбилъ
И лиру мертвую отбросилъ съ непріязнью.
И вотъ, въ полдневный жаръ, неволи общей рабъ,
Брожу я по полямъ, сожженнымъ солнцемъ жгучимъ.

РЫБАКЪ.

Я понимаю, другъ, какимъ ты горемъ мучимъ,
Я знаю, отчего ты бродишь вялъ и слабъ,
Понуривъ голову, закутанъ въ плащь дырявый,
По почвѣ каменной, залитой жаркой лавой.
Я знаю все, мой братъ, и хоть мой грубъ языкъ,
Но сердце теплое подъ грубымъ платьемъ бьется;
И я, какъ ты, поэтъ, отъ радостей отвыкъ,
Да и кому теперь жизнь ясно улыбнется?
Кто наряжается? кто въ праздникъ надѣвать
Рѣшится на себя вѣнокъ изъ винограда?
Кто пѣть начнетъ изъ насъ и весело плясать
Въ тотъ часъ, какъ спустится вечерняя прохлада?
Нѣтъ, не до пѣсенъ намъ; глухихъ рыданій стонъ
Напѣвы нѣжные гнететъ и подавляетъ,
И наша жизнь, мой другъ, какъ выжатый лимонъ,
Своею горечью насъ всюду отравляетъ.
Мы—дѣти матери свободной съ давнихъ поръ,
Должны ярмо влачить съ терпѣніемъ ослицы,
Подъ игомъ пришлецовъ краснѣть за свой позоръ
И лить кровавый потъ съ денницы до денницы.

ПОЭТЪ.

Ты все-жъ счастливѣе; тебѣ въ удѣлъ дано
Всегда свободное, какъ этотъ воздухъ, море,
И если на землѣ все зломъ заражено,
И если съ берега къ тебѣ пахнуло горе, —
Ты можешь броситься въ свой легкій, быстрый челнъ,

Два сильныхъ взмаха рукъ—и темный берегъ тонетъ
Въ туманѣ, назади, лишь рядъ жемчужныхъ волнъ
Вокругъ тебя, рыбакъ, ласкаяя, вѣтеръ гонитъ;
Тамъ, голову поднявъ, ты можешь отдохнуть,
Забывъ тотъ міръ земной, что грязенъ такъ и тѣсенъ,
И можешь облегчить надломленную грудь
И горе высказать въ порывахъ страстныхъ пѣсенъ;
Тамъ станешь плакать ты, своихъ не пряча слезъ:
Ихъ капли теплыя съ рыданьемъ примутъ волны.
Но мы, возросшіе подъ тѣнью нашихъ лозъ,
Земли изгнанники, мы, тайной злобой полны,
Должны всю боль души, гной нашихъ ранъ скрывать
Подъ палкою гостей незваныхъ и безчестныхъ,
И двадцать разъ на дню безмолвно умирать
Съ невозмутимостью животныхъ безсловесныхъ;
Должны крикъ ужаса тогда въ себѣ давить,
Когда-бы закричалъ отъ боли самый камень,
И гдѣ нибудь въ углу, украдкой слезы лить,
Глотая этихъ слезъ горячій, острый пламень.
Измѣны всюду здѣсь боятся и дрожатъ
Въ семьѣ, въ кругу друзей, въ любви, въ самомъ развратѣ,
И если говорить начнетъ съ тобой твой братъ —
Боишься ты найти предателя и въ братѣ.

РЫБАКЪ.

Но будетъ не всегда-жъ противный вѣтеръ дуть
И рвать намъ паруса... Не все-жъ бѣды, да слезы,
Дождемся наконецъ и мы когда нибудь
Безбурныхъ, теплыхъ дней; губительныя грозы
Какъ тучи пролетятъ надъ нашей головой,
И всѣ мы, отдохнувъ отъ голода и боли,
Въ лохмотьяхъ рубища, съ дырявою сумой
Не станемъ, ползая, нести весь стыдъ неволи;
Не все же намъ, влачась подъ сумракомъ ночей,
Въ сору, въ грязи канавъ, въ кварталѣ отдаленномъ
Для нашихъ плачущихъ отъ голода дѣтей
Объѣдки отрывать съ рыданьемъ затаеннымъ.
Не все-жъ тяжелый гнетъ, на камнѣ сонъ тупой,
Неблагодарный трудъ и плачъ во всю седьмицу,
Не все-жъ раздавленнымъ суровой нищетой

Намъ умирать ходить въ холодную больницу....
Надеждѣ вѣрю я, и любо мнѣ терпѣть,
Лежать на берегу и съ моря ждать погоды,
Иль, бросивши весло, закинуть въ море сѣть
Въ тотъ часъ, когда заря зальетъ румянцемъ воды.
Не даромъ вѣрю я, что день тотъ не далекъ,
Который ловлею окончу я счастливой,
И изъ моихъ сѣтей, изъ глубины залива,
Стряхая съ косъ серебряный песокъ
Свобода выплыветъ, смѣла и горделива...

ПОЭТЪ.

Она, рыбакъ, она, свобода, дочь морей,
Сестра богини волнъ, ногою ступитъ бѣлой
На зыбкую корму, въ кругъ старыхъ рыбарей?
О, я боюсь, мой братъ, чтобы твой голосъ смѣлый
Не прозвучалъ въ пустынѣ!.. Гостьи этой грудь,
Ея объятія съ любовью всѣмъ раскрыты,
Но нашъ народъ ей чуждъ, къ нему закрытъ ей путь...
Что стали мы теперь? —Тупые сибариты,
Которыхъ идеалъ—безсмысленный развратъ,
Пріапа храмъ, вино и вакханалій пляска,
Въ которыхъ мысль и воля дружно спятъ,
И со щеки давно стыда сбѣжала краска.
Въ мамонѣ сердце ихъ и въ головѣ—мамонъ,
Валяясь на спинѣ отъ соку винограда,
Они, кощунствуя, глядятъ на небосклонъ.
Обжорство—вотъ ихъ богъ, ихъ муза, ихъ награда,
А если въ тяжкій годъ придется взять имъ мечъ,
Они безмолвствуютъ...

РЫБАКЪ.

О, не вини народа,
Котораго ты сынъ. Къ-чему проклятья рѣчь,
И гордость генія? Повѣрь мнѣ, что природа
Твоей земли не такъ скудна; вѣрь мнѣ: народъ
Есть почва добрая, въ ней скрыто много силы,
Въ ней сѣмя истины безъ пользы не умретъ,
Лишь былъ-бы сѣятель. Той силѣ нѣтъ могилы;

Она безъ-устали всегда невидимо живетъ,
Добромъ платя за зло, за мщеніе наградой,
Ростить могучій дубъ, намъ людямъ мощь даетъ
И вѣчно трудится съ любовью и отрадой.
Той силы мы вездѣ встрѣчаемъ слѣдъ живой,
Вездѣ ея рука и сильный, звучный голосъ.
Она среди пустынь плодъ нѣжитъ наливной,
На почвѣ каменной ростить златистый колосъ.
Какъ ни дави ее, ни мучь, ни унижай,
Она прорвется вновь могучею струею,
Усталый духъ людей и цѣлый падшій край
Вдругъ освѣжитъ здоровою волною, —
И тотъ народъ, безсмысленный отъ сна,
Въ порокѣ гибнувшій и ползавшій когда-то,
Дастъ міру, наконецъ, изъ омута разврата
Людей прославленныхъ святыя имена.

ПОЭТЪ.

Ахъ, еслибы ты зналъ, какъ тяжко мысль скрывать,
Когда она жжетъ мозгъ и черепъ давитъ-давитъ,
Ты началъ бы, какъ я, со злобой проклинать.
Но жизнь твоя проста, и что меня печалитъ,
Мутитъ всю желчь мою и сердце тайно жалитъ,
Ты не поймешь, рыбакъ! Тебѣ нельзя понять,
Какъ возмутительно не смѣть обняться съ братомъ,
Тянуться къ солнцу, къ дню и мракомъ быть объятымъ,
Имѣть крыло у плечъ, всѣ силы на полетъ,
И ползать здѣсь въ грязи, какъ связаннымъ орлятамъ.
А жизнь не ждетъ межъ тѣмъ, за годомъ годъ идетъ,
Мы вялы и больны подъ старческою гнилью,
На сердцѣ нѣтъ надеждъ и мечь насъ не зоветъ,
Въ ножнахъ съѣдаемый и ржавчиной и пылью.
Такъ съ каждымъ днемъ могила ближе къ намъ,
Безсиліе души и тѣло убиваетъ,
И гордый геній нашъ какъ безполезный хламъ
Въ забытыхъ сундукахъ подъ плѣсенью сгниваетъ.
Для генія, старикъ, необходимъ просторъ,
Какъ пьяницѣ нужна съ виномъ большая чаша,
И я... я ждать усталъ; то горе, то позоръ
Убили духъ во мнѣ,—чужда мнѣ почва наша.

Что пользы ждать теперь и рваться? Такъ кастратъ
Дрожитъ надъ дѣвою въ безсильи изступленномъ....
О, если здѣсь ни въ комъ, въ народѣ утомленномъ
Нѣтъ силъ на подвиги, и если всѣ здѣсь спятъ — .
Уйду отсюда я къ друзьямъ иноплеменнымъ.

РЫБАКЪ.

О, какъ нетерпѣливъ ты, пламенный поэтъ,
Съ душою пылкою, ничѣмъ неудержимой,
Дитя капризное на утрѣ дѣтскихъ лѣтъ,
Умѣй терпѣть и ждать—усталый и гонимый.
Но если насъ тебѣ покинуть суждено,
Для лучшихъ береговъ, для новыхъ впечатлѣній,
Ты сбереги въ душѣ—то, что душѣ дано,
Не измельчай тогда въ самолюбивой лѣни.
Ты не забудь о томъ, что грудь твою согрѣлъ
Рокъ не напрасно же таланта чуднымъ жаромъ,
Всѣхъ выше головой поставленъ ты не даромъ,
И если ты падешь—каковъ же нашъ удѣлъ?
Терпи-жъ пока, поэтъ! На подвигъ твой великій
Дастъ силы новыя великая душа.

ПОЭТЪ.

Ты сердцемъ добръ, старикъ, но гнѣвъ свой заглуша,
Ты вѣрно позабылъ, что только камень дикій,
Да тощую траву найдешь средь нашихъ нивъ,
Гдѣ не даютъ плодовъ посаженныя зерна,
Гдѣ человѣкъ сталъ мелокъ и лѣнивъ,
Безсильна мысль, добро и только зло упорно!
Дай руку мнѣ, старикъ! Иду отсюда я,
Быть можетъ навсегда Неаполь оставляю,
Къ тебѣ, къ тебѣ теперь, Калабрская земля,
Несу остатокъ силъ и руки простираю!
Поклонъ свой шлю тебѣ, далекій, чуждый кровъ,
Съ челомъ нахмуреннымъ сѣдой утесъ Гаргано,
Вамъ, скалы дикія съ подножіемъ лѣсовъ,
Увитымъ ризою нагорнаго тумана.
Прошу, прошу у васъ дать страннику пріютъ,

Въ ущельяхъ темныхъ горъ, въ лѣсахъ, въ степяхъ раздольныхъ.
О, пусть моя душа и силы отдохнутъ
Опять среди племенъ кочующихъ и вольныхъ,
Гдѣ жизнь не растлѣна и простъ людей языкъ,
Гдѣ каждый человѣкъ, природѣ лишь послушный,
Блистая красотой, свободенъ и великъ.
Сживяся съ той средой, дѣлить-бы съ ней привыкъ
Я всѣ труды свои и черствый хлѣбъ насущный,
Я сталъ бы, какъ, орелъ заоблачныхъ высотъ,
Несвязанъ и могучъ въ полетѣ мысли смѣлой;
Когда же смерть ко мнѣ украдкой подойдетъ —
Не свяжетъ тѣла мнѣ въ могилѣ саванъ бѣлый,
Не станетъ узкій гробъ давить своей доской,
Но прахъ мой грудь земли возьметъ къ себѣ, ревнуя,
И, убаюканный Циббелою сѣдой,
Въ ея объятіяхъ съ улыбкою засну я;
Исчезну вдругъ, какъ дымъ, какъ мимолетный звукъ,
Какъ молнія въ ночи, какъ лучъ скользнувшій свѣта,
И никогда ногой не ступитъ гордый внукъ
На остовъ моего забытаго скелета.

Д МИНАЕВЪ.

1 марта.
1861 г.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Смерть турецкаго султана.—Напрасныя попытки его преобразовать Оттоманскую Порту. — Невозможность соединить Исламизмъ съ прогрессомъ Турціи. — Сходство системъ Пія IX и Абдулъ-Меджида. — Американскій вопросъ. — Значеніе его и будущія послѣдствія политической гегемоніи южной конфедераціи.—Послѣднія засѣданія французской законодательной палаты. **Письмо изъ Парижа.** Характеристика графа Кавура и барона Рикасоли. — Мюратъ—начальникъ франкъ-масонской ложи.— Упадокъ этого общества.—Министръ Персиньи и преслѣдованіе книгъ и журналовъ. **Письмо изъ Лондона.** Послѣдніе дебаты англійскаго парламента. — Торжество Гладстона и его билля. — Дизраели и оселъ Пёнча. — Смерть лорда Кэмпбеля и лондонскій пожаръ.

Старый міръ отходитъ.... Между тѣмъ, какъ въ Римѣ ожидаютъ кончины Пія IX и при жизни его ведутъ тайные заговоры о выборѣ новаго папы, телеграфъ разноситъ извѣстіе по Европѣ о смерти Абдулъ-Меджида. Турецкій султанъ, истощенный здоровьемъ среди гаремныхъ наслажденій и разстроенный духомъ, умираетъ также печально, какъ за двадцать лѣтъ началъ свое царствованіе. Опоясавъ саблю Османа, онъ принялъ отъ Махмуда II огромную имперію, разстроенную извнѣ, ограбленную внутри, съ возстаніемъ въ Египтѣ и Малой Азіи, волнуемую на берегахъ Дуная, пораженную въ кровопролитной битвѣ при Не-

зибѣ, съ измѣной Хозрева-Паши и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отступиться отъ Сиріи и всего флота въ пользу египетскаго правителя, Мегемета-Али. Въ самомъ Константинополѣ, у воротъ сераля, готово было вспыхнуть возстаніе, и еслибъ не вмѣшались европейскіе кабинеты, вѣроятно, Оттоманская Порта предупредила бы свое паденіе нѣсколькими годами. Такъ началось правленіе Абдулъ-Меджида. Теперь мы видимъ то же самое; та же иностранная опека господствуетъ надъ Турціей, та же хищная и безсовѣстная администрація пашей угнетаетъ провинціи, тѣ же явныя и тайныя неудовольствія между подданными; та же невинная кровь льется въ Сиріи и Черногоріи, тѣ же законы остаются мертвой буквой; а произволъ управляетъ всѣмъ—отъ султанскаго гарема и до послѣдней хижины бѣднаго земледѣльца. Вся жизнь Абдулъ-Меджида прошла въ напрасныхъ попыткахъ преобразовать имперію Османлисовъ. Руководимый англійской политикой, онъ, по примѣру отца, хотѣлъ поставить Турцію на степень европейской цивилизаціи; съ этой цѣлью онъ издалъ пресловутый *танзиматъ*, которымъ обезпечивалась жизнь, собственность и честь турецкаго подданнаго, отмѣнялась конфискація имущества, наслѣдуемаго послѣ смерти уголовнаго преступника, уничтожались монополи, опредѣлялись правильные налоги и строгое наблюденіе за ихъ сборомъ, вводился гласный судъ и свобода совѣсти получила болѣе простора; въ 1851 году султанъ открылъ въ Константинополѣ академію наукъ и искуствъ, раздѣлилъ народное образованіе на три разряда: на высшее, среднее и нисшее; сравнялъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣ вѣроисповѣданія и сословія, старался придать гораздо больше значенія гражданской жизни сравнительно съ военной, и жестокими наказаніями преслѣдовалъ воровство чиновниковъ и самоуправство провинціальныхъ намѣстниковъ. Но всѣ эти реформы остались безплодными, потому что ветхое зданіе, съ подгнившимъ основаніемъ, требовало не починки, а совершенной передѣлки. Турціи необходима была новая политическая сила, которая разлила бы жизненныя начала по всему ея организму, не насильственно и не изъ подражанія тому или другому европейскому обществу, а также есте-

ственно и свободно, какъ здоровая кровь разливается отъ сердца по всѣмъ частямъ тѣла. Въ исторіи народовъ есть періоды, когда принципы жизни истощаются, разложеніе происходитъ въ самомъ корнѣ, такъ что отдѣльныя вѣтви увядаютъ сами собою; когда народъ переходитъ за эту черту историческаго развитія, когда въ немъ, какъ въ пустомъ древесномъ стволѣ, прекращается всякое движеніе соковъ и жизненнаго роста, тогда частныя преобразованія ни къ чему не ведутъ: для новой жизни нужны новыя политическія начала. Болѣзнь современной Турціи именно такого рода. Ея религіозные и общественные принципы могли удовлетворить только варварскую эпоху, и по самому духу не допускали высшаго соціальнаго прогресса. Ученіе алкорана, способное одушевить пламенными страстями и широкой дѣятельностью молодое общество, въ высшей степени ученіе вредное и антисоціальное для народовъ взрослыхъ и окрѣпшихъ. Оно въ самомъ источникѣ поражаетъ тѣ силы, которыми можетъ жить и процвѣтать нація; мусульманская полигамія, соединенная съ полнымъ отрицаніемъ женской личности, разрушаетъ всякую семейную нравственность и, слѣдовательно, главное основаніе соціальнаго устройства. Пропаганда исламизма, опиравшаяся на фанатической ненависти ко всѣмъ другимъ религіямъ и на истребленіи мечомъ и огнемъ всего неправовѣрнаго, задушила на востокѣ вторую соціальную силу—мирной и братской связи съ другими народами; наконецъ, проповѣдь Магомета, отвергающая умственное образованіе и свободу мысли, нанесла тѣмъ смертельный ударъ общественному развитію. Изъ такого ученія должна была возникнуть отвратительная государственная система—насиліе въ семействѣ и въ обществѣ, насиліе совѣсти и разума, братоубійство во дворцѣ, дѣтоубійство въ гаремахъ, невольничество на рынкахъ, повсемѣстное рабство, нищета, и надъ всѣмъ этимъ необузданная власть военнаго визиря или султана. Само-собою разумѣется, что у этого народа могли быть свои добродѣтели, свои герои и великіе подвиги, но эти благородныя черты проявлялись какъ счастливыя исключенія и отнюдь не поправляли общаго нелѣпаго характера. Послѣ этого что же могъ сдѣлать Абдулъ-Меджидъ

съ своими косвенными преобразованіями, съ своей европейской цивилизаціей? Онъ могъ построить нѣсколько сотъ университетовъ, дать каждому городу по академіи, передушить всѣхъ взяточниковъ и воровъ, изрѣзать Балканскій полуостровъ желѣзными рельсами, даже сочинить конституцію въ родѣ какой-то парламентской галиматьи тунисскаго бея, и за всѣмъ тѣмъ не возродить общественной жизни. Поэтому желаніе и, можетъ быть, искреннее желаніе султана облегчить свою страну остались только на одной бумагѣ. Я убѣжденъ, что тотъ же результатъ ожидаетъ и его преемниковъ, если они будутъ лѣчить больнаго человѣка разными припарками, когда ему необходимы радикальныя средства. Пора отказаться отъ мысли, что будто духъ исламизма можетъ когда-нибудь примириться съ прогрессомъ народовъ.

Мы не случайно находимъ паралель въ положеніи Пія IX съ положеніемъ Абдулъ-Меджида: первый, не понимая или не желая понять истинныхъ требованій реформы, съумѣлъ однакожъ стать выше преданія и отказаться отъ натянутой системы своихъ предковъ, а второй не хотѣлъ уступить ни одной пяди свободной почвы для преобразованій своей страны; первый за неимѣніемъ нравственныхъ силъ, прямо дѣйствовалъ оружіемъ, когда народная воля открыто возставала противъ турецкаго самовластія, а второй старался придать угнетенію видъ кротости, но тайно искалъ той же физической защиты въ австрійскомъ правительствѣ и въ французскихъ штыкахъ; первый не бралъ назадъ своихъ обѣщаній и реформъ, а второй началъ свое правленіе громкими словами: Italia farà da se, и, когда она приступила къ дѣлу, онъ призвалъ чужихъ наемныхъ солдатъ, чтобъ задушить въ крови Италіи ея пробужденіе. Затѣмъ въ политикѣ Пія IX и Абдулъ-Меджида мы не находимъ никакой разницы: оба они допустили иностранное вмѣшательство въ свою внутреннюю политику и стали въ зависимость отъ другихъ правительствъ; оба они незамѣтно перешли отъ застоя въ революціонное положеніе, потому что реактивное направленіе ихъ достигло того крайняго предѣла, за которымъ начинаются насильственные взрывы и протестъ человѣческаго чувства; оба они оставляютъ по себѣ подданнымъ

бѣдность, невѣжество, запустѣніе земель, промышленную бездѣятельность, государственный долгъ безъ кредита и неизвѣстность будущаго—безъ надеждъ.

Послѣднія событія въ римской области остаются въ прежнемъ положеніи: смерть Кавура обрадовала кардиналовъ, но не поправила ихъ дѣла; общественное мнѣніе Европы попрежнему на сторонѣ Виктора-Эммануила, а вмѣшательство Франціи и сочувстіе Австріи къ папѣ только увеличили народное раздраженіе и полицейскіе аресты. Пій IX становится одинокимъ среди двухъ милліоновъ своихъ подданныхъ и чужимъ на своей землѣ; его оставляютъ самые близкіе ему люди, ему измѣняютъ даже друзья. Пій IX пережилъ вмѣстѣ съ Италіей цѣлую эпоху послѣ того, какъ онъ благословилъ миланскую капитуляцію и отпраздновалъ домашней мессой паденіе Венеціи... Вѣроятно, онъ часто вспоминаетъ то время, когда въ 1848 году къ балкону Квиринала радостно стекался народъ съ факелами и знаменами, чтобъ поклониться владыкѣ и поблагодарить его за желаніе Италіи добра и успѣха; вѣроятно, онъ не забылъ того времени, когда имя его съ восторгомъ произносилось во всѣхъ концахъ страны, когда слова его принимались за добрую вѣсть и утѣшеніе отъ Павіи и до Палермо. Это былъ Пій IX — реформаторъ, человѣкъ своего времени. Теперь не то: теперь онъ — консерваторъ, и Римляне, вмѣстѣ съ другими Итальянцами, не съ нимъ, а противъ него. Недавно въ Римѣ составилась общественная демонстрація, изъ которой всего лучше можно видѣть, въ какомъ отношеніи находится папа къ подвластному ему народу. «Римъ, говоритъ этотъ народъ, обращаясь къ сардинскому королю, соединяетъ свой голосъ съ голосомъ итальянскаго парламента и провозглашаетъ васъ королемъ. Примите, государь, въ этомъ адресѣ желанія римскаго патриціата и народа, выраженныя нами, нижеподписавшимися, какъ представителями національной воли; въ то же время мы объявляемъ, что еслибъ Риму позволено было высказать публично свои обѣты, то въ урнѣ всеобщей подачи голосовъ были бы найдены эти самыя желанія, а не другія. Образованная Европа должна знать, что если нація имѣетъ право

избирать свою столицу, то нельзя оспоривать у Италіи Рима, развѣ только силою, господствующею надъ правомъ и справедливостью. Несмотря на это, Римъ желаетъ васъ; онъ къ вамъ обращаетъ свое оружіе и проситъ, чтобы вашъ флагъ — флагъ Италіи, — развѣвался надъ древнимъ капитоліемъ». Этотъ адресъ, почти въ тѣхъ же словахъ представленный и Наполеону III, былъ подписанъ 6–ю тысячами гражданъ, т. е третью римскаго народонаселенія, способнаго говорить за свои общественные интересы; здѣсь были и аристократы и ремесленники, соединившіеся въ одномъ желаніи. Мы можемъ оспаривать дипломатическую форму такого акта, но не можемъ не предполагать, что этотъ народный вопль вызванъ крайней необходимостью со стороны папскихъ подданныхъ. И дѣйствительно, положеніе Рима самое грустное; болѣе двухъ лѣтъ онъ выдерживаетъ осадное положеніе подъ начальствомъ иностраннаго генерала; жизнь и собственность гражданъ его зависятъ отъ произвола полиціи и войска, столько же враждебнаго самому правительству, сколько народу; самый папа, огорченный постоянными демонстраціями и явнымъ неуваженіемъ къ его правленію, не можетъ сочувствовать Риму; наконецъ въ исторіи не много встрѣчается такихъ примѣровъ, когда подданные умоляютъ постороннія правительства принять участіе въ ихъ судьбѣ и избавить ихъ силою отъ *законнаго* государя.

Но разрѣшеніе римскаго вопроса лежитъ внѣ самой Италіи. Въ непонятной политикѣ Франціи есть что-то зловѣщее для Италіи. Что удерживаетъ Наполеона вывести свои войска изъ Рима и тѣмъ предоставить ему полную независимость располагать собой? Это одна изъ тѣхъ халдейскихъ загадокъ, которыя умѣетъ задавать Европѣ только тюильрійскій кабинетъ. За нѣсколько мѣсяцевъ раньше представлялся такой же вопросъ относительно Гаеты. Что заставило Наполеона поддерживать неаполитанскаго короля, которому онъ повидимому не думалъ возвращать престола? Мы почти убѣждены, что во всемъ этомъ главной пружиной была затаенная мысль задержать быстрый успѣхъ итальянскаго возрожденія и очень понятное желаніе воспользоваться настоящими обстоятельствами. Какъ бы то ни было, но римскій во-

просъ скоро можетъ породить реакцію въ общественномъ мнѣніи Европы, еслибъ даже терпѣніе Италіи и не было истощено этими политическими маневрами.

Теперь посмотримъ, какъ прилагаются принципы къ жизни въ странѣ свободной, въ Америкѣ.

Здѣсь происходитъ страшная, братоубійственная борьба между двумя началами—свободой и рабствомъ, старая борьба добра и зла, проходящая по всей исторіи человѣчества. Дерзкій вызовъ къ этой борьбѣ, какъ и надо было ожидать, поданъ плантаторами. Они первые разорвали союзъ съ конфедераціей; они же первые объявили войну сѣвернымъ штатамъ и обложили Вашингтонъ своими войсками; слѣдовательно отвѣтственность за эту невинную кровь, которая скоро польется,—за всѣ злодѣянія, готовыя совершиться въ защиту кнута и неволи Негровъ, должна упасть тяжелымъ проклятіемъ на голову рабовладѣльцевъ. Обвинять Линкольна въ томъ, что онъ принялъ этотъ вызовъ, было бы безразсудно. Напротивъ, его можно упрекнуть за недостатокъ энергіи и, если угодно, проницательности въ такомъ кризисѣ, какъ настоящее положеніе Америки. Когда онъ вступилъ въ должность президента, ему казалось, что еще возможенъ мирный исходъ изъ столкновенія юга съ сѣверомъ, онъ надѣялся на примиреніе посредствомъ взаимныхъ уступокъ съ той и другой стороны, и только послѣ атаки укрѣпленія Сёмтера и произвольнаго разграбленія федеральной собственности южными штатами, рѣшился дѣйствовать. Это замедленіе конечно, благородное и гуманное въ самомъ источникѣ, обратилось во вредъ центральному правительству. Оно одушевило смѣлостью враговъ его, раздуло надменныя надежды на успѣхъ ихъ отвратительнаго предпріятія и дало возможность занять выгодныя военныя позиціи. Въ нравственномъ отношеніи, оно имѣло дурное вліяніе на пограничныя провинціи, которыя колебались между присоединеніемъ къ югу или неразрывнымъ союзомъ съ сѣверомъ; нѣкоторыя изъ нихъ пристали къ плантаторской партіи единственно потому, что замѣтили нерѣшительность и какъ бы робость Линкольна.

Но мы должны отдать полную справедливость его поли-

тическимъ убѣжденіямъ: въ этомъ онъ твердъ и отваженъ. Давно убѣжденный въ томъ, что рабство долѣе не можетъ осквернять собой демократическихъ началъ Америки, что великая нація или должна отказаться отъ своихъ свободныхъ учрежденій и подчиниться системѣ плантаторской олигархіи или вырвать съ корнемъ заразу, которая такъ долго растлѣвала общество,—убѣжденный въ этомъ, Линкольнъ строго держится своей програмы. Онъ не хотѣлъ быть зачинщикомъ кровопролитія, но никогда и не думалъ измѣнить своему праву. Какъ прежде, такъ и теперь онъ считаетъ отложеніе возмутительнымъ самоуправствомъ и не отказывается наказать силу силой. Когда настала неизбѣжная минута борьбы, онъ обратился къ народу съ воззваніемъ и мы уже знаемъ, какъ оно взволновало сѣверные штаты. Всѣ, кто способенъ носить оружіе, стали подъ союзное звѣздное знамя и пошли противъ угнетателей Негровъ; земледѣльцы и фабричные работники, старики и юноши оставляли свой трудъ и семейства, чтобъ не опоздать записаться въ полки милиціи. И вотъ страна, такъ долго не возмущаемая военнымъ шумомъ, стономъ земли отъ копытъ конницы и передвиженій артиллеріи, вдругъ покрылась во всѣхъ направленіяхъ сотнями тысячъ солдатъ. Теперь вооруженная Америка стоитъ на пространствѣ отъ рѣки св. Лаврентія до мексиканскаго залива. Столкновеніе непріятельскихъ армій, по всей вѣроятности, произойдетъ на поляхъ Виргиніи, гдѣ располагаются главныя силы сѣвера и юга. Кому будетъ принадлежать побѣда?—отвѣтъ на этотъ вопросъ съ каждымъ днемъ ожидается изумленной Европой. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ сахарныхъ поборниковъ вѣчно-торжествующаго добра, мы знаемъ, что въ наше время зло сильнѣе блага, но на этотъ разъ мы не сомнѣваемся въ побѣдѣ сѣверныхъ штатовъ. Они тверды не одной справедливостью, но и матеріальными средствами. На ихъ сторонѣ сила воли и крѣпкій союзъ, не нарушаемый ни ненавистью, ни измѣной черныхъ людей... Во всякомъ случаѣ, намъ жалко смотрѣть на эту вражду, но утѣшимся тѣмъ, что Американцы проливаютъ человѣческую кровь недаромъ, а за такое святое право, какъ уничтоженіе рабства.

Мы не намѣрены подробно слѣдить за ходомъ американской войны ни теперь, ни послѣ; предоставляемъ эту красную лѣтопись любителямъ пороховаго дыма, треска ядеръ и труповъ, обезображенныхъ и истерзанныхъ на полѣ битвы, но мы постараемся взглянуть на болѣе человѣчныя стороны этого вопроса.

Предположивъ, что южные штаты совершенно успѣютъ въ своемъ намѣреніи, что самостоятельность ихъ будетъ признана Европой и Америкой, — какія же ближайшія послѣдствія ожидаютъ ихъ политическую гегемонію? Основаніемъ ихъ отдѣленія и будущей организаціи служитъ рабство, которое возводится ими въ систематическое учрежденіе наравнѣ съ другими государственными началами. Доселѣ оно было допущено, какъ необходимое зло, косвенно дозволенное конституціей, но явно и рѣзко противорѣчившее самой жизни свободнаго народа; теперь ему придается полное фактическое и юридическое *право*, если только можно назвать *правомъ* подлое безправіе. Развивая логически это основаніе, южная конфедерація должна придти къ самымъ чудовищнымъ результатамъ; она должна пожертвовать въ пользу эксплуатаціи плантаторовъ индивидуальной свободой, свободой совѣсти и мысли, уничтожить муниципальныя гарантіи и черезъ нѣсколько лѣтъ отъ самоуправства олигархіи перейдти къ китайскому абсолютизму. Чтобъ удержать въ повиновеніи четыре милліона невольниковъ, по первому сигналу готовыхъ возмутиться, она должна завести постоянное войско и оцѣпить денной и ночной стражей пограничныя линіи отъ побѣга Негровъ; чтобы заселить новыя территоріи рабами, которыхъ теперь мало, она должна возобновить открытый торгъ африканскимъ мясомъ и вышить на своемъ флагѣ кнутъ и цѣпь вмѣсто звѣзды на бѣломъ фонѣ; чтобы поддержать и узаконить эту постыдную систему, она должна искать себѣ союзниковъ не въ свободныхъ странахъ, а у азіатскихъ деспотовъ; съ той минуты, когда политика плантаторовъ, основанная на угнетеніи и лжи, очернитъ собой общество, семейный бытъ, развратитъ разумъ и совѣсть американскаго юга, сочувствіе образованныхъ народовъ оставитъ ихъ. И «отъ бѣдной націи (говоритъ Гаспарэнъ), къ которой при-

косновенiе будетъ предметомъ страха, которой принципы будутъ прокляты, знамя заподозрѣно, которой униженiе, постоянно возрастающее, даже не будетъ вознаграждено матерiальными выгодами, всѣ отвернутся. Кровь стынетъ въ сердцѣ при мысли этого вѣроятнаго и неизбѣжнато будущаго, которое предстоитъ такой огромной массѣ людей, не столько преступныхъ, сколько увлеченныхъ заблужденiемъ. Между ними и остальнымъ мiромъ не будетъ ничего общаго; они будутъ хватать на границѣ журналы и книги, чтобъ не впустить къ себѣ даже идеи о свободѣ Негровъ; другiе народы не будутъ имѣть къ нимъ ни политической, ни нравственной симпатiи.» (Un Grand peuple qui se relève, par Gasparin. p. 246). Вотъ та перспектива, которая открывается въ будущемъ передъ южной конфедерацiей! Совершенно иныя послѣдствiя ожидаютъ сѣверную республику, еслибъ даже она и потерпѣла пораженiе въ настоящей войнѣ. Освободившись отъ заразы рабовладѣльцевъ, она быстрѣе пойдетъ на пути прогресса; ея учрежденiя сдѣлаются выше и чище въ нравственномъ отношенiи, ея вещественныя богатства увеличатся по мѣрѣ того, какъ будетъ бѣднѣть югъ, и она въ десять лѣтъ разовьется лучше, чѣмъ въ прошлыя шестьдесятъ, стѣсненная и придавленная гнетомъ рабства.

Теперь перейдемъ къ консервативной партiи французскихъ палатъ. Здѣсь парламентская дѣятельность представляетъ новое явленiе конституцiи, дающей право только *разсуждать*, но не *дѣлать*. Это особенный родъ свободы, не извѣстной ни въ древней, ни въ новѣйшей исторiи... Всѣ напередъ знаютъ, что такое-то предложенiе оппозицiонной стороны будетъ отвергнуто, и между тѣмъ представители собираются въ общую залу разсуждать, кричать и горячиться, единственно для того, чтобъ потомъ согласиться съ правительствомъ или съ его избранными клiентами. Недавно въ законодательномъ собранiи происходилъ дебатъ о назначенiи бюджета для содержанiя армiи и флота. Въ послѣднее время этотъ бюджетъ возросъ до 500,000,000 франковъ, т. е. онъ поглощаетъ почти треть государственныхъ доходовъ. Генералъ Аляръ потребовалъ новой прибавки пенсiоновъ для отставныхъ офицеровъ и безъ того

превосходно обезпеченныхъ. По этому поводу Ларабюръ произнесъ очень умную рѣчь, изъ которой мы приводимъ здѣсь нѣсколько отрывковъ: «Правительство, конечно, знаетъ, что во многихъ частяхъ Франціи чувствуется недостатокъ рукъ для воздѣлыванія полей, и если этотъ недостатокъ сдѣлается общимъ, то Франціи угрожаетъ величайшее бѣдствіе. Сто тысячъ человѣкъ, каждый годъ отрываемые отъ полевыхъ работъ, съ трудомъ возвращаются къ нимъ, когда получаютъ отставку. Они ищутъ занятій на желѣзныхъ дорогахъ, въ таможняхъ и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ многіе изъ нихъ оказываются совершенно потерянными для земледѣльческихъ работъ. Такая огромная конскрипція уменьшаетъ число браковъ и останавливаетъ приращеніе народонаселенія. Большія арміи, безъ сомнѣнія, служатъ одной изъ главныхъ причинъ этого застоя; онѣ разстраиваютъ финансовую систему и обременяютъ военными издержками мирное время. Большія арміи возбуждаютъ подозрѣніе за границей; опасеніе сосѣдей возрастаетъ и они также вооружаются; недовѣріе переходитъ отъ одного къ другому, такъ что каждый подрываетъ мирныя отношенія, которыя всѣмъ желательны и полезны. Французское правительство показало бы примѣръ, достойный его, еслибъ оно положило конецъ этимъ жалкимъ недоразумѣніямъ и тревогамъ, еслибъ оно начало общее обезоруженіе войскъ. Это необходимо для сосѣднихъ государствъ и для самой Франціи, потому что ей невозможно долго поддерживать такую натянутую финансовую систему. Многочисленныя массы людей, постоянно упражняемыя въ искуствѣ владѣть оружіемъ, питаютъ во Франціи чувство постояннаго безпокойства, жажду приключеній, нѣкогда столь неутолимую въ военныхъ инстинктахъ Франціи. Эта жажда подстрекаетъ насъ къ походамъ и къ частому вмѣшательству въ дѣла другихъ народовъ. Въ послѣдніе 30 или 40 лѣтъ сколько внѣшнихъ походовъ было предпринято нами и ради какихъ результатовъ? Ради славы; но эта слава стоила намъ тяжелыхъ долговъ, потому что когда Французы мѣшаются въ дѣла иностранныхъ націй, они, обыкновенно, дѣлаютъ это на свой собственный счетъ. Въ 1823 году Франція посылала своихъ солдатъ въ Испанію, и этотъ походъ ей стоилъ

нѣсколько милліоновъ франковъ. Теперь нѣтъ никакой возможности потребовать вознагражденія отъ Испаніи. Потомъ мы воевали въ Греціи, нетолько на собственныя деньги, но еще обезпечили заемъ въ 20,000,000 франковъ, котораго проценты доселѣ выплачиваются нами. Затѣмъ французскія войска были переброшены въ Алжирію для отмщенія за оскорбленіе. Эта война опять стоила намъ милліоновъ, а результатъ ея тотъ, что послѣ тридцатилѣтняго занятія страны европейское народонаселеіе въ 200,000 требуетъ покровительства 40,000 или 50,000 войска. Въ 1848 году была отправлена армія въ Монтевидео для усмиренія и устройства республики. Это было ничтожное предпріятіе, но все же Франція должна платить за него. Потомъ два раза мы ходили въ Бельгію для защиты этой націи, которая отказывается уплатить наши расходы. Высадка въ Римъ была предпринята для возстановленія папы на престолѣ, для охраненія его личности и правительства, и все это на счетъ самой же Франціи, между тѣмъ какъ Австрія, занимавшая другія части римской области, постаралась вознаградить свои расходы. Наша крымская экспедиція, при всей ея славѣ, слишкомъ дорого обошлась намъ, — мы потеряли множество людей, истратили полтора миліарда франковъ и пріобрѣли неблагодарность, если только не ненависть Турокъ. Недавно мы вели италіянскую войну; здѣсь наши блистательныя побѣды и нѣсколько свѣжихъ лавровъ стоили намъ 40,000 людей и 500,000,000 франковъ, притомъ удара, нанесеннаго нашей политикѣ виллафранкскимъ договоромъ и настоящей путаницы въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ.» Наконецъ Ларабюръ указываетъ на походы въ Китай, Кохинхину, Сирію и справедливо замѣчаетъ, что еслибъ всѣ эти деньги и люди были употреблены на внутреннія дѣла Франціи, то можно было бы сдѣлать чудеса; но «Франція слишкомъ богата, чтобъ платить за славу» —и въ этой ѣдкой ироніи оратора отразилось мнѣніе всей образованной и лучшей части общества. Несмотря на то, правительство утвердило бюджетъ и даже не хотѣло прилично отвѣтить на возраженія оппозиціи.

Другой вопросъ, не менѣе интересный и важный, коснулся свободы прессы. Защитникомъ ея былъ старый другъ

этого дѣла, Жюль Фавръ. Обвиняя произволъ полиціи, которой ввѣренъ надзоръ за литературой и наукой Франціи, онъ между прочимъ доказываетъ, что свободная трибуна не можетъ существовать безъ свободной прессы, что граждане, призванные въ лицѣ своихъ представителей къ обсужденію своихъ дѣлъ, должны знать и общественное мнѣніе страны. Останавливаясь на произведеніяхъ Монтескью, онъ очень мѣтко замѣчаетъ, что вѣроятно авторъ «персидскихъ писемъ» и «духа законовъ», имѣвшій счастіе жить въ эпоху Лудовика XV, теперь былъ бы отведенъ за эти сочиненія въ исправительную префектуру и подвергся бы наказанію. Жюлю Фавру отвѣчалъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, извѣстный господинъ Бильо; онъ очень остроумно, съ своей точки зрѣнія, сравнилъ книгопечатаніе съ паромъ, которымъ непремѣнно надо управлять, чтобы предотвратить его взрывы. Вѣроятно, министръ безъ портфеля хотѣлъ дать своему сравненію другой смыслъ; можетъ быть, онъ думалъ назвать Францію локомотивомъ, которымъ управляетъ ловкій кондукторъ, открывающій или запирающій пары книгопечатанія сообразно съ тѣмъ, какую скорость и когда надо сообщить своей паровой машинѣ.... Рѣчь Фавра была выслушана съ удовольствіемъ, а проектъ устава о печати былъ принятъ отъ Персиньи и утвержденъ правительствомъ.

Elmire. Ouf! vous me serrez trop,
Tartufe. C'est par excès de zèle.

Г. Б.

Письмо изъ Парижа.

Одна татарская легенда разсказываетъ, что боги, желая создать героя, заключаютъ въ его тѣлѣ десять, сто и нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ воиновъ. Этотъ процессъ твор-

чества варварской поэзіи каждый день повторяется народной фантазіей; она любитъ олицетворять въ одномъ человѣкѣ цѣлую партію, доктрину, цѣлую эпоху. Эта баснословная личность также щедро, какъ и несправедливо надѣляется славой, силой, умомъ, всѣми качествами, свойственными не ей одной, а всѣмъ ея сотрудникамъ и часто всему народу. Это обыкновенная форма фетишизма, исповѣдуемаго массами въ темную и невѣжественную эпоху. Тѣмъ не менѣе эта типическая личность дѣлается предметомъ обоготворенія для настоящаго поколѣнія, предметомъ будущихъ разсказовъ и легендъ, подобно Аттилѣ, вождю Гунновъ или тѣмъ восточнымъ завоевателямъ, о которыхъ сохранились чудесныя преданія доселѣ, и съ паматью которыхъ соединены воспоминанія нѣсколькихъ вѣковъ и поколѣній.

Поэтому исторія представляетъ намъ много колоссальныхъ личностей и лѣтописи каждой страны полны легендарнымъ повѣствованіемъ о герояхъ всякаго роста и всякаго рода. Народное мнѣніе постоянно творитъ новыхъ, придавая имъ черты своего собственнаго пониманія и развитія. Наши республиканскія легенды мало-по-малу формируются и теперь мы имѣемъ множество поэтическихъ образовъ, изъ которыхъ большая часть не переживетъ завтрашняго дня, т. е. я хочу сказать, не доживетъ до слѣдующаго поколѣнія. Каждая страна вноситъ въ нашу миѳологію свои болѣе или менѣе драгоцѣнные кумиры. Англія даетъ намъ своего маленькаго Джона (Росселя), человѣка пустаго и безхарактернаго, но на видъ важнаго, и разсудительнаго, а также своего Пэма (Пальмерстона), этого баловня Пэма, балагура въ мелкихъ дѣлахъ, бульдога въ важныхъ,—дерзкаго, надменнаго и жестокаго съ слабыми, но кроткаго и вѣжливаго съ сильными,—пройдоху хитраго и лукаваго до нельзя, который, впрочемъ, могъ бы быть великимъ человѣкомъ, еслибъ сердце его исполнено было не сокомъ ростбифа, а любовью къ ближнимъ. Италія въ послѣднее время нашла трехъ главныхъ представителей: Гарибальди, Кавура и барона Рикасоли, и эта тріада отличается сильной душой, свѣтлой головой и твердой волей. Явленіе рѣдкое! Судьбѣ Италіи угодно было дать этимъ тремъ личностямъ стремленіе одинаковое, если не въ отношеніи средствъ, то въ отно—

шенiи цѣли. Кавуръ въ этомъ трiумвиратѣ былъ представителемъ торжествующей буржуазiи: ему приписывалось все то, что безъ его содѣйствiя дѣлалъ Рикасоли, представитель аристократiи, и даже то, что, вопреки его планамъ, дѣлалъ Гарибальди, герой народный.

Какъ бы то ни было, Кавуръ былъ замѣчательный человѣкъ. Смерть его, казалось, на минуту произвела пустоту на исторической сценѣ. Еслибъ намъ неизвѣстна была вся важность услугъ, оказанныхъ имъ дѣлу прогресса, то мы могли бы судить о ней по той неистовой радости, какую при смерти министра обнаружили реакцiонерное духовенство и легитимисты. Никогда мы не были ни ревностными поклонниками, ни систематическими врагами этого человѣка; поэтому, при его жизни, мы единственно старались говорить о немъ истину и теперь только желали бы отдать ему полную справедливость.

Кавуръ не былъ патрiотъ; онъ, собственно говоря, былъ честолюбецъ, но честолюбецъ высшаго полета, одинъ изъ тѣхъ, которые мечтаютъ объ осуществленiи великихъ предпрiятiй. Еслибъ онъ не сдѣлался министромъ и продолжалъ служить на военномъ поприщѣ, то онъ непремѣнно изобрѣлъ бы пушку Кавалли или далъ новое устройство пьемонтской артиллерiи; еслибъ онъ былъ инженеръ, то прорѣзалъ бы гранитную гору Cenis. Онъ не былъ въ душѣ рыцаремъ, подобнымъ Гарибальди, но былъ великимъ честолюбцемъ, которому служили великiя обстоятельства. Онъ не былъ такимъ генiальнымъ человѣкомъ, какъ Матсини, къ счастiю его самого и Италiи. Зато онъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что въ практическомъ смыслѣ важнѣе генiя,—счастливымъ сочетанiемъ различныхъ талантовъ, универсальною способностью. Онъ одинъ, въ своемъ лицѣ, представлялъ цѣлое министерство, состоявшее изъ спецiалистовъ; одинаково и нерѣдко въ одно и то-же время занимался дѣлами, касавшимися финансовъ, морскихъ и сухопутныхъ силъ, внутренней администрацiи, юстицiи и церкви. Онъ отличался ловкостью и твердостью, умомъ изворотливымъ и хитрымъ; мало имѣлъ воображенiя, но зато обладалъ большими свѣдѣнiями и краснорѣчiемъ, болѣе вкрадчивымъ, чѣмъ симпатическимъ,—

основаннымъ болѣе на фактахъ, чѣмъ на широкихъ идеяхъ. Со всѣмъ этимъ соединялось необыкновенное искуство управлять людьми. Великія дѣла, занимавшія Кавура, заставляли его стать выше мелочей, которыя тревожатъ людей обыкновенныхъ. Ему некогда было думать о подробностяхъ. Былъ ли онъ добръ и великодушенъ? Это не видно, да и трудно видѣть изъ его политической дѣятельности, но безъ всякаго сомнѣнія онъ былъ не изъ числа дурныхъ людей.

Кавуръ отличался плотнымъ, апоплексическимъ сложеніемъ, толстымъ животомъ, большой головой и широкими плечами, обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ, дававшимъ ему возможность работать неутомимо. Когда онъ не былъ занятъ дѣлами, то чувствовалъ себя дурно. Онъ ѣлъ только разъ въ сутки, подобно своему королю Виктору Эмануилу, который также ѣстъ скоро и много. Кавуръ имѣлъ состояніе въ двадцать милліоновъ франк., частію доставшееся ему по наслѣдству, частію пріобрѣтенное посредствомъ спекуляцій, за которыя многіе его упрекаютъ. Не знаю, въ какой степени справедливы эти упреки.

Публицисты обыкновенно говорятъ, что Кавуръ создалъ нынѣшнюю Италію; это не справедливо: скорѣе Италія создала Кавура. Но онъ имѣлъ счастіе быть однимъ изъ главныхъ орудій эманципаціи итальянскаго народа. Онъ не имѣлъ опредѣленной политической системы, но умѣлъ воспользоваться политикой готовой, и примѣнять ее къ обстоятельствамъ. Кавуръ руководствовался идеями Манини и Матсини и осуществилъ то, о чемъ не думали ни тотъ, ни другой: онъ обратился къ Наполеону III, чтобъ провести утопію въ дѣйствительность. Осуждая Матсини на смерть и преслѣдуя его своими жандармами, онъ въ то же время усвоилъ его взгляды и воспользовался даже фразами его и словами. Потомъ явился Манини, давшій Кавуру возможность дѣйствовать за предѣлами Піемонта, принявъ за принципъ гегемонію дома Савойскаго. Онъ явился посредникомъ между сардинскою монархіею и итальянскими республиканцами, составлявшими живую силу народа; тогда какъ Кавуръ служилъ посредникомъ между Италіею и консервативными правительствами Европы. У Манини были средства и выше и бла-

городнѣе: онъ искалъ ихъ въ самой націи, а Кавуръ бросился въ объятія Франціи, которая сама, съ своей стороны, искала союзниковъ. Кавуръ послалъ корпусъ въ Крымъ, чтобы принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ Европы, и главное, чтобъ пріучить войска къ войнѣ и приготовить ихъ къ нападенію на Австрійцевъ. На парижскомъ конгресѣ онъ засѣдалъ, какъ истинный представитель новой великой державы: дѣйствительно, онъ имѣлъ перевѣсъ надъ Пруссіей. Наконецъ Наполеонъ III принялъ участіе въ итальянскомъ движеніи и началъ войну, которой суждено было кончиться такъ внезапно побѣдою при Сольферино. Въ этой войнѣ звѣзда Италіи привела Гарибальди съ его альпійскими стрѣлками. Между тѣмъ, какъ самъ король сардинскій, этотъ galant homme, служилъ въ качествѣ зуава подъ чужимъ знаменемъ, Италія, юная и свободная, бросилась на враговъ вмѣстѣ съ Гарибальди и его пламенными волонтерами. Сраженіями при Маджентѣ и Сольферино положено было начало матеріальному освобожденію Италіи, но основаніемъ нравственной ея независимости—побѣдами при Варезѣ, Бергамѣ, Комо и Бресчіи. Безъ этихъ побѣдъ, Италія, считавшаяся неспособною выдти изъ своего бѣдственнаго состоянія безъ посторонняго вмѣшательства, была бы предоставлена произволу лицъ, подписавшихъ виллафранкскій договоръ.

Извѣстно, что было потомъ. Италія не хотѣла видѣть австрійскаго волка въ своей конфедераціи. Отношенія между нею и ея великодушнымъ избавителемъ сдѣлались натянутыми. Положеніе этой страны было опасно, какъ вдругъ Гарибальди, вопреки Кавуру, предпринялъ отважный походъ въ Сицилію. Чтобъ остановить его успѣхи, быстрые, какъ пожаръ, Кавуръ, вѣроятно не безъ согласія Франціи, завладѣлъ мархіями и Умбріею. Чтобы сдѣлать диктаторство невозможнымъ, онъ въ то же время послалъ въ обѣ Сициліи своихъ агентовъ и поселилъ въ этой странѣ столько безпорядковъ, что ихъ, наконецъ, не могли устранить ни король galant homme, ни Фарини, ни Кариньянъ, ни Нигра, ни *tutti quanti*. Потомъ великій союзникъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобъ отмстить Гарибальди за его необыкновенные успѣхи. Онъ отправилъ адмирала Ле-Барбье къ бере-

гамъ Гаэты, чтобы снабдить Франциска II совѣтами и другими болѣе дѣйствительными поддержками. По взятіи Гаэты, безпорядки продолжаются. Римъ превратился въ такой же центръ заговоровъ противъ Виктора Эмануила, какимъ была прежде Гаэта. Генералъ Гойонъ играетъ теперь такую же роль, какую игралъ адмиралъ Ле-Барбье. Несмотря на провозглашеніе Виктора Эмануила королемъ Италіи и на объявленіе Рима столицей новаго королевства, могущественный союзникъ Сардиніи не выпускаетъ этотъ городъ изъ своихъ рукъ.

Въ это самое время Кавуру заблагоразсудилось внезапно умереть. Рѣдко государственный человѣкъ сходилъ въ могилу такъ кстати. Онъ умеръ посреди блеска своего нравственнаго торжества, когда главный шагъ къ устройству судьбы Италіи уже былъ сдѣланъ. Съ этихъ поръ его слава обезпечена: окончательный успѣхъ начатаго дѣла, во всякомъ случаѣ припишется ему, а неудача — его смерти! Между тѣмъ какъ, по всей вѣроятности, этотъ великій государственный человѣкъ едва ли былъ въ состояніи выбраться изъ сѣтей союзной политики, въ которыхъ онъ сильно запутался. Многіе факты наводятъ на мысль, что островъ Сардинія былъ заранѣе предназначенъ Франціи въ возмездіе за Римъ и Венецію, подобно тому, какъ Ницца и Савоя были уступлены взамѣнъ Ломбардіи. Положеніе Кавура въ отношеніи къ Франціи со дня на день становилось затруднительнѣе. Кавуръ связанъ былъ благодарностью, тогда какъ Рикасоли можетъ, какъ онъ уже и сдѣлалъ, твердо стоять за *право* Италіи. Дѣло Кавура почти было кончено и онъ сошелъ со сцены во-время, чтобы предоставить итальянскому народу довершить начатое имъ дѣло.

Кавуръ умеръ, но саванъ, покрывающій одного человѣка, никогда не покрываетъ цѣлый народъ, если только этотъ народъ не созрѣлъ для погибели. Кризисъ, которому подвержена Италія съ 1820 года, не есть кризисъ смерти; напротивъ, кризисъ возрожденія. Люди, называемые великими, могутъ только замедлить или ускорить тотъ моментъ, когда Италія наконецъ въ состояніи будетъ сказать: я достигла самостоятельности!

Преемникъ Кавура принадлежитъ къ числу тѣхъ типическихъ личностей, которыя недаромъ выдвигаетъ исторія впередъ для извѣстныхъ цѣлей. Въ обыкновенное время, извѣстность его не перешла бы за предѣлы провинціи; но теперь онъ нуженъ Италіи, съ его непреклоннымъ характеромъ и желѣзной волей. Это феодальный баронъ, одѣтый въ черное платье и пропитанный гордостью своихъ фамильныхъ связей. Прежде главнымъ его удовольствіемъ было удаляться въ свой древній замокъ, съ бойницами и подъемнымъ мостомъ, надѣвать латы и кольчугу, подобно старымъ витязямъ, принадлежавшимъ къ его семейству, и какъ рыцарь, закованный въ желѣзо, любилъ жить посреди рыцарей, украшавшихъ стѣны его обширныхъ палатъ. У него широкій лобъ, выражающій спокойствіе и хладнокровную твердость; носъ прямой—выраженіе гордаго характера; его черные усы придаютъ лицу воинственный видъ; глаза холодные и безчувственные. Вся наружность этого человѣка показываетъ, что онъ презираетъ толпу и не имѣетъ ни друга, ни совѣтника, а исключительно полагается на свои собственныя силы. У него нѣтъ ни идеала, ни величія души; но зато у него воля непреклонная, которая, повидимому, въ состояніи восторжествовать даже надъ самымъ временемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ желаетъ единства Италіи, и это желаніе дѣлаетъ его современнымъ гражданиномъ: не будь этого обстоятельства, онъ бы служилъ только печальною копіею жалкой, давно минувшей эпохи бароновъ феодальныхъ.

При видѣ людей, отличающихся такимъ характеромъ, какъ Рикасоли, заранѣе можно опредѣлить ихъ будущее поведеніе. Въ качествѣ министра Италіи, Рикасоли, безъ сомнѣнія, твердо будетъ настаивать на возстановленіе правъ своихъ соотечественниковъ; онъ всячески постарается ускорить правильное вооруженіе страны и медленнымъ, но твердымъ шагомъ приступитъ къ присоединенію Рима и Венеціи. Требованіямъ черезчуръ могущественнаго союзника онъ противопоставитъ не орудіе хитрости, а орудіе права. Будемъ надѣяться также, что онъ съумѣетъ отвратить уступку острова Сардиніи французскому правительству. Когда Тоскана, которою онъ управлялъ, вслѣдствіе виллафранкскаго до-

говора была возвращана великому герцогу, Рикасоли своей рѣшимостью превратилъ это условіе въ мертвую букву. Онъ сдѣлалъ предметомъ насмѣшки всѣхъ агентовъ, преданныхъ Франціи, Понятовскихъ, Рейцетовъ (Reizet). Флегмѣ, составляющей главное свойство настоящей французской политики, онъ противопоставитъ еще болѣе холодную флегму, и, поддерживаемый своимъ малочисленнымъ, обезоруженнымъ народомъ, поспоритъ съ двумя націями, которыхъ войска недавно встрѣтились между собой на поляхъ Маджента и Сольферино. Но если Рикасоли дѣйствительно такой человѣкъ, какой нуженъ для уничтоженія замысловъ иностранной политики, можно ли надѣяться, что онъ всегда будетъ уважать свободу Италіянцевъ? Увы! гордый баронъ не вѣритъ въ народъ; онъ его презираетъ и не думаетъ, что пролетарій также великодушно можетъ любить Италію, какъ и аристократъ, принадлежащій къ самому древнему роду. Онъ питаетъ недовѣріе ко всему, что̀ не относится къ военной дисциплинѣ и что не носитъ на себѣ казеннаго знака или казенной печати. Вслѣдствіе такого недовѣрія къ народу, онъ въ 1848 году снова призвалъ изгнаннаго великаго герцога, а теперь его гордость возмутилась геройскими подвигами Гарибальди и его отважныхъ волонтеровъ. Будь онъ министромъ въ то время, когда тысяча удальцовъ высадились при Марсалѣ, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, готовъ былъ бы пожертвовать своею популярностью, своимъ министерствомъ и, быть можетъ, самою Италіею, чтобъ только воспрепятствовать освобожденію Обѣихъ Сицилій шайкою волонтеровъ. Такимъ образомъ, Рикасоли, геройски защищая права Италіи противъ ея опаснаго покровителя, самъ можетъ сдѣлаться страшнымъ врагомъ внутренней свободы своего отечества, если народъ не съумѣетъ отстоять свои коммунальныя льготы и гарантіи, данныя ему уложеніемъ.

Теперь, кажется, французское правительство признало короля Италіи. Мы говоримъ кажется, потому что это признаніе облечено въ такую темную форму, что во всякое время можно будетъ возвратиться къ прежнему состоянію и объявить Виктора Эмануила узурпаторомъ. По смерти графа Кавура, вмѣсто немедленнаго признанія Италіян-

скаго королевства, сотни телеграфическихъ депешъ были отправлены прежде чѣмъ вѣсть эта сдѣлалась официально извѣстной. *L'Indèpendance Belge*, потомъ *La Patrie*, потомъ *L'Opinion Nationale* получили дозволенiе объявить эту новость. Въ свою очередь, *Монитеръ* перепечаталъ это извѣстiе, съ оговоркой, не ручаясь за его достовѣрность; потомъ министръ Бильо въ одной рѣчи, будто невзначай, произнесъ слова «король Италiи.» Казалось, что правительство хотѣло отстранить отъ себя всякую заслугу въ этомъ дѣлѣ и лишить этотъ актъ всякаго значенiя. Оно такъ привыкло къ медленности и отстрочкамъ, что даже не поспѣшило принять скораго рѣшенiя, требуемаго обстоятельствами. Но это не все еще: въ Patrie, а вслѣдъ затѣмъ въ Монитерѣ положенiе Италiи сравнивалось съ положенiемъ рабовладѣльныхъ штатовъ Америки, какъ будто злодѣянiе и измѣна имѣютъ одинакiя права съ свободой.

Послѣ письма герцога Омальскаго къ принцу Наполеону, министръ внутреннихъ дѣлъ Персиньи повсюду видитъ заговоры Орлеанистовъ. Возвратившись изъ Англiи, зараженный либеральными идеями, онъ издалъ декретъ, въ которомъ выставлялъ себя приверженцемъ свободы книгопечатанiя и клялся уважать журналы и брошюры, если только не будетъ грозить опасность царствующей династiи. Письмо герцога Омальскаго внезапно явилось, какъ ударъ молнiи, благодаря участiю такихъ лицъ, которыхъ Персиньи считалъ своими лучшими друзьями. Встревоженый министръ ожидалъ уже Богъ знаетъ какикъ потрясенiй: вмѣсто того, чтобъ благоразумно скрыть свой ужасъ, онъ, не стѣсняясь, знакомитъ публику съ своими опасенiями и предписываетъ префектамъ, мэрамъ и прокурорамъ хватать административнымъ путемъ, т. е. безъ формальнаго слѣдствiя, всякую подозрительную брошюру. Онъ превращаетъ свое министерство въ цитадель, и когда никто не думаетъ о нападенiи, онъ кричитъ, что будетъ стрѣлять изъ всѣхъ орудiй и что скорѣй погибнетъ подъ развалинами, чѣмъ сдастся непрiятелю. Въ это время фельетонистъ Абу вздумалъ написать забавную статью на принца Жерома (Jeune), гдѣ представляетъ его «покинутымъ Кесаремъ, который издыхаетъ на ступеняхъ престола и жалует-

ся на судьбу, не давшую ему случая управлять народомъ.» Ужъ не новый ли это заговоръ? Но тутъ, какъ на зло, является другой принцъ, герцогъ de Broglie; онъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ литографируетъ, для своихъ близкихъ друзей, сочиненіе, въ которомъ спрашиваетъ: чѣмъ настоящее правительство, въ случаѣ паденія, могло бы быть замѣнено? О ужасъ! Новое преслѣдованіе книгъ, новыя предписанія префектамъ и мэрамъ, новыя произвольныя дѣйствія со стороны всѣхъ членовъ администраціи, начиная съ императорскихъ прокуроровъ и до полевыхъ сторожей, включительно! Берегитесь, господинъ Персиньи! Иногда достаточно бояться мнимыхъ опасностей, чтобы создать дѣйствительныя. Обнаруживать боязнь значитъ придавать бодрость своимъ врагамъ!

Общество франкъ-масоновъ не составляетъ такого необыкновеннаго явленія, о которомъ бы стоило говорить. Безпорядки, происходившіе между членами его, были велики. Съ моей стороны не будетъ ни малѣйшей нескромности, если я разскажу вамъ случай, сдѣлавшійся нѣсколько извѣстнымъ въ политическомъ мірѣ и котораго подробности отчасти помѣщены въ журналахъ.—Когда Людовикъ Наполеонъ сталъ во главѣ правительства Франціи, принцъ Мюратъ былъ избранъ масонами въ начальники (Grand-Orient).

Управленіе его было весьма не разсчетливо въ хозяйственномъ отношеніи и несогласовалось съ желаніями большинства его членовъ. Вообще направленіе, данное обществу, было таково, чти ложи Англіи и ложи Американскихъ Штатовъ отказались отъ всякихъ сношеній съ ложами Парижа. Послѣ семилѣтняго правленія, власть Мюрата приходила къ концу. Въ это время ложи, разоренныя, обремененныя долгами, обратились къ принцу Наполеону съ предложеніемъ принять титулъ Великаго Магистра, на что онъ дѣйствительно согласился, въ качествѣ добраго кузена. При видѣ этой возрождающейся оппозиціи, Мюратъ насильственно закрываетъ ложи, отрѣшаетъ избирателей отъ должности, и т. д.; но это нисколько не помѣшало большинству избрать его преемникомъ принца Плонъ-плонъ. Тогда, но уже слишкомъ поздно, Мюратъ явился съ толпою полицейскихъ слугъ, чтобы очистить и закрыть масонскій отель. Императоръ самъ вмѣшался

въ это дѣло, требуя удаленія супруга принцессы Клотильды. Ложи теперь покоятся сномъ, но онѣ спятъ только на одинъ глазъ, до октября, когда должны будутъ приступить къ новымъ выборамъ.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

Письмо изъ Лондона.

М. Г.

Послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ, англійское правительство подверглось одному изъ тѣхъ кризисовъ, которые исключительно свойственны государствамъ, съ парламентской формой правленія. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней полагали, что министерство лорда Пальмерстона потерпитъ пораженіе вслѣдствіе раздѣленія голосовъ въ палатѣ общинъ. Недавняя борьба партій представляетъ почти драматическій интересъ. Такъ какъ васъ занимаютъ сложныя движенія древняго механизма нашей конституціи, то я надѣюсь, что вы не поскучаете нѣкоторыми подробностями.

Внѣшнимъ поводомъ къ спору послужило предложеніе, сдѣланное канцлеромъ казначейства (Гладстономъ) въ бюджетѣ, относительно уничтоженія пошлины на бумагу; но истиннымъ яблокомъ раздора, само собою разумѣется, было владѣніе печатями министерства. Вы, безъ сомнѣнія, помните, что Гладстонъ въ прошедшемъ году предложилъ уничтожить пошлину на бумагу. Его билль тогда былъ принятъ въ палатѣ общинъ, но отвергнутъ въ палатѣ лордовъ, которые считали уничтоженіе этой пошлины мѣрою несвоевременною, по причинѣ безпокойнаго состоянія Европы. Между тѣмъ, главное правило британской конституціи заключается въ томъ, что палата общинъ контролируетъ государственную казну и что всякій финансовый билль, принятый ею, *долженъ* быть принятъ также палатою пэровъ и удостоить-

ся королевскаго одобренія; въ противномъ случаѣ, предстоитъ столкновеніе между *сословіями*. Поэтому лорды, отвергнувъ билль объ уничтоженіи пошлины на бумагу, возбудили противъ себя сильное негодованіе въ нижней палатѣ, и Гладстонъ предоставилъ себѣ право на будущее время снова попытаться достигнуть своей цѣли.

На этомъ основаніи, Гладстонъ включилъ уничтоженіе пошлины на бумагу въ свой новый бюджетъ, такъ что эта реформа связана съ другими предлагаемыми имъ финансовыми мѣрами. Этимъ способомъ онъ хотѣлъ отвратить судьбу, постигшую его прежній билль въ палатѣ пэровъ. Онъ зналъ, что эта палата не осмѣлится отвергнуть весь бюджетъ и такимъ образомъ возбудить противъ себя всеобщее негодованіе. Притомъ онъ, къ счастію, былъ въ состояніи опровергнуть своихъ оппонентовъ, предвѣщавшихъ дефицитъ въ предлагаемыхъ имъ доходахъ; онъ доказалъ, что эти доходы представятъ избытокъ, который дастъ возможность нетолько уничтожить пошлину на бумагу, но уменьшить также непріятный налогъ на частный доходъ (income-tax), на одинъ пенсъ съ фунта. Эта благодать, конечно, была очень пріятна для богатыхъ землевладѣльцевъ, которые составляютъ силу консервативной партіи, образующей «оппозицію» въ парламентѣ.

Такой оборотъ дѣла расположилъ противниковъ министерства въ пользу бюджета. По этому случаю одинъ изъ членовъ палаты остроумно замѣтилъ, что канцлеръ казначейства выбросилъ землевладѣльцамъ пенсъ, завернувъ его предварительно въ бумагу (что, какъ извѣстно, дѣлается съ странствующими музыкантами по улицамъ Лондона). Такъ оппозиціонная партія была обезоружена и всѣ вообще полагали, что Гладстонъ отстоитъ свой бюджетъ безъ особыхъ затрудненій, послѣ нѣсколькихъ парламентскихъ споровъ. Само собою разумѣется, пренія происходили сильныя и съ той и съ другой стороны, но всѣ надѣялись, что билль прочтенъ будетъ въ третій разъ въ понедѣльникъ 27 мая и затѣмъ принятъ, какъ вдругъ возникло непредвидѣнное препятствіе, для объясненія котораго я долженъ разсказать

приключеніе, составляющее эпизодъ въ этой парламентской драмѣ.

Вамъ должно быть извѣстно, что во время существованія консервативнаго министерства Дерби нѣсколько ирландскихъ спекулянтовъ представили правительству, что городъ Гольвей могъ бы служить отличной пристанью для сообщенія съ Америкой, такъ какъ онъ географически ближе къ этому материку, чѣмъ Ливерпуль, который издавна былъ главнымъ пунктомъ американской торговли въ Англіи. Нѣсколько ирландскихъ членовъ парламета настоятельно хлопотали объ осуществленіи этого плана и Гольвей избралъ члена, который открыто объявилъ свою преданность консервативному правительству, на томъ основаніи, что оно желаетъ добра Ирландіи. Слѣдствіемъ этихъ происковъ было утвержденіе за гольвейской пароходной компаніей ежегоднаго пособія въ семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ со стороны почтоваго вѣдомства за доставку писемъ изъ Англіи въ Америку, и обратно. Контрактъ этотъ возбудилъ сильное негодованіе: полагали, что министры заключили его съ тѣмъ, чтобъ пріобрѣсти въ свою пользу нѣсколько голосовъ въ палатѣ общинъ. Наряжена была коммисія для производства слѣдствія, но не было никакихъ доказательствъ относительно преступныхъ дѣйствій со стороны консерваторовъ. Контрактъ исполнялся также при новомъ (либеральномъ) правительствѣ лорда Пальмерстона до самаго мая. Въ этомъ мѣсяцѣ явное нарушеніе нѣкоторыхъ условій со стороны пароходной компаніи заставило главнаго директора почты прекратить выдачу пособія и уничтожить самый контрактъ. Акціонеры этого общества сильно вознегодовали на такую мѣру и старались вооружить противъ правительства представителей Ирландіи, въ надеждѣ устрашить министровъ и заставить ихъ подвергнуть пересмотру рѣшеніе главнаго директора почты. Впослѣдствіи, къ крайнему удовольствію публики, распространился слухъ, что въ субботу 25 мая ирландскій католическій священникъ, патеръ Дэли, дѣятельно хлопотавшій объ интересахъ города Гольвей и особенно объ интересахъ пароходной компаніи, явился къ Пальмерстону, въ его домъ, въ Пиккадилли, и слезно просилъ

о дозволенiи представить ему депутацiю ирландскихъ членовъ парламента для разсужденiя относительно выгодъ гольвейскаго контракта. Министръ, съ свойственною ему любезностью, отвѣтилъ, что будетъ очень радъ видѣть ирландскихъ членовъ и говорить съ ними объ этомъ дѣлѣ. — «Итакъ, до понедѣльника», замѣтилъ патеръ Дэли. — «Какъ такъ?» возразилъ милордъ, — «въ понедѣльникъ нельзя будетъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ въ палатѣ общинъ; мы будемъ заняты вопросомъ по поводу билля объ уничтоженiи пошлины на бумагу». Въ этомъ-то и заключалась причина, почему патеръ Дэли настаивалъ на свиданiе въ понедѣльникъ, замѣтивъ притомъ, что ирландскiе члены должны «приступить къ дѣлу» въ понедѣльникъ вечеромъ. Это другими словами значило: «Если вы не возобновите гольвейскiй контрактъ и не возвратите намъ ежегодное пособiе въ семьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то ирландскiе члены всѣ будутъ вотировать противъ васъ при раздѣленiи голосовъ по поводу билля объ уничтоженiи пошлины на бумагу». Лордъ Пальмерстонъ слишкомъ опытенъ, чтобъ испугаться этой таинственной угрозы. — «Теперь я васъ понимаю, мистеръ Дэли» замѣтилъ онъ, — «и скажу вамъ прямо, что не намѣренъ принять вашей депутацiи въ понедѣльникъ». Я полагаю, что на слѣдующiй день, въ восресенье, наканунѣ роковаго понедѣльника, почтенный патеръ не слишкомъ былъ внимателенъ къ своимъ духовнымъ и пастырскимъ обязанностямъ. Парламентская оппозицiя замѣтила, что «ирландская бригада» готова была открыто начать непрiязненныя дѣйствiя противъ министерства, и палата общинъ наполнилась консервативными членами, желавшими ускорить раздѣленiе голосовъ. Правительство собрало своихъ приверженцевъ въ возможно большемъ числѣ, но было замѣтно, что если вотировка произойдетъ въ этотъ вечеръ, то на сторонѣ министерства останется меньшинство. Послѣ нѣсколькихъ скучныхъ рѣчей по поводу избитаго вопроса объ уничтоженiи пошлины на бумагу и когда уже всѣ, повидимому, были готовы для подачи голосовъ, одинъ изъ членовъ палаты на министерской сторонѣ внезапно всталъ и предложилъ отложить рѣшенiе этого дѣла до

слѣдующаго четверга. Тщетно Дизраэли и оппозиція старались осмѣять мысль объ отсрочкѣ рѣшенія вопроса, который уже разсмотрѣнъ былъ со всѣхъ сторонъ, до мельчайшихъ подробностей; — лордъ Пальмерстонъ поддержалъ предложеніе объ отсрочкѣ и палата согласилась. Безъ сомнѣнія, многіе члены оппозиціи рады были отклонить пораженіе правительства, потому что оно неизбѣжно повлекло бы за собою распущеніе парламента и расходы и труды, сопряженные съ новымъ избраніемъ. Кромѣ того, носился слухъ, что значительная часть консерваторовъ не желаютъ имѣть Дизраэли предводителемъ и что если онъ *успѣетъ* поразить правительство, то встрѣтитъ большія затрудненія относительно образованія новаго министерства. При всемъ томъ, вслѣдствіе дисциплинарнаго духа, страшное единодушіе господствовало на оппозиціонныхъ скамьяхъ въ четвергъ, 30-го мая. Замѣчательно, что во время этого критическаго состоянія парламента ясно высказалось хладнокровіе Англичанъ. 29 мая былъ день (день Дерби) скачекъ въ Эпсомѣ (Epsom). Несмотря на грозившій кризисъ, обѣ палаты согласились оставить свои занятія въ парламентѣ и присутствовать на скачкахъ; хотя эта цѣль не была высказана, но она подразумѣвалась сама собою. Другое обстоятельство также свидѣтельствуетъ объ особенности англійскихъ нравовъ. Номеръ *Пёнча,* (Punch), появившійся въ эту самую среду, содержитъ забавную каррикатуру: лордъ Пальмерстонъ сидятъ въ прелестномъ экипажѣ и правитъ двумя великолѣпными лошадьми; подлѣ него находится Гладстонъ, а позади сидятъ въ ливреѣ грумовъ лордъ Джонъ Россель и Льюисъ (секретарь внутреннихъ дѣлъ). Маленькая телѣга, въ которую впряженъ оселъ, старается пересѣчь дорогу роскошному фаэтону; гнѣвный владѣлецъ ея, въ лицѣ Дизраэли, съ бѣшенымъ презрѣніемъ кричитъ своимъ важнымъ антагонистамъ: «Не сворочу съ дороги! опрокину васъ всѣхъ»! Публика знала, что эти слова выражали чувствованія консерваторовъ въ отношеніи къ министрамъ и что въ четвергъ рѣшится, какая изъ двухъ партій сильнѣе. Нельзя дать вѣрнаго понятія о настроеніи умовъ Англичанъ, ни о томъ, какимъ образомъ общественное мнѣніе обнаруживаетъ свое вліяніе на дѣла прав-

ленія, если не обратиться къ газетамъ. По поводу того же самаго предмета *Тэймсъ* строго высказался противъ ирландскихъ представителей и ихъ эгоизма въ дѣлѣ гольвейскаго контракта. Въ номерѣ, появившемся въ четвергъ (30-го мая) утромъ, эта газета смѣло объявила, что распространился слухъ, будто министры унизили себя обѣщаніемъ возобновить пособіе пароходному обществу по крайней мѣрѣ на шесть мѣсяцевъ. Всеобщее негодованіе возникло по поводу такого постыднаго поведенія министровъ, и вечеромъ, когда собрался парламентъ, предложенъ былъ вопросъ относительно справедливости этихъ слуховъ. Лордъ Пальмерстонъ, не увѣренный въ томъ, будетъ ли большинство на его сторонѣ, если противъ министерства возстанутъ всѣ, безъ исключенія, ирландскіе представители, и не желая поэтому окончательно вооружить ихъ противъ себя, замѣтилъ, что вопросъ относительно сообщенія съ Америкою и относительно какого бы то ни было ирландскаго порта (Гольвея или другаго) все еще подлежитъ обсужденію и будетъ предложенъ въ одномъ изъ будущихъ засѣданій. Этотъ уклончивый отвѣтъ, однакожъ, не удовлетворилъ тѣхъ членовъ, которыхъ заживо затронуло замѣчаніе, будто министры въ этомъ дѣлѣ подкуплены желаніемъ пріобрѣсти поддержку въ палатѣ общинъ. Поэтому лордъ Джонъ Россель впослѣдствіи, въ продолженіе этого самаго засѣданія, всталъ и своимъ обыкновеннымъ, рѣзкимъ, сухимъ тономъ, объявилъ, что слухъ этотъ — чистая клевета на правительство. «Пусть лучше погибнутъ десять министровъ, прибавилъ онъ, и пусть лучше распущены будутъ десять парламентовъ, чѣмъ прибѣгать къ такой постыдной мѣрѣ для поддержанія правительства». Этотъ высокоторжественный тонъ въ общественныхъ дѣлахъ очень идетъ лорду Джону, который, несмотря на множество недостатковъ характера, на недальность ума, на аристократическую холодность и высокомѣрность, всегда сохранялъ репутацію человѣка честнаго въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ.

Въ то же время нѣкоторые изъ ирландскихъ представителей объявили, что никогда не давали патеру Дэли полномочія говорить отъ ихъ имени. Дизраэли стороною увѣрялъ,

что не заключалъ никакого условія съ ирландскими членами палаты относительно вотированія противъ правительства и что онъ желалъ, чтобы вопросъ о пошлинѣ на бумагу рѣшенъ былъ справедливо. Наконецъ, посреди сильнаго волненія умовъ, въ палатѣ, въ которой собрано было около шести сотъ членовъ, объявили, что пора приступить къ раздѣленію мнѣній. Когда для этой цѣли затворили двери палаты, никто не зналъ, будетъ ли на сторонѣ Пальмерстона меньшинство, или нѣтъ, и когда сосчитаны были голоса и на сторонѣ правительства оказалось большинство пятнадцати членовъ, тогда раздались громкіе и продолжительные крики радости. Въ слѣдующій понедѣльникъ, идя по скульптурной галереѣ, которая ведетъ отъ Уетминстерской палаты въ парламентъ, я увидѣлъ канцлера казначейства, прыгавшаго подобно молодому козленку. Онъ имѣлъ причину радоваться: трудное для него засѣданіе кончилось благополучно; билль объ отмѣнѣ пошлины на бумагу прочитанъ былъ въ третій разъ и принятъ, оппозиція противъ бюджета уничтожена и къ–тому же Гладстонъ зналъ, что консервативная партія палаты лордовъ не думаетъ противиться его мѣрамъ. Онъ могъ быть счастливъ и торжествовать свою побѣду въ продолженіе цѣлаго года. *Пёнчъ* не замедлилъ представить событіе этой недѣли въ новой каррикатурѣ, состоящей изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя изображены были въ прежней. Маленькая телѣга, съ осломъ, опрокинута, одно ея колесо отлетѣло, вслѣдствіе сильнаго толчка, сердитый хозяинъ (Дизраэли) гнѣвно грозитъ кулакомъ на торжествующихъ сѣдоковъ богатаго фаэтона.

Министры претерпѣли и другое пораженіе, неимѣвшее однакожъ никакого матеріальнаго вліянія на ихъ политическое существованіе, такъ какъ мѣра, бывшая предметомъ спора, не была предложена правительствомъ, а только поддерживалась имъ въ видахъ общественной пользы. Нѣсколько лѣтъ сряду Джонъ Трелони предлагалъ билль объ уничтоженіи «церковныхъ податей». Этотъ билль читался съ различнымъ успѣхомъ: нѣсколько разъ онъ принимался въ палатѣ общинъ, но всегда былъ отвергаемъ въ палатѣ пэровъ. Церковная подать возникла по волѣ прихожанъ, собравшихся на митингѣ,

въ которомъ предсѣдательствовалъ викарій прихода. Она имѣетъ исключительную цѣль поддерживать церковныя зданія. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ большинство состоитъ изъ членовъ англиканской церкви, эту подать часто должны платить диссиденты, обязанные также содѣйствовать къ поддержанію своихъ собственныхъ капеллъ. Такая мѣра несправедлива; съ увеличеніемъ народонаселенія увеличивается и число диссидентовъ, и въ нѣкоторыхъ приходахъ возникаютъ частые и сильные споры между тою и другою стороною. Министры, въ качествѣ либераловъ, поддерживиютъ билль; напротивъ, члены оппозиціи стараются его уничтожить: они состоятъ изъ консерваторовъ, опасающихся всего, что имѣетъ видъ нападенія на господствующую церковь, и сочувствующихъ духовенству, которое считаетъ взиманіе этой подати необходимымъ для того, чтобъ приличнымъ образомъ исправлять богослуженіе. Первое и второе чтеніе билля въ палатѣ общинъ прошло благополучно, но въ прошедшій четвергъ, при раздѣленіи голосовъ по поводу третьяго чтенія, на той и на другой сторонѣ оказалось по 274 голоса. Такой необыкновенный случай поставилъ *спикера* въ затруднительное положеніе: онъ долженъ былъ дать послѣдній голосъ, окончательно рѣшавшій дѣло. Посреди безмолвной тишины въ собраніи, онъ замѣтилъ, что при томъ положеніи, въ какомъ находился билль прежде, онъ, спикеръ, послѣдовалъ бы примѣру своихъ предшественниковъ и подалъ бы голосъ въ пользу новаго закона, и палата имѣла бы тогда возможность разсматривать это дѣло снова; но при третьемъ и послѣднемъ чтеніи онъ не можетъ принять на свою отвѣтственность рѣшеніе такого важнаго переворота въ государствѣ, каково уничтоженіе церковной подати; поэтому онъ долженъ присоединиться къ числу тѣхъ, которые отвергли билль. Такимъ образомъ, дѣло, защищаемое министрами, было проиграно. Этотъ эпизодъ изъ парламентской исторіи можетъ интересовать васъ только потому, что онъ показываетъ, какъ медленно движутся колеса британской конституціи. Вопросъ о церковныхъ податяхъ и ихъ уничтоженіи разсматривался уже болѣе двадцати лѣтъ.

Министерство однакожъ, кажется, находится въ

совершенной безопасности. Безъ сомнѣнія, трудность замѣнить Пальмерстона во время настоящаго политическаго кризиса заставляетъ многихъ поневолѣ быть на его сторонѣ Но при тѣхъ лѣтахъ, какихъ онъ достигъ, онъ едва ли долго въ состояніи будетъ заниматься государственными дѣлами. Одинъ изъ его товарищей, лордъ Кэмпбель, лордъ-канцлеръ Англіи, на видъ самый здоровый, внезапно умеръ вчера, имѣя восемьдесятъ лѣтъ отъ роду. Онъ представляетъ рѣзкое доказательство, что и въ нашей странѣ талантъ въ состояніи проложить себѣ дорогу. Сынъ бѣднаго шотландскаго священника, онъ съ раннихъ лѣтъ долженъ былъ добывать себѣ насущный хлѣбъ. Прибывъ въ Лондонъ, онъ сдѣлался сотрудникомъ одной газеты, въ качествѣ поставщика политическихъ новостей и критика драматическихъ произведеній. Онъ былъ весьма трудолюбивъ и работалъ сильно; сдѣлался адвокатомъ, отличился на этомъ поприщѣ, пріобрѣлъ значительную практику, поступилъ въ парламентъ и наконецъ получилъ званіе генералъ-прокурора. Семидесяти лѣтъ отъ роду онъ сдѣланъ былъ главнымъ судьею въ судѣ Queen's Bench. Когда, къ удивленію всѣхъ, образовалось настоящее министерство, лордъ Кэмпбель, несмотря на свою глубокую старость, произведенъ былъ въ лордъ-канцлеры. Онъ былъ веселаго характера, чувствителенъ, терпѣливъ и прилеженъ. Не обладая ни особымъ геніемъ, ни обширными познаніями по части законовѣдѣнія, онъ, однакожъ, пользовался популярностью въ качествѣ судьи. Вы, быть можетъ, часто встрѣчали въ паркахъ этого дюжаго старика, возвращавшагося домой въ Кенсингтонъ пѣшкомъ, по окончаніи засѣданія въ палатѣ лордовъ. Его нашли мертвымъ въ креслѣ: у него лопнула одна изъ толстыхъ артерій подлѣ самаго сердца. Онъ былъ авторомъ весьма извѣстной и популярной книги: «Біографіи лордъ-канцлеровъ Англіи».

Прежде чѣмъ кончу письмо, я долженъ упомянуть о страшномъ пожарѣ, который наполнилъ Лондонъ ужасомъ. Онъ начался въ субботу послѣ обѣда (22-го; я пишу въ понедѣльникъ) и до сихъ поръ не потушенъ. Сценою несчастія были пристани Темзы близъ Лондонскаго моста. Находившіеся тамъ амбары наполнены были горючими матеріалами,

пенькою, саломъ, селитрой, масломъ и пр., и потому вы можете себѣ представить ужасную ярость пламени. Горящее масло неслось по рѣкѣ вмѣстѣ съ теченіемъ. Барки и лодки захвачены были огнемъ и уничтожены. Пожарныя трубы были безсильны противъ этого моря пламени, разлившагося на пространствѣ нѣсколькихъ акровъ, которые плотно покрыты были крѣпкими амбарами. Начальникъ пожарной бригады, по имени Брейдвудъ, погибъ отъ упавшей на него стѣны. Были и другіе несчастные случаи, подробности которыхъ еще неизвѣстны. Разумѣется, что цѣнность погибшаго при этомъ имущества огромна; до сихъ поръ потеря оцѣнивается въ 2,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Сила огня была такъ ужасна, что еслибъ вѣтеръ былъ крѣпче, то половина Лондона могла бы сгорѣть. Тысячи бочекъ воды, вылитыхъ въ это озеро пламени, не были въ состояніи его потушить. Къ счастію, вѣтеръ дулъ по направленію рѣки и намъ кажется спасеніе Лондона отъ разрушенія еще большимъ чудомъ, чѣмъ самый пожаръ.

Р. Г.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПАНЕГИРИСТЫ И ПОРИЦАТЕЛИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Опытъ историческаго оправданія Петра I противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей. Карла Задлера. С.-Петербургъ. 1861).

(Статья первая.)

Было на Руси время, когда имя Петра Перваго писалось у насъ не иначе, какъ съ эпитетами: «великій», «безсмертный», «геніальный», «мудрый», и колѣнопреклоненіе передъ этимъ *великимъ*, *безсмертнымъ*, *геніальнымъ* и *мудрымъ* преобразователемъ входило въ число обязанностей каждаго, желавшаго казаться человѣкомъ просвѣщеннымъ, прогрессивнымъ, идущимъ на ряду съ вѣкомъ. Восторженныя похвалы и колѣнопреклоненія наши становятся весьма понятными, если принять во вниманіе то обстоятельство, что мы знали Петра Перваго почти исключительно по Голикову, Крекшину, Штелину, Вольтеру, Бергманну, Устрялову (для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній), Полевому, Ламбину и тому подобнымъ *историкамъ*, начинавшимъ и оканчивавшимъ свои *исторіи Петра Великаго* междометіями восторга и удивленія въ пересыпку съ стихами, каждая

строфа которыхъ оканчивалась точно такими же междометіями. Удержавъ въ памяти всѣ эти стихи и междометія, повѣривъ на-слово нашимъ краснорѣчивымъ историкамъ, мы смотрѣли на «великаго преобразователя нашего», какъ смотритъ театральная публика на всѣми признаннаго высоко-даровитымъ актера, не имѣя ни возможности, ни желанія познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, посмотрѣть на него внѣ сцены, въ домашней жизни, безъ мишуры, румянъ и эффектной обстановки. Если же иногда мы и заглядывали мелькомъ за кулисы, въ домашнюю жизнь Петра, то и тамъ, благодаря вышеупомянутымъ нами историкамъ, видѣли опять-таки одни недосягаемо-высокіе образцы для подражанія: изумительную простоту нравовъ и обращенія, отсутствіе всякаго этикета и смѣшныхъ церемоній, бережливость, дѣятельность, снисходительность, мудрость, безпристрастное правосудіе, самоотверженіе, мужество. Словомъ, гдѣ бы ни являлся намъ Петръ Великій—въ дыму ли Полтавскаго боя, съ прострѣленной шляпой на головѣ, на Сардамской ли верфи, съ топоромъ въ мозолистыхъ рукахъ, въ гостяхъ ли у бѣднаго матроса, на Ладожскомъ ли озерѣ, среди разъяренныхъ волнъ, на Лахтѣ ли, по-поясъ въ водѣ, стягивающимъ съ мели гибнущій баркасъ — онъ всегда и вездѣ являлся намъ дѣйствительно великимъ; мы имъ любовались; мы имъ гордились; мы предъ нимъ повергались ницъ; мы съ умиленіемъ, съ вѣрою, съ энтузіазмомъ повторяли вдохновенныя строфы:

Самодержавною рукой
Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не презиралъ страны родной,
Но зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ!...

Раздавались, правда, и въ то время всеобщаго колѣнопреклоненія передъ «великимъ монархомъ» кое-какіе, конечно, несмѣлые голоса, провозглашавшіе мнѣнія, противныя мнѣнію большинства; появлялись и въ то время кое-какіе мудрецы, книжники и даже пророки, ратовавшіе противъ Петра и его преобразованій; но такъ какъ эти мудрецы, книжники и пророки, ратуя противъ Петра и его преобразованій,

стояли въ то же самое время за такія вещи, стоять за которыя было болѣе, чѣмъ странно, то всѣ порицатели «великаго преобразователя нашего» служили только весьма удобною мишенью болѣе или менѣе ядовитаго остроумія, для болѣе или менѣе мѣткихъ стрѣлъ, тучею летѣвшихъ па злополучныхъ старовѣровъ изъ противнаго лагеря. Порицатели Петра, разумѣется, отстрѣливались и отбивались, но, большею частію, очень неловко и неудачно; ихъ поражали на-голову ихъ же собственнымъ оружіемъ; ихъ безпощадно преслѣдовали самыми злыми насмѣшками и додразнили наконецъ до того, что они, ослѣпленные своею безсильною яростью, разъяренные мудрецы, книжники и пророкистараго толка стали просто-на-просто, не говоря дурнаго слова, предавать анаѳемѣ все петербургское и всѣхъ петербургскихъ, какъ нѣчто отмѣченное печатью антихриста и гуртомъ предназначенное геенѣ огненной. Мы слышали, напримѣръ, презанимательный разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ пламеннѣйшихъ порицателей Петра и его реформы (считавшійся, между прочимъ, *въ своемъ приходѣ* однимъ изъ такъ–называемыхъ передовыхъ людей) чуть–было не вызвалъ на дуэль своего лучшаго друга и товарища за то только, что этотъ лучшій другъ и товарищъ, отправившись по дѣламъ въ Петербургъ, *осмѣлился* тамъ пополнѣть и, вообще, поправиться!... Мы хохотали до слезъ, слушая этотъ разсказъ, но, невзирая на всю его уморительнѣйшую нелѣпость, даемъ ему полную вѣру. Такого ужъ сорта люди были тѣ мудрецы, книжники и пророки, дѣятельность которыхъ, впрочемъ, не безъ основанія принято называть забавною, но честною.

И вотъ, вдругъ эта забавная, но честная дѣятельность становится высокимъ образцомъ для подражанія въ глазахъ людей, дотолѣ, повидимому, рѣзко отличавшихся совершенно инымъ образомъ мыслей! И вотъ, вдругъ взгляды и ученіе мудрецовъ, книжниковъ и пророковъ, предававшихъ анаѳемѣ все петербургское и всѣхъ петербургскихъ, переносятся цѣликомъ на берега Невы, знаменуя такимъ образомъ трогательное примиреніе двухъ враждебныхъ партій и доказывая неопровержимо, что обвиненія въ еретичествѣ, западничествѣ и тому подобныхъ *злообычествахъ*—обвиненія, столь щедро сыпавшіяся на петербургскихъ обывателей со стороны ихъ антагонистовъ,—были и неосновательны, и несправедливы, и преждевременны!...

Этотъ достопамятный фактъ въ исторіи нашего умственнаго развитія совершился подъ вліяніемъ обстоятельствъ, изложеніе и разсмо-

*

трѣніе которыхъ завлекло бы насъ очень далеко!... Ближайшимъ же поводомъ къ перемѣнѣ дотолѣ существовавшаго у насъ взгляда на Петра и его преобразованія послужили появившіяся въ послѣднее время въ нашихъ журналахъ и газетахъ разныя статьи и статейки изъ Петровской эпохи, а болѣе всего — драгоцѣнный сборникъ драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ и документовъ, съ ихъ далеко не столь драгоцѣннымъ перифразомъ, извѣстный подъ названіемъ шестаго тома *Исторіи царствованія Петра Великаго*, соч. Н. Устрялова. Мы, конечно, знали и прежде и о кровавомъ исходѣ стрѣлецкаго бунта, и объ ужасной судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, и о трагической участи фрейлины Гамильтонъ, и о пыткахъ, и о казняхъ, и обо всемъ томъ, что придаетъ не совсѣмъ нѣжный колоритъ царствованію «великаго преобразователя»; но во 1-хъ, мы обо всемъ этомъ знали далеко не такъ подробно и обстоятельно, какъ, напримѣръ, о Петрѣ на Полтавскомъ полѣ, или о Петрѣ на Ладожскомъ озерѣ, или о Петрѣ въ гостяхъ у матроса Орефьича; во 2-хъ, мы не только-что вовсе не знали русскаго народа, но даже и не интересовались знакомствомъ съ нимъ, занимаясь болѣе судьбами человѣчества вообще, философско-эстетическими таинствами по нѣмецкимъ книжкамъ во французскихъ переводахъ, да капитальными вопросами о Варяго-Руссахъ, о сребрѣ Ярославлѣ и о древле-славянскомъ культѣ разнымъ Хорсамъ, Дажебогамъ, Стрибогамъ, Самарглямъ и Припекаламъ. Печатная перебранка по этимъ послѣднимъ вопросамъ означала у насъ занятія отечественною исторіею, а когда мы, порою, порасширяли нѣсколько кругозоръ этихъ историческихъ занятій, — мы не безъ увлеченія распространялись о семи моряхъ, омывающихъ необъятную Россію, и мастерски доказывали, что славянское племя *сидѣло* нѣкогда даже и тамъ, гдѣ и сидѣть-то нельзя, — гдѣ, по извѣстному выраженію, «нѣтъ ни неба, ни земли, а только высь поднебесная...»

И вотъ, вдругъ все это перемѣнилось! Мы какъ-то разомъ выросли, поумнѣли, созрѣли и, уступивъ императорской академіи наукъ окончательную разработку вопросовъ о Варяго-Руссахъ, о сребрѣ Ярославлѣ и о древле-славянскомъ культѣ Хорсамъ, Дажебогамъ, Стрибогамъ, Самарглямъ и Припекаламъ, устремились единодушно и неистово на *возбужденіе* вопросовъ живыхъ, современныхъ, общеполезныхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, мы ужасно какъ полюбили русскій народъ, поняли его, изучили, и обрекли себя торжественно всесторон-

нему и неуклонному служенію интересамъ этого народа. За что такъ неожиданно полюбили мы русскій народъ, котораго дотолѣ для насъ какъ-будто и не существовало, — это рѣшить довольно трудно. Кажется, впрочемъ, что мы полюбили его главнымъ образомъ за его пѣсни, легенды и сказки, да за то еще, что «не жаденъ русскій народъ, не завистливъ: летаетъ вокругъ него птица—онъ не бьетъ ее; плаваетъ рыба—онъ не ловитъ ее, и питается скудною и даже нездоровою пищею.» (*) Пѣсни, легенды и сказки русскаго народа, возбудивъ къ нему самую нѣжную страсть въ нашихъ сердцахъ, послужили намъ въ то же самое время и главнѣйшимъ матеріаломъ для знакомства съ предметомъ нашей страны. Изъ этихъ пѣсенъ, легендъ и сказокъ мы отлично поняли нашъ народъ; по этимъ пѣснямъ, легендамъ и сказкамъ мы и изучили его, какъ нельзя лучше и основательнѣе, не выѣзжая изъ Петербурга. Изученіе и постиженіе такимъ способомъ такого предмета, какъ народъ, заключаетъ въ себѣ, конечно, нѣкоторыя неудобства и трудности; но вѣдь *omnia vincit amor*, (любовь все одолѣваетъ), а что мы полюбили русскій народъ, и полюбили его безумно и страстно — это фактъ неоспоримый, аксіома, нетребующая доказательствъ. Слова: «народъ», «народный», «народность» стали самыми пріятными, самыми любезными для насъ словами, и горе тому, кто осмѣлился бы произнести какое-нибудь изъ этихъ словъ безъ слезы умиленія на рѣсницѣ!...

Полюбивъ русскій народъ, изучивъ его и постигнувъ, мы, разумѣется, открыли въ немъ множество такихъ свойствъ и качествъ, которыя даже и не снились ни одному другому народу въ мірѣ. Открытіе это повлекло насъ къ самымъ отраднымъ выводамъ, къ самымъ утѣшительнымъ предположеніямъ, къ самымъ поразительнымъ заключеніямъ, и мы, на конецъ концевъ, нетолько что прониклись самою несокрушимою и сладостною вѣрою въ колоссально-великую будущность русскаго народа, но даже и на прошедшее его взглянули совершенно иначе, чѣмъ глядѣли до тѣхъ поръ. Мы съумѣли открыть въ немъ такія восхитительныя стороны, какія только и можно открыть взглядомъ, просвѣтленнымъ любовью; мы обрѣли въ немъ столько, и вещественныхъ, и невещественныхъ, сокровищъ, что ихъ

(*) Знаменитое изрѣченіе г. Шевырева — не помнимъ, гдѣ и когда именно сказанное. Справиться можно у библіографовъ и почитателей таланта почтеннѣйшаго экс-профессора и дѣйствительнаго академика.

съ избыткомъ хватило бы и не на одинъ какой нибудь народъ, а на все человѣчество въ совокупности; мы такъ объяснили его темные, печальные и какъ будто неблаговидные эпизоды, что, въ сравненіи съ ними, самые свѣтлые, радостные и блестящіе эпизоды въ исторіи другихъ народовъ показались такъ себѣ... дрянцомъ;—всѣхъ же, относившихся къ прошедшему Россіянъ не по-нашенски, мы съ безпощадной суровостью обвинили—однихъ въ тупости, другихъ въ близорукости, третьихъ въ злонамѣренности.

Чувства любви къ отечеству и народу—чувства, безъ всякаго сомнѣнія, очень похвальныя. Желаніе изучить народъ, сблизиться съ нимъ, слиться, понять его нужды и потребности и служить его интересамъ—еще похвальнѣе; но нельзя не сознаться, что въ этомъ похвальномъ дѣлѣ мы заявили себя какъ-то немного... странно, хватили, что называется, шибко черезъ край. Русскій народъ—какъ мы уже замѣтили выше—привлекъ къ себѣ любовное вниманіе наше болѣе всего, кажется, своими пѣснями, легендами и сказками, сборники которыхъ и послужили намъ главнѣйшимъ пособіемъ при изученіи народныхъ свойствъ и добродѣтелей. Сверхъ того, мы полюбили народъ потому еще, что, по силѣ разныхъ печальныхъ обстоятельстъ, разлюбили вдругъ самихъ себя, прониклись къ самимъ себѣ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, смѣшаннаго съ благороднѣйшимъ негодованіемъ. Произошло это такъ: намъ вздумалось поанализировать наше драгоцѣнное: «*мы*», навести обстоятельныя справки о томъ—въ какомъ положеніи находится наша блестящая цивилизація, какъ высокъ уровень нашего умственнаго и нравственнаго развитія и роскошно ли процвѣтаютъ наши гражданскія и иныя доблести? Оказалось, разумѣется, что все это крайне-плоховато и несостоятельно, что все это не что иное, какъ миражъ,—и сокрушительная скорбь исполнила наши чувствительныя сердца, и злая иронія надъ нашимъ жалкимъ, поскуднымъ «*мы*» стала паролемъ и лозунгомъ современнаго русскаго человѣка. «Не въ насъ таится, не отъ насъ потечетъ живая вода, вода воскресенія и обновленія!», съ невыразимой грустью подумали мы—и всѣ разомъ кинулись къ народу, какъ къ тому именно гиганту, въ которомъ, дѣйствительно, кипитъ эта живая вода, превратившаяся въ насъ самихъ псевдо-цивилизованныхъ людяхъ, въ какую-то искутвеншую, мутную и ни къ чему негодную микстуру. Все это, конечно, можетъ служить нѣкоторымъ признакомъ нашего умственнаго роста, нашей близости къ духовному

совершеннолѣтію; но во всемъ этомъ, повторяемъ, мы шибко хватили черезъ край, и изъ одной крайности неистово ринулись въ другую..

Точно также хватили мы черезъ край, и въ вопросѣ о нашемъ прошедшемъ, самымъ тѣснымъ образомъ связанномъ съ вопросомъ о народѣ. Мы полюбили наше прошедшее потому собственно, что настоящее наше *показалось* намъ черезчуръ ужъ неблаговидным и скареднымъ, черезчуръ темнымъ и нерадостнымъ. Почему же, конечно, не утѣшаться воспоминаніями былаго, если настоящее плохо? Почему же не назвать Александра Македонскаго героемъ, если онъ, въ самомъ дѣлѣ, герой? Да; но, вѣдь, ломать изъ за этого стульевъ все-таки не слѣдуетъ;—не слѣдуетъ и коверкать истины въ угоду совершенно побочнымъ, произвольнымъ и чисто временнымъ требованіямъ. Положимъ, что, съ одной стороны, въ старомъ порядкѣ вещей на Руси были начала прекрасныя, изумительныя, восхитительныя,—начала, умышленно или неумышленно, просмотрѣнныя и оставленныя безъ вниманія нашими изслѣдователями. Положимъ, что, съ другой стороны, при ближайшимъ знакомствѣ съ западомъ, многое въ немъ представилось намъ совсѣмъ не въ такомъ привлекательномъ видѣ, въ какомъ представлялось изъ «прекраснаго далека»; но слѣдуетъ ли изъ этого выводить такое заключеніе, что западъ-де давно ужъ гніетъ и, того гляди, догніетъ окончательно, а Русь и цвѣла, и цвѣтетъ, и будетъ цвѣсти во вѣки вѣковъ. «Да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!» пропѣлъ намъ еще Н. М. Карамзинъ, и мы не безъ удовольствія повторяемъ здѣсь это желаніе; но все-таки не можемъ не замѣтить, что если будущій цвѣтъ Россіи (вѣдомый, конечно, единому Богу) можетъ быть, дѣйствительно, очень роскошенъ, то находить точно такія же достоинства и качества въ цвѣтахъ, украшавшихъ наше былое, можно только при совершенно особенно устроенномъ органѣ зрѣнія...

Нашлись у насъ, однакожъ, господа, одаренные и такимъ зрѣніемъ, а въ это-то именно время, въ пору самаго неистоваго разгара нашихъ любовныхъ стремленій къ русскому народу и его никѣмъ, кромѣ насъ, непонятому прошедшему, и появилось, какъ на грѣхъ, нѣсколько историческихъ статей и статеекъ изъ Петровской эпохи, въ главѣ которыхъ величаво красовался увѣсистый продуктъ четырнадцатилѣтней дѣятельности г. Н. Устрялова. И этотъ увѣсистый продуктъ и слѣдовавшія за нимъ историческія статьи и статейки—

біографіи, монографіи, очерки, разсказы, этюды и т. д.—показали намъ Петра и его дѣятельность вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ представлялись намъ дотолѣ «нашъ великій преобразователь» и его преобразованія. Новыя изслѣдованія и новыя изслѣдователи показали намъ Петра не героемъ, не геніемъ, не *вѣчнымъ работникомъ на тронѣ*, а суровымъ и несправедливымъ супругомъ, немилосерднымъ отцемъ, безпощаднымъ судьею, для котораго страданія и смерть ближняго были «слаще меда и сота.» Новыя изслѣдованія и новые изслѣдователи показали намъ царскую супругу въ тяжеломъ монастырскомъ заточеніи, царскаго сына на дыбѣ, царскую фаворитку на лобномъ мѣстѣ, а народъ—столь любимый нами народъ—въ застѣнкахъ и тайникахъ Преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, на плахахъ, на висѣлицахъ, въ крови и мукахъ, подъ кнутомъ и батогами. Новыя изслѣдованія и новые іслѣдователи показали намъ цѣлый рядъ пытокъ и казней, ужасовъ и насилій, жестокостей и истязаній; они показали намъ все это со всею полнотою и правдивостью подлинныхъ, современныхъ описываемымъ событіямъ актовъ и документовъ,—и мы въ одинъ источный голосъ завопили противъ Петра, въ одну ноту загудѣли на введенный имъ порядокъ вещей, столь непохожій на тотъ, который мы только—что возвели «въ перлъ созданія», по силѣ внезапно удручившей насъ страстной любви къ русскому народу и его прекрасному прошедшему. Мы враждебно взглянули на «великаго преобразователя нашего» съ самой первой минуты, въ которую осѣнила насъ эта страстная любовь; но мы не рѣшались еще разомъ опрокинуться на него—во 1-хъ, потому, что боялись подвергнуться незавидной участи вышепоименованныхъ мудрецовъ, книжниковъ и пророковъ, предававшихъ чуть не анаоемѣ все петербургское и всѣхъ петербургскихъ; во 2-хъ, потому, что не имѣли подъ руками такого рода аргументовъ, которые бы дозволили намъ возвысить голосъ до надлежащаго діапазона, повергающаго слушателей въ трепетъ, смущеніе и нѣмоту. Теперь эти аргументы нашлись, и былое колѣнопреклоненіе передъ Петромъ мгновенно замѣнилось иронически—желчнымъ взглядомъ свысока и на личный характеръ преобразователя, и на характеръ его дѣятельности,—иронически—желчнымъ взглядомъ свысока, тотчасъ же усвоеннымъ всѣми, желающими прослыть людьми просвѣщенными, прогрессивными, идущими наряду съ вѣкомъ. Этотъ взглядъ провозглашенъ былъ взглядомъ, основаннымъ на послѣднихъ, самоновѣйшихъ *выводахъ науки*; про-

тивное направленіе заклеймено названіемъ отсталаго; а такъ какъ титулъ отсталаго не можетъ доставить никому особенной радости, то, «*въ настоящее время, когда*» и пр., хвалить Петра и его преобразованія надлежитъ весьма осторожно, держась, впрочемъ, и при этомъ умѣренно—ядовитаго тона, выражаемаго въ печати преднамѣренно—частымъ повтореніемъ эпитетовъ: «великій», «геніальный», «мудрый» и т. д. въ ироническомъ смыслѣ.

Среди появившихся въ послѣднее время болѣе или менѣе интересныхъ и дѣльныхъ книгъ, статей и статеекъ, наполненныхъ грозными діатрибами противъ Петра и жалостными іереміадами по поводу его преобразованій, появилась недавно небольшая книжка подъ названіемъ: «Опытъ историческаго оправданія Петра I-го противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей.» Соч. Карла Задлера. Книжка эта начинается слѣдующими словами:

«Въ 1860 году явилось нѣсколько статей о Петрѣ Великомъ, оправдывающихъ отзывъ Устрялова (Исторія царствованія Петра Великаго, т. I, введ. стр. XXX): «Прекрасно было начало дѣеписанія о Петрѣ; продолженіе далеко не соотвѣтствовало началу: писано много, но едвали обрисована и тѣнь его величія.»

«Тѣ статьи, о которыхъ мы будемъ говорить, относятся болѣе къ Петру, какъ къ частному лицу, чѣмъ какъ къ правителю. Онѣ силятся доказать, что онъ былъ неправосуденъ, пристрастенъ, непостояненъ и жестокъ.»

Немного далѣе въ той же книжкѣ говорится:

«Совершенство не есть удѣлъ человѣка. Однако Петръ, въ сравненіи со всѣми прочими правителями, близко подходитъ къ совершенству. Суровость и жестокость суть тѣневая сторона его образа; онѣ привиты ему вѣкомъ, въ которомъ онъ жилъ, и какъ пята Ахилла могутъ служить цѣлью для стрѣлъ непріятеля. Къ чести его можемъ еще прибавить, что и въ жестокости онъ далеко не превзошелъ свой вѣкъ: его сестра и предшественница Софія была столько же жестока и притомъ менѣе законна; равно какъ и современники его, когда на долю ихъ выпадалъ судъ, какъ-то Ромодановскій, Шеинъ и прочіе высшіе сановники.

«Предпринимая защиту Петра, мы приготовились къ сильнымъ нападеніямъ. Быть можетъ, упрекнутъ насъ въ томъ, что иностранецъ хочетъ быть судьею въ дѣлѣ русской исторіи. Пусть это обстоятельство послужитъ намъ извиненіемъ, если въ рѣчи нашей

встрѣтятся обороты и выраженія, обличающіе незнаніе русскаго языка и доказывающіе ясно, что мы думали на одномъ, а писали на другомъ языкѣ.»

За симъ г. Задлеръ сражается преимущественно съ двумя авторами: съ г. Циммерманомъ, напечатавшимъ въ № 73 «Сѣверной Пчелы» за 1860 г. маленькую статейку подъ названіемъ: «Фрейлина Гамильтонъ», и съ г. Погодинымъ, который, по словамъ г. Задлера, «въ первой книжкѣ Русской Бесѣды за 1860 г. изложилъ, съ свойственной ему художественностью, свой взглядъ о судѣ, произведенномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.» На Циммермана г. Задлеръ нападаетъ въ особенности жестоко, говоря даже прямо въ одномъ мѣстѣ, что у автора статейки о Фрейлинѣ Гамильтонъ *совершенно недостаетъ историческихъ познаній;* къ Погодину же относится съ великимъ уваженіемъ, именуетъ его *почтеннымъ авторомъ*, *либеральнымъ авторомъ*, *знаменитымъ писателемъ*, *писателемъ столь ученымъ* и т. д., простирая при этомъ свою собственную скромность до сооруженія такого періода: «Г. Погодинъ (говоритъ г. Задлеръ) обвиняетъ Петра во всемъ и представляетъ его, какъ человѣка суроваго и жестокаго. Касательно жестокости Петра мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ; но вовсе не раздѣляемъ его прочихъ мнѣній. Факты, выставленные отъ страницы 3-й до 36-й, на которыхъ основывается его сочиненіе, слѣдуютъ одинъ за другимъ, и съ необыкновенною ясностію изложены въ хронологическомъ порядкѣ. Изъ этихъ страницъ мы научились многому, и намъ остается прибавить къ нимъ только не много. Можетъ быть, покажется кому нибудь страннымъ, что мы осмѣливаемся возражать знаменитому писателю, тѣмъ болѣе, что слогъ нашъ явно обнаруживаетъ иностранца, слабо владѣющаго русскимъ языкомъ, и въ умѣніи привлекательно излагать предметъ далеко ему уступающаго.»

Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ знакомствѣ съ книгою г. Задлера, оказывается, что онъ ни въ чемъ почти не согласенъ съ г. Погодинымъ, котораго онъ поэтому не разъ и укоряетъ въ непослѣдовательности, противорѣчіяхъ, недостаткѣ *психологической тонкости и малѣйшей любви къ правосудію*, признаваясь также, что онъ, г. Задлеръ, иногда не совсѣмъ и понимаетъ «знаменитаго писателя», и часто принужденъ бываетъ думать, что «почтенный авторъ имѣетъ самыя несправедливыя, чтобы не сказать самыя поверх-

ностныя, свѣдѣнія о характерѣ Петра.» Разъ даже, по поводу того, «съ какою увѣренностію г. Погодинъ влагаетъ въ уста давно умершихъ людей слова, о которыхъ, можетъ быть, они и не думали,» г. Задлеръ припоминаетъ одно мѣсто изъ Гоголевской «Шинели»,—мѣсто, по милости котораго вышеозначенная *увѣренность* «знаменитаго писателя» принимаетъ весьма комическій характеръ. Во всѣхъ этихъ несовсѣмъ-то почтительныхъ пассажахъ г. Задлеръ, впрочемъ, весьма смиренно оправдывается въ концѣ своей книги такимъ:

«Можетъ быть, покажется страннымъ (говоритъ онъ), что *иноземецъ* входитъ въ такія подробности русской исторіи и противопоставляетъ свои замѣчанія заключеніямъ русскаго писателя, извѣстнаго своими историческими знаніями. Вольтеръ, въ своей исторіи Петра Великаго, даетъ на этотъ счетъ слѣдующее мнѣніе:

«C'est aux historiens nationaux d'entrer dans tous les détails des fondations, des lois, des guerres et entreprises de Pierre le grand. Il suffit à un étranger d'avoir essayé de montrer ce que fut le grand homme etc.»

«Мы надѣемся, что встрѣтимъ снисхожденіе въ нашихъ читателяхъ къ тому, что, защищая великаго человѣка, къ которому наша любовь и участіе постепенно возрастали, мы отступили отъ обѣщанной нами вначалѣ скромности и, увлекшись своимъ предметомъ, подъ конецъ говорили съ возрастающимъ гнѣвомъ. Мы, дѣйствительно, были намѣрены возражать знаменитому писателю съ полнымъ спокойствіемъ духа, но на дѣлѣ вышло иначе. И потому желательно, чтобъ нашелся такой посредникъ, который, сравнивая наши мнѣнія съ мнѣніями г. Погодина, достигъ золотой середины.»

За увлеченіе гнѣвомъ на «знаменитаго писателя» — онъ же М. П. Погодинъ—г. Задлеръ, безъ всякаго сомнѣнія, получитъ полнѣйшую амнистію со стороны русской публики; вообще же, за «опытъ историческаго оправданія Петра I, противъ обвиненій нѣкоторыхъ современныхъ писателей», мы, при всемъ нашемъ желаніи, никакъ не можемъ посулить автору лавроваго вѣнка или иной какой либо пріятной мзды, которою бы Россіяне выразили благонамѣренному «иноземцу» чувство глубочайшей признательности. Что касается до насъ лично, то мы не сказали бы ни слова о книгѣ г. Задлера, предоставивъ состязаться съ нимъ гг. Циммерману, Погодину и всѣмъ, такъ или иначе задѣтымъ «опытомъ историческаго оправданія Петра I» за живое; но тема этой книги показалась намъ слишкомъ важною для того, чтобы

пройдти совершеннымъ молчаніемъ вопросъ, столь неожиданно возбужденный «иноземцемъ». Вопросъ этотъ (и самъ по себѣ превосходящій интересомъ вопросы о Варяго-Руссахъ, о сребрѣ Ярославлѣ и о древле-славянскомъ культѣ Хорсу, Стрибогу и Припекалѣ) въ особенности важенъ въ настоящее время, когда пущенный въ ходъ новѣйшими историческими изслѣдователями иронически-желчный взглядъ свысока на Петра и его преобразованія начинаетъ все болѣе и болѣе распространяться въ публикѣ, масса которой до сихъ поръ еще вѣритъ на слово каждой печатной строчкѣ. Вѣрить печатнымъ строчкамъ (въ особенности же печатнымъ строчкамъ въ извѣстнаго рода книжкахъ), конечно, во всякомъ случаѣ похвальнѣе, чѣмъ вѣрить чревовѣщанію Ивана Яковлевича Курейши; но дѣло въ томъ, что большинство читающей публики дѣлаетъ подъ-часъ изъ прочитаннаго изумительнѣйшіе выводы, и мы не разъ, напримѣръ, собственными нашими ушами имѣли удовольствіе слышать такія разглагольствованія о Петрѣ и его реформѣ, отъ которыхъ, полагаемъ, не поздоровилось бы даже и самымъ ярымъ антагонистамъ «великаго преобразователя нашего», выражающимъ свой антагонизмъ печатно. Господа, выражающіе свой антагонизмъ печатно, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, хоть какія нибудь данныя для своихъ сужденій, знаютъ, напримѣръ, хоть то, что въ эпоху Петра смертная казнь и пытки существовали не въ одной лишь Россіи; большинство же такъ называемой публики, повторяя сужденія нашихъ изслѣдователей, не всегда бываетъ въ состояніи отвѣтить на вопросъ: послѣ кого именно царствовалъ Петръ Великій, и до него или послѣ него основаны были въ Россіи университеты? А между тѣмъ, вѣдь, каждый почитаетъ себя вправѣ судить и рядить, и, дѣйствительно, судитъ и рядитъ обо всемъ очень смѣло и рѣшительно. Сдѣлаешь ему какое нибудь возраженіе,—онъ тотчасъ же сошлется на такой-то померъ такого-то журнала и присовокупитъ: «Да вотъ прочтите статью N N. Онъ говоритъ то же самое, что и я, а N. N., кажется, вѣрить можно. Онъ основательно изучилъ эту эпоху; онъ въ этомъ дѣлѣ авторитетъ. Сколько у него однихъ примѣчаній и ссылокъ—и все, вѣдь, на подлинные, *современные* документы! развѣ вы и этому не вѣрите?»

О, нѣтъ! Помилуйте! Какъ это можно!... Мы вѣримъ вполнѣ нетолько подлиннымъ, *современнымъ* документамъ, но даже и новымъ изслѣдователямъ нашимъ, обогащающимъ насъ такими интересными свѣдѣніями по части отечественнаго дѣеписанія. Мы первые преклο-

няемся передъ неоспоримымъ достоинствомъ ихъ ученыхъ примѣчаній и ссылокъ. Мы готовы даже признать за творцами этихъ примѣчаній и ссылокъ самое многостороннее и основательное знакомство съ описываемыми ими эпохами; но мы не можемъ не замѣтить, что, въ сужденіяхъ и разсказахъ о Петрѣ и его преобразованіяхъ, новые изслѣдователи наши сильно и непростительно грѣшатъ однимъ, а именно: преднамѣренностью задачи и крайне-односторонними и отрывочными группировкою и обрисовкою фактовъ. Новые изслѣдователи наши, принимаясь за свои біографіи, монографіи, очерки, этюды и тому подобныя историческія сооруженія изъ петровской эпохи, поставляютъ себѣ впередъ священнымъ долгомъ и не менѣе священною обязанностью, такъ или иначе, показать и доказать почтеннѣйшей публикѣ, что «великій преобразователь нашъ» въ сущности былъ вовсе не великъ, и что всѣ восхваленія и возвеличенія его не имѣютъ ровно никакого основанія. Эти, съ перваго взгляда высокобезпристрастныя и порожденныя, повидимому, однимъ только правдолюбіемъ, стремленія новыхъ изслѣдователей нашихъ, на самомъ дѣлѣ, проистекаютъ—частію, отъ весьма понятнаго желанія сказать *свое* новое, оригинальное слово; частію, отъ того, что всѣ мы—какъ уже замѣчено выше—ужасно какъ хорошо поняли и изучили русскій народъ, а Петръ не цѣнилъ его; частію, наконецъ, отъ причинъ, о которыхъ распространяться здѣсь мы не имѣемъ никакой возможности. Сильно подстрекаемые всѣми этими побужденіями, новые изслѣдователи наши неутомимо роются въ библіотекахъ и архивахъ, въ старыхъ книгахъ и старыхъ бумагахъ, и повсюду собираютъ изобильную жатву такого рода свѣдѣній, которыя все болѣе и болѣе сгущаютъ черныя тѣни на царствованіи «великаго преобразователя нашего». Сгущеніе тѣней производится такимъ способомъ:

Передъ изслѣдователемъ-обличителемъ «великаго преобразователя нашего»—цѣлая груда старыхъ книгъ и бумагъ петровской эпохи. Тутъ и указы, и рескрипты, и инструкціи по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, и сложные, длинные меморіалы, и письма, и записочки, и проекты, и смѣты. Тутъ и важныя дѣла, и мелочи, и широкіе государственные вопросы, и распоряженія, напоминающія заботливаго мелкопомѣстнаго владѣльца, неоставляющаго ничего безъ вниманія въ своемъ немногосложномъ хозяйствѣ. Тутъ весь онъ,—этотъ, дѣйствительно, *вѣчный работникъ на тронѣ*; тутъ всѣ его цѣли, желанія, стремленія; тутъ все, за что недаромъ же назвали его великимъ люди, право, очень неглупые!..

Но изслѣдователю-обличителю нѣтъ до этого никакого дѣла. Онъ торопливо и невнимательно просматриваетъ эти краснорѣчивые памятники почти что невѣроятной дѣятельности, заботливости, любознательности, генія, и, добравшись до какихъ нибудь розыскныхъ дѣлъ Преображенскаго приказа или тайной канцеляріи, съ наслажденіемъ останавливается на такого рода казусахъ.

I.

Заѣхалъ мужикъ, содержатель шинка, въ деревенскій кабакъ и встрѣтилъ тутъ другаго мужика. «Слышалъ ты, сказалъ мужику содержатель шинка:—что пришли къ Кроншлоту сто цесарскихъ и шведскихъ кораблей и требуютъ у его царскаго величества великаго князя и измѣнниковъ. Поэтому самому, говорятъ, и миръ съ Швеціей состоится.»

— *Слово и дѣло!* крикнулъ въ отвѣтъ мужикъ и препроводилъ своего собесѣдника къ мѣстному воеводѣ. Воевода, допросивъ содержателя шинка, отправилъ его, вмѣстѣ съ доносщикомъ, въ тайную канцелярію. Тайная канцелярія, передопросивъ обоихъ, положила:

«Крестьянину такому-то (содержателю шинка), за продерзостныя, непристойныя слова, учинить жестокое наказаніе: вмѣсто кнута, бить плетьми и освободить съ проѣзднымъ листомъ до мѣста жительства».

2.

Пришелъ мужикъ-поденьщикъ на Троицкую площадь въ день празднованія годовщины Полтавской побѣды. Въ этотъ день Петръ Великій встрѣчалъ прибывшаго въ Петербургъ будущаго зятя своего, герцога Голштинскаго, и поэтому празднество было торжественнѣе обыкновеннаго. Послѣ молебна съ колѣнопреклоненіемъ, при громѣ пушечной и ружейной пальбы, государь, желая показать герцогу Голштинскому свою гвардію, сталъ самъ передъ полками и повелъ ихъ съ музыкой по площади. Зрѣлище это ужасно какъ понравилась стоявшему въ толпѣ мужику-поденьщику, который и безъ того уже находился въ какомъ-то восторженномъ состояніи, по той самой причинѣ, что только-что передъ тѣмъ заходилъ въ австерію. Отуманенный хмѣлемъ, пальбой и шумомъ, мужикъ пришелъ въ совершенный экстазъ, и, какъ всякій *выпившій* индивидуумъ, желая непремѣнно

чѣмъ нибудь выразить этотъ экстазъ, пробился сквозь толпу, приблизился къ маршировавшему государю и отвѣсилъ ему нѣсколько самыхъ «необычныхъ» поклоновъ.

Эта странная выходка никому невѣдомаго человѣка тотчасъ-же, разумѣется, обратила на него вниманіе царскихъ тѣлохранителей, которые замѣтили также при этомъ, что на поясѣ у мужика висѣлъ ножъ съ костяною ручкою. «Необычные» поклоны, ножъ на поясѣ— все это, конечно, навело тѣлохранителей на разныя подозрѣнія, и одинъ изъ нихъ приказалъ преображенскому солдату взять мужика подъ караулъ.

Но мужичокъ былъ и *выпивши*, и въ экстазѣ, а потому, какъ только почувствовалъ на себѣ грубую руку солдата, такъ немедленно же счелъ своею обязанностью хватить его по уху до крови. Преображенецъ сталъ отнимать у мужика ножъ; тотъ не отдавалъ и ножа и осиленъ былъ уже нѣсколькими, подоспѣвшими на помощь къ товарищу, солдатами.

Злополучнаго энтузіаста препроводили для допросовъ въ тайную канцелярію. Мужикъ признался, что онъ—бѣглый помѣщичій крестьянинъ, и лѣтъ восемь уже ходитъ въ-бѣгахъ по заработкамъ. Его спросили о вѣроисповѣданіи, съ цѣлью, вывѣдать, не раскольникъ ли онъ; но онъ отвѣчалъ, что крестится трехперстнымъ сложеніемъ, въ церкви бываетъ, расколу не причастенъ, только-вотъ исповѣдывался и причащался еще въ молодыхъ лѣтахъ, а послѣ того годовъ съ десять ужъ отца духовнаго не имѣлъ. «Необычнымъ же образомъ подходилъ я къ царскому величеству, говорилъ мужикъ:—безъ всякаго умысла, токмо отъ единаго моего шумства. И дурно учинить персонѣ его царскаго величества меня никто не научалъ. Ножъ у меня давно виситъ на поясѣ для употребленія пищи во время работной поры, а дрался ли съ кѣмъ, какъ брали меня подъ караулъ-того за пьянствомъ не помню.»

Отвѣты эти показались судьямъ нечистосердечными, и мужикомъ стали розыскивать. Когда, передъ пыткой, его раздѣли, то на спинѣ его замѣтили сине-багровые рубцы и почернѣлыя язвы, несомнѣнно доказывавшія, что мужикъ—уже человѣкъ бывалый, и съ кнутомъ знакомъ не по наслышкѣ. «А за что у тебя спина бита кнутомъ и жжена огнемъ, и тобой розыскивано?» спросили судьи, и мужикъ, на вискѣ, признался, что битъ онъ кнутомъ и жженъ огнемъ на Украйнѣ, въ городѣ Почепѣ,—битъ и жженъ, вмѣстѣ съ шестью

бурлаками, за то, что разбилъ съ ними попа Юскова. Пыталъ ихъ за это комендантъ Павловъ. «А къ царскому величеству подходилъ съ пьяна, самъ собою, безъ умысла,» присовокупилъ еще разъ истязуемый между криками, стонами и ударами кнута.

Пошли новые допросы и справки, а мужикъ все это время сидѣлъ въ крѣпостномъ казематѣ. Сидѣлъ онъ тутъ до того самаго времени, когда, по случаю заключенія ништадтскаго мира, велѣно было тайной канцеляріи составить вѣдомость всѣмъ находившимся въ ея вѣдѣніи преступникамъ, для того, чтобы положить по ихъ дѣламъ болѣе милостивыя резолюціи. Въ этой вѣдомости «необычно» поклонившійся мужикъ отмѣченъ былъ: «въ Сибирь», и на основаніи этой отмѣтки тайная канцелярія составила слѣдующій приговоръ:

«Крестьянина такого-то за то, что къ высокой особѣ его царскаго величества подходилъ необычно, и онъ же въ Малой Россіи, въ городкѣ Почепѣ, былъ на разбоѣ и пытанъ, въ чемъ съ розыску винился, послать въ Сибирь, и быть ему тамъ при работахъ государевыхъ до его смерти неотлучно.»

3.

Воронежскій подъячій, Иванъ Михайловичъ Завѣсинъ, пилъ, что называется, *мертвую*, а въ изрѣдка выдававшіяся трезвыя минуты ябедничалъ да сутяжничалъ по поводу закрѣпленія крестьянъ: скупалъ и продавалъ ихъ въ розничную, записывалъ въ крѣпостные вольныхъ людей, составлялъ фальшивые документы и т. д. Словомъ, хорошій, симпатичный человѣкъ былъ воронежскій подъячій, и прекрасныя дѣйствія его приносили и плоды недурные. И судился-то онъ ужъ неоднократно, и въ тюрьмѣ сидѣлъ, а разъ даже, въ Москвѣ, былъ крѣпко побитъ, сначала кулаками, потомъ кнутомъ, за то, что, придя въ пьяномъ видѣ къ обѣднѣ, въ церковь Воскресенія Христова на Барашахъ, снялъ съ чаши со святой водою крышку и надѣлъ ее себѣ на голову, а потомъ вылилъ воду на полъ. Ловко поколотили за это воронежскаго подъячаго міряне и церковные служители, а поколотивъ, отвели еще въ земскій приказъ, который, съ своей стороны, распорядился учинить Завѣсину наказаніе: бить кнутомъ нещадно.

Все это съ Ивана Михайловича сходило, какъ съ гуся вода, и осенью 1722 года онъ снова напакостилъ и снова посаженъ былъ

подъ арестъ при воронежской губернской канцеляріи, по дѣлу о фальшивыхъ крѣпостяхъ. Сидя да посиживая подъ арестомъ, Завѣсинъ вздумалъ навѣстить зачѣмъ-то своего дядю. Получивъ на это разрѣшеніе начальства, Иванъ Михайловичь взялъ съ собою конвойнаго и отправился къ дядюшкѣ, но, не заставъ его дома, зашелъ вмѣстѣ съ конвойнымъ въ кабакъ, а изъ кабака, совсѣмъ ужъ *готовый*, забрелъ въ надворный судъ. Это было уже въ три часа пополудни, и въ надворномъ судѣ были только дневальный подканцеляристъ, два его товарища, да драгунъ на часахъ.

— Кто вашъ государь? заоралъ Завѣсинъ, войдя въ судъ и относясь къ дневальному.

— Нашъ государь, отвѣчалъ дневальный:—Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій.

— Вашъ государь... Петръ Великій, закричалъ Иванъ Михайловичь:—а я... холопъ государя своего Алексѣя Петровича... и за него... голову свою положу... хоть меня... распытай!..

Испуганный подканцеляристъ тотчасъ же написалъ объ этомъ доносъ и подалъ его Воронежскому воеводѣ. Воевода сначала допросилъ Завѣсина самъ, а потомъ отправилъ его въ Москву, въ тайную канцелярію. Въ тайной канцеляріи Иванъ Михайловичь показалъ слѣдующее:

«Ничего не помню, говорилъ ли что нибудь или нѣтъ, для того, что былъ весьма пьянъ. А въ трезвомъ умѣ—никогда и ни съ кѣмъ государственныхъ противныхъ словъ не говаривалъ, и отъ другихъ не слыхалъ. У присяги жъ царевичу Петру Петровичу, въ 1718 году, на наслѣдство престола, не былъ, для того, что держали меня въ то время подъ карауломъ въ Воронежѣ, по дѣлу о закрѣпленіи крестьянъ. Со мною случается, что болѣзнь находитъ: бываю я внѣ ума, и что въ то время дѣлаю и говорю, того ничего не помню. Болѣзнь та со мной—лѣтъ шесть.»

Не удовольствовавшись этимъ показаніемъ, тайная канцелярія, по обыкновенію своему, положила:

«Завѣсинымъ розыскать, а при розыскѣ спрашивать: съ чего онъ такія слова говорилъ, и не имѣетъ ли онъ въ нихъ какихъ нибудь согласниковъ?»

Но подъячій и съ розыску показалъ то же, что прежде: «ничего де не помню за безумствомъ и опьяненіемъ. У трезваго же и мысли

никакой противной царской персонѣ не было, и согласниковъ не имѣю».

Ивану Михайловичу дано было десять ударовъ, а за симъ онъ болѣе полугода просидѣлъ въ тюрьмѣ. 11 марта 1723 года вышло, наконецъ, по его дѣлу рѣшеніе такого рода: «Воронежцу Ивану Завѣсину учинить наказаніе: бить кнутомъ нещадно».

По силѣ этого рѣшенія, Иванъ Михайловичъ получилъ на Красной площади двадцать пять ударовъ, и потомъ долженъ былъ дать собственноручную росписку слѣдующаго содержанія: «ежели я впредь какія непристойныя слова буду говорить, то, по учиненіи жестокаго наказанія, сосланъ буду на каторгу, въ вѣчную работу, или учинена мнѣ будетъ смертная казнь».

Послѣ этого подъячій Завѣсинъ отпущенъ былъ восвояси.

IV.

27 января 1720 года, въ Спасскомъ Новгородъ-сѣверскомъ монастырѣ, послѣ заутрени, на разсвѣтѣ, вошелъ въ хлѣбню іеромонахъ Порфирій. Въ хлѣбнѣ были монастырскій экономъ Іезекіиль, служка Грицко и нѣсколько другихъ послушниковъ.

— Братія! сказалъ Порфирій: — только-что сподобилъ меня Господь видѣть на небѣ видѣніе! Пойдемте, я вамъ его покажу.

Всѣ, бывшіе въ хлѣбнѣ, поспѣшили на дворъ. Утро было морозное; свѣтъ только-что начиналъ брежжить; изъ-за облаковъ выглядывалъ мѣсяцъ; но видѣнія никакого на небѣ не было.

— Должно быть, заволокло его облаками, замѣтилъ Порфирій:— Вишь ты, сколько ихъ нагнало.

— Какъ ты высмотрѣлъ-то знаменіе? Какимъ подобіемъ его видѣлъ? стали спрашивать Порфирія монахи, и весь монастырь всполошился; въ келью къ сподобившемуся видѣть чудо святому отцу отовсюду собрались любопытные.

— А вотъ какъ я его примѣтилъ, разсказывалъ любопытнымъ святой отецъ: — пришедъ отъ заутрени и отправя келейное правило, вышелъ я изъ кельи, чтобъ не спать, и вдругъ узрѣлъ на западной сторонѣ комету. Глядѣлъ я на нее минуты съ четыре. Видѣлась мнѣ именно голова; по одну сторону той головы сабля и два палаша крыжомъ, а третій стоймя; по другую сторону головы было двѣ ноги и двѣ руки, а подъ руками два мѣсяца; подъ мѣсяцами видѣлись

мнѣ двѣ звѣзды; противъ же головы, пониже ея немного, литера *покой*; подлѣ литеры, съ обѣихъ сторонъ по мѣсяцу; далѣе крестъ, особо, безъ мѣсяцевъ. А было то видѣніе на синемъ небѣ желтыми колерами; а настоящаго мѣсяца въ то время не видалъ.

— Сдѣлай ты милость, нарисуй намъ все, въ какомъ ты подобіи видѣлъ, просили святаго отца заинтересованные его разсказомъ черпецы.

— Пожалуй, отвѣчалъ Порфирій, и тутъ же въ кельѣ, на стѣнѣ, изобразилъ всю яко бы видѣнную имъ, божіимъ соизволеніемъ, дребедень.

Слухъ объ этомъ дошелъ и до монастырскаго намѣстника, который тотчасъ же приказалъ перевести рисунокъ видѣнія со стѣны на бумагу. Сняли этотъ рисунокъ и для себя нѣкоторые монахи, въ то же утро изображеніе чуднаго видѣнія явилось уже въ нѣсколькихъ экземплярахъ — и даже съ варіантами. Такъ, напримѣръ, число палашей было увеличено, мѣсяцы стали въ одну линію съ руками, а на буквѣ *покой* появилась веревка. Сверхъ того, подъ каждымъ рисункомъ красовалась слѣдующая надпись:

«Сія комета, повѣдаютъ, видѣна была надъ Новградскимъ монастыремъ, року сего 1720, іаннуарія 27 дня, въ ночи, годины или часа шестаго, и, повѣдаютъ же, самъ новгородскій архимандритъ съ братіею ее видѣли».

Монахи пораспродали свои рисунки городскимъ жителямъ; рисунки, какъ и всякая такого рода чушь, возъимѣли большой успѣхъ, и говоръ о чудномъ небесномъ видѣніи понесся по всѣмъ окрестностямъ съ надлежащими фіоритурами и дополненіями.

Говоръ этотъ крѣпко смутилъ монастырскаго архимандрита Геннадія, который, понимая, что дѣло о видѣніи можетъ розыграться весьма плохо для всего монастыря, поспѣшилъ препроводить и рисунокъ, и самого іеромонаха Порфирія, вмѣстѣ съ экономомъ Іезекіилемъ и служкою Грицко, къ малороссійскому гетману. Гетманъ же представилъ монаховъ въ Нѣжинъ, къ бывшему тамъ въ то время князю Меншикову.

Меншиковъ лично допросилъ Порфирія, Іезекіиля и Грицко. Первый разсказалъ весьма подробно о видѣнномъ имъ чудномъ знаменіи; Іезекіиль же и Грицко объявили положительно, что не видѣли ничего. Тогда свѣтлѣйшій князь приказалъ написать къ кабинетъ-секретарю Макарову слѣдующее письмо:

«Благородный господинъ секретарь! Не могъ я оставить, еже бы не объявить чинившейся здѣсь плевелы, которую, по прибытіи въ Малую Россію, по свиданіи съ господиномъ гетманомъ, свѣдалъ. Понеже Новгородскаго монастыря монахъ, самый плутъ, Порфирій, издалъ изображеніе: будто онъ видѣлъ на небѣ.... А какимъ образомъ оное его плута вымышленное, будто видѣніе было, и котораго числа, тому при семъ прилагаю учиненный имъ, плутомъ, въ подобіи рисунокъ. А рисунковъ этихъ здѣсь, въ Малороссіи, зѣло размножилось у всякаго чина людей. И не безъ великаго есть здѣшнимъ народомъ отъ того мнѣнія. Чего для, я помянутаго плута взялъ подъ арестъ; а о томъ: отъ кого онъ то будто видѣнное видѣнье на небѣ былъ наученъ изобразить — распрашивалъ. Онъ же, аки бы въ самой правдѣ, стоитъ твердо и показалъ тому-жъ свидѣтелей; а они въ допросѣ сказали, что того на небѣ не видали, а видѣли то у плута нарисованное въ кельѣ. Съ допросовъ ихъ, для лучшаго его царскому величеству доношенія, при семъ сообщаю копію. А имъ, плутомъ Порфиріемъ, за сей вымышленный фальшъ намѣренъ былъ розыскивать, и о снятіи съ него сана черниговскому архіерею Антонію, за его царскаго величества указомъ, предлагалъ. Но понеже онъ того не учинилъ, вызволяя себя тѣмъ, что будто того, чтобъ видимаго плута безъ семи соборовъ сана лишить невозможно. Чего ради да изволите ваша милость о всемъ о семъ, въ благовременый часъ, донести его царскому величеству, и что изволитъ повелѣть, прошу васъ увѣдомить. При семъ же особливо вашу милость прошу, не оставить насъ въ своей корресподенціи, чрезъ которую о всѣхъ тамошнихъ обращеніяхъ увѣдомленіемъ сообщить: въ чемъ я на вашу милость благонадеженъ есмь, и остаюсь вашей милости доброжелательный Александръ Меншиковъ».

Послѣ этого письма, іеромонахъ Порфирій вытребованъ былъ, по царскому указу, въ тайную канцелярію, а вслѣдъ за симъ растриженъ. На допросахъ въ тайной канцеляріи, Порфирій, превратившійся по растриженіи въ Потапа Матвѣева, показалъ то же самое, что говорилъ и Меншикову, т. е. что чудесное знаменіе видѣлъ точно такъ, какъ изобразилъ его на рисункѣ. «Больше того рисунковъ я не дѣлалъ, говорилъ онъ: — о видѣніи ни съ кѣмъ въ разсужденіи не говаривалъ, и своимъ мнѣніемъ ни въ какую силу не разсуждалъ, въ чемъ утверждаюсь подъ смертною казнію».

Повели Потапа Матвѣева въ застѣнокъ, подвели къ дыбѣ, вло-

жили руки въ хомутъ, стянули ноги ремнемъ, и еще разъ спросили о видѣніи. Растрига стоялъ на своемъ: «комету–де я всеконечно видѣлъ на западной сторонѣ облаками, желтыми колеры порознь, а не въ одномъ мѣстѣ, для того, что въ то время въ иныхъ мѣстахъ было ясно».

Несмотря на это упорство, Потапъ Матвѣевъ, по чему-то, кнута не отвѣдалъ и отдѣлался однимъ созерцаніемъ дыбы и заплечныхъ мастеровъ. Четырнадцать мѣсяцевъ послѣ того просидѣлъ онъ въ разныхъ тюрьмахъ, пока, наконецъ, 14 марта 1721 года, участь экс–святаго отца не опредѣлилась слѣдующимъ постановленіемъ тайной канцеляріи:

«Іеромонаха Порфирія, что нынѣ растрига Потапъ, за то, что онъ показалъ ложно, будто видѣлъ на небѣ видѣніе, чему и рисунокъ учинилъ, съ котораго въ Малой Россіи не мало таковыхъ отъ его плутовства размножилось, а его ложному плутовству вѣрить нимало не надлежитъ, — и за то сослать его въ Соловецкій монастырь, и держать тамъ до его смерти, отнюдь никуда не выпуская».

V.

Посадскій человѣкъ яицкаго городка Гурьева, Иванъ Орѣшниковъ, былъ, что называется, человѣкъ «огорченный», сердитый, неуживчивый, занимавшійся почти спеціально бранью да ругательствами. Повинуясь этимъ пріятнымъ наклонностямъ, Орѣшниковъ донесъ въ 1721 году, въ Астрахани, на посадскаго человѣка Яковлева, торговца изъ кружевнаго ряда. «Отпускаетъ онъ, говорилъ Орѣшниковъ, въ Хиву, между прочими товарами, свинецъ да порохъ». Яковлева немедленно допросили въ таможнѣ; извѣтъ оказался ложнымъ, и Орѣшниковъ былъ битъ кнутомъ и сосланъ на три года въ Гурьевъ.

Послѣ кнута, «огорченный» посадскій человѣкъ огорчился, разумѣется, еще больше, и въ кругу ссыльныхъ поселенцевъ не разъ выражалъ свое желчное настроеніе въ самыхъ «крѣпкихъ» словахъ: онъ поносилъ вѣру, богохульствовалъ и «избранивалъ скаредною бранью» его царское величество.

Такое поведеніе, при крутомъ, неуживчивомъ характерѣ Орѣшникова, не могло остаться безнаказаннымъ, и на «огорченнаго» человѣка, дѣйствительно, посланъ былъ въ Астрахань доносъ «въ бо-

гохуленіи и въ невѣжныхъ словахъ противъ высокой чести его царскаго величества».

Орѣшникова привезли въ Астрахань, посадили въ тюрьму и, по приказанію губернатора, Артемія Петровича Волынскаго, пытали въ застѣнкѣ. «Огорченный» человѣкъ сознался вовсемъ, и Волынскій тотчасъ же донесъ объ этомъ тайной канцеляріи, прося учинить по сему дѣлу резолюцію.

Орѣшниковъ, между тѣмъ, сидя въ тюрьмѣ, не замедлилъ выкинуть нехорошую штуку. При одной изъ караульныхъ смѣнъ, капралъ приказалъ арестанту встать. «Огорченный» человѣкъ отвѣчалъ на это ругательствомъ, схватилъ капрала за шею, сталъ душить его, укусилъ ему руку, и тутъ же, при всемъ караулѣ, всячески поносилъ вѣру и царское величество.

За это, разумѣется, «учиненъ былъ застѣнокъ», и Орѣшниковъ, съ пытки, сознаяъ себя виновнымъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того Волынскій получилъ изъ тайной канцеляріи указъ: «освидѣтельствовать Орѣшникова посторонними людьми: не безуменъ ли онъ? Если окажется, что онъ въ здравомъ умѣ, то его пытать трижды, вывѣдывая — по чьему наущенію онъ говорилъ? Оговоренныхъ лицъ пытать накрѣпко-жъ. А если то онъ учинилъ самъ отъ себя, и за то, въ силу 1-й статьи 1-й главы уложенія, казнить его въ Астрахани: сжечь живаго».

На основаніи высочайшаго указа о томъ, чтобы всѣхъ сказывающихъ за собой и за другими *слово и дѣло*, отсылать въ Преображенскій приказъ или въ тайную канцелярію, Волынскій не рѣшился учинить съ Орѣшниковымъ расправу самъ и послалъ его въ Петербургъ, подъ строгимъ карауломъ. Изъ Петербурга Орѣшниковъ перевезенъ былъ въ Москву, куда въ это время отправлялся и государь, и весь дворъ — праздновать ништадтскій миръ, и куда, вслѣдъ за государемъ и дворомъ, перевезли и важнѣйшихъ колодниковъ тайной канцеляріи. Въ Москвѣ Орѣшниковъ тотчасъ же подвергнутъ былъ розыску, для дознанія: «для чего говорилъ онъ въ разное время злыя слова о пресвятой Богородицѣ и про его царское величество, и не было ли у него въ тѣхъ словахъ согласниковъ?»

— Бранилъ я Бога и Пресвятую Богородицу, отвѣчалъ Орѣшниковъ на вискѣ: — бранилъ его царское величество.... А съ того сталъ бранить... мысль мнѣ та пришла... въ Гурьевѣ городкѣ. Зимою, предъ сырною недѣлею, въ станичной избѣ, довелось говорить

съ работными людьми... съ Мѣшковымъ, съ Кулповымъ, да съ толмачемъ.... имя его забылъ. Всѣ трое живутъ домами въ томъ городкѣ. Былъ разговоръ. Работные люди скаредно бранили царское величество... Послалъ де онъ въ Хиву Черкасскаго... и хоть бы де и самъ онъ, царь, пошелъ... было бы де и ему тамъ... мѣсто. Всѣ три работные человѣка, также и другіе жители города, всѣ богоотступники... и въ церковь не ходятъ... и я, того ради... злыя слова свои говорилъ....

Дали Орѣшникову перевести духъ — и онъ поспѣшилъ сознаться, что тѣхъ людей оговорилъ напрасно: они де ничего подобнаго не говорили.

Снова свистнулъ кнутъ — и истязуемый начинаетъ: «я — еретикъ, богоотступникъ... Чернокнижныя письма у меня въ Астрахани... дома, въ коробкѣ»...

Дано ему двадцать пять ударовъ.

— Нѣтъ, я не еретикъ, не богоотступникъ, заговорилъ Орѣшниковъ, когда замолчалъ кнутъ: — я ничего того не знаю, а говорилъ все это, не стерпя розыску. Никакихъ дѣлъ, ни умысла противъ здравія его императорскаго величества ни за собой, ни за кѣмъ не знаю.

Недѣли черезъ три, когда раны немного поджили, Орѣшникова снова привели въ застѣнокъ и вздернули на дыбу.

— Хулилъ я Пресвятую Богородицу, бранилъ его императорское величество, началъ онъ: — а съ какого умысла–самъ не вѣдаю... Да и умысла не было, ни съ кѣмъ я о томъ не говорилъ... Не еретикъ я, не богоотступникъ...

Дано ему двадцать три удара.

Розыскивать Орѣшниковымъ еще разъ сочли ненужнымъ: дѣло его было уже и безъ того проиграно. Оставалось только рѣшить весьма важный вопросъ: «богохульника сего допускать ли предъ смертной казнью къ исповѣди и причастію»?

За рѣшеніемъ этого вопроса обратились къ святѣйшему сѵноду. Святѣйшій сѵнодъ, послѣ цѣлаго мѣсяца разсужденій и преній по этому поводу, отвѣчалъ, что «если преступникъ кается, то исповѣдывать его искуснымъ священникомъ, по обыкновенію. А буде на исповѣди принесетъ чистое покаяніе, то и причастить».

Присланъ былъ къ Орѣшникову искусный священникъ. Орѣшниковъ каялся передъ нимъ въ богохульствѣ и въ невѣжныхъ словахъ

противъ высокой чести его императорскаго величества, присовокупивъ попрежнему, что слова эти произносилъ онъ «внѣ ума». — «Приношу во всемъ, говорилъ онъ на духу:—чистое покаяніе, и нынѣ по чистой совѣсти вѣру содержу, какъ христіанинъ, и во святую церковь вѣрую, и его величество несомнѣнно почитаю, и исповѣди съ причастіемъ несомнѣнно желаю».

Его исповѣдали и причастили на другой же день, а черезъ нѣсколько дней послѣ того онъ опять потребовалъ къ себѣ священника для новой исповѣди, чувствуя себя очень нехорошо. На этой новой исповѣди Орѣшниковъ говорилъ то же самое, что и прежде, присовокупивъ только разсказъ о бывшемъ съ нимъ недавно болѣзненномъ припадкѣ. «На этихъ дняхъ, говорилъ онъ: нашло на меня обычное безумство:升ралъ я на себѣ рубаху, кусалъ руки, метался и бился, и говорилъ ли, нѣтъ ли, какія нибудь непотребныя слова, того не помню, понеже у меня животная, тяжкая болѣзнь. А какъ та болѣзнь меня схватитъ, тогда бываю внѣ ума, и что говорю, того не помню. Дѣла же за собой его императорскаго величества никакого не знаю.»

Такой болѣзненный припадокъ, дѣйствительно, повторился съ Орѣшниковымъ мѣсяца черезъ два послѣ вторичной исповѣди. «Братцы, а, братцы! кричалъ арестантъ караульнымъ солдатамъ, придя въ какое-то неистовство: — за мной государево слово и дѣло! Вѣдаю я его за астраханскимъ вице-губернаторомъ Иваномъ Кикинымъ. Онъ хочетъ убить его императорское величество! Я это подлинно знаю. Онъ — злодѣй! Ведите меня. Я скажу, кому слѣдъ, что для этого посылалъ Кикинъ въ Хиву порохъ да свинецъ. Донесите, донесите обо всемъ этомъ его величеству!»

Караульные струсили и, донося о случившемся тайной канцеляріи, просили прямо «то наше доношеніе принять, опасаясь, чтобъ намъ отъ такихъ словъ Орѣшникова не пострадать».

Съ Орѣшникова тотчасъ же снятъ былъ новый допросъ, на которомъ арестантъ отвѣчалъ: «а я ничего не знаю; за Кикинымъ злаго дѣла не вѣдаю; кричалъ ли, нѣтъ ли — того не помню.»

Были ли эти припадки слѣдствіемъ дѣйствительнаго сумашествія, притворялся ли Орѣшниковъ сумашедшимъ, въ надеждѣ смягчить тѣмъ наказаніе,—неизвѣстно; но казни онъ все-таки не избѣгъ.

5-го іюня 1722 года, Орѣшникова вывели на Красную площадь, и секретарь громогласно прочелъ слѣдующій приговоръ:

«Иванъ Орѣшниковъ! Въ бытность свою въ Астрахани за карауломъ, на полковомъ казенномъ дворѣ, говорилъ ты нѣкоторыя весьма злыя слова противъ Бога, Пресвятой Богородицы и Его Императорскаго Величества. О семъ преступленіи какъ свидѣтели, такъ и самъ ты въ распросахъ и съ розысковъ показалъ именно. И за тѣ слова надлежало было тебя сжечь, но оной казни Его Императорское Величество тебѣ чинить не указалъ для того, что ты временно не въ твердомъ умѣ бываешь и многажды показывалъ за собою Его Императорскаго Величества слово и дѣло, а какъ придешь въ память, то тѣхъ словъ ничего не показывалъ, объявляя, что все говорилъ внѣ памяти. А вмѣсто жженія тебя живаго, Государь всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ учинить тебѣ, Орѣшникову, смертную казнь—отсѣчь голову.»

И Орѣшникову отсѣкли голову.

Разсказавъ нѣсколько такихъ казусовъ, разсказавъ ихъ съ надлежащими стилистическими украшеніями, съ благороднѣйшимъ негодованіемъ противъ судей и съ явнымъ сочувствіемъ къ жертвамъ (жертвы всегда титулуются злополучными, несчастными, а буде онѣ изъ мужицкаго званія, то жертва именуется не мужикъ, а мужичокъ. *Злополучный мужичокъ*—не правда ли, какъ это трогательно?), изслѣдователь—обличитель Петра Великаго считаетъ долгомъ воскликнуть... Но какъ вы думаете, читатель: что̀ считаетъ онъ долгомъ воскликнуть?

— Что̀? Разумѣется, что̀. Не хорошія, конечно, вещи — кнутъ, дыба, виска, тюрьма, застѣнокъ, но...

Нѣтъ ужъ пожалуйста безъ *но*, читатель! тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ *но*, никакихъ смягчающихъ частицъ, никакихъ *circonstances atténuantes*! Разсказавъ нѣсколько казусовъ въ родѣ тѣхъ, которые вы только что имѣли удовольствіе прочитать, изслѣдователь-обличитель Петра Великаго считаетъ долгомъ воскликнуть вотъ что̀:

«Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь!...

«Нельзя не сознаться, что дороговато стоили Россіи благодѣтельныя преобразованія великаго и геніальнаго Петра!»

— Что-жъ, говоритъ читатель, очевидно увлеченный краснорѣчіемъ изслѣдователя обличителя: — Оно, пожалуй, что и такъ. Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь... Это ужасно!..

Кто-жъ говоритъ, что это не ужасно? Но согласитесь, читатель, что, вѣдь, и люди-то, на долю которыхъ выпадали всѣ эти ужасы, были ужъ не Богъ знаетъ какіе хорошіе люди. Лучше было бы, конечно, поступить съ ними иначе: мужику, напримѣръ, разсуждавшему о цесарскихъ и шведскихъ корабляхъ, пришедшихъ за великимъ княземъ и измѣнниками, можно было бы растолковать, почему эти слухи въ высшей степени вздорны и нелѣпы, а за тѣмъ сказать: «поди и больше не грѣши.» Поденьщику, кланявшемуся государю «необычно», надлежало бы объяснить, что «необычно» кланяться государю не слѣдуетъ, какъ не слѣдуетъ также *разбивать поповъ,* хоть бы то было и въ обществѣ бурлаковъ. Подъячему Завѣсину слѣдовало бы внушить, что клясться въ вѣрности царевичу Алексѣю Петровичу нельзя уже потому, что царевича давно нѣтъ въ живыхъ; пьянствовать же, ябедничать и закрѣплять вольныхъ людей въ крѣпостные — тоже дѣятельность не очень благородная. Что же касается до іеромонаха Порфирія и «огорченнаго» посадскаго человѣка Орѣшникова, то первому изъ нихъ надлежало бы дать понять, что всѣ разглагольствованія его о видѣнной имъ чепухѣ на небѣ, служатъ неопровержимымъ доказательствомъ не совсѣмъ-то удовлетворительнаго состоянія мозговъ; втораго же просто-на-просто слѣдовало бы препроводить въ больницу; но...

— Нѣтъ! нѣтъ! перебиваетъ рѣшительно ставшій на сторону изслѣдователя-обличителя читатель: — что вы не говорите, а — допросы... тюрьмы... дыба... кнутъ... клещи... жженіе живыхъ... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощадѣ... и всюду кровь, кровь и кровь... Это ужасно!

Что дѣлать! Надобно согласиться съ вами, читатель; но, коль скоро рѣчь пошла у насъ объ ужасахъ, позвольте жъ и намъ разсказать вамъ двѣ небольшія исторійки, отъ которыхъ—льстимъ себя этою пріятною надеждою—у вась должны встать дыбомъ волосы. Мы положительно завидуемъ изслѣдователю—обличителю, съумѣвшему увлечь васъ своимъ краснорѣчіемъ, и желаемъ, во что бы то ни стало, произвести на васъ таковое-же впечатлѣніе. Слушайте—жъ.

Это было очень давно, а гдѣ это было — право, не помнимъ. На широкой, цвѣтущей равнинѣ, яснымъ весеннимъ утромъ, собралось сто тысячъ «существъ, одаренныхъ силою ума и даромъ слова. (*)»

(*) Опредѣленіе человѣка въ реторикѣ г. Кошанскаго.

Пятьдесятъ тысячъ этихъ существъ стали на одномъ концѣ равнины; пятьдесятъ тысячъ на другомъ. Пятьдесятъ тысячъ одѣты были въ красные кафтаны и бѣлые панталоны; пятьдесятъ тысячъ въ бѣлые кафтаны и красные панталоны. Утро было прекрасное, тихое, теплое, лучезарное. Безоблачное небо раскидывалось надъ землею безпредѣльнымъ лазурнымъ покровомъ; зелень сверкала, какъ изумрудная; цвѣты благоухали, и высоко–высоко, подъ самыми облаками, звенѣла, переливаясь, радостная пѣсня жаворонка, какъ бы благодарственный гимнъ отъ лица всей природы тому, чьею волею, чьею властію такъ чудно все устроено въ этомъ чудномъ мірѣ!

Но ужасное готово было совершиться въ этой роскошной весенней обстановкѣ, на этой цвѣтущей равнинѣ, только-что омытой чистою утреннею росою! Не для пиршества и ликованія стеклись сюда эти громады «существъ, одаренныхъ силою ума и даромъ слова!» Не для услады красотами Божьяго міра собрались они съ грозно-сверкавшими очами и мрачно-нахмуренными лбами!.. Прозвучалъ гдѣ-то, какъ стонъ, зловѣщій звукъ трубы; раздался откуда-то громовой выстрѣлъ — и пятьдесятъ тысячъ существъ, одѣтыхъ въ бѣлые кафтаны и красные панталоны, неистово ринулись на другія пятьдесятъ тысячъ, одѣтыя въ красные кафтаны и бѣлые панталоны. Разомъ смѣшались они въ общей, отчаянной схваткѣ, и земля дрогнула отъ выстрѣловъ, топота, криковъ, стоновъ, воплей и бѣшеныхъ ударовъ стали о сталь...

Долго, долго длилась ужасная рѣзня, и страшно, омерзительно было видѣть, какъ старался человѣкъ заколоть или зарѣзать точно такого же человѣка, какъ, мѣстами, разсвирѣпѣвшіе бойцы, бросивъ раздробленное оружіе, душили другъ друга руками, грызлись зубами и, разомъ падая на землю, корчились въ послѣднихъ мукахъ!.. Наконецъ, сломили люди въ бѣлыхъ кафтанахъ и красныхъ панталонахъ, и съ радостными криками погнали передъ собой побѣжденныхъ враговъ, давя ихъ лошадьми, прикалывая сзади пиками и звѣрски побуждая *своихъ*—колоть и рѣзать какъ можно больше...

Гдѣ же цвѣтущая равнина, такъ манившая къ себѣ своимъ вольнымъ просторомъ, своею неоглядною и ненаглядною ширью? Гдѣ изумрудная зелень? Гдѣ благоухавшіе цвѣты? Гдѣ весь этотъ очаровательный весенній ландшафтъ съ своими мягкими красками и нѣжными контурами?

Истоптана, изрыта цвѣтущая равнина, перемяты цвѣты и зелень— и обильно, обильно полито все потоками алой, теплой человѣческой

крови. Померкло и солнце въ смрадныхъ тучахъ порохового дыма, и вся природа, словно объятая ужасомъ отъ зрѣлища совершившагося злодѣйства, утратила разомъ свой веселый, ясный, улыбавшійся видъ...

А люди, совершившіе это злодѣйство, люди, перебившіе столько тысячъ своихъ братій, исполнены звѣрской радости! Просіяли ихъ угрюмыя очи, разгладились морщины на ихъ хмурившихся челахъ, горделивое самодовольствіе выражается въ каждомъ ихъ тѣлодвиженіи. Ликующіе, ходятъ они между обезображенными трупами, по лужамъ крови и грудамъ раздробленнаго оружія, съ радостію считаютъ мертвыхъ враговъ, осыпаютъ другъ друга похвалами, рукоплещутъ окровавленными руками и, среди раздающихся по сторонамъ жалобныхъ стоновъ и воплей раненыхъ и умирающихъ, весело наполняютъ заздравные кубки—во славу страшной рѣзни, во славу избіенія людей!..

Съ шумными пѣснями уходятъ они потомъ съ обезображенной равнины, а на груды разбросанныхъ по ней труповъ цѣлыми тучами слетаются черные вороны. Весело каркаютъ хищные вороны, радостно чуютъ они, что имъ предстоитъ пиръ горой... и долго будутъ слетаться сюда цѣлыми тучами хищные вороны, и долго будетъ имъ тутъ пиръ горой, и долго, долго, весело каркая, будутъ выклевывать они человѣческія очи, терзать человѣческое тѣло, пить человѣческую кровь. Заразится тлетворнымъ смрадомъ на далекое пространство равнина, пойдетъ про нее въ народѣ пугающій говоръ, и съ ужасомъ, творя крестное знаменіе и робко озираясь, будетъ обходить ее запоздавшій путникъ...

Что̀, читатель, въ какомъ положеніи ваша куаффюра? Какія ощущенія волнуютъ въ настоящую минуту ваше мягкое сердце? Какимъ именемъ назовете вы пятьдесятъ тысячъ «существъ, одаренныхъ силою ума и даромъ слова,» наполнявшихъ заздравные кубки—во славу избіенія людей!?

А вѣдь—говоря правду—увлеченные краснорѣчіемъ, мы разсказали вамъ дѣло не совсѣмъ-то такъ, какъ надлежало бы его разсказать. Все описанное нами—вещь далеко не экстраординарная и носитъ совершенно другое названіе. Рѣзня такого рода, взятая отдѣльно, именуется сраженіемъ; цѣлый рядъ такихъ избіеній людей именуется войною; люди, совершающіе ихъ именуются воинами; воинъ, отличающійся на этомъ поприщѣ болѣе другихъ, именуется героемъ,—а герой, какъ извѣстно, есть смертный превыше обыкновенныхъ смертныхъ, и преклоняться предъ нимъ съ умиленіемъ и признательностью подобаетъ нетокмо современникамъ,

но и отдаленнѣйшему потомству. Словомъ, разскажи мы вамъ то, что разсказали нѣсколько иначе, разскажи мы вамъ это обыкновеннымъ тономъ реляцій и военныхъ исторій,—и вы тоже совершенно иначе взглянули бы на дѣло, и ваше впечатлительное сердце закипѣло бы не ужасомъ и негодованіемъ, а умиленіемъ и восторгомъ. Назови же мы вамъ вышеописанную рѣзню прямо именемъ Куликовской, Полтавской или Бородинской битвы,—и вы бы ужъ вовсе не такъ, какъ теперь, смотрѣли и на кровь, и на людей, ее проливавшихъ, и на звѣрскій восторгъ побѣдителей. Но намъ захотѣлось немножко васъ пугнуть, заявивъ при этомъ удобномъ случаѣ благородство собственныхъ своихъ чувствованій и гуманность воззрѣнія,—и мы—льстимъ себя этой пріятной надеждой—въ намѣреніи нашемъ успѣли. На то, вѣдь, и существуютъ на свѣтѣ краснорѣчіе и реторика.

Теперь другая исторійка:

Жилъ-былъ когда то ужасный злодѣй. Вѣчно угрюмый, пасмурный и молчаливый, съ крупными и рѣзко очерченными чертами лица, съ зловѣщимъ выраженіемъ въ глазахъ; онъ уже однимъ наружнымъ видомъ своимъ вселялъ въ каждаго невольный страхъ. Разсказы, ходившіе о необыкновенной силѣ и ловкости злодѣя, только увеличивали страхъ, который вселялъ онъ во всѣхъ,—и его сила, его ловкость были, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайны. Онъ не разъ выходилъ побѣдителемъ изъ единоборства съ медвѣдями, и не было столь быстро летающей птицы, которую бы не нагнала и не сразила губительная пуля его мѣткой винтовки.

Но не однихъ медвѣдей и быстро летающихъ птицъ сокрушала его сила и ловкость. Не разъ, вооруженный своимъ карабиномъ и небольшимъ топоромъ, уходилъ онъ въ лѣсъ и тамъ прятался въ густыхъ кустахъ. Показывался на тропинкѣ одинокій путникъ—злодѣй, быстрѣе молніи, бросался на него, поражалъ его топоромъ, повергалъ въ крови на землю, и когда исчезали въ несчастномъ послѣдніе признаки жизни—извергъ сдиралъ съ его головы кожу вмѣстѣ съ волосами, и съ звѣрской улыбкой вѣшалъ ее себѣ на поясъ. Не мало уже висѣло на этомъ поясѣ такихъ кровавыхъ трофеевъ, и что ни день почти, то кровавыхъ трофеевъ прибывало...

Но довольно, довольно! Читатель въ ужасѣ, въ остервененіи и только не знаетъ, какой бы употребить ему достаточно сильный эпитетъ, чтобъ заклеймить надлежащимъ образомъ чудовищные поступки чудовищнаго человѣка. А между тѣмъ, вѣдь, читатель ед-

ва-ли былъ бы правъ, пріискавъ потребный ему достаточно сильный эпитетъ и повторивъ вслѣдъ за нами слова: «чудовище», «чудовищный», «злодѣй» и «извергъ». Мы опять таки—каемся—употребили во зло краснорѣчіе и знакомство съ реторикой, умышленно исказивъ при этомъ самую сущность дѣла. А сущность дѣла вотъ какая:

Злодѣй и *извергъ*, о которомъ идетъ рѣчь, существовалъ на свѣтѣ тому назадъ лѣтъ сто или полтораста. Обиталъ онъ въ Америкѣ, принадлежалъ къ породѣ краснокожихъ Индѣйцевъ и назывался Чингачгукомъ или *Великимъ Змѣемъ* Делаварскимъ. Делаварское племя находилось въ постоянной враждѣ съ племенемъ Ирокезскимъ, и Чингачгукъ, какъ храбрый воинъ, истребленіе враговъ своего племени почиталъ священнѣйшимъ своимъ долгомъ и прямою службою отечеству. Истребленіе же враговъ изъ засады, по понятіемъ краснокожихъ Индѣйцевъ, не было нисколько дѣломъ предосудительнымъ. Совершенно напротивъ: хитрость, изворотливость, ловкость назывались у Индѣйцевъ величайшими доблестями, а сдираніе съ головы убитаго врага волосъ и кожи вмѣнялось въ непремѣнную обязанность каждому воину. Чѣмъ больше такихъ кровавыхъ трофеевъ красовалось на поясѣ у Индѣйца, тѣмъ бо́льшимъ уваженіемъ пользовался онъ въ глазахъ своихъ земляковъ, тѣмъ больше правъ имѣлъ на титулъ героя, молодца и, вообще, достойнѣйшаго человѣка. Этому учила краснокожихъ даже ихъ религія, и *Великій Духъ* сулилъ много самыхъ заманчивыхъ наградъ краснокожему воину, который предстанетъ по смерти своей, *въ безднѣ свѣта*, весь обвѣшанный окрававленными волосами убитыхъ враговъ.

Теперь спрашивается: слѣдуетъ ли утруждать себя пріискиваніемъ разныхъ сильныхъ эпитетовъ по поводу лѣсныхъ продѣлокъ Чингачгука—*Великаго Змѣя* Делаварскаго? Слѣдуетъ ли обвинять его за то только, что, принадлежа въ породѣ краснокожихъ Индѣйцевъ и существуя на свѣтѣ тому назадъ полтораста лѣтъ, *Великій Змѣй* Делаварскій жилъ и дѣйствовалъ, какъ всѣ его краснокожіе земляки и современники, а не какъ бѣлокожій и просвѣщенный Европеецъ второй половины XIX-го столѣтія?

А вѣдь не приведи мы вамъ, читатель, всѣхъ этихъ circonstances atténuantes, оставь мы передъ вами голый, изолированный фактъ сдиранія волосъ съ головы убитаго изъ засады человѣка—храбрый, честный и весьма добродѣтельный (по своему) индѣйскій воинъ такъ и пошелъ бы у васъ за чудовищнаго злодѣя и изверга. Вы, конечно,

были бы совершенно правы; но правы ли были бы мы, не объяснивъ вамъ, что называется, самой *сути* этого дѣла?..

Вы очень проницательны, читатель, а потому, безъ всякаго сомнѣнія, давно уже догадались, что хотимъ мы вамъ сказать двумя съ такимъ краснорѣчіемъ разсказанными нами исторійками и вытекающей изъ нихъ *моралью*. Да, мы хотимъ вамъ сказать, что многое такъ называемое *ужасное* можетъ оказаться далеко не столь ужаснымъ при ближайшемъ его разсмотрѣніи, и что, говоря о какомъ нибудь дѣлѣ, отнюдь не слѣдуетъ забывать его *сути*. Положеніе это, по нашему мнѣнію, ближе всего относится къ вопросу о Петрѣ и его современныхъ обличителяхъ, изобличающихъ прежде всего необыкновенную мягкость собственныхъ сердецъ своихъ и чрезвычайную гуманность воззрѣній. Мягкость сердецъ и гуманность воззрѣній—качества, безъ сомнѣнія, очень почтенныя; но едва ли одного этого достаточно для безпристрастной и безошибочной оцѣнки историческихъ лицъ и событій. Требуется тутъ и еще кое-что, а что именно—мы поговоримъ объ этомъ въ слѣдующей статьѣ.

I. ШИШКИНЪ.

Пѣсни Анакреона, въ переводѣ и съ примѣчаніями. А. Баженова. Москва. 1861.

Случается иногда въ жизни встрѣчаться съ старушками, не съ милыми и добрыми, а отвратительно-гадкими, которыя, чувствуя свою невзрачность и дряхлость, прибѣгаютъ къ бѣлиламъ, и румянамъ, искуственнымъ зубамъ и роскошнымъ парикамъ, успащая всю эту фальшивую красоту наивностью и пародіей на манеры молодой семнадцатилѣтней дѣвушки. Не знаемъ, какъ на кого другаго, а на насъ это совокупленіе косметическихъ ароматовъ фіалки со зловоніемъ гнилаго трупа производитъ отвратительное впечатлѣніе. Такое же точно впе-

чатлѣніе произвела на насъ и книжка господина Баженова — книжка по наружности не дурная, изящно отпечатанная, привлекательно изданная, но... вы сами увидите сейчасъ, что это за книжка.

Г. А. Баженовъ задумалъ перевести, или, чтобы вѣрнѣе выразиться, оскопить и обезобразить Анакреона съ тѣмъ, чтобы «пополнить значительный пробѣлъ, постоянно являющійся у насъ при изученіи исторіи поэзіи», какъ говоритъ онъ въ своемъ предисловіи. «Составители русскихъ учебниковъ по этой части словесности,» продолжаетъ онъ въ томъ же предисловіи, «обыкновенно или проходятъ Анакреона страннымъ въ этомъ случаѣ вовсе ужъ не краснорѣчивымъ молчаніемъ, (какъ, напр., г. Линниченко) или только едва называютъ его по имени (какъ г. Туловъ). А между тѣмъ болѣе близкое знакомство съ пѣснями Анакреона очень важно, во-первыхъ, потому, что ими гораздо болѣе характеризуется древняя мелическая поэзія, чѣмъ даже одами Алкея, который почему-то (вѣроятно по старшинству) считается представителемъ этого рода поэзіи; во-вторыхъ потому, что Анакреонъ не совсѣмъ безучастно относится и къ нашей литературѣ. Его, мы знаемъ, переводилъ Ломоносовъ; онъ часто вдохновлялъ и заставлялъ подражать себѣ Державина и другихъ поэтовъ нашихъ, доходя до Пушкина и Майкова.»

Итакъ, ради этихъ-то причинъ, надо было исковеркать Анакреона, что и исполнилъ г. Баженовъ самымъ добросовѣстнѣйшимъ образомъ. Но переводчикъ, какъ видно, и не подозрѣваетъ за собою этого достоинства, что впрочемъ и естественно: вѣдь каждый родитель имѣетъ отеческую слабость считать свое чадо, хоть какъ бы оно уродливо ни было, чуть что не красавцемъ. Г. Баженовъ точно также, въ силѣ этихъ физіологическихъ причинъ, и свое безобразное чадо имѣетъ удовольствіе и гордость считать красавцемъ.

«Языкъ переводовъ Мартынова и Кульманъ, говоритъ г. Баженовъ по этому поводу, довольно тяжелъ и для насъ устарѣлъ, хотя переводы близки къ подлиннику, а прекрасный переводъ Мея не совсѣмъ точенъ, потому что сдѣланъ риомованными стихами и риома часто заставляетъ переводчика жертвовать ей краткостью, а иногда даже и смысломъ оригинала.»

Какъ видите, г. Баженовъ недоволенъ ни Мартыновымъ, ни Кульманъ, ни Меемъ; онъ доволенъ самимъ собой, потому что задумалъ сгладить всѣ недостатки бывшихъ доселѣ переводовъ и дать

намъ идеалъ ихъ на русскомъ языкѣ. Прекрасно! отчего же и не принять идеала!

«Мнѣ хотѣлось передать на русскій языкъ пѣсни Анакреона съ возможною точностью, говоритъ г. Баженовъ, *удержавъ оригинальный характеръ* и размѣры ихъ, уяснивъ въ примѣчаніяхъ все неясное, недосказанное, *выставивъ на видъ всѣ, часто неуловимыя тонкости.*»

Вотъ чѣмъ задается г. Баженовъ; стремленіе, конечно, прекрасное, а выполненіе...

Ну, о выполненіи судите сами изъ нѣсколькихъ образцовъ, приводимыхъ нами для примѣра.

Вотъ вамъ № 1, читайте и наслаждайтесь:

Роза, милая безсмертныхъ!
Розой даже сынъ Киприды,
Сотанцующій харитамъ,
Кудри пышно украшаетъ. (стр. 6.)

А это—№ 2, въ томъ же родѣ:

И Эротъ золотокудрый,
Съ винодателемъ Ліэемъ,
И прекрасная Киприда
На отрадномъ пирѣ, старцамъ
Сопируя, веселятся. (стр. 7.)

Г. Баженовъ находитъ будто языкъ переводовъ Мартынова, сдѣланныхъ имъ еще въ 1801 году, довольно тяжелъ и для насъ устарѣлъ (что впрочемъ и совершенно справедливо.) По этой-то причинѣ г. Баженовъ вздумалъ сообщить переводу Анакреона грацію и легкость, которыя въ двухъ приведенныхъ нами отрывкахъ особенно достигаются у него словами: «*сотанцующій*» и «*сопируя*». Не правда ли, какія легкія, изящныя слова! И главное дѣло, конструкція-то ихъ совершенно русская!

Но подобныхъ диковинокъ въ переводѣ множество и, право, не стоитъ выписывать ихъ всѣ сполна; господина Баженова, мы увѣрены, такими выписками не убѣдить, а читатель уже и этими двумя убѣжденъ совершенно. Теперь не угодно ли будетъ посмотрѣть, что именно называетъ новый исказитель *стихами*, легкость и грація ко-

торыхъ такъ навязчиво приписываются имъ ни въ чемъ неповинному Анакреону.

Вотъ, для примѣра, нѣсколько отрывковъ, которые мы будемъ продолжать подъ нумерами же:

№ 3.

Быкамъ дала природа
Рога, конямъ копыта,
Въ ногахъ проворство зайцамъ,
Львамъ *пасть зубовъ* (??) огромныхъ,
Способность плавать рыбамъ,
Летать возможность птицамъ. (стр. 2.)

Подобная легкость и грація, если вы припомните, вѣроятно и вамъ встрѣчалась въ нѣмецкомъ учебникѣ Зейденштюкера, самомъ безобразнѣйшемъ изъ всѣхъ учебниковъ, которыми душили и давили въ насъ здравый смыслъ и свѣжее чувство во дни нашего златаго отрочества.»

№ 4:

Скоро буду грудой праха,
Для чего тогда гробъ мазать?
Для чего вино на землю
Лить? — Ужъ лучше ты живаго
Умасти меня, изъ розъ мнѣ
Соплети вѣнокъ, подругу
Позови ко мнѣ и прежде,
Чѣмъ вмѣшаюсь въ танцы мертвыхъ,
Отъ меня возьми заботы! (стр. 5.)

№ 5:

Лежу въ вѣнкѣ *изъ плюща,*
Все въ мірѣ презираю.
Вооружайся ты; я жъ стану
Пить. Дай мнѣ, мальчикъ, чашу! (стр. 27).

№ 6:

Въ моемъ же сердцѣ вѣчно
Эротъ себѣ вьетъ гнѣзда.
Одна страсть оперилась,
Въ яйцѣ еще другая,
Та полуоблупилась. (стр. 37.)

И подобную то варварскую ломку русскаго языка г. Баженовъ имѣетъ наивность считать стихами! Бѣдный русскій языкъ! бѣдный Анакреонъ! Но довольно: пора же наконецъ и пощадить чувство и уши читателя. Мы не будемъ болѣе приводить подобные *стихи* г. Баженова, имѣющіе полное право на завидную конкуренцію съ произведеніемъ извѣстнаго переводчика гетевскаго Фауста, г. Овчинникова. Но мы позволяемъ себѣ еще одинъ и послѣдній разъ злоупотребить терпѣніемъ читателя, терпѣніемъ только на шесть строкъ; впрочемъ, предупреждаемъ: ушамъ вашимъ предстоитъ нѣсколько менѣе терзаній —и то уже слава Богу! — стихи съ риѳмами; — вотъ они:

Роза музъ, цвѣтокъ любимый
Въ пѣсняхъ сладостныхъ хвалимый.
Роза хоть растетъ съ шипами,
А сорвать ее пріятно;
Сладко бережно руками
Грѣть цвѣточекъ ароматный.

Ну, господинъ Баженовъ—воля ваша!—это все, что вамъ угодно, только не Анакреонъ! Это *нѣчто*, если хотите, можетъ весьма удобно конкурировать съ извѣстною «чѣмъ тебя я огорчила», или «взвейся выше, понесися, сизокрылый голубокъ» или наконецъ «всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ»,—но исказить, овульгарить, опошлить, омѣщанить до такой степени Анакреона, какъ изволите это дѣлать вы, милостивый государь,—воля ваша—неприлично! И къ чему, право, издавали вы вашу книжонку? хотѣли убить позабытаго Мартынова? — И все-таки переводъ его, сдѣланный въ 1801 году, т. е. ровно за шестьдесятъ лѣтъ до вашего, несравненно болѣе вашего передаетъ духъ Анакреона, при необыкновенной близости къ подлиннику, да и языкъ его несравненно правильнѣе и изящнѣе вашего — у него по крайней мѣрѣ нѣтъ той варварской ломки, какая у васъ является отличительнымъ качествомъ, наряду съ г. Овчинниковымъ; а ужъ о стихѣ его, сравнительно съ вашимъ, дикимъ и жесткимъ, и говорить нечего!

Потомъ вы съ какимъ-то гнило-профессорскимъ педантизмомъ изволите объявлять о томъ, что переводъ Мея «не совсѣмъ точенъ, потому что сдѣланъ риѳмованными стихами и риѳма часто заставляетъ переводчика жертвовать ей краткостью, а иногда даже и смысломъ оригинала.» Все это съ точки зрѣнія гнилой профессорской

мертвечины неотразимо вѣрно, и противу этого ничего не скажешь, потому что нельзя же сказать ничего противу разлагающагося трупа, исключая того, что онъ дурно пахнетъ; но вотъ видите ли, г. Баженовъ, въ чемъ дѣло: для того, чтобы переводить нетолько Анакреона, но и вообще какого бы то ни было *истиннаго* поэта, надо самому быть поэтомъ настолько, чтобы проникнуться до глубины души оригиналомъ, чтобы тонко и изящно понять всѣ неуловимыя стороны оригинала, однимъ словомъ, чтобы сродниться съ нимъ и полюбить его прежде, чѣмъ приниматься за дѣло. И повѣрьте, для такого перевода вовсе не нужна буквальная близость къ подлиннику; близость иногда только вредитъ дѣлу, заставляя переводчика употреблять такія варварскія слова, и конструкціи, какія вы иногда употребляете, и такъ увѣчить и насиловать языкъ, какъ вы его насилуете, дотого, что читатель долженъ затыкать себѣ уши. Нѣтъ. г. Баженовъ, не того требуемъ мы отъ перевода!—дайте намъ духъ переводимаго поэта, сообщите намъ всю эссенцію, весь букетъ его поэзіи — и мы вамъ будемъ безконечно благодарны. Тутъ вовсе не нужна буквальная близость къ подлиннику: умѣйте своими словами сказать то, что хотѣлъ сказать поэтъ — и довольно; дѣло ваше покончено совершенно. Василій Курочкинъ, напримѣръ, не буквально же переводилъ Беранже, онъ передавалъ намъ его совсѣмъ по-своему, а между тѣмъ въ этихъ переводахъ вамъ невольно, инстинктивно чуется духъ французскаго поэта;—вотъ чего хотимъ мы отъ перевода! А у васъ Анакреона и тѣни нѣтъ! И вотъ почему одной строки Мея или Майкова, въ ихъ скорѣе подражаніяхъ Анакреону, чѣмъ переводахъ его, мы не отдадимъ за всю вашу книжонку, да и за сотни подобныхъ, будь онѣ сдѣланы самыми отличнѣйшимъ образомъ набальзамированными схоластикой трупами профессоровъ всѣхъ россійскихъ и германскихъ университетовъ.

О стихахъ г. Баженова мы болѣе не скажемъ ни слова; но о его примѣчаніяхъ къ своимъ искаженіямъ не можемъ отказать себѣ въ неудовольствіи поговорить хотя нѣсколько.

Примѣчанія г. Баженова наивны до... до не знаю чего! до самаго тупаго профессорскаго педантизма, наивны до ученой академіи, начиненной Нѣмцами.

Мы не будемъ излишне останавливаться на каждомъ изъ приводимыхъ здѣсь примѣчаній, потому что говорить что либо противу нихъ или спорить съ ними было бы смѣшно и точно также наивно;

мы только выпишемъ нѣкоторыя изъ нихъ подъ нумерами; — они столь краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что не требуютъ ровно никакихъ поясненій.

Вотъ вамъ, для примѣра № 1:

Стр. 60. Примѣчаніе къ 1 одѣ: «Этой одѣ подражали: Віонъ (буколическій поэтъ, жившій въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х.), Горацій (въ трехъ мѣстахъ,) Овидій (также въ трехъ мѣстахъ), Байронъ, у насъ Ломоносовъ и Державинъ.»

Не правда ли, какое интересное, живое свѣдѣніе, а главное, какъ оно нужно, какъ идетъ къ дѣлу, какъ много открываетъ оно намъ и какъ отражается въ немъ ученость и начитанность г. Баженова, заимствованная на-прокатъ у какого нибудь нѣмецкаго коментатора Анакреона! Но далѣе:

№ 2: стр. 62. прим. къ III одѣ: «*Для чего мой сонъ тревожить?*... Поэтъ негодуетъ на то, что его отрываютъ отъ сна; онъ сильно дорожитъ своими снами. (???). Черта весьма характеристическая. (!!!). *Отсюда мы можемъ заключить, что свѣтлы и сладки были ночныя грезы безпечнаго, веселаго поэта.* (Какое геніальное и глубоко-профессорское заключеніе!—Точь въ точь господинъ Л-инъ или Ш-анъ, съ г. Б-имъ — столпы латинитата и грецитата!— Это хоть бы и симъ геніямъ такъ въ пору!) Человѣкъ, обремененный заботами и предающійся сильнымъ страстямъ, или совсѣмъ не видитъ сновъ, или видитъ самые тяжелые, возмущающіе душевное спокойствіе; а у Анакреона не было ни большихъ заботъ, ни сильныхъ страстей; онъ какъ истинный Грекъ, былъ во всемъ умѣренъ (и «*аккуратенъ*» слѣдовало бы прибавить вамъ, въ подражаніе истымъ академическимъ Нѣмцамъ,) и потому-то дожилъ до такой завидной старости» (Вотъ вамъ и нравоученіе косвенное кстати!)

№ 3. Стр. 64. Прим. къ V одѣ: *На лотосовыхъ листьяхъ лежа*... Подъ лотосомъ *разумѣютъ* (т. е. велемудрые профессора и академики) здѣсь знаменитый египетскій водяной цвѣтокъ, которымъ вѣнчалась Изида; но самъ Анакреонъ говоритъ, что это была трава (Ποια). (Если это была трава, какъ говоритъ самъ Анакреонъ, то для чего же *разумѣть* знаменитый египетскій цвѣтокъ? Есть ли здѣсь хоть капля здраваго, живаго, но не схоластически профессорскаго смысла?) Теперь подъ именемъ лотоса въ ботаникѣ извѣстно до 40 породъ, (между которыми есть и кустарники). Какое ученое и идущее къ настоящему дѣлу свѣдѣніе! — вылитый г. Л-нъ!

№ 4. Стр. 66. прим. къ V одѣ: «*Розу пышную Эрота примѣшаемъ къ Діонису и прекраснолистной розой осѣнивъ чело*... Здѣсь поэтъ говоритъ о соединеніи вина и любви. Вакхъ, которому были посвящены также и розы, долженъ увѣнчать ими поэта, *чтобы привольнѣе ему было кружиться съ высокогрудой дѣвицей.*» (Это милое примѣчаніе и поясненій никакихъ не требуетъ.)

№ 5. Стр. 67, прим. къ VI одѣ: *Пьемъ и весело смѣемся*... Анакреонъ и возлежащіе съ нимъ за пиршественнымъ столомъ пьютъ вино (sic!), но пьютъ умѣренно, не упиваясь, а только веселѣе отъ этого. Такого рода пьянство дозволяетъ и Платонъ. (Опять-таки вылитые представители древней филологіи! Такъ и кажется, будто не г. Баженовъ, а сей многоученый тріумвиратъ изрѣкаетъ эти высокоразумныя и глубокоученыя истины!

Но вотъ опять встрѣчается намъ примѣчаніе—№ 6, по нашему счету, примѣчаніе, которое по своему остроумію и глубинѣ только единственный, несравненный господинъ Л. и могъ сдѣлать съ высоты своего филогогическаго величія: стр. 71, прим. къ IX одѣ: «Напьюсь и прыгать стану...» (у Анакреона это говоритъ голубка) «Голубка, часто видя своего господина танцующимъ, сама выучилась прыгать и, какъ видно, находитъ въ томъ удовольствіе.» (Съ наивностью этого примѣчанія ужъ ничто достойно не можетъ сравниться, исключая развѣ глубоко-ученыхъ примѣчаній, изрѣкаемыхъ нашимъ профессорскимъ тріумвиратомъ—онъ только и можетъ со славой и честью потягаться съ г. Баженовымъ!» № 7. Стр. 108, прим. къ XLIII. одѣ: «Съ какою любовью останавливается свѣтлый взоръ поэта даже на такомъ маленькомъ насѣкомомъ, какъ древесная цикада (родъ кузнечика)! Какъ мило своимъ привѣтливымъ словомъ съумѣлъ онъ обласкать ее въ этой пѣсенкѣ!—На всё симпатично откликается прекрасная душа его. «Блаженъ человѣкъ, иже и скоты милуетъ!» Это послѣднее замѣчаніе дѣлаемъ не мы, а г. Баженовъ; это онъ приводитъ текстъ писанія и потому мы просимъ читателя не принять его за насмѣшку надъ его словами съ нашей стороны. Если въ нихъ и есть какая насмѣшка, то г. Баженовъ, самъ того не подозрѣвая, совершенно невинно дѣлаетъ ее надъ собой. Прибавлять же что либо еще ко всѣмъ этимъ примѣчаніямъ, мы не находимъ нужнымъ, да и что еще можно сказать объ нихъ! Это надо предоставить господамъ Л–ну. и К° — пусть они въ глубинѣ своихъ многоученыхъ академическихъ и профессорскихъ душъ достойно наслаждаются твореніями

родственнаго имъ по духу г. Баженова; а мы на этотъ разъ «оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ.» Но грустныя воспоминанія вызвали въ насъ эти коментаріи... Они напомнили намъ то золотое и полное блестящихъ упованій время, когда мы, только что еще надѣвъ синіе воротники, съ пламеннымъ энтузіазмомъ стремились на скамейки аудиторіи, съ чаяніемъ услышать живое слово жизни и науки, и гдѣ вдругъ повѣяло на насъ гнилымъ, гробовымъ холодомъ филологической и всякой другой схоластики многоученаго тріумвирата... Вспомнили мы, что и насъ когда-то пичкали подобными же пустыми и наивными примѣчаніями, съ заносчивымъ и кичливымъ чванствомъ выдаваемыми за *науку*... вы хотите познакомиться съ поэтомъ, а вамъ говорятъ, что не поэтъ важенъ, а грамматическія особенности его мысли и формы. Боже мой! съ какимъ разочарованіемъ, съ какою болью въ душѣ, сжимающимъ холодомъ въ разсудкѣ бѣжали мы изъ тѣхъ самыхъ аудиторій, въ которыя такъ пламенно стремились, съ жаждою жизни, науки и истины!... И что̀ вынесли мы изъ этихъ аудиторій, отъ этихъ живыхъ мертвецовъ?—Грустно, горько и больно становится, какъ вспомнишь объ этомъ... И еслибы не эти воспоминанія, мы бы, быть можетъ, прошли совершеннымъ молчаніемъ ничтожную книжонку господина Баженова.

Дѣтская книжка, составленная А. Плещеевымъ и Ѳ. Бергомъ. Москва. 1861. Цѣна 75 коп.

При взглядѣ на нашу бѣдную дѣтскую литературу, т. е. литературу для дѣтей, намъ становится всегда грустно; мы невольно представляемъ себѣ положеніе русскаго ребенка, его распускающіяся силы, обстановку его воспитанія и затѣмъ примѣненіе его къ самой жизни. Намъ хотѣлось бы серьезно спросить: зачѣмъ воспитывается русское дитя, еслибъ даже воспитаніе его равнялось питанію рѣпы и капусты? Гдѣ цѣль этого, такъ называемаго, образованія и развитія на-

шихъ молодыхъ людей, нашихъ милыхъ и добрыхъ дѣвушекъ?—Сдѣлать людьми, отвѣчаютъ намъ ихъ наивные и незамысловатые родители. — Да перестанемъ же наконецъ лицемѣрить хоть въ этомъ святомъ вопросѣ! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, мы ищемъ людей? Неужели они намъ нужны? Зачѣмъ же мы гонимъ ихъ вездѣ, гдѣ только начинаетъ дѣйствовать *человѣкъ*? Зачѣмъ мы такъ равнодушны ко всему, что есть умнаго, даровитаго и честнаго у насъ? Посмотрите кругомъ, — и скажите по совѣсти: кто успѣваетъ въ жизни, кто пользуется ея наслажденіями, кто имѣетъ право на вниманіе общества, на семейное счастіе и спокойствіе? — Ужъ не это ли истинные люди, отцы отечества — эти сверстники Фамусовыхъ, Чичиковыхъ и Большовыхъ? Ужъ не для этого ли торжествующаго самодурства намъ понадобилось воспитаніе?

И позвольте спросить: въ силу какихъ нравственныхъ началъ мы подвигаемся на житейскомъ поприщѣ впередъ? Ужъ не въ силу ли знанія благородныхъ стремленій и характера? Кажется, намъ хорошо извѣстно, при какихъ условіяхъ и съ какими понятіями мы вступаемъ въ жизнь. Зато, правда, и жизнь удовлотворяетъ насъ немногимъ. Иной цѣлые десятки лѣтъ истрачиваетъ на то, чтобъ добиться *теплаго мѣстечка*; другой всѣ помыслы направляетъ къ тому, чтобъ понравиться своему покровителю по канцелярскимъ подвигамъ и, прежде чѣмъ пробьется его молодая сила наружу, онъ состарится до отвратительной дряхлости, до самоумерщвленія въ себѣ всякаго человѣческаго чувства; иной вообразитъ себя художникомъ, государственнымъ дѣятелемъ, поэтомъ и героемъ, а какъ дойдетъ очередь до самаго дѣла,—смотришь, а это пузырь, пустой и надутый пузырь. Отчего это? Пора признаться, что самая жизнь не даетъ намъ полнаго содержанія, и потому мы подъ именемъ людей воспитываемъ разныя вѣшалки для вывѣтриванія разныхъ джентльменскихъ костюмовъ.

Воспитаніе всегда и вездѣ было органомъ народныхъ потребностей, соединяющимъ фокусомъ всѣхъ идей, направленій и преобладающихъ принциповъ того общества и той эпохи, которыя относились къ нему съ запросомъ дѣйствующихъ силъ и прогресса. Отъ воспитанія можно всего ожидать, но только тогда, когда самая жизнь требуетъ его помощи и содѣйствія. А намъ къ чему оно? Мы желаемъ рутины, она въѣлась въ нашу плоть и кровь и мы совершенно довольны этой рутиной: къ–чему же намъ глубоко разработывать въ себѣ умственныя силы, къ–чему тратить время и здоровье на трудъ,

на самопожертвованіе, когда *бабушка поворожитъ*, и мы вполнѣ счастливы жизнью. Кромѣ того, замѣчу, что хорошее воспитаніе общества всегда начиналось съ женщины Ея вліяніе, ея любящее сердце, самая красота ея необходимы въ нравственномъ преобразованіи народа. Ну, а мы какихъ особенныхъ достоинствъ требуемъ отъ нашей матроны? Въ десять лѣтъ ея возраста — безусловнаго повиновенія нашимъ заскорзлымъ предразсудкамъ и капризамъ, въ пятнадцать лѣтъ — умѣнья танцовать и говорить по-французски, въ восемнадцать — животной ловкости выйдти замужъ и въ двадцать лѣтъ опять повиновенія супружеской власти. Для всего этого вовсе ненужно воспитанія, въ собственномъ значеніи этого слова. Скажу больше, оно даже можетъ обратиться во вредъ, потому что богатое внутреннее содержаніе при столкновеніи съ пустой дѣйствительностью, обыкновенно, не выноситъ своего собственнаго бремени и гибнетъ. Чтобъ воспитать Елену, надо прежде приготовить Инсарова, чтобъ спасти Лизу отъ бѣгства въ монастырь, надо сначала вымести нашъ общественный дворъ отъ Паншиныхъ и г-жъ Лаврецкихъ, словомъ, надо приготовить другую почву и другую атмосферу, чѣмъ та, которой мы дышемъ. Вообразимъ, что кругомъ насъ нѣтъ другихъ женщинъ, кромѣ высокоразвитыхъ, глубоко-нравственныхъ, съ пламенной жаждой дѣятельности и добра. Спрашивается, для кого онѣ призваны къ жизни? Для Собакевичей, Жевакиныхъ и тому подобной моли въ нашемъ домашнемъ обиходѣ; вѣдь нельзя же, не отказавшись отъ здраваго смысла, требовать, чтобъ ихъ поняли, оцѣнили и искренно полюбили эти господа Курнатовскіе, которые и себя-то понимать не могутъ. Послѣ этого, какъ хорошенько подумаешь, такъ и согласишься, что кромѣ французскаго лепета да умѣнья отплясать вальсъ отъ нашей женщины общество не вправѣ требовать другихъ качествъ, т. е. оно пока не нуждается въ нихъ.

Мы имѣемъ одно неотъемлемое достоинство, а именно то, что во всемъ обгоняемъ факты и надъ пошленькой дѣйствительностью строимъ идеальные замки. У насъ болѣе пятидесяти милліоновъ безграмотныхъ людей, а мы сочиняемъ народную литературу; у насъ нѣтъ воспитанныхъ дѣтей, а есть воскормленные мальчики и дѣвушки, и мы спѣшимъ составлять дѣтскія книги. Поэтому идея и дѣло у насъ идутъ врознь, и часто становятся въ совершенное противорѣчіе другъ другу. За дѣтскую литературу у насъ, обыкновенно, берутся люди, которымъ не мѣшало бы самимъ чему нибудь поучиться, вмѣсто того, чтобъ

учить другихъ; неудивительно, если между дѣтскими книгами встрѣчается такой соръ, послѣ какого можно отдохнуть мыслью даже на затхлой и покрытой плѣсенью морали г. Аскоченскаго.

Но тѣмъ отраднѣе встрѣтиться, какъ бы случайно, съ хорошей книгой въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы. Къ числу такихъ счастливыхъ исключеній мы съ удовольствіемъ относимъ «дѣтскую книжку» Плещеева и Ѳ. Берга.

«Дѣтская книжка» Плещеева и Ѳ. Берга составляетъ въ этомъ ряду отрадное исключеніе. Здѣсь встрѣтите вы и небольшіе поэтическіе разсказы Андерсена и прелестныя по своей наивной и задушевной простотѣ сказки Гримма, и два изъ лучшихъ стихотвореній Плещеева: «Весна» и «Сельская пѣсня»: «Если воловъ я не такъ запрягаю» и т. д. и нѣсколько еще прозаическихъ и стихотворыхъ отрывковъ, которые какъ нельзя лучше принаровлены къ дѣтскому пониманію, сохраняя тѣмъ не менѣе всю прелесть своего поэтическаго достоинства и для взрослыхъ. И съ этимъ драгоцѣннымъ качествомъ, во всякой изъ нихъ неразлучна гуманная ·мысль, которая незамѣтно и легко сама собою западая въ душу ребенка, подготовляетъ въ ней человѣчный, истинный и здоровый взглядъ на вещи. Вообще, нельзя не привѣтствовать отъ души появленіе такой книжки, какъ разбираемая нами, тѣмъ болѣе, что ужъ давно желательно было, чтобы за составленіе книхъ для дѣтскаго возраста, если не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ, подобныхъ этой, принялись наши литераторы; — дѣти отъ этого были бы въ положительномъ выигрышѣ. Тогда по крайней мѣрѣ не пичкали бы ихъ бѣдныя головы такими идіотскими издѣліями, какъ «Строптивый Николинька и чистосердечная и опрятная маменька», или «Доброжелательный помѣщикъ Модестъ Добросердовъ» и т. п. скука, сушь и пошлость которыхъ замѣчались самими же дѣтьми; тогда бы хотя нѣсколько прекратилось систематическое оболваниваніе русскихъ дѣтей, начинаемое обыкновенно чуть–что не съ перваго возраста ихъ. Прочтя «Дѣтскую книжку» Плещеева и Берга, мы увѣрены, въ ребенкѣ явится охота къ чтенію. Онъ полюбитъ его, а не отвернется отъ книги съ непреодолимымъ отвращеніемъ, что по большей части было до сихъ поръ.

Чтобъ ближе познакомить читателя съ характеромъ и направленіемъ разбираемаго нами изданія, мы приведемъ здѣсь одинъ или два небольшихъ отрывка. Вотъ напримѣръ «Пѣсня птички,» маленькая сказка Андерсена.

«Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большаго венгерскаго города сидѣлъ бѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Вмѣсто постели ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много уже лѣтъ — блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко; свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму. Печально думалъ онъ о милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что можетъ быть давно всѣ уже забыли его, считая умершимъ. Что дѣлается на землѣ, на родинѣ?

Онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній вечеръ. Солнце садилось за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины; люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрьма была высоко и люди казались внизу маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его не услышалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролетѣлъ орелъ.

— Орелъ, орелъ! закричалъ ему заключенный, сядь ко мнѣ на окошко, разскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню!

— Нѣтъ, отвѣчалъ орелъ, окно твое очень мало — мнѣ не гдѣ сѣсть. Я не разскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подалше отъ злыхъ людей, чтобы они не разорили мое гнѣздо. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко, высоко и мои пѣсни слышитъ только вѣчное солнце....

И могучими взмахами широкихъ крыльевъ орелъ гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

— Лебедь, лебедь! разскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню!

— Нѣтъ, отвѣчалъ лебедь, я не разскажу, что дѣлается на землѣ. Я плаваю всегда въ водѣ, чистой, прохладной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода станетъ розовая утромъ на зарѣ, я громко кричу зарѣ: «здравствуй!» Я не спою тебѣ пѣсни, — я спою пѣсню, когда стану умирать....

И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

— Воробушки, воробушки, сядьте на окошко, разскажите, что дѣлается на землѣ! Спойте пѣсенку!

— Чиликъ, чиликъ! мы пѣть не умѣемъ. Чиликъ, чиликъ!

намъ некогда! Намъ еще нужно поклевать зернушекъ, которыя мельникъ нечаянно разсыпалъ....

Но вдругъ порхнула сѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушекъ! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣщаешь меня! Разскажи, что дѣлается на землѣ, спой мнѣ пѣсенку!

— Я разскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, я спою тебѣ пѣсенку, началъ соловушекъ.

И полились такіе звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому и все плакалъ, и все слушалъ..

«Вчера утромъ на зарѣ, — пѣлъ соловушекъ, — было такъ свѣжо и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему дому, сѣлъ на зеленый, орѣховый кустъ, передъ раскрытымъ окошкомъ и все пѣлъ и пѣлъ. Въ колыбелькѣ спалъ твой малютка, — онъ раскрылъ свои большие свѣтлые глазки и спрашивалъ: «гдѣ папа? гдѣ папа?» и слушалъ мои пѣсни....

«Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень хотятъ тебя увидѣть. Не унывай, Богъ видитъ, какъ ты невиненъ: злые люди отпустятъ тебя и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на воздухъ.

«И дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Будетъ тихій лѣтній вечеръ, длинныя тѣни потянутся отъ деревьевъ, на солнцѣ засверкаютъ стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ разсказыватъ дѣтямъ, какъ ты страдалъ.

«Будешь ихъ учить, чтобы они, когда выростутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла, чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога сдѣлать ихъ добрыми, просили бы Бога, чтобы всѣ люди любили другъ друга, какъ братъ брата...

«И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они выростутъ, ты увидишь ихъ добрыми и честными, увидишь, какъ они будутъ помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться!

«И когда ты умрешь, всѣ будутъ о тебѣ плакать и молиться и понесутъ тебя на зеленое кладбище, въ свѣтлый, солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой»....

Вотъ и вся сказка, которая, право, не знаешь, что болѣе: сказка

или лирическій откликъ доброй души поэта, вылившійся въ прозаической формѣ? А сколько въ ней при самой наивной задушевной поэзіи такихъ сторонъ, которыя затрогиваютъ душу ребенка и будятъ въ ней добрые, честные инстинкты! И это дѣлается не вынужденно, не натянуто, а совершенно просто, нормально и естественно, вытекая прямо изъ сущности незатѣйливаго и поэтическаго разсказа, который съумѣлъ попасть въ живую жилу свѣжаго и чуткаго дѣтскаго пониманія, съумѣлъ живо и сочувственно затронуть струны дѣтской души, въ которой непремѣнно пробудится возбужденное имъ гуманное чувство. Вотъ еще для большей характеристики книжки Плещеева и Берга одинъ маленькій отрывокъ изъ сказки Эжезипа Моро — «Бѣлая мышка».

«Это было во Франціи, при старомъ королѣ Людовикѣ Одиннадцатомъ и при сынѣ его молодомъ дофинѣ Карлѣ.

Старый король, больной и подозрительный, безпрестанно боялся, что его убьютъ и потому никогда не выходилъ изъ-за толстыхъ и крѣпкихъ стѣнъ своего замка Плесси. Но въ половинѣ 1483 года онъ поѣхалъ въ Клери на поклоненіе образу Божіей Матери; съ нимъ поѣхали — палачъ его Тристанъ, докторъ Куатье и духовникъ Франдискъ де-Поль: старый злой король одинаково боялся людей, смерти и Бога. Кто добръ, тому нечего бояться!

Тяжелыхъ преступленій было много на совѣсти короля, но больше всего его мучило воспоминаніе объ казни герцога немурскаго. Герцогъ возсталъ противъ короля за его жестокость и былъ за это казненъ на эшафотѣ.

Жестокій король заставилъ маленькихъ дѣтей герцога смотрѣть на казнь отца. Потомъ одного изъ нихъ заключилъ въ тюрьму. Въ то время, какъ король отмаливалъ свои грѣхи и каялся въ нихъ, невинный сынъ покойнаго герцога чахъ и томился въ одной изъ сырыхъ подземельныхъ темницъ замка Плесси. Страшенъ и таинственъ былъ этотъ замокъ. Онъ былъ похожъ на крѣпость и монастырь: въ корридорахъ его мелькали черныя рясы монаховъ, на дворѣ звенѣло и блистало оружіе солдатъ; въ часовняхъ безпрестанно совершалось богослуженіе; подъемные мосты цѣлый день гремѣли совоими цѣпями.

Его огромныя залы были и мрачны, и безмолвны, какъ могильные склепы: въ нихъ говорили шопотомъ и ходили на цыпочкахъ. Сотни несчастныхъ стонали заживо схороненные въ подземельяхъ: одни за непочтительные отзывы о королѣ, другіе за смѣлыя рѣчи о

несчастіяхъ народа. Большею же частью по одному капризу короля были они лишены свободы и свѣта, если не жизни.

Каждая плита въ полу замка была могильнымъ памятникомъ живаго мертвеца.

Въ этомъ-то замкѣ росъ двѣнадцатилѣтній дофинъ Карлъ. Дѣятельный умъ его скучалъ въ праздности, пылкая и добрая душа томилась въ одиночествѣ. Бѣдный королевскій сынъ! Напрасно хотѣли глаза его отдохнуть отъ окружавшихъ его ужасовъ. Зеленый и густой лѣсъ шумѣлъ вокругъ замка, но на дубахъ его было больше повѣшенныхъ, чѣмъ желудей. Луара игриво извивалась на краю горизонта, но всякую ночь волны ея обагрялись кровью жертвы жестокаго короля — отца его...

И такъ однообразно тянулись дни дофина: онъ—то колотилъ дѣтской саблей въ стѣну залы, то читалъ по складамъ, всматриваясь въ красныя и синія буквы евангелія, то стоялъ у окна, задумчиво смотря на свѣтлое, чудное небо и облака, и ему казалось, что облака эти похожи на толпы людей и лошадей — точно сражаются эти люди при заревѣ вечерней зари»....

Хотя бы и двухъ, сдѣланныхъ нами выписокъ достаточно было для опредѣленія характера и направленія книжки Плещеева и Берга, но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи, указать читателямъ на одно маленькое, прелестное стихотвореніе, встрѣтившееся намъ въ книжкѣ, это — «Два соловья» изъ Эленшлегера. Переводъ принадлежитъ г. Ѳ. Бергу. Мы приводимъ его здѣсь:

Соловей поутру къ соловью летитъ —
«Какъ я пѣлъ сегодня!» соловью кричитъ.
«Пѣлъ я вплоть до утра въ княжескомъ саду,
Въ островкѣ зеленомъ, на большомъ пруду.
«Пѣлъ я громко, звонко пѣсенку свою —
Для людей счастливыхъ я ее пою.
«Что за садъ роскошный! Что тамъ за цвѣты!
Разскажи: гдѣ ночью пѣлъ сегодня ты?»
И разсказъ свой грустный началъ соловей:
— Я леталъ далеко средь пустыхъ полей,
Подъ плакучей ивой пахарь отдыхалъ —
Въ полѣ томъ бѣдняжка цѣлый день пахалъ.
Тяжела работа, теменъ бѣлый свѣтъ!
Дома дѣти плачутъ — дѣтямъ хлѣба нѣтъ.

Пѣлъ ему я долго пѣсенку свою:
Не счастливымъ, бѣднымъ я ее пою!

Такимъ честнымъ направленіемъ проникнута «Дѣтская книжка». И она вполнѣ достигаетъ своей цѣли, потому что производитъ то впечатлѣніе, которое имѣли въ виду ея составители. Сочувствіе ко всему доброму и угнетенному, и ненависть ко всякому гнету и порабощенію, поэзія самая чистая, теплая и гуманная, и наконецъ самая доступная дѣтскому пониманію—вотъ отличительныя черты этого изданія. Мы отъ всей души желаемъ, чтобъ съ легкой руки гг. Плещеева и Берга почаще появлялись такія умныя книжки. Пора же наконецъ говорить правду нашимъ дѣтямъ. Надо вселять въ нихъ наконецъ, что ближній есть дѣйствительно ближній и братъ нашъ. Нужно, повторяемъ мы, чтобы дѣти заранѣе знакомились съ бытомъ народа, и съ его нуждами, чтобы они полюбили и поняли его, а для этого въ свою очередь придется на будущее время не ограничиваться одними переводами, хотя и прекрасными въ своей сущности, а оглядѣться вокругъ да поискать чего нибудь поближе, въ нѣдрахъ нашей русской жизни и русскаго люда, къ которому прежде всего и первую искру сочувствія и любви необходимо заронить въ дѣтяхъ.

ВС. К—ОВСКІЙ.

Моимъ Критикамъ.

Sine ira...

I.

Два значительные органа петербургкой журналистики отнеслись очень неблагопріятно о направленіи моихъ трудовъ. Г. Антоновичъ въ «Современникѣ» разобралъ цѣлый рядъ моихъ статей съ цѣлью доказать несостоятельность и внутреннее противурѣчіе моихъ воззрѣній. Г. Писаревъ «въ Русскомъ Словѣ» отвелъ мнѣ уголокъ въ своей картинѣ схоластики XIX вѣка. Мнѣ хотѣлось бы отвѣчать подробно обоимъ моимъ критикамъ, но подробный отвѣтъ требуетъ значительнаго времени, котораго я теперь не могу удѣлить на полемическую статью. Если г. Антоновичъ мнѣ между прочимъ выговаривалъ, что я «наводнилъ своими статьями почти всѣ наши толстые журналы (*)» то онъ можетъ успокоиться: можетъ быть весьма надолго я долженъ буду очень ограничить свое участіе въ журналахъ. Этому отвѣту, вынужденному обстоятельствами, я постараюсь придать возможно ограниченный размѣръ, и потому, къ большому моему сожалѣнію, ему не будетъ доставать надлежащей полноты. Отвѣчаю потому, что считаю необходимымъ предохранить читателей отъ нѣкоторыхъ невѣрныхъ истолкованій моихъ мыслей, неточныхъ сближеній моихъ выраженій, и излишне поспѣшнаго объясненія моихъ мнѣній въ смыслѣ, котораго я не могу допустить не въ интересахъ самолюбія, а въ интересахъ истины. На всѣ частности нападеній отвѣчать я не буду, но возразивъ на главные пункты, постараюсь

(*) По пути исправляю ариѳметическую ошибку моего критика: изъ 6 петербургскихъ и 2 московскихъ толстыхъ журналовъ лишь въ трехъ журналахъ я помѣщалъ до сихъ поръ статьи; $^3/_8$ не только не близко къ 1, но менѣе $^1/_2$.

показать, почему я вижу въ данной системѣ единственно главную и единственно возможную въ наше время точку зрѣнія на вопросы науки, искусства и жизни.

Во первыхъ, по пути, отклоняю возраженіе г. Писарева о томъ, что въ моихъ бесѣдахъ о современномъ значеніи философіи я намѣренъ былъ изложить вполнѣ свою систему. Начиная бесѣды съ публикою, которой въ продолженіе очень долгаго времени ничего не говорили о философіи, я хотѣлъ только указать на нѣкоторые вопросы и устранить нѣкоторые грубые предразсудки, вкравшіеся какъ въ исторію предмета, такъ и въ общественный взглядъ на него. Я считалъ своею обязанностью говорить объ начальныхъ понятіяхъ (которыя, по мнѣнію моего рецензента, преподаются въ каждой гимназіи) потому что эти начала весьма плохо извѣстны. Можетъ быть г. Писаревъ такъ счастливъ, что слышалъ превосходное изложеніе логики и психологіи, но за большинство публики можно совершенно поручиться: если кто занимался логикой и психологіей въ среднихъ или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то преимущественно по тетрадкамъ, гдѣ современно-научные вопросы играли самую жалкую роль. Мимоходомъ сказать и то, что настоящее разграниченіе и методика психологіи и логики именно въ наше время составляютъ одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ, и тотъ, кто бы построилъ дѣйствительно-полную, научно-основательную систему этихъ предметовъ, оказалъ бы весьма важную заслугу современности. Если мнѣ удалось заинтересовать слушателей указаніями на вопросы, возбуждающіеся при философскомъ воззрѣніи на предметы, если удалось возбудить въ иныхъ желаніе заняться и подумать объ этомъ дѣлѣ, то моя цѣль достигнута. Мнѣ было бы весьма пріятно, если кромѣ того, мнѣ удалось убѣдить кого либо изъ моихъ слушателей, что философія не есть какая либо отдѣльная наука, но, подобно поэзіи, результатъ одного изъ процессовъ нашего духа, результатъ, доставляющій цѣльность и единство научнымъ свѣдѣніямъ, одушевляющій формы искусства, осмысливающій процессъ жизни; что всѣ метафизическія теоріи или философскія системы суть различныя воззрѣнія на тѣ же факты науки, но разсмотрѣнные съ различныхъ точекъ зрѣнія; что всѣ нравственные идеалы въ ихъ разнообразіи не противурѣчатъ началу наслажденія, но суть только разнообразныя его развитія; что критика есть всегдашнее право и обязанность человѣка относительно всего что его окружаетъ въ мірѣ науки, искуства и жизни; что въ односторонно-

сти нравственныхъ идеаловъ, въ ихъ перенесенiи изъ одной сферы въ другую заключается главная масса зла и страданiй жизни и т. д.— Публичныя лекцiи, по моему взгляду на предметъ, могутъ имѣть цѣлью не строго научное построенiе выводовъ, но возбужденiе въ слушателяхъ интереса къ нѣкоторому роду занятiй. Публичная лекцiя должна быть такова, чтобы слушатель, почти не приготовленный, могъ на ней присутствовать, не бывъ ни на предъидущей, ни на послѣдующей, чтобы онъ вышелъ изъ нея съ *вопросами* возбужденными ею въ немъ, вопросами, о которыхъ онъ прежде не думалъ. Для строго-систематическаго построенiя есть спецiальныя лекцiи, требующiя постояннаго посѣщенiя, спецiальныя сочиненiя, требующiя внимательнаго и послѣдовательнаго чтенiя, извѣстной подготовки и т. п. Но перехожу къ самому дѣлу.

Есть два рода философскихъ системъ, противъ которыхъ приходится спорить: однѣ прямо отжившiя и носящiя въ себѣ на каждомъ шагу внутреннее противорѣчiе, подмазываемое разными средствами; другiя, болѣе послѣдовательныя, но страдающiя неполнотою—и которыя потому лишь недостаточны, что не обнимаютъ вопросовъ, неизбѣжныхъ въ каждой философской системѣ. Эти послѣднiя самыя упорныя, и людей, стоящихъ на этой точкѣ зрѣнiя, всего неудобнѣе убѣждать. Для нихъ все связано въ ихъ теорiи и они видятъ непослѣдовательность во взглядахъ, гдѣ дается значенiе и тѣмъ неопровержимымъ фактамъ, которые у нихъ остаются въ сторонѣ.

Къ школѣ перваго рода принадлежитъ группа нѣмецкихъ писателей, которыхъ я разбиралъ въ «Русскомъ Словѣ», въ статьѣ 1859 г.; сюда же принадлежитъ г. Новицкiй, о сочиненiи котораго я помѣстилъ статью въ томъ же журналѣ въ нынѣшнемъ году. Идеализмъ Гегеля и матерiализмъ составляютъ въ наше время двѣ школы втораго рода; первая отжила исторически, но еще не побѣждена философски, потому что нѣтъ утвердившейся теорiи, обхватывающей ее, какъ часть болѣе полнаго цѣлаго. Вторая сильна своимъ современнымъ историческимъ значенiемъ. Чрезвычайно простая и наглядная, чуждая всѣхъ уступокъ, отличное орудiе въ борьбѣ противу всѣхъ существующихъ предразсудковъ и господствующихъ идеаловъ, она привлекаетъ симпатiи большинства живаго современнаго поколѣнiя и стремится утвердиться съ тою исключительностью, которая свойственна всякому ученiю, выносимому исторической волной на поверхность современной жизни. Эта школа выставила обоихъ моихъ оппонентовъ, но послѣднiй, г. Ни-

саревъ, высказалъ съ бо̀льшею откровенностью главный аргументъ школы. Она современна и подходитъ, по его мнѣнію, къ духу русскаго народа; поэтому онъ полагаетъ, что всѣ другія школы должны умолкнуть и спорить съ ними не стоитъ. Объ умозрительной философіи и говорить не современно. Вотъ мое мнѣніе... вы скажите ваше... а спорить намъ не для чего. Читатели рѣшатъ дѣло. Устраненіе самаго спора, борьбы мысли, индефферентизмъ къ результату, презрѣніе ко всевозможнымъ аргументамъ, когда большинство лицъ, непривыкшихъ къ аргументаціи, на нашей сторонѣ,—это очень обыкновенное явленіе въ борьбѣ школъ, и я считаю, что это едва ли въ самомъ дѣлѣ не выгоднѣйшій маневръ матеріализма въ борьбѣ съ современными противниками. Съ спиритуалистами легко возиться, но діалектика идеалистовъ нѣсколько покрѣпче; по крайней мѣрѣ я съ нетерпѣніемъ ожидаю отвѣта моихъ философскихъ оппонентовъ статьѣ г. Юркевича (*) хотя сомнѣваюсь, чтобы они дали надлежащій отвѣтъ, возражающій аргументъ за аргументомъ, а не отзывающійся о цѣломъ по нѣсколькимъ отрывочнымъ фразамъ. Впрочемъ г. Писаревъ вѣроятно найдетъ, что не стоитъ терять время на *словопренія*. Статья г. Юркевича сама довольно длинна и обыкновенными журнальными читателями будетъ вовсе оставлена въ сторонѣ, даже въ извлеченіи сдѣланномъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Она на публику впечатлѣнія не произведетъ и можно будетъ повторить снова: *физіологія доказала* то-то и то-то, предоставляя читателямъ вѣрить на слово, что подобное доказательство существуетъ; аргументы же г. Юркевича можно пропустить мимо ушей. Въ борьбѣ жизни не всегда писатель имѣетъ время отдать самому себѣ добросовѣстный отчетъ, выслушалъ и опровергъ ли онъ *для себя* возраженія противниковъ. Проще ихъ не слушать.

Когда я писалъ объ Гегелизмѣ и матеріализмѣ (въ статьяхъ требующихъ теперь значительной переработки,) я не становился на точку зрѣнія какой либо философской системы. Я старался лишь съ культурно-исторической точки зрѣнія, при помощи сочиненій, въ большинствѣ недоступныхъ публикѣ, показать на какихъ пунктахъ идетъ

(*) Его имя, по непонятному забвенію, не упомянулъ ни г. Антоновичъ ни г. Писаревъ въ своихъ обзорахъ русской философіи, точно также какъ имя г. Гилярова-Платонова; т. е. забыли самыхъ сильныхъ нашихъ современныхъ діалектиковъ. Можно не раздѣлять ихъ взгляды, но умолчать—не слѣдовало.

*

борьба, гдѣ сила и слабость борющихся партій, но я принялъ тогда же одно руководящее начало: *скептицизмъ въ отношеніи всякой метафизической исторіи.* Вопросы о сущности вещей недоступны человѣку, который можетъ говорить только о явленіяхъ. Такъ какъ тутъ представляется одинъ изъ важныхъ пунктовъ нападенія г. Антоновича, то остановлюсь на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ естественно меня приводитъ къ основнымъ вопросамъ матеріализма.

Г. Антоновичь меня упрекаетъ, что, говоря о сущности, я нигдѣ не уясняю, какъ я ее понимаю: онъ въ этомъ правъ. Но зачѣмъ онъ, какъ мнѣ кажется, смѣшиваетъ *метафизическія* понятія о *сущности* съ *научными* понятіями о *законахъ* явленій, объ отвлеченныхъ *обобщеніяхъ* предметовъ и т. д. Возьмемъ примѣръ, чѣмъ я и пополню сдѣланное мною упущеніе относительно уясненія слова сущность, въ его разныхъ значеніяхъ. Я вижу блескъ, и спрашиваю: что это такое? Если мнѣ скажутъ: это свѣтовое явленіе, то собственно отвѣта никакого мнѣ не дали, потому что полученное ощущеніе блеска есть частный случай, подводимый подъ общее понятіе свѣтоваго явленія. Мнѣ могутъ отвѣтить: это явленіе космическое или атмосферическій метеоръ, или химическій процессъ, или субъективное явленіе. Все это научныя объясненія, т. е. приведеніе даннаго явленія къ другимъ, которыя показываютъ мнѣ мѣсто, гдѣ произошло явленіе, какія явленія ему *предшествовали*, и т. п. Иногда употребляютъ здѣсь слово *сущность* въ смыслѣ того, что разсматриваемое явленіе произошло отъ такого-то другаго явленія, такъ можно сказать: химическій процессъ составляетъ сущность пламени.— Подобное же *научное* значеніе имѣетъ слово сущность, когда математическое дѣйствіе мы сводимъ на простѣйшее (напр. умноженіе по своей сущности есть сложеніе равныхъ слагаемыхъ), когда выражаемъ общей формулой группу явленій (напр. сущность явленій тяжести составляетъ законъ, что ускоренія движеній обратно пропорціональны квадратамъ разстояній и т. д.) Все это научныя обобщенія которыя не суть миѳы, кумиры, но сознаются какъ формулы или сведенія одного представленія на другое, не болѣе. Они невыдѣлимы изъ происходящихъ явленій, служатъ для ихъ удобнѣйшаго представленія, удержанія въ памяти, введенія въ рядъ болѣе сложныхъ процессовъ, и до тѣхъ поръ существуютъ въ наукѣ, пока явленія подъ нихъ подходятъ; ихъ всегда можно повѣрить на данномъ частномъ случаѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, хотя по русски употребляется сло-

во сущность, но ему не соотвѣтствуетъ substance, substantia, а essence, essentia.—Сущность, какъ субстанція, принадлежитъ уже не наукѣ, но метафизическому построенію. Если на упомянутый выше вопросъ мнѣ отвѣтятъ: это волнообразное движеніе невѣсомаго тѣла наполняющаго вселенную—эѳира, или: это откровеніе существа, которое не принадлежитъ здѣшнему міру, но даетъ знаменіе о себѣ—въ обоихъ случаяхъ отвѣтъ относится къ метафизикѣ: я могу его принять или не принять по степени моего развитія, настроенія и т. д., но никогда не долженъ поставить въ ряду убѣжденій, на степень той достовѣрности, съ которой сужу о законахъ преломленія, отраженія и т. д. или той, съ которой я сознаlъ, что свѣтовое явленіе, субъективно или объективно, произошло дѣйствительно. Г. Антоновичъ напрасно полагалъ, что сознавая тождественность формулъ, помощью которыхъ можно съ одной стороны группировать всѣ обстоятельства свѣтовыхъ явленій, а съ другой вывести всѣ обстоятельства волнообразнаго движенія,—я этимъ самымъ сознаю существованіе эѳира: о послѣднемъ еще много будутъ толковать и онъ, какъ субстанція свѣта, будетъ вѣроятно всегда подлежать сомнѣнію. Точно также уже теперь большинство мыслящихъ людей не допускаетъ предположенія чтобы звуки, движенія и т. под. происходили отъ безтѣлесныхъ духовъ, предполагаемыхъ въ нѣкоторыхъ метафизическихъ представленіяхъ, но доказать можно только высшую степень невѣроятности этихъ представленій, а не ложность ихъ, такъ какъ подобныя сущности (субстанціи) не подлежатъ вовсе изслѣдованію. Вообще всякое явленіе мы можемъ опредѣлить обстоятельственно, пространственно, хронологически и генетически (какъ послѣдствіе другихъ явленій), но послѣднее опредѣленіе есть единственное научное *объясненіе* даннаго явленія. Всякое объясненіе, выводящее читателя изъ круга другъ друга порождающихъ явленій, есть уже объясненіе метафизическое, вопросъ о *сущности* вещей и входитъ въ науку, лишь какъ вспомогательное предположеніе, какъ связь между фактами науки, а не какъ фактъ науки.

Мнѣ могутъ возразить, и съ видимою справедливостью, что есть цѣлый разрядъ наукъ, толкующій не о явленіяхъ, ихъ преобразованіяхъ и условіяхъ, но о предметахъ, въ которыхъ эти явленія происходятъ: это науки, которыя въ прежнее время, а иногда и теперь, группируются подъ названіемъ *естественной исторіи*,—науки описательныя. Говоря что минералъ имѣетъ опредѣленный удѣльный

вѣсъ, лучепреломляющуюся способность, что растеніе или животное имѣетъ извѣстныя органическія отправленія, мы ставимъ на первое мѣсто предметъ, а не процессъ, не отправленіе, не явленіе. Правда; но предметы, о которыхъ мы говоримъ, лишь непривычному уму представляются, какъ нѣчто самостоятельное. Мы ихъ познаемъ, какъ повторяющуюся группу явленій, преимущественно же эти предметы служатъ намъ, какъ ограниченіе явленій въ пространствѣ. Пока мы употребляемъ предметъ, какъ вспомогательное понятіе, мы можемъ его разсматривать, какъ нѣчто цѣлое; но лишь мы подвергаемъ его прямому научному разбору, то мы говоримъ о его *признакахъ*, т. е., опредѣляемъ въ пространствѣ и во времени явленія, которыхъ группа составляетъ предметъ. Поэтому предметы входятъ въ науку именно такъ же, какъ входили законы обобщающіе явленіе, формулы служащія для удобнѣйшаго удержанія явленій въ памяти. Это — вспомогательныя средства науки, для изученія круга явленій переходящихъ одно въ другое: въ каждомъ частномъ случаѣ все это разлагается на самыя явленія въ ихъ реальности, и доставляетъ наукѣ единственный объектъ ея: *явленіе*, опредѣляемое въ его обстоятельствахъ, въ пространствѣ, во времени и въ его генетической зависимости отъ другихъ явленій. Поэтому можно сказать, что мы изъ явленій *строимъ предметы* и *законы* явленій.

(Замѣчу мимоходомъ, что я *никогда* и *нигдѣ* не сказалъ, что мы ихъ строимъ *произвольно*, *свободно*, какъ меня въ томъ обвиняетъ г. Антоновичъ. Введеніе этого *произвольно* въ мои слова есть клевета, и не совсѣмъ благовидная. Сама умозрительная философія, говоря о построеніи природы, вмѣсто ея изученія, говорила не о *произвольномъ* построеніи природы, а о выводѣ ея законовъ изъ *необходимыхъ* законовъ мышленія, предполагаемыхъ тождественными съ законами реальнаго міра. Единственная моя ошибка состоитъ въ томъ, что я, въ *двухъ разныхъ* сочиненіяхъ, писанныхъ въ *разное* время употребилъ слово *строить* въ двухъ разныхъ значеніяхъ. Говоря о психологіи (Отеч. Зап. 1860 г. № 4) я упрекалъ идеализмъ, что онъ *строитъ* міръ, не изучая его, т. е., предполагая тождественными законы мысли и законы реальныхъ процессовъ, пытается вывести систему міра изъ категорій мышленія. Говоря о способѣ познаванія на своихъ публичныхъ бесѣдахъ, я говорилъ о *построеніи* предметовъ и законовъ изъ явленій, какъ о необходимомъ вспомогательномъ средствѣ познаванія. Хотя слово было

то же, но полагаю, что внимательный и *добросовѣстный* читатель не смѣшалъ бы два разныя значенія и не сказалъ бы, что я тоже говорю: надо строить міръ, а не изучать его. Я приписываю это смѣшеніе или невниманію г. Антоновича или непривычкѣ различать разныя значенія того же слова, что весьма обыкновенно въ его лагерѣ. Что касается до приписыванія мнѣ мысли о *свободномъ* и *произвольномъ* построеніи предметовъ и законовъ, то я положительно это отвергаю, какъ клевету.)

Но, употребляя безпрестанно названіе предмета, мы привыкаемъ къ мышленію его, какъ чего-то самостоятельнаго, какъ *пребывающаго* и *постояннаго* при измѣненіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ; воображеніе наше рисуетъ намъ непрерывное бытіе предмета рядомъ съ измѣнчивостью явленій въ немъ происходящихъ и охотнѣе останавливается на томъ, что неизмѣнно; охотнѣе придаетъ ему высшее значеніе, сравнительно съ явленіями въ немъ происходящими. Вотъ здѣсь, когда мы, по закону нашего духа, стремящагося къ опредѣленности образовъ, ставимъ выше обобщающее представленіе предмета чѣмъ реальный процесъ явленій въ немъ происходящій, когда мы допускаемъ, что преимущественно-важенъ непрерывно-существующій предметъ, а не текущій рядъ явленій, когда мы допускаемъ, что первый имѣетъ самостоятельное бытіе, независимое отъ послѣдняго, тогда мы, изъ научной формулы, изъ обобщающаго представленія, сотворили миѳъ, кумиръ и перешли изъ науки, пользующейся формулами, въ метафизику, гдѣ формула пріобрѣла значеніе, ей непринадлежащее. Въ этомъ смыслѣ предметъ, разсматриваемый какъ нѣчто самостоятельное, въ которомъ явленія суть маловажные признаки, есть *сущность* явленій. Этого значенія своимъ формуламъ наука не придаетъ и не допускаетъ, и потому всякій вопросъ о метафизической сущности, т. е. всякое допущеніе для формулы самостоятельнаго бытія внѣ реальныхъ процессовъ ею обобщаемыхъ, не научно. Вотъ самое простое приложеніе правила: мы *сущности* вѣщей знать не можетъ, а знаемъ только ихъ явленія.

Но въ философскихъ системахъ ипостасированіе формулъ пошло дальше. Представленіе отдѣльнаго предмета еще служитъ къ опредѣленію явленій въ пространствѣ, а потому самое допущеніе самостоятельнаго бытія предметовъ внѣ явленій, сохранило въ себѣ геометрическое условіе для явленій, часто полезное при ихъ соображеніи. Но не остановливаясь на этихъ отдѣльныхъ сущностяхъ, метафизика

стала говорить о сущностяхъ, общихъ *всему*, что доступно нашему познанію. Здѣсь представленія отдѣльнаго предмета нѣтъ и быть не можетъ, потому что геометрическая опредѣленность пропала. Очевидно сущность здѣсь есть ипостасированная общая формула не только группы явленій нами сознаваемыхъ. Отдѣльная группа въ пространствѣ дала бы опредѣленный предметъ. Собраніе *всѣхъ* явленій привело бы насъ къ суммѣ предметовъ: къ міру, ко вселенной, ко всему (das All), что есть представленіе не качественно, но количественно разнящееся отъ отдѣльныхъ предметовъ. Чтобъ перейти къ всеобщей сущности, мы должны прибавить еще свойство, конечно заимствованное не изъ самихъ явленій, которыя вошли уже во *все*, а изъ нашего способа разсматриванія, или изслѣдованія явленій, или наконецъ изъ вѣрованій исторически намъ привитыхъ, или метафизически нами созданыхъ. Такимъ образомъ происходятъ сущности природы, вещества, духа, бога, безусловнаго и т. д. Остановлюсь лишь на первыхъ.

Прилагая къ *міру* эстетическое понятіе *стройности*, хотя мы находимъ вездѣ лишь *необходимую зависимость*, мы получаемъ *природу*; разсматривая ее какъ всеобщую сущность, мы придаемъ формулѣ самостоятельное и преобладающее значеніе надъ процессами изучаемыхъ явленій; именно формулѣ, выражающей, что явленія, нами изучаемыя, происходятъ во всемъ пространствѣ, что они состоятъ въ необходимой зависимости одно отъ другаго, и что мы стараемся, при ихъ группировкѣ, обнять ихъ какъ художественное цѣлое. Всѣ три условія, вошедшія въ формулы, научны, и если, говоря о природѣ, мы подразумѣваемъ эти три факта, то мы въ области науки. Если же мы придаемъ нашей формулѣ самостоятельное значеніе, несравненно высшее фактовъ, о которыхъ говоримъ,—если мы говоримъ о явленіяхъ, какъ о различныхъ проявленіяхъ главнаго предмета—природы, о томъ, что̀ она намъ открываетъ и отъ насъ скрываетъ, то мы находимся въ области метафизики, мы поклоняемся миѳической *сущности* вещей.

Въ представленіи *вещества* и *духа* мы раздѣляемъ явленія по способу ихъ изслѣдованія. Есть явленія, которыя мы не можемъ узнать иначе, какъ чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, есть и такія, къ которымъ этотъ способъ неприложимъ. Первыя отличаются тѣмъ, что всѣ изслѣдователи могутъ одинаково слѣдить за ними, помощью своихъ внѣшнихъ чувствъ, и повѣрять другъ друга одно-

временнымъ наблюденіемъ. Послѣднія доступны одновременно лишь одному наблюдателю, тому, съ кѣмъ они совершаются: чувства (Gefühle), желанія, формы мысли, образы творчества суть примѣры послѣдняго. Эти два рода явленій даютъ раздѣленіе всего познаваемаго на *вещественныя* и *духовныя* явленія. Формула первыхъ есть *вещество*, вторыхъ *духъ*. Какъ двѣ формулы, получаемыя чрезъ обобщеніе способа изслѣдованія этихъ явленій, онѣ существенно различны, и такъ же ошибочно подводить вещественныя явленія подъ формулу духа, или духовныя подъ формулу вещества, какъ ошибочно сказать, что логариѳмъ есть корень алгебрическаго уравненія (*) или что корова есть растеніе. Между тѣмъ если въ алгебрическомъ уравненіи мы будемъ разсматривать показатель, какъ зависящее число, то придемъ къ разсмотрѣнію логариѳма, и, если разберемъ откуда получила корова всѣ составныя части своего тѣла, то придемъ къ растительной пищѣ. Но совершенно другое дѣло подводить существа и явленія подъ общія понятія, и другое дѣло слѣдить за процессомъ ихъ происхожденія. Такъ какъ нельзя микроскопомъ или химическимъ реагентомъ изслѣдовать: больно ли мнѣ, страшно ли мнѣ, думаю ли я объ ворѣ, обокравшемъ пріятеля, или о Лордѣ Джонѣ Росселѣ, и что я объ нихъ думаю, то наука не можетъ подвести эти два явленія подъ формулу *вещества*. Формулы духа и вещества остаются для нея полярными противуположностями. Но метафизика придаетъ этимъ формуламъ самостоятельное значеніе, отдѣляя его отъ этихъ явленій, которыя подъ ними подразумѣваются. Спиритуализмъ говоритъ о двухъ самостоятельныхъ *сущностяхъ* духа и вещества, идеализмъ видитъ въ мышленіи *сущность* всего, мате-

---

(*) Я употребляю здѣсь математическіи сравненія, потому что они наиболѣе идутъ къ дѣлу, и кромѣ того, г. Антоновичъ до нихъ самъ охотникъ, хотя, правду сказать, онѣ составляютъ довольно слабую часть его статьи, направленной противъ меня. Между прочимъ онъ противуполагаетъ математическую безконечность метафизической, но я не могу съ нимъ согласиться, чтобы онъ ясно понялъ первую. Математика дѣйствительно даетъ весьма опредѣленное понятіе о безконечности, но не похожее на то, что приводитъ г. Антоновичъ. Когда математикъ говоритъ: «десятичная дробь равная $\sqrt{2}$ имѣетъ *безконечное* число знаковъ» или «ассимптота гиперболы встрѣчаетъ кривую на *безконечномъ* разстояніи», или «параллельныя линіи пересѣкаются на безконечномъ разстояніи», то здѣсь дѣло совсѣмъ не о столь большомъ числѣ, что воображеніе тупѣетъ, а объ *отсутствіи предѣла* въ увеличеніи ряда чиселъ или пространства. Зачѣмъ трогать стороны знаній плохо извѣстныхъ.

ріализмъ въ *веществѣ*. Они всѣ научно не правы, потому что формулу, имѣющую смыслъ только какъ обобщеніе нѣкоторыхъ реальныхъ явленій, группированныхъ по способу воззрѣнія, разсматриваютъ какъ нѣчто самостоятельное, само по себѣ существующее, какъ нѣчто предшествующее явленіямъ и ихъ въ себѣ заключающее, а не какъ слѣдствіе обобщенія явленій нашею мыслію.—Но мой критикъ мнѣ говоритъ, что я сражаюсь съ ветряными мельницами, что настоящіе матеріалисты не думаютъ поклоняться *безсознательному богу*, что я нарочно создалъ себѣ призракъ, съ которымъ борюсь. Не стану спорить, во что вѣрятъ и чему поклоняются *настоящіе* матеріалисты. Эта почва очень не прочная: всегда подъ однимъ знаменемъ группируются вѣрующіе разныхъ оттѣнковъ, и каждый, когда споритъ противъ партіи, отрицаетъ въ другихъ тѣ оттѣнки, которыхъ не находитъ въ себѣ. Еще чаще, не продумавъ строго всѣхъ послѣдствій даннаго положенія, человѣкъ даннаго вѣрованія отрицаетъ его крайніе, но необходимые результаты. Но положимъ я ошибся. Истинные матеріалисты не видятъ въ веществѣ ничего метафизическаго. Что же они понимаютъ подъ словомъ *вещество*? Г. Писаревъ можетъ быть найдетъ этотъ вопросъ неумѣстнымъ, потому что онъ о *словахъ* спорить не хочетъ. Я надѣюсь, что онъ когда нибудь дойдетъ до убѣжденія, что только уясняя себѣ употребляемыя нами *слова*, мы отдаемъ себѣ отчетъ и въ нашей *мысли*, и только отдавши себѣ отчетъ въ своей мысли, становимся способными на полезное, разумное, человѣчное *дѣло*. Но объ этомъ не стану распространяться и обращаюсь къ г. Антоновичу, который по крайней мѣрѣ допускаетъ споръ. Онъ говоритъ: «понятіе о силѣ и веществѣ есть не что иное, какъ сумма всей совокупности впечатлѣній, производимыхъ внѣшнимъ міромъ на всѣ наши чувства и одною стороною психической дѣятельности на другую; это есть мысль въ высшей степени реальная, заключающая въ себѣ и обнимающая всю полноту бытія, подъ которую подходитъ все существующее, подобно тому, какъ общій законъ какой нибудь науки заключаетъ въ себѣ реальность и содержаніе принадлежащее всѣмъ явленіямъ, обнимаемымъ этимъ закономъ. Нѣтъ ничего, чтобы не подходило подъ понятія о веществѣ и силѣ. Матеріалистъ беретъ, положимъ, вашу руку и говоритъ вамъ: обойдите всю природу, весь міръ, и вы нигдѣ не найдете предмета и явленія, которое бы, по извѣстнымъ признакамъ, по дѣйствію и отношенію къ вашимъ чувствамъ и ваше-

му сознанію не походило на вашу руку и управлялось бы вообще другими законами, кромѣ тѣхъ, которымъ подчиняется ваша рука; различные признаки произведутъ на васъ и различное дѣйствіе, но въ этомъ дѣйствіи будетъ признакъ, одинаковый, общій всѣмъ предметамъ, изъ которыхъ каждый подѣйствуетъ на васъ одинаково, произведетъ такое же впечатлѣніе, какъ и всѣ, и какое производитъ всякой актъ вашей психической дѣятельности на васъ, т. е. на другіе психическіе акты, являющіеся въ формѣ «Я». Этотъ-то общій элементъ, общій признакъ, выдѣлившійся естественно и необходимо изъ всей огромной массы частныхъ воспріятій и заключается въ понятіи вещества и силы!» Я привелъ всю эту выписку, чтобъ отрывочностью не исказить рѣчь моего рецензента и чтобы читатель могъ провѣрить это опредѣленіе въ его цѣлости. Не хочу, слѣдуя способу умозаключенія г. Антоновича, сказать, что онъ самъ не понимаетъ ясно своей мысли, но признаюсь, что въ ея выраженіи нахожу столько спутанности, что не могу уяснить себѣ, какъ онъ понимаетъ сказанное. Во первыхъ *вещество* и *сила* не *одно* понятіе, а *два*; вмѣсто *вещества* нельзя вставить въ рѣчь слово *сила* и наоборотъ. Во вторыхъ, въ началѣ этого разсужденія и въ концѣ заключается два противурѣчивыя опредѣленія одного и того же понятія: вначалѣ понятіе о силѣ и веществѣ есть *совокупность впечатлѣній* (*), въ концѣ—*общій признакъ воспріятій*, но я полагаю, что всякій привыкшій хотя нѣсколько употреблять слова не какъ попало, а сообразно ихъ смыслу, согласится, что общій признакъ, выдѣляемый изъ совокупности воспріятій вовсе не тождественъ совокупности впечатлѣній, какой бы мы смыслъ ни придавали словомъ *впечатлѣніе* и *воспріятіе*, которыя, при современной анархіи въ психологіи употребляются очень разнообразно, и мнѣ неизвѣстно насколько ихъ различаетъ здѣсь г. Антоновичъ. Попробуемъ остановиться на первомъ опредѣленіи: разсмотримъ вещество и силу, какъ понятіе соотвѣтствующее совокупности всего воспринимаемаго. Спрашивается, покрываютъ ли эти два понятія послѣднюю совокупность, и связываются ли они неразрывно? Здѣсь мнѣ необходимо раздѣлить мысленно понятія вещества и силы; такъ какъ

(*) Я не хочу придираться къ словамъ, потому не обращаю вниманія, что рецензентъ говоритъ *сумма всей совокупности* впечатлѣній, выраженіе весьма странное; я считаю его обмолвкою, неизбѣжною при журнальной работѣ, и потому въ текстѣ говорю просто о совокупности.

этого г. Антоновичъ не сдѣлалъ, то я принужденъ догадываться, какъ онъ ихъ различаетъ, и конечно могу легко ошибиться по неимѣнію данныхъ. По всей вѣроятности понятіе силы оно получаетъ отъ всѣхъ явленій, гдѣ видитъ какую либо дѣятельность, относя сюда движеніе, измѣненія температуры, процессъ питанія, чувства, мысли и т. д.; вещество же для него есть все, въ *чемъ* происходятъ эти процессы. Повторяю, я дѣйствую по догадкѣ. Такимъ образомъ всѣ *предметы* воспринимаемые, какъ группы впечатлѣній, взятыя въ своей совокупности, составятъ *вещество*, а если мы ихъ мыслимъ въ ихъ различныхъ дѣйствіяхъ и взаимныхъ процессахъ, то получимъ *вещество одаренное силою* или *вещество* и *силу*. Если я правильно угадалъ, то я желалъ бы себѣ уяснить различіе, которое дѣлаетъ г. Антоновичъ между *всѣмъ* сущимъ (das All) и *веществомъ*? Опять таки, вѣдь нельзя замѣнить первое вторымъ, развѣ метафорически. Можно сказать вещество *образуетъ* міръ, *составляетъ* вселенную, но нельзя же сказать, что эти слова выражаютъ тождественныя понятія. Какая же въ нихъ разница? Можетъ быть г. Антоновичъ возразитъ, что міръ есть вещество дѣятельное, совокупность или, точнѣе, слитіе понятій вещества и силы. Но тогда можно спросить, совмѣщаются ли понятія вещества и силы въ одно или могутъ быть мыслимы отдѣльно. Необходимо ли слѣдуетъ изъ понятія вещества понятіе дѣятельности во всѣхъ ея проявленіяхъ, или можно не связывать эти два понятія? Я чувствую, что мой рецензентъ иронически улыбается, и готовитъ мнѣ одну изъ своихъ самыхъ любезныхъ тирадъ: если вещество есть то̀ *въ чемъ* происходятъ процессы различной дѣятельности, то можно ли мыслить дѣятельность безъ того, въ чемъ она происходитъ? Вѣдь это отсутствіе азбуки пониманія и т. д. и т. д. Такъ. Но позвольте.... Неужели вы вашей теоріей хотите только сказать: «я воспринимаю совокупность процессовъ, изъ того, что составляетъ внѣшній міръ; всѣ эти процессы происходятъ въ чемъ нибудь; это *что нибудь* называю веществомъ». Если такъ, то никто съ вами спорить не будетъ: это *трюизмъ*, какъ любитъ выражаться одинъ изъ самыхъ искусныхъ вашихъ единомышленниковъ, но—имъ ничего и не сказано.

Спиритуалисты готовы подписать это разсужденіе и скажутъ вамъ: «мы не будемъ спорить о пустыхъ названіяхъ; мы вашу мысль выразимъ только иначе: процессы, которые вы воспринимаете, мы раздѣляемъ на два главные сорта; то, въ чемъ воспринимаются одни,

называемъ *веществомъ*, другіе—*духомъ*; для того же, что вы называете веществомъ (т. е. для совокупности того, что мы называемъ духомъ и того что мы называемъ веществомъ) не находимъ нужнымъ употреблять особаго названія, потому что это понятіе рѣдко встрѣчается; пожалуй придумайте ему какое угодно названіе, но не смѣшивайте его пожалуйста съ веществомъ, какъ его обыкновенно разсматриваютъ, т. е. съ тѣмъ, въ чемъ происходятъ явленія, воспринимаемыя только чувствами.» Вы отвѣтите, что не можете и не хотите допустить этого подраздѣленія, что первый и второй смыслъ вещества тожественны; но вамъ возразятъ: вы сами признаете психическіе процессы и не можете не признать ихъ. Они въ чемъ нибудь да происходятъ. Зачѣмъ вы мѣшаете другимъ дать особое названіе тому, въ чемъ они происходятъ, если для васъ вещество есть *только* названіе. Но въ томъ дѣло, что оно не есть *только* названіе, только *совокупность* воспріятій внѣшняго міра, изъ которой вы мысленно выдѣлили дѣятельность и процессы, для понятія о силѣ. Съ нимъ связанъ *особый признакъ*. — Это заставляетъ насъ перейти ко второму опредѣленію г. Антоновича: «Общій признакъ, выдѣлившійся... изъ всей массы воспріятій... заключаетъ понятіе вещества и силы.» Возьмемъ примѣръ. Сравнимъ воспріятія *рука* и *боль* и поищемъ общаго признака въ нихъ. Рукъ я видѣлъ много; въ ихъ разнообразіи замѣтилъ нѣчто общее въ формѣ, въ свойствахъ, въ отправленіи, и такъ слово *рука* есть для меня формула, выражающая схематически группу близкихъ между собою формъ, связанныхъ съ нѣкоторыми свойствами и способныхъ къ опредѣленнымъ отправленіямъ. Я могу даже выдѣлить отправленія руки, представить себѣ парализованную руку и получу окончательно схему формъ въ моей памяти, съ нѣкоторыми свойствами, которыя общи всѣмъ предметамъ воспринимаемымъ чувствами (твердость, температура, вѣсъ и т. д.). — Со словомъ боль, я сближаю воспоминаніе о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ лица и тѣлодвиженіяхъ, которыя сопровождаютъ боль, но которыя не суть самая боль, а могутъ быть произведены и нарочно, безъ боли. Связываю воспоминанія объ рядѣ опытовъ, которые я видѣлъ, произвелъ или вычиталъ, что при нѣкоторомъ состояніи нервовъ боль не чувствуется въ тѣхъ частяхъ, къ которымъ идутъ разсматриваемые нервы; но сознаю, что произведенные опыты, самые нервы и боль суть группы воспріятій совершенно различныя; подъ словомъ *боль* я группирую весьма разнообразныя воспріятія, которыя различаю по мѣсту и по качеству; первое различіе я могу уяснить

другому, показавъ, гдѣ болитъ, но послѣднее никакъ не могу; говорю: тупая, острая, жгучая боль и т. д., но это метафоры, и я очень хорошо знаю, что человѣкъ, съ которымъ я говорю, можетъ лишь по воспоминаніямъ, и то очень неясно, получить представленіе о моей боли. Это ощущеніе *субъективное.*—И такъ рука есть предметъ (объектъ) воспринимаемый чувствами; боль—субъективное ощущеніе, котораго я внѣ себя самого никакъ не могу воспринять, а въ себѣ легко воспринимаю. Что въ нихъ общаго? Они могутъ сгрупироваться различно въ моемъ воспріятіи. Рука можетъ быть мѣстомъ боли, т. е. мѣстомъ куда я отношу боль, хотя иногда этого мѣста именно не существуетъ, какъ показываютъ извѣстныя наблюденія, у инвалидовъ, боли въ членахъ, отрѣзанныхъ и сгнившихъ. Рука можетъ быть причиною боли. Но это все группы случайнаго совокупленія. Важнѣе группировка слѣдующая: боль есть явленіе моего тѣла, котораго рука эта часть; но тутъ легко замѣтить, что въ положеніи и въ результатѣ получаемъ не что либо новое, а тожественныя понятія. Тѣло мое есть группа ощущеній пріятныхъ, безразличныхъ и болѣзненныхъ, относимыхъ къ различнымъ частямъ пространства, слѣдовательно въ словѣ *тѣло* я предполагаю ощущенія; понятно, что боль, какъ пространственное ощущеніе составляетъ существенный элементъ всей группы пространственныхъ ощущеній. Поэтому, исключая представленіе тѣла, какъ лишнее, мы получаемъ группу: пространство заключаемое рукою, есть часть того пространства, къ которому относятся наши ощущенія боли. Общій признакъ въ томъ и другомъ оказывается *пространство.* Какъ ни будемъ разсматривать послѣднее: какъ необходимую форму мысли, какъ результатъ выработываемый мыслію изъ ощущеній, и т. под., во всякомъ случаѣ это уже явленіе мышленія и его нельзя назвать ни веществомъ, ни силою, ни ихъ совокупностью.—Есть еще одинъ признакъ общій *рукѣ* и *боли:* та и другая *сознаются* нами, это *мысли.* Можетъ быть это и есть вещество и сила? Но тутъ идеалисты имѣютъ полное право возразить: какое право вы имѣете придавать ваши названія вещества и силы тому, что всѣми называется мыслію; мы всегда говорили, что мысль есть единственное начало всего, единственный признакъ всего сущаго; вы скрытые идеалисты, ложно называющіе себя матеріалистами. Будьте послѣдовательнѣе и ваши общіе признаки окажутся не чѣмъ инымъ какъ нашими понятіями, идеями.» Что возразитъ на это г. Антоновичъ, не знаю. Можетъ быть я не такъ понялъ, но выходя изъ его собственныхъ опредѣленій (одно съ другимъ не сходящихся) пришелъ къ

представленію вещества, которое или тожественно со всѣмъ сущимъ, что есть неточное употребленія одного слова вмѣсто другаго; или къ идеалистическому понятію, которое опять ставитъ одно слово на мѣсто другаго. Я приписываю это лишь неточности опредѣленія (*), но иду далѣе и говорю: *матеріалисты не могутъ дать точнаго опредѣленія веществу, не впадая въ метафизику или не становясь въ противурѣчіе съ собственнымъ ученіемъ.* Если для нихъ вещество есть формула, обобщеніе, то они, или отожествляютъ его со вселенной, съ субстратомъ явленій (то, въ чемъ происходитъ явленіе, какъ въ первомъ опредѣленіи г. Антоновича), и т. под., т. е. ставятъ одно слово на мѣсто другаго, и еще не точно; или они должны сознаться, что существенный признакъ его есть *воспріятіе внѣшними чувствами* въ противоположность явленіямъ *воспринимаемымъ сознаніемъ:* въ послѣднемъ случаѣ прямо противорѣчиво подводить явленія втораго рода подъ формулу къ нимъ неотносящуюся. Чтобы избѣгнуть неточности перваго употребленія слова и противорѣчія обнаруживающагося во второмъ, матеріалистамъ остается допустить въ послѣдней формулѣ самостоятельное существованіе, т. е. перейти къ метафизикѣ, къ сущности вещей. Нить разсужденія, или точнѣе, построеніе—слѣдующая: мы воспринимаемъ внѣшними чувствами вещественныя явленія, сознаніемъ—психическія явленія; общая формула для предметовъ, въ которые группируются первыя, есть вещество; но эта формула не есть только обобщеніе явленій воспринимаемыхъ внѣшними чуствами; это есть нѣчто *само по себѣ* существующее (субстанція, сущность);

(*) При этомъ считаю необходимымъ замѣтить, что г. Антоновичъ употребляетъ слово *реальный* такъ, что *судя по словамъ его*, можно бы его считать самымъ отчаяннымъ идеалистомъ. Онъ говоритъ, что *математическіе законы соотвѣтствуютъ реальному бытію*, что общее понятіе имѣетъ *реальное* содержаніе. Вѣроятно онъ этимъ хочетъ оказать, что математическіе законы и общее понятіе получаюся *генетически* изъ воспріятій внѣшнихъ явленій: это *трюизмъ*, съ которымъ никто нынче не споритъ и слѣдовательно котораго нечего повторять. Но фраза имѣетъ видъ, будто г. Антоновичъ придаетъ математическимъ *отвлеченнымъ* формамъ мысли *реальное* бытіе и въ общемъ понятіи *человѣка* (напримѣръ) видитъ реальное содержаніе разныхъ особей рода *homo*. Это уже такой идеализмъ, подобнаго которому надо поискать между схоластиками-реалистами среднихъ вѣковъ. Я считаю нечестнымъ приписывать противнику, на основаніи неловкаго оборота, направленіе, котораго онъ вообще не раздѣляетъ, и потому не скажу, что г. Антоновичъ-идеалистъ, но указываю на неточность выраженія, впрочемъ довольно обыкновенную въ школѣ, къ которой онъ принадлежитъ.

поэтому существенно, особенно важно для насъ *вещество* въ которомъ происходитъ явленіе, самыя же явленія—случайны (акциденты); какъ единственно существенное, вещество есть и *единое* существующее; всѣ явленія суть случайности этой единой сущности (субстанціи), между прочимъ и психическія явленія. — Это есть единственная возможная форма матеріализма, какъ *особеннаго* ученія, форма метафизическая, потому что отвлекаетъ формулу отъ ея обобщающаго значенія *подчиненнаго* обобщаемымъ фактамъ и ставитъ эту формулу, какъ *кумиръ* на первое мѣсто въ ученіи, подводя подъ нее и факты, группированные въ другой формулѣ. Воображаютъ себя матеріалистами еще тѣ, которые доказываютъ, что всякое психическое явленіе имѣетъ необходимымъ предшествовавшимъ условіемъ нѣкоторый физическій процессъ, который также необходимо влечетъ за собою свое психическое слѣдствіе. Но это только воображаемые матеріалисты, потому что можно быть совершенно убѣжденнымъ въ этомъ положеніи, къ которому неудержимо влекутъ всѣ современные факты, и при этомъ можно быть спиритуалистомъ, пантеистомъ, теистомъ, идеалистомъ, и въ особенности—полнымъ скептикомъ въ метафизикѣ.

Но матеріализмъ, въ его метафизической гипотезѣ, о которой только что говорено, имѣетъ нѣкоторое преимущество сравнительно съ другими *догматическими* теоріями, о которыхъ мы упомянули. Его метафизическое построеніе весьма просто сравнительно съ ними; матеріалистъ дѣлаетъ одно только предположеніе, гдѣ остальные догматики дѣлаютъ ихъ нѣсколько, и его sanct Stoff, однажды провозглашенный, не мѣшаетъ изученію всего сущаго, какъ кумиры прочихъ догматическихъ ученій. Для всей философіи природы нельзя придумать болѣе удобнаго построенія (если непремѣнно нужно построеніе). «Старайся свести все изучаемое на самыя простыя, на самыя наглядныя явленія: исторію на психологію и физіологію, психологію—на физіологію, физіологію—на химію и механику, химію—на механику; гдѣ это приведеніе не доказано, предположи его—оно будетъ открыто рано или поздно; гдѣ сведеніе невозможно или слишкомъ трудно—говори о свойствахъ вещества, о силахъ вещества.» —Вотъ ученіе, большая часть котораго составляетъ могущество и начало современной науки, ученіе, въ которомъ всѣ положенія, кромѣ послѣднихъ двухъ, не встрѣчаютъ противурѣчія между мыслящими людьми. Надо замѣтить, что два послѣднія положенія употребляются большинствомъ вѣрующихъ въ это ученіе почти безсознательно, какъ обыкновенно употребляются самые

существенные догматы почти всѣхъ ученій массою лицъ причисляющихъ себя къ той или другой школѣ. Въ такомъ случаѣ это—весьма невинное пристрастіе къ догматамъ наименѣе обременяющимъ память своимъ количествомъ, невинное потому, что лица, стоящія на этой точкѣ зрѣнія, принимая догматъ матеріализма избѣгаютъ всѣхъ его недостатковъ.

По случаю недостатковъ матеріализма, только съ одной стороны его, г. Антоновичъ мнѣ высказалъ нѣсколько обыкновенныхъ своихъ любезностей, искренно или нарочно не понявъ меня; такъ какъ это пунктъ довольно маловажный, то я оставлю его пока въ сторонѣ: мой отвѣтъ и безъ того выходитъ несравненно длиннѣе, чѣмъ я желалъ. Здѣсь буду говорить о недостаткѣ матеріализма, о которомъ прежде не упомянулъ, потому что тогда я говорилъ о спеціальномъ значеніи этого ученія; здѣсь же имѣю въ виду его недостатокъ, общій ему со всѣми догматическими ученіями (*). Если здѣсь я буду обращаться къ послѣдовательнымъ выводамъ матеріализма, въ особенности, то лишь для избѣжанія излишняго распространенія, неизбѣжнаго при спорѣ со всѣми догматиками за разъ. Къ тому же мои рецензенты принадлежатъ къ одному лагерю, а объ другихъ пока нѣтъ и рѣчи.

Необходимое требованіе отъ всякой философской системы заключается въ томъ, чтобы, выходя изъ своего начала, она болѣе или менѣе удобно, болѣе или менѣе послѣдовательно охватывала важнѣйшія явленія, воспринимаемыя нами въ себѣ и внѣ себя и ни въ какомъ случаѣ не приводила къ необходимости оставить ее въ сторонѣ, чтобы охватить цѣлый отдѣлъ фактовъ. Какъ мнѣ кажется, именно этого не можетъ сдѣлать ни одна догматическая теорія, т. е. ни одна система выходящая изъ опредѣленнаго, твердо установленнаго начала, взятаго *внѣ* человѣка, въ томъ числѣ и матеріализмъ.

Начало, служащее для матеріалиста точкою исхода, есть самобытное существованіе нѣкотораго субстрата явленій (того, въ чемъ явленіе происходитъ) доступнаго чувствамъ, имѣющаго нѣкоторыя, *необходимо* ему принадлежащія свойства, и въ слѣдствіе этихъ свойствъ проявляющагося физическими, физіологическими и психическими явленіями, наблюдаемыми внѣ насъ и въ насъ самихъ. Эти свойства не-

(*) Кромѣ одного супранатурализма. Это послѣднее ученіе, избѣгающее недостатка, о которомъ будетъ рѣчь, имѣетъ зато другой, ставящій его совершенно отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ. Оно дѣлаетъ всякую науку положительно невозможною.

обходимы, являются въ необходимой связи причинъ и слѣдствій и влекутъ за собою лишь возможность *изученія* явленій. Отсюда — необходимость всего сущаго, такъ какъ оно есть. Въ ряду сущаго представляются люди съ ихъ дѣятельностью. Она также необходима, въ ея мельчайшихъ подробностяхъ, какъ орбита планеты, какъ форма кристалла, какъ процессъ эндосмоза. Человѣкъ по необходимости ощущаетъ, мыслитъ, желаетъ, рѣшается, дѣйствуетъ. Всякое изъ этихъ явленій имѣетъ свои необходимыя и достаточныя условія, чтобы совершиться именно такъ, какъ оно совершается и влечь за собою столь же необходимыя слѣдствія. Поэтому, выходя изъ понятія о веществѣ, мы приходимъ къ тому, что нравственная оцѣнка мыслей и дѣйствій, какъ хорошихъ или дурныхъ, какъ заслуживающихъ похвалы или осужденіе, — есть призрачный процессъ, совершающійся въ нашемъ сознаніи, и не соотвѣтствующій ничему дѣйствительному. Въ дѣйствительности всякая подлость, всякая низость есть столь же необходимое чувство, столь же необходимое дѣйствіе, какъ испражненіе составляетъ необходимое условіе процессса питанія. Матеріалистъ (и, повторяю, всякій догматикъ), ставя на первое мѣсто въ своей теоріи вопросъ объ общихъ законахъ міра, которымъ человѣкъ подчиняется какъ частный случай, долженъ послѣдовательно придти къ призрачности всей нравственной оцѣнки мыслей и дѣйствій. Но что призрачно, то, въ мышленіи и въ дѣятельности философа и его учениковъ, должно занимать послѣднее мѣсто; во имя послѣдовательности, должно стараться въ призракѣ всегда видѣть призракъ и такъ съ нимъ обращаться; самый послѣдовательный человѣкъ будетъ въ этомъ случаѣ тотъ, кто настолько проникнутъ теоретическимъ взглядомъ на призрачность всякой нравственной оцѣнки, что она срослась со всѣми его мыслями, со всѣми его дѣйствіями; это будетъ человѣкъ *безучастный* къ нравственной оцѣнкѣ предметовъ, *индифферентистъ* въ жизни; это будетъ человѣкъ, который въ своемъ и чужомъ дѣйствіи, въ своемъ и чужомъ мышленіи не находитъ вовсе причины прилагать какую либо нравственную оцѣнку; онъ улыбается если ему скажутъ: это подло! это благородно! потому что подлость, и благородство суть для него призраки несоотвѣтствующіе ничему дѣйствительному; есть дѣйствіе вредное для особей, т. е. сокращающее ихъ существованіе, какъ отдѣльныхъ особей и вносящее въ это существованіе страданіе; но нѣтъ дѣйствій подлыхъ, унизительныхъ, дурныхъ нравственно. Въ философской системѣ идеалъ считается всег-

да осуществленнымъ, и слѣдовательно, въ догматической системѣ, идеалъ человѣка есть—человѣкъ, отвыкнувшій отъ нравственной оцѣнки мыслей и дѣйствій въ себѣ и въ другихъ, замѣнившій эту оцѣнку безучастнымъ изслѣдованіемъ причинъ данной мысли, даннаго дѣйствія,—и слѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ данной мысли и даннаго дѣйствія.

На этотъ идеалъ довольно указать, чтобы всякій отъ него отвернулся и матеріалисты, даже болѣе другихъ догматиковъ, имѣютъ къ нему самое искреннее отвращеніе. Изъ ихъ рядовъ вышли въ Европѣ многіе изъ лучшихъ самоотверженныхъ героевъ современности, готовые всѣмъ жертвовать, но не уступить іоты изъ своихъ нравственныхъ убѣжденій о достоинствѣ человѣка, гражданина, мыслителя. Ихъ имена, какъ нравственныхъ образцовъ, записаны исторіей, и произносятся поневолѣ съ уваженіемъ даже добросовѣстными противниками.

Большинство матеріалистовъ самымъ жестокимъ образомъ преслѣдуетъ нравственный и политическій индеферентизмъ въ гнилыхъ слояхъ общества. Вся сила матеріализма, какъ современной партіи, есть неумолимая борьба противъ уступокъ старымъ кумирамъ, противу зла, коренящагося въ предразсудкахъ. Если, въ толпѣ такъ называемыхъ матеріалистовъ, есть безнравственные индифферентисты, то ихъ много и подъ всѣми знаменами: они не сдѣлаются ни лучше ни хуже, если будутъ провозглашать себя шеллингистами, гегельянцами, теистами или, пожалуй, скептиками въ метафизикѣ. Между проповѣдуемымъ ученіемъ и правилами ихъ жизни есть только случайное совпаденіе.

Но идеалъ, къ которому мы пришли, нетолько отвратителенъ въ практикѣ, онъ невозможенъ въ теоріи, гдѣ долженъ быть разсматриваемъ въ своей чистотѣ. Нѣтъ никакой возможности представить себѣ человѣка не произносящаго никакого нравственнаго суда надъ собою и надъ другими; еслибы подобный уродъ былъ возможенъ, то въ немъ отсутствовало бы всякое побужденіе къ мышленію, къ дѣятельности какого бы то ни было рода и онъ былъ бы не матеріалистомъ, не идеалистомъ, а идіотомъ, неспособнымъ къ какому бы то ни было развитію.

И такъ матеріализмъ (какъ всякій догматизмъ), приходя къ своимъ практическимъ слѣдствіямъ, приходитъ къ идеалу, которому никто не слѣдуетъ, который не возможенъ въ своихъ условіяхъ и который заключаетъ отрицаніе всякаго философствованія, всякаго мышленія, слѣдовательно отрицаніе матеріализма. Для того, чтобъ жить и

дѣйствовать, всякій матеріалистъ (и всякій догматикъ) долженъ забыть свою точку исхода, допустить не призрачность, но дѣйствительность, нравственныхъ побужденій, судить себя и другихъ во имя этихъ нравственныхъ побужденій, забывъ, что это непослѣдовательно; словомъ долженъ постоянно, на каждомъ шагу, въ каждомъ дѣйствіи, при каждомъ соприкосновеніи съ жизнію отрицать все то, что считаетъ важнѣйшимъ къ своей метафизикѣ. Онъ долженъ дѣйствовать, какъ бы нравственное значеніе его дѣйствій было для него самымъ существеннымъ дѣломъ, и въ то же время вѣрить, что эти дѣйствія необходимы въ немъ и въ другихъ, а потому, какъ необходимыя, не заслуживаютъ ни похвалы, ни осужденія. Такъ матеріалисты (и всѣ догматики) и поступаютъ: они проповѣдуютъ необходимость всего сущаго, какъ *основный* философскій принципъ и въ то же время возстаютъ на все низкое, лицемѣрное, подлое въ жизни, какъ будто бы оно не было необходимо. Эта антиномія есть главная антиномія нашего времени, замѣнившая кантовскія антиноміи, сданныя въ архивъ. Всякій послѣдовательный догматикъ-мыслитель не избѣжитъ ее, и самъ г. Писаревъ, отрицающій нравственные идеалы и, по возможности безучастно къ результатамъ спора, ставящій одну теорію подлѣ другой, и самъ г. Писаревъ порицаетъ иное, какъ *нравственно дурное*, другое хвалитъ, какъ *нравственно хорошее*, а слѣдовательно допускаетъ внѣ необходимаго сцѣпленія причинъ и слѣдствій, нравственное достоинство человѣческихъ чувствъ и дѣйствій. Онъ этого не допустить и не можетъ: вѣдь было же какое нибудь нравственное побужденіе у него, когда онъ писалъ статью о схоластикѣ; онъ хотѣлъ высказать: вотъ это дурно, а это хорошо. Онъ навѣрно съ отвращеніемъ посмотрѣлъ бы на того, кто ему сказалъ бы: не все ли равно, писать статью согласно своимъ убѣжденіямъ или противъ нихъ, если такая требуется. Повторяю: матеріализмъ (и всякій догматизмъ), выходя изъ начала отдѣльнаго отъ человѣка въ его цѣлости, изъ начала подчиняющаго себѣ человѣка, неизбѣжно приходитъ къ необходимости всѣхъ поступковъ человѣческихъ, къ призрачности нравственной оцѣнки и къ требованію (безнравственному и невозможному), чтобы человѣкъ избѣгалъ нравственной оцѣнки, отвыкалъ отъ нея, стремился къ полному индифферентизму и тѣмъ самымъ отрицалъ всякое побужденіе къ дѣятельности.

Поэтому метафизически—догматическія ученія дѣлаются анахронизмами въ философіи, какъ лишь человѣкъ созналъ, что они *дол-*

жны привести его къ нелѣпымъ слѣдствіямъ. При всей простотѣ и удобствѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ ученій, о чемъ было говорено, они перестаютъ быть философскими, всеобъемлющими системами, на которыхъ можно остановиться. Они дѣлаются лишь орудіями въ извѣстной области мышленія, орудіями никуда не годными, когда дѣло идетъ объ другихъ областяхъ. Сами догматики, переходя въ эти области, бросаютъ свой принципъ, забываютъ его, и начинаютъ дѣйствовать, говорить и мыслить во имя другихъ принциповъ, которые *нельзя* получить изъ *основнаго* догмата необходимости сущаго, назвать ли эту необходимость свойствами вещества, категоріями мышленія, неизмѣнною волею Промысла или какъ нибудь иначе. Для того чтобы философски охватить все сущее въ системѣ и не перескакивать отъ одного начала на другое, по мѣрѣ надобности надо признать слабость догматическихъ теорій, неизбѣжность противурѣчій, которыя въ нихъ заключаются и поискать внѣ метафизической догматики другой точки зрѣнія.

Посмотримъ, нельзя ли найти ее. Провѣримъ еще разъ, такъ ли противурѣчиво въ своей сущности построеніе, мною предложенное, какъ высказали въ прозѣ и въ виршахъ мои остроумные и любезные рецензенты. Я можетъ быть подлежу вполнѣ обвиненію, что высказалъ мысль неясно, и судить объ этомъ самому мнѣ очень трудно, но должно сознаться, что и мои рецензенты сдѣлали свою работу очень легкой: гдѣ я самъ не высказалъ зависимости между положеніями, тамъ они и не поискали ее, и въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ она и указана, оставили безъ вниманія главное, ограничиваясь насмѣшками надъ частностями. Оно и для рецензента удобнѣе и для читателей веселѣе.— Впрочемъ я долженъ бы говорить не *рецензенты*, а *рецензентъ*, потому что г. Писаревъ, съ его пренебреженіемъ къ спору *о словахъ*, просто принялъ на вѣру доказательства г. Антоновича что я, дескать, эклектикъ.

Но какъ мнѣ спорить съ моими противниками? Если я стану говорить свое, а они — свое, выйдетъ мало толку. Это будетъ уже прямо пустое словопреніе. Чтобы спорить съ пользою, надо въ чемъ нибудь согласиться, и начинать съ этой общей почвы. Постараюсь найти эту общую почву.

П. ЛАВРОВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

---

1) Сицилійская революція и экспедиція Гарибальди. Карла Варення.

2) Четырехмѣсячная экспедиція Гарибальди въ Сицилію и Италію. Дюрана-Браже.

3) Сицилія какъ она была и какъ есть. Уэстминстерское Обозрѣніе. Январь. 1860.

1) La révolution Sicilienne et l'expedition de Garibaldi. par M. Charles de Varenne. Paris. un vol. 1860.

2) Quatre mois de l'expedition de Garibaldi en Sicile et en Italie. par m. Durand-Brager. Paris. un vol. 1861.

3) Sicily as it was and is. The Westminster Review. January 1860.

На западномъ берегу Сициліи, неподалеку отъ Трапани, лежитъ маленькій, красивый городокъ Марсала. Онъ сохранилъ остатки своихъ укрѣпленій, но въ самомъ жалкомъ состояніи. Портъ его, по небрежности правительства, почти совершенно засорился; плотина, замыкающая его, при каждой бурѣ обваливается. Налѣво возвышается гора Трапани, увѣнчанная старымъ замкомъ и не менѣе старымъ городомъ.

Ярко всходило солнце 11 мая 1860 года: голубоватый туманъ

прозрачною тканью обвивалъ башни и стѣны и волнистыми складками поднимался къ небу, разсыпаясь передъ солнечными лучами, которые, прорѣзывая его, золотили прибрежный песокъ и играли радужными оттѣнками на бѣлыхъ и розовыхъ фасадахъ домиковъ Марсалы.

Тихо было все. На рейдѣ спокойно качался на якорѣ англійскій военный корветъ; вдали виднѣлся дымокъ отъ 2 или 3 неаполитанскихъ пароходовъ; нѣсколько рыбачьихъ лодокъ входили въ портъ; нѣсколько прохожихъ показалось на набережной—ни что не предвѣщало важныхъ событій, которыя должны были совершиться въ этотъ день.

Было около шести часовъ, когда на горизонтѣ съ юга показались два новые парохода. Праздная толпа стала дѣлать разныя предположенія, тѣмъ болѣе противорѣчивыя, что на судахъ не было флага и что они не отвѣчали на сигналы англійскаго корвета. Но вотъ они приблизились; на палубахъ ихъ тѣснились толпы пассажировъ въ красныхъ плащахъ. Дѣло стало разъясняться; неаполитанскіе крейсеры на всѣхъ парахъ спѣшили къ порту; но напрасно; одно изъ судовъ прошло уже плотину и любопытные могли свободно прочитать на его кормѣ: Піемонтъ; оно бросило якорь, и высадка началась; вскорѣ прибылъ и другой пароходъ, но входя въ гавань, онъ сталъ на мель; несмотря на то, машина продолжала работать, онъ подвинулся на нѣсколько саженъ еще и спустилъ на воду всѣ гребныя суда... Между тѣмъ неаполитанскіе крейсеры приблизились и открыли огонь. Но было поздно—Гарибальди былъ уже на землѣ.

Итальянскій вопросъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія. Дальнѣйшее рѣшеніе его было невозможно безъ участія Неаполя и Сициліи. Пока они оставались въ рукахъ Бурбоновъ, надо было бояться реакціи. Единство Италіи не возможно при федераціи синьоровъ; кровавые уроки итальянской исторіи доказывали это въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Что-же оставалось дѣлать? Какіе новые элементы готовы были войти въ составъ итальянскаго королевства? Насколько они могли содѣйствовать его усиленію? Были-ли они однородны съ элементами Сѣверной и Средней Италіи? Глубоко-ли проникъ въ нихъ демократическій элементъ?—Вотъ вопросы, которые невольно представляются уму при разрѣшеніи великаго дѣла итальянской національности. Отвѣтовъ на эти вопросы надо искать въ исторіи; потому что настоящее есть неизбѣжное слѣдствіе прошедшаго, и постановленія, вытекшія изъ народнаго духа, никогда не умираютъ....

Разсматривая исторію Сициліи и Неаполя, нельзя не замѣтить разительнаго различія въ ихъ развитіи. Королевство Неаполитанское возникло на развалинахъ феодальной системы; муниципальныя учрежденія никогда не были тамъ прочны; среднее сословіе постоянно находилось въ угнетеніи; неаполитанская конституція существовала только на бумагѣ; испанское правительство, подъ властью котораго находился въ то время Неаполь, возобновляло свои обѣщанія всякій разъ, какъ только притѣсненія генералъ-капитановъ возбуждали народъ къ возстанію. Политическое воспитаніе націи стояло на низкой степени; іезуиты и коварная политика вице-королей старались удержать народъ въ невѣжествѣ, старались обуздать его стремленія фанатизмомъ и подаяніемъ; оно всѣми мѣрами способствовало развитію класса «лаццарони,» невѣжественнаго и вполнѣ преданнаго правительству; оно всѣми мѣрами распространяло въ народѣ нищенство и отвращеніе къ труду.

Въ Сициліи было не такъ. Съ самаго начала норманскаго завоеванія она пользовалась либеральной конституціей, имѣла свой парламентъ, отличалась удивительной вѣротерпимостью и политическимъ благоразуміемъ. Рожеръ II былъ провозглашенъ королемъ въ Палермо съ согласія собравшихся архіепископовъ, бароновъ и юристовъ. Преемники его продолжали ту-же политику; но съ переходомъ короны въ швабскій домъ начинается стѣсненіе правъ парламента. Но ни Фредерикъ, ни Манфредъ не могли достигнуть абсолютизма, занятые постоянными войнами съ папами; но что не удалось сдѣлать имъ, то на короткое время успѣлъ сдѣлать Карлъ Анжуйскій. Но онъ дорого заплатилъ за успѣхъ свой: Сицилійская Вечерня разрушила военный деспотизмъ пришлеца и снова возвратила Сициліи ея самостоятельность. Донъ Педро аррагонскій далъ клятву не нарушать сицилійской конституціи, и когда преемникъ его Іаковъ вздумалъ нарушить ее, генеральные штаты объявили его недостойнымъ престола и выбрали королемъ дона Фредерика. Новый король призналъ власть парламента и объявилъ, что принимаетъ корону по свободному избранію народа. Онъ обязался ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ законовъ, издаваемыхъ имъ вмѣстѣ съ парламентомъ. Пользуясь предстоящимъ случаемъ, генеральные штаты постановили, чтобы парламентъ ежегодно собирался въ день всѣхъ святыхъ, несмотря на то, будетъ ли онъ созванъ королемъ или нѣтъ. Безъ его согласія король не могъ ни объявлять войны, ни заключать мира, ни налагать новыхъ

податей, ни уѣхать изъ королевства; муниципальная независимость, гражданская свобода, право частной собственности были гарантированы.

Развитіе сицилійской конституціи на этомъ не остановилось. Съ переходомъ короны въ кастильскій домъ къ Фердинанду Справедливому было учреждено «постоянное собраніе депутатовъ». Оно состояло изъ 12 членовъ парламента по выбору и занималось наблюденіемъ надъ собираніемъ податей и охраняло гражданскую свободу во время прекращенія засѣданій парламента.

Такое устройство, по мнѣнію г. Варення и рецензента Уэстминстерскаго Обозрѣнія, охранило Сицилію нетолько отъ покушеній гогенштауфеновъ, но и отъ самыхъ деспотическихъ государей Испаніи. Они говорятъ, что отъ 1282 до 1815 парламентъ собирался по крайней мѣрѣ каждые 4 года и приписываютъ ему важную роль въ дѣйствіяхъ вице-королей.

Намъ кажется, что вліяніе парламента ослаблялось преобладаніемъ феодальной аристократіи и военнымъ деспотизмомъ швабскаго дома. Генрихъ VI уничтожилъ всѣ постановленія своихъ предшественниковъ и залилъ всю страну кровью. Отъ 1337 до 1418 исторія Сициліи наполнена междоусобіями бароновъ, такъ что населеніе острова было доведено до 600 т. душъ; съ другой стороны вице-короли постоянно стремились къ уничтоженію сицилійской конституціи. Несмотря на ограниченіе своей власти парламентомъ, они пользовались огромными правами: они были главнокомандующими морскими и сухопутными силами острова, назначали въ должности, имѣли право верховнаго суда и помилованія, раздавали награды, пользовались королевскими почестями и балансировали власть парламента учрежденіемъ тайнаго совѣта. Владѣя такими средствами, они прибѣгали то къ обману, то къ насилію, сообразно своему характеру, то старались запугать народъ строгостью, то вооружить сословія другъ противъ друга, возбуждая иногда для этого нарочно голодъ. Такъ донъ Лудовикъ дель Гохо, генералъ губернаторъ Мессины, писалъ къ министрамъ въ Испанію, чтобы они воспротивились отправленію хлѣба въ Сицилію (*). Не довольствуясь этимъ, онъ приказывалъ своимъ агентамъ носить ночью проткнутые мѣшки съ пшеницей отъ домовъ

(*) Подъ управленіемъ Испаніи островъ такъ обѣднѣлъ, что принуждены были привозить хлѣбъ изъ другихъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что не дѣлалось запасовъ и весь урожай вывозился въ Испанію.

знатнѣйшихъ сенаторовъ и купцовъ къ пристани; пшеница сыпалась и народъ, замѣтивъ ее поутру, убѣждался все болѣе и болѣе, что онъ терпитъ голодъ по милости сенаторовъ. Это возбудило бунтъ. Донъ Лудовикъ хотѣлъ воспользоваться этимъ для уничтоженія правъ города и пригласилъ вице-короля съ войсками. Но дѣло кончилось вопреки его ожиданію. Вице-король явился и съ ужасомъ взглянулъ на происки дона Лудовика; онъ уничтожилъ всѣ его распоряженія; но не такъ смотрѣло на дѣло испанское правительство: вице-король князь де-Линь былъ отозванъ, и донъ Лудовикъ былъ назначенъ совѣтникомъ къ новому вице-королю, маркизу Креспано, который своими поступками довелъ народъ до возстанія.

Такіе примѣры весьма часто встрѣчаются въ исторіи Сициліи; конституція не охраняла ее отъ самовластія вице-королей, но давала силу и право сопротивляться имъ. Испанскій дворъ смотрѣлъ сквозь пальцы на поведеніе своихъ сановниковъ; онъ подъ рукой поощрялъ ихъ къ разрушенію народныхъ правъ и отказывался отъ ихъ поступковъ, какъ только народное возстаніе принимало значительные размѣры.... Стоитъ только вспомнить объ революціяхъ 1511 года, Пелозо, Алесіо и другихъ, и о губернаторствѣ графа Сенъ-Эстебано (*), чтобъ убѣдиться, что испанскіе короли не уважали правъ Сицилійцевъ....

Такое положеніе дѣлъ продолжалось до Фердинанда III (**). Короли постоянно давали присягу сохранять сицилійскія учрежденія и постоянно имѣли возможность нарушать свои клятвы, потому что не допускали учрежденія національной гвардіи. Между тѣмъ неаполитанская конституція окончательно пала во время войнъ Франціи съ Испаніей, и центральная власть, сдѣлавшись совершенно абсолютною, съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда можно будетъ затушить послѣднія искры сицилійской свободы.

Воспитаніе Фердинанда было крайне-небрежно; страсть къ разнаго рода тѣлеснымъ упражненіямъ преобладала въ немъ; чтеніе и всякое другое умственное занятіе были нестерпимы ему; онъ не любилъ даже подписывать подносимыя ему бумаги; чтобъ избавиться отъ этого, онъ

(*) Возстаніе Пелозо и Алесіо относится къ 1647 г.; губернаторство Сенъ-Эстебано къ 1679. Онъ уничтожилъ прежній сенатъ и образовалъ новый, въ который посадилъ 2 Испанцевъ и 4 Мессинцевъ по своему усмотрѣнію; запретилъ носить оружіе, перенесъ университетъ въ Катану и заставилъ жителей выстроить другую цитадель.

(**) Какъ король неаполитанскій—Фердинандъ IV.

приказалъ вырѣзать свою надпись на печати, которую и прикладывали въ его присутствіи. Слабый и безхарактерный, онъ находился совершенно въ рукахъ жены своей Каролины австрійской, сестры Маріи-Антуанеты. Властолюбивая до крайности, мстительная, энергическая, неразборчивая въ средствахъ, эта женщина была вѣрнымъ изображеніемъ австрійскаго кабинета, постоянно враждебнаго всякому прогрессу. Она готова была раздавить сицилійскую конституцію; но время было для этого крайне неблагопріятно. Идеи французской революціи проникли повсюду, возбуждая любовь къ свободѣ, обнадеживая помощью Франціи. Грозная коалиція составилась съ цѣлью удержать этотъ могучій потокъ... Каролина надѣялась торжествовать и немедленно приступила къ борьбѣ: король потребовалъ ежемѣсячной субсидіи въ 20,000 унцій (*) на все время, которое найдетъ необходимымъ. Парламентъ увидѣлъ, что это требованіе подкапывало конституцію въ самомъ корнѣ и потому отказалъ. Дворъ сталъ приготовляться къ войнѣ, Сицилійцы также; революція казалась неизбѣжной, но быстрые успѣхи французскаго оружія принудили королевскую фамилію искать убѣжища въ той же угнетаемой ею Сициліи. Захвативъ всѣ драгоцѣнности дворца и музеевъ и 80 мил. фр. изъ банка, Каролина сѣла на англійскій военный корабль адмирала Нельсона и въ сопровожденіи англійскаго посланника отправилась къ Палермо. «Палермитяне, сказала Каролина, готовясь ступить на берегъ, хотите ли вы принять вашу королеву?» Восторженныя восклицанія были сіи отвѣтомъ: добрый народъ, тронутый ея несчастіемъ, забылъ о ея притѣсненіяхъ. Королевская фамилія была съ торжествомъ препровождена во дворецъ; парламентъ назначилъ два милліона ежегодно на ея содержаніе, — но все было напрасно: король взялъ деньги, но не измѣнилъ своего намѣренія; онъ ждалъ только удобнаго случая привести его въ исполненіе.

Побѣды Русскихъ въ Италіи открыли Фердинанду дорогу въ Неаполь; побѣды Французовъ снова принудили его удалиться въ Сицилію. На этотъ разъ Каролина, надѣясь на помощь многочисленныхъ неаполитанскихъ эмигрантовъ и Англіи, рѣшилась поражать быстро и сильно. Она приказала нетолько конфисковать всѣ имѣнія отсутствующихъ Сицилій-

(*) Около 60,000 руб. сер.

цевъ, но и захватила кассу ломбарда (Monte di Pietà), т. е. частную собственность. Всѣ мѣста были заняты приверженцами королевы; въ кабинетѣ не было ни одного Сицилійца. Полицейская неаполитанская система получила обширное примѣненіе на островѣ: шпіоны и бандиты рыскали повсюду; противъ нихъ не было ни суда, ни расправы; бороды и форма панталонъ преслѣдовались какъ государственныя преступленія, даже усердное чтеніе журналовъ подвергало ссылкѣ или заключенію. Скоро всѣ тюрьмы наполнились подобными преступниками. Терпѣніе Сицилійцевъ истощилось. Англія опасалась, чтобъ они не призвали Мюрата и поспѣшила отправить лорда Уильяма Бентинка, въ качествѣ полномочнаго министра при сицилійскомъ дворѣ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что королева вступила въ переписку съ Маріей–Луизой, обѣщая допустить на островъ французскую экспедицію съ тѣмъ, чтобъ получить за то Неаполитанское королевство. Между тѣмъ произвольныя распоряженія короля продолжались. Онъ потребовалъ субсидіи въ 360,000 унцій; Сицилія была не въ состояніи доставить такую сумму и парламентъ вотировалъ только 150,000. Фердинандъ созвалъ новый парламентъ: отвѣтъ былъ тотъ же; тогда онъ произвольно назначилъ новыя подати; парламентъ протестовалъ; король приказалъ заключить въ тюрьму пять знатнѣйшихъ бароновъ. Народъ былъ въ волненіи, съ каждымъ часомъ надо было ожидать революціи. Въ это время лордъ Бентинкъ немедленно подалъ ноту, приглашая сицилійское правительство поддержать конституцію. Отвѣтомъ былъ надменный отказъ. «Этотъ солдатъ присланъ сюда кланяться, а не повелѣвать», отвѣчала гордо королева. Бентинкъ тотчасъ-же отправился въ Англію, убѣдивъ начальниковъ конституціонной партіи не начинать революціи до его возвращенія. Вернувшись черезъ шесть недѣль со всѣми необходимыми полномочіями, онъ потребовалъ освобожденія пяти бароновъ, уничтоженія послѣднихъ указовъ о податяхъ, отставки неаполитанскихъ министровъ.

Не желая явно противиться ему, королева надѣялась отдѣлаться отъ этихъ требованій подъ разными предлогами. Тогда онъ приказалъ англійскимъ войскамъ сосредоточиться у Палермо и прекратилъ платежъ субсидіи въ 400,000 фунтовъ, которую Англія ежегодно платила королю для содержанія необходимаго войска. Каролина не испугалась; она убѣдила Фердинанда не слушать представленій Бентинка на аудіенціи, подъ предлогомъ нездоровья, и въ то же время стала приготовляться къ серьезной борьбѣ. Тогда англійскій посланникъ объ-

явилъ, что онъ отъѣзжаетъ и потребовалъ прощальной аудіенціи у наслѣднаго принца. «Ваше высочество, сказалъ онъ, я употребилъ всѣ средства, чтобъ вразумить короля и королеву; сильная болѣзнь требуетъ сильныхъ лѣкарствъ. Я оставляю Палермо, приму начальство надъ войскомъ и затѣмъ двинусь къ городу, чтобъ отправить ихъ величества въ Англію. Ваше королевское высочество будете царствовать, если удовлетворите моимъ справедливымъ требованіямъ и будете добросовѣстны въ союзѣ съ Великобританіей. Въ противномъ случаѣ для васъ также найдется фрегатъ, и вашъ сынъ займетъ ваше мѣсто.» Этотъ языкъ заставилъ Каролину уступить: она вмѣстѣ съ мужемъ своимъ удалилась въ одну изъ виллъ, а наслѣдный принцъ былъ объявленъ намѣстникомъ (vicar-general).

Вслѣдъ за этимъ созванъ былъ парламентъ. Изъ засѣданій его вышла новая конституція по образцу англійской. Вмѣсто трехъ камеръ образовались двѣ, посредствомъ соединенія палаты бароновъ съ палатой епископовъ; дворянство отказалось отъ феодальныхъ правъ своихъ; среднее сословіе и земледѣльцы получили новыя льготы; одинъ изъ пунктовъ объявлялъ независимость Сициліи отъ Неаполя и отъ всякаго другаго королевства. Не довольствуясь утвержденіемъ регента, Сицилійцы послали эту конституцію королю, который написалъ на ней, что она совершенно сообразна съ его намѣреніями и что онъ позволяетъ привести ее въ дѣйствіе.... Но едва только Наполеонъ палъ, положеніе дѣлъ измѣнилось: Англія не находила болѣе выгоды покровительствовать сицилійской свободѣ; англійскія войска были отозваны; новый же посланникъ, сэръ Уильямъ А'Куртъ былъ вполнѣ преданъ королю. Фердинандъ болѣе не скрывалъ своихъ намѣреній; онъ велѣлъ сжечь хартію рукой палача и нѣкоторыхъ изъ бывшихъ министровъ и важнѣйшихъ сановниковъ заключилъ въ тюрьму, а другихъ изгналъ. Сдѣлавшись королемъ неаполитанскимъ, онъ уничтожилъ автономію острова и назвался Фердинандомъ I, королемъ Обѣихъ Сицилій. Заключивъ тайный договоръ съ Австріей и обязавшись не допускать никакой конституціи въ своихъ владѣніяхъ, онъ въ то же время обратился къ Неаполитанцамъ съ прокламаціей, въ которой между прочимъ говорилъ, что «народъ будетъ единственнымъ государемъ, а онъ только хранителемъ законовъ, которые истекутъ изъ лучшей и могущественнѣйшей изъ конституцій».

Играя такимъ образомъ клятвами, Фердинандъ старался привлечь на свою сторону духовенство, возвративъ ему секвестрованныя имѣ-

нія, открывъ монастыри и передавъ въ его руки цензуру. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усилилъ вліяніе полиціи, назначивъ главой ея князя Канозу, усерднаго агента Маріи Каролины, запятнавшаго себя всѣми подлостями. Сдѣлавшись директоромъ полиціи, Каноза задумалъ уничтожить тайное общество Карбонаріевъ (*) и съ этой цѣлью собралъ бывшихъ бандитовъ, бѣглыхъ каторжниковъ, фанатиковъ—монаховъ и образовалъ изъ нихъ общество *кальдерари*. Въ назначенный часъ они должны были броситься въ дома карбонаріевъ и рѣзать ихъ безъ милосердія. Извѣстіе объ этомъ намѣреніи такъ сильно поразило дворы Россіи и Австріи, что они сдѣлали энергическія представленія неаполитанскому правительству и принудили его смѣнить и изгнать ненавистнаго министра.

Тѣмъ не менѣе терпѣть долѣе было невозможно. Возстаніе обнаружилось въ громадныхъ размѣрахъ; генералъ Пепе принялъ начальство надъ инсургентами. Король принужденъ былъ дать конституцію, по образцу испанской. Сицилія не осталась равнодушной при этомъ общемъ крикѣ свободы; но либеральное неаполитанское правительство не сознавало еще справедливости требованія Сициліей автономіи; оно смотрѣло на островъ, какъ на возмутившуюся провинцію и послало генерала Флорестана Пепе укротить ее. Экспедиція его увѣнчалась успѣхомъ, но принесла существенный вредъ неаполитанской конституціи, потому что, когда явились Австрійцы для возстановленія самовластія Фердинанда, либеральная партія могла выставить противъ нихъ только незначительныя силы.

Съ торжествомъ реакціи начинаются снова кровавые подвиги князя Канозы. До 16,000 карбонаріевъ было заключено въ тюрьмы; до 800, по показанію Лафарины, казнено смертью; армія была раскассирована, кромѣ королевской гвардіи, которую пощадили за то что она отказалась сражаться съ Австрійцами; строгость цензуры дошла до того, что былъ запрещенъ катехизисъ, употребляемый для преподаванія въ школахъ, потому что въ числѣ обязанностей человѣка называлъ любовь къ отечеству. Распустивъ свою армію, Фердинандъ сталъ содержать гарнизоны изъ Австрійцевъ и Швейцарцевъ, что стоило огромныхъ суммъ.

(*) Карбонари явились сперва въ Калабріи въ эпоху Французскаго нашествія, какъ защитники Фердинанда. Воспользовавшись ихъ услугами, правительство обратилось противъ нихъ, когда они образовали общество для освобожденія Италіи. Число ихъ въ 1819 году простиралось до 642,000, по вычисленію Колетты, а по рапортамъ австрійской полиціи доходило до 800,000.

Пришлось прибѣгнуть къ Ротшильду. Тотъ согласился на заемъ, но съ условіемъ, чтобъ министромъ финансовъ былъ сдѣланъ кавалеръ Медичи. Эта перемѣна повлекла отставку Канозы; новый министръ предпочелъ убійству гражданъ ихъ развращеніе: шпіоны, доносы, продажа мѣстъ, покровительство разврату были его средствами.

Съ восшествіемъ на престолъ Франциска I положеніе страны стало еще хуже. Новый король былъ игрушкой въ рукахъ Медичи, цирульника Виліи и горничной королевы Изабеллы, Катерины Симоне. Самое наглое воровство и взяточничество совершалось ими безнаказанно. Безграмотный Виліа (*) пользовался такой довѣренностью короля, что даже не лишился своего мѣста, когда обманулъ его, купивъ поддѣльные драгоцѣнные камни вмѣсто настоящихъ, хотя это произвело страшный скандалъ, потому что эти камни назначались королемъ въ подарокъ испанскимъ придворнымъ, по случаю свадьбы дочери его съ Фердинандомъ VII. Другое довѣренное лицо Франциска былъ маркизъ дель-Каретто, бывшій карбонари, который неопровержимо доказалъ, что вступилъ въ это общество для того, чтобы выдать его; жестокій, безнравственный эгоистъ, онъ при малѣйшемъ волненіи собиралъ значительныя силы, чтобъ придать ему болѣе значенія и увеличить важность своихъ заслугъ. Онъ вѣшалъ, пыталъ, разстрѣливалъ безъ суда, истреблялъ цѣлыя общины, и выставлялъ головы своихъ жертвъ въ желѣзныхъ клѣткахъ на большихъ дорогахъ.... (**)

Въ Сициліи кардиналъ Гравина, князь Куто, князь Кампо Франко, маркизъ деле-Фавере соперничали съ дель-Каретто и неутомимо преслѣдовали тайныя общества, а между тѣмъ число ихъ умножалось съ каждымъ днемъ; сверхъ Карбонари существовали еще Подражатели Санда, Прозелиты Альфіери, Молодые Спартанцы, Общества Молчанія и Фабія. Желая покончить разомъ съ своими непріятелями, неаполитанское правительство потребовало списокъ ихъ у своихъ агентовъ. Количество недовольныхъ ужаснуло его: однихъ *непримиримыхъ* въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій насчитывалось до 100,000 человѣкъ—и не мудрено—въ число ихъ записывали всякаго образованнаго человѣка. Вотъ что писалъ объ этомъ Шатобріанъ Портали-

---

(*) Этикетъ неаполитанскаго двора требовалъ, чтобы цирульникъ короля былъ безграмотный, чтобъ не могъ передавать государственныхъ тайнъ.

(**) Подробности о дель-Каретто см. «Русское Слово», іюль 1860. Реф. Италіи, какъ ее понималъ Монтанелли.

су, исправлявшему тогда должность министра иностранныхъ дѣлъ: «..правительство пало на послѣднюю степень презрѣнія. Образъ жи-«зни двора, постоянно трепещущаго посреди своей гвардіи, постоян-«но преслѣдуемаго призраками опасности, представляющаго для «развлеченія только разорительныя охоты и висѣлицы, способ-«ствуетъ болѣе и болѣе униженію королевства. То, что при-«нимаютъ за заговоры, не болѣе какъ всеобщее броженіе, плодъ «вѣка, борьба стараго общества съ новымъ, бой одряхлѣвшихъ ста-«рыхъ неаполитанскихъ уставовъ противъ энергіи молодыхъ поколѣній».

Со смертью Франциска народъ надѣялся облегченія своихъ страданій. Фердинандъ II, бывши еще наслѣднымъ принцемъ, управляя во время отсутствія короля, обнаружилъ замѣчательныя способности и умѣренность. Вступленіе его на престолъ началось великолѣпнымъ манифестомъ, составлявшимъ самую ѣдкую сатиру на прошедшее царствованіе. Новый король обѣщалъ залечить всѣ общественныя язвы и началъ управленіе свое смѣною маркиза дель-Каретто и назначеніемъ вице-королемъ Сициліи герцога Сиракузскаго. Причина такой умѣренности заключалась въ успѣхѣ іюльской революціи во Франціи и въ республиканскихъ порывахъ, обнаружившихся въ сѣверной и центральной Италіи. Но едва сраженіе при Римини положило конецъ надеждамъ патріотовъ, онъ снялъ маску (*).

Дель Каретто былъ снова назначенъ министромъ полиціи и вошелъ въ такую милость къ королю, что могъ дѣлать все безнаказанно. Прежніе грабежи и казни возобновились; пользуясь своей силой, жадный временщикъ назначилъ десятилѣтняго сына своего казначеемъ, съ жалованьемъ по 500 дукатовъ въ мѣсяцъ. Милости Фердинанда раздѣлялъ съ кровожаднымъ жандармомъ архіепископъ патрасскій монсиньоръ Кокль, королевскій духовникъ. Подъ его вліяніемъ король въ своемъ стремленіи очистить нравы, дошелъ до смѣшнаго: онъ ве-

(*) Восшествіе на престолъ Карла-Альберта и Фердинанда обольстило итальянскихъ патріотовъ; сверхъ того, они надѣялись на помощь Франціи. Болонья, Романья, Модена и Парма возстали, другія области готовы были послѣдовать ихъ примѣру. Но французское правительство объявило принципъ невмѣшательства; австрійскій же кабинетъ предписалъ генералу Фримонту перейти черезъ По и усмирить взволновавшіяся провинціи. Сраженіе при Римини рѣшило участь кампаніи: Итальянцы послѣ блистательнаго сопротивленія принуждены были уступить превосходству непріятельскихъ силъ.

лѣлъ спрятать всѣ картины, изображающія голыя фигуры; такому же запрещенію подверглись и статуи, по его мнѣнію, неприличныя, въ томъ числѣ и Венера Праксителя; онъ самъ опредѣлялъ длину юбокъ танцовщицъ и велѣлъ имъ надѣвать трико зеленаго цвѣта. Желая показать свою набожность, онъ приказалъ отдавать Игнатію Лойолѣ военныя почести и назначилъ ему генеральское жалованье, которое, разумѣется, получали іезуиты.

Съ каждымъ годомъ притѣсненія возрастали. Въ 1835 году герцогъ сиракузскій былъ отозванъ изъ Сициліи, потому что его подозрѣвали въ намѣреніи отложиться. Въ слѣдующемъ году холера появилась въ Неаполѣ; правительство, вмѣсто того, чтобы заботиться объ уменьшеніи зла, сняло карантинную линію. Черезъ нѣсколько дней холера проникла на островъ. Опустошенія, произведенныя ею, были ужасны: въ одинъ мѣсяцъ въ Палермо изъ 180,000 жителей умерло около четвертой части. Большая часть властей бѣжала; нераспорядительность оставшихся была такъ велика, что они не приняли никакихъ мѣръ къ очищенію города отъ труповъ, которые грудами гнили на улицахъ, распространяя зловоніе и заразу. Приведенные въ отчаяніе Сицилійцы, подумали, что ихъ отравляютъ по приказанію двора и возстали (*). Волненіе обнаружилось сперва въ Палермо, потомъ въ Катанѣ. Дель-Каретто поспѣшилъ затушить его въ крови. Осужденные гибли сотнями, по приговору военныхъ судовъ; ни священникамъ, ни женщинамъ, ни дѣтямъ не было пощады, — и посреди этихъ казней, во время общаго траура, свирѣпый жандармъ ежедневно задавалъ великолѣпные обѣды и балы, на которыхъ заставлялъ присутствовать женъ и дочерей несчастныхъ жертвъ, казненныхъ по его приказанію. Не довольствуясь этимъ, онъ въ офиціальныхъ журналахъ выставилъ Сицилійцевъ варварами, вполнѣ достойными заслуженной ими участи... Стѣснительныя постановленія слѣдовали одни за другими: всѣхъ чиновниковъ, подозрѣваемыхъ въ патріотизмѣ, приказано было перевести на континентъ; на мѣсто ихъ были присланы Неаполитанцы, съ приказаніемъ привести все къ слѣпому повиновенію центральной власти; главное управленіе путей сообщенія и другія высшія присут-

(*) Это было общее мнѣніе. Даже образованные люди раздѣляли его; такъ архіепископъ палермскій умирая отвергъ медицинскую помощь, увѣряя, что противъ этого яда нѣтъ противуядія; другой житель Палермо, знакомый директора полиціи, при первыхъ признакахъ болѣзни, бросился къ нему за противуядіемъ.

ственныя мѣста переведены были въ Неаполь; подати были увеличены безъ всякой соразмѣрности, такъ что въ 1847 г. Сицилія платила около 29 мил. франковъ; изъ этой суммы на народное образованіе употреблялось только 100,000 и на публичныя работы 342,000; слѣдствіемъ этого было то, что Сицилія не имѣла ни одной порядочной дороги. Когда говорили объ этомъ министрамъ, они отвѣчали, что хорошія дороги располагаютъ къ путешествіямъ, а путешествія ведутъ къ заговорамъ. Тѣ же затрудненія встрѣчала и печать и промышленность. Всякая книга должна была пройти черезъ такую цензуру, которая считала Боссюэта еретикомъ, а Фенелона революціонеромъ; устройство мануфактуръ было соединено съ такими затрудненіями, что заставляло отказываться при самомъ началѣ предпріятія. Въ судахъ царствовалъ самый наглый произволъ; пытки и тѣлесное наказаніе, уничтоженные прежними законами, были снова введены въ употребленіе и примѣняемы по волѣ полицейскихъ бандитовъ. Самую вѣрную характеристику ихъ представляетъ отецъ Вентура: «Когда путешествуете во внутренности острова, говоритъ онъ, молите Бога, чтобъ встрѣтиться скорѣе съ разбойникомъ, чѣмъ съ жандармомъ; если встрѣтитесь съ нимъ на какой-нибудь проселочной дорогѣ, самое меньшее — что вы будете ограблены. Единственное различіе ихъ отъ бандитовъ состоитъ въ томъ, что тѣхъ наказываютъ, тогда какъ они осыпаются ласками, похвалами, наградами, и увѣрены въ совершенной безнаказанности.» «Произвольные аресты по прихоти комисара или сбира, утверждаетъ Микеле Амари, домашніе обыски, вторженія въ жилища, личныя оскорбленія, насилія, которыя позволяли себѣ агенты полиціи отъ высшихъ до самыхъ низшихъ, все это стирается передъ битьемъ палками и пыткой. При малѣйшемъ нравственномъ сопротивленіи или отказѣ обвиняемаго признаться во взводимомъ на него преступленіи, его били воловьими жилами, вѣшали за руки, сжимали голову веревкой съ узлами или прибѣгали еще къ болѣе жестокимъ пыткамъ. Ношеніе оружія подвергало публичному тѣлесному наказанію рукою палача... Въ полицейской тюрьмѣ квартала св. Доминика, нашли, въ первые дни революціи, скелеты, черепы, остатки труповъ еще невысохшихъ.» Эти слова Амари вполнѣ подтверждаются письмомъ одного священника, публикованнымъ въ *Daily Telegraph*. Вотъ что говоритъ онъ: «роялисты, при первомъ шумѣ приступа, заложили двери подземелья, надѣясь скрыть отъ всѣхъ свои мерзкія дѣла; но стѣна упала и семь темницъ открылось. Изъ того, что извѣстно

объ испанской инквизиціи, ничего нѣтъ такого, чтобъ могло дать идею о тѣхъ ужасахъ, которые увидѣлъ передъ собой испуганный народъ.

«Трупы во всѣхъ степеняхъ разложенія валялись тамъ и сямъ; нѣкоторые въ одеждѣ, другіе совершенно нагіе, съ оковами, въѣвшимися въ тѣло; множество человѣческихъ костей было навалено въ углахъ; въ разныхъ отдѣленіяхъ зданія были распростерты скелеты жертвъ, умершихъ отъ голода или пытки. На стѣнахъ виднѣлись голые трупы, пригвожденные къ крестамъ; на заржавѣвшихъ желѣзныхъ стульяхъ остались только жалкіе человѣческіе останки; вся земля была усѣяна безобразными, гніющими обрывками человѣческаго мяса... Свирѣпость палачей доходила до того, что они жгли лица своихъ жертвъ.»

На что же надѣялся этотъ Неронъ XIX вѣка, позволяя себѣ такія жестокости? На Австрію и на войско.

Армія процвѣтала въ это дикое царствованіе. Король былъ настоящимъ военнымъ министромъ: онъ входилъ въ самыя мелкія подробности строя и подчинялъ своихъ офицеровъ и солдатъ строгой дисциплинѣ, требуя отъ нихъ безусловнаго повиновенія. Предпочитая офицеровъ необразованныхъ, онъ позволялъ себѣ не только оскорблять ихъ словами, но даже иногда давалъ пощечины; но оскорбляя своихъ генераловъ, онъ въ то же время позволялъ имъ обогащаться, позволялъ имъ противозаконную торговлю и защищалъ отъ преслѣдованій кредиторовъ. Съ простыми солдатами онъ былъ ласковъ, обращался просто, пріучалъ ихъ видѣть въ себѣ защитника отъ притѣсненій старшихъ.

Такая система управленія не могла не возбуждать возстаній. Противодѣйствіе тираніи Фердинанда обнаружилось въ тайныхъ обществахъ и въ литературѣ.

Изъ всѣхъ тайныхъ обществъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ оставались два: Карбонари и Юная Италія; первые не шли дальше конституціи; вторые мечтали о единой итальянской республикѣ. Юная Италія имѣла происхожденіе и существовала независимо отъ центральнаго общества Матсини; она была основана Бенедетто Мосолино. Дѣйствія ея обнаружились, вскорѣ послѣ восшествія Фердинанда на престолъ, заговорами: монаха Анджело Пелозо, и братьевъ Россароль. Преданный однимъ изъ заговорщиковъ, Цезарь Россароль, глава замысла, рѣшился застрѣлиться вмѣстѣ съ капраломъ Романо. Они зарядили пистолеты и выстрѣлили другъ въ друга. Романо былъ убитъ наповалъ, пистолетъ

же его осѣкся. Россароль попытался убить себя самъ, но только получилъ важную рану. Осужденный на каторгу, онъ мужественно влачилъ цѣпь свою до тѣхъ поръ, пока освобожденная Италія не разбила ее (*).

Эти неудачныя покушенія лишили Юную Италію неустрашимѣйшихъ ея начальниковъ; на первое мѣсто выдвинулся карбонаризмъ. Главой этой партіи былъ Ботселли, извѣстный писатель и адвокатъ, возвратившійся въ отечество послѣ двадцатилѣтняго изгнанія. Онъ былъ сенсуалистъ въ философіи и якобинецъ въ политикѣ; никто не подозрѣвалъ въ немъ и тѣни продажности или раболѣпства. «Когда я былъ въ Неаполѣ въ 1843 году, пишетъ Монтанелли въ своихъ мемуарахъ, цвѣтъ демократической партіи говорилъ мнѣ о немъ какъ о Катонѣ, какъ о существѣ высшаго разряда. Съ чувствомъ глубокаго уваженія смотрѣлъ я на него, когда мы на ослахъ ѣхали къ мысу Чертозѣ, вдоль веселой долины; всякое слово его поглощало мое вниманіе гораздо больше, чѣмъ величественная картина, которая развертывалась передъ моими глазами. Я чувствовалъ невыразимое томленіе всякій разъ, когда упрямое животное своими дерзкими капризами подвергало его опасности сломить шею!... Кто могъ думать чѣмъ будетъ онъ послѣ.» Тайныя сицилійскія общества находились въ сношеніи съ Ботселли. Сицилія должна была образовать федерацію съ Неаполемъ, имѣя отдѣльный парламентъ. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, рѣшено было возмутить сперва провинціи и потомъ уже съ помощью ихъ овладѣть Неаполемъ. Неудачныя попытки въ Чивита-ди-Пенна, въ Аквилѣ и Козенцѣ помѣшали осуществить этотъ проектъ. Въ другихъ частяхъ полуострова произошли такія же неудачи. Италія погрузилась въ уныніе. Братья Бандіера рѣшились пробудить ее.

Аттиліо и Эмиліо Бандіера были сыновья адмирала въ австрійской службѣ; вступивъ въ сношенія съ «Юной Италіей», они успѣли склонить на свою сторону часть австрійскаго флота и надѣялись съ помощью фрегата «Беллона» произвести высадку въ Сицилію. Одинъ изъ сообщниковъ измѣнилъ имъ и они были принуждены удалиться на островъ Корфу; но намѣреніе ихъ было непоколебимо: напрасно Австрія обѣщала имъ прощеніе, напрасно мать уговаривала ихъ не гу-

(*) Впослѣдствіи онъ погибъ при защитѣ Венеціи, заслуживъ своимъ мужествомъ имя Арганта лагунъ. Аргантъ — одинъ изъ героевъ «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса.

бить себя, напрасно Ричарди писалъ, чтобъ они не дѣлали высадки на берега Калабріи... «Когда вы получите это письмо, отвѣчали они ему, мы будемъ уже въ Калабріи; журналы извѣстятъ васъ о нашей участи. Какова бы ни была она, сохраните воспоминаніе о вашихъ братьяхъ и въ-особенности призовите другихъ Итальянцевъ послѣдовать нашему примѣру». Высадившись ночью близъ Кротоны въ числѣ 20 человѣкъ, они были преданы однимъ изъ товарищей, Бокечіалоне, и послѣ отчаяннаго сопротивленія взяты въ плѣнъ. Девять человѣкъ, въ томъ числѣ и братья Бандіера были осуждены на смерть. Приведенные на мѣсто казни, они не согласились стать на колѣна, не позволили завязать себѣ глаза и сами скомандовали пальбу. Залпъ раздался—они упали, восклицая: Viva l'Italia! Примѣръ ихъ не остался безъ подражанія.

Съ другой стороны, съ 1837 года появляются въ Сициліи тайныя типографіи. Первымъ плодомъ ихъ являются историческія произведенія Ботты и романы Гератси (*). Въ то же время появились сочиненія Куэко и Колетты; первый яркими красками начертилъ республиканскую гекатомбу 1799 года; второй—вѣроломные, коварные поступки Бурбоновъ. Карлъ Троя (Troia), увлеченный Манцони, вздумалъ передѣлать средневѣковую исторію Италіи въ пользу папства, надѣясь возрожденія полуострова съ помощью гвельфизма. Основавъ ежемѣсячный журналъ, онъ опровергалъ въ немъ мнѣнія Савиньи и Романьози о томъ, что римская муниципія пережила вторженіе варваровъ. Увлекаемый любовью къ родинѣ, онъ предавался невозможнымъ утопіямъ и опоры противъ стремленія... къ всемірному владычеству искалъ въ томъ, что само давно уже сгнило, что само нуждалось въ обновленіи.

Джакомо Леопарди, наоборотъ, нетолько не вѣрилъ въ папство, но и въ самый католицизмъ со всѣми его догматами. Пламенный поклонникъ Италіи, онъ съ горестью и любовью указывалъ ея сынамъ на примѣры древней доблести. Въ природѣ искалъ онъ утѣшенія, и хотя пѣснь его иногда полна отчаянія и ненависти, но это отчаяніе проистекло отъ нетерпѣнія видѣть скорѣе Италію освобожденною; въ этой ненависти дышетъ глубокая любовь къ человѣчеству, какъ въ ненависти Байрона.

(*) Ботта извѣстенъ своей исторіей Неаполя, которая позволена была на континентѣ и запрещена въ Сициліи. Гератси стоялъ во главѣ тосканской школы вмѣстѣ съ Никколини и Джусти. Онъ былъ поклонникомъ Байрона и Маккіавелли.

Къ школѣ Леопарди принадлежитъ Антоній Райнери, авторъ историческихъ статей съ антигвельфскимъ направленіемъ и романа «Сирота Благовѣщенскаго пріюта», гдѣ въ рѣзкихъ чертахъ изображены всѣ злоупотребленія этихъ заведеній. Сочиненіе его было схвачено и запрещено, и самъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ. Рядомъ съ Райнери можно поставить Фердинанда Петручелли, замѣчательнаго силой языка и глубокимъ пониманіемъ духа эпохи, и Вильгельма Пепе, произведшаго своими мемуарами сильное впечатлѣніе на молодыхъ офицеровъ неаполитанской арміи.

Основателемъ политической школы слѣдуетъ, по всей справедливости, считать Паоло Бальзамо, который составлялъ конституцію 1812 года. Послѣдователями его являются Шина (Scinà), человѣкъ съ замѣчательнымъ энциклопедическимъ образованіемъ, и Николай Пальміери, страстный приверженецъ англійской конституціи. Что касается до Іосифа Лафарины, автора «Исторіи Италіи отъ 1815 до 1850 года», онъ писалъ большей частью въ Тосканѣ, потому что былъ изгнанъ изъ королевства Обѣихъ Сицилій. Произведенія его отличаются ненавистью къ папству и нѣкоторымъ оттѣнкомъ соціализма. Но первое мѣсто между неаполитанскими историками принадлежитъ безспорно Микеле Амари.

Сынъ карбонари, осужденнаго на смерть, онъ съ молокомъ всосалъ демократическія правила, съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ призваніе къ исторіи и, поступивъ въ одно изъ министерствъ въ Палермо, неутомимо занимался отыскиваніемъ въ архивахъ неизвѣстныхъ документовъ. Глубокій мыслитель, онъ понялъ, что возрожденіе Италіи возможно только посредствомъ революціи, что революція противъ неаполитанскихъ Бурбоновъ невозможна безъ возстанія Сициліи, а возстаніе Сициліи невозможно безъ пробужденія въ ней сознанія о требованіи древнихъ правъ. Съ этою цѣлью написалъ онъ исторію Сицилійской Вечерни, которая появилась первый разъ въ Палермо, подъ именемъ: «Эпизодъ изъ исторіи Сициліи XIII вѣка». Эта книга показалась полиціи такъ невинною, что она дозволила ея обращеніе, но когда замѣтила произведенное ею впечатлѣніе, то смѣнила цензоровъ, запретила нѣсколько журналовъ, гдѣ были похвалы ей, запретила самую книгу, отставила Амари отъ должности и потребовала, чтобъ онъ явился въ Неаполь для оправданія передъ дель-Каретто. Амари убѣжалъ во Францію.

Рядомъ съ историками сражались экономисты. Широкое поле представлялъ имъ журналъ Іосифа Ричарди «Прогрессъ», задуманный

съ цѣлью привлечь подъ свое знамя всѣ лучшіе умы королевства. Августинисъ, Шіалойа (Scialoia), Саварезе, Кузани и другіе проповѣдывали свободный обмѣнъ, надѣясь приготовить этимъ таможенное единство Италіи, изъ котораго должно было произойти единство политическое. Даже изгнаніе Ричарди не остановило экономическаго движенія, хотя журналъ перешелъ въ руки кавалера Біанкини, отъявленнаго приверженца Бурбоновъ.

Поэзія съ своей стороны не осталась въ бездѣйствіи въ этомъ общемъ броженіи. Страстные энергическіе звуки извлекла муза изъ лиры Александра Поэріо; цѣлая фаланга пѣвцовъ пошла по слѣдамъ аббата Борги, проповѣдника единства Италіи и политическаго поэта. Переселившись изъ Тосканы въ Палермо, онъ открылъ въ своемъ домѣ курсъ литературы и такимъ образомъ познакомилъ Сицилійцевъ съ лучшими произведеніями другихъ итальянскихъ поэтовъ.

Это общее умственное движеніе отразилось и на университетскихъ лекціяхъ и на академическихъ засѣданіяхъ, занимавшихся прежде филологическими пустяками. На юридической трибунѣ оно пробудило воспоминаніе о пламенномъ краснорѣчіи прежнихъ адвокатовъ, названныхъ везувійскими—и энергическое слово Карла Поэріо, Манчини и Конфорти грозно раздалось передъ продажными судьями, могущественно потрясая сердца зрителей.

Такимъ образомъ все соединилось, чтобъ сдѣлать революцію неизбѣжною. Правительство закрывало глаза, видя реформы, совершавшіяся въ другихъ государствахъ Италіи. Его не могла вызвать къ дѣйствію даже брошюра Сеттембрини: «Протестъ народа Обѣихъ Сицилій;» въ ней яркими красками, кистью Тацита, изобразилъ онъ бѣдствія отечества (*). Правительство отвѣчало на нее новыми жестокостями. Слѣдствіемъ было возстаніе Реджіо и Мессины. Вспыхнувшее раньше назначеннаго срока, оно было легко подавлено. Реджіо былъ бомбардированъ; Доминико Ромео, глава заговора, успѣлъ спастись, но попавшись въ засаду въ Калабріи, былъ убитъ послѣ отчаяннаго сопротивленія; казни слѣдовали за казнями, но не могли уронить духа либеральной партіи, рѣшившейся, начать революцію демонстраціями, чтобъ показать народу всю неспособность и упорство правительства. Случай скоро представился. Жестокости, совершенныя въ Калабріи и

(*) Отрывокъ изъ этой брошюры напечатанъ въ «Русскомъ Словѣ». См. іюль 1860 г. Политика, стр. 3.

Сициліи, вызвали общее негодованіе. Римскіе и флорентинскіе журналы съ жаромъ нападали на министра внутреннихъ дѣлъ. Скандалъ сдѣлался такъ великъ, что король принужденъ былъ назначить другаго министра. Многочисленная толпа собралась на площади и кричала: да здравствуетъ король! (Viva il re!) Фердинандъ приказалъ разогнать ее и заключить въ тюрьму важнѣйшихъ гражданъ. На другой день вышло предписаніе полиціи, запрещающее крикъ: viva il re!

Черезъ нѣсколько дней образовалась новая демонстрація. Къ крикамъ «да здравствуетъ король» примѣшиваются крики: «да здравствуетъ конституція, да здравствуетъ Пій IX, да здравствуетъ Италія!» Фердинандъ внѣ себя приказываетъ разсѣять толпу сабельными ударами.

На другой день появилась слѣдующая прокламація съ 500 подписями: «мы нижеподписавшіеся, объявляемъ, что всѣ мы участвовали въ манифестаціи 18 декабря, совѣтомъ или дѣйствіемъ. Мы протестуемъ всѣми силами противъ арестовъ, сдѣланныхъ по этому случаю. Если любить свою страну и выражать эту любовь—преступленіе; если быть органомъ умѣренныхъ желаній всѣхъ—преступленіе; если—преступленіе думать и надѣяться, что нашъ государь любитъ насъ и хочетъ по примѣру другихъ итальянскихъ государей исполнить желанія народа,—мы всѣ виновны. И если правительству не довольно было выслать противъ насъ солдатъ, которые многихъ изъ насъ ранили и топтали лошадьми, пусть оно почтитъ арестомъ всѣхъ насъ или не арестуетъ никого».

Эта прокламація не остановила правительство. Аресты продолжались; продолжались и манифестаціи, какъ въ Неаполѣ, такъ и въ Сициліи. Палермо потребовалъ національной гвардіи. Мессина возстала 5 января 1848 г. и хотя это возстаніе было укрощено, но это не остановило другихъ; ея примѣру послѣдовало и Палермо. Черезъ нѣсколько дней послѣ новаго года появилась въ городѣ слѣдующая прокламація, составленная Баньяско: «Время просьбъ прошло... Двѣнадцатаго января, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, начнется славная эпоха общаго возрожденія; Палермо съ восторгомъ приметъ всѣхъ Сицилійцевъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ явятся защищать общее дѣло, произвести реформы и дать государственнымъ учрежденіямъ новую форму.... Мы сражаемся за право и справедливость. Богъ поможетъ намъ. Къ оружію, Сицилійцы!»

Правительство удовольствовалось арестомъ нѣсколькихъ подозри-

тельныхъ лицъ, но не приняло никакихъ серьезныхъ мѣръ къ предупрежденію возстанія, считая прокламацію безумнымъ бредомъ какого-нибудь горячаго патріота. Въ назначенный день многочисленная толпа наводнила улицы Палермо. Обѣ партіи въ томительномъ ожиданіи смотрѣли другъ на друга. Одинъ молодой палермитянинъ, Бушеми, наскучивъ дожидаться, выхватываетъ изъ-подъ плаща ружье и восклицаетъ: «къ оружію!» Двое священниковъ благословляютъ народъ возстать; Іосифъ Ла Маза на концѣ палки привязываетъ два платка: красный, и бѣлый и скрѣпляетъ ихъ зеленой лентой, показывая этимъ, что Сицилія принимаетъ итальянское знамя; нѣсколько патріотовъ увлекаютъ народъ своимъ примѣромъ и страшная борьба загарается на всѣхъ пунктахъ... Ночью приходятъ подкрѣпленія изъ окрестныхъ деревень; солдаты не осмѣливаются показываться на улицахъ: они осаждены въ фортѣ Кастелламаре и во дворцѣ... Но вотъ 15 числа показывается неаполитанскій флотъ съ 5,000 войска, предводимаго генераломъ Дезоже. Градъ ядеръ и бомбъ сыплется на несчастный городъ, но Палермитяне не слабѣютъ. Напрасно губернаторъ генералъ Махо, присылаетъ имъ королевскіе указы, которыми обѣщается амнистія, расширеніе правъ консульты и назначеніе намѣстникомъ Сициліи графа Аквилы, брата короля, — Палермитяне отвѣчаютъ отказомъ.

Между тѣмъ инсургенты сформировали четыре комитета: провіантскій, военный, финансовъ и публичности, съ цѣлью давать направленіе журналистикѣ. Президентомъ ихъ былъ назначенъ 70-лѣтній старикъ, адмиралъ Руджіеро Сеттимо. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ началъ онъ службу свою во флотѣ и всякій чинъ покупалъ на полѣ битвы. Онъ не былъ ни писатель, ни заговорщикъ, ни агитаторъ, но всѣ мысли его были посвящены отечеству; онъ не былъ ораторомъ, но говорилъ народу безъ затрудненія; онъ любилъ его, и въ своемъ сердцѣ, въ своемъ чистомъ, благородномъ патріотизмѣ находилъ тѣ звуки, которые трогаютъ и увлекаютъ толпу. Постоянно господствуя надъ страстями своими, неутомимый въ работѣ, онъ, во всѣ эпохи жизни, оказывался точенъ до мелочности въ исполненіи своего долга. Уважаемый конституціонной партіей, какъ одинъ изъ лучшихъ патріотовъ 1812 года, онъ былъ въ то же время любимъ республиканцами, какъ человѣкъ неспособный употребить во зло ввѣренную ему власть; но къ несчастью въ немъ не доставало необходимой энергіи.

Сдѣлавшись главою народнаго движенія, онъ употребилъ всѣ средства къ скорѣйшему окончанію борьбы между народомъ и королевски-

ми войсками; последнія были стеснены такъ, что съ величайшимъ трудомъ успѣли спастись на корабли, оставивъ въ рукахъ инсургентовъ 1,800 плѣнныхъ и часть артиллеріи и багажа...

Въ первыхъ числахъ февраля въ рукахъ короля оставалась только цитадель Мессины.

В. ПОПОВЪ.

Un grand peuple qui se relève, par Agénor de Gasparin. Michel Levy, Paris. (Возстаніе великаго народа).

Подъ этимъ заглавіемъ явилась очень интересная книга объ американскомъ вопросѣ. Мы не согласны съ авторомъ въ его піэтическомъ воззрѣніи на современныя происшествія заатлантической республики, но вполнѣ раздѣляемъ его надежды на благополучный исходъ дѣла. «Я не оплакиваю Америку, говоритъ онъ; я удивляюсь ей. Въ этой энергической реакціи противъ зла я вижу нравственную силу народа, привыкшаго къ трудолюбивой борьбѣ за свободу. Возрожденіе націи составляетъ одно изъ удивительныхъ и самыхъ рѣдкихъ явленій, какія только встрѣчаются въ исторіи человѣчества. Обыкновенно, народы, начинающіе падать, падаютъ до конца; надо имѣть огромную жизненную силу, чтобъ снова встать и оправиться отъ своего паденія» (стр. 4). Да, эта могущественная республика, удивлявшая весь міръ своимъ громаднымъ прогрессомъ въ области промышленности, торговли, наукъ и искуствъ; эта, только что основавшаяся нація, которая могла уже соперничать съ самыми древними и болѣе прочно организованными обществами, успѣла въ кратковременный періодъ своего существованія дойдти до непонятнаго истощенія своихъ великихъ политическихъ началъ. Самыя отвратительныя страсти свободно развивались въ ней; идея права начала утрачиваться; жажда золота и эксплуатація осквернили всѣ благородныя стремленія, и раб-

ство было возведено въ принципъ національной жизни. Всѣ тѣ, которые изъ Стараго свѣта съ надеждою смотрѣли на юную Америку, должны теперь глядѣть на нее съ отвращеніемъ и почти усумниться въ достоинствѣ человѣка.

Въ чемъ же кроются причины такого паденія американской республики? Въ томъ, что она измѣнила своему принципу: узаконивъ свое рожденіе провозглашеніемъ человѣческихъ правъ, она, мало по малу, дошла до невольничества Негровъ и положила его краеугольнымъ камнемъ своихъ учрежденій. Когда Вашингтонъ, Франклинъ, Джеферсонъ и другіе великіе люди основали республику, они не произносили слова «рабство», но точно также они не произносили и слово «освобожденіе». Они оставили своихъ Негровъ въ прежнемъ состояніи и косвенно признали, что человѣкъ можетъ быть собственностью другаго человѣка. Изъ этой первой уступки въ пользу зла произошло безчисленное множество другихъ. Сперва только допускали существованіе рабовъ, потомъ дозволили ввозъ Негровъ въ Миссури; затѣмъ конгрессъ призналъ присоединеніе Техаса, бывшаго до того времени свободнымъ, для того, чтобы ввести въ него невольничество. Послѣ этого всѣ территоріи, еще необразовавшіяся въ штаты, отданы были подъ невольническія засѣданія. Наконецъ, къ довершенію этого дѣла, верховный судъ провозгласилъ, что плантаторъ имѣетъ право свободно привозить рабовъ въ сѣверные штаты. Такимъ образомъ республика превратилась въ страну рабовладѣльцевъ. Они господствовали всюду: въ сенатѣ, въ верховномъ судѣ, въ представительныхъ камерахъ. Президентъ всегда избирался изъ ихъ среды или изъ числа ихъ покорныхъ слугъ въ сѣверныхъ штатахъ. Всѣ общественныя должности, начиная отъ президента верховнаго суда до тюремщика, замѣщались или ими самими, или же ихъ питомцами и кліентами; они увлекали за собою всѣхъ поклонниковъ силы, которые составляютъ въ Америкѣ, какъ и вездѣ, большинство. Господствуя въ странѣ, они управляли по своему произволу ея внѣшнею политикою. Они вели мексиканскую войну, они угрожали Кубѣ, они затѣвали покупку Санъ-Доминго. Подъ предлогомъ неприкосновенности своего флага, они отказали англійскимъ судамъ въ правѣ осматривать ихъ корабли, назначенные для торга Неграми. Внутренняя политика ихъ клонилась къ тому, чтобы завладѣть арміей: офицеры, избранные изъ ихъ круга, начальствовали федеративными войсками и переносили въ вѣрныя мѣста пушки и военные припасы; общественное богатство бы-

ло предано разграбленію. Между тѣмъ жители сѣверныхъ штатовъ спокойно взирали на паденіе своей страны, которая постоянно превращалась въ обширный невольничій станъ. Нельзя сомнѣваться, чтобъ олигархія плантаторовъ подъ конецъ не возъимѣла намѣренія основать индійскую имперію, которая бы состояла изъ южныхъ штатовъ, Антильскихъ острововъ, Мексики и центральной Америки. И если они еще оставались въ союзѣ, то только для того, чтобы болѣе обезпечить исполненіе своего плана. Привыкшіе повелѣвать, они хотѣли принудить работать янки на нихъ: они употребляли въ свою пользу деньги, умъ, оружіе, даже самыя учрежденія своихъ непріятелей для распространенія невольничества. Союзъ, подобно курицѣ несущей золотыя яйца, доставлялъ имъ каждое утро какой-нибудь новый, клонящійся въ ихъ пользу законъ, который они великодушно удостоивали признанія. «Скоро, думали они, наступитъ день, когда мы извлечемъ изъ низкаго соучастія сѣверныхъ штатовъ все, что только можно было изъ нихъ извлечь; тогда, съ презрѣніемъ оттолкнувъ всѣхъ этихъ разнощиковъ янки, скажемъ имъ: вы недостойны быть въ сношеніяхъ съ *джентльменами*!»

Къ несчастію успѣхъ опьяняетъ: плантаторы сдѣлали промахъ въ томъ отношеніи, что потребовали много уступокъ сразу. Сѣверные штаты поняли наконецъ, что имъ угрожаетъ серьезная опасность — рано или поздно попасть въ кабалу къ рабовладѣльцамъ и пожертвовать независимостью, умственнымъ и соціальнымъ развитіемъ, всѣмъ своимъ прошедшимъ и будущимъ въ пользу одного права — угнетать и грабить бѣдное африканское племя; они поняли, что поля, окружающія плантаціи вяли отъ присутствія этихъ послѣднихъ, и, что конкуренція крѣпостнаго труда безчеститъ свободный трудъ. Быть можетъ, также пробужденіе нравственнаго чувства и стыдъ имѣли какое-нибудь участіе въ этомъ противодѣйствіи со стороны сѣверныхъ штатовъ требованію южныхъ. Остережемся принять эту реакцію за результатъ скупости, за расчетъ.

Если въ этомъ великомъ кризисѣ, разъединившемъ американскую націю, она не станетъ повиноваться нравственнымъ побужденіямъ, инстинктивнымъ или разумнымъ, — то она погибнетъ невозвратно. Да, мы вѣримъ, что слова аболиціонистовъ, которыя были такъ долго голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, произведутъ наконецъ благотворное вліяніе; пусть же тотъ и погибаетъ, кто первый обнажилъ мечъ

противъ свободы и въ защиту величайшаго злодѣянія нашего вѣка — рабства.

Нѣтъ сомнѣнія, что Аженоръ де-Гаспаренъ принадлежитъ къ числу самыхъ искреннихъ людей; но какъ ревностный протестантъ, онъ не съумѣлъ стать выше предразсудковъ своей касты. Всю вину рабства онъ взводитъ на демократію и славу его будущаго освобожденія хочетъ приписать религіозному рвенію евангелическихъ проповѣдниковъ. Это значитъ въ одно и то же время клеветать на однихъ и придавать слишкомъ много чести другимъ! Если рабовладѣльцы присвоили себѣ названіе демократовъ, то не будемъ ошибаться насчетъ этого слова; — они покрылись имъ съ цѣлью возбудить больше уваженія къ своей гнусной политикѣ; они стали подъ покровительствомъ великаго имени Джефферсона, чтобы смягчить презрѣніе къ себѣ общественнаго мнѣнія или обмануть его: но львиная шкура не въ пору пресмыкающемуся, и, вѣроятно, не много найдется такихъ, кто рѣшился бы смѣшивать истиннаго демократа съ плантаторомъ.

Развѣ самыя низкія партіи не прикрывали всегда чѣмъ-нибудь добрымъ свои преступленія? Развѣ инквизиторы не жгли еретиковъ во имя Бога? Вмѣсто того, чтобы клеймить демократію, недурно бы г-ну Аженоръ де-Гаспарену принять къ свѣдѣнію, что изгнанники-демократы, нашедшіе себѣ убѣжище въ Америкѣ, считаются въ числѣ самыхъ ревностныхъ аболиціонистовъ, и не забывать, что честь перваго декрета въ пользу освобожденія Негровъ принадлежитъ людямъ французской революціи. Да, честь этого неотъемлемо принадлежитъ Французамъ. Что же касается протестантскихъ сектъ въ Америкѣ, то можно указать только на ихъ позоръ, а никакъ не хвалить ихъ. Всѣ христіанскія церкви, безъ исключенія, участвовали въ преступленіи рабства; всѣ онѣ обратили свою теологію и свое вѣроисповѣданіе на служеніе дѣлу плантаторовъ; посредствомъ своихъ проповѣдниковъ онѣ прокляли всѣхъ, кто не считалъ Негровъ — вещью, принадлежащею бѣлымъ. Только унитары и квакеры, которыхъ, такъ называемыя евангелическія секты, считаютъ еретиками, единогласно протестовали противъ позора «*патріархальнаго учрежденія*».

Еслибы духъ евангелическихъ сектъ, какъ утверждаетъ Аженоръ де-Гаспаренъ, былъ дѣйствительно противенъ рабству, то отчего же это учрежденіе достигло такихъ громадныхъ размѣровъ именно въ Соединенныхъ штатахъ, гдѣ столько вѣрныхъ сыновъ церкви? На зло его увѣреніямъ факты говорятъ, что національный конвентъ, прозванный

собраніемъ атеистовъ, первый уничтожилъ рабство въ колоніяхъ; всѣ испанско-американскія республики освободили Негровъ; мусульманинъ; тунисскій бей, во внутренности Африки, даже далъ независимость своимъ рабамъ, между тѣмъ какъ въ свободной Америкѣ протестантскіе проповѣдники простираютъ руки къ небу, умоляя о ниспосланіи новыхъ проклятій на голову потомковъ Хама! Даже самъ Ажэноръ де-Гаспарэнъ, проповѣдуя эмансипацію рабовъ, кажется смотритъ на нихъ какъ на разрядъ низшихъ существъ; онъ самъ говоритъ объ аристократизмѣ цвѣта кожи и проповѣдуетъ противъ смѣшенія двухъ расъ, какъ противъ дѣла, «*очевидно не согласнаго съ намѣреніями Провидѣнія*...»

Что бы ни говорилъ набожный авторъ разбираемой нами книги, американскій народъ встанетъ не потому, что прочтетъ о своихъ обязанностяхъ въ древнихъ іудейскихъ книгахъ или выслушаетъ пустозвонную проповѣдь какого-нибудь протестантскаго клерикала,—нѣтъ! пусть онъ узнаетъ это изъ своей совѣсти, пусть урокомъ для него послужитъ его собственная исторія, и онъ увидитъ, что, съ первыхъ дней своего существованія, онъ сталъ великимъ народомъ, потому что любилъ независимость, потому что энергически заботился о свободномъ трудѣ, жертвовалъ всѣмъ общему дѣлу, соединялъ силы для общей цѣли. Неужели же нынѣ, забывъ преданія о быломъ патріотизмѣ и свободѣ, жители сѣверныхъ штатовъ станутъ исполнять должность жандармовъ, въ угоду аристократовъ юга, для того, чтобы поддержать рабство четырехъ милліоновъ Негровъ? Они уже возмутились противъ этихъ требованій, но имъ слѣдуетъ разорвать конституцію и тѣ опредѣленія верховнаго суда, которыя болѣе или менѣе ясно признаютъ право человѣка на владѣніе человѣкомъ. Доколѣ они не признаютъ братьями чернокожихъ рабовъ, доколѣ они не объявятъ войну за эмансипацію — они будутъ продолжать покорно пресмыкаться, и, рано или поздно, раздѣлятъ съ южными плантаторами всю кару ихъ позора!...

Tagebücher von Friedrich v. Gentz, mit einem Vor- und Nachwort, von Varnhagen von Ense. Leipzig, Brockhaus.

Генцъ былъ человѣкъ низкій. Онъ съ молоду питалъ либеральныя мысли, а потомъ продалъ свое перо полицейскимъ и дипломати-

ческимъ цѣлямъ. Онъ принялъ на себя трудъ записывать ежедневно свои поступки и подвиги. Масса рукописей становилась слишкомъ велика и скопляла много щекотливыхъ подробностей, потому онъ сдѣлалъ изъ нея обширное извлеченіе, съ цѣлью пояснить будущему историку ту важную роль, которую онъ игралъ въ событіяхъ Европы въ эпоху отъ 1800 по 1830 годъ. Вмѣстѣ съ другимъ ренегатомъ, своимъ другомъ Адамомъ Мюллеромъ онъ былъ душею и проводникомъ идей Меттерниха. Въ самомъ дѣлѣ, въ дневникѣ Генца, изданномъ Варнгагеномъ фонъ-Энзе и доведенномъ до 1814 года, встрѣчаются многія важныя страницы о той роли, какую играли многіе дѣятели, подвизавшіеся на политической аренѣ того времени, и о тѣхъ тайныхъ пружинахъ, которыя руководили ими. Намъ кажется, что для психолога, разсматривающаго *in anima vili*, сложная личность Генца не лишена научнаго интереса. Уклончивый, хитрый, дальновидный, пронырливый, лукавый и остроумный, съ вкрадчивыми манерами, онъ тѣломъ и душою, всѣмъ своимъ существомъ предавался каждому новому занятію, сосредоточивалъ на немъ все свое стремленіе, весь свой пылъ и всю свою страсть, потому что онъ былъ страстенъ до чрезвычайности. Онъ велъ адскую игру, влюблялся въ женщинъ до безумія; порою былъ сентименталенъ; къ удивленію, на него находили по-временамъ религіозные припадки и онъ съ благоговѣніемъ принимался читать евангеліе.

Въ денежномъ отношеніи для него былъ необходимъ его образъ дѣйствій. Въ одной изъ его замѣтокъ видно, что онъ въ 1814 году издержалъ болѣе 200,000 франковъ въ одинъ годъ. Онъ получалъ отъ Англіи, отъ букарестскаго правительства; это послѣднее было для него источникомъ, изъ котораго онъ извлекалъ до послѣдней капли; отъ Пруссіи, — словомъ, отвсюду. Онъ получалъ деньги, служилъ, бросалъ службу, смотря по обстоятельствамъ. Одному только дѣлу онъ никогда не измѣнялъ—это реакціи. Онъ хвалится, что съ истиннымъ вдохновеніемъ написалъ 13-ю статью вѣнскаго трактата и въ тотъ день, когда эта статья была принята, онъ съ гордостью воскликнулъ: «*этотъ день важнѣе дня Лейпцигской битвы*».



La morale universele, l'esprit des grecs Pensées etc. Paris. 1861. (Всемiрная нравственность, умъ грековъ, мысли и проч.)

По мѣрѣ того, какъ наша классическая литература, съ ея теологiей и философiей, теряетъ положительную почву и здравый человѣческiй смыслъ, Грецiя попрежнему блещетъ красотой идеи и строговыработанной формы. Милосская Венера не старѣетъ и трагедiи Софокла вполнѣ удерживаютъ свою поэтическую ясность, и изящную простоту временъ Перикла и Аспазiи. Болѣе трехъ вѣковъ южно-католическая Европа полной рукой черпаетъ образцы и наставленiя изъ древняго мiра, котораго цвѣтущая пора была такъ мимолетна. Мы впрочемъ не понимаемъ этого увлеченiя. Идеи, выработанныя на классической почвѣ Грецiи и Рима, относятся къ нашей жизни точно также, какъ великолѣпный гербарiумъ къ живой ботаникѣ. Въ этомъ увлеченiи есть много педантизма и еще больше лицемѣрiя. Стихъ Гомера никогда не можетъ доставить мнѣ такого наслажденiя своей гармонiей, какъ самый посредственный лирическiй стансъ Дюпона или В. Гюго; образы, картины и нравственный смыслъ греческаго пѣвца для меня сухи, блѣдны и непонятны. Поэтому всякое усилiе заставить насъ восхищаться Пиндаромъ или Еврипидомъ кажется мнѣ страннымъ, чтобъ не сказать, крайне нелѣпымъ. Мы можемъ и должны знать греко-римскую литературу, мы можемъ сочувствовать многимъ сторонамъ ея, но считать ее за образецъ новѣйшей мысли —это, воля ваша, чистѣйшая безсмыслица.

Книга, поставленная нами въ заглавiи, принадлежитъ къ разряду натянутыхъ и педантическихъ восторговъ греческой жизни и науки.

Voyage du Cain en Nubie, par Louis Pascal 1861. (Путешествiе Каина въ Нубiю.)

Французская литература, по преданiю и воспоминанiямъ, время отъ времени обращается къ востоку. Египетъ, съ его таинственной исторiей, съ его колоссально-безобразными сфинксами, обелисками и пирамидами, съ его легендарнымъ мiромъ вокругъ Мемфиса и на берегахъ Нила, старый Египетъ особенно льститъ нашей фантазiи и пат-

ріотическимъ изліяніямъ. Мы не забыли, что тамъ легли костями нѣсколько сотъ тысячъ нашихъ солдатъ, что тамъ начались громкія побѣды Наполеона I что тамъ сорокъ вѣковъ смотрѣли съ вершинъ пирамидъ на наши мундиры и штыки и т. д. Всѣ эти воспоминанія, къ сожалѣнію, не потеряли для насъ самаго наивнаго обаянія. И вотъ мы отправляемся на востокъ не для изученія его природы, его современной жизни, а для впечатлѣній, пріятныхъ сомолюбію и совершенно ничтожныхъ по содержанію. Въ то время, какъ Нѣмцы и въособенности Англичане объѣхали земной шаръ по всѣмъ направленіямъ, обшарили всѣ углы его, составили превосходныя карты, собрали множество памятниковъ, изучили флору, зоологію и температуру, раскинули сами колоніи по всѣмъ частямъ свѣта, мы, Французы, все еще мечтаемъ о славныхъ военныхъ разбояхъ Бонапарта и подъ-часъ думаемъ: «Эхъ, какъ было бы хорошо еще побывать въ Египтѣ съ пушками и алжирскими козаками.» Наша академія каждый годъ даетъ отчетъ о путешествіяхъ по востоку и каждый разъ повторяетъ слѣдующую фразу: «Путешествій ученыхъ совершено 60, но предметовъ, достойныхъ наблюденія не оказалось...» Это напоминаетъ мнѣ бюллетени другой академіи, хорошо извѣстной вамъ, которая каждогодно извѣщаетъ французскую о тотъ, что у нея, слава Богу, ничего особеннаго не случилось, наука попрежнему процвѣтаетъ, также, какъ во времена бывшихъ нѣмецкихъ фермеровъ, возведенныхъ въ достоинство ученыхъ мужей.»

Луи Паскаль — путешественникъ авантуристъ. Онъ искалъ въ Египтѣ пріятныхъ приключеній, осматривалъ монументальную древность, стрѣлялъ птицъ по берегу Нила, любовался мѣднымъ цвѣтомъ неба и диковинными растеніями.

Изъ книги его, написанной языкомъ довольно грамотнаго лавочника, видно, что онъ добрый малый, веселый собесѣдникъ, — и только. Ну стоило ли, милый Паскаль, такъ далеко ѣхать за пріятными впечатлѣніями, когда ихъ такъ много на Итальянскомъ бульварѣ Парижа и стоило ли занимать публику такими пустыми разсказами?

Э. РЕКЛЮ.

СМѢСЬ.

О рабочемъ классѣ въ ближней тайгѣ.

(Изъ очерковъ Сибири).

Изъ всѣхъ отраслей промышленной дѣятельности сибирскаго края, нѣтъ сомнѣнія, самая интересная отрасль—золотые пріиски. Съ ними соединяется страшная исторія каторжниковъ и частной эксплуатаціи народныхъ силъ; на нихъ погибли милліоны людей, принесенныхъ въ жертву невѣжеству и алчности капиталистовъ; они по всей справедливости возбуждаютъ вниманіе современной литературы и администраціи; они давно требуютъ общественнаго голоса и протеста противъ вопіющихъ злоупотребленій капиталиста, поставленнаго въ положеніе людоѣда въ отношеніи къ рабочему сословію. При самыхъ гуманныхъ условіяхъ труда, золотые промыслы, вмѣстѣ съ каменными копями, представляютъ одну изъ тѣхъ тяжелыхъ работъ, которыя преждевременно разрушаютъ здоровье и фактически дѣлаются наказаніемъ ремесленнаго класса.

По физическимъ условіямъ золотыхъ промысловъ рабочіе на нихъ находятся въ такомъ состояніи, въ какомъ они едва ли встрѣчаются гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Россіи. Чтобъ объяснить это экономическое явленіе, необходимо дать нѣкоторое понятіе о географическомъ очертаніи золотыхъ промысловъ.

Эти промыслы сосредоточиваются въ тайгѣ, которая разстилается

къ востоку отъ рѣки Томи. Южная половина пространства, лежащаго между рѣками Томью и Чулымомъ, имѣетъ видъ гористой страны съ незначительными высотами. Эта возвышенная плоскость покрыта сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ съ болотистой почвой, тогда какъ окружающая её равнина состоитъ изъ открытыхъ полей, удобныхъ для цвѣтущаго хлѣбопашества. Горы эти у окрестныхъ крестьянъ не носятъ никакого названія; гористая полоса извѣстна только подъ нарицательнымъ именемъ *тайги*, что значитъ дѣвственный лѣсъ. Русская колонизація, распространившаяся по всей способной къ земледѣлію равнинѣ, остановилась у окраины тайги; внутри же ея доселѣ нѣтъ и не можетъ быть ни одной деревни. Такимъ образомъ окраина тайги (которая въ западной части Алтая называется *чернью*) на всемъ югѣ Томской губерніи есть въ то же время и предѣлъ распространенія русскаго племени.

Вся эта гористая страна, которую привыкли называть *ближней* или *томской тайгой* въ отличіе отъ *дальней енисейской*, въ настоящее время совершенная пустыня, въ которой не могли найдти пріюта даже звѣроловные инородцы, и вотъ въ ней то разсѣяны золотые пріиски, иногда кучками, недалеко одинъ отъ другаго, иногда одинокими заведеніями. Простыя просѣки въ лѣсу, въ нѣсколько саженъ шириной, ведутъ отъ населенной окраины тайги въ ея безплодную внутренность, къ одиноко стоящимъ пріискамъ (*); по сторонамъ дороги двѣ непрерывныя стѣны изъ хвойнаго лѣса, частаго, какъ камышъ; стволы деревьевъ вѣтвятся только на вершинахъ, внизу же, въ заглушающей тѣснотѣ, они представляютъ прямыя, гладкія и тонкія колонны. Узкая щель, въ которую солнце освѣщаетъ дно просѣки, не даетъ ему возможности скоро осушить ее; а между тѣмъ окрестный лѣсъ безпрестанно заливаетъ дорогу водой изъ своихъ многочисленныхъ мочаговъ. Оттого на дорогѣ грязь въ теченіи всего лѣта; тридцать верстъ нужно ѣхать съ ранняго утра до заката; такъ по крайней мѣрѣ я пробирался на тотъ пріискъ, на которомъ мнѣ случилось провести лѣто 1859 года. Для перевозки поклажи среди этой грязи и кочекъ употребляются волокуши, т. е. самый патріархаль-

(*) Настоящія мои замѣтки основаны на близкомъ знакомствѣ только съ однимъ пріискомъ, находящимся на рѣчкѣ Чалы, впадающей въ Яю; но я убѣжденъ, что большая часть моихъ наблюденій равно относится и къ другимъ пріискамъ.

ный экипажъ; двѣ длинныя жерди соединены по серединѣ перекладинами, къ которымъ и привязывается поклажа веревками; въ передніе концы запрягается лошадь, а задніе тащутся по землѣ; кучеръ сидитъ верхомъ на лошади. Женщины путешествуютъ или верхами, или въ волокушахъ, на которыхъ устроиваются для этого бесѣдки.

Вотъ по такимъ-то дорогамъ совершаются всѣ сообщенія пріисковъ съ областью русской колонизаціи, а нѣкоторые, говорятъ, отстоятъ отъ границы этой области почти на сто верстъ. По этимъ дорогамъ производится и перевозка всѣхъ матеріаловъ для пріисковъ; впрочемъ, главная ихъ часть доставляется зимой, когда въ просѣкахъ морозъ устроиваетъ сносную санную дорогу.

Это пустынное положеніе золотыхъ промысловъ, отброшенныхъ за черту всякой общественной жизни, было причиною того, что рабочій классъ въ тайгѣ сталъ въ полную зависимость отъ золотопромышленниковъ. Мелочная торговля, производившаяся во всѣхъ ближайшихъ деревняхъ, не могла распространиться здѣсь; для этого необходимы были пути сообщенія и извѣстная степень развитія промышленности. Такимъ образомъ золотопромышленники приняли на себя заботу о продовольствіи рабочихъ необходимыми вещами, пищей и одеждой. Этотъ порядокъ остался и до сихъ поръ; они имѣютъ магазины съѣстныхъ припасовъ и разныхъ товаровъ, которые и выдаются рабочимъ въ зачетъ жалованья; разумѣется, что работникъ немедленно попадаетъ въ совершенную кабалу у хозяина пріиска и принужденъ терпѣть всѣ невыгоды и злоупотребленія отвратительной монополіи. Золотопромышленникъ можетъ назначать самыя произвольныя цѣны, высокія при начетѣ на работника и низкія при скидкѣ съ него. Вотъ, напримѣръ, я слышалъ какой случай съ однимъ прикащикомъ: онъ долженъ былъ получать отъ хозяина по фунту сахару и чаю въ мѣсяцъ, но онъ сахаръ не бралъ, оставляя его въ долгу за хозяиномъ, и только разъ какъ-то въ серединѣ мѣсяца вздумалось ему почему-то взять изъ лавки сахару; къ концу года золотопромышленникъ свелъ счеты такимъ образомъ: сахаръ, оставшійся въ долгу за лавкой, поставилъ онъ по 30 к. ф., а сахаръ, выданный прикащику въ счетъ его жалованья, по 50 к. ф. Съ крестьянами бываютъ сплошь подобныя исторіи; понадобится ему ситецъ на рубашку, ему выдадутъ изъ хозяйской лавки и запишутъ въ счетъ жалованья; но потомъ онъ раздумаетъ и промѣняетъ ситецъ на что-нибудь другое, на чай или на водку, которая, несмотря

на запрещеніе, тайкомъ продается на всѣхъ пріискахъ, и притомъ разбавленная на половину водой. Ситецъ, полученный отъ рабочаго обратно, вписывается назадъ въ книгу золотопромышленника, но по цѣнѣ уже ниже той, которая была выставлена при выдачѣ его; такимъ образомъ рабочій, не сдѣлавъ дѣйствительнаго займа, посредствомъ одного передвиженія товара изъ хозяйскихъ рукъ въ свои и обратно, можетъ образовать громадный долгъ; и въ самомъ дѣлѣ многіе рабочіе къ концу срока нетолько не получаютъ остатковъ изъ заслуженнаго жалованья, но еще остаются сами должны хозяину.

Оттого и выходитъ, что рудокопъ работаетъ четыре мѣсяца почти безъ отдыха, за двадцать рублей задатка, да за нѣсколько квартъ вина; а остальное количество платы такъ и остается въ рукахъ хозяина. Зная это, рабочій и старается въ задатокъ вогнать все свое жалованье; между тѣмъ, мѣстное начальство, кажется, желая освободить рабочихъ отъ ихъ кабальнаго характера, старалось о пониженіи задатка и ограничило его; золотопромышленники протестовали, потому что безъ большихъ задатковъ они рисковали вовсе остаться безъ рабочихъ. Рабочіе не хотѣли идти за пятирублевые задатки; для нихъ это было все равно, что за пять рублей работать цѣлое лѣто. Но зло происходило отъ монополіи золотопромышленниковъ, и потому противъ него, кажется, и слѣдовало бы обратить главныя мѣры. Нужно освободить рабочаго отъ повседневной зависимости, дать ему возможность самому одѣваться и покупать себѣ хлѣбъ. И это было бы нетолько справедливо, но и полезно въ экономическомъ отношеніи. Правда, доступъ постороннимъ торговцамъ въ тайгу не легокъ по скверному состоянію пріисковыхъ дорогъ, но это не непреодолимое препятствіе: можно товаръ завозить зимой по хорошей дорогѣ.

Главная причина, непозволяющая зародиться этой полезной конкуренціи — отсутствіе денегъ и общиннаго духа между рабочими. Къ сожалѣнію, они не имѣютъ ни того, ни другаго. Зато золотопромышленникамъ легко пользоваться ихъ разъединеніемъ и бѣдностію.... Вслѣдствіе этого образовалась цѣлая система промышленной эксплуатаціи, съ одной стороны убивающей въ самомъ источникѣ свободную предпріимчивость, а съ другой отнимающей у труда его жизненныя силы. Въ настоящее время рабочіе нетолько не имѣютъ возможности противодѣйствовать угнетающей ихъ монополіи, но находятся еще въ полицейской зависимости отъ золотопромышленника;

послѣдній имѣетъ право наказать рабочаго тѣлесно, кажется не болѣе пятидесяти ударовъ; но извѣстно, какъ легко обходятся эти офиціальныя опредѣленія. Прибавьте къ этому другія исправительныя мѣры, которыя можно изъ самыхъ легкихъ сдѣлать самыми тяжелыми, какъ напримѣръ «казачью», т. е. землянку, служащую вмѣсто пріисковой тюрьмы; смотря по нраву золотопромышленника, эта казачья можетъ обратиться въ такой могильный склепъ, гдѣ, просидѣвши недѣлю, можно заживо заросги мхомъ, подобно сказочному калмыцкому герою Шуно. При мнѣ существовалъ на пріискахъ обычай, въ предупрежденіе побѣга, подозрительному человѣку сбривать половину головы, чтобъ послѣ по этому знаку легче было поймать его, если онъ уйдетъ въ деревни.

Еслибъ рабочіе были организованы въ общества съ правомъ выбора старшины и на послѣднихъ возложенъ полицейскій надзоръ, то этого было бы совершенно достаточно для спокойствія въ тайгѣ, а золотопромышленники нетолько не были бы въ убыткѣ, но еще выиграли бы. Можетъ быть возразятъ, что съ прекращеніемъ права золотопромышленниковъ наказывать усилится нерадѣніе въ народѣ, который и при теперешней строгости, часто спитъ на работѣ; но какъ не спать и не лѣниться, когда работа, одна изъ египетскихъ работъ, начинается въ 5 часовъ утра, если не раньше, и кончается всегда гораздо позже 8 часовъ вечера, съ отдыхомъ только во время обѣда, продолжающимся одинъ часъ? Давнобы слѣдовало золопромышленникамъ, хоть по чувству человѣколюбія, значительно уменьшить величину рабочаго дня; тогда не было бы болѣзненнаго утомленія и неизбѣжно соединеннаго съ нимъ отвращенія къ труду и лѣности. Мы сказали, что золотопромышленники выиграли бы отъ передачи внутренняго управленія пріиска обществамъ рабочихъ; это вотъ почему: Такъ какъ большею частью пріискомъ завѣдуетъ управляющій, а золотопріискатель, если и живетъ на пріискѣ, то въ хозяйство не вмѣшивается, то для золотопромышленниковъ гораздо выгоднѣе имѣть въ массѣ рабочихъ могущественный контроль надъ своими прикащиками, чѣмъ быть за–одно съ прикащиками противъ рабочихъ. Старое мнѣніе, будто для собственныхъ выгодъ золотопромышленникъ долженъ стараться объ авторитетѣ своихъ управляющихъ, оказывается на дѣлѣ совершенной нелѣпостью; думаютъ, что вниманіемъ къ прикащикамъ можно привязать ихъ къ хозяйскому дѣлу такъ, что они будутъ видѣть въ немъ свое. Такое мнѣніе показываетъ незнаніе своихъ

домашнихъ дѣлъ, показываетъ, какъ золотопромышленники далеко стоятъ отъ народа, какъ они мало занимаются имъ и мало прислушиваются къ его желаніямъ и симпатіямъ. Дѣло совершенно наоборотъ—народъ всегда, и безъ стараній золотопромышленника, искренно сочувствуетъ его успѣхамъ, тогда какъ прикащики всегда равнодушны къ нимъ. Это легко объяснить; прикащикъ заинтересованъ не столько своимъ жалованьемъ, сколько доходами, которые соединены съ разными должностями; потому, ему все равно, обанкрутится ли нынѣ золопромышленникъ или выиграетъ; во всякомъ случаѣ онъ независимъ отъ банкротства золотопромышленника, и можетъ еще случиться, что при послѣднихъ операціяхъ падающаго золопромышленника еще болѣе поживится, чѣмъ въ другое время. Совсѣмъ въ другихъ обстоятельствахъ находятся рабочіе; у нихъ, кромѣ заработной платы, другихъ прибылей нѣтъ; очевидно, что они сильно заинтересованы въ томъ, чтобъ золотопромышленникъ досталъ предположенное по смѣтѣ количество золота—иначе, они останутся безъ вознагражденія за трудъ цѣлаго лѣта. И еслибъ золотопромышленники прислушались къ народному мнѣнію, они убѣдились бы, что рабочіе все также думаютъ о нихъ лучше, чѣмъ объ управляющихъ и другой пріисковой бюрократіи, къ которой они питаютъ неодолимую антипатію. Вотъ какой былъ при мнѣ случай въ тайгѣ. Одинъ золотопромышленникъ поручилъ управленіе мѣщанину, человѣку опытному въ пріисковомъ дѣлѣ. Въ народѣ давно уже былъ ропотъ противъ этого управляющаго, деспотически распоряжавшагося какъ простымъ народомъ, такъ и мелкими прикащиками. Явный протестъ и доносы искусно были скрываемы, а къ шпіонству самъ золотопромышленникъ не имѣлъ наклонности и довѣрчиво воображалъ свое управленіе самымъ гуманнымъ въ тайгѣ. Иногда и бывали случаи, когда кто-нибудь обнаруживалъ свое неудовольствіе противъ управляющаго, но его тотчасъ усмиряли, руководствуясь обычнымъ правиломъ внушать рабочимъ какъ можно болѣе повиновенія. Вникнуть хорошенько въ дѣло золотопромышленникъ не хотѣлъ, потому что у него, какъ и у всѣхъ другихъ, не было и желанія вникать въ нужды народа. Управляющій до семидесяти человѣкъ отвлекалъ отъ пріисковыхъ работъ на свои собственныя и вообще злоупотреблялъ хозяйскими средствами съ полнымъ произволомъ; кончилось тѣмъ, что пріискъ не далъ золота по смѣтѣ и денегъ недостало на заплату съ рабочими. Народъ, за мѣсяцъ предвидя, что у хозяина не будетъ денегъ расплатиться, оставилъ разрѣзы и тол-

пой пришелъ къ конторѣ, сложилъ инструменты и объявилъ, что онъ больше работать не хочетъ. Золотопромышленникъ и управляющій заперлись и выслали къ народу конторщика, который сталъ указывать имъ на контракты и заключающіяся въ нихъ условія работать до 10 сентября. Народъ не слушалъ; онъ требовалъ расчета или выдачи головой управляющаго; въ домѣ у золотопромышленника случился тогда какой-то офицеръ, заѣхавшій въ гости; онъ позвалъ въ комнату главныхъ агитаторовъ и имѣлъ неосторожность ударить одного; оскорбленный пожаловался народу; это чуть не погубило капиталиста; народъ двинулся къ дому, громко требуя выдачи управляющаго и грозя раскатать по бревну домъ золотопромышленника. Снова вышелъ офицеръ и сталъ увѣщевать народъ; онъ предложилъ ему составить списокъ претензій его на золотопромышленника и обѣщалъ отвезти этотъ списокъ въ городъ и представить тамъ губернатору. Народъ согласился; записали въ спискѣ противъ каждаго имени, кто сколько считаетъ въ долгу на хозяинѣ, и рабочіе разошлись. На нѣсколько дней на пріискѣ наступила мертвая тишина; разрѣзы, кипѣвшіе народомъ, опустѣли; неумолкавшій шумъ промывальныхъ машинъ затихъ; народъ неподвижно лежалъ у избушекъ, которыя называются здѣсь «казармами». Спустя нѣсколько времени, народъ рѣшился не дожидаться удовлетворенія, махнулъ рукой на пропадающій долгъ и ушелъ съ пріиска. На пріискѣ осталось около пятидесяти рабочихъ; это были люди, служившіе у него около десяти лѣтъ сряду и нехотѣвшіе его оставить; они даже сложились, собрали сумму въ сто рублей и принесли золотопромышленнику, простодушно думая, что у него нѣтъ денегъ, чтобъ выѣхать въ Томскъ и тамъ хлопотать о поправленіи своего дѣла. Не говоритъ ли вся эта исторія, на кого вѣрнѣе можетъ расчитывать золотопромышленникъ, на прикащиковъ или на рабочихъ.

Что условія пріисковой работы тяжелы для рабочихъ, это доказываетъ значительная цифра ежегодно бѣгающихъ съ пріисковъ; въ тайгѣ учреждена даже особая стража, занимающаяся поимкой рабочихъ и доставленіемъ ихъ обратно на пріиски. Эта стража состоитъ изъ казаковъ, которые разъѣзжаютъ по берегу Томи и караулятъ бѣглецовъ, выходящихъ изъ тайги на ея открытые берега. Другіе казаки живутъ на пріискахъ и при извѣстіи о побѣгѣ рабочаго пускаются за нимъ въ погоню; повсемѣстность этихъ побѣговъ уже оправдываетъ ихъ законное явленіе; въ самомъ дѣлѣ, при безвыходномъ положеніи

очень часто душевныя силы рабочаго могутъ подниматься до такого высокаго напряженія, для котораго побѣгъ—единственное разрѣшеніе.—Человѣкъ, незнакомый съ личнымъ характеромъ золотопромышленника, а иногда даже вовсе незнакомый съ родомъ пріисковыхъ работъ, вынужденный какими-нибудь домашними обстоятельствами на послѣднюю мѣру—поискать счастья на пріискахъ—является въ одну изъ такихъ деревень у окраины тайги, въ которыхъ производится наёмка рабочихъ; здѣсь живетъ въ извѣстное время множество довѣренныхъ со всѣхъ пріисковъ, которые конкурируютъ между собой; работникъ нанялся, получилъ задатокъ, отправилъ его домой, а самъ пошелъ на пріискъ. Здѣсь онъ впервые узнаетъ, куда завела его судьба и что съ нимъ будутъ дѣлать.—Его ставятъ въ «забой», т. е. онъ долженъ съ утра до вечера долбить желѣзнымъ коломъ землю, или заставляютъ возить на тачкахъ золотоносный песокъ изъ разрѣза на промывальную машину. При тяжести работъ очень естественны столкновенія; и рабочій, будучи поставленъ контрактомъ въ грустное положеніе, начинаетъ тосковать, отчаяваться, и поневолѣ рѣшается на побѣгъ изъ тайги, которую онъ знаетъ, можетъ быть, только на нѣсколько верстъ отъ пріиска; въ надеждѣ на спасеніе, которое впрочемъ можетъ только какимъ-нибудъ чудомъ случиться, онъ уходитъ изъ пріиска и теряется въ тайгѣ, въ этомъ древесномъ морѣ, какъ иногда называютъ её здѣсь, въ которомъ безъ компаса, также, какъ и въ открытомъ океанѣ, не трудно погибнуть. Въ этой незнакомой трущобѣ болотистой и заваленной упавшимъ лѣсомъ, онъ колеситъ до тѣхъ поръ, пока его не найдутъ посланные съ пріиска казакъ и конюхъ. Конюхами называются рабочіе, которые смотрятъ за пріисковыми лошадьми; они почти всѣ старожилы; никто такъ не знаетъ тайги, какъ они и вотъ они-то всегда употребляются для отыскиванія несчастныхъ бѣглецовъ.

Единственное средство уничтожить такое положеніе рабочаго народа—допущеніе свободнаго перехода съ пріиска на пріискъ во всякое время года (*). Золотопромышленность нетолько не потеряетъ отъ этой пере-

(*) Рабочіе, нанимаемые золотопромышленниками, по контрактамъ, должны оставаться цѣлое лѣто у своего наемщика; они лишены права на свободный переходъ отъ одного хозяина къ другому. Это своего рода прикрѣпленіе къ извѣстной мѣстности, составляющее одно изъ послѣдствій угнетенія труда капиталомъ. Въ результатѣ его оказывается та особенная невыгода, что рабочій классъ не имѣетъ никакого вліянія и контроля надъ поведеніемъ золопромыш-

мѣны, но еще выиграетъ, потому что трудъ будетъ освобожденъ отъ принужденій, которыя дѣлаютъ его похожимъ на барщину; кромѣ того, такъ какъ контракты застраховываютъ золотопромышленникамъ невѣжество, безпечность и произвольное управленіе, то уничтоженіе ихъ освободило бы эту промышленность отъ людей вовсе незнающихъ своего дѣла или невникающихъ во внутреннее управленіе пріиска.

Вслѣдствіе этого преобразованія, рабочіе могутъ сгруппироваться въ свободныя артели, и пріобрѣсти взаимную гарантію противъ злоупотребленій капиталиста; учрежденіе артелей предписывается самимъ законодательствомъ, но мысль осталась безъ осуществленія за неимѣніемъ необходимыхъ условій, т. е. общаго имущества и взаимнаго ручательства между работниками. Съ учрежденіемъ артелей, золотопромышленники могли бы передать имъ всѣ заготовленія съѣстныхъ припасовъ и одежды; а самому хозяину пришлось бы только выстроить на свой счетъ казармы для рабочихъ. Нарядъ и выборы прикащиковъ также можно предоставить артелямъ; золотопромышленнику останется имѣть только техника, который бы распоряжался направленіемъ разрѣзовъ, развѣдками, постройками и распредѣленіемъ рабочихъ силъ, а не распредѣленіемъ самихъ рабочихъ; да еще конторщика, который въ то же время можетъ быть и довѣреннымъ при отвозѣ золота и наймѣ рабочихъ. Если золотопромышленникъ и не много сбережетъ отъ такого устройства, то, по крайней мѣрѣ, онъ избавится отъ половины административныхъ и экономическихъ затрудненій и избавитъ народъ отъ его антагониста, какимъ всегда является пріисковая бюрократія. Артели, при подвижности лицъ, сдѣлаются крѣпки своимъ пріискамъ; судьба пріиска будетъ ихъ собственной судьбой, такъ что успѣхи его будутъ связаны съ жизнью самой артели; разумѣется, что это можетъ быть только тогда, когда артелямъ будетъ легко доставать припасы и одежду, т. е. когда на пріискахъ будетъ существовать свободная торговля, свободный трудъ и непремѣнный его двигатель—вѣрное вознагражденіе рабочей силы.

ленника. При свободномъ переходѣ рабочихъ, капиталистъ позаботился бы сохранить довѣріе къ своему управленію, опасаясь за то, что въ случаѣ самоуправства или небрежности, работники могли бы оставить его немедленно и перейдти къ другому. Но при настоящемъ порядкѣ вещей онъ полный господинъ своего наемника и вмѣстѣ съ земской полиціей, не всегда чистой на руку, распоряжается трудомъ его почти безусловно.

Въ настоящее время существуетъ постановленіе, что крестьяне, мѣщане и купцы третьей гильдіи не могутъ заниматься разработкой золота; это, безъ сомнѣнія, постановлено изъ опасенія предать рабочихъ власти необразованныхъ лицъ, а когда рабочіе будутъ гарантированы артельнымъ устройствомъ, тогда это ограниченіе будетъ безполезно, да и теперь едва ли оно достигаетъ своей цѣли, потому что можетъ быть только половина золотопромышленниковъ живетъ на пріискахъ, остальными же управляютъ прикащики изъ мѣщанъ, да и тамъ, гдѣ золотопромышленники сами живутъ на пріискахъ, они совершенно предоставляютъ управленіе своимъ повѣреннымъ. Разрѣшеніе разработки всѣмъ сословіямъ безъ исключенія имѣло бы хорошіе результаты; крестьяне разсѣялись бы по всей тайгѣ маленькими артелями, арендуя у золотопромышленниковъ оставленные ключи, заброшенные разрѣзы, отвалы, словомъ, гдѣ еще есть сколько нибудь золота, что теперь является менѣе чѣмъ въ половину, посредствомъ «старательскихъ работъ.» «Старательскими работами» называются два рода труда, сходные между собой; во-первыхъ, трудъ всѣхъ рабочихъ на общемъ разрѣзѣ по воскресеньямъ и праздникамъ за особенную плату, и во-вторыхъ, работы не многихъ рабочихъ, уволенныхъ золотопріискателемъ отъ обыкновенныхъ работъ съ тѣмъ, чтобъ они работали гдѣ-нибудь, на пройденномъ мѣстѣ, за что они получаютъ плату съ золотника добытаго золота, а не за урокъ. Сколько лежитъ безъ разработки такихъ пройденныхъ мѣстъ! а они могли бы дать огромныя выгоды.

Правда, существуетъ постановленіе, чтобъ золотопромышленникъ промывалъ всѣ пески до-чиста и разрѣзы велъ не урывками, а сплошь; но исполнять такое требованіе рѣшительно невозможно, и потому, несмотря на донесенія горныхъ ревизоровъ, что работы ведены правильно, ни на одномъ пріискѣ не найдете сплошныхъ разрѣзовъ. Заставлять золотопромышленника рыть всю землю, несмотря на бѣдность содержанія, не значитъ ли непроизводительно затрачивать капиталъ и насильно разорять золотопромышленника. Точное исполненіе этого постановленія уничтожило бы въ какіе нибудь десять лѣтъ всѣ капиталы, которые теперь заняты золотопромышленностью. А если теперь и остаются пробѣлы, то пусть,—они никуда не убѣгутъ, и если придетъ время, когда и за нихъ возьмутся, тогда и промоютъ, и это будетъ гораздо выгоднѣе для страны. Вотъ для очистки этихъ-то пробѣловъ, кажется, и было бы выгодно впустить на пріиски крестьянъ и вообще мелкихъ капиталистовъ съ правомъ арендовать, которые и

стали бы подбирать эти остатки такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ теперь отчасти *старатели*.

Вмѣстѣ съ этимъ освобожденіемъ прiисковъ отъ владѣнія, ограниченнаго извѣстными классами, нужно бы придумать средство, которое облегчило бы переходъ ихъ изъ рукъ въ руки. Въ настоящее время золотопромышленникъ имѣетъ право, заявивъ горному начальству пустынную площадь земли, владѣть ею въ теченіи пяти лѣтъ, съ условіемъ непремѣнно разработывать ее; если же онъ оставитъ площадь въ теченіи трехъ лѣтъ нетронутою, то она возвращается государству; другой золотопромышленникъ можетъ заявить ее и получить въ свое владѣніе; поэтому, чтобъ не выпустить изъ рукъ пріиска, золотопромышленникъ къ концу трехлѣтія пошлетъ человѣкъ десять на лежащій впустѣ пріискъ, поковыряетъ его немножко и пріискъ остается за нимъ; такимъ образомъ многіе пріиски лежатъ въ видѣ мертваго капитала, и постановленіе опять остается мертвой буквой.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній о внутреннемъ устройствѣ пріисковъ, мы перейдемъ къ мелкимъ недостаткамъ, которые намъ удалось замѣтить въ теченіи одного лѣта, проведеннаго на тайгѣ.

Наемка рабочихъ на пріиски производится тотчасъ послѣ расчета и даже во время расчета между тѣми же самыми людьми, которые въ это лѣто работали на пріискѣ; также нанимаются рабочіе и съ чужихъ пріисковъ, потому что въ это время въ тайгѣ начинаются переходы отъ одного хозяина къ другому; это время здѣшній «юрьевъ день.» Получивъ задатки и отдавъ паспорты въ пріисковую контору, рабочіе уходятъ отдохнуть на недѣлю, на двѣ, въ деревни, лежащія у окраины тайги, а нѣкоторые съ самаго начала наемки остаются на пріискѣ; какъ тѣ, такъ и другіе очень скоро растрачиваютъ свои деньги на вино, а изъ вышедшихъ въ деревни многіе возвращаются почти голыми и съ долгами на шеѣ; для «выгона» ихъ (тумѣстное выраженіе) высылаются изъ пріиска служащіе, которые выкупаютъ ихъ и отправляютъ на пріискъ. Послѣ этой предварительной наемки бываетъ другая, главная; для этого сами хозяева, а если они не живутъ на пріискѣ, такъ ихъ управляющіе, выѣзжаютъ въ извѣстныя сборныя мѣста; такихъ мѣстъ для ближней тайги четыре деревни: Баннова, Кедровка, Танбаръ и Тисуль. Если и здѣсь рабочихъ недостаетъ по заранѣе составленной смѣтѣ, то посылаются особенные довѣренные въ Томскъ, въ разные округи Томской губерніи, на Иртышъ, въ Семипалатинскъ, и даже въ Тобольскую губернію, въ которой они доѣз-

жаютъ до Тюмени; дополнивъ недостававшее число по смѣтѣ, они возвращаются съ людьми на пріискъ. При наймѣ заключаются контракты и выдаются задатки. Задатки бываютъ различные: для нанятыхъ на мѣстѣ, на пріискѣ, и въ четырехъ названныхъ деревняхъ отъ 7 до 25 р. с., для нанятыхъ въ округахъ Томской и Тобольской губерній и на Иртышѣ, и въ городахъ Семипалатинскѣ и Устькаменогорскѣ — 25 — 30 руб., но изрѣдка они достигаютъ здѣсь и до 40 рублей.

Мы имѣемъ подъ рукой два контракта, одинъ изъ ближней тайги, другой изъ дальней (*). Форма и даже выраженія ихъ почти одинаковы; они пересыпаны оговорками, что на всѣ постановленныя условія рабочіе соглашаются «добровольно», «безъ принужденія»; это значитъ только безъ насилія со стороны нанимателя; но весь этотъ народъ приведенъ сюда не простой жаждой пріобрѣтенія, какъ самъ золотопромышленникъ, а по большей части крайней нуждой, какъ говорится въ одной пѣснѣ: «не самъ зашелъ, а конь завезъ.» Что, какъ не нужда, напримѣръ, заставляетъ его согласиться на штрафъ за пропущенный день въ рубль, тогда какъ плата за день только 40 копѣекъ. И золотопромышленникъ потому только, что не гналъ этихъ людей къ себѣ силою, что онъ не виноватъ, или они доведены до такого состоянія, что соглашаются на всякія условія, считаетъ себя чистымъ передъ общественнымъ мнѣніемъ и избавленнымъ отъ всякихъ обязательствъ въ отношеніи къ этимъ людямъ.

Мы передадимъ коротко условія, диктуемыя золотопромышленниками рабочимъ. Выборъ мѣста работъ зависитъ отъ хозяина, онъ можетъ переводить всѣхъ ихъ на всякій другой пріискъ или послать въ турфовочную партію (**); рабочіе должны немедленно по заключеніи контракта отправиться на указанный промыселъ, и по прибытіи туда, послѣ однодневнаго отдыха, приступить къ работамъ, и продолжать ихъ каждодневно, *исключая* воскресныхъ и праздничныхъ дней, до 10 сентября; работу производить уроками въ количествѣ, опредѣленномъ въ контрактѣ, и за цѣну, также опредѣленную въ контрактѣ. Время, проведенное въ болѣзни, исключается; рабочій не имѣетъ права требовать за него платы, а золотопромышленникъ не вычитаетъ съ него

(*) Послѣдній принадлежитъ компаніи поч. гражданъ Зотовыхъ.

(**) Нѣкоторые золотопромышленники выговариваютъ даже право продавать своихъ рабочихъ на другіе пріиски. (Амуръ, 1860, стр. 441).

денегъ за лѣкарства (*). Хотя одною изъ предъидущихъ статей рабочіе избавляются отъ работы въ праздничные дни, но, чтобъ отработать задатки и одежныя вещи, выданныя отъ конторы, (?) рабочіе «добровольно» обязываются «безъ уклоненія» производить по воскресеньямъ и праздникамъ старательскія работы, съ особенной платой. По окончаніи срока рабочіе *имѣютъ право требовать остальной уплаты*, или, какъ говорится въ контрактѣ, «вольны отъ хозяина требовать расчета»; если при расчетѣ окажется за кѣмъ долгъ, то рабочій — должникъ обязанъ тутъ же, при расчетѣ, внести хозяину должную сумму или обязаться особымъ условіемъ, отработать долгъ въ слѣдующемъ году, а къ другому хозяину не переходить. Въ контрактѣ опредѣляется количество пищи, которое долженъ давать золопромышленникъ. Наконецъ рабочіе обязаны вести себя честно, сохранять къ хозяину и прикащикамъ уваженіе, самовольно никуда не отлучаться, быть въ полномъ повиновеніи, не грубить, не упрямиться, въ противномъ случаѣ подвергаютъ себя взысканію, какое опредѣлено положеніемъ о золотопромышленности въ Сибири; со стороны хозяина и прикащиковъ есть непремѣнная обязанность, обходиться съ рабочими человѣколюбиво, безъ притѣсненія и не причинять *тяжкихъ* побоевъ (значитъ легкіе допускаются).

Изъ этого очерка видна тайная судьба, къ которой до сихъ поръ шелъ рабочій народъ на пріискахъ; теперешнее положеніе его можно, пожалуй, сравнить съ раннимъ положеніемъ нашего крѣпостнаго сословія, когда его еще не было, но въ обществѣ сложились уже условія для него. Въ одномъ изъ нашихъ контрактовъ уже выговорено обязательство о непереходѣ должника на другой пріискъ; контрактъ старается уничтожить пріисковый «юрьевъ-день.» И кто знаетъ, еслибъ теперь не обратили вниманія на положеніе рабочихъ на пріискахъ, до какой степени развитія достигло бы это зарождающееся крѣпостное право?

Работы въ ближайшей тайгѣ производятся уроками; зимой въ день, при проводѣ канавъ и вскрытіи турфовъ, одна кубическая сажень полагается на двухъ человѣкъ; въ лѣтній день, на одну кубическую сажень по одному человѣку съ лошадью; при добычѣ и подвозкѣ песковъ къ машинѣ на двухъ человѣкъ полагается 80 повозокъ, а при

(*) На пріискахъ по настоянію правительства заведены на счетъ золотопромышленниковъ лазареты.

отвозкѣ отваловъ 120 (*). Въ контрактѣ изъ дальной тайги дневнымъ урокомъ считается для трехъ рабочихъ, изъ которыхъ два забойщика, $1^1/_2$ куб. сажени золотоноснаго пласта, доставленные на машину.

Плата въ ближней тайгѣ состоитъ лѣтомъ, при промывкѣ песковъ, за каждый мѣсяцъ, считая его въ тридцать дней (забойщикамъ, вощикамъ, пробойщикамъ и промывальщикамъ) изъ 5 руб. сер., при снятіи торфа изъ 4 руб.; для всѣхъ же другихъ работъ мѣсячная плата 3 руб. 15 коп. сер. Въ дальней тайгѣ въ будни каждому забойщику за день платится 45 к., а простому рабочему 40 к.

Пища полагается отъ хозяина на каждаго рабочаго въ сутки: говядины свѣжей или соленой по 1 ф., провѣслой $^3/_4$ ф., крупы по $^1/_4$ ф., соли по 8 золотн., сала или масла въ мѣсяцъ по $^3/_4$ ф.; хлѣба прежде давали безъ ограниченія, нынѣ же опредѣлено по 4 ф. въ день. На промыслахъ Поповыхъ вмѣсто хлѣба отпускается ржаная мука, по 2 п. 10 ф. на человѣка въ мѣсяцъ, потому-что рабочіе имѣютъ отъ себя хлѣбопека и квасовара. На пріискѣ г. Мезенцова вмѣсто крупъ отпускается мяса по $1^1/_2$ ф. на человѣка. На всѣхъ промыслахъ «постояннымъ», т. е. машинистамъ, промывальщикамъ, кузнецамъ, шорникамъ, кашеварамъ, хлѣбопекамъ, поварамъ, конюхамъ, нарядчикамъ и пр. выдается мяса по $1^1/_2$ ф; «служащимъ», т. е. прикащикамъ отпускается, кромѣ содержанія, 1 ф. фамильнаго чаю и 2 ф. сахару каждый мѣсяцъ, а на высшихъ должностяхъ это положеніе увеличивается въ полтора раза и вдвое.

Рабочіе живутъ въ деревянныхъ избахъ, которыя они обязаны, по контракту, сами выстроить, если ихъ прежде не было, и притомъ въ свободное отъ хозяйскихъ работъ время. Но такъ какъ въ большей части пріисковъ такія избы уже заготовлены въ прежніе

(*) Торфомъ называется слой глины и чернозема, лежащій поверхъ золотоноснаго пласта; онъ снимается долой, отвозится въ сторону и сваливается въ кучи, которыя называются «отвалами»; яма, гдѣ торфъ снятъ и дномъ которой служитъ обнаруженный золотоносный пластъ, называется «разрѣзомъ»; на золотоносный пластъ ставятся люди, которые должны рыть этотъ пластъ, и накладывать песокъ (собственно смѣсь крупныхъ и мелкихъ камней) на таратайки, которыя возятся людьми же; на каждаго роющаго или на двухъ приходится одинъ человѣкъ съ таратайкой; всѣ они вмѣстѣ составляютъ «забой», и вотъ они-то обязаны общими силами доставить на промывальную машину 80 таратаекъ; промытые пески, лишенные уже находившагося въ нихъ золота, отвозятся въ «отвалы» особенными людьми; каждый изъ нихъ отвозитъ въ день 120 таратаекъ».

годы, то артели холостыхъ работниковъ и помѣщаются въ нихъ (*). Семейные же рабочіе тотчасъ по приходѣ на пріискъ выстраиваютъ для себя отдѣльныя хаты. Нѣкоторые холостяки живутъ не въ артеляхъ, а на квартирахъ у женатыхъ, и за приготовленіе завтрака, обѣда и ужина платятъ изъ собственнаго заработка по 30 к. сер. съ человѣка въ лѣто, и столько же въ зиму; сверхъ того обязываются въ свободное время помогать хозяину избы въ заготовленіи дровъ, которыя возятъ на нѣкоторыхъ промыслахъ на лошадяхъ золотопромышленника, но только во время зимы; у другихъ таскаютъ на себѣ; лѣтомъ же лошадей ни у кого не дается. Для «служащихъ» опредѣляются особые повара.

Служащіе нанимаются на пріиски или по контрактамъ, или на слово; и то, и другое для нихъ не выгодно; заключивъ контрактъ, служащій не можетъ требовать произвольно расчета до срока, назначеннаго въ контрактѣ, если самъ хозяинъ не захочетъ отпустить его; зато по окончаніи срока ему выдается весь тотъ окладъ жалованья, который опредѣленъ по условію. Тѣ же служащіе, которые живутъ не по контрактамъ, могутъ требовать расчета во всякое время, но расчитываются по окладу, какой заблагоразсудится назначить хозяину, хотя бы и вдвое менѣе того жалованья, какое получалъ служащій въ предшествующіе годы. Въ обоихъ случаяхъ положеніе служащихъ незавидное; на первое положеніе соглашаются разумѣется только тѣ, которые рѣшаются терпѣть всякія оскорбленія; но и тѣ, которые стараются избѣжать этого безвыходнаго положенія, не многимъ свободнѣе первыхъ и должны подчиняться прихотямъ золотопромышленника, не рѣдко очень страннымъ: если служащій вздумаетъ по неудовольствію оставить золотопромышленника, послѣдній составитъ для него такой расчетъ, что служащему ничего не придется получить.

Нельзя пройдти молчаніемъ еще одного пріисковаго работника — лошади; этому животному судьба судила часто дѣлить одинаковые труды и участь съ бѣдными работниками; они даже иногда смѣшиваются и замѣняютъ другъ друга. Разгонъ лошадей въ тайгѣ бываетъ очень великъ; кромѣ пріисковыхъ работъ, сколько приходится

(*) Намъ кажется, что постройкой казармъ для холостыхъ артелей слѣдовало бы обязать золотопромышленниковъ, потому что рабочіе, приходящіе на одно лѣто, не заинтересованы строить ихъ прочно и удобно.

давать подъ разъѣзжающихъ по прiискамъ чиновникамъ безъ всякихъ прогоновъ; притомъ подводы здѣшнiя всегда въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ на равнинѣ; такъ напр. подъ жандармскаго офицера, подъ горнаго ревизора обыкновенно дается 8 лошадей; подъ горнаго исправника, безпрестанно разъѣзжающаго по тайгѣ, 6 лошадей. Лошади, употребляемыя на подводы, гораздо болѣе терпятъ, чѣмъ ломовыя, на которыхъ перевозится песокъ; вещи перевозятся здѣсь преимущественно вьюками на спинахъ лошадей; теперь представьте лошадь, идущую со вьюкомъ на спинѣ, по прiисковой дорогѣ; грязь по-колѣно; лошадь то опуститъ задъ, то передъ; вьюкъ снуетъ по ея спинной кости взадъ и впередъ; оттого на прiискѣ никогда не бываетъ ни одной подводной лошади съ цѣлой несбитой спиной; разумѣется, при лучшемъ умѣньи вьючить, при большей заботливости о животныхъ, этого не было бы; но въ здѣшнихъ конюхахъ, для которыхъ прiисковая лошадь чужая вещь, не можетъ быть никакого сострадания къ ней; сколько мы замѣтили, вообще лошадь счастливѣе, если надсмотрщикъ за ней въ то же время и хозяинъ ея, т. е. если она принадлежитъ работнику, а не капиталисту. Притомъ можно ли и требовать симпатiи къ животному у человѣка, который самъ нерѣдко можетъ позавидовачь счастливому скоту.

Обыкновенно каждой лошади въ ближней тайгѣ полагается въ сутки овса 20 ф. и сѣна 20 ф., но не у всѣхъ золотопромышленниковъ; у нѣкоторыхъ такая порцiя производится только лѣтомъ, во время работъ; весной же дается только по 15 ф., а зимой отъ 7 до 10., поэтому лошади входятъ въ работу не приготовленныя, не откормленныя, во время работы уже не могутъ поправиться и падаютъ. Впрочемъ на всѣхъ прiискахъ въ совокупности упадокъ лошадей въ теченiи лѣта не чувствителенъ; но ихъ очень много гибнетъ по окончанiи лѣтнихъ работъ; это происходитъ оттого, что почти всѣ золотопромышленники заготовляютъ фуражъ для лошадей по день расчета, и послѣ этого находятъ болѣе выгоднымъ выгонять ихъ въ деревни, лежащiя у окраины тайги; но такъ какъ послѣднiй мѣсяцъ августъ бываетъ дождливъ, работы становятся особенно трудными, а дача корма между тѣмъ остается все та же, то лошади сильно изнуряются и потомъ, по окончанiи работъ, вдругъ остаются безъ овса, и во множествѣ издыхаютъ; потому случается, что на слѣдующую весну у нѣкоторыхъ только треть поступаетъ въ работу, часто только половина, а четвертая часть убыли бываетъ ежегодно

у самаго добраго и хорошаго золотопромышленника. Что, еслибы рабочіе были также молчаливы, какъ лошади?

Мы потому обратили вниманіе на этотъ предметъ, что онъ прибавляетъ одну характеристическую черту таежнаго хозяйства, и притомъ имѣетъ вредное вліяніе на сельскую экономію въ Томской губерніи, изъ которой такимъ образомъ постоянно отвлекаются свѣжія силы.

Нѣсколько золотыхъ промысловъ, находящихся въ Киргизской степи, въ кокбектинскомъ округѣ, въ своемъ внутреннемъ устройствѣ отличаются отъ таёжныхъ. Они находятся на открытой степной мѣстности, хотя въ сторонѣ отъ русской колонизаціи, но среди кочевьевъ киргизскаго народа. Всѣ рабочіе на нихъ состоятъ изъ Киргизовъ; наемка начинается не по окончаніи работъ, какъ въ тайгѣ, а съ половины іюля, иногда съ первыхъ чиселъ августа. Сначала наемъ производится изъ числа тѣхъ людей, которые уже находятся на пріискѣ; вѣсть о началѣ найма разносится по степи, и тогда на пріискъ начинаютъ толпами наѣзжать Киргизы для наемки, такъ что къ 1 октября, т. е. къ расчету, три четверти смѣты уже бываетъ нанято; остальная часть пополняется въ теченіе зимы. Мѣсячная плата опредѣляется не по роду работъ, не по урокамъ, а помѣсячно, соразмѣрно съ силами человѣка, и бываетъ самая малая въ 2 рубля, самая большая въ 5 р. Первая полагается мальчикамъ отъ 12 до 14 лѣтъ, которые служатъ качальщиками на бутарахъ, а при машинной промывкѣ употребляются для подчистки въ забояхъ почвы; остальные рабочіе, забойщики, свальщики, вощики и пр. получаютъ болѣе усиленное жалованье, возвышающееся смотря по силѣ и проворству. Рабочіе нанимаются на различные сроки, на лѣто и на мѣсяцы; въ первомъ случаѣ рабочій долженъ явиться на пріискъ 1 апрѣля и работать до 1 октября; во второмъ нанимаются отъ одного до трехъ мѣсяцовъ. Задатки лѣтнимъ даются при наймѣ впередъ за три мѣсяца, за полтора мѣсяца деньгами и за полтора товаромъ; слѣдовательно, при мѣсячномъ окладѣ въ 5 рублей задатокъ будетъ состоять изъ 7 р. 50 к. деньгами и изъ товаровъ на 7 р. 50 к. Мѣсячнымъ же задатка деньгами не дается, а отпускается только товаръ. Въ пищу рабочимъ хозяинъ выдаетъ только одинъ хлѣбъ, котораго на каждаго большаго и малаго человѣка отпускается по 4 ф. въ день; мяса, крупъ и соли не отпускается, потому что рабочіе (безъ исключенія Киргизы) прикочевываютъ къ пріиску со всѣми своими семьями,

имуществомъ и скотомъ, и питаются хлѣбомъ, получаемымъ отъ золотопромышленника, и своимъ айраномъ (кислымъ молокомъ) (*).

Здѣшній пріискъ представляетъ картину совершенно не похожую на тайгу. Таёжный пріискъ имѣетъ видъ небольшаго расчищеннаго въ лѣсу пространства, много—что въ версту разстоянія, на которомъ повсюду торчатъ пни срубленныхъ деревьевъ; эта площадка лежитъ въ углубленіи между отлогими покатостями, покрытыми лѣсомъ; самое чистое и сухое мѣсто находится тамъ, гдѣ стоятъ самыя первыя зданія пріиска, построенныя при открытіи его; тутъ находится и домъ управляющаго, и контора; тамъ, гдѣ работы открыты недавно, новыя избы служащихъ стоятъ еще въ лѣсу, едва начинающемъ рѣдѣть отъ порубки; прежде вскрытія торфа, обыкновенно рубятъ лѣсъ, растущій на немъ, и потому высокія стѣны разрѣзовъ увѣнчаны высокими деревьями. Густой хвойный лѣсъ окружаетъ пріискъ со всѣхъ сторонъ, такъ что видъ во всѣ стороны однообразный, и оканчивается на границѣ съ небомъ зазубренной линіей, которую придаютъ верхушкѣ лѣса острыя ели. Пріискъ производитъ грустное впечатлѣніе запертой тюрьмы, ссылочнаго мѣста.

Напротивъ, степной пріискъ лежитъ на широкой мѣстности, съ горизонтомъ далеко раздвинутымъ во всѣ стороны, между холмами, совершенно нагими; небольшой клочокъ земли посреди видимой сѣрой степи кишитъ народомъ; онъ изрытъ въ разныхъ направленіяхъ и представляетъ лабиринтъ рвовъ съ возвышающимися между ними кучами отваловъ; въ иномъ мѣстѣ въ разрѣзѣ обнаружилась такая бѣлая глина, что издали, при здѣшней прозрачности воздуха, деретъ глаза; солнце припекаетъ почву, и смуглые Киргизы, сбросивъ рубашки, двигаются съ тачками по всѣмъ направленіямъ. Въ сторонѣ отъ работъ разсѣяны войлочныя юрты, въ которыхъ живутъ киргизскія семьи, такъ что пріискъ представляетъ видъ большаго аула. Поэтому и помѣщеній для рабочихъ не строится; только для служащихъ, на лѣтнее время, сдѣланы домики изъ дерна и камня, которые зимой остаются пусты; тогда всѣ служащіе выѣзжаютъ въ городъ Устькаменогорскъ, Киргизы откочевываютъ, и пріискъ до 1-го апрѣля почти пустѣетъ.

(*) Поэтому и жены ихъ часто нанимаются въ работу съ мѣсячной платой отъ 3 до 4 руб. и большею частью употребляются на оттаску въ тачкахъ вскрываемыхъ торфовъ.

Здѣсь также, какъ и въ тайгѣ, золотопромышленники имѣютъ свои лавки для снабженія рабочихъ товарами. Также, какъ и тамъ, задолжаніе служитъ правомъ оставленія рабочаго на другой годъ. Если задолжавшій рабочій самъ не наймется на будущій годъ, тогда, все равно его доставитъ родовой начальникъ, который постоянно получаетъ пособіе отъ золотопромышленника. Рабочіе также, какъ и въ тайгѣ, входятъ въ большіе долги, изъ которыхъ уже не могутъ выпутаться. На пріискѣ г. Грѣхова служилъ Киргизъ Чамчій Джемангуловъ, который послѣ восьми лѣтъ службы все-таки еще долженъ былъ хозяину 70 руб.

Здѣсь не соблюдается никакихъ другихъ праздниковъ, кромѣ воскресеній; зато нѣтъ непремѣннаго обязательства исполнять старательскія работы. По воскресеньямъ, которыя Киргизы называютъ «базаръ-кунь», они отдыхаютъ; но нѣкоторые работаютъ, особенно семейные; они или вскрываютъ торфъ и получаютъ по 60 коп. товаромъ за кубич. сажень, или моютъ золото, и получаютъ за золотникъ по 1 р. 20 к. также товаромъ.

При наймѣ рабочихъ вмѣсто контрактовъ здѣсь служитъ порука; поручитель обязывается, если рабочій не явится на пріискъ къ сроку, уплатить золотопромышленнику данный рабочему задатокъ. Если и поручитель и рабочій оба остаются должниками золотопромышленника, то послѣдній обращается къ волостному начальнику, чтобъ тотъ или доставилъ ихъ въ работу на будущее лѣто, или взыскалъ съ нихъ скотомъ, причемъ золотопромышленникъ принимаетъ скотъ не иначе, какъ за половинную цѣну. Точно также и при выдачѣ товаровъ въ задатки и въ долгъ цѣны товаровъ назначаются несравненно ниже покупной на ирбитской ярмаркѣ; да и товаръ-то сюда привозится самаго послѣдняго сорта, такой гнилой, что рвется при отмѣриваніи аршиномъ, отчего его и мѣряютъ по зарѣзкамъ, сдѣланнымъ на прилавкѣ. Хотя здѣсь, какъ и въ тайгѣ, золотопромышленники обязаны таксой, но она нигдѣ не исполняется. Въ примѣръ того, какъ возвышаются здѣсь цѣны, мы приведемъ слѣдующій случай: г. Грѣховъ вымѣнялъ въ Тюмени за два сурковые мѣха 700 чашекъ, которыя обошлись такимъ образомъ по 10 и 20 к. асс. каждая, но рабочимъ ставились онѣ по 10 и 30 к. сер., а самый большой сортъ въ цѣну барана, т. е въ рубль серебромъ. Также неумѣренно возвышается цѣна линейному табаку, который осенью покупается на линіи по 80 к. п., а рабочимъ выдается по 4 р. сер.

Вслѣдствіе этого здѣшнему золотопромышленнику рабочій обходится только 1 р. асс. въ день, тогда какъ въ тайгѣ самому скупому хозяину онъ стоитъ 1 руб. 30 к. сер. Но, несмотря на это, положеніе здѣшняго рабочаго класса гораздо легче чѣмъ въ тайгѣ, потому что нравственная сторона труда имѣетъ больше простору и свободы. Но здѣсь и тамъ беззаконная эксплуатація человѣческихъ силъ давно требуетъ радикальной реформы. Не надзоръ кокбектинскаго приказа, не бюрократическія напрасныя мѣры, не запрещенія старой системы помогутъ злу; нѣтъ, здѣсь чувствуется необходимость въ гуманной и просвѣщенной организаціи труда.

ГР.—П—А—НЪ.

Письмо изъ Неаполя.

1861. 18 апрѣля.

Признаюсь, давно я не испытывалъ такого дѣтскаго восторга, давно не раздражалось мое любопытство такъ нервически, какъ при въѣздѣ въ Италію нынѣшней весной. Кромѣ природы, залитой лучами южнаго солнца и роскошной зеленью, кромѣ чудеснаго моря и неба, интересно было видѣть эту страну послѣ сильнаго потрясенія во всемъ ея внутреннемъ организмѣ. Такіе два года, какіе прожиты современной Италіей, рѣдко выпадаютъ па долю народовъ и еще рѣже такъ счастливо оканчиваются. Каждый день ея стоилъ вѣка другаго времени, по громадности событій и быстро смѣнявшейся ихъ физіономіи. И, дѣйствительно, я не узналъ Италію, видѣнную мной за нѣсколько лѣтъ прежде. Тогда она походила на прекрасную женщину, избитую у позорнаго столба, блѣдную и нѣмую; теперь она принимаетъ свѣжія черты юноши, здороваго и полнаго энергіи, съ свободнымъ движеніемъ чувствъ и рукъ. Это невидимое дыханіе новой жизни начинаетъ проглядывать во всемъ—и въ лицѣ народа, и въ языкѣ литературы, и въ звучной горловой пѣснѣ гондольера. Раны истерзаннаго тѣла еще глубоки, слѣды крови не исчезли, но молодая сила беретъ верхъ надъ болѣзнью, и мало-по-малу затягиваетъ язвы. Что особенно изумило меня, это необычайная дѣятельность и говорливость, это тревожное и раздражительное волненіе націи, еще такъ недавно погруженной въ отчаянную апатію. И старики и дѣти, и монахъ и купецъ—всѣ озабочены своимъ положеніемъ, всѣ задумались надъ судьбой своего отечества. Въ кофейнѣ, на площади, въ лавочкѣ и въ театрѣ—вездѣ толкуютъ о политикѣ, вездѣ слышится имя Гарибальди и вслѣдъ за нимъ раздается: Viva l'Italia! Кто хочетъ подсмотрѣть первыя минуты народнаго пробужденія, тотъ долженъ видѣть настоящую Италію.

Проживъ въ Ниццѣ нѣсколько дней, я прямо отправился въ Неа-

поль. Подходя къ его берегу, мы постепенно чувствовали мягкость теплой атмосферы, растворенной запахомъ лимоновъ и померанцевъ; воздухъ становился прозрачнѣй и цвѣтъ неба ярче; темныя вершины горъ ясно обозначались на морскомъ горизонтѣ; еще нѣсколько миль впередъ—и передъ нами выступила широкая панорама виллъ, рыбачьихъ хижинъ и очертанія прибрежныхъ городовъ. Сегодня утро было чудесное; море гладкое. Когда мы вышли на палубу, пароходъ огибалъ Мизенскій мысъ; направо виднѣлись острова Прочида и Искія, на противуположномъ берегу залива синѣлъ Везувій, внизу его бѣлѣли едва замѣтные городки и деревеньки. Когда мы углубились въ заливъ, —вдругъ передъ нами открылся городъ. Трудно представить себѣ что нибудь прелестнѣе этого залива; по его берегу раскинулся Неаполь и его безконечныя продолженія: Портичи, Torre del Greco, Torre Annunziata, Кастеламаре, Вико и, наконецъ, Сорento.

Неаполь своими высокими домами съ плоскими крышами, придвинулся полукругомъ къ самому морю и неровными уступами поднимается все вверхъ до самаго замка св. Ельма. Вдоль всего берега непрерывной цѣпью бѣлѣютъ городки; чѣмъ дальше, тѣмъ они становятся меньше и меньше и, наконецъ, чуть виднѣются у подножія Везувія: нигдѣ ни рощицы, ни деревца, кромѣ бульвара Кіаіи. Пароходъ остановился въ портѣ; черезъ нѣсколько минутъ всѣ формальности были исполнены, и мы вышли на берегъ.

Вотъ и южная Италія съ ея пылкимъ, веселымъ и безпечнымъ племенемъ! Узкія улицы, между высокими домами, унизанными маленькими балконами, полны народу. Вдоль многихъ тротуаровъ разставлены корзины съ рыбой и frutti di mare; между экипажами безпрестанно появляются длинныя телѣжки съ апельсинами, или проходитъ оселъ, навьюченный свѣжею зеленью. Во многихъ мѣстахъ около стѣнъ домовъ разставлены столики съ разными мелочами: книгами, палками, орѣхами, нотами пѣсенъ de circonstance и т. д. и часто на стѣнѣ, въ видѣ девиза красуется надпись углемъ «Viva l'Italia» или «Viva Garibaldi». Оживленная шумная толпа движется по всѣмъ направленіямъ, а гдѣ-нибудь на паперти церкви или на площади видишь беззаботно спящаго, въ своихъ лохмотьяхъ, наслѣдника лаццарони прежнихъ временъ.

Восторгъ свободы лежитъ на всемъ городѣ. Трудно представить себѣ, какъ легко дѣлается Неаполитанцу послѣ суроваго, и жестокаго правленія Бурбоновъ. Старая партія дотого притихла и унич-

тожилась, что ея не видно и не слышно нигдѣ, за исключенiемъ тайныхъ агентовъ, наполняющихъ провинцiи въ лицѣ переодѣтыхъ папскихъ iезуитовъ и австрiйскихъ пандуровъ. Полицейскiе сержанты, возведенные Фердинандомъ II и его сыномъ въ безусловно-господствующую власть Неаполя, почти исчезли. Ихъ смѣнила нацiональная гвардiя... Недавно я встрѣтилъ на Толедо нѣсколько гвардейскихъ баталiоновъ; впереди и по обѣ стороны шли толпы народа; въ окнахъ домовъ собралось множество зрителей; музыка играла мотивъ нацiональнаго гимна; ее хоромъ подхватывалъ народъ и, въ этомъ симпатичномъ союзѣ пѣсни, въ этой общей радости, трудно было отличить солдата отъ гражданина.

---

25 апрѣля.

Вчера вечеромъ я сидѣлъ у раскрытыхъ дверей балкона. Шумъ экипажей и говоръ на Толедо глухо доносился. Мало-по-малу волненiе стало усиливаться, послышались крики, по нашей улицѣ пробѣжало нѣсколько человѣкъ съ восклицанiемъ: Viva Garibaldi! и черезъ нѣсколько минутъ вся центральная часть города была на ногахъ. У насъ въ домѣ сдѣлалось движенiе; я вышелъ спросить, что все это значило. — «О, ничего, только вы не бойтесь», отвѣчала хозяйка, спѣша однакожъ отдать приказанiе, чтобы всѣ двери въ отелѣ были заперты. Я вышелъ на улицу. Къ площади прилила густая масса народа, отъ нея отдѣлялись небольшiе кружки и спѣшили куда-то вдоль по Толедо, безпрестанно возвышая голосъ: Viva Garibaldi! покрываемый оглушительными рукоплесканiями. Толпа все росла. По улицѣ едва можно было пройти. Крики становились все чаще, переходя въ одно непрерывное восклицанiе. Всѣ окна пяти и шести-этажныхъ домовъ освѣщались огнями, на балконы выносили лампы, свѣчи; во многихъ домахъ вдругъ иллюминовали цвѣтными фонарями и вывѣсили трехцвѣтныя знамена (*). Вся улица горѣла огнями отъ магазиновъ до самыхъ верхнихъ мансардъ. Въ окнахъ и на балконахъ виднѣлись женщины; вмѣстѣ съ народомъ онѣ повторяли: Viva l'Italia, viva Garibaldi! и махали платками проходящей толпѣ. Навстрѣчу мнѣ по-

(*) Нацiональные цвѣта Пьемонта: красный, зеленый и бѣлый.

палась кучка людей; впереди ея бѣжалъ молодой человѣкъ, неся бюстъ бывшаго диктатора, а другой поднялъ знамя съ его портретомъ, и возлѣ, едва поспѣвая, спѣшилъ какой-то сѣдой старикъ, размахивая руками и запыхаясь отъ усталости, дрожащимъ голосомъ онъ кричалъ: Vivo il nostro liberatore Caribaldi! На площади толпа остановилась; изъ средины кто-то поднялся на возвышеніе подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ; все умолкло. Импровизованный ораторъ говорилъ про заслуги Гарибальди, сравнивая его съ самыми свѣтлыми личностями въ дѣлѣ освобожденія народовъ. Его рѣчь слегка коснулась старыхъ вещей, «того всеобщаго траура», который несла южная Италія въ память разстрѣлянныхъ или изгнанныхъ гражданъ. Это грустное воспоминаніе сильно взволновало слушателей; отвсюду послышалось энергическое проклятіе австрійскимъ казематамъ... Было что-то трогательное, торжественное и гармоническое въ этой ясной, тихой ночи, въ этой живой массѣ народа, выражавшей искреннюю любовь къ своему освободителю. Замѣтимъ, что эта демонстрація, болѣе поэтическая, чѣмъ серьезная, составилась по случаю извѣстій, распространившихся въ Неаполѣ о ссорѣ Гарибальди съ Кавуромъ и объ оскорбленіи перваго въ сардинскомъ парламентѣ. Къ полночи толпы стали рѣдѣть. Между народомъ расхаживали мѣрнымъ шагомъ патрули національной гвардіи.

На другой день на всѣхъ улицахъ была прибита афиша: «Viva Garibaldi! L'Italiani dei mezzodi sarano fideli al'loro liberatore sino cella morte». (Да здравствуетъ Гарибальди! Южные Итальянцы будутъ до смерти вѣрны своему освободителю). Черезъ нѣсколько часовъ появилась другая афиша, объявлявшая телеграфическое извѣстіе, что Гарибальди, послѣ долгихъ несогласій помирился съ Кавуромъ, а вечеромъ дружески обнимался съ Чіальдини.

Надо быть въ самомъ Неаполѣ, чтобъ понять, до какого энтузіазма доходитъ любовь Итальянцевъ къ Гарибальди. Въ народѣ сложились пѣсни въ честь его подвиговъ, чудесные разсказы о его походѣ въ Сицилію; самая жизнь и личныя качества, даже слабости его составляютъ предметъ эпическихъ мотивовъ для массы. Довѣренность къ нему безграничная; вліяніе его отъ Сициліи и до Піемонта огромное. «Мы любимъ Гарибальди, говорятъ Неаполитанцы, и вѣримъ ему; онъ человѣкъ справедливый и безкорыстный; онъ искренно желаетъ намъ добра, и всего себя посвятилъ Италіи, а ему самому ничего не надо; это онъ доказалъ и потому мы преданы всей

душей и вѣримъ ему. Гарибальди такъ много для насъ сдѣлалъ: какъ–же намъ небыть ему преданными!»

Но есть и темная сторона въ современномъ положеніи Неаполитанской области. Революція оставила по себѣ много зла, неизбѣжнаго въ подобныхъ переворотахъ. Провинціи еще доселѣ не успокоились; то тамъ, то здѣсь поднимаются возстанія въ пользу Бурбовъ духовенство и подкупленная полиція заодно дѣйствуютъ противъ народа и, снабжаемые инструкціями и деньгами изъ Ватикана, растравляютъ рану, готовую закрыться; повсюду страшная бѣдность и глубокое невѣжество, что еще болѣе питаетъ духъ безполезной реакціи.

---

7 мая.

Вотъ и май неаполитанскій, а погода стоитъ ненастная. Нѣсколько дней сряду сѣверный вѣтеръ несетъ суровый холодъ и постоянные дожди. Жалко смотрѣть на эту великолѣпную природу безъ солнца и голубаго неба; но еще жалче видѣть здѣсь несчастіе человѣка: оно слишкомъ рѣзко становится въ контрастъ съ богатствомъ и растительнаго царства и благодатью климата.

Съ отъѣздомъ Франциска II, физіономія Неаполя во многомъ измѣнилась. Вмѣстѣ съ королемъ выѣхала большая часть аристократіи. Балы, рауты прекратились; во всю зиму, говорятъ, было только на масляницѣ нѣсколько небольшихъ вечеровъ. Загородныя виллы, которыя тянутся по берегу моря, начиная съ Портичи, стоятъ съ закрытыми ставнями. Но въ самомъ городѣ движеніе увеличилось, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ. Шумъ и говоръ съ утра и далеко за полночь раздаются повсюду. Въ настоящее время народонаселеніе Неаполя состоитъ, главнымъ образомъ, изъ купцовъ, негоціантовъ, такъ называемаго средняго сословія, очень немногихъ аристократическихъ семействъ и очень многочисленнаго класса бѣдныхъ, безъ всякаго состоянія и безъ всякаго занятія. Нигдѣ этотъ классъ не выдается такъ видно, какъ въ Неаполѣ. «У насъ много бѣдныхъ», говорятъ Неаполитанцы. Прежніе лаццарони вымерли, или лучше перемѣнили свою внѣшность. Теперь уже ихъ не встрѣчаешь полуодѣтыхъ, лежащихъ на берегу моря и питающихся frutti di mare, но зато ви-

дишь нищихъ на каждомъ шагу въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. На тротуарахъ сидятъ молодые люди безъ всякаго дѣла; иные какъ будто мечтаютъ въ полудремотномъ восточномъ кейфѣ, другіе играютъ въ карты. Здоровые мужчины, лѣтъ въ тридцать и сорокъ, продаютъ спички, разносятъ газеты. Эти взрослые дѣти, которые, за неимѣніемъ болѣе производительной дѣятельности, остаются навсегда въ младенческомъ dolce far niente. Кромѣ того есть множество субъектовъ, положительно ни къ чему негодныхъ: чѣмъ они питаются и гдѣ укрываетъ ихъ ночь — рѣшить трудно. Это осадокъ того класса людей, которыхъ прежняя полиція старалась сначала обезсмыслить до животной тупости, развратить и потомъ привязать ихъ къ себѣ милостыней и подкупомъ. Я не берусь начертить картину неаполитанской бѣдности, но едва ли преувеличу, если скажу, что изъ трехъ Неаполитанцевъ только одинъ бываетъ сытъ. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро откроется Неаполитанцамъ широкое поле дѣятельности, разовьются ихъ умственныя и физическія силы, облагородится ихъ трудъ, и тогда страна, обильная всѣми благами, зацвѣтетъ новой жизнью и съ отвращеніемъ будетъ вспоминать о своемъ лаццарони.

Н. Г....Ъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Лѣтопись сельскаго Благоустройства.—Реляціи о волненіяхъ крестьянъ въ губерніяхъ: Владимірской, Самарской, Симбирской, Калужской, Пензинской, Орловской, Подольской, С. Петербургской и Ярославской.—Обобщеніе фактовъ, публикуемыхъ правительствомъ въ этихъ реляціяхъ.—О причинахъ волненій. Характеръ мѣропріятій къ подавленію непониманія положеній.—Какъ думаетъ «Русскій Вѣстникъ» о причинахъ волненій крестьянъ.—Мнѣніе о мнѣніяхъ «Русскаго Вѣстника» по этому дѣлу.—Иллюзіи и заблужденія «Русскаго Вѣстника.»—Объ университетской реформѣ.—Объ отношеніи къ ней правительства и общества.—О россійской Императорской академіи наукъ. Чѣмъ она могла бы быть и чего можно отъ нея ожидать. Монументъ по случаю тысячелѣтія Россіи.

Реформа наша имѣетъ уже свою «Лѣтопись Сельскаго Благоустройства» начатую въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которая, впрочемъ, получитъ наиболѣе общественное значеніе тогда лишь, когда приведеніе въ исполненіе Положеній по всѣмъ губерніямъ завершится свѣдѣніями: о дѣйствіяхъ губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, о значеніи, которое создадутъ себѣ господа мировые посредники, и о характерѣ новыхъ между владѣльцами и крестьянами отношеній, вытекающихъ изъ Положеній; теперь же покуда *Лѣтопись Сельскаго Благоустройства* наполняется извѣстіями о событіяхъ, встрѣтившихъ введеніе въ дѣйствіе Положеній.

Свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ сообщаются самимъ правительствомъ, на основаніи официальныхъ донесеній мѣстныхъ начальствъ. Поставляемъ обязанностію занести въ нашу лѣтопись рядъ извѣстій о совершившихся въ теченіи мая мѣсяца событіяхъ въ губерніяхъ: Владимірской, Самарской, Симбирской, Калужской, Пензинской, Орловской, Подольской, Петербургской и Ярославской. (О событіяхъ въ Казанской губ. сообщено было въ майской кн. Русск. Слова).

Изъ *Владимірской губерніи.*

Владимірскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщицы Нарышкиной, въ селѣ Рожественѣ, съ деревнями, крестьяне отказались платить оброкъ, на томъ основаніи, что ими въ концѣ минувшаго и въ началѣ настоящаго года было подано нѣсколько жалобъ на вотчинное управленіе. По всѣмъ жалобамъ въ свое время было произведено мѣстное дознаніе и по распоряженію помѣщицы тѣ изъ нихъ, которыя оказались основательными, удовлетворены, а бурмистръ, на котораго жаловались крестьяне, удаленъ. Несмотря на это и на сдѣланное выборнымъ изъ крестьянъ с. Рожественa въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи внушеніе со стороны губернатора, вмѣстѣ съ свиты Его Величества генералъ-маіоромъ Сколковымъ, они остались при своемъ упорствѣ, и нетолько не хотѣли платить оброка, но и засѣвать находящагося въ ихъ пользованіи яроваго поля. Затѣмъ дѣло поступило на разсмотрѣніе губернскаго присутствія, которое (по свѣдѣніямъ отъ 2-го мая), разъяснивъ всѣ недоразумѣнія, постановило:

1) Объяснить о томъ крестьянамъ, съ тѣмъ, что всякое дальнѣйшее съ ихъ стороны упорство вызоветъ установленныя закономъ мѣры взысканія; 2) открыть въ имѣніи г-жи Нарышкиной сельское общество; 3) въ случаѣ продолженія ихъ упорства принять мѣры ко взысканію недоимокъ, установленныя въ 262 ст. мѣстнаго великороссійскаго Положенія; 4) при обнаруженіи сопротивленія мѣрамъ взысканія, предоставить губернатору сдѣлать распоряженіе о введеніи въ имѣніе военной команды и о преданіи сопротивляющихся суду; и 5) возложивъ исполненіе сего постановленія на уѣзднаго предводителя дворянства, предоставить ему выдать крестьянамъ копію съ сего определенія.

По введеніи (5-го мая) въ имѣніе роты владимірскаго гарнизоннаго баталіона, по объявленіи крестьянамъ, что они будутъ заставлены запахать землю строгостью военной дисциплины и по полицейскомъ наказаніи нѣсколькихъ крестьянъ, оказавшихъ непослушаніе и грубости, крестьяне изъявили покорность и раскаяніе въ своихъ поступкахъ. Они немедленно начали приносить слѣдующій съ нихъ оброкъ, что продолжалось до поздней ночи. На другой день, послѣ молебствія съ колѣнопреклоненіемъ и освященіемъ святою водою, приготовленныхъ для посѣва, сѣмянъ, крестьяне немедленно отправились на пашню.

Гороховскаго уѣзда (по свѣдѣніямъ отъ 3-го мая), въ имѣніи помѣщика *Кокошкина*, при открытіи сельскаго общества, крестьяне обратились къ уѣздному предводителю, съ требованіемъ смѣнить ихъ бурмистра. Получивъ отказъ, они стали шумѣть, грозя выкинуть бурмистра изъ правленія. Предводитель предполагалъ взять подъ стражу одного изъ самыхъ дерзкихъ; но сынъ этого крестьянина хотѣлъ броситься на предводителя, и былъ остановленъ только становымъ приставомъ. Въ имѣніе введена была военная команда, крестьяне приведены въ повиновеніе и изъявили раскаяніе. Виновные въ дерзостяхъ предводителю преданы слѣдствію, а дѣло о жалобахъ крестьянъ на бурмистра предписано разсмотрѣть установленнымъ для крестьянскихъ дѣлъ порядкомъ.

Судогодскаго уѣзда (по свѣдѣніямъ отъ 7-го мая), крестьяне с. Святцевъ, помѣщицы *Алалыкиной*, совершенно отказались отъ исполненія законной барщины. Увѣщанія становаго пристава остались безъ успѣха. Онъ хотѣлъ нѣсколько человѣкъ отправить въ земскій судъ, но крестьяне не послушались, сказавъ, что они не пойдутъ. Убѣжденія пріѣхавшихъ въ имѣніе предводителя и исправника крестьяне приняли съ угрозами. Неповиновеніе закону обнаружилось и въ другихъ смежныхъ имѣніяхъ. Дабы прекратить волненіе въ самомъ началѣ, признано необходимымъ ввести въ имѣніе Алалыкиной военную команду.

Изъ *Самарской губерніи.*

Изъ уѣздовъ *Николаевскаго* и *Новоузенскаго* получены были свѣдѣнія о неисполненіи повинностей со стороны крестьянъ, въ имѣніяхъ графа Воронцова-Дашкова, князя Кочубея, гг. Устинова, Львовой, Семевскаго и Жемчужникова. Въ поименованные уѣзды отправлялись флигель-адъютантъ ротмистръ Гурко и одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій начальника губерніи. По дознанію на мѣстѣ открылось, что возникшія недоразумѣнія были слѣдствіемъ неточнаго понимапія манифеста и неполученія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ мартѣ мѣсяцѣ) Положеній. По объясненіи крестьянамъ на сходкахъ ихъ нынѣшнихъ и будущихъ отношеній къ помѣщикамъ, крестьяне вразумились и изъявляли готовность исполнять повинности на основаніи прочитанныхъ и объясненныхъ имъ правилъ Положеній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернское присутствіе опредѣлило: что неправильности, допущенныя въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ по надѣлу крестьянъ землею и по обремененію ихъ тяжелыми уроками, должны быть

отклоняемы помѣщиками и управителями. Затѣмъ, для объясненія крестьянамъ новыхъ положеній и для выслушанія жалобъ помѣщиковъ и крестьянъ, положило командировать: одного изъ членовъ присутствія и особаго чиновника.

Въ *Бугурусланскомъ* уѣздѣ, въ имѣніи Дурасова, крестьяне дурно работали на барщинѣ, а нѣкоторые вовсе не выходили на работу по наряду; но, по истолкованіи имъ земскимъ исправникомъ ихъ обязанностей и по наказаніи двухъ подстрекателей, порядокъ вполнѣ возстановленъ.

Въ *Ставропольскомъ* уѣздѣ были волненія, вызванныя непониманіемъ крестьянами новыхъ отношеній къ прежнимъ ихъ владѣльцамъ, и главнымъ образомъ лжетолкованіемъ новыхъ узаконеній злонамѣренными людьми. Временно-обязанные крестьяне имѣній: Александровки помѣщицы Шишковой и Средней Бѣсовки помѣщика князя Дадьяна, 14-го апрѣля, совершенно отказались выходить на работу и, по случаю открытія сельскихъ обществъ и волостей, не хотѣли приступить къ выбору должностныхъ лицъ. Причиною неповиновенія крестьянъ было ложное толкованіе Положеній, сдѣланное имъ удѣльнымъ крестьяниномъ Модестомъ Сурковымъ, къ которому они обратились за объясненіями. Увѣщаніе исправника осталось безъ успѣха. Послѣ продолжительныхъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, убѣжденій ставропольскаго предводителя дворянства Тургенева, крестьяне выбрали должностныхъ лицъ. Затѣмъ, предводитель сталъ объяснять имъ точный смыслъ Положеній; въ это время возвратились, ѣздившіе въ Казанскую губернію, крестьяне деревни Средней Бѣсовки и привезли вѣсть о прекращеніи тамошнихъ безпорядковъ. Это обстоятельство еще болѣе убѣдило крестьянъ, что Сурковъ ихъ обманывалъ. Такимъ образомъ, волненіе было совершенно прекращено и крестьяне приведены въ полное повиновеніе. При семъ г. Тургеневъ объявилъ крестьянамъ, что они, за неисполненіе закона и неповиновеніе установленнымъ властямъ, должны были бы подвергнуться законному наказанію; но, въ уваженіе къ ихъ раскаянію, онъ принимаетъ на себя ходатайство о ихъ прощеніи.

Безпорядки, происходившіе въ упомянутыхъ двухъ имѣніяхъ, отразились на дер. Грязнухѣ гг. Обрѣзковыхъ, с. Городищахъ г. Кроткова и с. Головкинѣ г. Наумова, но въ весьма незначительномъ размѣрѣ и, принятыми полицейскими мѣрами, немедленно прекращены. Сурковъ и другіе крестьяне, содѣйствовавшіе ему въ распоряженіи

ложныхъ толковъ, арестованы по распоряженію начальника губерніи.

Изъ *Симбирской губерніи.*

Отъ 3-го мая, въ *Буинскомъ* уѣздѣ, въ имѣніи Козловкѣ, г. *Аргамакова*, крестьяне вышли изъ повиновенія и отказывались работать, но по приводѣ роты Владимірскаго полка, порядокъ былъ вполнѣ возстановленъ; крестьяне успокоились, изъявили раскаяніе и съ готовностью исполняютъ повинности. Сдѣлано распоряженіе о выводѣ военной команды.

Отъ 10 и 13-го мая, въ *Сенгилѣевскомъ* уѣздѣ, въ селѣ Шигонахъ, помѣщицы *Кротковой*, крестьяне оказали неповиновеніе и на убѣжденія исправника отвѣчали, что на работу никто не пойдетъ и что хотятъ выбрать сами старшинъ, а прежнихъ начальниковъ слушаться не будутъ. Все это произошло въ слѣдствіе ложнаго толкованія Высочайшаго манифеста, распространенію коего особенно способствовалъ крестьянинъ Трухловъ. — Такъ какъ мѣры убѣжденія не подѣйствовали, то были въ имѣніе приведены 2 роты; крестьяне, п взятіи Трухлова подъ караулъ и по наказаніи главныхъ зачинщиковъ, повинились и изъявили полную покорность. Трухловъ же продолжалъ упорствовать. Наряженная въ Шигонахъ военно-судная коммисія приговорила Трухлова, какъ оказавшагося виновнымъ въ зловредномъ толкованіи манифеста, въ явномъ ослушаніи и неповиновеніи начальству и подстрекательствѣ къ тому же другихъ, къ наказанію его шпицрутенами, что и исполнено 11-го мая въ селѣ Шигонахъ при одновотчинныхъ и понятыхъ крестьянахъ окрестныхъ селеній. Бурмистръ села Шигоновъ Григорій Обрубовъ и полицейскій сотскій Петръ Сергѣевъ не увлеклись толкованіемъ Трухлова и оказывали полное содѣйствіе управляющему и земской полиціи. Послѣдовало Высочайшее соизволеніе на награжденіе Обрубова и Сергѣева.

Отъ 13-го мая, безпорядки, бывшіе *Сызранскаго* уѣзда, въ селѣ Большой Рѣпьевкѣ, прекратились по приводѣ военной команды; крестьяне раскаяваются въ своихъ заблужденіяхъ и совершенно успокоились. По строгому дознанію обнаружилось, что виновникомъ волненія и безпорядковъ былъ отпускной солдатъ Өедоръ Докунинъ, который преданъ суду. Военная команда изъ Рѣпьевки выведена и отправлена въ селенія Головино, Лыцевку и Шереметевку, гдѣ крестьяне оказали непослушаніе.

Въ *Корсунскомъ* уѣздѣ, по свѣдѣнію отъ 8-го мая, въ селѣ Большомъ Станишномъ г. *Языкова*, крестьяне отказались исполнять

работы, къ чему ихъ подстрекалъ уволенный изъ кантонистовъ Василій Григорьевъ, ложно толкуя Положенія. На мѣсто командирована рота Бутырскаго полка; о дѣйствіяхъ же Григорьева производится строжайшее изслѣдованіе.

Изъ *Калужской* губерніи, *Жиздринскаго* уѣзда:

Въ *Жиздринскомъ* уѣздѣ никакихъ особенно важныхъ безпорядковъ не было; возникали жалобы нѣкоторыхъ помѣщиковъ на крестьянъ, но эти жалобы разобраны и удовлетворены. О порубкахъ лѣсовъ были двѣ жалобы повѣреннаго г. *Каньшина*, по которымъ сдѣлано распоряженіе, какъ о прекращеніи порубокъ, такъ и о производствѣ полицейскаго дознанія и формальнаго слѣдствія.

По раздачѣ крестьянамъ урочнаго положенія, они стали усерднѣе заниматься полевыми работами. Въ одномъ только имѣніи г. *Корвовской*, населенномъ 56 душами временно-обязанныхъ крестьянъ, помѣщица заявила, что крестьяне не хотятъ обработывать господской земли и разошлись самовольно на заработки. Въ это имѣніе командированъ непремѣнный засѣдатель земскаго суда для возстановленія должнаго порядка.

Изъ *Пензинской губерніи.*

Почти одновременно съ безпорядками, послѣдовавшими за обнародованіемъ новыхъ законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Казанской губерніи, о чемъ уже было напечатано въ газетахъ, произошли значительныя волненія въ нѣсколькихъ уѣздахъ *Пензинской* губерніи. Описаніе этихъ волненій не могло явиться въ печати ранѣе настоящаго времени, потому что для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ этого событія нужно было дождаться присылки съ мѣстъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣдѣній.

Высочайшій манифестъ о дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ свободныхъ сельскихъ обывателей, объявленный въ городѣ Пензѣ 12-го минувшаго марта и въ этотъ же день разосланный по уѣздамъ, былъ встрѣченъ въ Пензинской губерніи первое время спокойно. Но вскорѣ возникли въ разныхъ имѣніяхъ, при отправленіи издѣльной повинности, недоразумѣнія и затрудненія, превратившіяся въ трехъ уѣздахъ: Городищенскомъ, Чембарскомъ и Керенскомъ въ неповиновеніе.

Въ первомъ изъ сихъ уѣздовъ неповиновеніе крестьянъ открылось въ имѣніяхъ помѣщиковъ Михайловскаго-Данилевскаго, а потомъ Ду-

бенскихъ. Въ имѣніи Дубенскихъ крестьяне отказались отъ всякихъ работъ, самовольно смѣнили сотскаго, избравъ изъ среды своей новаго, и грозили смертью прибывшему въ имѣніе становому приставу, за то, что онъ будто бы скрывалъ отъ нихъ дарованную имъ *полную* свободу. Но крестьяне вскорѣ были приведены къ повиновенію въ обоихъ означенныхъ имѣніяхъ мѣстнымъ земскимъ исправникомъ при содѣйствіи военной команды.

Въ Чембарскомъ уѣздѣ волненіе возникло въ имѣніяхъ графа Уварова и быстро распространилось по сосѣднимъ имѣніямъ Кожина, Веригина, Воронина и Рахмановой. Крестьяне, собравшись въ деревнѣ Черногай, принадлежащей графу Уварову, въ числѣ до 3,000 человѣкъ, съ дерзостію требовали скрываемаго будто бы отъ нихъ указа, смѣняли старостъ и сотниковъ и отказались отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ. Увѣщанія чембарскаго уѣзднаго предводителя дворянства не имѣли никакого успѣха и онъ принужденъ былъ выѣхать изъ Черногая. 9-го апрѣля прибылъ въ Черногай земскій исправникъ съ приставомъ 1-го стана и одною ротою Тарутинскаго великаго герцога Ольденбургскаго полка, квартировавшею въ разстояніи одного перехода отъ этой деревни. Но и по размѣщеніи роты по дворамъ толпа не переставала увеличиваться и буйство дошло до того, что на другой день, 10-го апрѣля, по пріѣздѣ въ Черногай управляющаго имѣніемъ графа Уварова, Пичугина, крестьяне, окруживъ исправника и управляющаго, закричали: «бей, души ихъ!» и нанесли имъ тяжкія оскорбленія и побои.

Когда же для оказанія помощи исправнику и управляющему собралась упомянутая рота, проложившая себѣ дорогу прикладами, то крестьяне стали наступать на нее съ вилами, кольями и пѣшнями, кидали съ крыши кирпичи, бросались на солдатъ и пытались ихъ обезоружить. Командующій ротою поручикъ Лендендаумъ вынужденъ былъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. При этомъ трое крестьянъ убито и четверо ранено. Для избѣжанія дальнѣйшаго кровопролитія, командиръ роты возвратился съ нею на ея квартиры. Волненіе однако не переставало распространяться съ возрастающей силою по всѣмъ окрестностямъ. Въ имѣніи Веригина разграбили господскій домъ и едва не убили священника.

Командированный въ Пензинскую губернію для содѣйствія мѣстному начальству къ приведенію въ дѣйствіе новыхъ законоположеній о крестьянахъ, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-

маіоръ Дренякинъ, по полученіи въ Пензѣ извѣстія о сихъ событіяхъ, 12-го апрѣля отправился на мѣсто въ имѣніе графа Уварова, отстоящее отъ Пензы на 150 верстъ, но по случаю разлитія рѣкъ только чрезъ двое сутокъ (14-го апрѣля) успѣлъ прибыть въ село Поимъ (графа Шереметева), ближайшее къ Черногаю. Въ Поимъ къ тому же времени, по соглашенію генералъ-маіора Дренякина съ начальникомъ 16-й пѣхотной дивизіи, приведены были 1-й баталіонъ Казанскаго пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка и 3-й баталіонъ Тарутинскаго.

Съ твердымъ намѣреніемъ не прибѣгать, безъ крайней нужды, къ мѣрамъ особой строгости, генералъ-маіоръ Дренякинъ, по прибытіи въ Поимъ, прежде всего разослалъ въ волновавшіяся селенія циркулярныя предписанія къ крестьянскимъ начальствамъ, выслать къ нему въ Поимъ понѣскольку старшихъ домохозяевъ изъ каждой деревни, для выслушанія отъ него словесныхъ объясненій Высочайше дарованныхъ имъ новыхъ правъ и для выслушанія отъ нихъ самихъ: какъ было дѣло въ Черногаѣ и что было поводомъ къ волненіямъ? Въ тотъ же вечеръ и на другой день стали являться къ генералъ—маіору Дренякину выборные отъ разныхъ деревень съ изъявленіемъ покорности и полнаго раскаянія. Не считая себя въ правѣ оставить безъ преслѣдованія и поимки главныхъ зачинщиковъ возмущенія, генералъ—маіоръ Дренякинъ съ тремя ротами Казанскаго и 3-мъ баталіономъ Тарутинскаго полковъ двинулся въ Черногай. Крестьяне, узнавъ о приближеніи войска, скрылись сначала по задворкамъ, но потомъ вышли къ генералу Дренякину съ изъявленіемъ раскаянія и умоляли о помилованіи. При этомъ они показали, что причиною неповиновенія было ложное толкованіе священникомъ села Студенки, Померанцевымъ, Высочайшаго манифеста. Упорство же свое они объяснили поддержкою со стороны крестьянъ другихъ селеній, собравшихся въ Черногаѣ и разбѣжавшихся при приближеніи войска.

Генералъ-маіоръ Дренякинъ въ тотъ же день арестовалъ 12 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ и отправилъ ихъ немедленно въ поимскій этапный домъ для поступленія съ ними по закону. Всѣ остальные жители Черногая, вовлеченные въ поступки единственно по заблужденію и искренно раскаявшіеся, были прощены. Такимъ образомъ волненіе въ Черногаѣ было прекращено.

Между тѣмъ возникло волненіе въ Керенскомъ уѣздѣ. Съ 14-го апрѣля генералъ-маіоръ Дренякинъ сталъ получать донесенія о по-

стоянно усиливавшихся тамъ безпорядкахъ. Центромъ волненія въ Керенскомъ уѣздѣ сдѣлалось село *Кандѣевка*, принадлежащее помѣщику Волкову. Главнымъ подстрекателемъ и руководителемъ волненія былъ временно-обязанный крестьянинъ имѣнія помѣщика Кожина села Высокаго *Леонтій Егорцевъ*. Принадлежа къ сектѣ малаканов, онъ въ короткое время успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на жителей всего окрестнаго края.

Вслѣдствіе его ложныхъ толкованій и присвоенія имъ себѣ особой власти, довѣренность къ нему была такъ сильна, что изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки съ приглашеніемъ прибыть къ нимъ для разъясненія манифеста, водили его подъ руки, носили за нимъ скамейку, становили его на возвышеніе, съ котораго онъ, по-своему, возвѣщалъ всѣмъ волю. Власть его наконецъ возрасла до того, что онъ началъ дѣлать денежные поборы, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждалъ съ угрозами же, чтобы, въ случаѣ прибытія войска, никто, подъ опасеніемъ смерти, не выдавалъ «своихъ» и чтобы никто не вѣрилъ ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже «царскому послу», какъ онъ называлъ генералъ-маіора Дренякина. Изъ деревень сосѣднихъ четырехъ уѣздовъ Пензинской и Тамбовской губерній стеклось въ Кандѣевку до 10,000 крестьянъ, которые, съ криками «воля! воля!» разъѣзжая по селеніямъ, оскорбляли священниковъ, били старшинъ и сотскихъ, перехватывали разсыльныхъ.

Обстоятельства эти заставили генералъ-маіора Дренякина немедленно двинуться изъ Черногая въ Кандѣевку. По пути онъ заѣхалъ въ с. Высокое (помѣщика Кожина), главную квартиру Егорцева. Крестьяне этого селенія просили прощенія, которое и было даровано имъ послѣ того, какъ собранная генералъ-маіоромъ Дренякинымъ сходка выдала ему зачинщиковъ возмущенія, причемъ не удалось однако захватить самого Егорцева, который еще наканунѣ, узнавъ о приближеніи войска, былъ вывезенъ въ Кандѣевку въ возу съ соломою. Генералъ-маіоръ Дренякинъ прибылъ въ Кандѣевку 16-го апрѣля съ тремя ротами Казанскаго полка. Въ продолженіе двухъ дней генералъ-маіоръ Дренякинъ не прибѣгалъ къ силѣ, надѣясь убѣжденіями склонить крестьянъ къ покорности. Но ни личныя его убѣжденія, ни увѣщанія священника и другихъ лицъ рѣшительно не имѣли никакого успѣха.

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ приходили извѣстія, что духъ своеволія быстро распространяется во всѣ стороны, глубоко прони-

каетъ въ Моршанскій уѣздъ Тамбовской губерніи, и что всѣ крестьяне смотрятъ на Кандѣевку. Все это заставило наконецъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. 18-го апрѣля, послѣ новой неудачной попытки образумить крестьянъ, и убѣдить ихъ разойтись и заняться засѣвомъ полей, генералъ-маіоръ Дренякинъ предупредилъ крестьянъ, что онъ прикажетъ стрѣлять и получивъ въ отвѣтъ, «дѣлайте что хотите», рѣшился открыть огонь: Въ толпѣ, стоявшей на улицѣ, было до тысячи человѣкъ (всего же въ деревнѣ, считая оставшихся на дворахъ, было до 7,000). Дано было три залпа и послѣ каждаго пробовали вновь убѣждать крестьянъ, но безуспѣшно. Это упорство съ ихъ стороны объяснилось впослѣдствіи показаніемъ самихъ крестьянъ, что Егорцевъ убѣждалъ ихъ выдержать три залпа, если сверхъ ожиданія въ нихъ будутъ стрѣлять, увѣряя, что послѣ этого имъ непремѣнно выдадутъ чистую волю. Убито было 8, ранено 26 человѣкъ; но это не произвело повидимому никакого вліянія на крестьянъ. Тогда генералъ-маіоръ Дренякинъ рѣшился испытать — нельзя ли отхватить хоть нѣсколько человѣкъ изъ толпы, что и было исполнено удачно, безъ кровопролитія. Захвачено было и выведено изъ улицы 410 человѣкъ; остальные же разбѣжались. Упорство крестьянъ было такъ велико, что даже захваченные и окруженные войскомъ 410 человѣкъ не просили о помилованіи, а попрежнему кричали: «всѣ до одного умремъ, но не покоримся», и стали виниться тогда только, когда приступлено было къ наказанію главныхъ зачинщиковъ. Затѣмъ по 25-е апрѣля генералъ-маіоръ Дренякинъ оставался въ Кандѣевкѣ и лично распоряжался сельскимъ управленіемъ, приведеніемъ въ порядокъ разстроенныхъ работъ и толкованіемъ крестьянамъ настоящаго смысла новыхъ законоположеній. Зачинщики были немедленно преданы суду генералъ-маіоромъ Дренякинымъ, на основаніи Высочайше предоставленной ему власти и наказаны по мѣрѣ вины.

Въ настоящее время спокойствіе въ Пензинской губерніи водворилось повсемѣстно и полевыя работы производятся въ должномъ порядкѣ.

Изъ *Орловской губерніи*, съ 6-го апрѣля по 11-е мая:

Въ *Елецкомъ уѣздѣ*, въ имѣніи помѣщиковъ *Даниловыхъ*, крестьяне отказывались отъ исполненія лежащихъ на нихъ повинностей, не хотѣли слушать убѣжденій вотчиннаго начальства и земской полиціи, и дѣлали грубости сыну помѣщицы. Въ имѣніе это отправ-

лялся свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Толь и была вызвана военная команда, при содѣйствіи которой, по полицейскомъ наказаніи 10-ти человѣкъ, порядокъ былъ возстановленъ. Крестьяне же Петровъ и Марковъ, подстрекавшіе остальныхъ къ непослушанію и неисполненію работъ, отправлены въ елецкій тюремный замокъ, съ преданіемъ ихъ суду, для поступленія съ ними по законамъ.

Въ имѣніи помѣщика *Стаховича* крестьяне не хотѣли переселиться на другія мѣста, избранныя помѣщикомъ для новыхъ усадьбъ. Переселеніе это, по сдѣланному дознанію, оказалось необходимымъ и совершенно согласнымъ съ правилами Положеній; прежде сами крестьяне соглашались переселиться, потому что новыя мѣста удобны для водворенія; потомъ, подъ разными предлогами, отказались. Крестьянамъ сдѣлано внушеніе о необходимости и законности ихъ переселенія по требованію помѣщика; но самое переселеніе приведется въ исполненіе не прежде, какъ по исполненіи со стороны помѣщика всѣхъ условій и правилъ, для сего установленныхъ въ 74—91 ст. мѣстнаго положенія.

Сѣвскаго уѣзда, въ имѣніи губернскаго предводителя дворянства *Апраксина*, населенномъ слишкомъ семью тысячами душъ, крестьяне не хотѣли ходить на работу, и несмотря на всѣ сдѣланныя имъ убѣжденія, продолжали упорствовать. Была вызвана военная команда; изъ числа болѣе виновныхъ 28 человѣкъ подвергнуты полицейскому наказанію, а четырехъ, скрывшихся и обвиняемыхъ въ подстрекательствѣ, предписано отыскать и представить въ земскій судъ, для поступленія съ ними по законамъ. Послѣ этого крестьяне обязались въ точности исполнять слѣдующія съ нихъ повинности.

Изъ *Подольской* губерніи, съ 12-го апрѣля по 18-е мая:

Въ *Подольской* губерніи волненія крестьянъ приняли-было значительные размѣры въ уѣздахъ: *Винницкомъ*, *Ольгопольскомъ*, *Брацлавскомъ*, *Гайсинскомъ*, *Ямпольскомъ* и *Каменецкомъ*; въ остальныхъ уѣздахъ хотя и были безпорядки, но они ограничивались весьма малымъ числомъ имѣній. Волненія, безпорядки и недоразумѣнія коснулись 141 селенія, въ которыхъ числится около 71 тысячи душъ. Всѣ случаи безпорядковъ вызваны неправильнымъ пониманіемъ крестьянами новыхъ ихъ отношеній къ прежнимъ владѣльцамъ. Крестьяне, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе свободы, представляли ее себѣ совершенно въ превратномъ видѣ, а потому всякій слухъ, оправдывавшій ихъ ожиданія, былъ принимаемъ ими легковѣрно. Правилъ новаго

Положенія они въ точности не знали и при чтеніи никогда не дослушивали до конца, если то, что имъ читалось, было не согласно съ ихъ понятіями.

Спокойствіе и порядокъ были возстановляемы (по донесенію флигель-адъютанта барона Корфа) въ однихъ селеніяхъ мѣрами внушенія и объясненіемъ истиннаго смысла новыхъ Положеній, а въ другихъ для этого требовалось введеніе военныхъ командъ, для усиленія нравственнаго вліянія власти, и только въ рѣдкихъ случаяхъ наказаніе или арестованіе болѣе виновныхъ.

Сопротивленіе войскамъ было оказано только въ одномъ селеніи *Тимановкѣ*, *Ямпольскаго* уѣзда, временно-обязанными крестьянами, водворенными на землѣ графа *Протасова-Бахметева*. Виновные въ сопротивленіи войскамъ, въ числѣ 9-ти человѣкъ, преданы суду.

Затѣмъ, наиболѣе важныя волненія, по значительности селеній, были: *Брацлавскаго* уѣзда, въ с. Кирпасовкѣ, помѣщика *Сабанскаго*, гдѣ для возстановленія спокойствія, по введеніи войскъ, было наказано 28 человѣкъ; въ *Ольгопольскомъ* уѣздѣ, въ м. Жабокричѣ, помѣщика *Бржозовскаго*, гдѣ спокойствіе хотя было водворено безъ наказаній, но волненіе обратило на себя особенное вниманіе по вредному вліянію на другія сосѣднія имѣнія, потому что въ самое непродолжительное время примѣру этихъ крестьянъ послѣдовали 9 селеній, въ которыхъ впрочемъ волненіе прекратилось тотчасъ по усмиреніи м. Жабокрича, и наконецъ въ *Винницкомъ* уѣздѣ, въ с. Большомъ Острожкѣ, принадлежащемъ уѣздному предводителю *Пельковскому*, признано было необходимымъ арестовать шесть человѣкъ; послѣ чего крестьяне повинились и просили только освободить арестованныхъ сотоварищей. Пять человѣкъ были освобождены, шестой же, болѣе упорный, оставленъ до времени въ острогѣ.

Въ настоящее время (по донесенію начальника губерніи) спокойствіе и порядокъ водворены во всей губерніи, исключая одного селенія (Смѣлой, въ *Литинскомъ* уѣздѣ).

Изъ *Санктпетербургской* губерніи.

По свѣдѣніямъ отъ 26-го марта до 17-го мая.

Въ *Санктпетербургкомъ* уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщицы *Кайдановой*, вскорѣ по объявленіи «Положенія», крестьяне отказались ходить на барщину. Убѣжденія не подѣйствовали на крестьянъ, но по вступленіи въ имѣніе военной команды и арестованіи пяти наиболѣе-буйныхъ крестьянъ, остальные пришли въ должное повиновеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, со стороны помѣщицы приняты мѣры къ облегченію крестьянъ въ повинностяхъ, согласно «Положенію». Арестованные крестьяне, по ходатайству помѣщицы, освобождены.

Въ *Лугскомъ* уѣздѣ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ *Ермолова*, *Тирана*, *Бека*, *Дунина-Марцинкевича*, *Огарева и Черкасова*, крестьяне отказались отъ работъ, но личное объясненіе съ крестьянами, командированнаго на мѣсто подполковника Квитницкаго, и дѣланныя имъ внушенія, водворили въ означенныхъ имѣніяхъ совершенный порядокъ.

Въ *Петергофскомъ* уѣздѣ, въ имѣніи капитана *Веймарна*, крестьяне отказались отъ исполненія смѣшанной повинности, объявивъ, что они будутъ платить оброку съ тягла 30 рублей, а что ни на какія работы ходить несогласны. То же самое объявили крестьяне *Лугскаго* уѣзда, въ имѣніи помѣщика *Тирана*, и кромѣ того, на сходкѣ рѣшили, что если кто осмѣлится заплатить болѣе 30 рублей, тому они своимъ судомъ дадутъ 300 розогъ. Такъ какъ увѣщанія не могли преодолѣть упорства крестьянъ, то сдѣлано было распоряженіе о командированіи въ каждое изъ сихъ имѣній по двѣ роты. По полученнымъ, затѣмъ, свѣдѣніямъ порядокъ въ этихъ имѣніяхъ водворенъ безъ содѣйствія военной команды.

Изъ *Ярославской* губерніи, отъ 14-го апрѣля до 16-го мая:

Ростовскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика *Бабкина*, крестьяне отказывались исполнять, въ пользу помѣщика, повинности, но убѣжденіями прибывшаго на мѣсто флигель-адъютанта полковника Дубельта приведены къ должному повиновенію. Въ имѣніи помѣщицы *Филатьевой* крестьяне отказывались отъ смѣшанной повинности; сдѣлано было распоряженіе о вводѣ въ имѣніе воинской команды; по послѣднимъ извѣстіямъ, порядокъ водворенъ, и отъ крестьянъ взята подписка въ исправномъ отправленіи повинностей помѣщику.

Въ Угличскомъ уѣздѣ, въ имѣніи уѣзднаго предводителя, *Арнаутова*, крестьяне не хотѣли отбывать смѣшанную повинность, также и крестьяне имѣнія г. *Вечеслова*. Увѣщанія предводителя и исправника не принесли пользы. Въ имѣнія эти отправлялся свиты Его Величества генералъ-маіоръ Дубельтъ, и командирована военная команда. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ имѣніяхъ гг. Вечеслова и Арнаутова водворенъ порядокъ.

Ростовскаго уѣзда, въ имѣніи статсъ-секретаря, князя Голицына, между крестьянами возникли недоразумѣнія и безпорядки,

по поводу раскладки земли и платимаго оброка: большинство крестьянъ желало раскладки по душамъ, остальные же по тягламъ. Въ то же время они обнаружили нежеланіе платить ту часть оброка, которая шла на содержаніе вотчиннаго управленія, а равно и работать на общественной запашкѣ; причемъ дѣлали грубости и оказывали неповиновеніе управляющему. Старанія исправника, а равно командированнаго на мѣсто жандармскаго штабъ-офицера, прекратить безпорядокъ мѣрами убѣжденія, были безполезны, въ слѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе о прибытіи воинской команды. Между тѣмъ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе о допущеніи мировыхъ посредниковъ къ исправленію должностей, а потому начальникъ губерніи поручилъ ростовскому мировому посреднику отправиться въ имѣніе князя Голицына и еще резъ испытать мѣры увѣщанія. По полученнымъ свѣдѣніямъ, доступное для крестьянъ разъясненіе ихъ обязанностей и благоразумныя мѣры внушенія, принятыя посредникомъ Полубояриновымъ, водворили въ имѣніи совершенное спокойствіе. Крестьяне составили приговоръ, въ которомъ просятъ у помѣщика прощенія, и въ присутствіи мироваго посредника извинялись предъ управляющимъ; а затѣмъ дали подписку въ правильномъ отправленіи повинностей помѣщику.

Въ принятіи мѣръ для прекращенія возникшихъ въ Ярославской губерніи, по нѣкоторымъ уѣздамъ, безпорядковъ, принималъ личное участіе бывшій ярославскій губернаторъ, князь Оболенскій.

Мы не считали себя вправѣ измѣнить редакцію этихъ извѣстій, но мы позволяемъ себѣ нѣсколько объобщить публикуемые правительствомъ факты, не рѣшаясь, впрочемъ, о нихъ, подобно всѣмъ нашимъ журналамъ, исключая »Сына Отечества» «свое сужденіе имѣть».

Непониманіе крестьянами Положенія, какъ вообще, такъ и во многихъ частностяхъ, было главнѣйшей причиной безпорядковъ, сколько можно судить изъ вышеизложенныхъ реляцій; что же касается до толкователей Положенія, одушевлявшихъ крестьянъ, какъ напримѣръ въ Пензинской губерніи, къ непреклонному сопротивленію нетолько мѣстнымъ чиновникамъ, но и военнымъ командамъ,—то можно предположить, что они хорошо поняли Положеніе,—иначе дѣйствія ихъ не могли бы имѣть столь опредѣленно-противо-правительственнаго характера. Еслибы мы назвали недоразумѣнія крестьянамъ и безпорядки эпидемическими, то это было бы не совсѣмъ вѣрно, судя потому, что въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со времени объявленій Положеній въ гу-

берніяхъ, недоразумѣнія и безпорядки начались до сихъ поръ только въ девяти губерніяхъ; впрочемъ для какого либо мнѣнія по этому предмету необходимо, чтобы имѣющіяся или еще могущія поступить въ портфели нашего правительства свѣдѣнія о нарушеніи существующаго порядка, были изчерпаны до конца. Несмотря на то, что причины нарушенія крестьянами порядка, повсюду однѣ и тѣ же, т. е. недовѣріе крестьянъ, что они не получили полной воли и нежеланіе продолжать барщины, — событія въ каждой губерніи имѣютъ свой особенный отличительный характеръ, и именно: во Владимірской губерніи крестьяне, между прочимъ, отказывались отъ барщины, потому что были недовольны своимъ сельскимъ начальствомъ. Въ Самарской губерніи причиною было неточное пониманіе манифеста и неполученіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ мартѣ мѣсяцѣ Положеній; въ Симбирской губерніи крестьяне помѣщицы Кротковой желали сами выбрать себѣ сельскихъ начальниковъ; въ Калужской губерніи возникали донынѣ только такія со стороны помѣщиковъ жалобы на крестьянъ, которыя были разобраны и удовлетворены безъ полицейскихъ наказаній и введенія военныхъ командъ; въ Орловской губерніи крестьяне не хотѣли переселяться на другія мѣста, избранныя помѣщикомъ для новыхъ усадьбъ, а въ имѣніи помѣщиковъ Даниловыхъ этой же губерніи, крестьяне, кромѣ неповиновенія земской полиціи и вотчинному начальству, оказались виновными въ томъ, что дѣлали грубости сыну помѣщицы, (званіе, возрастъ и имя сына помѣщицы не извѣстны), по поводу чего и отправлялся въ имѣніе «свиты Его Величества генералъ-маіоръ графъ Толь и была вызвана военная команда, при содѣйствіи которой, по полицейскомъ наказаніи десяти человѣкъ, порядокъ былъ возстановленъ»; въ Подольской губерніи, въ семи уѣздахъ волненія крестьянъ приняли-было значительные размѣры, а въ остальныхъ пяти ограничились весьма малымъ числомъ имѣній; вообще же въ Подольской губерніи коснулись 141 селенія, въ которыхъ около 71 тысячи душъ; всѣ безпорядки вызваны были неправильнымъ пониманіемъ крестьянами новыхъ ихъ отношеній къ прежнимъ владѣльцамъ: крестьяне подольскіе ожидали съ нетерпѣніемъ свободы и представляли ее совершенно въ другомъ видѣ, въ какомъ она дарована Положеніемъ; въ Ярославской губерніи недоразумѣнія возникли, между прочимъ, оттого, что большинство крестьянъ желало раскладки земли и оброка по душамъ, остальные же по тягламъ, и кромѣ того крестьяне не желали платить той ча-

сти оброка, которая производилась на содержаніе вотчиннаго управленія, и работать на общественной запашкѣ, (которая, по всей вѣроятности, есть вполнѣ мѣстное учрежденіе владѣльца); при чемъ дѣлали грубости управляющему имѣніемъ, и наконецъ — въ Петербургской губерніи: въ вышеозначенныхъ имѣніяхъ, вскорѣ по объявленіи Положенія, крестьяне отказывались ходить на барщину, а въ другихъ имѣніяхъ, какъ напримѣръ у помѣщика Тирана, отказывались отъ исполненія смѣшанной повинностти, предлагая платить по 30 р. съ тягла оброку.

Характеръ мѣропріятій, направленныхъ къ подавленію непониманія крестьянами Положенія, также отличается разнообразіемъ, какъ и самыя причины, вызывавшія ихъ; такъ напримѣръ: во Владимірской губерніи мѣры, принятыя противъ крестьянъ, имѣютъ нѣсколько легальный характеръ — за недѣйствительностію сдѣланныхъ имъ увѣщаній, губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе сдѣлало постановленіе, на основаніи котораго и предоставлено было г. губернатору ввести въ имѣніе г-жи Нарышкиной военную команду; также мѣрой подавленія, опредѣлено было, между прочимъ, взыскивать съ крестьянъ недоимки на основаніи 262 статьи мѣстнаго великороссійскаго положенія, которая могла и можетъ быть приводима въ дѣйствіе и не какъ мѣра строгости, принимаемая съ прочими крайними мѣрами. Въ Самарской губерніи, по сообщенному правительствомъ извѣстію, принятыя противъ крестьянъ мѣры имѣютъ совершенно исключительный характеръ, въ сравненіи съ мѣрами, принимаемыми въ другихъ губерніяхъ; здѣсь нетолько не была вводима никуда военная команда, но даже и показанія, произведенныя надъ двумя лишь крестьянами, во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ были нарушенія порядка, цѣль достигнута была одними убѣжденіями, и Ставропольскій предводитель дворянства, г. Тургеневъ, какъ онъ объявилъ крестьянамъ, что хотя они и должны бы были, за неисполненіе закона и сопротивленіе властямъ, подвергнуться наказанію, но онъ принимаетъ на себя ходатайство о ихъ прощеніи; губернское же по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе опредѣлило, что неправильности, допущенныя въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ по надѣлу крестьянъ землею и по обремененію ихъ тяжелыми уроками, должны быть отклоняемы помѣщиками и управителями; такимъ образомъ губернское присутствіе приняло мѣры и противъ мѣръ, которыя могутъ быть одной изъ сильныхъ причинъ неудовольствія и недовѣрія крестьянъ. Остается желать, чтобы и

другія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія сдѣлали то же самое, какъ скоро замѣтятъ какія либо неправильности по надѣлу крестьянъ землею и обремененію ихъ тяжелыми уроками; еще обязываемся замѣтить, что для разбора жалобъ помѣщиковъ и крестьянъ, самарское губернское присутствіе откомандировало предварительно всякихъ мѣръ одного изъ членовъ присутствія и особаго чиновника, что, конечно, значительно способствовало къ тому, что въ крайнихъ мѣрахъ не встрѣчалось надобности. Въ с.-петербургскомъ уѣздѣ также заслуживаютъ особеннаго вниманія мѣры, принятыя помѣщицей Кайдановой, по вступленіи уже въ имѣніе военной команды и по арестованіи пяти «наиболѣе буйныхъ крестьянъ»: она распорядилась облегчить крестьянъ въ повинностяхъ, и ходатайствовала объ освобожденіи арестованныхъ крестьянъ, которые и были освобождены. Цѣня всегда добрую инициативу частнаго лица въ общественномъ дѣлѣ, мы сочли долгомъ упомянуть объ этихъ дѣйствіяхъ г-жи Кайдановой. Въ Ярославской губерніи, въ видахъ охранительныхъ, составлялись приговоры и отбирались подписки отъ крестьянъ въ правильномъ отправленіи повинностей, что также составляетъ мѣстную особенность. Въ остальныхъ же событіяхъ мѣры не различаются рѣзко одна отъ другой; онѣ состояли изъ полицейскихъ, тѣлесныхъ наказаній, арестовъ, отдачей подъ судъ, введенія военныхъ командъ, и наказанія шпиц-рутенами, по приговору военно-судной коммисіи (въ Сенгилѣевскомъ уѣздѣ, Симбирской губернія). Въ Пензинской губерніи были приняты военныя мѣры. Въ Подольской губерніи волненіе отличается тѣмъ, что распространилось на 71 т. крестьянъ и прекращено мѣрами довольно умѣренными, въ сравненіи съ вызываемыми въ другихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ: въ Казанской и Пензинской. Случай въ Гороховскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи, когда сынъ крестьянина хотѣлъ броситься на предводителя, приказавшаго арестовать отца того крестьянина, имѣетъ совершенно частный характеръ оскорбленія личности.

Въ предшествовавшей лѣтописи, говоря о событіи въ с. Безднѣ Казанской губерніи, мы высказали и наше мнѣніе о причинѣ непониманія крестьянами Положеній 19 февраля. Въ дополненіе къ этому мы заимствуемъ нѣсколько строкъ, относящихся къ этому же предмету изъ № 20 «Современной Лѣтописи» Русскаго Вѣстника: «Спасскій уѣздъ, говорится въ «Лѣтописи», есть одинъ изъ глухихъ угловъ Казанской губерніи. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Волги, вдали отъ большихъ трактовъ, а село Бездна отстоитъ отъ Волги на 30 верстъ.

Оно расположено очень пространно, какъ видно изъ того, что передъ домомъ Антона Петрова могла стоять толпа числомъ до 5,000 человѣкъ и еще постоянно увеличиваться, слѣдовательно тамъ было свободное пространство приблизительно въ 500 квадратныхъ саженей. Кромѣ того упоминается, что крестьяне, послѣ перваго залпа, «начали выходить изъ дворовъ. Все это указываетъ на оригинальный характеръ с. Бездны и на стратегическія особенности этой мѣстности, гдѣ 12 прошлаго апрѣля дѣйствовала военная команда». «Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ край страшная глушь»... прибавляетъ «Русскій Вѣстникъ»: всѣ доходящія до насъ свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи Россіи согласны въ томъ, что ошибочныя толкованія законоположеній 19 февраля держатся преимущественно въ мѣстахъ глухихъ и уединенныхъ, имѣющихъ мало сношеній съ остальною Россіей, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ грамотность очень мало распространена и гдѣ мало живетъ помѣщиковъ, а распоряжаются крестьянами управляющіе. У насъ нѣкогда была въ ходу теорія, будто бы грамотность опасна для народнаго спокойствія. Разумныхъ доводовъ противъ этой теоріи мы не хотѣли слушать и ожидали фактическихъ опроверженій. Теперь передъ глазами всей Россіи эти опроверженія, запечатлѣнныя кровію. Надобно надѣяться, что современныя намъ и, къ прискорбію, сильные аргументы убѣдятъ наконецъ всѣхъ и каждаго, какъ полезно распространеніе грамотности въ народѣ. Въ отдаленныхъ краяхъ Россіи смотрятъ на грамотника какъ на существо высшаго порядка; слово грамотника принимается на вѣру, безъ всякой повѣрки: было ли бы это возможно, еслибы грамотность была болѣе распространена въ нашемъ народѣ, еслибы народныя школы существовали у насъ въ нужномъ количествѣ хоть въ продолженіи одного послѣдняго десятка лѣтъ?» Далѣе, приводя въ примѣръ примѣрное послушаніе крестьянъ г-жи Трубниковой (см. реляцію о событіяхъ въ с. Безднѣ), «Русскій Вѣстникъ» говоритъ: «Стало-быть, гдѣ есть довѣріе крестьянъ къ помѣщику, тамъ спокойствіе обеспечено, а конечно въ каждомъ уѣздѣ найдется *нѣсколько* (?) человѣкъ помѣщиковъ, пользующихся довѣріемъ окрестныхъ крестьянъ. Теперь на такихъ помѣщиковъ всѣ надежды. Нашъ крестьянинъ вовсе не звѣрь *лютый*. Даже въ описаніи спасскаго дѣла вовсе не упоминается о *грубыхъ* поступкахъ крестьянъ съ чиновниками, которые были бы къ нимъ посылаемы, или о «сопротивленіи дѣломъ» вооруженной силѣ. Нашъ крестьянинъ по природѣ добръ и мягокъ;

онъ далеко не такъ грубъ, какъ напримѣръ крестьянинъ въ большей части Германіи и Франціи. Бѣда наша состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе многихъ, всѣмъ извѣстнымъ обстоятельствъ у насъ развилось взаимное недовѣріе между крестьянствомъ и помѣщиками и даже вообще между крестьянствомъ и образованными классами». Средствомъ сближенія образованныхъ классовъ съ простымъ народомъ, «Русскій Вѣстникъ» полагаетъ въ «дѣйствительно полезномъ служеніи своему краю» и продолжаетъ: «нашъ народъ очень хорошо умѣетъ цѣнить справедливое и доброжелательное обращеніе съ нимъ. Съ другой стороны, въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ исторической, систематической вражды къ народу. У насъ есть хорошіе помѣщики, и на хорошихъ помѣщиковъ крестьяне смотрятъ съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ на чиновниковъ. До сихъ поръ эти хорошіе помѣщики вели скромную жизнь и мало вмѣшивались въ общественныя дѣла, но *теперь* (?) надо всѣми мѣрами стараться, чтобы они были вызваны къ дѣятельности. Сближенію образованныхъ классовъ съ народомъ будетъ положено прочное основаніе, и *много поводовъ* (?) къ волненіямъ будетъ устранено, если наблюденіе за отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ, въ трудную переходную эпоху, достанется на долю лицъ, уже пріобрѣтшихъ довѣріе крестьянъ своимъ прежнимъ образомъ дѣйствій». (Вѣроятно скромной жизнью и невмѣшательствомъ въ общественныя дѣла). «Такихъ лицъ, а не угодниковъ своему сословію, желательно видѣть въ ряду нашихъ будущихъ мировыхъ посредниковъ. Довѣріе пріобрѣтается временемъ; оно потому именно и цѣнится, что пріобрѣтается не легко, дѣлами, а не словами. Прежнія обстоятельства не были благопріятны развитію взаимнаго довѣрія между крестьянами и помѣщиками. Но тѣмъ живѣе чувствуется потребность въ томъ, чтобы наши *новыя* мировыя учрежденія воспользовались всѣми лицами, которыя совмѣщаютъ въ себѣ это условіе съ другими законными требованіями. На губернаторахъ лежитъ великая отвѣтственность въ этомъ отношеніи».

Мы съ своей стороны очень сожалѣемъ только о томъ, что вся эта статья «Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника» изложена въ прозѣ, а не въ лирическомъ стихотвореніи г. Розенгейма. Тогда содержаніе было бы тождественно съ формой. При чтеніи статьи, невольно приходитъ на память грибоѣдовскій стихъ: «Блаженъ, кто вѣруетъ...» Но будемъ серьезнѣе, попытаемся ознакомиться съ логикой статьи и обратимся къ разсужденіямъ «Русскаго Вѣстника» о причинахъ

волненій. Какія именно мѣстности называетъ «Русскій Вѣстникъ» «страшной глушью», говоря, «что всѣ доходящія до насъ свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи Россіи согласны въ томъ, что ошибочныя толкованія законоположеній 19 февраля держатся преимущественно въ мѣстахъ глухихъ и уединенныхъ, имѣющихъ мало сношеній съ остальною Россіей, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ грамотность мало распространена и гдѣ мало живетъ помѣщиковъ, а распоряжаются крестьянами управляющіе?» Неужели губерніи: Петербургская, Подольская, Владимірская, Черниговская, Симбирская, Орловская — «страшная глушь» имѣющая мало сношеній съ остальною Россіей? Что же такое, затѣмъ, остальная Россія? Напротивъ, мы думаемъ, что въ этихъ мѣстностяхъ крестьяне наиболѣе способны понять законоположенія 19 февраля, и едва ли грамотность развита въ этихъ губерніяхъ наиболѣе, нежели въ остальной Россіи. На чемъ же основывалъ «Русскій Вѣстникъ» свое заключеніе по столь важному предмету, какъ настоящія событія? «Слухомъ земля полнится» говоритъ очень справедливо русская пословица, и мы не думаемъ, чтобы «Русскій Вѣстникъ» не зналъ о совершающихся событіяхъ тѣхъ подробностей, которыя всегда бываютъ извѣстны изустно наибольшему числу публики. Иллюзіи, иллюзіи всему виною! Мѣ не возражаемъ на то, что фактическія опроверженія противъ необходимости распространенія грамотности въ народѣ, слишкомъ сильны и убѣдительны; но при этомъ хотимъ замѣтить «Русскому Вѣстнику», что для тѣхъ, кто поддерживаетъ теорію, что грамотность опасна для народнаго спокойствія, примѣровъ недостаточно, чтобы отказаться отъ своей теоріи. Прочтите педагогическія размышленія: Даля, Беллюстина, Ушинскаго и стоящаго въ главѣ всей этой фаланги *нашихъ* патріотовъ, Аскоченскаго,—и вы убѣдитесь, что вообще теорія потемнѣнія народнаго ума въ сильномъ ходу даже въ 1861 году.... и что эти господа имѣютъ оппозицію, которая слабѣе ихъ, конечно, не силой своихъ доводовъ, а чѣмъ нибудь другимъ. Послушайте, какъ они гремятъ съ своихъ трибунъ.... Судя по смѣлости ихъ рѣчи, по свободѣ пропаганды ихъ теоріи, можно подумать, что мы живемъ въ Англіи или въ Америкѣ, а посмотрите, какимъ путемъ идетъ оппозиція — точно судно, лавирующее между множествомъ мелей и подводныхъ камней.

Далѣе «Русскій Вѣстникъ» говоритъ по поводу крестьянъ с. Богородскаго-Буракова: «Стало-быть, гдѣ есть довѣріе крестьянъ къ помѣщику, тамъ скокойствіе обезпечено, а конечно, въ каждомъ

уѣздѣ найдется нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ пользующихся довѣріемъ окрестныхъ крестьянъ. Теперь на такихъ помѣщиковъ всѣ надежды.» Мы думаемъ, что для подобныхъ выводовъ нужны какія нибудь основанія. Гдѣ нашелъ «Русскій Вѣстникъ» статистическія данныя о томъ, сколько у насъ въ каждомъ уѣздѣ помѣщиковъ, пользующихся довѣріемъ крестьянъ и сколько непользующихся довѣріемъ? Если допустить въ подобныхъ выводахъ произволъ и догадки, подобно «Русскому Вѣстнику,» то можно доходить, по желанію, до какихъ угодно выводовъ; такъ напримѣръ, мы скажемъ, что всѣ помѣщики пользуются одинаковымъ довѣріемъ крестьянъ, а другой какой нибудь журналъ будетъ увѣрять, положимъ, что вовсе нѣтъ такихъ помѣщиковъ, которые пользовались бы довѣріемъ крестьянъ, а подобные примѣры, какъ крестьяне с. Богородскаго–Буракова имѣютъ другія основанія;—и все это нельзя ни опровергнуть, ни доказать....

«Нашъ крестьянинъ вовсе не звѣрь лютый. Даже въ описаніи спасскаго дѣла вовсе не упоминается о грубыхъ поступкахъ крестьянъ съ чиновниками, которые были къ нимъ посылаемы, или о сопротивленіи дѣломъ вооруженной силѣ; нашъ крестьянинъ по природѣ добръ и мягокъ.» Только съ этими словами «Русскаго Вѣстника» мы не можемъ не согласиться вполнѣ, и даже находимъ излишнимъ распространяться, а скажемъ, что «Русскій Вѣстникъ» сказалъ истину самую избитую и подтверждаемую постоянно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Россія; и теперь, событія во всѣхъ вышеозначенныхъ губерніяхъ, кромѣ с. Бездны и нѣсколькихъ селеній Пензинской губерніи, доказываютъ, что русскій, или какъ говоритъ «Русскій Вѣстникъ» *нашъ* крестьянинъ дѣйствительно добръ и мягокъ; но для полной и вѣрной характеристики слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, къ этимъ качествамъ прибивить еще одну крестьянскую добродѣтель: терпѣніе. Что же касается до вѣжливости русскаго крестьянина, доказываемой въ «Русскомъ Вѣстникѣ» тѣмъ, что въ извѣстіи о спасскомъ дѣлѣ не упоминается о грубыхъ поступкахъ крестьянъ, то слѣдуетъ замѣтить, что мы и не вправѣ требовать отъ *нашего* крестьянина вѣжливости, которая, какъ извѣстно, бываетъ только у народа, участвовавшаго во всемірной цивилизаціи и проникнутаго общимъ понятіемъ объ уваженіи къ личности человѣка. Гдѣ эта школа въ Россіи, въ которой можно бы было пріобрѣсти, въ особенности крестьянину, общее понятіе объ

уваженіи къ личности? Да и что такое собственно *грубость*, которая не прощается крестьянину? Это—привычный его способъ выражать свои впечатлѣнія и чувства, и во всякомъ случаѣ *грубость*, составляя только проступокъ противъ личности, не можетъ составлять гражданскаго, политическаго, общественнаго преступленія, и всегда относится болѣе къ тому, кто вызвалъ *грубость*, въ особенности, если принять въ соображеніе, что *нашъ* крестьянинъ вовсе не дисциплированная личность.... Въ этой матеріи, кажется, ужъ и иллюзіи не помогутъ....

Изъ всего, что сказалъ «Русскій Вѣстникъ» въ настоящей статьѣ, самое истинное есть то, что «бѣда наша состоитъ въ томъ, что вслѣдствіе многихъ, всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ, у насъ развилось *взаимное* недовѣріе между крестьянствомъ и помѣщиками и даже вообще между крестьянствомъ и образованными классами». Далѣе говорится, какъ бы для контраста, что «въ нашемъ дворянствѣ нѣтъ исторической, систематической вражды къ народу». Если *развилось* взаимное недовѣріе, то значитъ, здѣсь есть уже и исторія и система; затѣмъ намъ пришлось бы начать съ «Русскимъ Вѣстникомъ» споръ о тонкостяхъ различія чувства недовѣрія и чувства вражды, но это увлекло бы насъ слишкомъ далеко, въ сферу трансцендентализма, а мы, имѣя подъ руками бездну матеріаловъ для исторіи нашего всероссійскаго прогресса, подлежащихъ немедленному занесенію въ лѣтопись, обязаны быть по возможности краткими.

Междусословное недовѣріе у насъ очень крѣпко—это абсолютная правда, и она-то причиной начавшагося крестьянскаго волненія; крестьяне уяснили себѣ, разумѣется какъ умѣли, Положенія и сказали: «поди вѣрь помѣщикамъ и образованнымъ классамъ!» а образованные классы, читая реляціи о современныхъ событіяхъ и упорствахъ крестьянъ противъ барщины, говорятъ: «вотъ и вѣрь крестьянамъ!» Затѣмъ, конечно, остается каждому сословію, а также и правительству, состоящему исключительно изъ образованныхъ классовъ, какъ иначе и быть не можетъ, — вѣрить только въ себя.

Скептицизмъ, сомнѣніе ведетъ къ анализу, анализъ ведетъ къ утратѣ довѣрія и т. д. Неужели же и русскій человѣкъ пойдетъ по этой торной дорогѣ?! Но «что станетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна?» Впрочемъ, *княгиня*-то, можетъ быть, не замѣтитъ и сама пустится въ резонерство, а вотъ что будетъ говорить поборникъ

синтеза и слѣдовательно, врагъ анализа, Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій и другія особы, принадлежащія къ *семейству* Аскоченскихъ. (Слово: *семейство* употребляется нами въ зоологическомъ смыслѣ). Впрочемъ, объ этихъ *темныхъ* матеріяхъ мы предоставляемъ себѣ поговорить впослѣдствіи болѣе пространно, познакомивъ съ тѣмъ вмѣстѣ нашихъ читателей съ воспитательными теоріями «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. п.; а теперь покончимъ съ «Русскимъ Вѣстникомъ». «Сближенію образованныхъ классовъ съ народомъ будетъ положено прочное основаніе, и много поводовъ къ волненіямъ будетъ устранено, если наблюденіе за отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ достанется на долю лицъ, уже пріобрѣвшихъ довѣріе крестьянъ своимъ прежнимъ образомъ дѣйствій. *Такихъ лицъ, а не угодниковъ своему сословію,* желательно видѣть въ ряду мировыхъ посредниковъ»,—такъ говоритъ «Русскій Вѣстникъ». Можно подумать, что онъ или шутитъ надъ своими читателями, или онъ иностранецъ, разсуждающій о Россіи также, какъ напримѣръ Times и другія не менѣе важные органы общественной мысли въ свѣтѣ, разсуждаютъ о Положеніяхъ 19 февраля; или, наконецъ «Русскій Вѣстникъ» сошелъ съ своей узкой сословной тропинки, но куда сошелъ, въ какую сторону?—неизвѣстно. «И ты, любезный Брутъ, противъ меня!»—подумаетъ, пожалуй, постоянный читатель «Русскаго Вѣстника», прочитавъ подчеркнутую нами строку; но въ сущности этотъ полуупрекъ будетъ неоснователенъ — «Русскій Вѣстникъ» хотя и держитъ вмѣсто знамени одно лишь древко, съ котораго слетѣли послѣдніе лепестки обветшалаго феодализма, но не оставитъ своей палки; теперь же просто онъ увлекся, и ему:

«И вѣрится, и плачется....»

Утвержденіе правительствомъ лицъ въ мировые посредники производится дѣятельно; многіе утверждаютъ, что при этомъ, число окончившихъ курсъ въ университетахъ составляетъ весьма незначительный процентъ, подобно тому, какъ при опредѣленіи на должности судебныхъ слѣдователей, правительство также встрѣтило затрудненіе наполнить эти должности окончившими университетскіе курсы, по недостатку вообще въ Россіи лицъ, получившихъ образованіе въ университетахъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы мы и въ настоящей «Лѣтописи» продолжили матерію объ общественномъ образованіи и воспитаніи;

только на этотъ разъ судьба ниспослала намъ фактическое подтвержденіе того, о чемъ мы въ прошедшемъ мѣсяцѣ ограничились теоретическимъ изложеніемъ: мы говорили тогда объ особенностяхъ и различіи системъ воспитанія — правительственной и общественной, т. е. посредствомъ частныхъ ассоціацій; теперь заявляемъ «новыя правила пріема въ университеты». Положенія эти заключаются въ томъ, что пріемные экзамены для поступленія въ университеты будутъ производиться уже не въ университетѣ, а въ гимназіяхъ и только тогда лишь въ присутствіи депутатовъ отъ университета, когда окажется возможнымъ; что для поступленія въ университетъ необходимо быть по крайней мѣрѣ 17-ти лѣтъ; что форменная одежда отмѣняется, съ тѣмъ, что частная одежда должна быть прилична, ношеніе же какихъ либо знаковъ отдѣльной народности или какихъ либо товариществъ и обществъ, воспрещено; что отъ ежегоднаго денежнаго взноса (50 р. сер.) освобождаются только тѣ дѣйствительно бѣдные студенты, которые до поступленія въ университетъ, признаны на экзаменѣ достойнѣйшими, полагая на первое время (?) для каждой губерніи, принадлежащей къ университетскому округу, по два такихъ студента, въ томъ числѣ одного изъ учениковъ гимназіи, и затѣмъ никакихъ исключеній не допускать.

С. петербургскій округъ, приводя въ исполненіе новыя правила, распространилъ и на вольныхъ слушателей положеніе о сборѣ безъ всякихъ исключеній.

Публика привыкла уже къ прогрессивнымъ мѣрамъ нашего правительства и остается равнодушной къ административнымъ реформамъ, какъ бы ни было велико ихъ общественное значеніе. Всѣ отрасли нашей общественной дѣятельности нуждаются въ образованныхъ людяхъ — объ этомъ и спора быть не можетъ; уровень нашего развитія, едва достигшій еще до точки замерзанія, сумма нашего образованія и довольно-тѣсный и не безоблачный горизонтъ русской мысли, — все это могло значительно выигрывать отъ усиленнаго вліянія на общество наибольшаго количества лицъ, получившихъ университетское образованіе, — и настоящія положенія, которыя многими могутъ быть приняты за препятствія для образованія, въ сущности не содержатъ въ себѣ достаточныхъ къ тому препятствій; ограниченіе вступленія въ университетъ семнадцатилѣтнимъ возрастомъ относится исключительно къ студентамъ, слѣдовательно всякій окончившій гимназическій курсъ и выдержавшій экзаменъ для поступленія въ университетъ,

ничего не потеряетъ, если поступитъ вольнымъ слушателемъ; что же касается до ограниченія изъятій относительно освобожденія отъ взноса въ годъ 50 р., то и въ этомъ не можетъ быть никакого препятствія для юноши, пламенно-желающаго получить университетское образованіе; правда, что до сихъ поръ стоило только *выправить* отъ мѣстныхъ властей удостовѣреніе о несостоятельности родителей — и можно было не платить 50 р. въ годъ, а теперь будетъ нѣсколько потруднѣе... Нѣтъ сомнѣнія, что злоупотребленія въ этомъ случаѣ были не рѣдки; но правительство, не имѣя возможности производить повѣрки мѣстныхъ свидѣтельствъ, дѣйствовало такъ, что лучше принять десять состоятельныхъ, освободивъ ихъ отъ взноса, нежели не принять одного дѣйствительно бѣднаго, но, можетъ быть, способнѣйшаго молодаго человѣка; теперь исключеній нѣтъ, кромѣ *двухъ* на каждую губернію. Конечно, если общество, по своей старой привычкѣ, махнетъ рукой, какъ оно махало и махнетъ на многое, ожидая во всемъ чисто-правительственной иниціативы, то доступъ несостоятельныхъ молодыхъ людей къ университету будетъ невозможенъ; но кто мѣшаетъ обществу обратить всю энергію своей благотворительности на пособіе тѣмъ *немногимъ* изъ среды его, которые не захотятъ зарыть въ землю своихъ талантовъ? А дѣйствительно число поступающихъ въ университетъ изъ каждой губерніи, относительно нетолько общаго, но лишь городскаго и собственно-дворянскаго населенія, — весьма невелико! Можетъ быть многіе молодые люди, окончившіе гимназическій курсъ, встрѣтятъ препятствіе къ поступленію въ университетъ со стороны своихъ родителей, которые или затруднятся нѣсколько уплачивать 50 р. въ годъ, кромѣ издержекъ на содержаніе во время университетскаго курса, или просто поскупятся на этотъ *лишній* расходъ; — все это можетъ быть... Но неужели молодая энергія и молодыя силы должны уступить! Борьба льститъ молодости, а здѣсь есть борьба — во имя идеи, противъ которой изобрѣтаются всѣ преграды, препятствующія росту и развитію общества. Здѣсь, въ Петербургѣ, иногда можно встрѣтить свѣжаго и здороваго, но бѣдно-одѣтаго юношу, который, чуть-не-пѣшкомъ, прибывъ въ столицу изъ какой нибудь губерніи, проситъ скромнаго пособія на содержаніе себя во время курса въ какомъ либо учебномъ заведеніи, подтверждая свою несостоятельность, большею частію, свидѣтельствомъ губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства; судя по тетрадкамъ, въ которыя почти всегда въ этихъ случаяхъ вписываются жертвователями

суммы, выданныя въ пособія, можно заключить, что общество съ готовностію помогаетъ и поможетъ тѣмъ, кто имѣетъ больше желанія, нежели средствъ къ образованію. Лишь бы ложный стыдъ не препятствовалъ достиженію цѣли: прибѣгать къ общественной благотворительности тогда лишь порочно, когда къ тому нѣтъ причины и нѣтъ хорошей цѣли; здѣсь общество жертвуетъ столько же личности просящаго, сколько и самому себѣ.

Инипіатива въ этомъ дѣлѣ, по нашему мнѣнію, должна быть дана прежде всего сословіемъ литераторовъ и журналистовъ. Сословіе это, несмотря ни на какія исключенія, несмотря ни на какія пятна, которыя, впрочемъ есть и на солнцѣ, во всякомъ случаѣ есть сословіе передовое. Если всякая редакція со всякаго напечатаннаго листа удержитъ у своего сотрудника хоть одну копѣйку съ рубля причитающагося гонорарія, то нѣсколько несостоятельныхъ молодыхъ людей получатъ возможность, на счетъ этой суммы, уплачивать годовой платежъ въ университетъ. Кромѣ этого никому не закрыты двери почтамта отправить въ любой университетъ сумму по своему желанію, для взносовъ за недостаточныхъ студентовъ. Едва ли сотрудники какого либо журнала не согласятся удѣлить такую малую частицу изъ своихъ трудовыхъ доходовъ;—мы предложимъ своимъ сотрудникамъ и постановляемъ такое пожертвованіе непремѣннымъ условіемъ сотрудничества въ нашемъ журналѣ, надѣясь, что не встрѣтимъ оппозиціи.

Цѣль правительства, установившаго непремѣннымъ условіемъ платежъ за слушаніе лекцій, конечно заключается въ увеличеніи дохода отъ университетовъ и въ устраненіи злоупотребленій при выдачѣ мѣстными начальствами свидѣтельствъ о недостаточности, (другой цѣли мы никакой не предполагаемъ), — и правительство достигло этой цѣли; обществу остается достигать своей цѣли, своихъ стремленій, своихъ желаній,—и оно также, какъ мы говорили выше, можетъ достигать ихъ. Для правильнаго уразумѣнія правительственныхъ мѣропріятій, и въ особенности для оцѣнки послѣдствій ихъ, никогда не слѣдуетъ смѣшивать между собой этихъ двухъ понятій: *общество* и *правительство*, — потому что это два элемента, изъ которыхъ каждый играетъ столь индивидуальную роль, что всякое смѣшеніе ихъ кажется неестественнымъ; по крайней мѣрѣ исторія до сихъ поръ не указала еще намъ на *правительства*, олицетворившія въ

себѣ стремленія и вообще элементы *общества*, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Естественно, что правительство, озабоченное комплектованіемъ и содержаніемъ многихъ кадетскихъ корпусовъ и тому подобныхъ полезныхъ заведеній, гдѣ нетолько образовывается, но и воспитывается нравственно и физически большинство россійскаго юношества, на счетъ казны, нещадимой въ этомъ случаѣ и правительствомъ, — пожелало увеличить также доходы съ пяти русскихъ университетовъ.... Но, повторяемъ, правительство сдѣлало свое дѣло, обществу остается дѣлать свое.

Что касается до прочихъ пунктовъ новыхъ правилъ относительно университетовъ, то изъ нихъ обращаютъ особое вниманіе, по своему значенію еще два: отмѣна форменной одежды и производство пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ. Общая гражданская одежда уравниваетъ университеты въ общественныхъ правахъ со всѣми другими свободными сословіями общества, чего донынѣ студенты университетовъ не имѣли, пользуясь извѣстными исключеніями въ столкновеніяхъ съ полиціей и т. п.. Производство пріемныхъ экзаменовъ въ гимназіяхъ, а не въ университетѣ, облегчитъ трудъ университетскихъ преподавателей, которые тратили много и безплодно времени на формальность, имѣвшую будтобы, между прочимъ, значеніе хотя косвенной повѣрки университета надъ успѣхами преподаванія въ гимназіяхъ. Но въ этой, повидимому, незначительной реформѣ кроется одно очень важное обстоятельство: теперь гимназическое *начальство* будетъ раздавать *права* на поступленіе въ университетъ. Коллегіальный характеръ гимназическаго совѣта, повидимому, долженъ бы быть въ силахъ устранять всякій личный произволъ; но на дѣлѣ можетъ быть другое: члены совѣта — вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего — начальники и подчиненные, и кромѣ того большинство ихъ — товарищи; гимназіи — это особый губернскій мірокъ, избавленный, какъ и всѣ подобные мірки, отъ публичнаго общественнаго контроля; они, по крайней мѣрѣ, въ отдаленныхъ губерніяхъ, не всегда безупречны, когда дѣло касается удостоиванія учениковъ какими либо правами; такъ напримѣръ: переводы гимназистовъ изъ одного класса въ другой, нерѣдко оцѣняются количествомъ частныхъ уроковъ, которые обязанъ взять у каждаго преподаватаnя желающій перейти въ слѣдующій высшій классъ, и т. п.; случается: что нѣкоторые воспитанники оставляютъ гимназіи по невозможности бороться съ *частными* уроками, при недостаткѣ средствъ.

Конечно, въ рукахъ такихъ гимназій, право на поступленіе въ университетъ обратится въ новую оброчную статью, но.... «не первый снѣгъ на голову!»...

Утомившись серьезными и довольно темными явленіями нашего настоящаго, просимъ дозволенія читателя нѣсколько измѣнить тонъ и обратиться къ одному изъ такихъ предметовъ, которые на языкѣ галантерейно-магазинныхъ рекламъ и объявленій называются objets de luxe. Дѣло вотъ въ чемъ:

Сѣверная Пчела, въ № III, по поводу двухъ приведенныхъ ею фактовъ изъ дѣятельности россійской императорской академіи наукъ, высказала довольно откровенно свое мнѣніе о значеніи и особенностяхъ нашей почтенной академіи. Факты эти слѣдующіе: Въ началѣ сороковыхъ годовъ, по смерти академика Круга, открылась каѳедра (?) русской исторіи; въ это время, какъ увѣряетъ Сѣверная Пчела, уже много русскихъ ученыхъ разработывали этотъ предметъ, о которомъ иностранцы, по весьма естественной причинѣ—по незнанію русскаго языка, не могутъ имѣть даже посредственныхъ свѣдѣній; и что-же! (удивляется Сѣв. Пч.) выбрали кого нибудь изъ русскихъ ученыхъ, изъ русскихъ профессоровъ исторіи? Нѣтъ, выбрали иностранца—*кандидата*, только кандидата университета, который, впрочемъ, обѣщался выучиться по-русски, и затѣмъ изучить русскую исторію. (Въ особенности, этотъ почтенный академикъ долженъ быть способенъ къ разработкѣ древнихъ историческихъ документовъ, лѣтописей и другихъ памятниковъ старины). Второй фактъ относится къ 1860 году и заключается въ томъ, что сдѣлано было одному гамбургскому уроженцу, доктору философіи предложеніе занять мѣсто академика въ россійской академіи наукъ по каѳедрѣ физіологіи; доктору философіи шелъ тогда 21 годъ, слѣдовательно можно было надѣяться, что за нимъ останется каѳедра на долгое время, и въ этомъ заключались главныя достоинства иноземнаго доктора, приглашеніе котораго въ россійскіе академіи сдѣлано было въ то именно время, когда одинъ русскій ученый (*) удивлялъ ученый европейскій міръ своими открытіями по физіологіи, и сочиненіе его «О внутреннемъ строеніи большаго и спиннаго мозга у человѣка и позвоночныхъ животныхъ» раскрыло истинное устройство нервной системы и опредѣлило составные ея элемен-

---

(*) Якубовичъ. *Ред.*

ты и физіологическое значеніе каждаго; сочиненіе это увѣнчано монтіоновской преміей по приговору первѣйшихъ авторитетовъ науки, и даже покойный Александръ Гумбольдтъ обращалъ вниманіе Государя Императора на нашего ученаго соотечественника».

«Конечно, въ XVIII ст. и, можетъ быть, даже въ началѣ нынѣшняго, была необходимость собирать въ нашу академію знаменитыхъ ученыхъ иностранцевъ, ибо въ то время наука не находила еще достойныхъ представителей между Русскими, въ особенности по части естествознанія. Но, въ настоящее время общаго прогресса и общаго научнаго внутренняго стремленія, такъ сильно развившагося у насъ и такъ заботливо поддерживаемаго правительствомъ, принципъ, на основаніи котораго дѣйствовала петербургская академія при избраніи академиковъ въ XVIII ст., представляется вполнѣ несовременнымъ. Мало того: этотъ принципъ дѣлается теперь положительно вреднымъ и прямо продиводѣйствуетъ самостоятельному развитію наукъ въ Россіи. Если академія наукъ есть такое мѣсто, въ которомъ сосредоточиваются высшія научныя стремленія государства въ лицѣ академиковъ, какъ высшихъ представителей этихъ стремленій, то Россія имѣетъ же, думаемъ, право требовать, чтобы эти стремленія не ограничивались стѣнами академіи и бюллетенями на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, но изливались бы въ массу народную, разумѣется, на родномъ, а не на чужестранномъ языкѣ, и чтобы академія нетолько просвѣщала эту массу, но и вызывала изъ нея тѣ же самыя стремленія къ занятіямъ *не однимъ подражательнымъ*, *а и самобытнымъ*, *кореннымъ*, *русскимъ*. Только этимъ однимъ путемъ возможно достиженіе самостоятельнаго научнаго развитія. Это былъ тотъ единственный путь, слѣдуя по которому, науки такъ самостоятельно развились во Франціи, въ Англіи и Германіи. Теперь спрашивается: возможно ли это коренное развитіе, собственно русское, если во главѣ ученаго сословія будутъ постоянно стоять иностранцы, незнающіе ни русскаго языка, ни наклонностей русскаго народа, ни свойствъ его, ни потребностей? Конечно, Нѣмцы—академики русской академіи трудятся на поприщѣ науки. Но кто знаетъ объ нихъ?... Вся Европа, за исключеніемъ однако Россіи... Внутри Россіи они извѣстны только оффиціально, да и то едва ли не двое лишь изъ нихъ: одинъ на томъ основаніи, что всѣ городскія думы и ратуши обязаны отъ него выписывать образцовые вѣсы и мѣры, а другой оттого, что выписка отъ него волчковъ или спиртомѣтровъ обязательна для всѣхъ питейныхъ домовъ, находящихся въ Россіи.»

«Какое сочувствіе могутъ имѣть къ намъ иностранцы, стоящіе въ главѣ народнаго просвѣщенія? Какое сочувствіе можемъ мы имѣть къ нимъ? Мы можемъ имъ только удивляться. Мы можемъ только удивляться ихъ учености, но связи между нами, простыми смертными, и ними, благодѣтельнаго вліянія ихъ на насъ, обоюднаго размѣна мыслей, пользы отъ нихъ для русскихъ людей, очевидно, быть не можетъ. Мы имъ такъ же чужды, какъ и они намъ. Между тѣмъ, только при тѣсномъ сліяніи ученаго міра съ массою можетъ произойти всеобщее благо, всеобщая польза. Самымъ разительнымъ примѣромъ этого можетъ служить Institut des sciences imperiale de France. Отъ зажигательной спички, яйца, масла, гриба до высшихъ вычисленій теченія небесныхъ свѣтилъ, — все переработывается въ этомъ центрѣ наукъ Франціи и очищенное является для всеобщаго народнаго употребленія. Нигдѣ, ни въ какой странѣ такъ не слился научный интересъ съ интересами общества, какъ во Франціи, и въ этомъ заключается причина его всемірнаго авторитета. Но тамъ академикомъ можетъ быть только Французъ; но тамъ члены института могутъ печатать труды свои только по-французски; но тамъ они рѣчи свои могутъ говорить только по-французски. Это законъ и—законъ справедливый и благой».

«Когда петербургская академія принимаетъ въ свою среду иноземца, то какая перемѣна происходитъ съ нимъ, что изъ этого выигрываетъ наука вообще и какую пользу оттого получаетъ русскій народъ»?

Перемѣна съ ученымъ состоитъ лишь въ томъ, что онъ перемѣняетъ мѣсто жительства. Напримѣръ, еслибы несовершеннолѣтній докторъ переѣхалъ изъ Гамбурга на Васильевскій островъ и достигъ здѣсь нетолько совершеннолѣтія, но и престарѣлости въ званіи академика, тогда онъ занимался бы въ Петербургѣ своей наукой точно такъ же, какъ и въ родномъ своемъ Гамбургѣ; онъ достигъ бы въ Петербургѣ точно тѣхъ же результатовъ, какъ и въ Гамбургѣ; онъ писалъ бы о нихъ на томъ же самомъ нѣмецкомъ родномъ своемъ языкѣ, какъ и въ Гамбургѣ. Стало быть, наука вообще оттого была бы ни въ проигрышѣ, ни въ выигрышѣ, а съ ученымъ докторомъ перемѣна состояла бы единственно въ томъ, что онъ изъ одного города переѣхалъ бы въ другой, да надѣлъ бы русскій мундиръ, да получалъ бы русскіе чины и ордена, да содержался бы на счетъ щедрой Россіи. Что же за то получила бы отъ него эта щедрая Рос-

сія? Да совершенно то же самое, что она получила бы отъ него и тогда, когда бы онъ до смерти въ преклонныхъ лѣтахъ оставался въ своемъ Гамбургѣ».

«Академія наукъ учреждена *для распространенія просвѣщенія въ русскомъ народѣ.* Такую цѣль положилъ ей основатель ея, Петръ I; такую цѣль постоянно указывали ей Августѣйшіе преемники Петровы; такая цѣль указана въ ея уставѣ; для такой цѣли содержитъ ее Россія; съ такой цѣлью дарованы ей разныя привилегіи, какъ, напримѣръ, печатаніе календарей, вѣдомостей и исключительное право на помѣщеніе въ Академическихъ Вѣдомостяхъ казенныхъ и частныхъ объявленій! Много ли же въ продолженіе ста-тридцати-шестилѣтняго существованія своего сдѣлала эта академія для *распространенія просвѣщенія въ русскомъ народѣ?* Въ XVIII столѣтіи очень мало, въ XIX и того меньше».

«Для науки вообще, для ученаго заграничнаго міра, можетъ быть она сдѣлала очень много, но для государства, которое содержитъ ее, мало, очень мало. Ея Bulletins, Melanges, Beiträge, извѣстны въ Россіи несравненно меньше, чѣмъ, напримѣръ, парижскіе Comptes rendu. — Петербургскіе Bulletins, Melanges, Beiträge издаются въ явный убытокъ. Издатели ихъ заботятся единственно о томъ, чтобы помѣстившаяся у насъ колонія ученыхъ иноземцевъ не считалась вовсе безполезною въ глазахъ ученыхъ Французовъ, ученыхъ Германцевъ, ученыхъ Англичанъ; что же касается мнѣнія русскихъ ученыхъ, а тѣмъ менѣе общественнаго русскаго мнѣнія, объ этомъ она заботится столько же, сколько и объ общественномъ мнѣніи жителей Сандвичевыхъ острововъ. Академія на русскомъ языкѣ ежегодно издаетъ календари, которые доставили случай нашему поэту сказать о нихъ мѣткое слово».

«И это слово сдѣлалось народной пословицей. Академическія Вѣдомости только тогда сдѣлались извѣстны и дома, и за границей, получили значительное число подписчиковъ и стали приносить существенный доходъ, когда отданы были на откупъ частнымъ лицамъ — Русскимъ».

«Въ прежнее время, когда просвѣщеніе въ Россіи еще далеко не было такъ распространено, какъ теперь, и когда было несравненно меньше потребности у русскаго народа въ академіи, она издавала для Россіи несравненно больше, чѣмъ въ послѣднія пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ. Она издавала періодическія сочиненія, въ которыхъ помѣ-

щались ученыя статьи членовъ ея, издавала матеріалы и обработанныя сочиненія по отечественной исторіи, географіи и этнографіи, издавала переводы классиковъ и замѣчательныхъ европейскихъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ. Тогда, хотя нѣсколько, вѣрная своему назначенію, она распространяла просвѣщеніе въ Россіи не по-нынѣшнему!»

«Гг. ученые академики, оставаясь на своей родинѣ и не принимая на себя труда отправляться на житье въ хладную, варварскую землю des cosaques, могли бы также прекрасно у себя дома написать все, что написали и пишутъ они во всѣхъ этихъ Bulletins, Melanges и Beiträge. Наука не потеряла бы ничего, еслибы они не воспользовались гостепріимствомъ и щедротами Россіи, которой, опять-таки повторяемъ, нужны не ученые Нѣмцы, а просвѣщеніе, распространять которое взялись они, выписанные изъ-за границы академики.»

«Говорятъ, что академическія сочиненія печатаются на иностранныхъ языкахъ, потому, что иностранные ученые не знаютъ по-русски. Скорѣе потому, что члены отечественной нашей академіи не знаютъ по-русски. Еслибы петербургская академія наукъ существовала для Германіи и Франціи, то, пожалуй, еще можно бы было согласиться на то, чтобы издавались Bulletins, Melanges и Beiträge, но вѣдь она учреждена *для распространенія просвѣщенія въ Россіи.* — Во Франціи академіи издаютъ свои труды по-французски, въ Англіи по-англійски, въ Германіи по-нѣмецки, въ Италіи по-итальянски, въ Голландіи по-голландски, въ Швеціи по-шведски, въ Даніи по-датски, а въ Россіи на всѣхъ возможныхъ языкахъ, кромѣ русскаго. Что жъ это такое? Ужъ не въ Прагѣ ли мы, не въ Пештѣ ли, гдѣ Австрійцы не даютъ ходу отечественному языку и заставляютъ писать непремѣнно по-нѣмецки? Да и тамъ теперь этого уже не дѣлается.

«Напрасно опасаются гг. академики, что сочиненій ихъ, написанныхъ по-русски, не узнаютъ заграничные ученые. Теперь нетолько такія важныя сочиненія, какъ труды академиковъ, но даже летучія журнальныя статейки, писанныя по-русски, непремѣнно немедленно переводятся за границей и на нѣмецкій, и на французскій, и на англійскій языки, разумѣется, въ такомъ случаѣ, если эти сочиненія заслуживаютъ вниманія иностранцевъ».

«Если академическое сочиненіе, написанное по-русски, хорошо, то не безпокойтесь за его судьбу; повѣрьте, что его переведутъ за

границей. Но если оно не хорошо, то его не станутъ читать, на какомъ бы языкѣ вы его ни написали».

«Во Франціи уже давно вошло въ обычай подшучивать надъ академиками (хотя нигдѣ академія не приноситъ такой существенной пользы народу, какъ тамъ), что они, добравшись до академическаго кресла, засыпаютъ на немъ въ олимпійскомъ величіи и живутъ какъ бы на пенсіи. Относительно французской академіи (Institut des sciénces imperiale de France) это несправедливо, а справедливо ли въ отношеніи къ нашей петербургской нѣмецкой академіи, распространяться не будемъ. Но предположимъ, что французскія шутки справедливы. Все-таки во французскую академію попадаютъ не другіе кто, а Французы, научной дѣятельностью своей оказавшіе услуги Франціи.—Пусть ихъ получаютъ за то національныя пенсіи, они заслужили ихъ. Но съ какой же стати Франція стала бы раздавать пенсіи иностраннымъ ученымъ, напримѣръ, Англичанамъ дающимъ обѣщаніе поучиться по-французски и потомъ изучить французскую исторію, или несовершеннолѣтнимъ докторамъ изъ Гамбурга»?

«Нѣтъ, мы не понимаемъ петербургской нѣмецкой академіи. Гдѣ подобныя ей? Гдѣ такія академіи, которыя, насчетъ одного народа, работали бы цѣлыя 136 лѣтъ для другихъ странъ? Въ Европѣ ихъ нѣтъ, въ Азіи нѣтъ, въ Африкѣ нѣтъ, въ Америкѣ нѣтъ, въ Океаніи нѣтъ. Ахъ, позвольте! въ Океаніи есть, это—*академія южнаго моря* на островѣ Еимео, въ архипелагѣ Таити. Она имѣетъ точно такое же отношеніе къ туземцамъ, какое петербургская къ намъ. Нѣтъ, впрочемъ, не такое: академія южнаго моря учитъ подданныхъ Помаре грамотѣ, а мы, слава Богу, обучаемся грамотѣ безъ пособія академіи наукъ.»

Несмотря на эту столь грозную филиппику, почтенная россійская академія наукъ, глубокомысленно молчитъ. Но прежде чѣмъ высказать какое либо мнѣніе о нашей академіи, мы хотимъ разсмотрѣть вопросъ: не слѣдуетъ ли она своему призванію именно такъ, какъ то подобаетъ, и возможна ли у насъ чисто-русская академія?

Петръ I основалъ академію съ цѣлью *распространять просвѣщеніе въ Россіи*, или говоря иначе—пересаживать на полудикую почву русской жизни плоды европейской науки и цивилизаціи; цѣль была достойна генія Петра; но каковы были, и существуютъ теперь, средства и условія для достиженія этой цѣли? Плоды науки, добытые вѣками, результаты жизни, идущей прогрессивно впередъ, какимъ об-

разомъ могутъ быть приняты и усвоены народомъ почти безграмотнымъ и вообще занимающимъ еще очень низкую ступень во всемірной цивилизаціи? Здѣсь нѣтъ той послѣдовательности, которую мы видимъ какъ бы естественной необходимостью въ процесѣ умственнаго развитія народовъ. Возможна ли ирригація обширной безводной пустыни, посредствомъ маленькаго резервуара, снабжаемаго водой, переносимой руками издалека? Освѣжающая струя исчезнетъ безслѣдно и безплодно для пустыни, около самаго резервуара. Совершенно то же должно было быть и съ просвѣщеніемъ, къ распространенію котораго призвана была академія. Петръ на скорую руку слѣпилъ изъ азіятскаго матеріала европейское государство, для котораго нужна была и академія какъ украшеніе, какъ необходимый аксессуаръ. Къ тому же, надо замѣтить, русская академія явилась учрежденіемъ правительственнымъ, подобнымъ всѣмъ другимъ бюрократическимъ учрежденіямъ, привитымъ къ странѣ, гдѣ жизнь не выработала еще положительно никакихъ опредѣленныхъ формъ, въ родѣ вообще бюрократическихъ учрежденій. Академики русскіе прежд всего были чиновниками правительства, различаемые одинъ отъ другаго рангами, наградами, отличіями; однимъ словомъ, петровская академія была паразитнымъ чужеяднымъ растеніемъ, неимѣющимъ корней въ русской почвѣ, питающимся извнѣ и слабосильнымъ для того, чтобы питать собою дерево, на которомъ оно жило. Академія наша возникла путемъ непрочнымъ и неестественнымъ, и потому существованіе ея, обусловленное одною лишь личной волею учредителя, есть не болѣе какъ роскошь. Только та страстная энергія, съ которой Петръ стремился водворить просвѣщеніе въ Россіи, и объясняетъ геніальное заблужденіе—попытку приставить чужую голову къ туловищу, которымъ онъ такъ произвольно управлялъ.

Всякая страна, какъ скоро она созрѣетъ для высшихъ умственныхъ и гражданскихъ интересовъ, естественно нуждается въ учрежденіи, которое было бы органомъ выраженія всего, что выработываетъ народный умъ и къ чему стремится геній народа; органомъ этимъ является собраніе лучшихъ представителей науки и таланта, изъ среды народной. Такимъ образомъ являются на свѣтъ академіи, которыя, подобно тому, какъ голова у человѣческаго организма, уясняя все, что доступно человѣку, выработываетъ сознаніе и управляетъ функціями всѣхъ другихъ частей организма,—развиваютъ въ народѣ результаты науки и свѣдѣній, способствующихъ развитію его умственному и нрав-

ственному, которое обусловливаетъ весь гражданскій и нравственный бытъ народа.

Только такія академіи составляютъ честь и славу націи и служатъ какъ бы хранилищемъ, резервуаромъ просвѣщенія. Но по самой натурѣ вещей, академія, понимаемая въ этомъ смыслѣ, никакъ не можетъ ни возникнуть, ни существовать безъ одного непремѣннаго условія— свободнаго, самобытнаго возникновенія и развитія.

Обращаясь къ условіямъ существованія нашей академіи, нельзя не замѣтить, что многаго отъ нея ни ожидать, ни требовать нельзя.

Если мы не вправѣ ждать отъ нашей академіи того, что дается только самобытнымъ процесомъ умственнаго развитія народа и развитія науки, — то, по нашему мнѣнію, нѣтъ и причинъ обвинять въ чемъ нибудь нашу академію; она играетъ въ Россіи, какъ мы говорили уже, совсѣмъ не ту роль, которую могла бы играть при другихъ условіяхъ, и мы думаемъ, что надо дорожить тѣмъ фактомъ, что академія остается по преимуществу нѣмецкой, а не русской; вѣдь было бы гораздо прискорбнѣе видѣть, еслибы Русскіе ученые стремились въ академію изъ–за жалованья, казенныхъ дровъ, квартиръ, чиновъ, орденовъ, права торговать волчками и т. п.; въ русскую академію Нѣмцы проложили себѣ торную дорогу и, слѣдуя старинному изрѣченію древняго космополита: Ubi bene, ibi patria, переправляются по этой дорогѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Академическія кресла мягки, выгодны, даже могутъ льстить самолюбію Нѣмцевъ, привыкшихъ, со временъ Петра, считать себя учителями и наставниками русскаго народа; академическое общество преимущественно состоитъ изъ *ихъ превосходительствъ*, такъ что *высокородій* чрезвычайно мало; поэтому, съ точки зрѣнія Нѣмцевъ, нѣтъ причины отказываться отъ россійскихъ академическихъ креселъ: благо—двери отворены! А славу и извѣстность за ученые труды можно пріобрѣтать и въ Россіи и въ Европѣ, путемъ французской академіи, лондонскихъ ученыхъ обществъ и т. п. созрѣвшихъ учрежденій.

28-го мая, въ Новгородѣ происходила закладка памятника тысячелѣтію Россійскаго государства; причемъ, разумѣется, говорились спичи, какіе, обыкновенно, говорятся въ подобныхъ случаяхъ. Когда какой либо благодарный потомокъ ставитъ своему предку памятникъ, и то бываетъ достаточно матеріаловъ для похвальныхъ спичей, а здѣсь

сама Россія закладывала себѣ же памятникъ за цѣлое тысячелѣтіе своего существованія. Сколько можно было наговорить и о превратностяхъ исторической судьбы и о великости началъ, выработанныхъ Россіей и проч. и проч. и проч. Затѣмъ надо ожидать, что поповоду этого событія и журналы, если не всѣ, то многіе пустятся писать о *тысячелѣтнѣй молодицѣ.*

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Клевета взводимая на русскихъ читателей.—Лонгиновъ, защищающій великосвѣтскую музу и кн. Вяземскій, занимающійся свистопляской.—«Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ»—отголосокъ.—Подвиги россійской академіи—Дерптская корпорація и безопасныя нѣмецкія дуэли.—Русскіе студенты въ Дерптѣ и ихъ положеніе.—Г. Юхницкій, угрожающій женщинамъ будочниками.—Колыбельная пѣсня.—Петербургскіе врачи—гуманисты.—Загадки провинціальнаго медика и губернскаго поэта.—Двѣ позабытыя могилы.—Воронежскій обличитель.—Опять юный топтатель.—Неудачи А. А. Краевскаго.—На берегахъ Волги.—Начальникъ—*необскурантъ*.—Современная легенда.—Симбирскіе Фамусовы. Участь художника въ провинціи.—*Ты* и *вы*.—Петербургская начальница.—Новая система воспитанія.—Кто лучше?—Заключительная пѣсня.

Издавна у насъ существуетъ довольно странное повѣрье, которому мы вѣрили до сихъ поръ только на слово,—что весной и лѣтомъ никто ничего не читаетъ, журналы лежатъ у всѣхъ неразрѣзанными вплоть до сентябрскихъ осеннихъ дней и отдыхающій читатель забываетъ нашу бѣдную литературу почти на цѣлые полгода.

— Помилуйте, говорятъ, кто теперь читаетъ что нибудь? На небѣ лѣтнее солнце, въ воздухѣ тепло, всѣ разъѣхались по дачамъ, по деревнямъ; тамъ охота, деревенская лѣнь, здѣсь Иванъ Ивановичъ Излеръ съ своими лѣтними праздниками, Цыганами и Тирольцами. До чтенья-ли тутъ!..

Я рѣшительно протестую противъ такой клеветы и напраслины на

читателей нашихъ журналовъ. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что люди, которымъ лѣтомъ мѣшаютъ думать и читать обворожительный Страусъ въ павловскомъ воксалѣ и И. И. Излеръ съ своимъ увеселительнымъ café chantant—номъ, и зимой не имѣютъ досуговъ для книги.

Вчера концертъ, а завтра будетъ два,
То отъ шампанскаго кружится голова,
То мучатъ праздники роднаго карнавала:
Изъ оперы на балъ, и въ маскарадъ изъ бала,
А тамъ пикникъ, визиты по утрамъ,
Мученье общее хлыщей и модныхъ дамъ.

Разумѣется, эти львы и львицы большаго и небольшаго свѣта и зимой и лѣтомъ никогда не заглядываютъ въ русскія изданія. Станутъ-ли они на это терять золотое время. Имъ, пожалуй, самое существованіе родной литературы неизвѣстно: знаютъ по Парижу—Графа Соллогуба, а по памятнику въ Лѣтнемъ саду дѣдушку Крылова,—ну, съ нихъ и этого довольно.

Если мы имѣемъ у себя читателей, а журналы подписчиковъ, то совсѣмъ не въ этой средѣ. Люди, постоянно слѣдящіе за движеніемъ русской журналистики не случайно, но по нравственной потребности, читаютъ журналы не на сонъ грядущій и не въ видѣ развлеченія отъ скуки. Такіе читатели, къ счастію у насъ почти перевелись, а если и есть, то для нихъ судьба послала свои органы: «Сынъ Отечества» и «Домашнюю Бесѣду».

Обращаюсь теперь къ тебѣ, мой *лѣтній* читатель. Я увѣренъ, что ты не будешь требовать отъ моихъ замѣтокъ весеннихъ пѣсенъ о дачныхъ удовольствіяхъ петербургской жизни, о вечерахъ Излера, о дѣйствіяхъ яхтъ-клуба и пр. и пр. Все это давно тебѣ извѣстно изъ летучихъ столбцовъ газетныхъ фельетонистовъ, которые спеціально изучили всѣ общественныя новости лѣтняго сезона. Зачѣмъ же я буду другимъ перебивать дорогу?..

Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ идти своимъ путемъ и оставить моему дневнику его прежній характеръ.

Только пожалуйста,—слышутся мнѣ отвсюду голоса: не говорите ничего болѣе объ юбилеѣ кн. Вяземскаго,—вѣдь это ужасно скучно!

— Что дѣлать, господа! но я волей-неволей о немъ-то именно долженъ говорить; въ этомъ вините уже не меня, но ярыхъ заступ-

никовъ его сіятельства. Впрочемъ, успокойтесь,—дѣло теперь идетъ не объ юбилеѣ собственно,—пусть ихъ будетъ, сколько имъ угодно,—но о спорномъ значеніи нашей литературы до пушкинскаго періода, защитникомъ котораго явился теперь Г. Лонгиновъ въ огромной своей статьѣ по поводу знаменитаго юбилея.

Г. Лонгиновъ, возмущенный статьей *С. Пчелы,* непризнавшей общественнаго значенія литературы стараго добраго времени, приступая къ своему громовому отпору, началъ съ того, что объявилъ намъ «что въ настоящее время *нѣтъ ни одного даровитаго дѣятеля.*» Что отвѣтишь на такой приговоръ? Мы можемъ только, пародируя самого Г. Лонгинова, сказать его же словами: Кланяйтесь, г.г. Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Майковъ и другіе, до которыхъ касается это изрѣченіе, кланяйтесь и благодарите. Насъ же такія выраежнія уже давно не удивляютъ. Вонъ г. Громека пошелъ еще дальше и въ такой азартъ пришелъ на молодую литературу, что прямо крикнулъ:

— «*Всѣ вы*, говоритъ, *мазурики!*» Не вѣрите мнѣ, такъ загляните въ майскую книжку Отечествен. Записокъ (Совр. Хр. стр. 21).

Послѣ такого ругательства, понятно, что изрѣченіе г. Лонгинова покажется очень мягкимъ: благо, что просто не выругалъ.

Посмотримъ теперь, какъ ловко начинаетъ заступаться г. Лонгиновъ за представителей той литературы, о которой Сѣверная Пчела говоритъ, что «ее не волновали общественные интересы; ей не предстояло борьбы; она безучастно относилась къ народу, не сочувствовала ему, и что, напротивъ, современная литература выразила свое сочувствіе къ мужику, не отвернулась отъ него потому только, что отъ него амброй не пахнетъ, а подъ его дырявою пестрядинною рубахой нашла грудь, въ которой бьется прекрасное сердце и подала руку своимъ меньшимъ и честнымъ братьямъ, носящимъ вонючіе кафтаны.»

Противъ всего этого вооружился г. Лонгиновъ. Но чѣмъ все это онъ опровергаетъ? Чрезвычайно мило: все это, говоритъ онъ, не правда, ложь, а «*что касается до борьбы, интересовъ и пр., то у литераторовъ были свои заботы*».

Такъ о чемъ же толкуете вы, г. Лонгиновъ? О какихъ заботахъ, мѣшавшихъ писателямъ сочувствовать народу и его интересамъ, о какихъ заботахъ, мѣшавшихъ всякой борьбѣ, пишете вы? Вѣдь этими словами вы сами бьете «вѣкъ старый и минувшій» и его представите-

лей. Какія у нихъ были заботы—мы знаемъ. Риторическія упражненія въ стихахъ и прозѣ, оды,—за которыя всегда благосклонно награждали поэтовъ, пѣсни съ аркадскими пастушками—вотъ эти заботы, отлучавшія писателей отъ жизни и народа.

Послѣ своихъ словъ о безучастіи литературы въ общихъ интересахъ своего времени, г. Лонгиновъ рѣшается негодовать на то мнѣніе, что «литература была забавой, потѣхой, отдыхомъ, невиннымъ занятіемъ въ часы досуга, но отнюдь не дѣломъ». Странно не соглашаться съ этимъ, проговорившись, что литература была чужда борьбы и народной жизни.

О чемъ же вопіете вы, г. Лонгиновъ?

Вотъ что онъ отвѣчаетъ. Хоть прежняя литература и не вела борьбы, но связь между ею и нынѣшнею литературою все-таки есть. Эпохи державинская, карамзинская, пушкинская, наконецъ новѣйшая—всѣ отличаются другъ отъ друга, но всѣ онѣ въ связи между собою. Не будь на свѣтѣ первой, не было бы и второй и. т. д.

Точь-въ-точь страница изъ риторики Кошанскаго! Кто же не признаетъ *исторической* связи всѣхъ этихъ эпохъ!

Искони твердитъ просодія,
Что связала всѣхъ исторія —
Всѣхъ: съ Кирилла и Мефодія
До Рачинскаго Григорія.
Дружно связаны столѣтія
Письменами — отъ Туровскаго,
Отъ Смотрицкаго Мелетія
До Кириллы Тредьяковскаго,
Отъ Трилуннаго до Пушкина,
И отъ Пушкина до Шишкина,
Гончарова и Якушкина
И великаго Дудышкина.

Вѣдь отъ связи исторической до нравственнаго сближенія еще далеко, и г. Лонгиновъ никакъ не можетъ понять, что по своему принципу и направленію «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій» двѣ крайности, два полюса.

Не умѣя такимъ образомъ опредѣлить нравственнаго значенія литературы того времени, г. Лонгиновъ начинаетъ толковать о *хорошемъ поведеніи* прежнихъ писателей, которые въ своихъ одахъ, эпо-

пеяхъ, похвальныхъ словахъ, если немножко и дерутъ, но, по замѣчанію г. Лонгинова,

Зато ужъ всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ!

Умилительное признаніе! Хороша заслуга людей, которые дома, въ своей частной жизни *вели себя исправно*, женъ не били, карточные долги платили и щеголяли подобными домашними добродѣтелями, но когда являлись литераторами, то льстили одами и мадригалами. Вспомнимъ хоть Фонъ-Визина, Державина...

— А что вы дѣлаете сами? восклицаетъ г. Лонгиновъ. Вы разбили старые литературные кумиры, а новыхъ не создали.

— Да и не нужно намъ кумировъ, г. Лонгиновъ! Зачѣмъ вы такъ о нихъ тоскуете? Намъ нужны дѣятели, а не кумиры.

— А развѣ вы сами не льстите, не лжете? Толкуя о любви къ мужичку, «*восхваляя его на счетъ всѣхъ другихъ классовъ*» (что вы говорите, г. Лонгиновъ?), протягивая ему братскую руку только на словахъ, развѣ не думаете только о томъ, какъ бы половчѣе запустить по старой привычкѣ эту руку за пазуху его пестрядинной рубашки, чтобы стянуть съ него такую же, если не большую лепту, какъ бывало?

— Бываетъ и это, г. Лонгиновъ, но вы забыли небольшую разницу въ дѣйствіи этихъ двухъ эпохъ. Гадости дѣлаютъ и теперь, какъ прежде, но прежде о нихъ молчали,—у литераторовъ были *свои* заботы, говорите сами же вы; теперь-же другое дѣло: все недобросовѣстное, безчестное и безнравственное теперь не лежитъ подъ спудомъ и литература сдѣлалась несмолкающимъ протестомъ противъ всѣхъ грязныхъ и дикихъ поступковъ. На примѣры не указываю, потому что вы и сами знаете ихъ очень хорошо.

Что же касается до мнѣній г. Лонгинова о безсмертномъ значеніи литературной дѣятельности кн. Вяземскаго, то объ этомъ говорить много нечего. Какъ ни старались г.г. Погодинъ, Павловъ и Лонгиновъ услужить въ своемъ безкорыстіи великосвѣтскому поэту, но, увы! всѣ ихъ общія усилія оказались безполезными. Десять стихотвореній к. Вяземскаго, приведенныхъ г. Лонгиновымъ въ статьѣ своей, не доказали никому геніальнаго поэтическаго таланта ихъ автора.

Долго молчалъ самъ кн. Вяземскій, видя, какъ его поэтическую хламиду рвали на части, и безмолвно смотрѣлъ, какъ одинъ за другимъ выходили на защиту стараго юбиляра услужливые друзья его. Тактъ кн. Вяземскаго охранилъ его отъ всякихъ нападеній. Но вдругъ,

самъ великосвѣтскій поэтъ, къ удивленію всей читающей публики, не выдержалъ, схватилъ въ руки, и не свою прежнюю сладкострунную лиру, а нашъ презираемый желѣзный свистокъ и засвистѣлъ. Онъ хотѣлъ героевъ свистопляски убить ихъ собственнымъ орудіемъ, но къ несчастію не расчелъ, что этотъ новый для него инструментъ не всѣхъ одинаково слушается. Кн. Вяземскій захотѣлъ, говоря его собственными словами:

Вдругъ съ обличителей самихъ личину снять,
Чтобъ людямъ *гаера* въ Катонѣ показать;
Безъ злобы (!?) пристыдить *людъ пошлый и упрямый,*
Который лѣзетъ самъ подъ розгу эпиграммы,
Который, не учась, всѣхъ учитъ наповалъ,
И, на подмостокъ свой взобравшись, сочеталъ,
Въ тупой враждѣ своей къ средѣ великосвѣтской,
Съ холопской наглостью разсудокъ полудѣтской.

Остроумный великосвѣтскій поэтъ такъ изволилъ разсердиться, что никакихъ бранныхъ словъ не пожалѣлъ. Я нарочно подчеркнулъ всѣ его крупныя выраженія. Вотъ, господа, полюбуйтесь, какъ иногда выражаются великосвѣтскіе поэты. Что послѣ этого нашъ скромный свистъ и обличительныя пѣсни?

Прочтите, напр., теперь послѣднее граціозное произведеніе музы кн. Вяземскаго, пустившагося въ обличеніе только тогда, когда задѣли его личное самолюбіе.

Замѣтка.

Вы гласность любите, но въ одиночку, — съ правомъ,
Чтобъ голосъ вашъ одинъ руководилъ толпу;
Но голосу другихъ, драконовскимъ уставомъ,
Нѣтъ мѣста въ гласности у васъ на откупу.

Неволи худшей нѣтъ — свободы по заказу,
Когда во славу ей и мнѣнію въ чести,
Такъ, а не иначе, велятъ и видѣть глазу,
Такъ, а не иначе устами рѣчь вести.

Односторонній умъ лишь годенъ на стоянку;
Свободнымъ плаваньемъ онъ не заходитъ въ даль:

Онъ тотъ-же Фамусовъ, но только на-изнанку,
Молчалинъ тотъ же онъ, — но только жалкій враль.

Сужденья своего имѣть и онъ не смѣетъ,
Но, затвердивъ наказъ урочныхъ фразъ и словъ,
Послушливый и въ томъ, чего не разумѣетъ,
Передовому онъ поддакивать готовъ.

Очаковскихъ временъ исчезли бригадиры,
Но сѣмя ихъ въ иномъ подобьи расцвѣло;
Есть новые тузы, есть новые кумиры,
И старое тряпье въ подкраску перешло.

Прихвостниковъ найдешь и въ ложныхъ либералахъ,
Но держатся они не прежняго хвоста;
Неурожая нѣтъ въ льстецахъ и подлипалахъ,
Но ихъ пріемъ не тотъ и вывѣска не та.

Будь новый Ювеналъ, будь новый Грибоѣдовъ,
А Репетиловыхъ отыщетъ чуткій носъ;
И съ внуковъ взыщется за осмѣянье дѣдовъ.
А кто смѣшнѣй изъ нихъ?—сомнителенъ вопросъ.

О значеніи кн. Вяземскаго такъ много послѣднее время писали и говорили, что я не могъ не остановиться на его послѣднемъ стихотвореніи. Ненужно быть клеветникомъ, чтобъ смѣло сказать, что такого безобразнаго и неопрятнаго произведенія мы даже и не ожидали отъ князя Вяземскаго. А онъ видимо хотѣлъ отличиться и поразить своихъ недоброжелателей. Ну, и дѣйствительно отличился....

Предъ героемъ юбилея
Рвется съ устъ моихъ привѣтъ,
И пою, благоговѣя:
— Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ:

—

Украшалъ собой когда-то
Онъ великій модный свѣтъ,
Часто слышалъ отъ собрата:
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Онъ въ созданьяхъ — благороденъ;
За него — науки цвѣтъ:
Гротъ и Павловъ и Погодинъ —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Наизусть твердили дамы
Не одинъ его куплетъ,
И писалъ онъ эпиграммы —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Но пошли къ нему напасти
Отъ журналовъ и газетъ,
И проснулись въ старцѣ страсти —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Лира прежняя разбита,
Лира добрыхъ, старыхъ лѣтъ,
И запѣлъ старикъ сердито —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Другъ изящной, свѣтской музы,
Онъ нашелъ въ васъ тайный вредъ,
Обличительныя шлюзы —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Ужъ не видя вкругъ поклоновъ,
Онъ проклятья слалъ во слѣдъ
Обличительныхъ Катоновъ —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Но съ улыбкой всѣ внимали
Полудѣтскій старца бредъ,
Лишь друзья вокругъ шептали:
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Прежнихъ силъ ему не стало,
Въ эпиграммѣ старой нѣтъ
Обжигающаго жала —
Вотъ онъ, вотъ онъ нашъ поэтъ!

—

Нѣтъ! нейди въ огонь полемикъ!
Можетъ быть, на склонѣ лѣтъ
Сталъ ты славный академикъ,
Но какой же ты поэтъ!?

Кн. Вяземскій своими послѣдними обличительными рапсодіями до такой степени уронилъ свою славу что его защитники покажутъ страшную безтактность, если вновь вздумаютъ восхвалять его поэтическое дарованіе. Избавь насъ Богъ отъ этаго.

Избавь насъ Богъ: отъ мыслей дѣтскихъ
Отъ всѣхъ писакъ велико-свѣтскихъ
(Будь-то прозаикъ иль поэтъ,)
Отъ ихъ друзей замоскворецкихъ
Превозносящихъ высшій свѣтъ.
Избавь отъ юбилейныхъ книжекъ
Съ наборомъ безполезныхъ словъ,
Избавь—отъ вяземскихъ коврижекъ
И озлобленныхъ стариковъ.

А заступникамъ несостоятельнаго таланта поэта прошлаго періода я напомню только въ заключеніе стихъ Горація:

..... mediocribus esse poetis
Non homines, non Die, non concessere columnae,

т. е. посредственнаго поэта не спасутъ отъ паденія ни Богъ, ни люди, ни издатели.

Недавно, въ С. Пчелѣ была помѣщена любопытная статья о преобладаніи въ С. Петербургской Академіи наукъ нѣмецкаго элемента надъ русскимъ.

Говорятъ, впрочемъ что теперь тамъ начинается перерожденіе и перемѣна иностраннаго элемента на національный. Чего не бываетъ на свѣтѣ! Всѣ, съ любовью слѣдующіе за *распространеніемъ про-*

свѣщенія въ Россіи, льстятъ себя розовыми надеждами, а пока теперь мы еще можемъ воскликнуть:

Ужъ такая эпидемія
Завелась у насъ престранная:
Хоть родная академія,
А фамильи — иностранныя.
Встрѣтишь Нѣмца очень дѣльнаго,
И ученаго французскаго,
Лишь роднаго, самодѣльнаго
Ни единаго нѣтъ русскаго,
Въ часъ урочный засѣданія...
Разсужденія отличныя;
Иностранныя изданія
И труды многоязычныя...
А для насъ они, проказники
Издаютъ, какъ дань учёную,
Календарь гдѣ всѣ есть праздники,
Подъ оберткою зеленою.

Удивительное дѣло! Кажется никогда такъ много не было говорено и писано о правахъ женщинъ, какъ въ наше время, а между тѣмъ, на самомъ-то дѣлѣ ни когда, какъ теперь, это самыя права такъ не оскорблялись, не преслѣдовались. Случаевъ не искать-стать. Но далѣе въ томъ Г. Я. Юхницкаго никто не пошелъ....

Предъ нимъ съ зловѣщею угрозой
Козляиновъ свирѣпый самъ
Покажется маркизомъ Позой...

Г. Я. Юхницкій напечаталъ статью: «нѣсколько словъ о проституціи» статья эта была читана въ засѣданіи общества морскихъ врачей 1 февраля 1861 года. Авторъ ея поднимаетъ вопросъ о повсемѣстномъ упадкѣ нравственности и находитъ, что распространительницы этого зла—женщины. Не будь на свѣтѣ женщинъ, этихъ Евъискусительницъ, думаетъ г. Юхницкій—тогда бы повсюду царство-

вала нравственность. Но чтожъ станешь дѣлать! Противъ факта не пойдешь и можно только мечтать о повсемѣстномъ истребленіи женщинъ. Но г. Юхницкій человѣкъ изобрѣтательный! Онъ придумалъ свою особую мѣру для искорененія зла. Женщина, по его мнѣнію, существо слабое и надъ ней долженъ быть постоянный надзоръ для общественнаго благосостоянія.

«По этому, говоритъ онъ, *всѣхъ* женщинъ нужно подчинить правильному надзору.»

Напрасно вы будете ломать голову: какая эта новая система надзиранія — ничего не отгадаете. Но нашъ суровый эманципаторъ смотритъ на это дѣло очень просто. Онъ говоритъ:

— «Это можно совершить при помощи существующей уже у насъ институціи—*при помощи будочниковъ*, только послѣдніе должны быть *нѣсколько* лучше, чѣмъ теперь.»

Что это такое? Гдѣ мы, Господи! Какъ ни пріучены мы встрѣчать повсюду дикія выходки—но такой еще никогда не читали на страницахъ нашихъ газетъ.

Чтобъ окончательно понять замыслы г. Юхницкаго выслушаемъ его главную мысль:

— Теперешнимъ будочникамъ, говоритъ онъ, довольно хлопотъ смотрѣть за порядкомъ на улицѣ въ своемъ участкѣ, особенно въ праздникъ, и трудно ихъ обременять новыми обязанностями и пусть они останутся такими, какими теперь. Но надзоръ за женщинами можно произвести такимъ образомъ: въ число разныхъ лицъ, которыхъ избираетъ городское общество надо включить и новыхъ будочниковъ Эти послѣдніе должны быть избираемы въ достаточномъ числѣ на три года, положимъ изъ мѣщанъ.

Слушайте теперь—о главной ихъ обязанности.

Обязанность ихъ должна составять въ томъ, чтобъ они знали рѣшительно *всѣхъ*, (женщинъ) живущихъ въ ихъ участкѣ и слѣдили за ихъ ихъ поступками. Если будочникъ замѣтитъ какую нибудь женщину, находящуюся съ кѣмъ либу въ непозволительной связи, то о таковой немедленно доноситъ комитету, который подобныхъ женщинъ долженъ призвать къ допросу. Если женщина въ назначенное время не явится въ комитетъ — то за это подвергается наказанію розгами». (Современ. Медицина № 16.)

— Будочникъ—блюститель нравственности! Призваніе по доносу женщины въ комитетъ—и наказаніе розгами? Знаете-ли вы, Г. Юх-

ницкій какому общественному позору подвергаетесь вы за свой отвратительный, циническій проектъ? Поняли ли вы всю гадость, всю гнусность тѣхъ мѣръ, которыя предлагаете? Если—*вы* не понимаете разницы между нравственными и безнравственными отношеніями женщины къ мужчинѣ, то какимъ образомъ вашъ будочникъ будетъ судьей ея поступковъ, ея нравственности? Какъ осмѣлится онъ мѣшаться въ ея домашнюю жизнь, судить ея симпатіи и влеченія. Гдѣ вы, г. Юхницкій? оглянитесь! Вѣдь нѣтъ больше наглости и безнравственности — какъ предлагать такую систему и думать о стражахъ, слѣдящихъ за поведеніемъ женщинъ. Вѣдь такія мѣры ведутъ къ систематическому развращенію, къ растлѣнію нравовъ общества, законы котораго вы попираете вашими мечтами о будочникахъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ.

Вы говорите что за ложный доносъ будочникъ подлежитъ наказанію, а женщина освобождается отъ всякаго ареста и подозрѣнія.

Но вы забыли о томъ, что женщина уже глубоко оскорблена и тѣмъ, что она была призвана къ оправданію въ своей невиности; она уже опозорена въ глазахъ общества вмѣшательствомъ грубаго будочника, въ ея семейную жизнь—вся ея жизнь, все ея будущее замараны вашимъ подозрѣніемъ.

Проектъ г. Юхницкаго до такой степени возмутителенъ и гадокъ— что нужно только удивляться тому непростительному молчанію, съ которымъ всѣ журналы и газеты прошли мимо его предложенія.

Бѣдныя русскія женщины! Какихъ напастей на нихъ нѣтъ! какихъ контролей не сулятъ имъ! Волосъ становится дыбомъ!

Въ первую минуту статья г. Юхницкаго возбуждаетъ страшное негодованія въ каждомъ, но потомъ проэктъ этаго мудраго врага, какъ порожденіе больной фантазіи и больнаго мозга—можетъ только смѣшить. Г. Юхницкаго мы причисляемъ къ разряду замѣчательныхъ субъектовъ доктора Крупова, къ числу нравственныхъ больныхъ, которымъ нѣтъ излѣченія.

Пусть успокоются всѣ женщины:—проэкты такихъ больныхъ ни въ комъ не возбуждаютъ сочувствія. Спите покойно!... Чтобъ разсѣять мрачное впечатлѣніе *врачующей* статьи, я бросаю перо, беру лиру и пою:

Колыбельная пѣсня.

Спите женщины столицы!
Баюшки — баю!

Пусть поётъ врачь изъ больницы
Мрачно пѣснь свою.
Хоть онъ громко укоряетъ
Женскую семью,
Но глаза вамъ сонъ смыкаетъ —
Баюшки баю.

* * *

Зло по всюду въ этомъ свѣтѣ
Нагоняетъ страхъ —
Въ пышномъ домѣ на паркетѣ,
Въ темныхъ чердакахъ.
Но Юхницкій — не далъ маху,
Написалъ статью,
Спите-жъ женщины безъ страху —
Баюшки-баю.

* * *

Погодите: смолкнетъ нынѣ
Вашъ и стонъ и плачь —
Въ «Современной Медицинѣ»
Молвитъ слово врачъ.
— Коренные предразсудки,
Скажетъ, — изгоню,
Всюду выстрою я будки —
Баюшки-баю.

* * *

Выйдетъ стражъ, угрюмый съ виду, —
И со словъ молвы —
Будетъ онъ слѣдить для виду,
Какъ живете вы!
Надзирать онъ неустанетъ...
Славное житье!
Спите! Стражъ вашъ спать не станетъ —
Баюшки-баю!

* * *

На гуляньѣ, въ маскарадѣ,
Не спуская глазъ,
Сторожить все будетъ сзади
Стражъ угрюмый васъ!
Отъ него вы не уйдете
И въ чужемъ краю,

И во снѣ его найдете —
Баюшки — баю!

*
* *

Будетъ всюду волочиться
Онъ за вами вслѣдъ,
И для васъ лишь учредится
Новый комитетъ.
Такъ Юхницкій изъ больницы
Пѣснь поётъ свою...
Спите-жъ женщины столицы —
Баюшки—баю.

Повѣствованіе наше о нѣкоемъ врачѣ Я. Юхницкомъ, напомнило намъ повсемѣстныя жалобы на столичныхъ врачей, которые съ больными обращаются совершено не человѣколюбиво. Вотъ для примѣра два случая:

«Въ одномъ огромномъ домѣ живетъ докторъ Б. еще молодой, но весьма извѣстный практикъ, бывшій за границей и пользующійся хорошей репутаціей. Стѣна объ стѣну съ нимъ живетъ небогатый учитель С..., человѣкъ семейный, уважаемый многими, какъ опытный педагогъ и отличный семьянинъ. Нѣсколько разъ г. С. обращался за совѣтами къ своему сосѣду, который всегда охотно являлся въ случаѣ надобности на зовъ. Не такъ давно у г. С. заболѣлъ ребенокъ. Это было около часу ночи. Положеніе дитяти съ каждой минутой становилось все хуже и хуже; его мучительные крики ясно выказывали, какъ велика была боль, которую оно переносило. Первою мыслію отца было: идти къ сосѣду, доктору, и попросить его совѣта, Встревоженный, блѣдный, онъ позвонилъ у дверей доктора Б. и попросилъ вышедшаго человѣка доложить о немъ барину.

— Докторъ легли почивать отвѣчалъ тотъ.

— Скажите ему, продолжалъ учитель:—что мой маленькій сынъ опасно заболѣлъ и что я прошу его сейчасъ придти, если можно.

Человѣкъ пошелъ въ комнаты и чрезъ двѣ-три минуты возвратился съ отвѣтомъ:

— Докторъ сказали, что зайдутъ завтра въ 11 часовъ.

— Скажите, что я просилъ сейчасъ.

— Я говорилъ-съ, отвѣчалъ тотъ рѣшительнымъ тономъ.

Дѣлать было нечего. Скрѣпя сердце, отецъ вернулся домой и сталъ одѣваться, чтобъ пойти поискать другаго доктора.

— А что Б..., спросила жена, когда онъ вышелъ посмотрѣть на больнаго ребенка.

— Легъ спать.

— Ахъ, Боже мой, развѣ нельзя разбудить его?

— Я ужъ пробовалъ, да онъ не встаетъ.

— Куда же ты теперь?

— Пойду къ кому нибудь другому.

— Ради Бога скорѣе, видишь какъ онъ мучится... И Г. С. отдернула пологъ кроватки, на которой, въ жару, метался и стоналъ ребенокъ. Отецъ отвернулся, чтобъ скрыть проступившія на глазахъ слезы и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Прошло полчаса, онъ не возвращался. Ребенокъ стоналъ сильнѣе и сильнѣе; все его тѣло было какъ въ огнѣ. Сердце любящей матери разрывалось на части отъ криковъ ребенка. Наконецъ г-жа С., не имѣя силъ переносить дальше страданія своего сына, сама рѣшилась пойти къ доктору Б., и именемъ Бога умолять его о помощи.

— Я не смѣю будить барина, отвѣчалъ человѣкъ на ея просьбу.

— Ради Бога, мой другъ... скажи, что я сама пришла.... что дитя умираетъ!

Тотъ опять отправился въ комнаты, а за нимъ прошла и г-жа С., и, остановившись предъ дверью кабинета, гдѣ спалъ докторъ, притаила дыханіе, чтобы самой слышать самый отвѣтъ.

— Сама барыня пришла-съ, началъ человѣкъ тихимъ голосомъ,— говоритъ, что у нихъ дитя умираетъ.

— Пошелъ вонъ, загремѣлъ сердитый голосъ доктора,—я сказалъ что зайду завтра, а теперь не смѣй меня больше безпокоить: я спать хочу.

Бѣдная мать, рыдая, пошла назадъ; возвратившись домой, она у кроватки ребенка нашла мужа и другаго доктора, который тотчасъ же принялъ мѣры для облегченія здоровья маленькаго больнаго.

Г. Церерскій, разсказавши этотъ случай, говоритъ о другой такой исторіи: «Не дальше какъ въ четвергъ, 2 марта,—говоритъ онъ,— мнѣ случилось быть близъ Пѣвческаго моста, въ одномъ семействѣ, гдѣ тоже находился больной ребенокъ. Я посовѣтовалъ родителямъ обратиться къ доктору и даже взялся самъ отыскать и попросить кого нибудь изъ живущихъ по близости врачей, чтобы онъ принялъ на себя трудъ навѣстить больную. Было еще довольно рано, около 10 часовъ утра. Прежде всего мнѣ пришло въ голову, что тутъ есть

огромный домъ г. У..., гдѣ по всей вѣроятности живетъ какой-нибудь докторъ, Дворникъ этого дома дѣйствительно назвалъ мнѣ три квартиры, занимаемыя врачами, одна изъ нихъ подъ № 25, находилась на лѣстницѣ, подлѣ которой я нашелъ дворника, и, понятно, что прежде всего я отправился прямо сюда. На мой звонокъ отворила дверь служанка, весьма приличнаго вида и спросила меня:

— Что вамъ угодно?

— Здѣсь живетъ докторъ?

— Живетъ. А вамъ какого нужно доктора?

— Такого, который умѣетъ лечить. Можно его видѣть?

— Да вы отъ кого?

— Мнѣ самому нуженъ докторъ...

— Понимаю; а кто вамъ рекомендовалъ этого доктора?

Послѣднiй вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Я рѣшительно не могъ понять, къ чему ведетъ подобный вопросъ. Но наконецъ, собравшись съ духомъ, я осмѣлился вымолвить:

— Мнѣ, матушка никто не рекомендовалъ его, а сказалъ вашъ дворникъ, что здѣсь живетъ докторъ, я и пришелъ сюда, чтобъ позвать его къ больному.

— Такъ-съ! А только они къ незнакомымъ не ѣздятъ!

И съ этими словами дверь захлопнулась буквально предъ самымъ моимъ носомъ. Понятно, что противъ такого аргумента и спорить невозможно. Я охотно подумалъ бы, что моя наружность не понравилась просто служанкѣ; но въ теченiи всего этого разговора, изъ дверей, ведущихъ въ покои почтеннаго доктора, на меня смотрѣла фигура женская, физiономiя, слишкомъ изящная для служанки, и, я думаю, имѣвшая возможность даже и отказать мнѣ подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ.»

Кто знакомъ съ недоступностью и небрежностью петербургскихъ докторовъ, тотъ совершенно повѣритъ справедливости этихъ двухъ случаевъ. Но если столичные врачи такъ мало обращаютъ вниманiя на наше здоровье и жизнь, зато въ провинцiяхъ они не забываютъ своихъ пацiентовъ даже послѣ смерти.

Вотъ, напримѣръ, любопытный документъ, сообщаемый губернской газетой; документъ, доказывающiй необыкновенную изобрѣтательность провинцiальнаго врача.

Свидѣтельство.

Дано сіе Дубенскому купцу 3-й гильдіи Сельману П—су, въ томъ, что на преданіе тѣла его землѣ препятствія со стороны судебной медицины нѣтъ. 1861 г. 28 февраля. И. д. город. врачь Д-скій.

Разгадать эту загадку такъ же трудно, какъ понять одного губернскаго виршеплета В. Юрлова, который издалъ недавно въ Симбирскѣ тетрадь своихъ стихотвореній. Развернувъ случайно эту книженку, я напалъ на такой куплетъ:

Мнѣ грустно, потому что бывши окруженъ
Всей грязью нищеты глубокой,
Остался я не зараженъ
Ни злобой низкой, ни порокомъ.

Вѣдь это выходитъ, что г. В. Юрловъ плачетъ о томъ, что порокъ никакъ не могъ осилить его добродѣтелей и онъ остался невиннымъ посреди порока. Странные родятся поэты на рѣкѣ Свіягѣ!

Недавно случилось мнѣ быть на Волковомъ кладбищѣ. Вечеръ былъ ясный и теплый, и я не знаю самъ какъ зашелъ въ самую глубь кладбища. Вокругъ меня повсюду возвышались кресты и высокіе памятники подъ чугунными рѣшетками. Общая тишина нарушалась только шепотомъ листьевъ распустившихся березъ, ростущихъ надъ могильными плитами. Долго я ходилъ по кладбищу и отыскивалъ одну забытую могилу — и именно могилу В. Г. Бѣлинскаго. Я зналъ давно, что онъ погребенъ на Волковомъ кладбищѣ, но мѣста не зналъ. Напрасно подъ полустертыми надписями на камняхъ я думалъ прочесть его имя — мои поиски оставались тщетными. По сранной игрѣ случая, что я уже вспомнилъ бродя вокругъ могилъ, — этотъ день — 28 мая — былъ день его смерти. Бѣлинскій умеръ въ 1848 году, 28 мая. Ровно двѣнадцать лѣтъ прошло послѣ его кончины. Безполезно проискавъ креста или камня съ надписью его имени, я наткнулся на самомъ далекомъ краю кладбища на стараго могильщика, который рылъ могилу, отливая изъ нея воду.

— Давно ты здѣсь могильщикомъ, старикъ? спросилъ я.

— Лѣтъ двадцать пожалуй будетъ.

— А не знаешь-ли ты, гдѣ здѣсь могила Бѣлинскаго?

— А давно похороненъ?

— Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Давненько. А кто онъ такой былъ? Генералъ-что-ли?

— Нѣтъ, дѣдушка, сочинитель онъ былъ русскій.

— Вишъ-ты: сочинитель! Нѣтъ такого не слыхалъ, не припомню.

— И никто тебя о его могилѣ никогда не спрашивалъ?

— Не случалось. Вотъ намедни, о генералѣ какомъ-то спрашивали, а объ этомъ — нѣтъ....

Не узнавши ничего отъ могильщика, я ушелъ назадъ, съ грустною мыслію, что могила того человѣка, сочиненія котораго теперь разбираются нарасхватъ, брошена въ забвеніи и никто не знаетъ, гдѣ лежитъ прахъ нашего русскаго критика. И вспомнились мнѣ слова поэта:

И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила,
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила.

О, благодарное потомство!.. Я могу теперь указать еще на другую могилу — на могилу нашего любимаго народного поэта А. В. Кольцова, умершаго и схороненнаго на своей родинѣ — въ Воронежѣ. Мы уже говорили какъ-то о мѣстномъ воронежскомъ Скалозубѣ, рѣшившаго намъ. что въ жилахъ воронежскихъ гражданъ течетъ благороднаа кровь Римлянъ. Но, увы — мы знаемъ, что древніе Римляне чтили своихъ героевъ даже послѣ ихъ смерти, а какъ почтили земляки память своего поэта? Въ Воронежѣ, въ которомъ болѣе 50,000 жителей, въ Воронежѣ, гдѣ есть кадетскій корпусъ и гимназія — не нашлось ни одного человѣка, который бы поправилъ оскорбительную небрежность своихъ земляковъ и занялся памятникомъ роднаго поэта. На тамошнемъ городскомъ кладбищѣ надъ могилой Кольцова стоитъ грубой работы памятникъ съ весьма замѣчательными надписями, за которыя долженъ покраснѣть каждый русскій человѣкъ.

Передаю эти надписи слово въ слово и съ соблюденіемъ ихъ орѳографіи:

Сторона 1-я.

1842 года ноября 3
Подсимъ памятникомъ

погребено тело мещан
нина Алексея василе
вича Колцова сочини
теля и поета вороне
жескаго.

Сторона 2-я.

Просвещенои безнаукъ
природою награжденъ,
монаршаю милостию
скончался 33 годовъ
и 26 днеи, въ 12 часу
брака неимелъ

Сторона 3-я.

Рожденъ отродителеи
Василья Петрова
и прасковіи Ивановои
Колцовои жители
варонежскихъ.

Сторона 4-я.

Покаися любезныи сынъ
Стенящіи родители
приклонной старости
молимъ всещедрова
упокоитъ душу твою
внедрахъ Авраамовыхъ.

Будь такая надпись надъ чьей нибудь другой могилой, мы бы ни слова не сказали. Мало-ли есть «*просвѣщенныхъ безъ наукъ*», которые пишутъ эпитафіи въ слудующемъ родѣ: (списано слово-въ слово съ однаго памятника.)

«Подъ симъ камнемъ покоится прахъ новопреставленнаго титулярнаго совѣтника, представленнаго въ коллежскіе ассесоры» и пр.

Эпитафія такая — на мѣстѣ, но желательно было бы, чтобъ хоть на памятникахъ такихъ немногихъ людей, какъ Кольцовъ, надписи не возбуждали бы горькой улыбки своей укоряющей безграмотностью.

Нужно замѣтить при этомъ, что въ Воронежѣ щеголяли послѣдней не только двадцать лѣтъ назадъ, но щеголяютъ и теперь. Недавно, редакція «воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей упрекнула г. Кондратьева, содержателя типографіи въ Воронежѣ, въ томъ, что его типографическія работы отличаются постоянною безграмотностью. Г. Кондратьевъ замѣчаніемъ этимъ оскорбился и прислалъ въ редакцію вѣдомостей отвѣтъ, съ требованіемъ — *отпечатать* его — что и было исполнено редакціею.

Послушайте этотъ отвѣтъ, — онъ стоитъ надписи на памятникѣ Кольцова.

«За безграмотность афишъ, за безтолковыя объявленія, за глупыя и дерзскія статьи газетныя, типографія и корректура не отвѣчаетъ. Виноватъ редакторъ, т. е. составитель афишъ, объявленій и статей. Содержатель типографіи не *выскакиваетъ съ словцомъ на страничку*, (очень остроумно!), къ нему доставляютъ на бѣло переписанныя и подписаные «печатать дозволяется». Если я не всегда исправно держу корректуру, то прошу извѣнить мое слабое зрѣніе. Заставлять же *мамзель* гласность во всѣ легкія объ этомъ не стоитъ» и т. д.

Г. Кондратьевъ — «совсѣмъ молодецъ», какъ говоритъ одинъ мой знакомый медикъ.

Но какъ ни хорошо оправдывается г. Кондратьевный — «юный топтатель» въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, совершенно пересіялъ его: тотчасъ видно *столичное обращеніе*.... Бездоказательно оклеветавъ въ своей фельетонной стряпнѣ гг. Качалова и Аничкова, онъ спѣшитъ оправдываться самымъ оригинальнымъ образомъ.

«У обличенія есть цѣль, говоритъ онъ, — и мое обличеніе сдѣлало свое дѣло!»...

Какъ такъ? Развѣ клевета есть обличеніе? Развѣ наглая ложь — есть дѣло? Разбранивъ печатно честныхъ людей, насмѣявшись надъ честнымъ дѣломъ гласности, этотъ припускной обличитель — еще рѣшается хвалиться своимъ подвигомъ! Только въ С. Петербур. Вѣдомостяхъ и могутъ являться такіе ораторы. Этотъ «юный топтатель не смутившись отъ своихъ выходокъ, былъ смущенъ другимъ; его ужасно испугало извѣстіе что въ личностяхъ «Гымалэ» и юнаго топтателя многіе видятъ одно и то же лицо. Чего же вы испугались г. топтатель? Будто дѣятельность Гымалэ чѣмъ нибудь хуже вашей? Вы — *оба лучше*! Да и какое намъ дѣло вы-ли Гымалэ или нѣтъ!

Прячьтесь подъ какіе угодно псевдонимныя маски, а мы Гымалэ вездѣ узнаемъ, — Гымалэ-героя «временъ Булгарина и Николая Греча», и будемъ всегда говорить:

Судьба свой скрытый гнѣвъ явить желая всѣмъ,
Въ убогомъ Гымалэ дала намъ образъ жалкій:
Съумѣла помирить въ фиглярѣ *новыхъ* темъ
Витію *стараго* съ Булгаринской закалкой.

Вотъ А. А. Краевскому такъ плохо приходится съ такими сподвижниками. Пригрѣлъ онъ ихъ, пріютилъ въ своей газетѣ, а они ему и давай подсаливать. Нѣтъ-нѣтъ, да и прорвутся. Бѣдный Андрей Александровичь! Послала же ему судьба подъ старость лѣтъ помощниковъ, въ награду за его пятидесятилѣтнюю службу русской журналистики. Вчера — смотришь — Гымалэ у него въ грубости сердца русскаго мужика обличилъ, сегодня — топтатель отличается, а тамъ угрюмый хроникеръ, называющій какъ бы на смѣхъ свою хронику *современной*, литераторовъ мазуриками назвалъ. Одинъ другаго лучше! Жаль мнѣ и грустно за васъ, Андрей Александровичъ!

Мнѣ грустно потому, что желтый твой журналъ
Играетъ голубымъ оттѣнкомъ и отливомъ,
Мнѣ грустно потому, что ты введенъ въ скандалъ
Зловѣщимъ Гымалэ съ Топтателемъ игривымъ.
Вездѣ тебѣ бѣды — куда ты ни пойдешь:
Статьею каждою и каждыми стихами —
Тебѣ сотрудники вонзаютъ въ сердце ножъ
И яму темную готовятъ подъ ногами.

Да, г. Краевскій! Трудное теперь стало дѣло журналистики. Много личнаго участія, много нравственной отвѣтственности долженъ принимать на себя каждый редакторъ, для того чтобы его изданія не были безобразны. По моему мнѣнію, если уже идти на спекуляцію, то, право, гораздо удобнѣе открыть торговыя бани. Тутъ и барышей больше, и никакой умственной работы не нужно; — и тепло и покойно.... Нѣтъ, ей-Богу — «торговыя бани» лучше. А впрочемъ — какъ знаете....

Перенесемся теперь въ провинцію и посмотримъ какъ поживаютъ и что подѣлываютъ тамъ наши соотечественики. Мы ихъ никогда не забываемъ и постоянно слѣдимъ за ихъ житьемъ-бытьемъ. Но не успѣли мы заглянуть въ провинціальный міръ, какъ на насъ налетѣла цѣлая туча новыхъ гражданскихъ подвиговъ, цѣлая вереница приключеній,...

Кудажъ мы сначала отправимся? Ну, пустимся хоть «внизъ по матушкѣ по Волгѣ и остановимся на первый разъ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ теперь на ярмарку собралось болѣе милліона гостей со всей Россіи.

Но что за движеніе такое въ городѣ?

Откуда страшный шумъ, неистовые клики?

И мы нежданно-негадано встрѣчаемъ толпу нижегородскихъ Козляиновыхъ, которые шумно бѣгутъ въ театръ, чтобы свистомъ и крикомъ встрѣтить выходъ даровитѣйшей и честной актрисы тамошней труппы.

Вотъ въ чемъ дѣло. Между артистками нижегородскаго театра всѣ именно порядочные люди особенно отличаютъ г-жу Васильеву— Трусову, какъ за ея талантъ, такъ и вообще за прекрасныя качества умной женщины. Но въ провинціи не всѣ признаютъ въ артистѣ человѣка, и у г-жи Васильевой нашлись враги, которые въ слѣдствіе чьихъ-то интригъ, объявили артисткѣ войнъ и войну самую козляиновскую. Преслѣдованія этихъ волжскихъ витязей начались съ того, что они нанявъ 10 или 15 человѣкъ продажныхъ свистуновъ, посадили ихъ въ раекъ. Когда публика, довольная игрой артистки, вызвала ее, изъ райка раздался оглушительный свистъ, и въ то же время на сцену, къ ногамъ г-жи Васильевой, изъ какой-то ложи упалъ букетъ, составъ котораго былъ въ высшей степени оскорбителенъ для женщины. Въ общей суматохѣ нельзя было замѣтить, изъ какой именно ложи былъ брошенъ этотъ букетъ.

Но нижегородскіе топтатели однимъ этимъ разомъ не унялись.

Вѣдь герои града милаго
Нижняго,
Обижаютъ только хилаго
Ближняго.

Къ нимъ актриса-ли является,
Маска-ли, —
Въ нихъ бросать имъ дозволяется
Пасквили.

Не удовлетворившись одною дерзостью, эти губернскіе герои бросили артисткѣ другой букетъ, точно такого же подбора, какъ и первый, только съ приложеніемъ оскорбительной записки. Бѣдная артистка была обижена глубоко этими двумя дикими выходками, къ которымъ не подала никакого повода. Нашлось, впрочемъ въ городѣ, одоло тридцати порядочныхъ людей, написавшихъ г-жѣ Васильевой письмо, гдѣ они извиняются за публику, за общество, среди котораго благородная женщина подвергнулась возмутительнымъ оскорбленіямъ. Не знаемъ теперь, усмирятся-ли наконецъ скандалисты. Что-то плохо вѣрится!...

Чѣмъ же смирить васъ, герои губернскіе,
Пошлыхъ исторіекъ львы?
Скороль замашки свои *аскоченскія*
Скоро ль забудете вы?
Вы всего Нижняго злостныя тернія,
Непроходимая грязь;
Васъ не признала родная губернія
Подвиговъ вашихъ стыдясь.
Чтобъ похожденія, очень не честныя
Васъ-бы къ стыду не вели,
Вы поучиться всѣ въ школы воскресныя
Лучше-бы, право, пошли!..

Но, поплывемъ дальше по Волгѣ... Въ Нижнемъ намъ неудача и мы остановились въ другомъ городѣ, который назовемъ какъ нибудь.... ну, хоть Приволжскъ. Городъ стоитъ на горѣ; мѣстоположеніе отличное, а оно, говорятъ, успокоительно дѣйствуетъ на жителей. И вотъ мы по городскому бульвару идемъ,—идемъ—и вдругъ попадаемъ въ собраніе, гдѣ идетъ балотировка почетнаго старшины. Дѣлать нечего, посмотримъ:

P. S. Въ г. Приволжскѣ, какъ и во всякомъ городѣ, общество дѣлится на два лагеря — патриціевъ и плебеевъ.

Выборы начались. Аристократы непремѣнно хотѣли выбрать *своего* старшину, и выведя его на средину залы, подъ прикрытьемъ дюжихъ кулаковъ двухъ братьевъ Безстыжихъ, громко провозгласили: вотъ вамъ почтенный старшина! Всѣ отъ неожиданности растерялись... общество оробѣло. Уже принесено было шампанское, какъ кто-то изъ плебеевъ рѣшился замѣтить, что старшинъ насильно не навязываютъ и что ихъ баллотируютъ.

Едва это было сказано, какъ поднялась цѣлая буря.

И грянулъ бой, приволжскій грозный бой!

Не думайте, господа. что слово бой — здѣсь метафора: бой, дѣйствительно начался настоящій, *кулачный* бой.... Два брата Безстыжіе первые рванулись въ битву — и пошла писать губернія!.. Умилительное зрѣлище! Почтенные, сановитые граждане вопросъ баллотировки рѣшили кулачнымъ правомъ, выпустивъ впередъ двухъ братьевъ — Самсоновъ! Глава губерніи думалъ унять это побоище, но безполезно, — голоса его никто не слышалъ...

Вся эта битва и теперь такъ и стоитъ передъ моими глазами...

Я видѣлъ бой, гдѣ старики
Дралися въ клубѣ, безъ урона,
Гдѣ всѣмъ дарили синяки
Два безпощадные Самсона,
Гдѣ и патриціи и плебей
Равно зардѣлись цвѣтомъ алымъ
И гдѣ начальникъ изъ дверей
Махалъ платкомъ, какъ опахаломъ.

* *
*

Прекрасенъ клубъ въ вечерней мглѣ,
Прекрасны старцы съ синяками,
Но мнѣ милѣй, — сказать межь нами, —
Два брата—съ гнѣвомъ на челѣ
И съ пудовыми кулаками!

Нужно признаться, наконецъ, что прогулка наша по Волгѣ — на

этотъ разъ не совсѣмъ удачна. Непремѣнно на какую нибудь исторію натолкнешься; впрочемъ, можетъ быть у насъ что ни городъ, то историческій городъ. Посмотримъ:

Вотъ, напримѣръ, стоитъ городъ, и уже не на Волгѣ. Въ этомъ городкѣ нѣкоторые любители затѣяли нѣсколько спектаклей, которые, почему, неизвѣстно, назвали *народными*. Піэсы выбраны слѣдующія: «Бѣдность не порокъ,» «Свои люди», «Ревизоръ,» «Шельменко—волостной писарь» и «Наталка-Полтавка.» И вотъ первое представленіе уже готово: роли выучены, музыканты наняты,—все какъ слѣдуетъ. Главный распорядитель съ афишей въ карманѣ ѣдетъ къ начальству просить разрѣшенія.

Начальство афишу прочло, но въ просьбѣ отказало:

— Не могу, говоритъ, не могу. Народные спектакли какіе-то у васъ... никакъ нельзя.

Ему предлагаютъ зачеркнуть это слово, что онъ тотчасъ же и сдѣлалъ, а разрѣшить спектакля все-таки не могъ.

— Отчего же вы не разрѣшаете?

— Да цѣны у васъ назначены дешевыя, *вольныя*... Въ театръ можетъ придти разная дрянь, *черный народъ* и вдругъ рядомъ съ какимъ нибудь порядочнымъ человѣкомъ сядетъ какой нибудь вонючій, нагольный тулупъ... Нѣтъ, это рѣшительно безнравственно!... Скажите отъ меня любителямъ, что я *не обскурантъ*, не отсталой какой нибудь, но долгъ прежде всего,—и я дать разрѣшенія никакъ не м гу.

Распорядитель съ тѣмъ и уѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени любители опять стали просить его о разрѣшеніи спектаклей—на какихъ ему угодно условіяхъ.

— Никакихъ уступокъ, говоритъ, не могу сдѣлать: нельзя! Вы безъ меня репетиціи дѣлали, а ужъ самыхъ представленій я не позволю.

— Вѣдь вы же любителямъ-аристократамъ, говорятъ ему, разрѣшили же спектакль; отчего же...

— Оттого, что тѣ люди совсѣмъ другіе; они не Ревизора какого нибудь играли, а піесы благородныя, не вольнодумныя: «А. и Ф.» «Вицъ мундиръ,»—вотъ что!... Да и гдѣ вы будете играть?

— Въ театрѣ Покровскаго!

— А развѣ онъ можетъ, завопилъ *не обскурантъ*, безъ моего разрѣшенія предоставлять театръ въ ваше распоряженіе?

— Театръ — частная собственность, — замѣтили ему. *Не обскурантъ* на замѣчанiе это разгнѣвался.

— Я вотъ вамъ покажу — частная собственность! — закричалъ онъ, — и выгоню вонъ изъ города людей, присланныхъ Покровскимъ для передачи театра... Вотъ сюда фейерверщикъ прiѣхалъ... Ему позволю пускать фейерверки, а вамъ театра не разрѣшу... вотъ вамъ что!

Тѣмъ все и кончилось. Вотъ каковы губернскiе *необскуранты* и ихъ вѣрное служенiе своему принципу.

Вотъ орловскiе граждане оказались еще упорнѣе въ поклоненiи своимъ особымъ жизненнымъ уставамъ. Въ то время, когда даже крестьяне убѣждаются въ необходимости школъ и грамотности для своихъ дѣтей, въ городѣ Орловѣ (Вятской губ.) открытiе женской школы встрѣтило весьма сильное препятствiе. Несмотря на то, что въ Орловѣ между купечествомъ очень много лицъ, которые въ образѣ жизни не похожи на большинство своихъ отсталыхъ собратьевъ, новый проектъ встрѣтилъ между этимъ классомъ сильный отпоръ. И почему бы вы думали? Средствъ можетъ быть нѣтъ, у купечества?

— Нѣтъ, говорятъ граждане, намъ денегъ не занимать-стать; мы вотъ большую сумму недавно выдали для учрежденiя хора пѣвчихъ... деньги у насъ водятся...

— Такъ отчего же вы не хотите образовать дочерей вашихъ?

Купечество не замедлило дать слѣдующiй отвѣтъ:

— *Намъ образованныхъ женъ не надо; образованныя будутъ книжки читать, а намъ нужно чтобъ горшки ворочали...* Что скажешь противъ такого аргумента?

Особенно, говорятъ, отличался въ этомъ протестѣ противъ учрежденiя женской школы одинъ тамошнiй купецъ, который слыветъ въ околодкѣ подъ прозвищемъ «барина Пѣтухова».

Не знаю, дойдетъ ли мой голосъ до Вятской трущобы, но я хочу непремѣнно воспѣть доблести орловскихъ грамото-ненавистниковъ, и если не они сами, то хотя ихъ внуки прочтутъ мою легенду — какъ жили и думали ихъ дѣды.

СВѢЖЕЕ ПРЕДАНІЕ.

Среди вятскихъ, угрюмыхъ лѣсовъ
Городокъ есть Орловъ,
И живутъ въ-заперти, какъ отцы,
Того града купцы,
Съ вялой лѣнью, съ недвижностью сна
Старина имъ мила;
Спать, да въ баню ходить, да пить чай —
Вотъ ихъ жизненный рай!
Разъ—глядятъ—къ нимъ забрёлъ въ вятскій лѣсъ
Мимоходомъ прогрессъ,
Рѣчь о книгахъ, о школахъ повёлъ
И пошёлъ — и пошёлъ..,
«Я для васъ—говоритъ—дикари
Принесу букварь,
Чтобъ для вашихъ и женъ и дѣтей
Свѣтъ открыть поскорѣй,
Я ихъ въ школы отъ васъ уведу
И на умъ наведу·»
Застоналъ, закряхтѣлъ вятскій лѣсъ,
Когда смолкнулъ прогрессъ:
— Будемъ жить мы, какъ жили отцы —
Завопили купцы:
— Для чего намъ твои букварь,
Молодецъ, говори....
Для чего намъ для здѣшнихъ сторонъ
Образованныхъ женъ?
Намъ не умницъ—давай лучше дуръ,
Чтобъ не строили куръ,
Книгъ не знали, родили дѣтей
Да боялись мужей,
Чтобъ умѣли—не пѣть лишь стишки,
А ворочать горшки.
Такъ иди же, молодчикъ, къ другимъ:
Ничего не хотимъ!»
Такъ вопилъ тѣхъ орловскихъ гражданъ
Цѣлый станъ,
Громче жъ всѣхъ посреди стариковъ
Причиталъ Пѣтуховъ.

Да, грустно признаться, что у насъ еще повсюду, во всѣхъ сословіяхъ живутъ эти Фамусовы, готовые, какъ они говорятъ,

Ужь коли зло пресѣчь
Собрать-бы книги всѣ — да сжечь.

Напр. вотъ одинъ статистическій фактъ, доказывающій, что не одно только купечество г. Орлова бѣгаетъ всякой книги, какъ чумы, но и дворянство россійское отъ нихъ не отстаетъ. Какъ всѣмъ извѣстно, Симбирская губернія — по преимуществу губернія дворянская. Въ г. Симбирскѣ есть Карамзинская городская библіотека, почти совершенно заброшенная и неимѣющая никакихъ средствъ для своего улучшенія и пополненія. Кто же пользуется, кто читаетъ эти книги? Отчетъ этой библіотеки гласитъ: «читатели бываютъ изъ сословій: духовнаго, купеческаго, мѣщанскаго изъ бѣдныхъ служащихъ чиновниковъ, а преимущественно изъ учителей и воспитанниковъ семинаріи, гимназіи и ихъ чиновниковъ.» Изъ этого отчета видно, что *изъ дворянъ не бываетъ ни одного читателя.* Еслибы мы не видѣли отчета библіотеки, то едва ли бы такому факту повѣрили. Вѣрно симбирскимъ Фамусовымъ не до книгъ, не до литературы! Времени на такія занятія не достаетъ...

Люди взгляда высшаго
Книгъ вы захотите-ли?
Пусть для класса низшаго
Пишутъ сочинители.
Для чего вамъ болѣе
Все людское знаніе?
Не того сословія —
Чтобъ читать изданія!

Нынче — травля славная,
Завтра — скачка тройками;
То обѣдъ, гдѣ—главное —
Угостятъ настойками.
То къ роднѣ отправишься,
Съ дворнею — мученіе...
Ясно, что умаешься, —
Тутъ ужъ не до чтенія.

Пусть зубрятъ приказные
Тѣ статьи ученыя,
Гдѣ идеи разныя
Очень развращенныя.
Мы-жъ, допивъ шампанское,
Спросимъ съ удивленіемъ:
Дѣло-ли дворянское
Заниматься чтеніемъ?

Совершенно вѣрно! Намъ даже извѣстно, что нѣкоторые провинціальныя семинаріи держатся этого же правила. Въ одной изъ такихъ—что мы знаемъ изъ частнаго письма,—запрещено воспитанникамъ не только писать что нибудь для газетъ, но и посѣщать публичную библіотеку.

Коснувшись той узкой замкнутости провинціальной жизни, которая такъ равнодушна ко всѣмъ явленіямъ искуства, науки и литературы, я припомнилъ теперь одинъ печальный случай... Не такъ давно, случилось мнѣ быть проѣздомъ въ городѣ С. Ходя по городу, я отправился въ новый городской соборъ. Разсматривая образа иконостаса, я зашелъ наконецъ въ алтарь; первое, что меня поразило тамъ — это запрестольный образъ въ громадную величину снятіе со креста Спасителя. То была не копія съ какой нибудь знаменитой, классической картины, а оригинальное, самобытное произведеніе неизвѣстнаго художника, произведеніе въ высшей степени замѣчательное. Долго простоялъ я передъ прекраснымъ образомъ, исполненнымъ съ такой строгой простотой, безъ тѣхъ избитыхъ замашекъ, которыми такъ отличаются рутинеры-художники, думающіе выиграть однимъ только эфектомъ въ своихъ картинахъ.

Желая поскорѣе узнать имя творца этого образа, я обратился съ вопросомъ о немъ къ нѣкоторымъ господамъ, бывшимъ въ церкви,—но не могъ добиться отъ нихъ никакого толку; наконецъ, только вечеромъ я узналъ довольно грустную исторію этого бѣднаго художника и его картины. Его нѣтъ уже въ живыхъ и его забытое имя, я думаю, теперь очень не многимъ извѣстно. Фамилія академика—Лавровъ. Бѣдный труженикъ, работавшій часто не для одного искуства, а изъ за куска хлѣба, онъ, заброшенный случаемъ въ провинцію, принужденъ былъ жить самымъ скуднымъ образомъ. Получивъ заказъ для собора, куда ему нужно было написать запрестоль-

ный образъ—снятіе со креста,—Лавровъ съ восторгомъ, съ дѣтскою радостью художника принялся за работу. По условію, сдѣланному имъ съ архитекторомъ, онъ долженъ былъ получить за образъ 6000 р. с. И вотъ нѣсколько лѣтъ проработалъ надъ нимъ больной, уже сѣдой академикъ, въ самой горькой нуждѣ и бѣдности.

И кипитъ, поспѣваетъ работа,
И болитъ, надрывается грудь...

И вотъ готова наконецъ картина, плодъ многихъ безсонныхъ ночей и вдохновенія, вотъ собрались «строгіе цѣнители и судьи» и рѣшили, что образъ вышелъ не дуренъ, но что за него больше 2,000 р. дать нельзя, а между тѣмъ онъ стоилъ гораздо дороже самому художнику, который нѣсколько лѣтъ не отрывался отъ полотна громадной картины. Такая недобросовѣстность и подъяческая ложь такъ сильно подѣйствовали на Лаврова, что онъ слегъ въ постель и вскорѣ умеръ, завѣщая образъ *даромъ* въ соборную церковь. У бѣдняка не было никакой семьи, и потому деньги остались незаплаченными.

Вечеромъ того же дня, когда мнѣ передали исторію Лаврова, я отправился въ городской нѣмецкій клубъ. Когда я пришелъ, народу было уже много; всѣ столпились вокругъ круглаго стола, гдѣ сидѣли нѣсколько игроковъ въ *стуколку* (мѣстная игра). Всѣхъ интересовалъ огромный проигрышъ одного толстаго барина, за которымъ было уже записано 1,500 р. с. Онъ игралъ судорожно, блѣднѣя и краснѣя попеременно, но стараясь улыбаться.

Посмотрѣвъ на игроковъ, я отправился въ библіотеку, гдѣ не нашелъ ни одного новаго журнала, а только нѣсколько засаленныхъ старыхъ газетъ. Въ библіотекѣ я засталъ большую группу собравшихся членовъ клуба.

— Знали-ли вы здѣсь въ городѣ академика Лаврова? спросилъ я одного сѣдаго совѣтника, съ разсѣченной губой и съ остротами, надъ которыми онъ одинъ только и смѣялся.

— Зналъ, а что? сумасшедшій былъ старикъ, и скряга, говорятъ: умеръ отъ жадности къ деньгамъ.... и разсѣченныя губы, Богъ знаетъ отчего, залились хохотомъ.

Мнѣ сдѣлалось досадно; я повернулся и ушелъ.

Вотъ въ этихъ-то губернскихъ захолустьяхъ и воспитывается то

варварское геройство нашихъ Марсовъ, всегда готовыхъ кого угодно *подрѣзать*...

Впрочемъ,—надо правду сказать—не въ одной провинціи дѣлеются такія дѣла; въ нихъ подвизаются и люди —

«Обращенія столичнаго».

Это хотя рѣже, а случается. Недавно въ одну изъ московскихъ воскресныхъ школъ съ двумя ливрейными лакеями сзади и съ стаей мосекъ впереди (видно что Москва) явились съ шумомъ три барыни. Постоявъ нѣсколько минутъ, одна изъ дамъ, безцеремонно прервавъ преподаваніе, озадачила учителя такимъ вопросомъ:

— Эти дѣвушки *не простыя?* (Дама сказала каламбуръ совершенно невинно).

— Онѣ не дворянки, сказалъ учитель.

— Зачѣмъ же вы съ ними говорите на *вы?*

И дамы ушли, замѣтно недовольныя такой *безнравственностью*.

Не удивляйтесь этому? Въ Москвѣ не однѣ барыни, сопровождаемыя всюду ливрейными гайдуками, протестуютъ противъ этого *вы*; въ Москвѣ даже нашелся одинъ фельетонистъ, который тоже, да еще печатно вооружился противъ этой грамматической вѣжливости въ школахъ. Припомнимъ сему свирѣпому лѣтописцу восклицаніе съ другаго берега, восклицаніе, вызванное его дикой выходкой: Эй *ты*, фельетонистъ! Стыдно *тебѣ*, любезный, уймись!

Теперь вернемся и на Неву и заглянемъ въ одно частное женское учебное заведеніе, гдѣ дѣвицы получаютъ *высшее* образованіе. Начальница заведенія дама важная, дама-тузъ въ женскомъ мірѣ. Какъ-то недавно является она въ классъ, гдѣ шла лекція русской словесности. Начальница начала прислушиваться къ рѣчамъ наставника, де-скать прилично-ли дѣвицамъ о литературѣ говорить. Вдругъ она выразила свое неудовольствіе преподавателю, который говорилъ между прочимъ, что «міръ постоянно стремится къ идеалу, къ совершенству...» Это начальницу совершенно озадачило.

— Это, говоритъ, не справедливо... Міръ не къ совершенству идетъ, а къ паденію. Люди табакъ курятъ, о гласности проповѣдуютъ, женщину наравнѣ съ мужчиной ставятъ. Какое-тутъ совершенство!..

Въ другой разъ приходитъ начальница въ классъ географіи. Уче-

ницы отвѣчали бойко и хорошо, но важной начальницѣ хвалить не прилично, нужно замѣчаніе какое нибудь сдѣлать. Ну и сдѣлала....

— Все это хорошо, говоритъ она, обращаясь къ наставнику:— только онѣ у васъ орфографію плохо знаютъ. (Почтенная дама смѣшала слова: географія и орѳографія).

Преподаватель былъ пораженъ замѣчаніемъ. У меня, говоритъ онъ, классъ географіи, а не русской грамматики.

Но важная начальница все еще не поняла въ чемъ дѣло.....

— Вотъ вы ихъ читать поучите, продолжала она: пишутъ онѣ дурно...

Преподаватель едва могъ убѣдить ее, что въ классѣ географіи правописаніемъ не занимаются.

Но эта почтенная начальница покажется вамъ сейчасъ чуть не совершенствомъ, передъ нѣкоторыми другими начальницами частныхъ учебныхъ заведеній; вы придете непремѣнно въ ужасъ отъ ихъ страшной убійственной системы воспитанія.

Такъ въ одномъ изъ такихъ заведеній помощникъ, правая рука начальника, постановилъ правиломъ каждому воспитаннику, который донесетъ на товарища, выдавать для поощренія *по четвертаку*!!! Едва-ли можно отыскать фактъ отвратительнѣе этого! «Теперь, пишетъ корреспондентъ,—мальчики, которымъ захочется калача или сбитню, идутъ къ благодѣтельному помощнику начальника и говорятъ ему, что вотъ тутъ-то воспитанники собираются и читаютъ книжки (свѣтскія), тутъ-то хотятъ устроить домашній спектакль,—четвертакъ полученъ и дѣти довольны, и отецъ-начальникъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ искорененію или наказанію зла. Недавно съ начальникомъ—благотворителемъ стряслась по этому поводу препепріятная исторія. Одинъ изъ маленькихъ доносчиковъ, непонимающій конечно всей гнусности своего ремесла, проговорился про него роднымъ своимъ—дядѣ и теткѣ. Родные были знакомы съ начальникомъ, отправились къ нему, наговорили ему много вещей не очень любезныхъ, назвали прямо развратителемъ дѣтей, ввѣренныхъ его попеченію и въ заключеніе плюнули въ глаза..

Чтожъ онъ? Ничего—вытерся и глазомъ не мигнулъ. Вотъ такъ христіанское смиреніе...

Главный же начальникъ этого заведенія, гдѣ дѣти съ самаго ранняго возраста систематически развращаются, держитъ себя осторожно. Въ обществѣ, гдѣ нужно, онъ прикинется либеральнымъ, современнымъ

человѣкомъ и всѣхъ отставныхъ своихъ собратій бранитъ съ благороднымъ негодованіемъ.

Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ, —
Глаза въ крови, лице горитъ,

и онъ всѣхъ готовъ прослезить своимъ краснорѣчіемъ. Но это только на сценѣ,—когда же выходитъ за кулисы, когда онъ дома или въ средѣ своихъ несчастныхъ воспитанниковъ, тутъ онъ тянетъ такую пѣсню:

Этихъ *молодыхъ прогрессистовъ*—говоритъ онъ,—надобно повыгнать, да съ ними повыгнать и учениковъ, которыхъ они заразили своими идеями. Это еще не достоинство, что ученики ихъ любятъ и слушаютъ. Ученики любятъ и слушаютъ ихъ только потому, что тѣ не ругаютъ ихъ, ухаживаютъ за ними, какъ за братьями и не внушаютъ имъ страха. А что они ученикамъ проповѣдуютъ?—Какой выйдетъ толкъ изъ человѣка, который начитается Пушкина, Лермонтова и—прости, Господи!—Бѣлинскаго! Отъ такихъ плевелъ надобно непремѣнно очистить заведеніе.

Поэтому всѣмъ молодымъ наставникамъ сего заведенія начальство дѣлаетъ всѣ возможныя гадости и оскорбленія. Напр. нѣкоторые изъ нихъ выразили свое неудовольствіе помощнику, покровителю шпіонства, за то, что онъ во время классныхъ занятій ставилъ учениковъ на колѣни то у столовъ, то у дверей, то у каѳедры. Понятно, что это мѣшало.

Помощникъ донесъ объ этомъ *главному*.

— Фанаберіи—произнесъ главный: наставникамъ нѣтъ дѣла до тѣхъ позъ, въ которыхъ находятся ученики въ ихъ классахъ.»

Съ этихъ поръ, во время лекцій молодыхъ преподавателей ученики уже нарочно ставились на колѣни; придраться такимъ звѣроподобнымъ людямъ вѣдь всегда можно.

Въ другомъ такомъ же заведеніи, по случаю поощряемаго шпіонства разыгралась слѣдующая исторія. Одинъ изъ учениковъ, любимый доносчикъ начальника—своимъ наговоромъ надѣлалъ много непріятностей товарищамъ. Тѣ терпѣли, терпѣли, и воспитанные въ правилахъ дикаго самоуправства и произвола, приняли свои мѣры—взяли и наказали сами, и очень больно—своего измѣнника-товарища. Начальство

какъ-то узнало объ этой расправѣ. Учениковъ собрали въ залъ, куда явился начальникъ заведенія, со своею свитой. Письмоводитель взошелъ на каѳедру и прочелъ изложеніе всего дѣла. Когда онъ кончилъ, то начальникъ заведенія, обращаясь къ виновнымъ, сказалъ:

— По добротѣ своей и снисходительности, ваше начальство *смягчило* наказаніе, назначенное за вашъ проступокъ и положило: четырехъ главныхъ зачинщиковъ и 15 заговорщиковъ положено высѣчь, если они не захотятъ исключиться изъ заведенія;—первыхъ публично въ залѣ, а остальныхъ въ правленіи; менѣе виновныхъ продержать нѣсколько дней въ карцерѣ.»

Изъ пятнадцати человѣкъ нашлось только четверо, которые тутъ же сказали, что они выходятъ изъ заведенія.... Остальныя *дѣти*, которыя уже брили бороду, позволили себя высѣчь. Хорошо тоже!...

Но все это понятно, когда представишь себѣ эту страшную сферу растлѣвающаго воспитанія, повальнаго шпіонства, палочной расправы и дикаго невѣжества. Какъ не загрязниться, не развратиться въ этомъ омутѣ, гдѣ воспитываютъ на обманѣ, на розгахъ, на насиліи...

Теперь еще два подвига—и мы пристанемъ къ берегу. Вините меня за то, что вмѣсто того, чтобъ говорить о прекрасныхъ качествахъ моихъ соотечественниковъ, я принужденъ толковать объ ихъ несовершенствахъ. Нѣтъ, не вѣрьте той пословицѣ, которая говоритъ, что худой миръ лучше добрый ссоры. Это не всегда и не вездѣ правда....

И такъ, въ заключеніе прошу прослушать сказанія о двухъ городничихъ, которые вѣроятно оба сошли съ ученической скамейки той школы, гдѣ всѣ вопросы рѣшаетъ кулакъ и розга. Береза съ своими зелеными прутьями—есть древо познанія добра и зла русской жизни... Недавно въ одномъ городѣ случился пожаръ. Изъ 60 человѣкъ пожарныхъ солдатъ, числящихся по списку, явилось для потушенія огня только около 25 человѣкъ. Пожарныхъ лошадей не оказалось на пожарѣ и половины!... Кто же осмѣлится замѣтить объ этомъ безпорядкѣ городничему! Но нашелся такой дерзкій смертный, который впрочемъ прямо не сдѣлалъ замѣчанія, а пошелъ стороной. Нѣкто, купецъ 2 гильдіи Н. Г. Р., бывшій на пожарѣ, завелъ рѣчь съ квартальнымъ—*кумомъ* своимъ и спросилъ стороной: «Куда дѣва-

лись пожарные солдаты и лошади?..» Какъ но было это сказано тихо, но ухо городничаго еще со школьной скамьи привыкшее все слушать (вѣрно тоже четвертаки получалъ,) услышало. Это для него было хуже самаго пожара. Онъ тотчасъ же велѣлъ квартальному подать просьбу или рапортъ о томъ, что ему, во время исполненія служебныхъ обязанностей купецъ Р. нанесъ оскорбленіе, тяжкую обиду....

— Помилуйте, говорилъ квартальный:—купецъ Р. говорилъ со мной только *дружески*, какъ съ кумомъ и никакой обиды не *причинилъ*....

— Молчать! крикнулъ городничій:—да я васъ суду предамъ за ослушаніе начальству,» и затѣмъ отправилъ его подъ арестъ на трое сутокъ!!.. Городничій, какъ прогрессистъ, видите-ли, никакого кумовства не долюбливалъ...

— Все служба на умѣ, mon cher!..

А вотъ другой градоначальникъ еще дальше его пошелъ,—совершенно провинціальный Вергеймъ... Въ г. Т-ни случился тоже пожаръ — и пожарная команда дѣйствовала совсѣмъ неумѣстно.... Купецъ К. (котораго домъ былъ по близости), плача, умолялъ команду принять *усиленныя мѣры*. Команда купца разругала на чемъ свѣтъ стоитъ.

Когда купецъ принесъ на это жалобу городничему, то этотъ дѣйствительно принялъ усиленныя мѣры: всенародно далъ обиженному плюху!... и еще грозилъ посадить его подъ арестъ.

Что было дѣлать купцу? Хотѣлъ онъ подать жалобу *выше*, но люди практическіе увѣрили его, что съ его высокоблагородіемъ «ничего не подѣлаешь,» ибо «обстановка у него очень прочная...»

Такимъ образомъ вмѣстѣ съ пожаромъ и дѣло это потухло, а купцу остается только пѣть стихи Жуковскаго:

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Но—довольно... Чтобъ кончить свои замѣтки болѣе успокоительно и не оставить тяжелаго впечатлѣнія на читателю, я завершу свои замѣтки гимномъ, настроивъ свою лиру на тихій, умиляющій ладъ, пою, обращаясь къ нашей юной гласности.

Я, гласность юная, нынѣ съ волненіемъ
Предъ твоимъ призракомъ, жрецъ твой почтительный
Не съ нареканіемъ иль озлобленіемъ,
Позабывая протестъ обличительный,

—

Но съ увлеченьемъ, какъ слѣдуетъ мистику,
Павъ предъ тобой въ мигъ сознанія яснаго,
Я поручить хочу всю журналистику
Гласной заступницѣ міра безгласнаго.

—

Съ сердцемъ незлобнымъ, съ невольнымъ рыданіемъ
Я умоляю,—то кстати, не кстати-ли —
Дай процвѣсти всѣмъ россійскимъ изданіямъ,
Чтобъ тебя славили хоромъ издатели.

—

Пусть къ удивленью новѣйшаго племени,
Съ тонкимъ анализомъ, съ тонкой политикой,
Вѣрно оцѣнитъ редакція «Времени»
«Произведенья, забытыя критикой,»

—

Дай Гымалэ, всѣхъ скандаловъ ревнителю,
Юморъ въ газетѣ дать каждому номеру;
Свѣточу—партій и кастъ примирителю —
Факелъ зажги для хожденія по міру.

—

Всѣмъ предпріятьямъ Андрея Краевскаго
Пусть улыбнется съ участіемъ родина,
И да не слышимъ проклятья мы рѣзкаго
Рядомъ съ Громекою старца Погодина,

—

Пусть обличенья охвачены норовомъ,
Выстроивъ бѣднымъ квартиры и зданія,
Мы, отдохнувъ отъ войны съ Виногоровымъ,
Къ новымъ походамъ готовимъ изданія.

—

Стихъ розенгеймовскій съ прозою Ротчева
Пусть удивляютъ за кассой наборщиковъ,
Кротость вложи въ сердце юнаго зодчаго,
Чтобъ не пугалъ онъ столичныхъ извощиковъ,

—

Лишь Аскоченскаго думу злочерную
Съ думою «Странника,» въ мірѣ безроднаго —
Я схоронить прошу жрицу *поморную*
Въ темномъ забвеніи міра холоднаго.

Оставляю лиру—и раскланиваюсь. Что же касается до Петербурга и его мѣстныхъ удовольствій, до дачной жизни съ музыкальными вечерами и Яхтъ-Клуба съ морскими прогулками, то въ слѣдующемъ мѣсяцѣ я обѣщаюсь написать

И напишу на эту тему
Для васъ особую поэму,

въ стихахъ и прозѣ, а пока—до свиданья!

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 29.

(Май 1861 года).

Нѣсколько словъ объ игрѣ въ простыя шашки. — Извлеченіе изъ одного о ней сочиненія.—Воспоминанія А. Д. Петрова.—Партія Макъ-Доннеля съ Эвансомъ.— Руководство къ изученію шахматной игры, соч. кн. С. Урусова (статья 14-я).— Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Нѣтъ ни одной игры, которая имѣла бы такъ много сходства съ шахматною, какъ игра въ простыя шашки. Здѣсь, какъ и въ шахматахъ, ничего не представляется случаю, все зависитъ отъ соображенія, и, къ довершенію сходства, обѣ игры требуютъ соображеній совершенно однородныхъ. Въ карточныхъ коммерческихъ играхъ главное искусство состоитъ въ умѣньи угадывать, по возможно малому числу ходовъ, карты противника и располагать дѣйствія свои на основаніи этихъ гадательныхъ предположеній. Въ шахматахъ нѣтъ надобности угадывать силы противника и расположеніе игры: то и другое передъ глазами; здѣсь все вниманіе игрока обращено къ тому, чтобы, какъ говоритъ г. Янишъ, предъ совершеніемъ каждаго хода «мысленно «анализировать возможныя отраженія противника или, лучше сказать, цѣлые ряды ходовъ, какіе они могутъ вызывать съ обѣихъ «сторонъ». Совершенно того же требуетъ и игра въ простыя шаш-

ки; разница только въ томъ, что комбинацiи ея не такъ сложны и разнообразны, какъ въ шахматахъ. Однимъ словомъ, шахматная игра труднѣе и замысловатѣе; потому-то она и обращаетъ на себя преимущественное вниманiе любителей игоръ соображенiя и уже издавна разработывается теоретически, тогда какъ игра въ простыя шашки развивалась почти исключительно путемъ практики. О ней писано весьма немного; одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сочиненiй по этому предмету принадлежитъ сильнѣйшему шахматному игроку Россiи А. Д. Петрову. Оно появилось въ 1827 году подъ заглавiемъ: «*Руководство къ основательному познанiю шашечной игры или искусство обыгрывать всѣхъ въ простыя шашки*», съ эпиграфомъ: *Honny soit qui mal y pense*. Хотя книга издана безъ имени автора, но оно не могло остаться неизвѣстнымъ для любителей: основательность сужденiй объ игрѣ вообще, остроумiе замѣчанiй о разныхъ ходахъ, точность анализовъ, дѣлаютъ всякое сомнѣнiе невозможнымъ. Къ тому же планъ сочиненiя и самый слогъ, весьма своеобразный, слишкомъ напоминаютъ сочиненiе г. Петрова о шахматахъ, вышедшее тремя годами ранѣе.

Книга заключаетъ, кромѣ объясненiя элементарныхъ правилъ шашечной игры и общихъ о ней наставленiй, нѣсколько примѣрныхъ партiй съ критической оцѣнкой важнѣйшихъ ходовъ; разборъ нѣкоторыхъ окончанiй, часто и, такъ сказать, необходимо встрѣчающихся въ этой игрѣ, двѣнадцать чрезвычайно замысловатыхъ проблемъ и, наконецъ, небольшой трактатъ объ игрѣ въ поддавки (qui perd gagne).

Чтобы ближе ознакомить любителей съ сочиненiемъ г. Петрова, позволяемъ себѣ привести здѣсь одну изъ его примѣрныхъ партiй, одно окончанiе и три задачи. Извлеченiе сдѣлано буквально, съ тѣмъ только отступленiемъ, что принятая авторомъ нотацiя ходовъ и положенiй переведена нами на общеупотребительную въ шахматной игрѣ. Способъ г. Петрова состоитъ въ означенiи клѣтокъ не сочетанiемъ буквъ и цифръ, а одними лишь цифрами, при чемъ бѣлыя клѣтки, по которымъ, какъ извѣстно, шашки не ходятъ, вовсе не принимаются во вниманiе; счетъ начинается съ клѣтки b8 и идетъ по горизонтальнымъ линiямъ отъ лѣвой руки къ правой, такъ что,

напримѣръ, полю h8 соотвѣтствуетъ цифра 4, послѣдняя же цифра (32) приходится на клѣтку g1. Можетъ быть эта система имѣетъ преимущество для игры въ простыя шашки, но она мало извѣстна любителямъ.

ПРИМѢРНАЯ ИГРА.

	Бѣлые.	Черные.			
1)	g3 — h4 (a)	b6 — a5	19)	c5 — d6	h6 — g5
2)	f2 — g3	c7 — b6	20)	d6 — c7	d8 — b6°
3)	e3 — f4	f6 — g5	21)	a5 — c7°	g5 — h4
4)	h4 — f6°	e7 — e3°	22)	c7 — b8 D.	h4 — f2°
5)	d2 — f4°	g7 — f6	23)	h2 — g3 (h)	f2 — h4°
6)	g3 — h4 (b)	f8 — e7	24)	b8 — h2	c1 — e3
7)	h2 — g3 (c)	b6 — c5	25)	h2 — e5	e3 — a7
8)	g1 — h2	c5 — b4	26)	e5 — b8	a7 — g1
9)	a3 — c5°	d6 — d2°	27)	b8 — h2	g1 — d4
10)	c1 — e3° (d)	a7 — b6 (e)	28)	h2 — d6	d4 — f6
11)	b2 — c3	b6 — c5	29)	d6 — f4	f6 — d4
12)	a1 — b2	b8 — c7	30)	f4 — d6 (i)	h8 — g7
13)	b2 — a3	c7 — d6 (f)	31)	d6 — f4	g7 — f6
14)	e1 — d2 (g)	a5 — b4	32)	f4 — d6	d4 — a7
15)	c3 — a5°	c5 — d4	33)	d6 — b8	f6 — g5
16)	d3 — c5°	d6 — b4°	34)	b8 — e5	a7 — b8
17)	a3 — c5°	f6 — g5	35)	e5 — a1 (к)	ничья.
18)	h4 — f6°	e7 — c1° D.			

(a) Играть такъ или иначе зависитъ совершенно отъ произвола каждаго, и нельзя утвердительно сказать какой ходъ лучше въ началѣ игры. Нѣкоторые стараются помѣщать шашки свои на боковыхъ мѣстахъ, или, что называется, ходить по уголкамъ; другіе напротивъ, считаютъ за лучшее ставить ихъ по срединѣ доски. Выгода и невыгода какъ сего такъ и другаго способа состоитъ въ томъ, что шашки, помѣщенныя на крайнихъ мѣстахъ, не такъ скоро могутъ быть разбиты, за то меньше имѣютъ ходовъ и скорѣе могутъ быть стѣснены; шашки же, помѣщенныя по срединѣ,

хотя и болѣе имѣютъ ходовъ, но подвержены большей опасности быть разбитыми. Однако-жъ, по мнѣнію моему, гораздо лучше ставить ихъ по срединѣ потому, что этимъ можно стѣснять игру противника.

(b) Этотъ ходъ не такъ хорошъ—лучшій былъ мѣняться: f4—e5.

(c) Если черный отдастъ шашку f6 на g5 и возьметъ двухъ, тогда бѣлый также возьметъ двухъ, отдавши c3 на b4.

(d) Если бѣлый возьметъ шашкою e1 на c3, то проиграетъ, см. *перемѣну*.

(e) Черный не хорошо бы сдѣлалъ, если бы ступилъ a5 — b4, тогда б. b2 — a3, и ему нельзя ступить на c3 потому, что тогда бы бѣлый ступилъ e3 — d4.

(f) Весьма выгодно имѣть шашки въ такомъ положеніи, какъ у чернаго: d8, e7, f6 и c5, d6, e7.

(g) Нѣтъ другаго хода. Если c3 — d4, тогда черный c5 — b4, помѣняется и долженъ выиграть.

(h) Еслибъ бѣлый пропустилъ шашку сію въ доведи, то могъ проиграть. (Способъ выигрывать въ подобномъ положеніи показанъ въ окончаніяхъ игоръ).

(i) Играя такимъ образомъ, бѣлый не пропуститъ черныхъ въ доведь, или займетъ большую линію.

(к) Черный проведетъ шашки свои въ дамки, но три доведи не могутъ поймать когда противная на большой линіи. — Игра ничья.

ПЕРЕМѢНА.

На 10-й ходъ бѣлаго.

Чтобы избѣжать повтореній первыхъ десяти ходовъ, надлежитъ шашки разставить слѣдующимъ образомъ:

Черныя: b8, d8, h8, a7, e7, f6, h6, a5, d2.

Бѣлыя: f4, h4, g3, h2, b2, a1, c1, e1.

	Бѣлые.	Черные.
10)	e1 — c3°	a5 — b4
11)	c3 — a5°	f6 — g5
12)	h4 — f6°	e7 — d3° (l)

13)	b2 — c3	a7 — b6
14)	a5 — c7°	b8 — d6°
15)	c3 — b4	d8 — c7
16)	a1 — b2	h8 — g7
17)	b2 — a3	g7 — f6
18)	b4 — c5	d6 — b4°
19)	a3 — c5°	h6 — g5
20)	c5 — d6 (m.)	c7 — e5°
21)	g3 — f4	e5 — g3°
22)	h2 — d2°	g5 — f4
23)	d2 — c3	f4 — d3
24)	c3 — b4	d3 — f2
25)	b4 — c5	f2 — g1 **D**
26)	c5 — d6 **D**	g1 — h2 и выигрываетъ.

(l) Черный отъ такого положенія шашки своей d3 долженъ выиграть; ибо она препятствуетъ ходамъ трехъ противныхъ: c1, g3 и h2.

(m) Если вмѣсто сего бѣлый ступитъ g3 — f4, тогда черный e3 — f2, потомъ на e1 **D** и выиграетъ.

ТРИ ДОВЕДИ ПРОТИВЪ ОДНОЙ.

Когда въ концѣ игры у одного игрока останется *одна* доведь на большой линіи, а у другаго *три* доведи, тогда тремя доведями нельзя поймать.

Напримѣръ:

Положеніе шашекъ.

Черная доведь на h8.
Бѣлыя на c1, e1, g1.

	Бѣлый	Черный.
1)	c1 — e3	h8 — g7
2)	e1 — g3	g7 — a1
3)	g3 — f4	a1 — b2
4)	g1 — h2	b2 — h8

Бѣлые не имѣютъ возможность выиграть. Игра ничья.

Но если большая линія занята *тремя* доведями, то можно поймать.

Многіе игроки до сихъ поръ полагаютъ, что съ тремя нельзя выиграть, а если и случается выигрывать, то большею частію отъ ошибки того игрока, у котораго одна доведь, и что при внимательномъ соображеніи каждаго хода противника можно избѣжать проигрыша. Но сіе совершенно несправедливо. Напротивъ, я утверждаю (какъ изъ представленныхъ примѣровъ можно видѣть), что какой бы игрокъ ни былъ въ 12 ходовъ и менѣе, позволяя ему перемѣнять ходы, *принужденъ* будетъ проиграть не отъ нечаянной ошибки, но единственно отъ невозможности избѣжать проигрыша.

Для сего надлежитъ наблюдать слѣдующее правило:

Во-первыхъ, должно, оставя одну доведь на большой линіи, двумя другими занять двѣ среднія линія: a7—g1 и b8—h2, и поставить ихъ на клѣтки e3 и f4; потомъ доведью, которая осталась на большой линіи, ступить на клѣтку c3 или f6; черезъ это противная доведь принуждена будетъ сойти съ линіи f8—a3 и ступить на боковую клѣтку, откуда будетъ имѣть однѣ только крайнія линіи: a5—d8—h4—e1—a5; тогда которою нибудь изъ двухъ шашекъ, стоящихъ на среднихъ линіяхъ e3 и f4, ступить на линію f8—a3 и сдѣлать изъ трехъ доведей *трехъ-угольникъ* такимъ образомъ, чтобы доведь, составляющая острый уголъ трехъугольника, была въ головахъ противной доведи;—тогда съ трехъ ходовъ пойманъ.

Для лучшаго объясненія слѣдуютъ примѣры:

ПЕРВЫЙ ПРИМѢРЪ.

Положеніе шашекъ:

Бѣлыя доведи на a1, c1, e1.
Черная доведь на f8.

Бѣлый.	Черный.
1) c1 — f4	f8 — c5
2) e1 — g3 (a)	c5 — b6
3) g3 — h2	b6 — g1
4) a1 — h8	g1 — c5

5) h2 — g1 c5 — b4 (b)
6) g1 — e3 (c) b4 — e7
7) h8 — c3 (d) e7 — d8
8) f4 — d6 (e) d8 — h4 (f)
9) c3 — e1 h4 — f6
10) e3 — g5 f6 — h4°
11) d6 — g3 h4 — f2°
12) e1 — h4° проигралъ.

(a) Чтобы поставить ее на кл. e3.

(b) Когда нѣтъ возможности удержать средней линіи, черный старается занять линію a3 — f8.

(c) Бѣлый достигъ намѣренія своего занять двѣ среднія линіи и поставить доведи на клѣткахъ f4 и e3; теперь онъ долженъ стараться вытѣснить противную доведь съ линіи a3—f8 и запереть ее въ крайнихъ линіяхъ, въ чемъ можетъ успѣть, играя слѣдующимъ образомъ: см. продолженіе.

(d) Симъ ходомъ бѣлый принуждаетъ чернаго сойти съ линіи a3—f8 и ступить на крайнюю, ибо если онъ ступитъ на a3 или на f8, тогда бѣлый отдастъ доведь c3 на b2 или g7, и въ слѣдующій ходъ возьметъ.

(e) Бѣлый занимаетъ шашками всѣ среднія линіи, дѣлая изъ нихъ подобіе треугольника, и оставляетъ черному только крайнія линіи. Въ семъ положеніи съ четырехъ ходовъ черный пойманъ. А если бы черный, вмѣсто хода e7—d8, ступилъ e7—h4, тогда бѣлый e3—c5 дѣлаетъ треугольникъ и также поймаетъ его. (*Примѣчаніе*). Трехъугольникъ надобно дѣлать такимъ образомъ, чтобы одна доведь стояла въ головахъ противной доведи.

(f) Или на a5, тогда бѣлый c3—e1, потомъ отдаетъ e3—b6, d6—b4 и возьметъ доведь.

ДРУГОЙ ПРИМѢРЪ.

Положеніе такое же.

Бѣлый.	Черный.
1) c1 — f4	f8 — c5
2) e1 — g3	c5 — b6

3)	g3 — h2	b6 — g1
4)	a1 — h8	g1 — c5
5)	h2 — g1	c5 — e7
6)	g1 — e3	e7 — h4
7)	f4 — d6 (g)	h4 — e1 (h)
8)	h8 — f6	e1 — a5
9)	f6 — d8	a5 — c3
10)	d6 — b4	c3 — a5°
11)	e3 — b6	a5 — c7°
12)	d8 — a5° проигралъ.	

(g) Бѣлый занимаетъ линiю a3—f8, оставляетъ черному однѣ крайнiя линiи и куда бы онъ ни ступилъ, въ слѣдующiй ходъ, доведью h8 дѣлаетъ треугольникъ. Надлежитъ замѣтить, что бѣлый не хорошо бы сдѣлалъ, если бы доведью e3 занялъ линiю a3—f8, ступивши на c5, потому что тогда въ слѣдующiй ходъ не могъ бы сдѣлать треугольника такимъ образомъ, чтобъ одна доведь стояла въ головахъ противной—и два хода были бы потеряны.

(h) Или на d8 тогда бѣлый h8—c3.

Сихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобъ научиться ловить тремя доведями.

ПРОБЛЕМЫ.

Положенiе шашекъ.

Черныя. **D** d4, шашка a5.

Бѣлыя: простыя шашки: a3, a1, c1, e1.

Бѣлый выиграетъ и запретъ доведь.

Положенiе шашекъ.

Черныя: **D** d4, шашка d8.

Бѣлыя: **D** h6 шашки d6, b4, d2, c1. Бѣлый запираетъ доведь и шашку.

Положенiе шашекъ.

Черныя: **D** d8, **D** e7, **D** d6 шашки: f8, h8, g7, h6.

Бѣлыя шашки: a5, a3, c1, e1, g1, h2, h4.

Бѣлый выиграетъ.

Шашечная игра въ томъ видѣ какъ она играется у насъ въ Россіи, т. е. съ доскою въ шестдесятъ четыре клѣтки и двадцатью четырьмя шашками (по двѣнадцати съ каждой стороны), извѣстна въ Западной Европѣ подъ именемъ *польскихъ шашекъ*. Во Франціи преобладаетъ игра на доскѣ въ сто клѣтокъ. Надо полагать, что она изобрѣтена въ концѣ минувшаго вѣка одновременно съ принятіемъ общей системы десятичныхъ мѣръ. Такое предположеніе подтверждается между прочимъ тѣмъ, что Филидоръ, охотно и хорошо игравшій въ шашки, особенно въ послѣднее время своей жизни игралъ лишь въ *польскія шашки*, тогда какъ если бы ему была извѣстна игра французская, то онъ конечно не оставилъ бы ее безъ вниманія и даже вѣроятно отдалъ бы ей предпочтеніе, какъ болѣе сложной и замысловатой. Есть еще такъ называемыя *нѣмецкія шашки*, отличающіяся какой то особенностью относительно доведей (дамокъ); въ чемъ именно заключается эта особенность я не знаю. Вообще всѣ эти видоизмѣненія игры почти вовсе не извѣстны въ Россіи; за то обыкновенныя шашки въ большомъ ходу, и можно смѣло утверждать, что нигдѣ игра эта не доведена до такого совершенства, какъ въ нашемъ отечествѣ.

Помѣщаемая здѣсь статья А. Д. Петрова сообщитъ любителямъ нѣсколько свѣдѣній объ одномъ изъ сильнѣйшихъ шашечныхъ игроковъ Россіи.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ простыя шашки: въ крѣпкую и въ поддавки, я играю довольно хорошо; но встрѣчалъ игроковъ сильнѣе меня. Я мало обращалъ вниманія на эту игру; игралъ болѣе въ шахматы.

Изъ игроковъ въ простыя шашки сильнѣе всѣхъ былъ Андрей Петровичъ Поповъ. Познакомился я съ нимъ въ тридцатыхъ годахъ. Наружность его была очень примѣчательна. Полный, здоровый мущина, съ большою головою, умною физіономіею, лѣтъ сорока пяти;— молчаливый. Игралъ съ нимъ всегда въ крѣпкую. Сначала онъ побивалъ меня немилосердно. Изъ 10-ти игоръ едва удавалось мнѣ выигрывать одну. Какъ ни старался я играть внимательно, какъ ни обдумывалъ ходы, но ничто не помогало. Всѣ мои расчеты были

ни къ чему. Послѣ пяти, шести ходовъ, бывало, скажетъ: «Ну, ужъ вы теперь проиграете: недостанетъ ходовъ». И дѣйствительно, игра кончалась тѣмъ, что какъ бы я ни мѣнялся, все мнѣ недоставало ходовъ и приходилось отдавать шашку или двѣ.

Поигравши съ нимъ мѣсяца два, я достигъ наконецъ до того, что изъ 3-хъ игоръ выигрывалъ одну, а проигрывалъ двѣ, не считая ничьихъ.

Онъ игралъ и въ шахматы, но слабо. — Я могъ давать ладью впередъ.

Странно казалось, что играя въ шахматы лучше его, я проигрывалъ ему въ простыя шашки, когда расчетъ въ сихъ послѣднихъ проще и нѣтъ такихъ комбинацій какъ въ шахматахъ. Но простыя шашки имѣютъ свои тонкости, недоступныя и шахматнымъ игрокамъ.

Бывало, сообразишь всѣ послѣдствія сдѣланнаго хода и думаешь, что хорошо пошелъ, а смотришь, — Андрей Петровичъ поставитъ такую двойную ловушку, что по неволѣ попадешь въ одну изъ нихъ.

Удивительно какъ онъ хорошо игралъ; и довольно бѣгло. Онъ говорилъ мнѣ, что находилъ игроковъ равныхъ себѣ, но никто его не обыгрывалъ.

Играя въ простыя шашки, я придерживался того же правила какъ въ шахматахъ: укрѣпляться въ центрѣ. А онъ оставитъ мнѣ центръ, пойдетъ по уголкамъ, — поддастъ двѣ, три шашки, а возьметъ четырехъ, или пройдетъ скорѣе въ доведи. По уголкамъ игра крѣпка; не скоро разобьешь.

Пробовалъ и я ходить по уголкамъ, — но онъ запиралъ меня такъ, что недостовало ходовъ.

Въ послѣднее время, передъ выѣздомъ моимъ изъ С.-Петербурга въ Варшаву, я игралъ съ нимъ по четвертаку. — Сыиграешъ, бывало, партій 20 или 30 и онъ возвращался домой съ рублемъ.

Иногда и я ходилъ къ нему.—Онъ жилъ въ Троицкомъ переулкѣ.

У него была привычка играя въ шашки щелкать кедровые орѣшки. Этими орѣшками и я его угощалъ когда онъ приходилъ ко мнѣ.

Бывало, сидитъ себѣ, пощелкиваетъ, да мелкомъ записываетъ выигранныя партіи.

Иногда поморщится. Вы подумаете, что онъ ошибся, — не такъ пошелъ, обрадуетесь.... не тутъ то было. Поморщился онъ оттого, что съѣлъ гнилой орѣшекъ! А ошибался онъ рѣдко.

Велъ игру отлично хорошо, въ особенности въ срединѣ.. — Въ концѣ я игралъ не хуже его. Онъ сознавался даже, что никто лучше меня въ концѣ не умѣлъ воспользоваться малѣйшею возможностію выйти изъ дурнаго положенія и сдѣлать ничью, или не выпустить изъ рукъ побѣды.

Были для меня и такіе счастливые вечера, что изъ 30-ти партій ничьихъ до 20-ти, а выигрышъ ровный.

Привозилъ онъ еще ко мнѣ отличнаго игрока Михайла Ерофеевича Яковлева, но я считаю Андрея Петровича сильнѣйшимъ изъ всѣхъ, съ которыми случалось мнѣ играть.

Я выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Варшаву въ 1840 году и, пріѣзжая въ С.-Петербургъ на короткое время, хотя и видался съ Андреемъ Петровичемъ, но рѣдко удавалось играть съ нимъ.

Въ декабрѣ 1847 года получилъ я отъ него письмо изъ Белебеева, Оренбургской губерніи, слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь,

Александръ Дмитріевичъ.

Вашему Высокородію доношу, что я имѣлъ случай видѣть въ Москвѣ славныхъ шашечныхъ игроковъ, и съ первѣйшимъ изъ нихъ постарался познакомиться покороче. Это московской мѣщанинъ Иванъ Петровичъ Селезневъ и онъ меня полюбилъ и былъ, по приглашенію моему, нѣсколько разъ у меня въ квартирѣ. Играли мы съ нимъ игоръ по 30-ти во всякій присядъ, и я, бравши у него ничью, проигрывалъ ему по цѣлковому (каждая игра была по пятачку серебренному и то для меня, а съ богачами иными онъ играетъ по золотому игру), — ибо рѣдко весьма удавалось и ничью выиграть. А во все время занятій съ нимъ въ игрѣ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, удалось мнѣ настоящихъ игоръ выиграть только пять и ничьихъ до 15-ти. Изо всей Москвы только двое не берутъ у него ничью, но наравнѣ держаться съ нимъ не могутъ и расплачиваются всегда, хотя между тѣмъ и стараются *подпаивать* его, чтобъ легче было съ нимъ играть. Пріятно весьма было

съ нимъ играть, ибо можно было бы отъ него пользоваться, и не знаю найдется-ли гдѣ-нибудь ему равный, развѣ изъ москвичей же кто нибудь у него выучится чаще играющій съ нимъ. Но шашку впередъ онъ давать мнѣ не рѣшался.

Я приглашалъ его въ С.-Петербургъ, обнадеживая, что поѣздка ему съ лишкомъ окупится игрой, ибо мнѣ всѣ игроки извѣстны и одинъ изъ лучшихъ между ними и вамъ извѣстный г. Яковлевъ, съ которымъ я у васъ бывалъ. Не изволите-ли пріѣхать въ январѣ или февралѣ въ будущемъ 1848 году къ масляницѣ, какъ прежде пріѣзжали около того времени со свѣтлѣйшимъ княземъ Варшавскимъ, то можетъ быть и г. Селезневъ къ тому времени пріѣдетъ и его къ вамъ Яковлевъ приведетъ, когда прикажете. А я изъ Петербурга уѣхалъ далеко жить къ своему сыну, въ городъ Белебей, Оренбургской губерніи, за 2,000 верстъ; но если узнаю, что вы побѣдили московскаго перваго игрока Селезнева, то поѣду во что бы ни стало къ вамъ прямо въ Варшаву оспаривать у васъ пальму первенства. Что дѣлать? такова уже у меня страсть. Здѣсь никто не споритъ со мной, хотя и много игроковъ и въ шахматы, и въ шашки, и я безъ денегъ не играю ни съ кѣмъ, дабы не терять напрасно времени, которое скоро летитъ.

Затѣмъ имѣю счастіе поздравить Выше Высокородіе съ наступающими праздниками и новымъ годомъ, всеусерднѣйше желая встрѣтить и проводить оные во всякомъ благополучіи и въ добромъ здоровьи со всемъ почтеннѣйшимъ вашимъ семействомъ.

Вашего Высокородія,

Милостивѣйшаго Государя всепокорнѣйшей слуга

А. Поповъ.

На это письмо я отвѣчалъ ему, что мнѣ весьма пріятно поиграть съ Г. Селезневымъ,—что буду играть съ нимъ по рублю партію и проиграю не болѣе 50 р., но что въ С.-Петербургѣ вѣроятно онъ найдетъ игроковъ, которые будутъ играть съ нимъ и на большія деньги, такъ что поѣздка его туда можетъ окупиться съ барышемъ, и, наконецъ, что дамъ знать ему, если въ 1848 году буду въ С.-Петербургѣ. Но въ 1848 году не удалось мнѣ быть въ С.-Петербургѣ.

Въ 1850 году вновь получилъ письмо отъ Андрея Петровича изъ Бугуруслана, Оренбургской губерніи, въ которомъ онъ писалъ, что лучшіе петербургскіе игроки хотятъ играть съ Г. Селезневымъ на значительные куши, просилъ, чтобы я далъ знать мѣсяца за два впередъ, когда поѣду въ Петербургъ, чтобы и онъ могъ туда пріѣхать къ тому времени.

Но поѣздки мои въ Петербургъ прекратились, и только въ 1853 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, неожиданно былъ вызванъ покойнымъ Генералъ-Фельдмаршаломъ Княземъ Варшавскимъ въ Петербургъ, гдѣ оставался не долго, и въ Москву не имѣлъ времени съѣздить, ни пригласить въ Петербургъ Г. Селезнева.

Не знаю былъ-ли онъ въ Петербургѣ, игралъ-ли съ петербургскими игроками и какой былъ результатъ.

А очень любопытно знать, нашелъ-ли Г. Селезневъ достойныхъ себѣ соперниковъ.

Имена такихъ игроковъ, какъ Селезневъ и Поповъ, должны быть сохранены въ лѣтописяхъ шашечной исторіи.

Андрея Петровича я научилъ какъ можно поймать тремя дамками одну дамку, когда сія послѣдняя не на большой дорогѣ, и не болѣе какъ въ 12 ходовъ. Также показалъ ему способъ выиграть тремя дамками противу одной даже и тогда, когда она на большой дорогѣ, но при ней есть еще простая шашка на клѣткѣ h8.

Напримѣръ:

бѣлыя дамки: h4, h2, g1.

Черныя: дамка a1

простая шашка h8.

Показалъ также штуку какъ можно поддать всѣ 12 шашекъ противу одной въ опредѣленное число ходовъ, по желанію: въ 18, 19, 20, 21 и 22 хода.—Черная шашка становится на крайней линіи, на которой угодно изъ четырехъ клѣтокъ и предоставляется ей первый ходъ.

А Андрей Петровичъ доказалъ мнѣ, что научиться играть хорошо въ простыя шашки вовсе не такъ легко, какъ многіе полагаютъ, и что игра эта требуетъ также большаго расчета. *А. Петровъ.*

Варшава. 10/22 Мая 1861 г.

Въ настоящее время, когда изслѣдованіе различныхъ атакъ и оборонъ Эвансова гамбита такъ сильно занимаетъ теоретиковъ, любителямъ будетъ, надѣемся, любопытно прочесть партію, въ которой этотъ дебютъ былъ впервый разъ употребленъ въ дѣло. Одна играна въ 1853 году морскимъ капитаномъ Эвансономъ противъ знаменитаго шотландскаго игрока Макъ-Доннеля.

ПАРТІЯ № 186.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

	Эвансъ. (Бѣлые).	Макъ-Донель. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	0 — 0	d7 — d6
5)	b2 — b4	c5 — b4°
6)	c2 — c3	b4 — a5
7)	d2 — d4	c8 — g4
8)	d1 — b3	d8 — d7
9)	f3 — g5	c6 — d8
10)	d4 — e5°	d6 — e5°
11)	c1 — a3	g8 — h6
12)	f2 — f3	a5 — b6 +
13)	g1 — h1	g4 — h5
14)	f1 — d1	d7 — c8
15)	d1 — d8°	c8 — d8°
16)	g5 — f7°	d8 — h4
17)	b3 — b5 +	c7 — c6
18)	b5 — e5° +	e8 — d7
19)	e5 — e6 +	d7 — c7
20)	a3 — d6 ✕	

Читая эту партію, невольно дивишься, какъ плохо защищался Макъ-Доннель. Причина, впрочемъ, ясна: найти практически лучшую

или даже сколько-нибудь удовлетворительную защиту противъ новой еще, неизслѣдованной теоріею атаки часто невозможно и самому геніальному игроку. — Послѣ шестнадцатаго хода черныхъ, бѣлые могли форсировать матъ въ три хода, а именно: 17. $\frac{c7-c6+}{c7-c6}$ 18. $\frac{h3-e6+}{h4-e8}$ 19. $\frac{e6-e7\times}{}$

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

СОЧ. КН. С. УРУСОВА.

(статья 14-я)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

НАЧАЛА ИГОРЪ.

ДЕБЮТЪ V.

Шотланскій Гамбитъ

1. $\frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}$ 2. $\frac{\text{G1 — F3}}{\text{B8 — C6}}$ 3. $\frac{\text{D2 — D4}}{}$

Игра 1-я.

3)	c6 — d4°
4) f3 — e5°	d4 — e6

Проще и сильнѣе брать 4. $\frac{\text{f3 — d4°}}{}$: тогда 4. $\frac{}{\text{e5 — d4°}}$ 5. $\frac{\text{d1 — d4°}}{\text{g8 — e7}}$ 6. $\frac{\text{f1 — c4}}{\text{e7 — c6}}$ 7. $\frac{\text{d4 — d5}}{\text{d8 — f6}}$ 8. $\frac{\text{c1 — g5}}{\text{f6 — g6}}$ 9. $\frac{\text{0 — 0}}{\text{d7 — d6}}$ 10. $\frac{\text{b1 — d2}}{\text{f8 — e7}}$ 11. $\frac{\text{g5 — e7°}}{\text{c6 — e7°}}$ 12. $\frac{\text{b5 — d6+}}{\text{c7 — c6}}$ 13. $\frac{\text{b5 — b3}}{\text{0 — 0}}$ 14. $\frac{\text{f2 — f4}}{}$ бѣлые выигрываютъ.

5) f2 — f4 (изъ **Régence**)	f8 — c5
6) e5 — f3	d8 — e7
7) f1 — d3	d7 — d6
8) b1 — c3	c7 — c6

9)	d1 — e2	e6 — d4
10)	f3 — d4°	c5 — d4°
11)	c1 — d2	g8 — f6
12)	h2 — h3	0 — 0
13)	0 — 0 — 0	c8 — d7 игра равна.

Игра 2-я.

3)		e5 — d4°
4)	f3 — d4°	f8 — c5 (лучше c6 — d4°)

Если d8 — h4, то: 5. $\frac{\text{d4 — b5}}{\text{h4 — e4}^\circ +}$ (атака Горвица) 6. $\frac{\text{f1 — e2}}{\text{e8 — d8}}$ 7. $\frac{\text{0 — 0}}{\text{a7 — a6}}$ 8. $\frac{\text{b1 — c3}}{\text{e4 — e8}}$ 9. $\frac{\text{b5 — c7}^+}{\text{d8 — c7}^\circ}$ 10. $\frac{\text{c3 — d5} +}{\text{c7 — d8}}$ 11. $\frac{\text{c1 — e3}}{\text{d7 — d6}}$ 12. $\frac{\text{e3 — b6} +}{\text{d8 — d7}}$ 13. $\frac{\text{e2 — g4} +}{}$ бѣлые выигрываютъ.

5)	c1 — e3	d8 — f6
можно и 5)	$\frac{\text{d4 — f5}}{}$	
6)	c2 — c3	g8 — e7
7)	f1 — c4	c6 — e5
8)	c4 — b3	d7 — d6
9)	h2 — h3	c8 — e6
10)	b1 — d2	e6 — b3°
11)	a2 — b3°	0 — 0
12)	0 — 0	d6 — d5
13)	f2 — f4	e5 — g6
14)	e4 — e5	f6 — b6
15)	b3 — b4	c5 — d4°
16)	e3 — d4°	b6 — e6
17)	a1 — a7° и бѣлые выигрываютъ.	

Игра 3-я.

1. $\frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}$ 2. $\frac{\text{G1 — F3}}{\text{B8 — C6}}$ 3. $\frac{\text{D2 — D4}}{\text{E5 — D4}^\circ}$ 4. $\frac{\text{F1 — C4}}{}$

4)		g8 — f6
5)	0 — 0	f6 — e4°
6)	f1 — e1	d7 — d5
7)	c4 — d5°	d8 — d5°
8)	b1 — c3	d5 — h5
9)	c3 — e4°	f8 — e7
10)	c1 — g5	h7 — h6
11)	g5 — f6	h5 — a5
12)	f6 — g7° и бѣлые выигрываютъ.	

Другія атаки противъ 4. $\frac{}{\text{g8 — f6}}$ слабѣе. Если 5. $\frac{\text{f3 — g5,}}{}$ то 5. $\frac{\text{d7 — d5}}{}$ 6. $\frac{\text{e4 — d5}^\circ}{\text{c6 — e5}}$; если 5. $\frac{\text{e4 — e5,}}{}$ то 5. $\frac{}{\text{d7 — d5}}$ 6. $\frac{\text{c4 — b5}}{\text{f6 — e4}}$.

Игра 4-я.

4) f1 — c4	g7 — g6	11) e3 — d4	c6 — d4°
5) f3 — d4°	f8 — g7	12) d1 — d4°	g8 — f6
6) c1 — e3	d8 — h4	13) b5 — c7°+	e7 — c7°
7) b1 — c3	f7 — f5	14) d4 — f6°	h8 — f8
8) g2 — g3	h4 — e7	15) c4 — b5+	c8 — d7
9) d4 — b5	g7 — c3°+	16) f6 — e6+ и бѣлые выигрываютъ.	
10) b2 — c3°	d7 — d6		

Игра 5-я.

4) . . . . . d7 — d6
5) f3 — d4° c6 — d4°
6) d1 — d4° c8 — e6
7) b1 — c3 e6 — c4°
8) d4 — c4° d8 — d7
9) c1 — e3 c7 — c6
10) 0—0—0 и бѣлые выигрываютъ.

Игра 6-я.

4) . . . . . f8 — e7
5) f3 — d4° g8 — f6
6) d4 — f5 0 — 0
7) f5 — g3 h7 — h6
8) c1 — e3 d7 — d6
9) b1 — c3 c8 — e6 игра равна.

Игра 7-я.

4) . . . . . f8 — b4 +
5) c2 — c3 d4 — c3°
6) b2 — c3° b4 — a5
7) 0 — 0 d7 — d6
8) e4 — e5 g8 — e7
9) c1 — a3 d6 — d5

Или 9. $\frac{e5 - d6^{\circ}}{c7 - d6^{\circ}}$ 10. $\frac{c1 - a3}{d6 - d5}$ 11. $\frac{c4 - d3}{0 - 0}$ 12. $\frac{f1 - e1}{f8 - e8}$ 13. $\frac{f3 - g5}{e7 - g6}$ игра равна.

10) c4 — b5   0 — 0
11) d1 — a4   a5 — b6
12) b5 — c6°   b7 — c6°
13) a3 — e7°   d8 — e7°
14) a4 — c6°   e7 — c5 игра равна.

Перемѣна на 6-й ходъ бѣлыхъ.

6) 0 — 0   c3 — b2° (A и B)
7) c1 — b2°   e8 — f8
8) a2 — a3   b4 — a5
9) e4 — e5   b7 — b6
10) d1 — d5   d8 — e7

Или: 10. $\frac{d1 - b3}{d8 - e7}$ 11. $\frac{b1 - c3}{a5 - c3°}$ 12. $\frac{b3 - c3°}{c8 - b7}$ 13. $\frac{a3 - a4}{c6 - b4}$ 14. $\frac{f3 - d4}{a7 - a5}$ 15. $\frac{f2 - f4}{g8 - h6}$ и черные выигрываютъ.

11) b1 — c3   c8 — b7
12) c3 — b5   c6 — d8
13) d5 — d3   d8 — e6
14) f3 — d4   a7 — a6
15) d4 — f5   e7 — g5 черные выигрываютъ.

(A.)

6) . . . . .   d7 — d6
7) a2 — a3   b4 — a5
8) b2 — b4   a5 — b6
9) d1 — b3   d8 — f6
10) b1 — c3°   g8 — e7
11) c3 — d5   e7 — d5°
12) e4 — d5°   c6 — e7
13) f1 — e1   h7 — h6
14) c1 — b2   f6 — g6
15) e1 — e2 а потомъ f3 — d4 и бѣлые выигрываютъ.

(B.)

6) . . . . .   g8 — f6
7) a2 — a3   b4 — a5
8) b2 — b4   c3 — c2
9) d1 — c2°   a5 — b6
10) e4 — e5   d7 — d5
11) e5 — f6°   d5·

12) f6 — g7° h8 — g8
13) c2 — h7° и выигрываютъ.

Игра 8-я.

1. $\frac{\text{E2 — E4}}{\text{E7 — E5}}$ 2. $\frac{\text{G1 — F3}}{\text{B8 — C6}}$ 3. $\frac{\text{D2 — D4}}{\text{E5 — D4°}}$ 4. $\frac{\text{F1 — C4}}{\text{F8 — C5.}}$

Первая атака.

5)	f3 — g5	d7 — d5 лучшій ходъ		
6)	e4 — d5°	c6 — e5		
7)	d1 — e2	d8 — e7		
8)	g5 — e4	e5 — c4°		
9)	e4 — c5°	e7 — e2° +		
10)	e1 — e2°	c4 — b6		
11)	c5 — b3	b6 — d5°		
12)	b3 — d4°	c8 — g4 +		
13)	f2 — f3	g4 — h5		
14)	h1 — e1	0—0—0		
15)	e2 — f2	h5 — g6		

игра равна.

Вторая атака.

5) 0 — 0 d7 — d6

Если g8 — f6, то 6. $\frac{\text{e4 — e5}}{}$ 7. $\frac{\text{e5 — f6°}}{\text{d5 — c4°}}$ 8. $\frac{\text{f6 — g7°}}{\text{h8 — g8}}$ 9. $\frac{\text{f1 — e1 +}}{\text{c5 — e7}}$ или 8. $\frac{\text{f1 — e1 +}}{\text{e8 — f8}}$ 9. $\frac{\text{c1 — g5}}{\text{g7 — f6°}}$ 10. $\frac{\text{g5 — h6 +}}{\text{f8 — g8}}$ 11. $\frac{\text{f3 — d2}}{}$ сильная атака.

6)	f3 — g5 (см. Перемѣну)	c6 — e5		
7)	c4 — b3	g8 — h6		
8)	h2 — h3	0 — 0		
9)	f2 — f4	d4 — d3 +		
10)	g1 — h1	d3 — c2°		
11)	d1 — c2°	d8 — f6		
12)	b1 — d2	e5 — g6		
13)	e4 — e5	f6 — e7		
14)	d2 — e4	c8 — f5		
15)	g2 — g4	f5 — e4°		
16)	c2 — e4°	d6 — e5°		
17)	f4 — f5	g6 — f4		
18)	f5 — f6	бѣлые выиграли.		

Перемѣна на 6-й ходъ бѣлыхъ.

6) c2 — c3 d4 — c3°

Всего лучше d4 — d3 или c8 — g4, но g8 — f6 слабо.

7) d1 — b3 d8 — f6

Или: 7. $\frac{\text{b1 — c3°}}{\text{g8 — e7}}$ 8. $\frac{\text{f3 — g5}}{\text{c6 — e5}}$ (Если 8. $\frac{\text{c3 — d5}}{}$, то должно брать 8. $\frac{}{\text{e7 — d5°}}$ 9. $\frac{\text{e4 — d5°}}{\text{c6 — e7}}$ 10. $\frac{\text{b2 — b4}}{\text{c5 — b6}}$ 11. $\frac{\text{c1 — b2}}{\text{0 — 0}}$ и удержать пѣшку) 9. $\frac{\text{g1 — h1}}{\text{e5 — c4°}}$ 10. $\frac{\text{d1 — a4 +}}{\text{c7 — c6}}$ 11. $\frac{\text{a4 — c4°}}{\text{0 — 0}}$ 12. $\frac{\text{e4 — e5}}{\text{5c — b6}}$ 13. $\frac{\text{e5 — e6}}{\text{f7 — e6°}}$

14. $\frac{g5 - e6°}{c8 - e6°}$ 15. $\frac{c4 - e6° +}{g8 - h8}$ 16. $\frac{c1 - g5}{f8 - e8}$ 17. $\frac{a1 - e1}{}$ и бѣлые выигрываютъ.

8) b1 — c3°	g8 — e7	13) g5 — e3	c5 — e3°
9) c1 — g5	f6 — g6	14) e1 — e3°	e8 — f7
10) c3 — d5	e7 — d5°	15) f3 — h4	g6 — g4
11) e4 — d5°	c6 — e7	16) a1 — e1	h8 — e8
12) f1 — e1	f7 — f6	17) c4 — b5 и бѣлые выигрываютъ.	

Третья атака.

5) c2 — c3 g8 — f6 (см. Варіянты)
6) c1 — g5 d7 — d6
(A, B, C)
7) c3 — d4° c5 — b6
8) b1 — c3 c8 — g4
9) c4 — b5 0 — 0
10) b5 — c6° b7 — c6°
11) 0 — 0 бѣлые выигрываютъ.

(A.)

6) 0 — 0 f6 — e4°
7) f1 — e1 d7 — d5
8) e1 — e4° + d5 — e4°
9) f3 — g5 e4 — e3
10) g5 — f7° d8 — h4
11) f7 — h8° h4 — f2° +
12) g1 — h1 c8 — g4
13) d1 — f1 f2 — f1° +
14) c4 — f1° e3 — e2 черные выигрываютъ.

(B.)

6) c3 — d4° c5 — b4 +
7) e1 — f1 d7 — d5

Если f6 — e4°, то 8. $\frac{d4 - d5}{c6 - a5}$ 9. $\frac{c4 - d3}{e4 - d6}$ 10. $\frac{a2 - a3}{}$.

8) e4 — d5° f6 — d5°

9)	b1 — c3	b4 — c3°
10)	b2 — c3°	0 — 0
11)	c4 — d3	h7 — h6
12)	c1 — b2	d5 — f6
13)	h2 — h3	бѣлые выигрываютъ.

(C.)

6)	e4 — e5	d7 — d5
7)	c4 — b5	f6 — e4
8)	c3 — d4°	c5 — b6
9)	b1 — c3	e4 — c3°
10)	b2 — c3°	0 — 0
11)	d1 — c2	f7 — f6
12)	b5 — d3	f6 — f5 игра равна.

Варіантъ 1-й.

5)		d7 — d6
6)	c3 — d4°	c5 — b6
7)	b1 — c3	g8 — f6
8)	0 — 0	0 — 0
9)	c4 — b3	c8 — g4
10)	c1 — e3	d8 — e7
11)	d1 — d3	g4 — f3°
12)	g2 — f3°	e7 — d7
13)	g1 — g2	f6 — h5
14)	c3 — d2	c6 — e7
15)	e2 — g3	h5 — g3°
16)	h2 — g3°	d6 — d5
17)	f1 — h1	c7 — c6
18)	h1 — h5	и бѣлые выигрываютъ.

Варіантъ 2-й.

5)		d8 — e7
6)	0 — 0	d4 — c3°
7)	b1 — c3°	d7 — d6
8)	c3 — d5	e7 — d8
9)	b2 — b4	c5 — b6
10)	c1 — b2	и бѣлые выигрываютъ.

Варіянтъ 3-й.

5) . . . . . d4 — d3
6) b2 — b4 c5 — b6
7) b4 — b5 c6 — a5
8) c4 — d3° d7 — d6
9) c3 — c4 c8 — g4
10) c1 — b2 g8 — f6
11) h2 — h3 g4 — h5
12) b1 — d2 0 — 0
13) 0 — 0 c7 — c6
14) a2 — a4 b6 — c7
15) d1 — c2 b7 — b6
16) f3 — d4 c6 — c5
17) d4 — f5 h5 — g6
18) g2 — g4 h7 — h5
19) g4 — g5 f6 — h7
20) f2 — f4 f7 — f6
21) h3 — h4 и бѣлые выигрывають.

Изъ всего анализа шотландскаго гамбита слѣдуетъ, что лучшая защита противъ 4. f1 — c4 есть f8 — b4 +, а слѣдовательно лучшій ходъ бѣлыхъ есть 4. f3 — d4°, противъ котораго защиты нѣтъ.

(Продолженіе впредь.)

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 71.

1) d2 — d3 + c4 — d3° (A.)
2) d6 — e5 + e4 — f3° (B.)
3) f5 — d4 + и куда бы король ни пошелъ,
4) e5 — g3 ✕

(A.)

1) . . . . e4 — f3°
2) f5 — d4 + и куда бы король ни пошелъ,
3) d6 — g3 ✕

(B.)

2) . . . . f6 — e5°
3) f3 — g5° + e4 — d5
4) e3 — e4 ✕

№ 72.

1) f6 — d6 e7 — d6° (A) (B) (C)
2) d3 — e3 + e5 — d5
3) g5 — e7 d5 — c5
4) e3 — e5 ⨳

(A.)

1) . . . . e7 — e6
2) d3 — d2
3) d2 — e2 ⨳

(B.)

1) . . . . c4 — d3°
2) g5 — f4 + e5 — e4
3) d6 — d4 ⨳

(C.)

1) . . . . e5 — e4
2) d3 — e3 ⨳

№ 73.

1) d5 — d4 + e6 — d4° (A.)
2) b2 — g2 d6 — d5
3) e4 — d5° какъ угодно.
4) g2 — g8 или / a1 — d4° ⨳

(A.)

1) . . . . e6 — g7
2) d4 — g7° + h8 — g7°
3) b2 — g2 + g7 — f8 (B.)
4) g2 — g8 ⨳

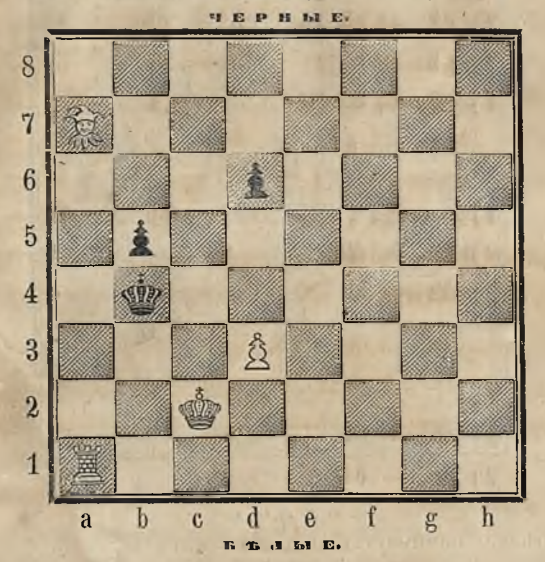
(B.)

3) . . . . g7 — h6°
4) a1 — g7 ⨳

Задачи.

№ 84.

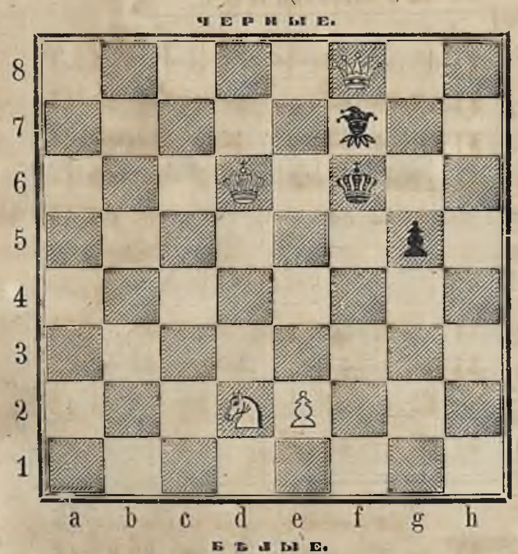
С. А. ЯЦКЕВИЧА (въ Одессѣ).



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 85.

ВИЛЬМЕРСА (въ Вѣнѣ).

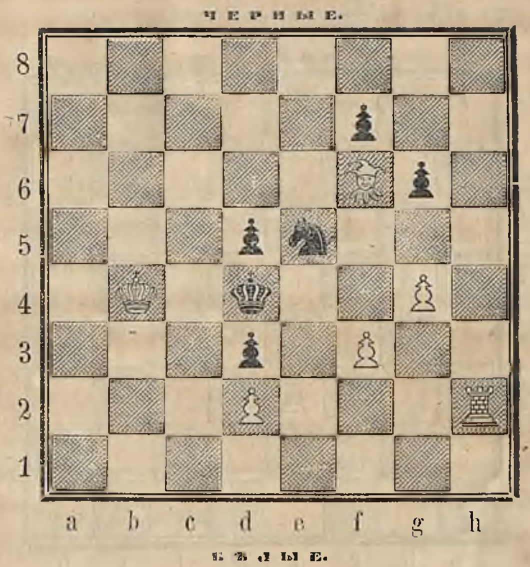


Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 86.

С. А. ЯЦКЕВИЧА (въ Одессѣ).

ЧЕРНЫЕ.



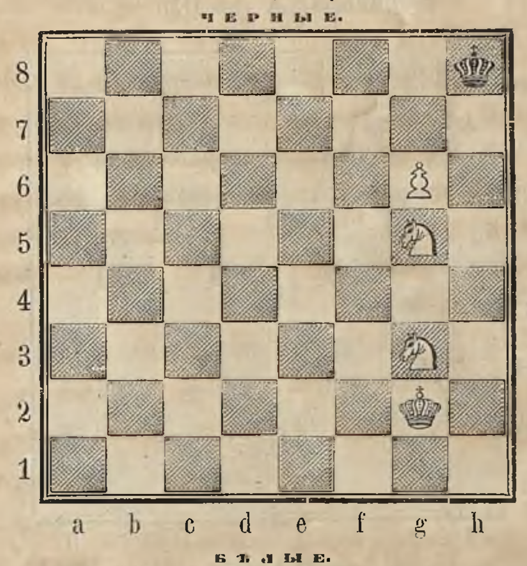
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 87.

Г-НА РИХТЕРА (въ Бреславлѣ).

ЧЕРНЫЕ.

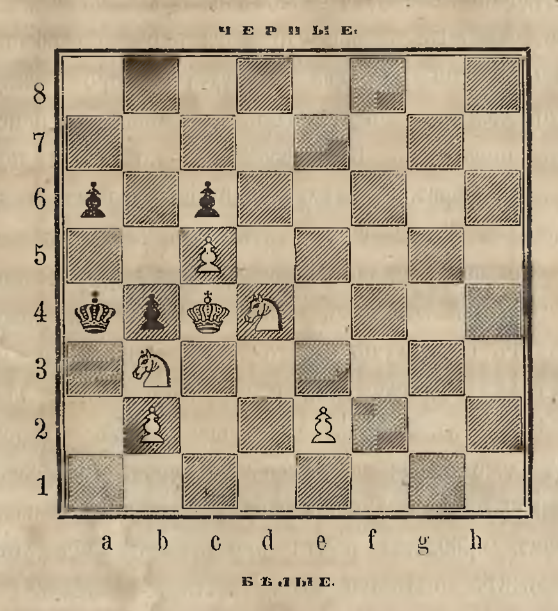


БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 88.

С. А. ЯЦКЕВИЧА (въ Одессѣ



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корресподенція. *Д. П. К—ву* (въ Пензѣ). Сочиненіе г-на Яниша «Analyse Nouvelle des ouvertures du jeu des échecs» дѣйствительно не находится здѣсь болѣе въ продажѣ; но его можно выписать изъ Лондона отъ тамошнихъ книгопродавцевъ Уильямса и Норгэта (Williams and Norgate, London Henrietta Street Coventgarden); для этого Вамъ всего удобнѣе будетъ обратиться къ Петербургскому книгопродавцу Исакову. Цѣна означенному сочиненію, сколько намъ извѣстно, 11 шиллинговъ.

Г. С. А—ву (въ Москвѣ). Вы ошибаетесь, полагая, что выиграли бы партію, подвинувъ тридцать вторымъ ходомъ пѣшку на d3; тогда бѣлымъ стоитъ только не брать коня, а играть 33. $\frac{c2-b5^{\circ}+}{e8-e6}$ 34. $\frac{b5-e6^{\circ}+}{d6-e6^{\circ}}$, а затѣмъ конь Вашъ все-таки потерянъ и бѣлые имѣютъ лишнюю ладью; если же вмѣсто 33. $\frac{}{e8-e6}$ уйдете королемъ, то матъ въ 3 хода, точно такимъ способомъ, какъ Вы сами показали въ примѣчаніи къ двадцать девятому ходу.

С. А. Яц—чу. Три изъ присланныхъ Вами задачъ напечатаны въ настоящемъ Листкѣ. Изложить здѣсь подробно наше мнѣніе о нихъ было бы неудобно потому, что это навело бы читателей на путь къ рѣшенію; скажемъ только, что хотя они не особенно трудны, но весьма остроумны и едва ли будутъ скоро разгаданы. Двѣ остальныя проблемы не могутъ быть, къ сожалѣнію, напечатаны по слѣдующимъ причинамъ. Въ первой изъ нихъ Вы не изволили показать какимъ образомъ слѣдуетъ играть бѣлымъ, если на первый ходъ ихъ 1. $\frac{e2-e5}{}$ черные отвѣтятъ 1. $\frac{}{e8-d8}$; если возьмутъ коня, то ладья даетъ два шаха подъ рядъ и мата въ четыре хода нѣтъ; давать шахъ ферземъ на d1 тоже нельзя: ладья просто возьметъ его; лучше всего брать ладью, но во всякомъ случаѣ, проблема рѣшится тогда совершенно инымъ путемъ. Стало быть ходъ 1. $\frac{}{e8-d8}$, составляетъ существенный варьянтъ, а редакція Листка уже имѣла честь сообщать своимъ корреспондентамъ, что такого рода варьянты непремѣнно должны быть показаны самимъ авторомъ проблемы и что при невыполненіи этого условія задача не можетъ быть напечатана. Что же касается проблемы № 3, то мы просто не могли прочесть ее; хотя письмо Ваше писано весьма четко и красиво, но бумага до такой степени тонка, что во многихъ мѣстахъ чернила просвѣчиваютъ насквозь, вслѣдствіе чего нѣкоторыхъ буквъ разобрать невозможно; къ числу ихъ принадлежитъ означеніе второй шашки третьей проблемы.

О ПЕРВОМЪ ВЫПУСКѢ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Вышелъ и раздается гг. подписчикамъ первый выпускъ «ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ», заключающій въ себѣ слѣдующія сочиненія: А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО:—романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедія «Ипохондрикъ.»

Въ отдѣльной продажѣ цѣна этого выпуска **ТРИ р.**, на пересылку за два фунта; а по подпискѣ на нижеозначенныхъ условіяхъ.

Каждая изъ вышеозначенныхъ піесъ издана и отдѣльно въ шестнадцатую долю листа, въ одинъ столбецъ, и продается по 1 руб. сер., за пересылку на одинъ фунтъ.

Предпринятое съ 1861 г. изданіе «ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ» имѣетъ цѣлью — совмѣстить въ себѣ всѣ классическія произведенія отечественной литературы и удовлетворить тѣмъ современной потребности образованія полныхъ библіотекъ какъ публичныхъ, такъ и частныхъ, преимущественно въ нашихъ провинціяхъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности получить какого либо сочиненія, вышедшаго изъ продажи.

Такъ какъ дороговизна русскихъ изданій составляетъ главнѣйшую причину слабаго распространенія ихъ между недостаточными классами русской публики, болѣе другихъ нуждающимися въ способахъ для сво-

его образованія и для изученія своей отечественной литературы,—то для наибольшаго распространенія, настоящее изданіе «ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ», подобно таковымъ же заграничнымъ, печатается въ два столбца компактной, но четкой печати, что удешевляетъ расходы на бумагу и печатаніе на 50%, а слѣдовательно даетъ возможность на соотвѣтственное пониженіе и продажной цѣны изданія.

Въ порядкѣ изданія сочиненій русскихъ авторовъ не будетъ соблюдаемо хронологической постепенности, а сначала будутъ издаваемы преимущественно сочиненія авторовъ, не бывшихъ еще изданными въ полномъ собраніи; въ 1861 г. будетъ издано не менѣе трехъ выпусковъ, а въ послѣдующіе годы число выпусковъ увеличено будетъ до 10 и болѣе въ теченіе года; вслѣдъ за окончаніемъ печатанія сочиненій А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО будутъ изданы сочиненія русскихъ сатириковъ, какъ-то: Антіоха Кантеміра, Фонъ-Визина, Грибоѣдова и другихъ.

Каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ отъ 35 до 50 печатныхъ листовъ in 4°. Число выпусковъ, приблизительно, будетъ простираться до 50.

Издаваемые въ 1861 году три выпуска будутъ заключать въ себѣ сочиненія А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО, *просмотрѣнныя и передѣланныя авторомъ.* (Съ портретомъ автора).

Во второй выпускъ войдутъ: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и разсказы: «Мг. Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ, комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя». (Всего до 50 печатныхъ листовъ обыкновеннаго формата).

Въ третій выпускъ войдутъ: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной первой главой 2 части: драма «Горькая Судьбина», и новая повѣсть «Старческій грѣхъ». (Всего 45 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата).

НА ИЗДАНІЕ «СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:

Уплачивается при подпискѣ три руб. сер. за право получать какъ имѣющіе выйдти въ свѣтъ въ 1861 году три выпуска «Собранія Со-

чиненій Русскихъ Авторовъ», такъ и всѣ послѣдующіе выпуски этого изданія (35-50 листовъ каждый), уплачивая потомъ за каждый выпускъ только по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ 2 руб.; въ отдѣльной же продажѣ каждый выпускъ будетъ стоить не менѣе 2 руб. 50 коп. сер., смотря по суммѣ, за которую будетъ пріобрѣтаемо право на изданіе сочиненій того или другаго автора. Затѣмъ, послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго собранія сочиненій Русскихъ авторовъ», выданы будутъ подписчикамъ безплатно.

Подписавшіеся на полученіе «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» и уплатившіе только подписную сумму, благоволятъ выслать за первый томъ съ пересылкою 2 руб. сер.

На полученіе всѣхъ выпусковъ изданія «Полнаго Собранія Сочиненій Русскихъ Авторовъ» по 1 руб. 50 коп., а съ пересылкою по почтѣ по 2 руб., безъ уплаты впередъ трехъ рублей,—предоставляется право: студентамъ всѣхъ русскихъ университетовъ и кромѣ того: 1) военно-учебнымъ заведеніямъ, полковымъ и корпуснымъ библіотекамъ; 2) учебнымъ заведеніямъ духовнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія, между прочимъ: женскимъ гимназіямъ, уѣзднымъ училищамъ и проч. 3) женскимъ институтамъ, кромѣ содержимыхъ частными лицами; 4) сельскимъ и уѣзднымъ библіотекамъ; 5) училищамъ и учебнымъ заведеніямъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и 6) всѣмъ подписчикамъ съ 1861 года на вышеозначенный журналъ «Русскій Міръ», которые, получая каждогодно по одному тому изданія *безплатно* и имѣя право пріобрѣтать остальные по выбору, платя только по 1 руб. 50 коп. за томъ, могутъ такимъ образомъ составить себѣ избранную библіотеку за весьма небольшую сумму, или даже и *безплатно*—изъ получаемыхъ ими каждогодно въ премію томовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С. Петербургѣ: въ конторѣ изданія, при музыкальномъ магазинѣ Ѳ. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта.

Въ Москвѣ: въ магазинахъ—книжномъ Базунова и музыкальномъ—Ленгольда.

Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ С. Петербургъ, въ магазинъ Ѳ. Стелловскаго.

О ПОЛУГОДОВОЙ ПОДПИСКѢ

НА

РУССКІЙ МІРЪ,

ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ и ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

(Журналъ выходитъ два раза въ недѣлю. Всего 102 номера въ годъ).

Согласно утвержденной программѣ, въ журналъ входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. ПОЛИТИЧЕСКІЙ, въ которомъ помѣщаются: политическія обозрѣнія и извѣстія, и статьи политическаго содержанія.

II. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ, состоящій изъ статей научныхъ, излагаемыхъ популярно, романовъ, повѣстей, разсказовъ русскихъ и переводныхъ, стихотвореній, статей юмористическаго содержанія и т. п.

III. КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ, гдѣ помѣщаются разборы отдѣльно-выходящихъ книгъ и обозрѣнія нашихъ журналовъ.

IV. АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА, В. С. Пенькова, заключающая въ себѣ извѣстія и статьи по предмету общественнаго кредита, торговли и промышленности, и акціонерныхъ обществъ, съ разборомъ публикуемыхъ ими отчетовъ.

и V. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ, гдѣ, кромѣ офиціальныхъ извѣстій, сообщаются извѣстія о явленіяхъ общественной жизни, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ у насъ въ столицахъ и провинціяхъ, такъ и за границей; между прочимъ, театральныя и музыкальныя извѣстія и фельетонъ.

Журналъ выходитъ два раза въ недѣлю; по Средамъ—въ одинъ печатный листъ и по Субботамъ—брошюрами въ 3—4 печатныхъ листа большаго формата, всего же въ годъ 102 номера. При двухъ выпускахъ въ недѣлю, журналъ имѣетъ возможность сообщать извѣстія быстрѣе, нежели всѣ другія изданія, не считая ежедневныхъ газетъ, и равняясь, по объему, нашимъ большимъ ежемѣсячнымъ изданіямъ, по цѣнѣ (6 руб. сер. въ годъ, а съ пересылкою 8 руб.) общедоступенъ.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики на полученіе журнала «Русскій Міръ» получаютъ каждогодно, въ видѣ ПРЕМІИ, БЕЗПЛАТНО, по выбору, ОДИНЪ изъ ВЫПУСКОВЪ предпринятаго съ 1861 г. изданія «ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ», такъ что они постепенно могутъ составить БЕЗПЛАТНО избранную библіотеку изъ сочиненій русскихъ авторовъ. Кромѣ полученія каждогодно въ премію по одному выпуску «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ», всѣ годовые подписчики на газету «Русскій Міръ» имѣютъ право, наравнѣ съ подписчиками на самое означенное изданіе, получать по 1 р. 50 к., а съ пересылкою — по 2 р., каждый выпускъ, цѣна котораго въ отдѣльной продажѣ будетъ значительно дороже и не менѣе 2 р. 50 к.

Вышедшій нынѣ и раздающійся подписчикамъ на «Русскій Міръ» первый выпускъ «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ», состоитъ изъ перваго тома сочиненій А. Ѳ. Писемскаго, заключающаго: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ» и комедію «Ипохондрикъ».

Кромѣ того годовые подписчики на «Русскій Міръ» въ 1861 г. получаютъ БЕЗПЛАТНО «Положеніе» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, съ ПОДРОБНЫМЪ ОГЛАВЛЕНІЕМЪ и въ бумажномъ переплетѣ.

Выписывающіе журналъ «Русскій Міръ» съ МУЗЫКАЛЬНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ получатъ въ теченіи года 50 музыкальныхъ сочиненій, состоящихъ изъ пьесъ для фортепіано въ двѣ и четыре руки, этюдовъ, танцевъ, романсовъ для пѣнія и проч. и, въ видѣ ПРЕМІИ на выборъ, одну изъ нижеслѣдующихъ оперъ, въ аранжировкѣ для фортепіано: АСКОЛЬДОВА МОГИЛА, ТРАВІАТА, ТРУБАДУРЪ, МАРТА и СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ, вновь арранжир. г. К. Петровымъ. Желающіе могутъ получать безплатно въ премію, вмѣсто оперы

еще одинъ изъ выпусковъ «Полнаго Собранія сочиненій Русскихъ Авторовъ».

Въ вышедшихъ 40 номерахъ, между прочимъ, помѣщены: «Старческій грѣхъ», повѣсть А. Ѳ. Писемскаго, «Записки изъ Мертваго Дома», Ѳ. М. Достоевскаго, «Торныя Дороги», повѣсть, Вс. В. Крестовскаго, «Аполлонъ, Любовь и Полиція», разсказъ А. Иванова, «Изъ армейскаго быта», повѣсть П. Шлихтера, «Бунтъ Гонты и Желѣзняка» эпизодъ изъ исторіи Малороссіи, Н. Покровскаго, «Принцъ Оттонъ Ульрихъ Брауншвейгскій», истор. очеркъ С. Н. Шубинскаго, «Невольничество въ Соединенныхъ Штатахъ», «О возрожденіи чешской литературы» А. Ходзько, «Германія и Шлезвигъ-Голштинскій вопросъ», «Хлопчато-бумажный вопросъ въ Англіи», «Восемнадцать мѣсяцевъ царствованія Франциска II», «Любопытный процессъ о разводѣ», «Извлеченіе изъ лекцій профессора Соколовскаго о развитіи архитектуры христіанскихъ религіозныхъ зданій», «Мармонизмъ и Соединенные Штаты», «Петръ I въ Англіи», «Русская историческая литература о царствованіи Петра I»; стихотворенія: В. Г. Бенедиктова, Л. А. Мея, В. В. Крестовскаго, Д. Д. Минаева и др.

Въ послѣдующихъ номерахъ, между прочимъ, помѣщены будутъ: романъ Вс. Крестовскаго: «Не первый и не послѣдній», новый переводъ «Гамлета», въ стихахъ, М. В. Загуляева, и два переводные романа съ французскаго—«Парижскіе патриціи», и съ англійскаго, недавно вышедшій въ свѣтъ романъ, извѣстной писательницы, Джоржа Эліотта,—«Силасъ Морнеръ».

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ при вышедшихъ номерахъ состояли изъ слѣдующихъ піесъ:

Beethoven, L. van. Cèlèbre sonate, op. 90. **Heller. Steph.** Etudes mèlodiques op. 45 liv. 3. **Chopin. Fr.** Quatre mazurkas, op. 17. **Petroff.** Solo de violon et Trio finale de l'opèra: Lombardi, de Verdi. **Дютшъ О.** «Что жизнь для насъ». Романсъ изъ оперы Кроатка или Соперницы. **Lanner.** Valse (Marien-Walzer), op. 143. **Dütsch. O.** «Nos adieux à M-me Ristori. Polka. **Демидовъ. Г.** Маршъ въ «четыре руки. **Voss, Ch.** Le carnaval de Venise. Variations burlesques op. 51. **Jungmann.** Le mal dn pays. Melodie. **Fild.** Quartrième nocturne, **Gung'l.** Schönbrunner-Quadrille. **Weber. C. M.** Rondo brillant. op. 62. **Mendelssohn-Bartholdy.** Frühlings-Lied à quatre mains. **Lysberg.** La Napolitana. Pièce de Salon. **Strauss.** Весна. Polka-masurka. **Дерфельдтъ.** Звѣздное небо. Романсъ, **Billet.** Le Rossignol. Etude des trilles. **Глинка.** Дѣтская полька.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На ГОДЪ, безъ музыкальныхъ приложеній и безъ доставки .	6 р.
Съ доставкою на домъ	7 »
— пересылкою по почтѣ	8 »

На **ПОЛГОДА** уплачивается половина означенныхъ цѣнъ.

Въ теченіи лѣта журналъ доставляется и на дачи.

За музыкальныя приложенія прибавляется къ годовымъ цѣнамъ журнала 4 руб. сер. (что составляетъ, среднимъ числомъ, по 8 коп. сер. за пьесу, съ пересылкою по почтѣ). Подписка на журналъ съ музыкальными приложеніями принимается не иначе какъ **НА ГОДЪ**.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА:

Въ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ главной конторѣ журнала «Русскій Міръ», въ музыкальномъ магазинѣ Ѳ. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта, № 27.

Въ книжномъ магазинѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, у Казанскаго моста.

Въ МОСКВѢ: въ магазинахъ — книжномъ Базунова и музыкальномъ—Ленгольда. Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ главную контору журнала.

Редакторъ **А. Гіероглифовъ.**
Издатель **Ѳ. Стелловскій.**

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 22-го іюня 1861 г. Ценсоръ *Е. Волковъ.*

Въ типографіи И. Тиблена. и комп.

